

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В 21 ВЕКЕ

Научные редакторы
А. Миллер, М. Липман

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2002

ББК 71.04
УДК 930.85
И 84

И 84 Историческая политика в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 648 с.

ISBN-86793-054-8

Механизмы формирования и использования коллективной памяти активно изучаются на протяжении многих десятилетий. Эта тема приобрела особую актуальность в последние годы, когда мы стали свидетелями настоящих «исторических войн» внутри отдельных стран и в международных отношениях. На страницах этой книги авторы из 11 стран обсуждают политическое использование прошлого в новом, XXI веке. В фокусе внимания этой книги, и в этом новизна ее подхода, механизмы и субъекты исторической политики. Особое внимание уделено России и странам Восточной Европы. Книга адресована историкам, политологам и широкому читателю.

ББК 71.04
УДК 930.85

СМЫСЛ И ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

© Авторы, 2012
© Новое литературное обозрение, 2012

Алексей Миллер

Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в.

В начале 1980-х гг. новый канцлер ФРГ Гельмут Коль, защитивший в молодости докторскую диссертацию по истории, сделал ревизию некоторых ключевых трактовок недавнего прошлого Германии важным элементом своей политики «морально-политического поворота». Она должна была, под флагом укрепления немецкого патриотизма, упрочить его победу над социал-демократами также и в сфере официального исторического дискурса. Критики этой политики в ходе полемики, превратившейся вскоре в знаменитый *Historikerstreit*, то есть «спор, или сражение историков», дали ей название *Geschitspolitik*¹.

В 2004 г. группа польских историков, в политическом отношении близких партии братьев Качиньских «Право и Справедливость», заявила о необходимости проведения в Польше активной *исторической политики* (*polityka historyczna*). Они сознательно выбрали в качестве лозунга буквальный перевод того понятия *Geschitspolitik*, которое в Германии выступало в роли сугубо негативного ярлыка и никогда не использовалось для самоопределения сторонниками Коля². Можно сказать, что именно тогда обрел свое имя тот феномен резкой интенсификации использования истории в политических целях, который в первые годы XXI в. стал характерен для всех стран Восточной Европы³. Вскоре понятие *историческая политика* получило распространение в соседних с Польшей странах.

В определенном смысле явление, о котором идет речь, является частным случаем глобальной тенденции *политизации истории* и одним из многочисленных примеров повышенного внимания и политических практиков, и исследователей к *политике памяти*⁴. Скорее всего, каждый отдельный элемент политического использования истории в Восточной Европе в последнее десятилетие имеет аналоги в других регионах мира⁵, а каждая из стран Восточной Европы имела собственную специфику политического использования истории. Вместе с тем по-своему уникально сочетание всех этих элементов политизации истории в одном регионе, интенсивность заимствования методов и форм этой политики между соседними странами и создание в последнее десятилетие механизма ее эскалации в сфере межгосударственных отношений и внутри каждой страны. Почему бы нам в этой ситуации не совершить с понятием *историческая политика* очередную манипуляцию и не использовать его как исследовательский термин для обозначения региональной специфики политизации истории в Восточной Европе в первое десятилетие XXI в.⁶

После коммунизма и после империи. *Post hoc ergo propter hoc?*

Прежде всего, отметим некоторые особенности, унаследованные регионом от послевоенных десятилетий господства коммунистических режимов. Освещение многих страниц недавней истории, особенно истории межвоенного периода и Второй мировой войны, подвергалось жесткой цензуре во всех коммунистических странах. Отчасти это было результатом борьбы с противниками режима, отчасти — стремлением «облагородить» историю коммунистического движения. Хотя коммунисты как таковые, как правило, не были замешаны в Холокосте, история истребления евреев повсеместно замалчивалась, главным образом, по идеологическим «антисионист-

ским» мотивам, часто из-за болезненного вопроса участия местных жителей в этом преступлении. Также табуировались темы этнических конфликтов предвоенного и военного времени как неуместные в условиях «братства народов социалистического лагеря».

Однако само по себе наличие обширных «белых пятен», которые во многих случаях более верно было бы назвать «минными полями» коллективной памяти, равно как и всплеск националистических эмоций в ходе распада Варшавского договора, а затем и СССР, не могут служить достаточным объяснением резкой активизации исторической политики в двухтысячные годы. К началу XXI в. большинство прежде табуированных тем уже давно стали предметом многочисленных исследований и расхожей темой средств массовой информации. Новые национальные нарративы были внедрены в официальный дискурс и в школьные учебники; старые памятники в основном повержены, а новые, отражающие, в меру понимания их создателей, национальную гордость, водружены.

Среди множества перемен, происшедших после распада коммунистической системы, стоит особо выделить новое положение историков и истории в обществе. Об исторической *политике* в строгом смысле слова следует говорить только применительно к обществам демократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим — тем, которые демонстрируют приверженность — хотя бы частичную — демократическим ценностям, в том числе свободе слова. Собственно, именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных политических акторов, партий и точек зрения. В авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах всеобъемлющей цензуры и административного контроля над профессиональной историографией. «Инакомыслящие» историки подвергались проработке на партсобраниях, а упорствующие изгонялись из профессии.

В обществе, претендующем на то, чтобы быть демократическим, все эти механизмы меняются. В отличие от прежней коммунистической системы партии-государства, группа или партия, которым принадлежит власть в данный момент, перестают быть тождественны Государству. Общественная сфера становится плюралистической, власть уже не может претендовать на тотальный контроль над ней, тем более на репрессивный контроль. Утверждается новый набор официальных норм. Плюралистической становится школа, в которой учитель истории, соблюдая образовательный стандарт, должен обладать свободой в выборе учебника и трактовки изучаемых событий и процессов. Школа, как правило, законодательно защищена от влияния политических партий. Историк в его научной деятельности должна быть обеспечена независимость и интеллектуальная свобода. Государственные средства, выделяемые на исторические исследования, должны распределяться на основе экспертных решений самого профессионального сообщества. Государственное финансирование школы и исследований не предполагает права той группы или партии, которая в данный момент стоит у власти, диктовать содержание преподавания и исследований, поскольку это не деньги данной партии, а бюджет страны, сформированный из налогов граждан; политическая сила, стоящая у власти, не может претендовать на идеологическую монополию. Доступ к архивам должен быть равным для всех и регулироваться законом, а не административными решениями.

Прежняя система строгого партийного контроля над исторической наукой, историческими публикациями и преподаванием истории в школе была разрушена сразу после краха коммунистических режимов. Можно сказать, что 1990-е гг. во многих странах Восточной Европы были своеобразным переходным периодом: историков пустили на вольные хлеба, как правило, впрочем, весьма скудные. У политиков и руки не доходили, и ресурсов не было для активного вмешательства в эту сферу. К тому же политическим деятелям еще только пред-

стояло освоить все богатство репертуара и возможностей исторической политики.

Конечно, далеко не все посткоммунистические общества стали подлинно демократическими. Более или менее устойчивые демократические системы удалось построить лишь тем странам, которые получили прямую перспективу членства в НАТО и ЕС, а затем были приняты в эти структуры. Те страны, которые остались за бортом расширения ЕС, все же демонстрировали разные варианты политического плюрализма и *мягкого* авторитаризма, опирающегося в большей степени на договор с населением, чем на репрессии. «Фасадная» демократия, практикуемая элитами этих стран для международной и внутренней легитимации, повышала издержки репрессивной политики. Даже в наиболее авторитарных странах региона ситуация характеризуется неизмеримо большей степенью свободы, чем при коммунистической власти. В Восточной Европе больше нет официальной цензуры, тотального государственного контроля над печатным станком, монополии одной партии в сфере идеологии. Нигде государство уже не имеет полного контроля над направлением работы и каналами финансирования профессиональных историков и исследовательских учреждений. Что важно, государство теперь и не смеет открыто претендовать на восстановление такого контроля, даже если такое желание и возникает. (Наследие прежнего режима на уровне интеллектуальных привычек и рефлексов необходимо признать важным фактором ситуации во всех восточноевропейских странах.) Все большее значение повсюду приобретает неподконтрольный Интернет. Иначе говоря, хотя историческая политика в Восточной Европе во многом обусловлена наследием коммунистического периода, она представляет собой качественно новый набор практик по политическому использованию истории, характерных именно для плюралистических, некоммунистических обществ. Другое дело, что в этих обществах характер политических режимов и гражданского общества существенно отличается от старых демократий Западной Европы.

Этот момент нуждается в подробном обсуждении. В интерпретации природы самого явления, которое мы называем «историческая политика», акцент, как правило, делается почти исключительно на коммунистическом наследии. То есть современные политические манипуляции историей объясняются, прежде всего, как наследие прошлых злоупотреблений в этой сфере, как следствие устойчивых привычек прежних лет, как естественное развитие стран, освободившихся от имперского господства Москвы, что якобы автоматически предполагает фокусирование на укреплении национальной идентичности. При такой трактовке от внимания ускользает именно *новизна* феномена.

Между тем именно *политическая* природа феномена, который мы обозначаем понятием *историческая политика*, требует, чтобы исследователи сосредоточились не только, и даже не столько на различных интерпретациях *прошлого* в рамках исторической политики, сколько на вопросах об акторах, институтах, методах этой политики. До сих пор эти вопросы слишком часто оставались вне поля зрения исследователей⁷.

Многообразие посткоммунизма

Взгляд на коммунистическое и имперское наследие как на универсальное объяснение тех форм политизации истории, которые она приобрела в Восточной Европе в начале XXI в., упускает из виду еще одно важное обстоятельство. Оно состоит в том, что природа политического плюрализма в странах региона существенно отличается от страны к стране.

Во-первых, в некоторых странах Восточной Европы существует серьезный раскол по культурному и/или этническому признаку. Причем в одних случаях этот раскол находится в центре политической жизни страны (Украина), а в других вынесен «за скобки» (Эстония и Латвия, где значительная часть русскоязычного населения до сих пор исключена из офи-

циальной политической сферы). Молдова совмещает в себе оба варианта: раскол между «румынистами» и «молдаванистами» находится в центре политической сферы, и в то же время Приднестровье вынесено за ее пределы. Иначе говоря, общая «постимперскость» не должна скрывать существенных различий в характере вызовов, с которыми сталкиваются государства Восточной Европы в процессе формирования коллективной идентичности.

Во-вторых, в Польше или Венгрии, если взять страны — члены ЕС, рассмотренные в этом сборнике, мы имеем дело с пусть недостаточно зрелой и совершенной, но при этом относительно полноценной демократией, стабильность которой обеспечивается в том числе и мощным внешним фактором — влиянием институтов ЕС⁸. В Украине или Молдове налицо плюралистическая система, в которой исход выборов не всегда предрешен теми, кто контролирует власть в момент подсчета голосов, но при этом демократические институты весьма неразвиты и неустойчивы. В России существует авторитарный режим, при котором политическая борьба не носит открытый и конвенциональный характер, а замещается так называемой «борьбой между башнями Кремля». Тем не менее, здесь сохраняется значительная сфера свободы слова. Белоруссия, которую во многом можно отнести к той же категории, что и Россию, в последнее время продемонстрировала значительное сходство с жесткими авторитарными режимами Центральной Азии. Все эти различия, безусловно, отражаются и в особенностях исторической политики разных стран.

Многообразие действующих субъектов

Ключевое значение при анализе исторической политики, как и всякого политического феномена, имеет вопрос о действующих субъектах или акторах. Между тем огромное боль-

шинство работ, посвященных этой теме, которая носит название «политики истории», «политики памяти», «политических войн вокруг истории» и т.п., практически игнорирует этот вопрос.

В нашей книге проблема акторов, в том числе разнообразие их природы, является одной из важнейших. В некоторых работах внимание сосредоточено на индивидуальных политических лидерах⁹ или политических партиях¹⁰. В других анализируется роль специализированных новых институтов, а также традиционных учреждений, как, например, Академия наук¹¹, средств массовой информации¹² или политически активных диаспор¹³.

Специального изучения заслуживают индивидуальные активисты исторической политики из числа самих историков, но им, к сожалению, не нашлось места в нашем сборнике¹⁴. Среди таких активистов есть разные породы людей — и глубоко идейные люди, и карьеристы, обслуживающие любых политических заказчиков за чины и деньги. Интересно было бы проследить значение поколенческого фактора. Особенно любопытен тот новый тип молодых людей, которые не без основания напоминают людям постарше райкомовских комсомольских функционеров. Эти персонажи обнаруживают поразительное сходство в разных странах¹⁵.

Как редактору, мне особенно дороги статьи Джона-Пола Химки и Дианы Думитру, которые на основе собственного опыта демонстрируют возможные стратегии сопротивления исторической политике со стороны индивидуального историка, а также говорят о той цене, которую за это неизбежно приходится платить. Их позиции различаются по степени бескомпромиссности, готовности идти на конфликты ради отстаивания своих взглядов и принципов, но в обоих случаях авторам удалось существенно повлиять на дискуссию по ключевым проблемам исторического сознания в их сообществах.

Тема сопротивления исторической политике заслуживает подробного изучения. В ряде стран, например, в Польше, мы

видим, как профессиональные историки оказывают организованное противодействие этим практикам, в том числе в средствах массовой информации. В России важную роль в противодействии исторической политике сыграло общественное мнение, в особенности некоторые интернет-издания¹⁶. Иногда историческая политика наталкивается на сопротивление, чаще в завуалированной форме саботажа, со стороны традиционных научных структур, например, Академии наук.

Но в целом одна из отличительных черт ситуации в Восточной Европе состоит в том, что попытки политиков вторгнуться в сферу преподавания и общественного функционирования истории не встречают достаточно сильного сопротивления. Это особенно ясно видно в сравнении, например, с Англией, где интенсивные дебаты о преподавании истории в школе идут уже более двадцати лет, причем темы национальной идентичности и государственности занимают в них важное место¹⁷. Политики участвуют в этих дебатах довольно активно. Но ведущей роли они не играют; она принадлежит таким мощным организациям, как Национальный совет по школьным программам и Ассоциация школьных учителей, готовым жестко отстаивать свою независимость. Как следствие, политики не могут навязывать собственную повестку дня, а вынуждены, если хотят «заработать очки» у избирателей, участвовать в профессиональной дискуссии и следовать ее правилам, то есть обсуждать весьма сложные и неоднозначные вопросы преподавания истории как общественного достояния по существу, без примитивных политических лозунгов и травли оппонентов.

Заимствования

Разнообразие политических условий в странах Восточной Европы ставит перед исследователями важный вопрос о том, какие мутации претерпевают характерные для исторической

политики институты и методы действий при заимствовании из одной страны в другую. Такие примеры довольно многочисленны. На материале статей Дариуша Столи и Георгия Касьянова можно проследить, как в контексте политической, партийной борьбы менялся правовой статус польского Института национальной памяти (ИНП), при создании которого учитывался опыт немецкой Комиссии Гаука, а также как при переносе на украинскую почву Институт превратился в собственную пародию. Вместо того чтобы стать хозяином архивов коммунистических служб безопасности, ИНП в Украине превратился в подразделение СБУ, которая сохранила преемственность украинскому КГБ. В статье Алексея Миллера показано, как в России размышления о возможности создания такого Института породили совершенно иные институциональные решения, частью которых стала знаменитая президентская комиссия «по борьбе с фальсификациями истории».

Другая широко заимствованная по региону институциональная идея — создание комиссий по расследованию преступлений тоталитарных режимов, которые в основном занимались составлением списков советских преступлений. При этом масштаб преступлений зачастую пытались оценить в десятках миллиардов долларов, которые предполагалось потребовать в форме компенсаций. В странах Балтии такие комиссии работали годами; некоторые из них недавно приостановили свою деятельность из-за сложностей с финансированием. В Молдове подобная комиссия была создана, причем без каких-либо источников финансирования, и.о. президента Михаем Гимпу в 2010 г. с четким указанием представить отчет накануне новых выборов, то есть прикладной политический характер инициативы никак не скрывался.

Другой пример институционального измерения исторической политики, а также сферы интенсивных заимствований между странами — создание музеев под прямым патронатом определенных политических сил¹⁸. Альтернативные позиции по темам и вопросам, которым посвящена экспозиция, при

этом полностью игнорируются. Так, под патронатом братьев Качиньских был создан музей Варшавского восстания, под патронатом венгерских правых — «Дом террора» в Будапеште, под патронатом президента Ющенко — «Музей советской оккупации» и стандартная экспозиция о Голодоморе для региональных музеев и т.д. В центре исторического нарратива вообще и музейных экспозиций в частности оказывается мартирология и образ врага, который, как правило, отчетливо ассоциируется с современными политическими силами как вне страны, так и внутри нее¹⁹. В статье Роберта Трабы описан альтернативный подход к созданию исторических музеев, продемонстрированный в Польше при разработке концепции музея Второй мировой войны в Гданьске.

Историческая политика проявляется и на законодательном уровне, когда парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную²⁰. Иногда в проектах этих законов и даже в утвержденных парламентами актах предусматриваются уголовные наказания для тех, кто оспаривает такую трактовку. Эта практика характерна не только для Восточной Европы. Схожие законы, существующие во Франции и Турции, рассматривают Ютта Шеррер и Шенер Актюрк.

Методы

Методы исторической политики во многом уже ясны из предыдущего изложения. Их можно разделить на пять групп. Разумеется, это деление достаточно условно — все эти сферы тесно связаны между собой.

Во-первых, речь идет о создании специальных институтов, которые используют для того, чтобы насаждать определенные трактовки прошлого, выгодные той или иной политической силе. В этой связи особый интерес представляет вопрос финансирования. Если у партии есть собственные финансовые

ресурсы для того, чтобы поддерживать нужное ей или «правильное» направление исторических исследований, она вправе это делать, как и другие меценаты и спонсоры. При этом такое спонсорство должно быть «прозрачным» и регулироваться общими правилами. Однако принципы прозрачности часто не соблюдаются. Но главное — в Восточной Европе для такого финансирования используются деньги государственного бюджета, которые контролирует политическая сила, находящаяся у власти. Морально сомнительное, зачастую незаконное использование финансовых ресурсов, и особенно бюджетных средств, — характерная черта исторической политики.

Вторая группа методов включает в себя политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации. Разумеется, это не является специфической чертой Восточной Европы, что прекрасно показывают статьи о Японии и Турции в этой книге. Здесь, однако, мы имеем дело с качественными различиями — в одних случаях такое вмешательство чревато серьезными неприятностями для политиков, в других — скорее рассматривается как негласная норма. Во вторую категорию попадают практически все страны Восточной Европы. Случаи прямой цензуры в виде «вырезания» фрагментов фильмов и книг довольно редки. Однако широко применяются техники маргинализации оппонентов, прежде всего перекрытие им доступа к главным телевизионным каналам и наиболее тиражным газетам.

Третья группа — это манипуляция архивами. Сюда входит сохранение режима секретности над многими материалами государственных архивов, которые по закону уже должны быть доступны исследователям; организация приоритетного, а порой эксклюзивного доступа к материалам историков, обслуживающих определенный политический заказ; публикация архивных материалов в препарированном виде, причем без возможности проверки независимыми историками.

В-четвертых, это разработка и использование новых мер контроля за деятельностью историков. Помимо морального

давления на оппонентов (см. ниже), возникает целая система официальных и неофициальных способов поощрения политически близких той или иной партии или политической силе историков. В одних случаях это привилегии в оплате труда и статусе сотрудников, например, Институтов национальной памяти: являясь государственными служащими, сотрудники ИНП получают зарплату, существенно превышающую зарплату коллег в академических и образовательных структурах. Но частью государственного статуса является иной уровень «дисциплины» и угроза потерять привилегии. В других случаях люди, имеющие заслуги на ниве исторической политики, могут рассчитывать на политическую поддержку при назначении на ключевые посты в академических учреждениях. Читатель найдет массу примеров таких практик почти во всех статьях этой книги.

В-пятых, это политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания, вплоть до откровенного нарушения закона, как в случае с главой о суверенной демократии в учебнике Данилова—Филиппова в России.

Общее для всех этих методов — использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей партии.

Идеологические основания

Политическое манипулирование историей в новых условиях требует и нового идеологического обеспечения. Идеологические основания исторической политики демонстрируют поразительные черты сходства во всех странах Восточной Европы. Оно основано на четырех главных постулатах.

Во-первых, история и память представляются, прежде всего, ареной политической борьбы с внешним и внутренним противником. Отсюда делается вывод, что история «слишком важна, чтобы оставить ее историкам»²¹. Это, среди прочего,

означает, что историков необходимо поставить под контроль и руководство более искушенных в политических вопросах людей, а сами историки не имеют права, ссылаясь на принципы профессиональной этики, претендовать на «свободу от политики»²².

Во-вторых, утверждается, что «все так делают», чем в глазах общественности оправдывается очевидное нарушение принципов функционирования наук об обществе, принятых в демократических условиях. Подлинные и воображаемые примеры манипуляций в сфере исторического сознания и коллективной памяти в других странах неизменно используются не как пример того, чего следует опасаться и избегать, но для подтверждения тезиса об исторической политике как «неизбежном зле». Акцент при этом делается на «неизбежности», постепенно превращающейся в «необходимость», а «зло» в этой формуле незаметно растворяется, превращаясь в добродетель.

В-третьих, считается очевидным, что долг историков — солидарно противостоять «вредным» для отечества интерпретациям истории, которые якобы пропагандируются и используются внешними врагами. Вполне закономерно, что полемика с оппонентами внутри собственного сообщества заменяется личными нападками, обвинениями в пособничестве врагу и предательстве национальных интересов или просто попытками доказать «чуждость» оппонента²³. Как следствие, внутри страны разрушается пространство для диалога по проблемам истории, а с ним, повторимся, и плодотворные способы общественного обсуждения прошлого как общего достояния.

Механизм разрушения пространства диалога работает и в отношениях с внешним миром: сторонники исторической политики по обе стороны границы вступают друг с другом в жаркие перепалки, именуемые порой «диалогом национальных историографий». Такое противостояние, как правило, сводится к отстаиванию прямо противоположного аргумента: на всякое их «да» мы скажем «нет», и наоборот. Поскольку ни та, ни другая сторона не стремится ни убедить, ни понять оппо-

нента, то подобные «дискуссии» только нагнетают конфликт и, как следствие, служат легитимацией для сторонников исторической политики внутри каждой из стран. По сути, воспроизводится характерная черта советской пропаганды, когда главным методом ответа на «идеологические происки врага» становилась усиленная промывка мозгов собственного населения. Как тогда никто на Западе, кроме нескольких аспирантов со странными вкусами в выборе тем, не читал советской критики «буржуазной историографии», так и сегодня никто, например, в Прибалтике не читает гневных отповедей российских активистов исторической политики современным прибалтийским борцам с советским тоталитаризмом.

Последствия такого подхода крайне разрушительны и для профессионального цеха историков, и для общественной морали в целом. В обществе насаждается убеждение, что стремление к объективности в исторических исследованиях и оценках является либо проявлением наивности, либо фарисейским камуфляжем неизбежной национальной или партийной ангажированности. До предела доводится принцип двойных стандартов при оценке исторических персонажей и событий. Дискуссия по существу собственно исторических вопросов вытесняется на обочину, спорящие в рамках исторической политики на самом деле имитируют дискуссию, обращаясь не к оппонентам, а к собственной целевой аудитории²⁴.

В своем действительно замечательном исследовании Голодомора как специфической формы культурной реальности Героргий Касьянов перечисляет следующие «родовые признаки» этого дискурса: этническая эксклюзивность; конфронтационность; элементы ксенофобии; доминирование идеологических форм над научными; акцент на страдальческой, мученической миссии собственной нации; сакрализация страданий нации; отождествление нации с телом, организмом; доминирование моралистической риторики; оправдательный пафос, возлагающий главную ответственность за зло на внешние факторы, прежде всего московский коммунизм²⁵. Все девять признаков

этого синдрома неизменно обнаруживаются в дискурсах, выкованных в рамках исторической политики во всех странах Восточной Европы.

В-четвертых, оправданием исторической политики служит якобы плачевное состояние патриотизма и преподавания истории в школе²⁶. По этой причине предлагается (временно) принести в жертву плюрализм в учебниках и концепциях — ради того, чтобы «дети знали хотя бы главные вещи». В понимании «главных вещей» приоритет, безусловно, отдается не критической гражданской позиции, а воспитанию патриотизма. При этом предполагается, что патриотизм воспитывается с помощью исторического нарратива, который максимально очищен от темы вины представителей собственного сообщества и максимально подчеркивает победы и страдания собственной нации. Эта черта исторической политики подробно анализируется в материалах Джона-Пола Химки, Дианы Думитру, Евгения Финкеля и в целом ряде других статей сборника.

Значение исторической политики следует рассмотреть на трех различных уровнях. Во-первых, собственно политическом, во-вторых, общественном, и, наконец, применительно к работе историков-профессионалов. Очевидно, что для профессиональной истории историческая политика представляет серьезный вызов и угрозу. Она находится в непримиримом противоречии с цеховыми принципами профессиональных историков, среди которых — *стремление* к объективности, открытость для верификации источников и логики анализа, а также для диалога с оппонентами. Вовлечение историка в историческую политику неизменно сопровождается эрозией профессиональной этики. Общественный уровень работы с прошлым и памятью также предполагает диалог как ключевой элемент функционирования прошлого и истории как общего блага или *res publica*. Это значит, что музеи, памятники, коммеморативные церемонии, в определенной мере и учебники являются открытыми пространствами взаимодействия различ-

ных точек зрения, представленных в обществе. Политика же представляет собой войну, борьбу, переговоры и, порой, соглашения, но по сути своей она не является диалогом, если под диалогом понимать способность предъявить себя партнеру в словах, трактуемую как цель, а не средство. Цель диалога — представить свою точку зрения, сделать себя *понятным* и *убедительным*, цель «диалога» политиков — не выдать своих подлинных замыслов, подорвать доверие к оппоненту, в конечном счете — *победить* его. Разрушение пространства для диалога — неотъемлемый элемент исторической политики. Возможно ли вообще плодотворное участие политиков в обсуждении истории и прошлого? Да, но только в том случае, если они не делают свое участие в таком обсуждении элементом политической борьбы.

Внутриполитические задачи

В действительности забота об общественных интересах, как правило, служит лишь прикрытием сугубо партийных целей исторической политики. «Истинно патриотическая» версия истории неизменно оказывается выгодной определенной политической силе. Так, сторонники исторической политики в Польше с ее помощью сражаются с политическими конкурентами за право братьев Качиньских считаться единственными подлинными наследниками движения «Солидарность». В Украине насаждавшиеся Ющенко трактовки истории Украинской повстанческой армии и голода 1932—1933 гг. служили подспорьем в его борьбе с оппозицией и помогали (по мнению авторов этой политики) утвердить такую концепцию украинской нации, которая соответствовала представлениям бывшего президента и его политических союзников. В России историческая политика в 2007—2009 гг. неприкрыто служила пропаганде концепции «суверенной демократии», которая

являлась (или до сих пор является?) элементом политической программы партии «Единая Россия».

С помощью исторической политики борются за голоса избирателей, устраняют конкурентов в рамках и за рамками процедур законов о люстрации. Отчасти историческая политика является следствием выхолащивания подлинно значимой политической повестки дня, когда в борьбе за голоса избирателей политики апеллируют не к реальным проблемам современного развития, а к интерпретации прошлого. И напротив, если жизненные обстоятельства подбрасывают удобную тему для политической кампании из иной сферы, историческая политика тут же откладывается «про запас», как это произошло в Польше после смоленской авиакатастрофы.

Бросается в глаза, что активизация исторической политики в начале XXI в. связана по преимуществу с деятельностью правых партий — там, где партийные различия имеют значение. Правые политики охотно играют на поле национализма и патриотизма в роли «защитников отечества», часто пользуясь алармистскими мотивами угрозы национальному суверенитету, достоинству, традиционным национальным ценностям. Темы «исторической несправедливости», «геноцида» и т.д., как правило, разрабатываются ими в том ключе, который закрепляет роль жертвы за собственной этнической группой/нацией, а требование «покаяния» адресует вовне. Для современных либералов характерно поднимать вопрос об исторической ответственности собственной группы, что в большинстве случаев более продуктивно для общественной морали и отношений с соседями. Это, впрочем, вовсе не значит, что либералам и левым не свойственно прибегать к некоторым методам исторической политики, особенно в сфере конструирования общественного дискурса о прошлом. Однако в целом репертуар средств исторической политики и средств ее идеологического обеспечения ближе правым, чем левым.

Внешнеполитические задачи

Как правило, роль исторической политики во внешнеполитической сфере менее важна, чем внутри страны, хотя сторонники исторической политики часто утверждают обратное. Если глубокие разломы (по политическому, культурному, языковому признаку) проходят «внутри» официальной политической сферы, то именно внутривнутриполитические задачи почти наверняка становятся приоритетом исторической политики, даже если предметом споров и манипуляций формально являются вопросы отношений с внешним миром²⁷. Тем не менее статья Александра Астрова об Эстонии показывает, что в определенных случаях внешнеполитическое измерение может быть весьма важным. Такая ситуация наиболее вероятна в том случае, если политические элиты страны имеют консенсус по ключевым вопросам.

При этом главным адресатом внешнеполитического послания, формулируемого с помощью исторической политики, является вовсе не та страна, в отношении которой выдвигаются обвинения. Обращение направлено к тем ключевым игрокам на международной арене, которых убеждают принять во внимание интересы новых, как правило, более слабых и «малых» партнеров. Для этой цели в рамках исторической политики мобилизуется общественное мнение западных стран, а также собственные зарубежные диаспоры. У последних, как уже отмечалось, могут быть особые ставки в этой игре, нередко связанные с тем, что данные диаспоры уходят корнями во времена Второй мировой войны.

В то же время роль внешнеполитического контекста в динамике развития исторической политики в Восточной Европе не следует преуменьшать и, что тоже случается часто, упрощать. Влияние внешнеполитического фактора никогда не было одномерным. В литературе вопроса, как правило, подчеркивается постимперское измерение ситуации, то есть напряжение между Россией, с одной стороны, и бывшими советскими

ми республиками или странами Варшавского договора — с другой. Этот аспект очевиден, но он вряд ли поможет в понимании динамики происходящего, потому что никак не объясняет резкую активизацию исторической политики в 2003—2004 гг. и ее заметную «ремиссию» в 2009—2010 гг. В 2003—2004 гг. страны Восточной Европы столкнулись с принципиально новой для себя ситуацией, когда единство «Запада» было нарушено из-за начала войны в Ираке, а мир, с подачи Дональда Рамсфелда, заговорил о «старой» и «новой» Европе²⁸. «Революция роз» в Грузии в 2003 г. и «оранжевая революция» в Украине в 2004 г. также повысили ставки политической игры в Восточной Европе. Именно на это время и приходится резкая активизация исторической политики, когда она, как уже отмечено, и получила это имя.

Нет никаких сомнений в том, что смена администрации в Вашингтоне в 2009 г. и последовавшая за этим смена курса и риторики в отношениях США и России оказали на ситуацию в Восточной Европе существенное влияние. Администрация Барака Обамы отчетливо дала понять «новой» Европе, что не заинтересована в дальнейшем нагнетании напряженности в отношениях этих стран с Москвой²⁹. Новая ситуация в ряде случаев способствовала успеху тех усилий в «разрядке напряженности», которые предпринимали в этот период Москва и польское правительство Дональда Туска. Это, в свою очередь, вызвало, как полагает Алексей Миллер, серьезную корректировку подхода российских властей к исторической проблематике.

С другой стороны, как показано Александром Астровым, потепление в отношениях между Москвой и главными западными столицами, интерпретированное в духе возвращения *Realpolitik*, создает новые мотивы для использования исторической политики. Опасаясь, что их интересы станут предметом торга, малые страны Восточной Европы прибегают к исторической политике для воздействия на западное общественное мнение. В этой связи можно предположить, что выборы аме-

риканского президента в 2012 г., вне зависимости от их исхода, станут важной вехой в развитии исторической политики в Восточной Европе — либо линия первой администрации Обамы будет подтверждена и «разрядка», в том числе в области исторической политики, продолжится, либо мы станем свидетелями ее новой активизации. В любом случае история исторической политики еще весьма далека от своего окончания.

В заключение несколько слов о структуре книги. Она открывается статьями, посвященными Германии, Франции, Японии, Турции, Китаю. В этих статьях, как правило на материале нескольких десятилетий, показан опыт политизации истории вне Восточной Европы. Каждая из них при этом по-своему резонирует с восточноевропейскими сюжетами. Обсуждение политики памяти в Восточной Европе неизменно включает ссылки на реальный (а чаще воображаемый, идеализированный и упрощенный) немецкий опыт. Из Германии заимствуют понятия и идеи; регулярно, хотя и не так часто, в этих дебатах ссылаются на французский опыт последних десятилетий. В определенных ситуациях любят привлекать пример Японии как страны, которая якобы вообще отказывается проводить «работку прошлого». Китайский опыт напомнит нам многие черты той общественной системы, которая существовала в Восточной Европе до конца 1980-х годов. Турецкий пример тоже весьма познавателен, особенно в той части, где речь идет о проблеме преодоления культа Ататюрка как отца-основателя нации. Подобные фигуры есть не только у России, но и во многих других странах региона.

Второй раздел посвящен странам Восточной Европы. В трех статьях обсуждаются польские сюжеты. В Польше многие черты исторической политики проявились весьма отчетливо, и ее опыт нередко служил образцом как для адептов, так и для противников исторической политики в соседних странах. Другой рассмотренный в книге пример страны — члена ЕС — Венгрия. Из стран, входивших в состав СССР, в книге анализируются Украина, Молдова, Эстония и, разумеется, Россия³⁰.

В этот же раздел мы включили статью Джона-Пола Химки, которая описывает опыт историка, живущего в Канаде, но занимающегося Украиной и тесно с ней связанного, а также статью Евгения Финкеля, посвященную попыткам большинства постсоветских стран представить себя жертвами геноцида. Мы сознательно отказались от попытки рассмотреть все страны — потому что видели свою задачу не в том, чтобы непременно дать панорамный обзор всего региона, поскольку такие проекты, как правило, слишком страдают из-за неравномерного качества материалов. Наша задача — на отдельных примерах изучить тот феномен, который мы решили называть «историческая политика».

Работа над этим проектом была начата в 2008 г., и первоначальные варианты ряда статей публиковались в журнале «Pro et Contra». На заключительном этапе мы получили финансовую поддержку Института «Открытое общество» и организационную поддержку московского отделения фонда Карнеги, за что выражаем признательность этим организациям.

Примечания

¹ Подробно см. статьи Штефана Бергера и Ютты Шеррер в этой книге.

² Интервью автора с историком Михаэлем Штюрмером, советником Гельмута Коля и одной из ключевых фигур в политике «морально-политического поворота», осенью 2010 г.

³ Термин «Восточная Европа» используется здесь условно, как краткое обозначение посткоммунистических стран за исключением балканских, где политическое использование истории имеет свою специфику, связанную с распадом Югославии и последующими войнами в регионе.

⁴ Исследования по политике памяти уже превратились в особое институционализированное направление, имеются журналы, посвященные исключительно этой проблематике (*History and Memory*), что во многом объясняется тем, что политическая жизнь исправно снабжает исследователей новым материалом для изучения. Есть даже авторы, ко-

торы, вопреки очевидному, рассуждают о возможном крахе «индустрии памяти» как выходящего из моды направления. См.: *Rosenfeld G. D. A Looming Crash or a Soft Landing? Forecasting the Future of the Memory "Industry" // The Journal of Modern History. Vol. 81. No 1. March 2009. P. 122—158.*

⁵ Статьи о ситуации в Германии, Франции, Турции и Японии, публикуемые в этой книге, отмечают массу таких аналогий.

⁶ В Германии понятие *Geschichtspolitik* уже использовалось в качестве аналитического инструмента. См: Edgar Wolfrum, *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948—1990*. Darmstadt, DarmstadtVerlag, 1999.

⁷ Отметим несколько проектов, в которых анализу именно политических аспектов уделено большое внимание: Jan-Werner Muller (ed.) *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past*. Cambridge University Press 2004; Friedrich Kratochwil. *History, Action and Identity: Revisiting the "Second" Great Debate and Assessing Its Importance for Social Theory. European Journal of International Relations* 2006. 12 (1): 5—29; Richard Ned Lebow, Wulf Kansteiner, and Claudio Fogu (eds.) *The politics of memory in postwar Europe*. Durham, NC: Duke University Press, 2006; David Art. *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006; *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. — Philadelphia, 2008. — Vol. 617. — No. 1.

⁸ Впрочем, именно примеры Венгрии и Польши как раз свидетельствуют о том, что демократическая природа их политических режимов подвергается серьезным испытаниям. См., например, статью всемирно известного венгерского экономиста Яноша Корнай, утверждающего, что политика партии ФИДЕС после ее победы на выборах в 2010 г. фактически следует модели авторитарных режимов: *Kornai J. Oto Wegry Orbána // Gazeta Wyborcza*. 2011. 24 Jan. (http://wyborcza.pl/1,97738,8987538,Kornai__Oto_Wegry_Orb%C3%A1na.html).

⁹ См., например, статью Ольги Малиновой об исторических темах в президентских посланиях Ельцина, Путина и Медведева, статьи Георгия Касьянова и Андрея Кушко об исторической политике Ющенко и Гимпу.

¹⁰ См. статьи Роберта Трабы, Штефана Бергера, Ютты Шеррер, Габора Дьяни и др.

¹¹ См. статью Дариуша Столи о польском Институте национальной памяти, Габора Дьяни и Роберта Трабы о музеях, Алексея Миллера об институциональном измерении российской исторической политики.

¹² См. статью Мачея Яновского о польских дебатах о Едвабне.

¹³ См. статьи Джона-Пола Химки, Георгия Касьянова.

¹⁴ В качестве примера превосходного анализа деятельности и мотивации историка старшего поколения, играющего активную роль в исторической политике, отмечу главу о С. Кульчицком в книге Георгия Касьянова «Danse macabre. Голод 1932—1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х)» (Кивп, 2010, С. 162—188).

¹⁵ К их числу в Польше принадлежат П. Гонтарчык, С. Ченкевич, П. Зызак, в Украине — В. Вятрович, Р. Забилый, в России — А. Дюков, П. Данилин.

¹⁶ Много внимания уделяли этой теме радиостанция «Эхо Москвы», газета «Ведомости», особенно следует отметить портал «Полит.ру», сделавший проблему исторической политики предметом постоянного внимания.

¹⁷ См.: *Phillips R. History Teaching, Nationhood and the State. A Study in Educational Politics.* L.: Cassell, 1998. О более позднем периоде см.: *Andrews R, Mycock A. Dilemmas of Devolution: The «Politics of Britishness» and Citizenship Education // British Politics.* 2008. No 3. P. 139—155; *Waldman A. The Politics of History Teaching in England and France during the 1980s // History Workshop Journal.* Vol. 68. Iss. 1. Autumn 2009. P. 199—221.

¹⁸ Об этом см. статьи Габора Дьяни и Роберта Трабы.

¹⁹ Нередко это музеи оккупации и/или геноцида. Как показал Евгений Финкель в статье, публикуемой в этой книге, все посткоммунистические страны, за исключением России, видят политическую задачу в том, чтобы представить свою «титильную» нацию как жертву геноцида в XX в. В России, заметим, эпидемия склонности манипулировать понятием «геноцид» вызвала хотя и короткий, но весьма интенсивный «присуп» во время войны с Грузией в 2008 г., когда атаку грузинской армии на Южную Осетию пытались описать именно таким образом.

²⁰ Как правило, авторы таких законов ссылаются при этом на законы об отрицании Холокоста, принятые в ряде стран Запада. Это сознательная манипуляция, потому что законы об отрицании Холокоста преследуют именно отрицание самого факта, а не попытки различных интерпретаций.

²¹ Такие рассуждения Марека Чихоцкого, идеолога исторической политики и советника президента Качиньского, см. в: *Stobiecki R. Historians Facing Politics of History. The Case of Poland // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989 / M. Kopecek (ed.).* Budapest: Central European Univ. Press, 2007. P. 182.

²² Вполне естественно, что среди квалифицированных и совестливых историков сторонников исторической политики немного, непро-

тив, именно историки в последнее время предпринимают усилия по противодействию исторической политике, поскольку прекрасно понимают ее разрушительный эффект как для самой профессиональной историографии, так и для ее коммуникации с обществом.

²³ См. примеры в статьях Мачея Яновского, Алексея Миллера, Джона-Пола Химки и др.

²⁴ Это хорошо передает отрывок из последней книги Виктора Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы» (М.: 2010. С. 154—155), который показывает, что рассматриваемый нами феномен уже превратился в предмет осмысления художественной прозы. Это как раз тот случай, когда использование ненормативной лексики при передаче определенного типа дискурса вполне оправданно. Итак, отрывок из лекции Савелия Скотенкова в Дипломатической Академии:

«Любой дипломатический или публицистический дискурс всегда имеет два уровня:

1) внешний, формально-фактологический (геополитический),

2) «сущностный», — реальное энергетическое наполнение дискурса...

Представьте, например, что прибалтийский дипломат говорит вам на посольском приеме:

— Сталин, в широкой исторической перспективе, — это то же самое, что Гитлер, а СССР — то же самое, что фашистская Германия, только с азиатским оттенком. А Россия, как юридический преемник СССР, — это фашистская Германия сегодня.

На сущностно-энергетическом уровне эта фраза имеет приблизительно такую проекцию:

«Ванька, встань раком. Я на тебе верхом въеду в Европу, а ты будешь чистить мне ботинки за десять евроцентов в день».

На этом же уровне ответ, разумеется, таков:

«Соси, чмо болотное, тогда я налью тебе нефти — а если будешь хорошо сосать, может быть, куплю у тебя немного шпрот. А за то, что у вас был свой легион СС, еврейцы еще сто лет будут иметь вас в сраку, и так вам и надо».

Но на геополитический уровень сущностный ответ проецируется так:

— Извините, но это довольно примитивная концепция. Советский Союз в годы Второй мировой войны вынес на себе главную тяжесть борьбы с нацизмом, а в настоящее время Россия является важнейшим экономическим партнером объединенной Европы. И любая попытка поставить под вопрос освободительную миссию Красной Армии — это преступное бесстыдство, такое же отвратительное, как отрицание Холокоста».

²⁵ Касьянов Г.В. Danse macabre... С. 209—212.

²⁶ Как правило, эта ситуация объясняется многолетним искажением истории коммунистическими режимами, тяжелым наследием имперского господства. Качество преподавания в современной школе, уровень ее финансирования зачастую остаются в таких рассуждениях в тени.

²⁷ См. статьи о Молдове, Польше, Украине, Турции, Венгрии.

²⁸ См. обсуждение этой ситуации в статье Александра Астрова.

²⁹ См., например, утечки «Викиликс» по Эстонии (<http://www.rosbalt.ru/2010/12/08/798308.html>).

³⁰ По понятным причинам, России посвящено больше статей.

Штефан Бергер

Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949—1982 гг.

Введение

10 ноября 1988 г., в 50-ю годовщину Хрустальной ночи, председатель западногерманского бундестага Филипп Йеннингер произносил в парламенте речь. Но некоторые депутаты, и не только от оппозиции, но и от правящей коалиции, покинули зал в знак протеста, даже не дослушав ее до конца. На следующий день все парламентские группы встретились, чтобы обсудить этот «скандал». Кончилось тем, что Йеннингер ушел в отставку, заявив, что он не хотел нанести ущерб своему ведомству и что многие просто поняли его речь не так, как ее следовало понимать. Но в чем же его обвинили? Внимание критиков было сосредоточено прежде всего на его лексике, конкретно — на использовании национал-социалистической терминологии и изложении точки зрения преступников без должного дистанцирования от нее и без обрамления ее нужным контекстом, так что создалось впечатление, что его речь совершенно не соответствовала дате, по случаю которой она произносилась. Сегодня, глядя в прошлое без того возбуждения, которое имело место сразу после самого события, любому читающему эту речь можно было бы простить удивленный вопрос: ну и из-за чего был весь этот шум? В конце концов, Йеннингер ведь не оправдывал ни погромы, ни национал-социалистическое прошлое Германии ¹.

Этот, в ретроспективной оценке, надуманный скандал вокруг речи Йеннингера еще раз показал, до какой степени разговор о национал-социалистическом прошлом после 1945 г. в части политики и морали превратился в Германии в минное поле. Эта речь спровоцировала, может быть, самые крупные в послевоенный период публичные дебаты, потрясшие немецкое общество, — так называемый «спор историков» (*Historikerstreit*), который бушевал в немецких СМИ почти два года (1986—1987 гг.)². В этом эссе мы рассматриваем этот спор как неотъемлемую часть немецкой исторической политики³, но при этом стремимся исследовать его в более длительной ретроспективе — в контексте дискуссий о национал-социалистическом прошлом в период от образования двух Германий до настоящего момента.

Все упомянутые ниже публичные дискуссии относительно прошлого примечательны тем, что они никогда не были просто академическими. Они имели политический подтекст и подпитывались энергией, поскольку ассоциировались с конкретными причинами и мотивами, затрагивающими не только историков, но гораздо более широкие группы населения. Они часто оказывались связаны с партийно-политическими программами, со стремлением приспособить историю к целям политиков. Очень часто они были связаны с формированием или разрушением неких общественных табу, касались (и касаются) тех или иных травмирующих событий в прошлом, а также расширяли или сужали рамки, в которых можно было открыто говорить о прошлом. Это не означает, что споры по поводу исторической политики не могут иметь чисто научных следствий. Возможно, именно «спор историков» привел к тому, что в фокусе академических исследований оказались преступники, особенно из вермахта⁴, а также сравнительные исследования геноцида⁵. И было бы чересчур поверхностно отвергать историческую политику как нечто не соответствующее академической истории. Но споры об исторической политике по своей сути все же не являются сугубо академическими, и наука

в них используется для легитимизации или делегитимизации конкретных политических позиций, которые обсуждаются из-за их большой общественной значимости.

Историческая политика в 1949—1982 гг. и национал-социалистическое прошлое Германии

После образования двух Германий в 1949 г. обоим государствам пришлось определять свою позицию в отношении периода национал-социалистического правления. И они повели себя по-разному. Федеративная Республика Германия (ФРГ) сознательно представляла себя государством-преемником германского рейха, прекратившего свое существование в 1945 г. Она признала свою ответственность и, под сильным нажимом западных союзников, согласилась выплатить компенсации государству Израиль и Конференции по еврейским материальным претензиям к Германии (с чем было несогласно огромное большинство западных немцев). Из трех крупнейших послевоенных политических партий в Западной Германии правящие христианские демократы (ХДС) при Конраде Аденауэре сознательно дистанцировали свое христианское мировоззрение от национал-социализма, но при этом они настаивали на том, что огромное большинство немцев не виновато в злодеяниях национал-социалистов, и эта мягкая политика гарантировала относительно плавную интеграцию многих бывших нацистов в общество ФРГ⁶. В послевоенный период партнером ХДС по правящей коалиции время от времени становилась активная Свободная демократическая партия (СвДП), в рядах которой было много бывших нацистов среднего уровня, и, конечно, они никоим образом не были заинтересованы в том, чтобы слишком углубляться в изучение прошлого. Оппозиционные социал-демократы (СДП) тоже подчеркивали свою антифашистскую ориентацию, представляя себя в качестве стороны, в нравственном отношении имеющей право говорить от имени

новой демократической Германии, но их послевоенные попытки представлять интересы Германии в отношениях с победившими союзниками также не способствовали длительным разбирательствам по поводу сотрудничества больших групп немецкого населения с национал-социализмом. Поэтому, при отсутствии партийно-политического давления, имеющего целью побудить население Германии вести себя в отношении национал-социалистического прошлого более откровенно и самокритично, многие западные немцы даже в 1950-е гг. внутренне по-прежнему были убеждены в том, что Гитлер — величайший государственный деятель в истории Германии, просто окружавшие его помощники давали ему неверные советы. Воспоминания о 1930-х гг. были всецело положительными, и национал-социалистическая идеология «народного единства» (*Volksgemeinschaft*) по-прежнему определяла восприятие немцами «своих» и «чужих». Ни Холокост, ни другие злодеяния, совершенные немцами во время Второй мировой войны, не были частью коллективной памяти народа. Вместо этого немцы вспоминали о своих собственных жертвах во Второй мировой войне: о тех, кто погиб во время массированных бомбежек немецких городов, тех, кого по этническому признаку «вычистили» из Центральной и Восточной Европы, но прежде всего — военнопленных, все еще томившихся в советских лагерях. Популярны романы, в частности, роман «Сталинградский врач» Хайнца Конзалика, по-прежнему утверждали стандартные образы, с одной стороны, честного и страдающего немецкого солдата, а с другой стороны, азиатских варваров-русских, которые были неотъемлемой частью национал-социалистической пропаганды. Изображение человека с бритой головой за колючей проволокой, которое сегодня у каждого школьника немедленно ассоциировалось бы с Холокостом, в Западной Германии 1950-х гг. обычно ассоциировалось с немецкими военнопленными⁷.

Для историков на Западе время правления национал-социалистов стало важнейшей темой почти сразу после Второй

мировой войны. Один из корифеев немецкой историографии, восьмидесятилетний Фридрих Мейнеке в 1946 г. издал небольшой буклет под названием «Немецкая катастрофа», содержащий критический анализ немецких традиций, которые, предположительно, и обусловили успех национал-социализма (прежде всего — немецкого милитаризма, а также широко известного подобострастного отношения немцев к власти (*Untertanengeist*))⁸. Мейнеке говорил о необходимости стойко придерживаться антикоммунизма, но также и о том, что Германии нужно повернуться лицом к Западу и принять «более западную» политическую культуру, в то же время бережно сохраняя то, что было лучшим в немецкой культуре (отсюда в конце книги — конкретное предложение учредить Общество Гете как инструмент морального обновления). Однако при этом книга содержала некоторые совершенно бесчувственные замечания в адрес немецких евреев и изображала Вторую мировую войну фактически как природную катастрофу, обходя вопросы об участии и ответственности. Книга явно была проникнута патриотическим беспокойством, но реакция на нее некоторых его коллег-историков показала, что в тогдашней повестке дня не было места даже самой умеренной самокритике. Мейнеке обвинили в том, что он «гадит в собственном гнезде», и другие столпы немецкой историографии, такие как Герхард Риттер и Ханс Ротфельс, сплотились для защиты немецкой нации. Они утверждали, что успех национал-социализма в Германии уходит корнями в европейскую современность, в теории французской революции, в итальянский фашизм и сверхжесткий Версальский мирный договор; иными словами, в нем не было ничего неправильного с точки зрения немецких традиций. Защита со стороны Риттера и Ротфельса оказалась чрезвычайно эффективной, потому что, в отличие от большинства их коллег с исторических факультетов Западной Германии, они никогда не использовали свои перья для поддержки национал-социалистического режима. Риттер был участником заговора с целью свержения Гитлера в июле 1944 г., и в случае успеха

заговора он стал бы министром культуры в новом, уже не национал-социалистическом правительстве. А Ротфельсу в 1938 г. пришлось бежать из национал-социалистической Германии из-за своего еврейского происхождения, и он сделал весьма успешную карьеру в Чикагском университете. Оба были немецкими националистами, готовыми яростно защищать традиции немецкой нации от обвинений в том, что национал-социализм отражает эти традиции. И в своих работах они делали акцент на национал-консервативной оппозиции Гитлеру, которая, по их мнению, представляла хорошую Германию в противовес плохим (и не-немецким!) национал-социалистам⁹.

В 1947 г. в Мюнхене, при поддержке властей земли Бавария и федерального правительства Западной Германии, был создан Институт современной истории, очевидной целью которого было исследование национал-социалистического периода¹⁰. Вначале он занимался в основном подготовкой экспертных докладов в отношении процессуальных действий, которые необходимо было проводить по результатам «деятельности» Третьего рейха. Он стал первоначальным центром исследования национал-социализма, но основное внимание здесь уделялось политической системе нацистов и тоталитарному правлению. Холокост стал главной темой его исследований лишь намного позже, и действительно, было показано, что немецкие директора института обращали мало внимания на работы еврейских историков, потому что были убеждены, что при исследовании национал-социалистического периода их еврейские коллеги не могут быть «достаточно объективными»¹¹. Но и работы немецких авторов с трудом пробивались в план публикаций института, если в них содержалась слишком резкая критика немецких традиций. Например, институт отказался печатать работу Курта Зонтхаймера об антидемократических воззрениях в Веймарской республике, которая сейчас считается классической¹².

В коммунистической Германской Демократической Республике (ГДР) историки, находившиеся под жестким контролем

правляющего режима, занимались тем, что демонстрировали связи западногерманских историков с национал-социализмом, иногда довольно изобретательно манипулируя источниками, но иногда также поднимая проблемы прошлого, которые их коллеги на Западе похоронили после 1945 г. Стремление окрасить Западную Германию в цвета фашизма было неотъемлемой частью стратегии ГДР, имевшей целью подрыв легитимности Западной Германии и позиционирование самой себя как «лучшей Германии». Восточногерманское правительство приняло антифашизм как одну из ключевых официальных идеологий государства и декларировало его при любом удобном случае. Коммунистическая партия изображалась стойким приверженцем антифашизма в 1930-х и 1940-х гг. Ее лидер Эрнст Тельман был арестован и в конце концов убит в национал-социалистическом концентрационном лагере Бухенвальд¹³. В официальном дискурсе все, что было хорошего в немецкой национальной истории, представляла Коммунистическая партия, а все отрицательные аспекты приписывались политическим силам, по-прежнему активным в капиталистической Западной Германии¹⁴.

Это полностью соответствовало официальной исторической политике коммунистической Восточной Германии. Ее правительство рассматривало ГДР как новое немецкое государство, не имеющее никакого отношения к Третьему рейху. Поэтому оно отказывалось от всякой ответственности за действия правительства рейха. Таким образом, немецкая история как бы аккуратно разделялась на две традиции: положительную и отрицательную¹⁵. Положительная включала в себя Крестьянскую войну, борьбу с абсолютизмом и феодализмом, демократическую революционную традицию, начальный период рабочего движения, революционное крыло Социал-демократической партии в имперской Германии, Коммунистическую партию в Веймарской республике и ее антифашизм, кульминацией которого в конечном счете стало образование ГДР. От-

рицательная традиция тянулась от феодализма через абсолютизм, милитаризм, через Пруссию Фридриха Великого к Бисмарку, Гинденбургу и Гитлеру, и эта традиция, согласно исторической идеологии ГДР, все еще была жива в ФРГ. Последствия такой исторической политики для восточногерманских граждан были весьма значимыми: они могли чувствовать себя в безопасности, зная, что они и их государство пребывают в русле антифашистской традиции и не замараны связями с национал-социализмом¹⁶. Как и на Западе, здесь подчеркивались позитивные национальные (хотя и иные) традиции, ведущие к маргинализации некоторых самых проблемных аспектов наследия национал-социализма. До 1980-х гг. тема Холокоста в ГДР не занимала заметного места ни в исторических исследованиях, ни вообще в историческом сознании жителей Восточной Германии¹⁷.

Итак, можно сделать вывод, что в 1950-е гг. — хотя и с совсем разных идеологических позиций — оба немецких государства «санировали» свое национал-социалистическое прошлое. В ГДР это продолжалось и дальше, а в ФРГ в 1960-е и 1970-е гг. в исторической политике произошел радикальный перелом. Процесс по Освенциму во Франкфурте (1963—1965 гг.) и процесс Эйхмана в Иерусалиме (1961 г.), некоторые литературные события, такие как публикация романа Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959 г.) и пьесы Рольфа Хоххута «Наместник» (1963 г.) и исторический спор вокруг книги Фрица Фишера «Рывок к мировому господству» (*Griff nach der Weltmacht*, 1961 г.) о попытках Германии добиться мировой гегемонии в ходе мировой войны 1914 г., повысили общий уровень осознания проблематики преемственности немецкой истории и причастности обычных немцев к преступлениям режима. Если историческое сознание немцев изменилось уже в начале 1960-х гг., то историческая политика трансформировалась лишь в конце 1960-х гг. в результате студенческого протестного движения. Студенты обвиняли поколение своих родителей

в соучастии в преступлениях национал-социализма и в сокрытии этого соучастия в послевоенной Западной Германии, охваченной экономическим чудом со всеми аспектами связанного с ним тупого материализма. Они обвиняли политическую власть в склонности к реставрации после 1945 г. и — в контексте споров относительно «чрезвычайных законов» — считали вполне реальной угрозой возвращения капиталистической ФРГ к авторитарной или даже фашистской политике¹⁸.

Хотя у этого запоздалого антифашистского движения западногерманских студентов было много своих проблем, оно помогло изменить официальный дискурс в отношении национал-социалистического прошлого. Этот дискурс всегда был менее однозначным и менее обязательным, чем дискурс ГДР о Третьем рейхе, но теперь Западная Германия начала официально вспоминать наиболее проблемные аспекты национал-социалистического прошлого, преподавать историю этого периода в школах и развивать в национальном самосознании компонент раскаяния, что резко отличалось от забвения 1950-х гг.¹⁹. В программу «преодоления прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*) вкладывалось много ресурсов и энергии. Образование правительства канцлера Вилли Брандта, возглавляемого социал-демократами, было отмечено тремя смелыми начинаниями: во внешней политике это была «новая восточная политика», во внутренней политике это было заложение основ более демократического общества, а в исторической политике раскаяние в преступлениях, совершенных немцами при национал-социализме, стало гораздо более важным элементом немецкого исторического сознания. Известный жест покаяния Вилли Брандта в Варшаве, когда он встал на колени перед памятником героям Восстания в Варшавском гетто, был самым значимым символическим актом, ознаменовавшим изменение официальной исторической политики ФРГ²⁰.

Конечно, этот жест Брандта в Германии восприняли весьма неоднозначно. Например, правоцентристская газета *Die Welt*

назвала этот акт смирения и покаяния актом «капитуляции и покорности». Согласно данным опроса, проведенного еженедельником *Der Spiegel*, большинство немцев сочло этот жест Брандта ненужным и чрезмерным²¹. В ходе избирательной кампании 1969 г. христианские демократы стремились набрать дополнительные политические очки, нападая на Брандта за то, что во время Второй мировой войны он сменил фамилию Фрам на Брандт и вернулся в Германию в форме норвежского офицера. Утверждение, что Брандт так или иначе предал родину во время Второй мировой войны, активно поддержали те национально-консервативные круги, которые энергично выступали против любых жестов раскаяния и признания ответственности Германии за злодеяния Второй мировой войны, включая Холокост. В конце 1960-х и в начале 1970-х гг. в отношении политических концепций памяти, связанной со Второй мировой войной, Германия все еще оставалась глубоко разделенной нацией. Однако со стороны главы правительства это было важным сигналом, означавшим, что младшее поколение немцев, к которому обращался Брандт и в котором он имел больше всего убежденных сторонников, готово более самокритично воспринимать ответственность Германии за войну и геноцид. Несомненно, помогло и то, что многие немецкие СМИ стали более критично относиться к исторической политике 1960-х гг. Среди изданий, энергично поддержавших более самокритичную историческую политику в отношении национал-социалистического прошлого, были, в частности, ведущие либеральные еженедельники, такие *Der Spiegel* и *Die Zeit*. Заметим еще, что если немецкие социал-демократы внесли заметный вклад в изменение исторической политики Западной Германии, то австрийские социал-демократы при Бруно Крайском способствовали замалчиванию австрийского участия в преступлениях национал-социализма, поскольку они нуждались в политических союзниках, многие из которых сами были национал-социалистами²².

«Спор историков» в контексте попыток ренационализации немецкого исторического сознания в 1980-х гг.

Попытки правительства Гельмута Коля (возглавляемого вновь победившими на выборах 1982 г. христианскими демократами) пересмотреть историческую политику, ассоциируемую с 1968 г., следует рассматривать именно в контексте изменений в официальной исторической политике ФРГ, имевших место в 1960-х и 1970-х гг. В первой же программной речи в качестве канцлера Коля объявил о планах «духовного и морального обновления» Германии. Оно должно было положить конец тому, что он расценивал как господство либертарианизма и антинационализма в 1970-х гг., и знаменовать возвращение к традиционным ценностям: церкви, семье и нации.

Для развития нового патриотизма Германии нужна была релятивизация национал-социалистического прошлого — чтобы оно перестало быть призмой, через которую воспринималась теперь вся немецкая история. Такая задача была поставлена перед одним из ближайших советников Коля по всем проблемам исторической политики, профессором современной истории из Эрлангена Михаэлем Штюрмером. Штюрмер отнюдь не был апологетом национал-социализма. Он не выступал против превращения национал-социалистического прошлого в важный элемент немецкого исторического сознания. Но он был непреклонен в том, что оно не должно было становиться не только единственным, но даже и доминирующим элементом немецкого исторического сознания. В своих убедительных статьях в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и в других изданиях он неоднократно утверждал, что в прошлом у немцев было много такого, чем можно и нужно гордиться, и такие события, движения, явления культуры, как Реформация, движение за реформы в Пруссии и Иммануил Кант, нельзя исключать из исторического сознания, которое, по мнению

Штюрмера, в то время все больше и больше сводилось к двенадцати самым темным годам немецкой истории²³.

Эта концепция нашла отражение в исторической политике, в рамках которой в ФРГ были учреждены два новых исторических музея: один (в Западном Берлине), посвященный истории Германии в целом, а другой (в Бонне) — истории Западной Германии. Если первый должен был представлять длительную ретроспективу немецкой истории, с задачей преодоления якобы имеющей место заикленности немецкого исторического сознания на национал-социалистическом прошлом, то второй должен был демонстрировать достижения ФРГ, от восстановления экономики до формирования процветающей либеральной демократии. Критикам этого проекта, которых было довольно много, аспекты идентичности в обоих музеях казались весьма проблематичными. Особенно это относилось к леволиберальным историкам, зачастую близко связанным с социал-демократами и с поворотом исторической политики в 1960-х и 1970-х гг. Они писали об опасности ренационализации немецкого исторического сознания²⁴.

Если исторические музеи уже всколыхнули чувства левых либералов, то совместное посещение Колем и президентом США Рональдом Рейганом кладбища немецких солдат около города Битбурга еще больше разожгло страсти. На этом кладбище покоятся, в частности, эсэсовцы, и, готовясь к этой церемонии, Коль и его советники в ряде публичных выступлений заявляли, что они считают немецких солдат, включая членов СС, жертвами Гитлера и Второй мировой войны. Для тех, кто в 1970-х гг. внедрял новую историческую политику, это должно было выглядеть как еще одна попытка санировать национал-социалистическое прошлое. Параллельно со многими зарубежными участниками протестов и представителями групп, выживших в период Холокоста, они тоже выражали свой протест. Посещение кладбища в Битбурге нанесло ущерб международной репутации Коля и подтвердило подозрения относительно его исторической политики, ориентированной на апологию преступлений национал-социализма²⁵.

И вот в разгар всех этих событий историк Эрнст Нольте опубликовал во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* статью, в которой он утверждал, что причины Холокоста следует искать в антибольшевизме и оправданных опасениях средних классов, что победа коммунизма привела бы к развязыванию в Германии классовой борьбы. Расовой войне национал-социалистов, продолжал Нольте, предшествовала классовая борьба, учиненная большевиками в Советском Союзе. И особое положение евреев среди большевиков означало, что нацисты объединили антисемитизм и антибольшевизм. Нольте недвусмысленно утверждал, что антибольшевизм национал-социалистов был законным ответом на угрозу тоталитаризма. Критики Нольте среагировали быстро, указав, что такой аргумент легко может быть — превратно — истолкован как оправдание Холокоста и в любом случае является серьезной попыткой релятивизировать абсолютную уникальность масштабов преступной деятельности нацистов по отношению к еврейскому населению Европы²⁶.

Начало «спору историков» положила статья видного философа и публичного интеллектуала Юргена Хабермаса, опубликованная в *Die Zeit*. Хабермас был близок к социал-демократической партии (СДП), и его вмешательство было вызвано желанием повлиять на историческую политику, а не просто участвовать в научном споре. Он хотел делегитимизировать консервативно-националистический проект (синонимом которого стал Коль). Он не только критиковал то, что он расценил как примирительные тенденции в аргументации Нольте, но и заявил, что существует национально-консервативный заговор историков и политиков с целью ренационализации немецкого исторического сознания. Были, конечно, музеи истории и их покровитель Михаэль Штюрмер, которому Хабермас сделал выговор за попытку умалить важность национал-социалистического прошлого в немецком историческом сознании. Хабермас также выделил еще одного историка, работы которого, по его мнению, способствуют релятивизации национал-

социалистических преступлений. В книге Андреаса Хилльгрубера «Две катастрофы», изданной в 1986 г., в двух отдельных главах описано уничтожение европейских евреев и немецкого Востока. Сравнение этих двух событий, по мнению Хабермаса, представляло собой релятивизацию Холокоста. Кроме того, Хилльгрубер изобразил вермахт как героическую силу, пытавшуюся изо всех сил защитить немецких гражданских лиц, дав им время, чтобы бежать от продвигающейся Красной армии. При этом, утверждал Хабермас, полностью игнорировалась причастность вермахта к Холокосту и тот факт, что национал-социалистический режим недвусмысленно запретил гражданским лицам покидать Восточную Пруссию, приказав защищать каждый населенный пункт²⁷.

Статья Хабермаса спровоцировала публикацию целого ряда статей, в основном леволиберальных историков и в леволиберальных газетах, таких как *Die Zeit*, *Süddeutsche Zeitung* и *Frankfurter Rundschau*, метивших в ту же цель, что и Хабермас. Они хотели предотвратить предполагаемый национально-консервативный поворот в исторической политике Западной Германии и объединились, чтобы поддержать историческую политику 1970-х гг., которая поместила национал-социализм в центр немецкого исторического сознания. Они также позиционировали себя как сторонников «критической» истории, то есть истории, которая была бы не примирительной и легитимизирующей, но оппозиционной и поднимала бы критические и неудобные вопросы в отношении прошлого. Для этого они выдвинули несколько тезисов, которые, по их мнению, необходимо отстаивать. Во-первых, Холокост — уникальное явление в мировой истории. Систематическое, на индустриальном уровне, поголовное уничтожение людей на основе расовой идеологии нельзя сравнить ни с каким другим геноцидом или иным злодеянием. Во-вторых, национал-социалистический период воспрепятствовал развитию у немцев положительного национального самосознания. Поэтому они чувствовали бы себя лучше, если бы приняли концепцию пост-

национализма и выработали у себя то, что Хабермас описал как «конституционный патриотизм». Взяв эту идею у политолога Дольфа Штернбергера, Хабермас придал «конституционному патриотизму» постнациональный оттенок, который он ассоциировал с приверженностью конституционным ценностям свободы и демократии, которые, в принципе, универсальны. Он приводил в пример США и Францию как государства-нации, где конституционный патриотизм успешно заместил этнические дефиниции национализма и оказался намного мягче немецкого национализма на этнической основе в первой половине XX столетия²⁸.

«Спор историков» закончился в 1987 г., вроде бы победой этой леволиберальной точки зрения. Ее представители, прежде всего историки политико-социального направления, связанные с Билефельдской школой, утешали себя сознанием того, что эти общественные дебаты сорвали планы повторной национализации немецкого исторического сознания. И действительно, в спорах они доминировали. Некоторые правозентристские историки, такие как Курт Хильдебрандт и Хорст Мёллер, и публицисты, такие как Иоахим Фест, выступили в защиту тройки обвиненных — Штюрмера, Нольге и Хилльгрубера — и, в свою очередь, обличали их критиков, утверждая, что те страдают манией преследования. Вместо того чтобы охарактеризовать работу этих трех историков как политическую интригу с целью восстановить позитивное национальное самосознание, они принялись утверждать, что у этой троицы были совсем другие побуждения, что их аргументы были прежде всего академическими, а не политическими, и обвинили леволибералов в попытке сделать их козлами отпущения, чтобы реализовать собственную историческую политику²⁹.

На левом фланге горстка западногерманских историков-марксистов, таких как Рейнхард Кюнль и Георг Фюльберт, расценивала «спор историков» как признак того, что глубоко проблематичная преемственность в интерпретации немецкой истории вот-вот должна была проявиться снова. Параллельно

со многими историками ГДР, такими как Курт Петцольд, который тоже комментировал этот спор, они отмечали длительную националистическую преемственность и напрямую связывали традиционный историографический национализм с позицией западных немцев-правоцентристов в середине 1980-х гг. Они также критически относились к явной прозападной ориентации леволиберальных историков и вместо этого подчеркивали, что единственной прочной базой для развития позитивных форм национальной идентичности могут быть революционные традиции немецкого рабочего класса. Как и правоцентристы, они очень скептически относились к идеям постнационализма и конституционного патриотизма. Восточногерманские историки и их немногие западногерманские союзники занимали позицию, которая полностью соответствовала исторической политике ГДР в 1980-х гг. В другой Германии в это десятилетие шли свои споры о «традициях и наследии», свидетельствовавшие о длительной работе по реабилитации исторических личностей, которые ранее были исключены коммунистами из национального пантеона, в частности, Мартина Лютера и Отто фон Бисмарка. Этот восточногерманский исторический ревизионизм должен был стать вкладом в формирование социалистической нации в ГДР (официальная политическая цель правящей Социалистической единой партии Германии в 1980-х гг.). Вероятно, этот поворот в ГДР только облегчил путь к воссоединению, поскольку вследствие этого восточные немцы познакомились со многими традиционными национальными парадигмами и героями³⁰.

Однако в публичном, газетном споре мнения леволиберальных критиков «духовно-морального обновления» значили больше, чем мнения его сторонников, не в последнюю очередь потому, что многие историки-правоцентристы рассматривали этот спор как политическое явление, не имеющее особой научной ценности, и поэтому отказались принимать в нем участие. В духе немецкого историзма, они ставили ценности академической науки выше требований исторической политики.

Они отказались согласиться с высоким уровнем политизации этих споров и объединились с целью размежевания партийно-политических позиций с Хабермасом и его союзниками, фактически выступавшими от имени СДП, и их противниками, защищающими действия христианско-демократического правительства. Однако вышло так, что Хильгрюбер в 1989 г. умер, Штюрмер все более отказывался от своей весьма заметной политической роли, а Нольге, отчасти по своей воле, но больше из-за публичных высказываний правого толка, оказался в научной и социальной изоляции. Все это, казалось, очень наглядно продемонстрировало, что правоцентристы «проиграли» спор. И отставка Йеннингера, о которой шла речь в начале этой статьи, только подтвердила мнение, что теперь в ФРГ стало невозможно говорить о национал-социализме и Холокосте иначе как в духе раскаяния.

Вопреки намерениям Штюрмера и правоцентристской исторической политике, инициированной правительством Коля, в 1980-е гг. имело место укрепление критического исторического сознания, сфокусированного на национал-социалистическом прошлом. Популярное движение исторических семинаров (*history workshop*) сделало национал-социалистический период главной темой своей деятельности во многих местах³¹. Малые и большие города и деревни вспоминали своих жителей-евреев, преследовавшихся и погибших в годы господства национал-социализма. Ведущие историки движения исторических семинаров в Западной Германии, такие как Альф Людтке, Михаэль Вильдт и Петер Шёттлер, критически относились к попыткам ренационализации немецкого исторического сознания, но при этом они также отвергали сильную прозападную ориентацию обоих главных лагерей, участвовавших в «споре историков». Отвергая обе основные версии как положительного, так и отрицательного «особого пути» в немецкой истории, они выбрали более радикальное смещение национальных ретроспектив в изложении истории, обращая больше внимания на повседневную жизнь, в которой национальный

дискурс часто не очень заметен³². Такие фильмы, как «Дрянная девчонка» Михаэля Ферхёвена, отразили попытки младшего поколения исследовать национал-социалистическое прошлое своих родных городов и их жителей. К концу 1980-х гг. Западная Германия, по-видимому, заметно продвинулась в направлении принятия исторической политики, делавшей национал-социализм центральным пунктом немецкого исторического сознания, и извлекла уроки из этого прошлого, что выразилось в готовности к признанию двух немецких государств. Постнационализм и конституционный патриотизм многим левостристам представлялись единственно разумными концепциями идентичности, открытыми для немцев. Как весьма удачно выразился Генрих Август Винклер в своей статье, посвященной «спору историков», единое немецкое национальное государство, возникшее в 1871 г. и просуществовавшее до 1945 г., было пагубным не только для немцев, но и для европейцев в целом. Так что лучше всего было бы расценивать это как историческое заблуждение, эксперимент с отрицательным результатом³³.

Отношение к «спору историков» после объединения

Воссоединение Германии заметно изменило параметры исторической политики. Внезапно и, пожалуй, даже неожиданно объединенная Германия столкнулась с вопросом: обязательно ли выдвигать национальную идентичность как средство обретения внутреннего единства. Между 1990 и 1995 гг. многие крайне правые историки и публицисты, которые в большинстве своем не имели должностей в университетах, попытались решительно развернуть немецкое историческое сознание вправо. При поддержке флагманского правого еженедельника *Junge Freiheit* и целого ряда весьма заметных книг, они стремились сформировать новое отношение к национал-социалистическому прошлому. В своих работах по национал-

социализму они еще не отрицали Холокост, но уделяли ему минимум внимания, вместо этого подчеркивая роль национал-социалистов в модернизации Германии. Поскольку понятие модернизации в обычных условиях воспринимается весьма позитивно, они надеялись помочь освободить национал-социалистическое прошлое от якобы односторонней фиксации на Холокосте. Мощным фактором релятивизации важности Третьего рейха для немецкого исторического сознания стало приравнение «коричневого цвета» к «красной» диктатуре в ГДР. Однако в широком национальном дискурсе в ФРГ эти «новые правые» оставались на обочине, и в 1995 г. один из их главных представителей Райнер Цительман признал, что они потерпели неудачу в попытках изменить характер споров по поводу исторической политики³⁴. Не удалось им, в частности, отвоевать национально-консервативное направление, отгеснив известных историков, которые разделяли некоторые идеи «новых правых», например, необходимость ренационализации немецкого исторического сознания, желание выдвинуть на первый план преступные деяния коммунистического режима в ГДР, неприязнь к 1968 г. и левоцентристским силам бывшей ФРГ. Однако это господствующее национал-консервативное направление разделяло веру в важность темы национал-социализма для немецкого исторического сознания и не желало потворствовать примирительным тенденциям, прослеживаемым в работах «новых правых» и соглашаться с ними. Более того, они выступали против антилиберального и антидемократического подтекста «новых правых», выражавшегося в заигрывании с идеями, восходящими к мыслителям «консервативной революции» в Веймарской республике.

Были ли 1990-е гг. в немецкой исторической политике эпохой «много шума из ничего»? Вряд ли. Воссоединение привело к фундаментальному переосмыслению прежней леволиберальной позиции 1980-х гг. Для начала — многие левые либералы теперь стеснялись своих прошлых контактов с коммунистической Восточной Германией. Ретроспективный анти-

коммунизм захватил немецкую политику и историографию, что привело к дискредитации посткоммунистической Партии демократического социализма (ПДС) и к заявлениям историков, обесценивших практически все научные работы, написанные историками ГДР за прошедшие 40 лет³⁵. Национальные чувства, продемонстрированные в 1989 г. революционерами и отчасти Западной Германией, неожиданно возникшая задача построения новой, большой Германии привели к отказу от идей постнационализма и конституционного патриотизма, которые ранее отстаивали многие левые либералы. Наконец, утверждение об уникальности Холокоста теряло свою определенность, потому что появлялось все больше исследований, проводящих параллели с другими кампаниями геноцида в других частях земного шара. В начале XXI столетия уже не запрещалось сравнивать Холокост с другими кампаниями геноцида, хотя пока мы все еще сталкиваемся с оговорками, что сравнение не есть приравнивание.

Что касается немецкой исторической политики, 1990-е гг. в повторно объединенной Германии ознаменовались изменением историко-политических позиций. Правоцентристы и левоцентристы, в 1980-х гг. бившиеся в «споре историков», теперь объединились в рамках квазисогласия по поводу исторической политики. В частности, все стороны признали, что немецкое историческое сознание нуждается в некоторой ренационализации, что национал-социализм должен оставаться центральным пунктом немецкого исторического сознания и что достижения ФРГ после 1949 г. следует толковать как запоздалую, но успешную вестернизацию немецкого мышления. Уже во время «спора историков» стало ясно, что представители обеих сторон испытывают сильную тягу к «Западу» и вестернизации: все они были убежденными европейцами и атлантистами и сторонниками западных форм демократии, будь то французская, британская или американская. Новый консенсус обрел свое выражение в торжественном открытии мемориала Холокоста в центре бывшей и одновременно новой столицы

Германии Берлине, куполе на вершине Рейхстага, созданном Норманом Фостером, и переустройстве национального исторического музея в Берлине. Определяющее изложение истории было представлено в двухтомнике *The Long Way West* (Долгий путь на Запад) Генриха Августа Винклера, который точно описал и трудности вестернизации Германии до 1945 г., и кульминацию в виде двенадцати самых темных лет немецкой истории, и успешную вестернизацию после 1945 г., которая, к сожалению, сочеталась с еще одним «особым путем» — путем постнационализма. Только революция 1989 г. открыла дорогу к «нормальному» постнациональному историческому сознанию, которое в сочетании с вестернизацией гарантировало бы мирную и гармоничную интеграцию Германии в Европейский союз. Язык «нормальности» и поиск нормальности стали самым существенным изменением параметров в немецкой исторической политике с середины 1980-х гг. и приблизили завершение «спора историков».

Возможно, на основе этого нового консенсуса по исторической политике в 1990-х гг. сформировался новый контекст в отношении так называемых «новых жертв», набравший силу в 2000-е гг. Романист В.Г. Зебальд одним из первых, уже в 1990-х гг., утверждал, что в открытом немецком дискурсе появилось табу: нельзя говорить о жертвах, понесенных немцами в ходе Второй мировой войны. Но, утверждал он, немцы тоже были жертвами: они чрезвычайно пострадали от бомбежек немецких городов, миллионы немцев подверглись этническим чисткам в странах Центральной и Восточной Европы и стали жертвами преступлений, совершенных Красной армией при продвижении ее по немецкой территории. В унисон с ним выступил и один из самых видных интеллигентов левого толка Гюнтер Грасс. В его романе *Krebsgang* («Траектория краба») картина гибели транспорта «Вильгельм Густлофф» перемежается описаниями попыток правых уже в современной Германии получить политические преимущества за счет табуирования упоминаний о жертвах, понесенных немцами во

Второй мировой войне. Грасс утверждал, что любые такие табу лишь способствовали бы реализации политического права, предполагающего необходимость скорейшего приведения частных воспоминаний о понесенных жертвах в соответствие с общественной памятью о совершенных преступлениях. Это казалось тем более необходимым, потому что исследования частных воспоминаний о временах национал-социализма, по-видимому, продемонстрировали неспособность немцев воспринимать близких членов семьи как преступников, участников преступлений национал-социалистического режима³⁶. Неотъемлемой частью этого восстановления памяти о понесенных немцами жертвах стало возобновление интереса к «немецкому Востоку», о чем свидетельствовали, в частности, популярность книг и телевизионных документальных фильмов о Восточной Пруссии и то внимание, которое немецкие СМИ уделили 750-летию Калининграда в 2005 г.

Конечно, как указывали некоторые историки, идея запрета на упоминания о понесенных немцами жертвах после 1945 г. — это миф³⁷. Как было отмечено выше, историческая политика Западной Германии в 1950-х гг. была сосредоточена как раз на этих жертвах, и даже если ГДР делала акцент на антифашизме, это означало, что речь идет о немецких коммунистах — жертвах национал-социализма. Только при условии фундаментальных изменений в коллективной памяти в Западной Германии в 1960—1970-х гг. стало возможным, чтобы память об этих жертвах была приватизирована и перешла к крайне правым группам и немецким организациям депортированных лиц. Однако разве такой временной график не указывает на то, что объединенная Германия возвращается к весьма проблемной санированной памяти 1950-х гг.?

Я думаю, что на этот вопрос можно уверенно ответить «нет». Почему? Потому что Западная Германия пережила длительный период, в течение которого она фокусировала внимание на преступлениях самих немцев. Потому что немцы достигли, наверное, невиданных успехов в своих усилиях по примире-

нию со своим весьма проблемным прошлым. Важно также, что то, что якобы возвращается, существенно отличается от исторической политики 1950-х гг. именно потому, что основано на существующем в публичных дебатах чрезвычайно широком консенсусе в отношении того, что национал-социализм и память об ответственности немцев за Холокост и жестокости Второй мировой войны должны оставаться существенными компонентами немецкого исторического сознания. Немцы могут вспоминать о немцах, ставших жертвами бомбежек, но лишь держа в уме, что перед этим граждане многих других национальностей стали жертвами немецких бомбардировок. Они могут говорить о массовом насилии, совершавшемся солдатами Красной армии, но только если при этом они помнят о преднамеренной тактике «выжженной земли», которую использовал вермахт при отступлении на территории Советского Союза. И они могут оплакивать утрату немецкой культуры в Центральной и Восточной Европе, но при условии, что они помнят, что до этого в Европе осуществлялись массовые этнические чистки в рамках национал-социалистического «нового порядка». В этом плане споры относительно жертв, понесенных немцами, вносят совершенно необходимые оттенки серого в упрощенные черно-белые схемы споров о преступниках и жертвах. Но нельзя забывать и о том, что идти по натянутому канату по-прежнему очень трудно, потому что в таких спорах очень легко взять неправильный тон и оказаться неправильно понятым.

Заключение

Этот очень краткий обзор немецкой исторической политики в период между 1949 г. и сегодняшним днем, основное внимание в котором было уделено тому месту, которое отводится периоду национал-социализма в немецком историческом сознании, подчеркивает важность расширения политических

рамок. Коммунисты в Восточной Германии диктовали историческую политику, которая была основана на восприятии ГДР самой себя как государства антифашистов, представляющего все позитивные традиции немецкой национальной истории. Либерально-демократическая структура в Западной Германии обеспечивала большую остроту и гораздо большую открытость споров об исторической политике — в пределах от широко распространенной критики ранней попытки Фридриха Мейнеке проанализировать уроки национал-социалистического прошлого до «спора историков» в 1980-х гг. Главные политические цезуры в ФРГ оказывали мощное воздействие на доминирующие формы исторической политики. Первоначальное «забвение» немецких преступлений и ответственности национал-социализма за войну и геноцид в 1960-х и 1970-х гг. сменилось серьезными попытками сделать период господства национал-социализма главным элементом немецкого исторического сознания. «Спор историков» стал попыткой сторонников господствующей леволиберальной тенденции не допустить никаких (предполагаемых) изменений особого положения национал-социализма в историческом сознании немцев, что имело важные последствия для немецкой национальной идентичности, которая все увереннее формулировалась в терминах постнационализма и конституционного патриотизма, по крайней мере, в леволиберальной интеллектуальной атмосфере ФРГ.

Воссоединение ознаменовалось еще одним решительным изменением в немецкой исторической политике, когда, после ничем не закончившегося выхода на авансцену «новых правых» интеллектуалов, представители правополитиков и левоцентристов, выступавшие друг против друга в «споре историков», объединились в рамках более или менее совместного поиска национальной «нормальности». Теперь цель немецкой исторической политики состоит в том, чтобы помочь немцам обрести «национальную нормальность», и развевающийся немецкий флаг во время чемпионата мира по футболу в 2006 г. стал признаком того, что немцы действительно постепенно

превращаются в нормальную западную нацию. Использование понятия нормальной нации должно, прежде всего, заверить самих немцев и весь остальной мир, что немцы могут размахивать национальными флагами, петь государственный гимн и гордиться тем, что они немцы, не ощущая при этом потребности немедленно вторгнуться в другие страны. И следует заметить, что пока они делают это весьма убедительно.

Примечания

¹ *Siever H.* Kommunikation und Verstehen. Der Fall Jenninger als Beispiel einer semiotischen Kommunikationsanalyse. Frankfurt am Main, 2001.

² Этот вопрос очень подробно рассматривается в нескольких книгах и статьях. См., например, подборку оригинальных газетных статей — *Forever in the Shadow of Hitler? Original Documents of the Historikerstreit, the Controversy Concerning the Singularity of the Holocaust.* Atlantic Highlands, N.J., 1993; *Baldwin P.* Hitler, the Holocaust and the Historians' Dispute. Boston, MA, 1990; *Eley G.* Nazism, Politics and the Image of the Past: Thoughts on the West-German Historikerstreit, 1986—1987 // *Past and Present.* No 121. 1988. P. 171—208; *Evans R.* In Hitler's Shadow: West German Historians and the Attempt to Escape the Nazi Past. N. Y., 1989; *Maier Ch.* The Unmasterable Past: History, Holocaust and German National Identity. Cambridge, MA, 1988.

³ Я использую термин «историческая политика» как аналог немецкого термина *Geschichtspolitik*, чтобы таким образом акцентировать внимание на близости конкретных исторических ракурсов к политическим программам. Так быть не должно, но тем не менее они часто ориентированы на партийно-политические программы и вносят определенный вклад в приспособление истории к нуждам политики.

⁴ Известная выставка «Вермахт» глубоко связана со «спором историков» и публикациями, по-прежнему изображающими немецкую армию как профессиональный и благородный институт. Относительно этой выставки и ее воздействия на изменяющееся восприятие вермахта в Германии см.: *Vernichtungskrieg: die Verbrechen der Wehrmacht, 1941—1944* / H. Heer, K. Naumann (eds.). Hamburg, 1995.

⁵ *Bergen D. L.* Controversies about the Holocaust: Goldhagen, Arendt and the Historians' Conflict // *Historikerkontroversen* / H. Lehmann (ed.). Göttingen, 2000. P. 141—174.

⁶ *Frei N.* Vergangenheitspolitik: die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. Munich, 1996.

⁷ *Moeller R.* War Stories: The Search for a Usable Past in the Federal Republic of Germany // *American Historical Review*. Vol. 101. 1996. P. 1029.

⁸ *Meinecke F.* The German Catastrophe: Reflections and Recollections. N. Y., 1966; про Мейнеке см. также: *Ritter G.A.* German Refugee Historians and Friedrich Meinecke: Letters and Documents, 1910—1977. Leiden, 2010; *Frey H., Jordan S.* Inside-Out: the Purposes of Form in Friedrich Meinecke's and Robert Aron's Explanations of National Disaster // *Nationalizing the Past: Historians as Nation-Builders in Modern Europe* / S. Berger, C. Lorenz (eds.). Basingstoke, 2010. P. 282—297.

⁹ *Ritter G.* The German Opposition to Hitler // *Contemporary Review*. Vol. 177. 1950. P. 339—345; *Rothfels H.* The German Opposition to Hitler. Chicago, 1962; про Риттера см. *Cornelissen C.* Gerhard Ritter: Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 2001; про Ротфельса см.: *Eckel J.* Hans Rothfels: eine intellektuelle Biographie im 20. Jahrhundert. Göttingen, 2005.

¹⁰ 50 Jahre Institut für Zeitgeschichte: eine Bilanz / H. Möller, U. Wengst (eds). Munich, 1999.

¹¹ *Berg N.* Der Holocaust und die westdeutschen Historiker: Erforschung und Erinnerung. Göttingen, 2003.

¹² *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. Stuttgart, 1964.

¹³ Вокруг смерти Тельмана в Бухенвальде шли серьезные споры. Западногерманские историки долгое время утверждали, что он погиб при налете бомбардировщиков союзников. Однако последние исследования относительно гибели Тельмана убедительно показали, что он был убит своими национал-социалистическими тюремщиками. Вскоре должна выйти биография Тельмана, написанная Норманом Ла-Порте. Я благодарю д-ра Ла-Порте за то, что он поделился со мной этой информацией.

¹⁴ Относительно манихейской природы исторической политики в ГДР см.: *Erinnerungsorte der DDR* / Martin Sabrow (ed.). Munich, 2009.

¹⁵ Относительно этого специфического разделения истории на две идущие бок о бок традиции см.: *Dorpalen A.* German History in Marxist Perspective. The East German Approach. L., 1985.

¹⁶ Относительно антифашизма и его роли в историографии и историческом сознании ГДР см.: *Berthold W.* Marxistisches Geschichtsbild — Volksfront und antifaschistisch-demokratische Revolution. Zur Vorgeschichte der Geschichtswissenschaft der DDR und zur Konzeption der

Geschichte des deutschen Volkes. Berlin, 1970; эта работа позволяет постичь суть официального самовосприятия ГДР.

¹⁷ Относительно маргинализации Холокоста в ГДР и его открытию как темы в 1980-х гг. см.: *Groehler O.* Der Holocaust in der Geschichtsschreibung der DDR // *Zweierlei Bewältigung* / O. Groehler, U. Herbert (eds). Hamburg, 1992; и более широко: *Timm A.* Hammer, Zirkel, Davidstern: das gestürzte Verhältnis der DDR zu Zionismus und Staat Israel. Bonn, 1997.

¹⁸ Относительно 1968 г. и новой интерпретации исторической политики в отношении национал-социалистического прошлого см.: *Lydtke A.* Coming to Terms with the Past Illusions of Remembering, Ways of Forgetting Nazism in West Germany // *Journal of Modern History*. Vol. 65. 1993. P. 542—572; см. также: *Herf J.* Divided Memory: The Nazi Past in the Two Germanies. New Haven, 1997. P. 334, etc.

¹⁹ Относительно политики в отношении прошлого (*Vergangenheitspolitik*) в 1950-х гг. см. также статью Ютты Шеррер в этом сборнике.

²⁰ Относительно исторической политики Брандта см.: *Merseburger P.* Willy Brandt, 1913—1992: Visionär und Realist. Stuttgart, 2002.

²¹ *Kruse C.* Der Kniefall von 1970 — ein symbolischer Durchbruch? Norderstedt, 2008.

²² *Art D.* The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge, 2006.

²³ *Stürmer M.* Geschichte in geschichtslosem Land // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1986. Apr. 25.

²⁴ Споры вокруг музея в Берлине тщательно документированы в сборнике: *Deutsches Historisches Museum Berlin: Ideen — Perspektiven — Kontroversen* / C. Stülzl (ed.). Berlin, 1988.

²⁵ Про Битбург см.: *Bitburg in Moral and Political Perspective* / G. H. Hartmann (ed.). Indianapolis, 1986.

²⁶ *Nolte E.* Vergangenheit, die nicht vergehen will. Eine Rede, die geschrieben, aber nicht gehalten werden konnte // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1986. Jun. 6.

²⁷ *Habermas J.* Eine Art Schadensabwicklung: die apologetischen Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung // *Die Zeit*. 1986. Jul. 11.

²⁸ Относительно подъема и упадка концепций постнационализма и конституционного патриотизма см.: *Beume K., von.* Deutsche Identität zwischen Nationalismus und Verfassungspatriotismus // *Nation und Gesellschaft in Deutschland: historische Essays* / M. Hettling, P. Nolte (eds.). Göttingen, 1996. P. 80—99.

²⁹ *Hildebrandt K.* Wer dem Abgrund entkommen will, muss ihn aufs genaueste ausloten // *Die Welt*. 1986. Nov. 22; *Müller H.* Es kann nicht sein, was nicht sein darf // *Beiträge zur Konfliktforschung* 4. 1986. P. 146—151; *Fest J.* Die geschuldete Erinnerung // *FAZ*. 1986. Aug. 29.

³⁰ Относительно исторической политики в ГДР в 1980-х гг. см.: *Brinks J. M.* Die DDR-Geschichtswissenschaft auf dem Weg zur deutschen Einheit. Frankfurt am Main, 1992; относительно исторической политики ГДР в целом см. статью Ютты Шеррер в этом сборнике.

³¹ Относительно движения исторических семинаров в Германии см. *The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life* / A. Lüdtkе (ed.). Princeton, NY: 1995.

³² Normalität oder Normalisierung: Geschichtswerkstätten und Faschismusanalyse / H. Gerstenberger, D. Schmidt (eds). Мюнстер, 1987.

³³ *Winkler H. A.* Auf ewig in Hitlers Schatten? Zum Streit über das Geschichtsbild der Deutschen // *Frankfurter Rundschau*. 1986. Nov. 14.

³⁴ Относительно подъема и упадка «новых правых» см.: *Wiegel G.* Die Zukunft der Vergangenheit. Konservativer Geschichtsdiskurs und kulturelle Hegemonie. Cologne, 2001.

³⁵ *Berger S.* Anticommunism after the Fall of Communism? The Anti-Left Syndrome of the SPD and its Impact on Contemporary German Politics // *Debatte*. Vol. 3. No 1. 1995. P. 66—97; также см.: *The Search for Normality: National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800*. 2nd edn. Oxford, 2003. Ch. 7.

³⁶ *Welzer H., Müller S., Tschuggnall K.* Opa war kein Nazi: Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis. Frankfurt am Main, 2008.

³⁷ *Berger S.* On Taboos, Traumas and Other Myths: Why the Debate about the German Victims of the Second World War is not a Historians' Controversy // *Germans as Victims: Remembering the Past in Contemporary Germany* / B. Niven (ed.). Basingstoke, 2006. P. 210—224.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

*Посткоммунистические
страны— члены ЕС*

Польские споры об истории в XXI в.

Так сложилось, что последние строки этой статьи я пишу во время проведения в Берлине международной конференции «Диктаторы за шахматной доской: Пакт Гитлера — Сталина, война и европейская память». Немецкие, польские, российские и литовские историки собрались вместе, чтобы обсудить значение и последствия произошедшего в 1939 г. раздела Европы на сферы влияния между двумя тоталитарными государствами¹. Если бы в это же самое время из Москвы не пришла новость о создании специальной государственной комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, могло бы сложиться впечатление, что, несмотря на неизбежные расхождения в интерпретации, нам наконец удалось сформировать реальное европейское пространство для диалога о новейшей истории. К сожалению, единого европейского пространства для диалога не существует. Глубокая трещина разделяет не только Россию и Польшу, но и проходит между Западной и Центрально-Восточной Европой. Кроме того, резко обозначены внутренние, национальные границы в пределах отдельных государств. Мой несколько пессимистический тезис по окончании конференции можно сформулировать следующим образом: нам необходимо европейское пространство для диалога, но прежде чем создать его, мы должны решить «внутренние споры», попытаться критически разобраться с собственным прошлым, чтобы «скелеты в

шкафу» не помешали нам избавиться от комплексов и политического балласта. Каждая «национальная историография» не только на востоке, но и на западе Европы сталкивается при решении этой проблемы со своими трудностями.

Контекст польского спора об истории

За последние двадцать лет в Польше лишь однажды удалось провести беспрецедентные дебаты об истории: это была дискуссия (2000—2002) о массовых убийствах евреев в городке Едвабне в 1941 г. Ее начали по немецкой инициативе «польские соседи». В поле зрения дискуссии оказались проблемы антисемитизма и национализма, вопрос об отношении к оккупантам (немцам и русским), «патриотизм и национальная измена». На мой взгляд, ни одна из стран Центральной и Восточной Европы не проходила через подобную очную ставку с собственным прошлым. К сожалению, спор о Едвабне не повлек за собой дальнейших глубоких дискуссий.

В то же время на рубеже 2004—2005 гг. был запущен еще один механизм публичного создания новой версии истории, который я называю «новой исторической политикой». Ее главным лозунгом стал отказ от «критического патриотизма» и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «патриотизм завтрашнего дня». Парадоксальным образом «патриотизм завтрашнего дня» истолковывался со «вчерашней» точки зрения. Суть его, как и прежде, сводилась к созданию общности, которая опирается в первую очередь на ценности этнического патриотизма XIX в. Доминировало стремление укоренить, а отнюдь не подвергнуть критическому пересмотру модели прошлого, и вместе с тем предполагалось, что будущее также следует подчинить этим моделям. Была создана целая научно-образовательная структура, которая занималась пропагандой и закреплением таких моделей. Ее центром стал Институт национальной памяти (*IPN*), до сегодняш-

него дня сохранивший ведущую роль (с учетом произошедших в нем изменений) как проводник определенной трактовки исторических событий. Успехи новой исторической политики в 2004/05 — 2007 гг. показали, что вопреки ожиданиям поляки не расстались с национально-романтическим, героическим мифом своей истории. Лагерь «критически настроенных» политиков и известных профессиональных историков не смог предложить какую-либо альтернативную концепцию представления истории, которую восприняли бы широкие круги общества. Вместо дискуссии произошло размывание позиций. Спор о биографии (не только политической) президента Леха Валенсы, актуальные дебаты о государствообразующем мифе III Речи Посполитой, продолжающийся (пусть и на втором плане) процесс «исторического утверждения» IV Речи Посполитой и, наконец, постоянные нерациональные прения с соседями — в основном с Германией и о ней — показывают, что мы все еще находимся не в центре спора историков, а в центре идеологической борьбы в духе вопроса, заданного когда-то Ежи Едлицким²: какая цивилизация нужна полякам? Сегодня, сузив вопрос Едлицкого, можно сказать, что мы все еще стоим перед проблемой: какая история и какая память нужны полякам?

Дискуссия на тему «польскости», «патриотизма», «польских национальных недостатков», «польского мессианства» продолжается с момента формирования современной польской нации. Это неотъемлемая часть политической культуры современной Польши. Началось все с романтиков, которым мы обязаны нынешним повсеместно принятым пониманием родины. Приведу мнение историка идей, редактора ежеквартального журнала *Res Publica Nowa* Марчина Круля³, который считает, что не столько сами по себе идеи романтизма, сколько их интерпретации, критика и обожание, а также их последователи и подражатели сыграли решающую роль в идентификации с «польскостью», в определении качества и уровня нашего дискурса «о родине» и патриотизме». Говоря об истории Польши

как о пространстве для диалога, нельзя забывать о тех, кто положил начало важнейшим дискуссиям о смысле существования нации: Станиславе Выспяном, Станиславе Бжозовском, «судьбах непокорных»⁴, Тадеуше Бой-Желеньском, Витольде Гомбровиче, парижской «Культуре», Славомире Мрожеке или Чеславе Милоше и Збигневе Херберте. Нельзя обойти вниманием и громкие дебаты последних лет, которые начались еще во времена Польской Народной Республики (ПНР), в 1979 г., с выставки «Поляков собственный портрет», с публикаций Адама Михника, с фильмов Анджея Вайды, а также с интеллектуальных достижений «Солидарности». «Растравление» национальных ран, их заживление, одобрение и «запечатление в бронзе» национальной истории вот уже на протяжении двухсот лет относятся к основным темам польских общественных дискуссий⁵. Вопреки мнению многих, в III Речи Посполитой проводилась политика в отношении истории, и причем с успехом⁶. По-прежнему остается актуальной проблемой то, что мы охотно вспоминаем минуты славы и побед, но предпочитаем не думать о событиях постыдных или представляющих нас в невыгодном свете.

«Новая историческая политика» 2004/05—2007 гг.

Возникшая на рубеже 2004—2005 гг. идея нового одобрительного подхода к польской истории стала одной из попыток свести счеты с собственным прошлым. Это было своего рода продолжением традиции. Главными выразителями новых тенденций стали четыре интеллектуала, связанные с консервативным краковским Центром политической мысли: философ и историк идей Марек Чихоцкий⁷, философ Дариуш Карлович⁸, философ и историк идей Дариуш Гавин⁹, а также социолог Здзислав Краснодембский¹⁰. Единственным профессиональным историком, ставшим на защиту новой исторической политики, был Анджей Новак¹¹. Новая историческая политика отличалась тем, что ее сторонники — интеллектуалы, писате-

ли и публицисты — вскоре стали применять собственные идеи на практике в качестве чиновников или неформального интеллектуального обеспечения новой государственной власти. Так, интеллектуальный спор перешел в плоскость общественного восприятия истории. История как наука стала важным инструментом политики и существенным фактором, легитимирующим политический уклад 2005—2007 гг.¹².

Новая историческая политика исходит из утверждения, что уровень патриотизма в Польше слишком низок, а исторические памятные места поляков, которые могли бы стать фундаментом для новой идентичности и национальной общности, исчезают. Невежество и отсутствие исторической памяти не позволяют пробудить чувство единства нации. Причину этого усматривают в наследии коммунистической исторической пропаганды и — символически — в «жирной черте»¹³, искажившей «реальные» соотношения в оценке национальной истории. Многие проводники исторической политики считают, что корень зла заключен в критическом патриотизме Яна Юзефа Липского¹⁴. Наиболее подробно такая точка зрения представлена в работе Дариуша Гавина «От романтического народа к либеральному обществу: Поиски новой культурной идентичности в польской политике после 1989 г.»¹⁵. Основной тезис этой работы состоит в том, что после 1989 г. романтическая модель самовосприятия национальной общности разрушилась. По мнению Гавина, акценты сместились с «народа» на «общество», с «однородного духовного тела» на плюралистическую, неоднородную структуру, в основе которой лежит не духовность, а «насуточные интересы». Следствием этого стало разложение (или, скорее, уничтожение) романтического национального канона, выстраивать который в условиях плюрализма «невозможно и необязательно». Результат описываемого процесса можно охарактеризовать следующим образом: демократизация и либерализация общественной жизни приводят к утрате традиционных национальных ценностей, не предлагая взамен других сплачивающих общество духовных основ, кроме механизмов свободного рынка. В этом контексте

легче понять логику позднейшей новой исторической политики — антилиберальной и пронациональной, направленной на сохранение национальной общности. Но существует ли в действительности столь простой механизм, который автор переносит с исследуемой группы политиков на все общество? На мой взгляд, картина, представленная Дариушем Гавином, во многом непоследовательна. Прежде всего, если крах романтического канона произошел после 1989 г., это означает, что в ПНР он прекрасно существовал. С этим можно согласиться с той оговоркой, что в отказе от гибридного ПНРовского канона ничего плохого не было, наоборот, такой отказ представлял собой естественную потребность измученного общества в оздоровлении, когда назрела необходимость освободить собственное прошлое от идеализации и разного рода табу. К сожалению, этот процесс не был завершен.

Действительно ли плюрализация общественной жизни напрямую вела к меркантилизации общества и потребительству? Лишь отчасти. Во-первых, началась ускоренная трансформация, втягивавшая неподготовленное население в механизмы свободного рынка. Во-вторых, плюрализация создала единственное в своем роде пространство свободы для «бунтов провинции» начала 1990-х, новаторского движения «малых родин», для образования региональных сообществ, «выхода на поверхность» таких самостоятельных культурных явлений, как варшавская *KARTA*, гданьский *Przegląd Polityczny*, сейненское *Pogranicze* или ольштынская *Borussia* и т.д. В концепции новой исторической политики ничего не говорится о подобном «писании Польши заново». Разрушали ли эти движения общность? Нет, они становились альтернативой гибриднему ПНРовскому патриотизму. Они не приводили к коммерциализации, а, напротив, предлагали польскому обществу на этапе модернизации новые ценности. Нельзя не согласиться с Иоанной Курчевской в том, что новые политические элиты в 1990-х гг. способствовали маргинализации общества, в то же время относясь к истории как к объекту: «Для них отношение к прошло-

му всегда важно: они хотят его узнать, оценить и использовать для легитимации собственных начинаний»¹⁶. Этот факт, однако, не предопределяет последующих «исключающих» действий, направленных на этот раз против «либералов».

И наконец, главная непоследовательность новой исторической политики. Невозможно создать позитивное послание, затрагивая лишь один сегмент альтернативных идей и позиций, в данном случае односторонне определяемый либерализм. У той части общей картины, созданной Гавином, которая открыта для читателя, есть ясно обозначенный контрапункт. Это традиция критического патриотизма, наиболее полно отраженная в работе Яна Юзефа Липского «Две родины — два патриотизма»¹⁷ и ведущая свое начало от краковской исторической школы конца XIX в. (Юзефа Шуйского и Михала Божиньского) и от Тадеуша Бой-Желеньского. Сегодня эту традицию продолжает Ежи Едлицкий.

Мне представляется, что основная задача состоит не столько в выявлении противника, сколько в четком определении места новых идей по отношению к течению (течениям), которые используют при описании польской действительности, идентичности, памяти схожие или те же самые категории: национальные интересы, национальная общность, солидарность, польское национальное пространство, христианские (католические) ценности и т.д. Словом, речь идет о прояснении, а не о создании второй части картины, которая повествует о бесславных страницах польского национализма и католического интегризма, присвоивших себе исключительные права на польский патриотизм.

Польский Институт национальной памяти

В 1999 г. был принят закон о создании Института национальной памяти (ИНП). С ним связывали самые разные надежды. ИНП возник на базе существовавшей уже несколько деся-

тилетий Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа (до 1990 г. — Главная комиссия по расследованию преступлений гитлеризма), которая занималась выявлением преступлений времен Второй мировой войны. ИНП унаследовал от Комиссии ее архивы, прекрасную библиотеку и некоторых прокуроров. Уже в 1990 г. Главная комиссия занялась также расследованием преступлений, совершенных в годы сталинского режима. Естественным образом этим же стал заниматься и ИНП.

ИНП был призван решить проблему архивов спецслужб ПНР: отделить их от архивов современных служб свободной Польши и тем самым не допустить, чтобы материалы «личных дел» использовались в политических играх. Именно поэтому принципиально важно было лишить политиков доступа к этой информации. Архивы должны были стать предметом изучения историков и поведать правду о ПНР, об управлявших ею механизмах, о борьбе за свободу и о репрессиях против граждан. Речь шла о познании прошлого во всем его многообразии. С этой целью было создано Бюро общественного образования, где стали работать несколько десятков талантливых историков. Сотрудников набирали в основном из числа выпускников лучших вузов.

ИНП должен был возместить ущерб жертвам системы и людям, боровшимся с ней во имя свободы и государственной независимости. Для этого был введен статус «пострадавшего», который присваивался тем, кто подвергался преследованиям или репрессиям. В течение нескольких лет ИНП выдавал удостоверения пострадавшим, предоставлял им доступ к их личным делам и разрешал копировать материалы дела. Институт также должен был изобличить Управление безопасности (и пришедшую ему на смену Службу безопасности), которое несло ответственность за репрессии против граждан. Ключевой фигурой стал председатель ИНП, порядок назначения и полномочия которого были определены таким образом, чтобы ни политики, ни спецслужбы — в том числе нынешние — не

могли оказывать на него давление. Процедура назначения председателя на должность была сложной, но значительно укрепляла его позиции в государственных структурах. Коллегия ИНП должна была соответствовать принципу плюрализма, поэтому девять из одиннадцати ее членов назначал сейм из числа кандидатов, выдвинутых различными парламентскими фракциями. Двух членов Коллегии предлагал Всепольский совет судейского корпуса, после чего их должен был утвердить сейм.

Так было задумано в теории. На практике же после непродолжительного периода открытости при председателе Леоне Кересе (2000—2005) наступило время, когда на ИНП стали оказывать давление национально-консервативно ориентированные политики и историки: «Прокуроры, твердо убежденные в собственной исключительности и огражденные особыми должностными инструкциями, избегали контактов с историками, которых, в свою очередь, изумляла косность прокуроров и их слабое знание прошлого»¹⁸.

Архив (получено и собрано около 90 погонных км полок с делами) превратился в закрытую структуру со странными порядками. Процесс получения доступа к личным делам значительно растягивался. В ИНП сформировались три отдельные оргструктуры, объединенные лишь фигурой председателя: Главная комиссия, архив и Бюро общественного образования. Контакты между ними были формальными и скорее поверхностными¹⁹.

По мнению Анджея Фришке — члена Коллегии на протяжении шести лет, — после 2005 г., когда должность председателя ИНП занял Януш Куртыка, а Ян Жарына стал директором Бюро общественного образования, наступила эра политизации и «политического исключения». Прелюдией к ней стало обнаружение в 2004 г. имен «тайных сотрудников» УБ/СБ журналистом Брониславом Вильдштейном (так называемый список Вильдштейна)²⁰. Проблема «нации» и «коллективной памяти» не выносилась на публичное обсуждение, как если бы это были

неприкосновенные ценности. В названии Института национальной памяти (а через название — и в деятельности) неудачно слились воедино задачи «национальной политики памяти» с миссией независимых научных исследований, а кроме того, на все это накладывались следственные и прокурорские полномочия. В общественном восприятии смысл, заключенный в названии данной организации, мог быть только один: память и история как наука — это одно целое. Нет ничего более ошибочного и вводящего в заблуждение. Это чревато тем, что история Польши будет излагаться упрощенно.

Под давлением правившей в 2005—2007 гг. народно-популистской коалиции ИНП ввел критерии морально-политической чистоты: «Так называемая идеология “морального укрепления” хорошо соотносилась со сменой персоналий. Председатель был сторонником широкой люстрации и декоммунизации. Связи с новой парламентской коалицией упрочились, доказательством чему стали поправки к закону об ИНП. Институт получил право на люстрацию, что определило его дальнейшую деятельность. Статус “пострадавшего” был упразднен, а это автоматически сместило акцент с возмещения ущерба жертвам режима на выявление агентов»²¹.

Музей Варшавского восстания

В 2004 г. был открыт Музей Варшавского восстания, что стало ярким событием по двум причинам. Во-первых, появилось место увековечивания памяти жертв одного из самых кровавых восстаний XX столетия. Во-вторых, мы — если занять позицию наблюдателя — имели дело с попыткой организовать культурную память поляков. В результате у нас появился лучший исторический музей в Польше и один из самых интересных в Европе. При всем уважении к мнению, что Музей Варшавского восстания и празднование 60-й годовщины этого восстания привели к профанации истории, не следует забы-

вать, что все это происходило в специфических условиях спора о прошлом. С силой, несопоставимой с другими историческими дебатами 1999—2000-х гг., «выстрелило» Едвабне. Впервые мы оказались непосредственно лицом к лицу с образом поляка — виновника преступления. Для одних это стало своего рода катарсисом народной совести, других укрепило в стремлении защищать «польскость» от угрожающих ей внешних врагов. Весьма странным эпизодом в этой дискуссии стало предоставление почетного гражданства Едвабне Ежи Роберту Новаку, неоднократно высказывавшему свои антисемитские взгляды.

Почти в то же самое время возникла немецкая инициатива создания Центра изгнанных. Дискуссия на тему Центра привела к поляризации общественного мнения и в Польше, и в Германии. Впервые стало очевидно, что мы имеем дело уже не только с противостоянием двух традиций национальной памяти. Из польско-немецкого спора выросли бурные польско-польская и немецко-немецкая дискуссии. Наиболее ярким эпизодом стал закончившийся судебным процессом конфликт между председателем немецкого «Союза изгнанных» Эрикой Штейнбах и корреспонденткой немецкой газеты в Варшаве Габриэлой Лессер. Большинство польских СМИ, однако, освещало этот спор как борьбу с немецким видением памяти за интересы польского государства. Был абсолютно проигнорирован иной, наднациональный характер дискуссии. Устоявшийся образ немцев, с одной стороны, и поляков — с другой, отбрасывал восприятие и политическую оценку конфликта на уровень конфронтации двадцати-тридцатилетней давности.

В такой атмосфере, когда появилось ощущение, что «польские национальные ценности», сама «польскость», «польские национальные интересы» оказались под угрозой, возникла потребность ответного удара, необходимость возвратиться к героическим, мартиронологическим сюжетам польской истории. Этап, когда массово признавалась вина поляков, был уже позади. Если представить реальный сценарий развития событий

(а не его фикцию), можно предположить, что за последние пятнадцать лет празднование начала Варшавского восстания ни в один другой момент не вызвало бы такого общественного резонанса. Хочу подчеркнуть сказанное, поскольку складывается впечатление, что многие из организаторов празднования годовщины восстания слишком самонадеянно полагают, что успех тогдашних мероприятий напрямую связан с определенной моделью организации культурной памяти и направлением исторической политики.

Альтернативы

Музей

Сегодня самые большие разногласия вызывает концепция Музея Второй мировой войны и выбор ключевых всенародных политических праздников, символизирующих в коллективной памяти поляков конец реального социализма и демократические изменения последних двадцати лет. Важно обратить внимание на то, что политики стали по-новому присутствовать в дебатах об истории. Министр культуры и культурного наследия Богдан Здроевский выразил свое отношение к вмешательству политики в историю следующим образом: «Вот уже двадцать лет мы следим за спором, который подрывает авторитеты, искажая образ польской истории в наших собственных глазах и в глазах всего мира. Кого удовлетворяет такой спор об *исторической политике* или, как некоторые предпочитают ее называть, *политике памяти*? <...> Господствует инструментальный подход к истории либо стремление присвоить право на даты, события или героев... Меня поражает отсутствие смирения среди политиков, высказывающих однозначные моральные оценки, вознося на алтарь одних и обрекая на осуждение других. Для того чтобы ценности и символы функционировали, не требуется правовое регулирование <...>. Наша задача — охра-

нять национальную память и заботиться о ней и связанных с ней символах, а также научиться излагать польскую историю современным и привлекательным языком. Дадим наконец возможность Европе и миру понять нас!»²².

В подобном заявлении есть однозначно выраженное стремление к централизованному (правительственному) созданию политики памяти, но в то же время здесь присутствует дух открытости и отказ от нынешней инструментализации истории. Категории «национальная гордость», «национальная политика», внешне продолжающие язык новой исторической политики, не содержат ни оттенка исключительности, ни изначальной, программной индоктринации. Здесь основному нарративу недостает большей полифоничности, а также внимания к дискурсам меньшинств. Политику памяти, разработанную в 2005—2007 гг., характеризовала односторонность²³ и убежденность в том, что плюрализм нарратива, связанного с исторической памятью, угрожает не только существованию государства, но и понимаемому как отдельная сущность польскому народу²⁴. Отсюда один шаг до определения «иных взглядов»: «угроза национальным интересам», «государственная измена», «опасность потерять национальную идентичность».

Отголоски таких формулировок можно было найти в высказываниях некоторых журналистов и историков в связи с предварительной концепцией Музея Второй мировой войны²⁵. Авторы концепции — Павел Махцевич и Петр Маевский — решили отойти от традиционного национального нарратива, чем вызвали скандал. Они затронули тему, доселе неприкосновенную для большей части польского общества: опыт польского народа как центр мышления о Европе и мире. Отнюдь не отрицая этот опыт, Махцевич и Маевский стремятся акцентировать внимание на том, какой вклад внесли поляки в историю Второй мировой войны. Но этой цели они хотят добиться путем сравнительного описания. Они предлагают представить историю Польши, сопоставив ее с параллельными событиями в Европе и мире. Тем более удивительны адресованные им

упреки в антипольскости и плохо понятой универсальности данного проекта, прозвучавшие в СМИ. Ведь сравнительный подход позволит также показать «польские страдания и мариологию», не лишая их значимости. Авторы абсолютно рациональны в своих намерениях: «Мы не сможем убедить в своей правоте туристов из Лондона или Вены, о которых печется Петр Семка, создав очередную экспозицию исключительно о мученических испытаниях польского народа или прославляющую польское оружие. Школьники и студенты из Германии, Голландии, Франции, посетившие музей в Гданьске, вынесут отсюда прочные знания лишь в том случае, если события польской истории будут связаны в их сознании с событиями европейскими, знакомыми им по школьной программе, а также из фильмов и телевидения»²⁶.

Это не означает, что с концепцией музея не следует полемизировать. Напротив, даже необходимо: ведь проект может не только выполнить свою основную функцию — задать стандарты современной музейной экспозиции, но и стать альтернативным способом ведения общественного диалога об истории. Опираясь на свой личный выставочный опыт, могу сказать, что в предварительной концепции Музея не определена целевая аудитория и слишком мало говорится о том, от чьего имени ведется повествование. Введение польской истории Второй мировой войны в европейский контекст вовсе не предполагает поисков универсального вымышленного повествователя. Музей будет расположен в Гданьске, в Польше, и его посетителями будут в основном поляки. Авторы концепции, как и их критики, многократно говорили об иностранном посетителе. Портрет такого адресата неясен, поскольку у туристов из Лондона, Берлина или Львова разные взгляды и разные ожидания, которые сложно будет удовлетворить в одном музее. Туристы посещают музеи в других странах, чтобы понять специфику местного восприятия истории, даже событий мирового масштаба. Именно поэтому музей должен показывать Вторую мировую войну с польской точки зрения, но без пафоса и без ак-

цента на мученичестве поляков с целью консолидации национальной или патриотической мысли. У музея, ориентированного на польское общество, больше шансов найти нужный тон повествования о войне, который был бы гораздо понятнее, чем попытка представить в экспозиции как можно больше сюжетных линий.

Поскольку музейное повествование должно ограничиться основными сюжетами, лейтмотивом могут стать «польские судьбы». Самое сложное — найти способ, который позволит нарративу, адресованному польскому посетителю, перерасти в метаповествование, понятное и «другим». Как видно из предложенной концепции музея, авторы всерьез задумываются над этой проблемой, хотя еще и не нашли ее оптимального решения. Кроме того, история Второй мировой войны должна быть прежде всего показана через судьбы конкретных людей. Это не новость. Такой подход успешно применяется в крупнейших музеях мира и на исторических выставках, при этом широкий контекст не утрачивается. Пока в проекте музея не хватает сведений о конкретных «проводниках по выставке», которые, например как очевидцы событий, могли бы сопровождать посетителей по экспозиции. Рассказ непосредственных свидетелей облегчит идентификацию посетителей с представленной группой. Судьба поляка может стать понятной и более близкой даже для иностранного туриста. Так, можно показать запутанные людские истории во всей их трагичности и сложности. Героем этих индивидуальных повествований может стать не только житель Гданьска, но и силезец, сначала воевавший как *volksdeutsch* в вермахте, а затем на стороне поляков под Монте-Кассино. Нельзя обойти вниманием участь польских евреев. Их судьбы — как трагедия значительной части довоенного населения Польши — должны стать частью рассказа о войне. Тот факт, что еврейская тематика представлена в других музеях (в Освенциме, Яд Вашеме или Музее истории польских евреев в Варшаве), ничуть не мешает включить ее в общую картину военной трагедии²⁷. Все эти проблемы еще не решены. То, как

Павел Махцевич и Петр Маевский ведут дискуссию, показывают, что мы имеем дело с историческими дебатами нового качества. Хотелось бы, чтобы именно такой тип дискуссии стал общепринятым стандартом при формировании политики в отношении истории. Короткое, но эмоционально насыщенное обсуждение Музея Второй мировой войны напрямую связано с более общим вопросом, который постоянно обсуждается в рамках дискуссии о политике в отношении истории: какую роль должна играть эта политика в соседнем, европейском дискурсе?²⁸

Школа

Другим критерием формирования политики в отношении истории стал запущенный в мае 2008 г. проект польско-немецкого школьного учебника истории. Заявленное участие двух сторон с самого начала диктует новую форму сотрудничества. Тот факт, что его инициаторами стали польское и немецкое правительства, сразу же вызывает вопрос о границе независимости науки от политики. Совместная польско-немецкая комиссия по учебникам (далее *WP-NKP*) рассчитывает на поддержку и отсутствие политического давления со стороны правительств обеих стран. Если бы такое давление оказывалось, проект утратил бы смысл. Согласно плану был создан Распорядительный совет: с польской стороны в него вошли представители министерства национального образования, министерства культуры и министра иностранных дел; с немецкой — министр образования отдельных земель, представитель министра просвещения Бранденбурга и министра иностранных дел Германии. Среди членов совета — польский и немецкий председатели *WP-NKP*. Здесь проходит жирная черта, которая отделяет политику от конкретной работы проекта. Распорядительный совет определяет пространство функционирования проекта, обеспечивает финансирование, занимается внедрением учебника в школы. Все остальные вопросы находятся в ведении

Экспертного совета, разрабатывающего содержательную сторону. В него входят ученые и педагоги, рекомендованные *WP-NKP*. Экспертный совет решает, какие темы должны рассматриваться в учебнике, и назначает авторов.

Я не боюсь исторических споров по поводу оценки каких-либо событий. Значительно более серьезная проблема состоит в различии дидактических традиций. Правда, в этом и преимущество проекта. Из положительно воспринятой конфронтации рождается общее повествование (но ни в коем случае не искусственный политкорректный «общий знаменатель») об исторических процессах. Определение противоречивых событий также будет делом нелегким. Однако мне кажется, что современная дидактика выработала такие способы описания исторических явлений, какими не располагает даже лучшая публицистика или исторические книги. В данном случае можно прекрасно использовать тот факт, что у поляков и у немцев разный исторический опыт. Мы по-разному определяем события, по-разному испытали их на себе и можем в дидактической части, той, которая побуждает задавать вопросы, показать «обе стороны». Сказать: «Они понимают это так, а мы — так». Разве всегда права лишь одна сторона?

Сейчас представился случай расширить перспективу. Об этом сказал немецкий социолог культуры Вольф Лепениес, один из выдающихся представителей европейской социологии культуры, который в свое время активно поддерживал идею создания немецко-французского учебника. Высоко оценивая уже созданный учебник, он заметил, что настоящим событием для всей Европы, а не только для Польши и Германии, станет польско-немецкий учебник. Ведь вслед за Польшей и ее историческим опытом в поле зрения истории в Германии войдет значительная часть Восточной Европы, которой сегодня там просто-напросто нет. У нас есть возможность открыть дорогу необычайно интересному повествованию о таких темах, как асимметричные процессы формирования наций или Вторая мировая война. Польский опыт существует на периферии, но, несмотря на это, мы можем предложить совершенно иное

видение истории. Наши западные соседи часто не представляют себе, что такое немецкая и советская оккупация. Именно поэтому учебник, отражающий общий европейский опыт, приобретает большую универсальную значимость.

Если сравнить задачи, стоящие перед авторами французско-немецкого и польско-немецкого учебников, то может показаться, что нам гораздо сложнее, поскольку уже с самого начала у нас разный потенциал. Основная проблема заключается в том, что и у Франции, и у Германии другая степень участия в истории Европы. Оба государства были и остаются значимыми центрами европейской политики. Немецкие и французские историки понимали, что это вызовет определенные сложности, и с переменным успехом пытались избежать изложения истории с точки зрения Германии и Франции. Плюс — и в то же время минус — положения польских и немецких авторов, по моему мнению, состоит в том, что на протяжении длительного времени мы имеем дело с асимметрией: Германия — центр, Польша — периферия. Это касается прежде всего XIX столетия, когда польского государства не существовало вовсе, а Германия стала великой державой.

Категорию «периферия» мы понимаем нейтрально. Совсем не обязательно, что периферия и центр соотносятся как «лучшее» и «худшее». Нужно выработать новый список вопросов, который приведет нас к созданию учебника, описывающего конкретные явления и процессы, а не только политику центров власти²⁹.

*Общественное пространство:
о государствообразующем мифе
III Речи Посполитой*

Сошлюсь на известное высказывание Бенедикта Андерсона, что общность современной нации не столько дана, сколько постоянно конструируется. Хотя на обычном языке это звучит

излишне механистично, речь идет о том, что элита создает такие знаки, символы или праздничные даты, с помощью которых она пытается консолидировать общество. Исходя из такой цели, «придумываются» различные годовщины, но при этом с ними должна существовать эмоциональная связь, которая позднее упрочится благодаря регулярным празднованиям. Я не знаю ни одного государства, которое не пыталось бы сплотить свое общество вокруг годовщин и дат, то есть позитивного послания, определенной системы ценностей, частью которой становится любая годовщина. Это естественная форма коммуникации с обществом, которое нуждается в направляющем знаке, чтобы сказать «Я поляк (русский, немец и т.д.), потому что...» — и дальше можно перечислить знаковые даты и события, позволяющие нам понять друг друга и провести черту между «своими» и «чужими». Годовщина — это часть порождающего мифа каждого общества, желающего быть одним целым. Рассмотрим, например, как функционируют памятники: их возводят, чтобы увековечить память о ком-то или о чем-то, чтобы с этим памятником напрямую соотнести, а затем и ритуализировать традицию празднования какой-либо важной для народа символической годовщины. Однако памятник «живет» лишь до тех пор, пока он служит средством политической манифестации и передает какую-либо идею. Бывает и так (мы часто наблюдаем подобное), что памятники «умирают», становятся лишь мертвым элементом пейзажа. С ними уже не связаны никакие коллективные эмоции.

Вполне естественно, что многие годовщины создаются исходя из потребностей дня сегодняшнего. Когда «пишется» коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях. Из резервуара событий, например военных сражений, выбираются те, которые несут в себе как можно больше информации для общества. Другое дело, что в сегодняшней Польше годовщины массово не отмечают. Государственные праздники — это нерабочие дни, именно так

воспринимает их большая часть граждан. Общество достаточно скромно участвует в их праздновании, возможно потому, что отмечают их, как правило, формально. В какой мере это соответствует ожиданиям людей? Быть может, умеренная вовлеченность общества отражает отношение граждан к навязанным «сверху» государственным праздникам?

Противоречий, связанных с «выбором годовщины», не избежать, поскольку решения вырабатываются в политическом споре. Суть всегда — в выборе определенной трактовки истории. Происходит это по-разному. В случае Французской революции мы имели дело со столкновением двух мировоззрений. В Германии долго спорили о национальном празднике, пока не остановились на 3 октября, дате присоединения бывшей ГДР к ФРГ. До этого обсуждались различные даты. На финальном этапе спора о национальном празднике рассматривались две: 3 октября и 9 ноября. Вторая дата была связана со многими событиями в истории Германии и обладала огромным потенциалом дискурсивности. 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена, 9 ноября 1938 г. прошли еврейские погромы в Третьем рейхе (так называемая Хрустальная ночь), в этот день в 1923 г. состоялся неудавшийся путч Гитлера, а в 1918 г. вспыхнула левая революция и была провозглашена первая республика. Эта дата говорила слишком о многом. На мой взгляд, было бы интереснее, если бы именно этот день стал в Германии важнейшей датой. Но выбор пал на 3 октября, день, несущий исключительно позитивный посыл: «немцы вновь стали единым народом». На определенном этапе этим спорам был положен конец решением сверху, которое хотя и критиковали, но вскоре приняли. Сегодня никто не бойкотирует 3 октября в качестве национального праздника Германии.

Здесь прослеживается определенная стратегия построения немецкой идентичности. С помощью такого торжества и всенародного празднования предполагается пробудить в обществе определенные эмоции, связанные с этой датой. Ведь именно эмоции делают традицию живой, чем-то, в чем обще-

ство/народ хочет участвовать, а не только организованным властями военным парадом. 14 июля во Франции не ограничивается парадом на Елисейских Полях. В этот день проходят народные гулянья во всех, даже самых маленьких, городках и селах. Люди веселятся. Кульминация — это, безусловно, парад, но после него начинается народный праздник, в результате чего с этим днем идентифицируют себя большинство французов.

После Первой мировой войны «образующим мифом» новой Польши стала победа в войне с большевиками 1920 г. Она объединила народ, который до этого более ста лет был разброан между тремя странами. Вместе с тем падение коммунистического режима также дало полякам нечто очень важное: 31 августа 1980 г. и 4 июня 1989 г. На мой взгляд, это две ключевые даты. Остается выбрать одну из них. Мы многое потеряли оттого, что не сделали этот выбор раньше, а теперь это уже не столько политический спор, сколько партийная конкуренция. Никто в полной мере не понимает, как создать то самое «нечто», что могло бы объединить польских граждан и стать позитивным посланием для будущих поколений, в том числе для тех, кто не знал перелома. На самом деле мы не спорим, будет ли 4 июня 1989 г.³⁰, 31 августа 1980 г. (августовские соглашения³¹) или «круглый стол»³² цементирующей датой для польского народа после перелома. Не вызывает разногласий и стратегия выстраивания этой годовщины. Главный вопрос заключается в следующем: хотим ли мы вообще праздновать возрождение суверенной Польши после 1989 г.? Альтернативой может стать отказ от любых годовщин и формирование негативного образа III Речи Посполитой. Жаль, что после падения коммунизма Польше не хватило политической воли — или, скорее, политического воображения, — чтобы понять, что помимо строительства нового рыночного общества следует также создавать государствообразующий миф, на котором может основываться новая самоидентификация общества после такого перелома, каким стал для Польши 1989 г. Подобных попы-

ток не предпринимала ни одна политическая сила. Это огромный урон, поскольку эмоциональная связь с теми событиями уже ослабла и в повседневном измерении уже не присутствует. Сегодня конструирование «живой даты» нужно начинать почти с нуля. Возможно, только поколению внуков мирной революции удастся сделать этот «общий» выбор.

Историография

Несмотря на сетования многих, польской историографии кризис не грозит³³. «Польская историческая наука жива...»³⁴. Однако необходима дискуссия, сутью которой будут не только «личные дела», «люстрации» или неожиданно вспыхивающие политически инспирированные споры, которые призваны установить «единственную, подлинную» правду о ПНР. Ключом к дискуссии нового качества может стать взгляд на «собственное прошлое» сквозь призму транснациональных историй. Характер дискуссии может измениться и в том случае, если вывести на более широкий уровень дебаты о разнородности методологических стратегий в исследованиях. Этот вопрос обсуждается уже много лет, но лишь на втором плане. Подобное предложение вовсе не означает, что из *интердисциплинарности* следует сделать канон современных исторических исследований. Я сторонник полифоничного нарратива о прошлом, главная черта которого не какой-то «закрытый» метод, а *воображение*, в духе послания Ежи Едлицкого.

Историческое воображение отличается от фантазии и от интуиции. От фантазии его отличает то, что укорененность в реальных событиях не мешает ему видеть альтернативные истории при помощи полидисциплинарности. А в отличие от интуиции, воображению можно научиться. Именно поэтому необходимость осознать наличие исторического воображения — это не мертвый постулат. Основным в «*обучении воображению* (и в его освоении)» остается внимание к полифонич-

ности нарратива и диверсифицированности корпуса источников, а также методов их анализа. Если совершенствовать умение пользоваться этими инструментами, то появится возможность влиять на стиль и коммуникативность нарратива.

Мы живем в мире *fusion*, в котором все перемешано со всем. Крайне необходимо проводить границы и оттачивать наше исследовательское мастерство. Вместе с тем хотелось бы, чтобы *интердисциплинарность* в польской историографии заняла соответствующее место, а не трактовалась как выдуманный постулат, с которым приходится иногда мириться. Как ни парадоксально, важным (потенциальным) двигателем истории, модернизирующим не только исторические, но и в целом гуманитарные исследования, стали среди прочего три больших проекта — издательские серии: 110 (!) томов уже издано, остальные ждут своей очереди. Вдохновителями и движущей силой этих *интер—* и *трансдисциплинарных* проектов стали трое ученых с международным именем: историк (с социологической базой) Мартин Куля и задуманная им серия «В стране ПНР», литературовед (с опытом исследований в области истории культуры и исторической семантики) Хуберт Орловский и его «Познаньская немецкая библиотека» и культуролог (называющий себя историком) Анджей Менцвель и серия *Comunicare*.

Характер спора в сегодняшней историографии можно определить следующим образом: «национальная гомогенность» и «героизация истории» *versus* «возобновление переговоров» и «расширение перспективы». Историографы пусть решают, насколько это продолжение, а насколько новое слово в традиции польских споров об истории. Мне представляется, что здесь присутствует как преемственность, так и разрыв с традицией. Сегодня идут споры между приверженцами традиционных методов и исследовательских категорий и сторонниками их нового определения и применения в исследовательской практике. Речь о переосмыслении и о новых значениях таких понятий, как «нация», «идентичность», «культурный пол»,

«культурная память» и т.д. Расширять исследовательскую перспективу значит стремиться к обогащению исследовательского арсенала историка, работающего в транс— и интердисциплинарном контексте. Эти новые тенденции все еще малозаметны в публичной и образовательной репрезентации истории. Тем не менее они постепенно занимают все более прочное место в научной среде.

Основным исследовательским направлением по-прежнему считается фундаментальная традиционная позитивистская историография (главным образом история событий), которую отличает тщательность анализа и диверсифицированные источники исследования. Это второе ее отличительное качество позволяет модернизировать методы исследования и избежать повествования исключительно о том, как «все было на самом деле». Именно в таком русле *sensu largo* находится разрекламированное в СМИ обширное творчество «историков из ИНП». С той разницей, что, по убеждению многих представителей Института национальной памяти, единственно верный способ познать прошлое — это доступ к архивам. Фетишизация архивов создает упрощенное представление, будто лишь «секретные» и недоступные для простых смертных источники определяют парадигму объективной правды. Разницу между серьезными исследованиями событийной истории и ложно понимаемой миссией «объективной правды» представила в своей статье летописец польской историографии Виктория Сливовска. Автор напоминает об азах профессии историка, чтобы на этом фоне рассказать о тенденциях, определяемых (но, к счастью, не всегда реализуемых) стандартами ИНП: «Историк должен стремиться не только восстановить реальную историческую картину, но и понять фон событий, ситуацию, в которой действовали интересующие его персонажи. Легко очернить, гораздо труднее понять сложное прошлое <...>. [Тем временем в ИНП] издаются толстые тома, где без лишних раздумий приводятся очередные факты, компрометирующие людей уже покойных (которые не могут себя защитить), а так-

же ныне здравствующих — известных и неизвестных. Складывается впечатление, что ПНР не только в первые сталинские годы, но и на протяжении всего своего существования была вотчиной гебистов, противостоять которым никто не мог»³⁵.

Новый стандарт исторических исследований задало вышедшее недавно трехтомное издание Ежи Едлицкого и двух молодых ученых — Магдалены Мичиньской и Мачея Яновского «История польской интеллигенции до 1918 г.»³⁶. Эта работа находится на пересечении разных исследовательских моделей. В центре повествования — вынесенная в заглавие «интеллигенция», определение которой было условием прозрачности и целостности исследования. Проанализировав достоинства и недостатки современных методологических тенденций, Едлицкий, Яновский и Мичиньска сделали однозначный выбор, связавший повествование воедино, но позволивший сохранить индивидуальность авторов отдельных томов. Суть сделанного выбора выразил Ежи Едлицкий: «Мы должны принять неоднозначность терминов общностей и работать с ней, а возможно, и извлечь из этой неоднозначности пользу, поскольку неточность семантических разграничений отражает хронологическую нечеткость существующих делений, иерархии и ролей. Ведь живое общество <...> не состоит из отдельных клеток, на которых висят таблички с названиями родов и видов. Такова судьба историка общества, он обречен употреблять неточные понятия. <...> Но мы опасались, что, поддавшись увещаниям методологов-нарративистов, мы тем самым обесценим значительные достижения объективизированной истории общества. <...> Поэтому в споре между историей общества и историей “дискурсов” мы заняли компромиссную или, если кому-то так больше нравится, эклектичную позицию, учитывая как достоинства, так и недостатки каждой тщательно анализируемой исследовательской стратегии»³⁷.

Смысл этого высказывания мы можем свести к еще одному постулату дискуссии о современной польской историографии: помимо спора между традиционализмом и современностью

существует (и всегда существовала) бесспорная потребность (или ее отсутствие) в исследовательском воображении. Без него занятие нашей научной дисциплиной становится пусть и ценным, но всего лишь «хроникерством».

Ведущим мотивом, вобравшим все разнообразие методологических споров, стала цепь производных от понятия-категории «нация»: «польская нация», «национализм», «национальный конфликт», «национальная идентичность». Центральное место этой тематики в польском научном и общественном дискурсе описал Томаш Китцвальтер в своем аналитическом исследовании «О современной нации: Случай Польши»³⁸. Часто в пылу спора о «смысле» нации мы забываем определить, что такое на самом деле национальная история. На эту проблему недавно обратил внимание Марчин Куля в докладе «Национальная история в наднациональной перспективе»³⁹. Перемены, произошедшие в XX в. и вызванные главным образом массовыми миграциями и отделением колоний, привели к тому, что традиционное понимание национальной истории стало расплывчатым или даже вводящим в заблуждение. Миллионы жителей бывших колоний стали французами или британцами, и от них вряд ли можно требовать, чтобы они идентифицировали себя с «Песней о Роланде» или с завоеваниями колониальной эпохи. Новое измерение (а быть может, отсутствие измерений), в котором оказались нации в XX в., приводит к тому, что о национальной истории нельзя умолчать, но и говорить о ней нужно иначе. Марчин Куля предлагает: «Подход, который я разделяю, не означает отрицания ценности чего-либо. Наоборот, часто бывает так, что именно обширный контекст позволяет лучше рассмотреть локальные явления. В любом случае предлагаемый подход никому не мешает чтить память тех или иных героев. Никто и ничто не помешает людям склонить голову в память о героях после посещения еще не созданного Музея Второй мировой войны, благодаря которому — если судить по проекту — они лучше поймут этот отрезок истории, чем если бы это было просто место славы национальной памяти»⁴⁰.

Варшавский историк описывает четыре условия преодоления «слабости, вызванной тем, что мы по уши погрязли в национальной истории». Они представляют собой основу для создания транснациональной истории. Резюмируя идеи автора, в которых лейтмотивом звучит мысль о расширении поля исследований и повествования, можно изложить их следующим образом: 1) углубление перспективы (то есть «уход от провинциальности»); 2) компаративистика; 3) акцент на исследовании явлений, а не на исследовании отдельных фактов национального прошлого; 4) трансграничность, или вовлеченность в цивилизационное пространство. Каждое из условий транснациональной истории Куля иллюстрирует центральными событиями польской истории, которые нагляднее и красноречивее доказывают необходимость «транснационального поворота», чем «закрытые» отсылки к методологии.

Пользуясь принципом транснациональной истории, исследователь может не только передать богатство одного конкретного локального опыта, но и подчеркнуть его значение, соответствующим образом расширив контекст и при этом не возводя памятник национальной славе. Некоторое время назад Ян Кеневич в работе «Введение в историю цивилизаций Востока и Запада»⁴¹ в обобщенной форме показал, насколько значимо расширение национальной перспективы с точки зрения развития цивилизации. С такой позиции можно анализировать самые сложные явления: Холокост, революционный экспансионизм, военные преступления и т.д.

Уже несколько десятилетий на польско-немецком материале⁴² с успехом занимается своего рода транснациональной историей Клаус Цернак⁴³ и поколение его последователей, таких как Михаэль Мюллер⁴⁴, Андреас Лавати, Мартин Шульце-Вессель или Ханс-Юрген Бёмельбург. Изучение *Beziehungsgeschichte* — истории взаимных влияний — получило даже статус своего рода нормы в истории национальных отношений⁴⁵. Несмотря на привлекательность методологии и интересные темы, это направление не занимает центрального места в

польских дебатах об истории. Складывается впечатление, что из всего массива зарубежных публикаций о Польше интерес у СМИ (а не только в научной среде) вызывают книги, которые вписываются в канон национальных мест памяти, формирующих героические судьбы поляков. Мы не хотим слышать критику, а если уж она звучит — как в случае Яна Томаша Гросса⁴⁶, — то в определенных кругах воспринимается как пример «тенденциозной, антипольской» историографии. Норман Дэвис стал самым популярным исследователем истории Польши благодаря отнюдь не захватывающим «Божьим играм» или книге о Вроцлаве «Микрокосмос» (и многим другим), а красочно написанной монографии о Варшавском восстании, которая *nolens volens* отвечала определенным запросам общества. За последние два года вне каких-либо направлений удалось пробиться к широкому общественному мнению Тимоти Шнайдеру, среди прочего благодаря успеху книги о Хенрике Юзевском, за которую Шнайдер получил впервые присуждаемую на Всемирном съезде исследователей истории Польши награду *Pro historia Polonorum* — за лучшую книгу на иностранном языке, опубликованную за последние пять лет⁴⁷. Достаточно известен Даниэль Бюва⁴⁸, но по-прежнему мало кто знает историков среднего поколения, например, исследовательницу еврейской проблематики и Центрально-Восточной Европы Дельфин Бехтель из парижской Сорбонны IV⁴⁹ или Катрин Гусев. Можно лишь сожалеть о том, что в Польше вызывают незначительный интерес исследования немецких историков (часто с польско-немецкой культурной базой), принадлежащих к молодому и среднему поколениям, как уже упоминавшийся Андреас Лавати⁵⁰, Маркус Кшоска⁵¹, Роберт Журек из Центра исторических исследований ПАН в Берлине, а также исследователь культурной истории Гданьска из Немецкого института по изучению Польши (*Deutsches Polen Institut*) в Дармштадте Питер Оливье Лоев⁵², специалист по истории польских евреев Катрин Штеффен из Северо-Восточного Института (*Nordost-Institut*) или Юхен Бехлер из Немецкого исторического

института в Варшаве⁵³. Их работы касаются ключевых проблем истории Польши и польско-немецких отношений, представляя не столько так называемую немецкую точку зрения, сколько в целом широкую исследовательскую перспективу.

Ценный вклад в размышления над проблемой нации вносят польские германисты. Достойным примером могут служить сборник статей под редакцией Изабелы Сурынт и Марека Зыбуры «Воображенный народ. Польская и немецкая литература о национализме XIX в.»⁵⁴, исследования Лешека Жилинского, Войчеха Куницкого или Иоанны Яблковской.

Какая именно политика в отношении истории?

Сомнения польского министра культуры Богдана Здроевского относительно соответствующего термина для описания общественной функции истории (историческая политика *versus* политика памяти) вполне оправданны. Семантический потенциал обоих понятий определяется по-разному и неоднозначно. Больше всего внимания уделил им молодой польский социолог Лех Нияковский, убедительно ратующий за употребление понятия «политика памяти» вместо «исторической политики». Он выделяет три возможных определения политики памяти и приходит к следующему заключению: «Полное определение [“политики памяти”] звучало бы так: политика памяти — это любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти»⁵⁵.

Тем не менее в научных кругах нет согласия по этому вопросу. Так, с позицией Нияковского полемизирует Бартош Кожневский⁵⁶. Ханс Хеннинг Хан в опубликованной по-польски статье хотя и видит разницу между двумя понятиями, утверждает, что с точки зрения методологии практически каждая так называемая историческая политика — это политика в отноше-

нии памяти (в оригинале *Erinnerungspolitik*)⁵⁷. Однако независимо от выбора соответствующего названия уже тот факт, что Нияковский впервые в форме развернутого определения очертил поле научного дискурса, заслуживает внимания. Лично я предпочитаю пользоваться еще одним термином: *политика в отношении памяти* или *политика в отношении истории* — из-за аморфности повседневного понимания термина «память». Почему такая формулировка мне ближе? Во-первых, потому что память/история субъективируется в процессе общественного функционирования. Из такой формулировки отчетливо видно, что политика пытается конструировать культурную память и формировать определенную модель политического видения национального прошлого. Во-вторых, потому, что историческая политика — в моем восприятии — ассоциируется с вмешательством власти в автономию науки, что характерно для авторитарных и тоталитарных режимов. Историческая политика почти автоматически сводится к «государству», понимаемому как представительство правящих политических сил. В то время как в демократическом государстве действуют по крайней мере четыре публичных актора, которые могут участвовать в обсуждении вопроса о видении истории в обществе: правительство (политическое представительство), органы самоуправления как представители региональных контекстов истории (в зависимости от степени их самостоятельности), независимые СМИ и гражданское общество в виде различных объединений и организаций, в том числе конфессиональных.

Отголоском спора о «новой исторической политике» 2004—2007 гг. стали ценные публикации, которые способствуют дальнейшим размышлениям на тему общественной функции истории. Именно эта тема оказалась в центре исследований познаньского философа Бартоша Коженевского⁵⁸, а также работы о современной историографии Евы Доманьской⁵⁹. Первой индивидуальной попыткой обрисовать исследовательское поле коллективной памяти была книга «История — про-

странство диалога»⁶⁰. Западный институт и Институт национальной памяти выпустили сборники эссе, которые, несмотря на эклектичный характер, можно признать первой попыткой обобщающего подхода к данной теме⁶¹. Многих вдохновил польско-немецкий историографический диалог⁶². Социологические исследования завершились трехтомной серией «Современное польское общество о прошлом» под редакцией Анджея Шпачинского⁶³. Эссеистика и публицистика Марчина Кули⁶⁴ и Анджея Менцеля⁶⁵ — это постоянный источник для творческих размышлений. Регулярно обогащают дискуссию такие журналы, как *Kultura i Społeczeństwo*, *Kultura Współczesna*, краковский *Znak*, гданьский *Przegląd Polityczny* или ольштынская *Borussia*.

В этих публикациях затрагиваются самые разнообразные сюжеты, заслуживающие отдельной статьи, но я бы хотел обратить внимание только на одну, очень важную тему, поднятую немецким историком Хансом Хеннингом Ханом: трансграничная политика в отношении истории. «Под предлогом, — пишет Хан, — что объединяющаяся Европа нуждается в общей истории, а значит, и в общей памяти, ведется речь об одной доминирующей интерпретации не только истории Европы, но и истории регионов и отдельных европейских стран»⁶⁶.

Я разделяю опасения ольденбургского историка. Когда предпринимаются попытки выстроить такой дискурс памяти, в котором собственная страна возносится над другими, возникает угроза присвоения памяти. С другой стороны, не следует ожидать, что в «Европе без границ» демократические общности, объединенные по признаку идентичности, будут функционировать в замкнутом пространстве, тем более что и во внутренних структурах коллективная память претерпевает постоянные изменения и общество переосмысляет ее. Поэтому необходимо выработать новые, безопасные правила политической игры, которые, вслед за Ханом, можно назвать *кодексом поведения в области политики в отношении истории*. Основопологающим пунктом этого кодекса должна стать автономия

отдельных общностей памяти, к воспоминаниям которых и их опыту общения с «другими» следует относиться с уважением.

Примечания

¹ «Diktatoren am Schachbrett. Der Hitler — Stalin Pakt, Krieg und die eurordische Erinnerung», Berlin, 1—2 Jul. 2009, организатор *Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde* в сотрудничестве с Центром исторических исследований Польской академии наук в Берлине (*CBH PAN*). На конференции был представлен специальный номер журнала *Osteuropa*, посвященный названной проблематике.

² Ежи Едлицкий (р. 1930) — польский историк идей, профессор Института истории ПАН.

³ *Król M.* Romantyzm. Piekio i niebo Polaków. Warszawa: Fundacja Res Publica, 1998. S. 4 и др.

⁴ Так назывался польский документальный фильм о послевоенной судьбе солдат Армии крайовой.

⁵ Ср.: *Jedlicki J.* Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują: Studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku. Warszawa: PWN, 1988; *Mencwel A.* Przedwiośnie czy Potop: Studium postaw polskich w XX wieku. Warszawa: Czytelnik, 1997; работы Марии Янион (из ее богатого наследия упомяну только классическую работу, написанную в соавторстве с Марией Жмигродзкой: *Janion M., Żmigrodzką M.* Romantyzm i historia. Warszawa, 1978; wyd. 2: Gdansk, 2001, или авторский сборник: *Janion M.* Do Europy tak, ale razem z naszymi umarłymi. Warszawa: Sic!, 2000; *Michnik A.* Z dziejów honoru w Polsce. Warszawa: Nowa, 1991 *czyli Idem.* Wyznania nawróconego dysydenta: Spotkania z ludźmi: Szkice 1991—2001. Kraków: Zeszyty Literackie, 2003.

⁶ Интересное исследование исторической политики III Речи Посполитой представил Павел Махцевич: *Machcewicz P.* Polityka historyczna to nic nowego // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 20 Apr. Похожим образом против использования истории в политической жизни высказывается Цезари Михальски (*Michalski C.* Wyrosnąć z historii // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 17—18 Dec.): «Историческая политика — это естественное орудие государственной власти. <...> Однако его следует в последнюю очередь применять во внутренней политике. В партийных войнах, когда другие средства уже не действуют».

⁷ *Cichocki M.* Władza i pamięć. Kraków, 2005.

⁸ *Karłowicz D.* Koniec snu Konstantyna: Szkice z życia codziennego idei. Kraków, 2005.

⁹ *Gawin D.* Polska, wieczny romans: O związkach literatury i polityki w XX wieku. Kraków, 2005.

¹⁰ *Krasnodębski Z.* Drzemka rozsądnych. Kraków, 2006.

¹¹ *Nowak A.* Powrót do Polski: Szkice o patriotyzmie po końcu historii 1989—2005. Kraków: Arcana, 2005.

¹² Наиболее интересную, по моему мнению, деконструкцию изначальных принципов новой исторической политики предложил Адам Лещинский: *Leszczyński A.* Polityka historyczna: Wielki strach // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 7 Apr. Ср. также интересную полемику между Петром Братковским и Петром Семкой на страницах газеты *Rzeczpospolita*. Семке не нравится прежде всего то, что Карлович, Чихоцкий и Гавин связаны через Братковского с партией «Право и Справедливость», а ведь их следовало бы представлять так, как в течение многих лет представляли самого Семку на страницах газеты *Rzeczpospolita*: «автор, независимый публицист» (*Semka P.* Alergia na patriotyzm // *Rzeczpospolita*. 2006. 25 Mar. (http://www.rzeczpospolita.pl/dodatki/plus_minus_060325/plus_minus_a_11.html). Постоянно полемизируют с новыми тенденциями исторической политики краковский историк Анджей Романовский (напр., *Romanowski A.* Historia, kłamstwo i banał // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 15—16 Jul.) и Анджей Хвальба (*Chwalba A.* Nie ufam własnej pamięci. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2006). Политолог и историк из Познани Анна Вольфф-Повенска к историческим разногласиям обращается чаще всего в контексте польско-немецких отношений.

¹³ «Жирная черта» (*gruba kreska/gruba linia*) — это выражение из первой речи Тадеуша Мазовецкого на посту премьер-министра, который, выступая в сейме 22 августа 1989 года, сказал: «Прошлое мы отделяем жирной чертой (*gruba linia*) и отвечать будем только за то, что мы сделали для того, чтобы вывести Польшу из глубокого кризиса...» Позднее смысл высказывания был несколько искажен правыми, и выражение «жирная черта» (*gruba kreska*) стало пониматься как такая политическая линия, в соответствии с которой критерием оценки чиновников становились исключительно их компетенция и лояльность новому правительству, что давало возможность коммунистам продолжить свою политическую карьеру в новых условиях. — **Прим. ред.**

¹⁴ *Pamięć i odpowiedzialność* / red. Robert Kostro, Tomasz Merta. Kraków; Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej — Centrum Konserwatywne, 2005.

¹⁵ *Gawin D.* Od romantycznego narodu do liberalnego społeczeństwa: W poszukiwaniu nowej tożsamości kulturowej w polityce polskiej po roku 1989 // *Kultura narodowa i polityka* / red. Joanna Kurczewska. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2000. S. 181—206.

¹⁶ *Kurczewska J.* Patriotyzm(y) polskich polityków. Z badań nad świadomością liderów partyjnych lat dziewięćdziesiątych. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2002. S. 154—155.

¹⁷ *Lipski J. J.* Dwie ojczyzny — dwa patriotyzmy: Uwagi o megalomanii narodowej i ksenofobii Polaków. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1981.

¹⁸ *Friszke A.* Jak bartował się radykalizm Kurtyki // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 7 Apr.

¹⁹ Фрагмент о ИНП написан главным образом на основе: *Żaryn J.* Przykrywanie prawdy kłamstwem // *Rzeczpospolita*. 2009. 29 Apr.; *Friszke A.* Kto kogo wyklucza? // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 04 May; *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2005. No. 1; ср. также высказывания Анджея Фришке: *IPN robi z historii tabloid* // *Polska the Times*. 2009. 6 Apr.; *Jak bartował się radykalizm Kurtyki* // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 7 Apr.; официальный ответ ИНП на обвинения А. Фришке: *Komunikaty, Odpowiedzi na zarzuty prof. Andrzeja Friszkego*, opr. Andrzej Arseniak, rzecznik prasowy IPN (09.04.2009), официальный сайт ИНП.

²⁰ *Friszke A.* Jak bartował się radykalizm Kurtyki.

²¹ Там же.

²² *Zdrojewski B.* Dajmy Polakom być dumnymi ze swojej historii // *Gazeta Wyborcza*. 2008. 14 Nov.

²³ С такой трактовкой опосредованно полемизирует Казимеж М. Уяздовский в статье «Polityka pamięci ma sens» (*Gazeta Wyborcza*. 2008. 2 Oct.). Защищая стратегию «новой исторической политики» в 2005—2007 гг., бывший министр культуры умалчивает об одном важном аспекте тех лет: об атмосфере принуждения и требовании сверху реализовывать единственную модель «памяти об истории», исключая любые другие; *Machcewicz P.* Dwa mity twórców polityki historycznej w IV RP // *Gazeta Wyborcza*. 2008. 29 Aug.

²⁴ Ср.: *Komorowski A.* Trumny w zaprzęgu // *Nowe Książki*. 2008. No. 12. S. 31—32 (рецензия на книгу: *Nijkowski L.* Polska polityka pamięci: Esej socjologiczny. Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne. Warszawa, 2008).

²⁵ Ср., напр.: *Semka P.* Dziwaczny pomysł na muzeum II wojny światowej // *Rzeczpospolita*. 2008. 28 Oct.; *Polska* wyjątkowość [z Janem Żarynem rozmawia Cezary Gmyz] // *Rzeczpospolita*. 2008. 4 Nov.; *Gmyz C., Semka P.* Przypomnijmy światu polską historię // *Rzeczpospolita*. 2008. 03 Nov.

²⁶ *Majewski P., Machcewicz P.* Zarys koncepcji programowej muzeum II wojny światowej (fragmenty) // *Rzeczpospolita*. 2008. Oct. 31. Полный отчет о дискуссии, связанной с Музеем Второй мировой войны, см.: *Machcewicz P., Majewski P.* Wojna i jej muzeum // *Przegląd Polityczny*. 2008. No. 91—92. P. 46—65. Поддержку концепции Махцевича и Маевского в

виде пространственных статей выразили среди прочих Анна Вольфф-Повенска, Ежи Кохановский, Гжегож Мотыка и Дариуш Либёнка.

²⁷ Часть размышлений — это записи итогов дискуссии на семинарских занятиях для аспирантов в *CBH PAN*, 15 дек. 2008.

²⁸ Этой проблеме посвящены, в частности, три публикации Фонда Стефана Батория: *Pamięć i polityka zagraniczna* / Pod red. Piotra Kosiewskiego. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2000; *Jaka Polska? Czyja Polska? Diagnozy i dyskusje* / Pod red. Piotra Kosiewskiego. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2006; *Pamięć jako przedmiot władzy* / Pod red. Piotra Kosiewskiego. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2008.

²⁹ Ср.: *Borucki B.* Dwie tradycje, jeden podkręcznik [интервью с Робертом Трабой] // *MówiŃe Wieki*. 2008. No. 10 (586). P. 41.

³⁰ 4 июля 1989 года состоялись демократические выборы в Польше (первые в Восточной Европе), победу на которых фактически одержала «Солидарность», что позволило начать рыночные и демократические реформы.

³¹ 31 августа 1980 года были подписаны соглашения между бастующими рабочими судовой верфи в Гданьске и правительственной комиссией, которые гарантировали, в частности, создание независимых профсоюзов.

³² «Крутлый стол» — переговоры польских коммунистических властей с руководством «Солидарности» в 1989 году, положившие начало переменам в общественно-политической жизни Польши.

³³ Ср. мнение Яцека Жаковского: *Ĳakowski J.* Bajarze piszŃe nam historik // *Polityka*. 2009. No. 15.

³⁴ *Śliwowska W.* Dr Jekyll i Mr IPN. Historia i teczki // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 13—14 June.

³⁵ Там же.

³⁶ *Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918* / Jedlicki J. (red.). Cz. 1—3. Warszawa, 2008.

³⁷ Предисловие Ежи Едлицкого к книге «Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918» (Cz. I: *Janowski M.* Narodziny inteligencji 1750—1831. P. 9—10).

³⁸ *Kizwalter T.* O nowoczesności narodu. Przypadek Polski. Warszawa, 1999.

³⁹ Доклад, сделанный на конференции Совместной польско-немецкой комиссии историков и географов по учебникам «Historia i sŃsiedztwo. Historia ponadnarodowa jako wyzwanie dla badac historycznych i dydaktyki historii» (Лодзь, 4—6 июня 2009 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Kieniewicz J.* Wprowadzeniu do historii cywilizacji Wschodu i Zachodu. Warszawa, 2003.

⁴² Опускаю проблему польско-русского исторического диалога. Считаю, что его просто не существует. Обе историографии функционируют в виде монологов, отдельные исключения ничего не меняют, например, Ежи Борейша, Виктория Сливовска, Юрий Афанасьев, Алексей Миллер или «Мемориал». Ср.: *Falkowicz S.* Polska problematyka w rosyjskiej historiografii // *O nas bez nas: Historia Polski w historiografiach obcojęzycznych* / Witold Molik, Henryk Żaliński (red.). Poznań, 2007. S. 101—122. Автор вообще не говорит о публикациях «Мемориала» и молодых российских историков, которые работают вне основного направления российской историографии (ср.: *Krisań M.* Chłopi wobec zmian cywilizacyjnych w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX — początku XX wieku. Warszawa, 2008).

⁴³ Ср., напр.: *Zernack K.* Niemcy — Polska: z dziejów trudnego dialogu historiograficznego // [Пер. с нем.] Poznań, 2006.

⁴⁴ На данный момент по-польски вышло только его эссе, в котором автор с новой точки зрения анализирует разделы Польши: *Müller M. G.* Rozbiory Polski; Historia Polski i Europy XVIII wieku. Poznań, 2005.

⁴⁵ Ср.: *Müller M. G.* Dzieje Polski w najnowszej historiografii niemieckiej // *O nas bez nas. Historia Polski w historiografiach obcojęzycznych*. S. 79—100; в этом томе есть также очень интересные и поучительные тексты об истории Польши с позиции непольской, в частности французской историографии: *Beauvois D.* Dzieje Polski w badaniach historyków francuskich XIX wieku. S. 49—68; *Kulczycki J. J.* Dzieje Polski w amerykańskiej historiografii Europy. Królestwo Nigdzie. S. 19—48.

⁴⁶ *Gross J. T.* Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny, 2000; *Idem.* Strach: Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie: Historia moralnej zapaści. Kraków, 2008.

⁴⁷ *Snyder T.* Tajna wojna: Henryk Józewski i polsko-sowiecka rozgrywka o Ukrainę. Kraków, 2008. Меньший отклик, но не меньшее значение имеет его же работа *Rekonstrukcja narodów: Polska, Ukraina, Litwa, Białoruś: 1569—1999*. Sejny, 2007.

⁴⁸ Во многом благодаря *opus magnum: Beauvois D.* Trójkąt ukraiński. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793—1914. Lublin, 2005.

⁴⁹ Ср.: *Bechtel D.* Żydzi w miastach pogranicza: Stereotypy określające ich złożona tożsamość w latach 1897—1939 // *Akulturacyja/asymilacja na pograniczach kulturowych Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku* / Robert Traba (red.). T. I: Stereotypy i pamięć. Warszawa, 2009. S. 100—115. К счастью, приходит новое поколение, которое замечательно вписывается в польско-французское поле научного сотрудничества, например, Одиль Бур, Дамьен Тирье или Эммануэль Друа.

⁵⁰ До сих пор не вышло его фундаментальное исследование на тему истории Пруссии и польско-немецких отношений: *Lawaty A.* Das Ende Preußens in polnischer Sicht: Zur Kontinuität negativer Wirkungen der preußischen Geschichte auf die deutsch-polnischen Beziehungen. Berlin, New York, 1986.

⁵¹ *Krzoska M.* Für ein Polen an Oder und Ostsee. Zygmunt Wojciechowski (1900—1955) als Historiker und Publizist. Osnabrück, 2003.

⁵² *Loew P. L.* Danzig und seine Vergangenheit: 1793—1997: Die Geschichtskultur einer Stadt zwischen Deutschland und Polen. Osnabrück, 2003; по-польски изданы лишь отдельные эссе на эту же тему: *Idem.* Gdansk. Między mitami. Olsztyn, 2007.

⁵³ *Böbler J.* Auftakt zum Vernichtungskrieg: Die Wehrmacht in Polen 1939. Frankfurt am Main, 2006. Сам Немецкий исторический институт в Варшаве (*NIH*) выступил инициатором очень ценной, но, к сожалению, специализированной издательской серии *Klio w Niemczech* (а также *Klio in Polen*), первым редактором которой был Роберт Траба, потом Ежи Кохановский и Игорь Конколевский.

⁵⁴ *Surynt I., Zybura M.* Opowiadziany naród. Literatura polska i niemiecka wobec nacjonalizmów XIX wieku. Wrocław, 2006. Удачно с литературоведческой и трансдисциплинарной (постколониальной) точек зрения вошел в круг исторических тем Кшиштоф Заяс: *Zajas K.* Nieobecna kultura. Przypadek Inflant Polskich. Kraków, 2008.

⁵⁵ *Nijakowski L.* Polska polityka pamięci. S. 44. Ср. Также его размышления, особенно на с. 29—66.

⁵⁶ Ср.: *Korzeniewski B.* Wprowadzenie: Polityka historyczna — propozycje definicji i spory wokół jej zakresu w polskim i niemieckim dyskursie naukowym // *Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej* / Pod red. B. Korzeniewskiego. Poznań, 2008. S. 7—28.

⁵⁷ *Hahn H. H.* Pamięć zbiorowa — przedmiot polityki historycznej // *Ibid.* S. 39.

⁵⁸ *Korzeniewski B.* Polityczne rytuały pokuty w perspektywie zagadnienia autonomii jednostki. Poznań, 2006, а также многочисленные статьи.

⁵⁹ *Domańska E.* Historie niekonwencjonalne: Refleksja o przeszłości w nowej humanistyce. Poznań, 2006.

⁶⁰ *Traba R.* Historia — przestrzeń dialogu. Warszawa, 2006.

⁶¹ *Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej; Pamięć i polityka historyczna: Doświadczenia Polski i jej sąsiadów* / Pod red. S.M. Nowinowskiego, J. Pomorskiego i R. Stobieckiego. Łódź, 2008; *Przemiany pamięci społecznej a teoria kultury* / Pod red. B. Korzeniewskiego. Poznań, 2007.

⁶² *Ńd.* Erinnerungsorte, Mythen und Stereotypen in Europa // *Miejsca pamięci, mity i stereotypy w Europie* / H. Hein-Kircher, J. Suchoples,

Н.Н. Hahn (red.). Wrocław, 2008; целая серия публикаций по инициативе Басилия Керского под патронатом *Polsko-niemiecki magazyn DIALOG*. Интересным подведением итогов дискуссии о политике в отношении истории в Восточной Европе стал выпуск берлинского ежемесячника под редакцией Манфреда Саппера *Osteuropa* (2008. 6 Juni).

⁶³ *Szacka B. Czas przeszły, pamięć, mit. Warszawa, 2006.* При всем уважении к этой работе и новаторстве исследований беспокоит отсутствие диалога с историческими исследованиями в области проблематики памяти.

⁶⁴ Ср. недавнюю публикацию: *Kula M. Komunizm po komunizmie. Warszawa, 2006,* или уже упоминавшуюся: *Idem. O co chodzi w historii? Warszawa, 2008,* а также: *Idem. Wybór tradycji. Warszawa, 2003; Idem. Religiodobny komunizm. Kraków, 2004; Idem. Między przeszłością a przyszłością. Poznań, 2004.*

⁶⁵ *Mencwel A. Rodzinna Europa po raz pierwszy. Kraków, 2009.*

⁶⁶ *Hahn H. H. Pamięć zbiorowa... S. 33.*

Дарюш Столя

Польский ИНП становится «Министерством памяти»?

Польша создала общественное учреждение, которому предстояло разбираться с наследством ее коммунистического прошлого, позже других стран Центральной и Восточной Европы. Как и в других странах, главной причиной создания такого учреждения и одновременно самой острой проблемой, которой оно должно было заниматься, была история коммунистической тайной полиции, включая биографии ее бывших секретных сотрудников после 1989 г. Формирование такого учреждения в Польше началось только в 2000 г.

Но через несколько лет Институт национальной памяти (*Instytut Pamięci Narodowej*; ИНП) стал самым заметным, влиятельным и вместе с тем спорным государственным институтом современной Польши, главным субъектом и одновременно объектом общенациональных споров в отношении недавнего прошлого. После того как он сделал доступными архивы коммунистической полиции, тысячи людей запросили свои досье, и обнаруженные сведения о шпиках и информаторах стали широко распространяться, потрясая многие локальные сообщества и общественное мнение в целом и делая прошлое все более важным фактором современной политической жизни. Кульминация наступила в 2005 г., когда журналист Бронислав Вильдштейн скопировал и обнародовал список, включавший около 160 тыс. имен бывших сотрудников Службы безопасности, сотрудничавших с нею граждан и их жертв. Всплески информации о неизвестных ранее фактах из прошлого видных

общественных деятелей, включая министров, епископов и представителей СМИ, раз за разом привлекают к себе внимание общества. Менее очевидными, но не менее важными в долгосрочном плане являются результаты исследовательских и образовательных проектов ИНП. С учетом его доли в государственном бюджете, фонды, которые можно было использовать для финансирования исследований коммунистической Польши, выросли в несколько раз, и через некоторое время это вылилось в сотни публикаций, выставок и конференций. Институт стал также примером, или реперной точкой, для других стран этого региона.

Итак, Институт национальной памяти, конечно, заслуживает интереса. Он и привлекает к себе интерес, и многие скажут, что даже слишком большой, но пока его деятельности недостает систематического анализа. В этой статье мы сосредоточимся на нескольких конкретных проблемах: генезис ИНП, его функции и институциональная схема. Автор полагает, что это позволит лучше понять механизмы развития и деятельности ИНП, чем имевшие до сих пор место публичные дискуссии об ИНП. Отнюдь не являясь противником ИНП, я полагаю, однако, что пришло время для серьезного анализа его деятельности и дружеской критики, которая может способствовать лучшему выполнению им его законной миссии¹.

Относительно ИНП много спорят. Практически каждый день польские СМИ пишут и говорят о нем, о его архивах или деятельности, не проходит месяца без крупных новостей, связанных с ИНП, и каждый год его сотрудники будоражат общественное мнение то очередным открытием, то шокирующей публикацией, то скандалом². Отчасти это отражает важность вопросов, которыми занимается ИНП: понятно, что в данном случае прошлое все еще присутствует в настоящем. Отчасти это следствие его многочисленных исследовательских и образовательных проектов. Иногда это становится следствием горячих политических конфликтов, связанных с самим институтом, даже с самим его существованием. У ИНП много от-

кровенных противников, яростно обвиняющих его в разных реальных и воображаемых грехах, включая самые страшные: преднамеренную клевету на национальных героев и просто невинных граждан, циничные манипуляции исторической правдой и ее искажения, провоцирование раскола и ненависти и т.п. Их оппоненты защищают институт, используя столь же жесткие аргументы. С их точки зрения, ИНП как раз открывает правду, возвращает нации ее прошлое, показывает настоящих героев прошлого и т.д., в то время как его хулители раньше наверняка были сотрудниками сил безопасности коммунистического режима или их союзниками. Конфликты, связанные с ИНП, перекрываются и объединяются с другими политическими спорами, так что используемые аргументы часто выглядят неадекватными, а иногда и просто истеричными.

В качестве главного фактора, определившего специфику ИНП, наверное, следует отметить его несколько запоздало принятую концепцию. Причины задержки были сложными, но три из них имели важнейшее значение на трех разных этапах политической истории Польши 1990-х гг.³.

Во-первых, в начале 1990-х гг., в условиях согласованного и мирного отхода от диктатуры коммунистической партии в сочетании с практически всеобщим консенсусом относительно того, что приоритетными являются экономические реформы, вопрос о примирении с коммунистическим прошлым отодвинулся в публичных дискуссиях на задний план. Первый некоммунистический министр внутренних дел Кшиштоф Козловский, распустивший Службу безопасности (СБ), утверждал, что рассекречивать ее архивы нецелесообразно, вредно и жестоко по отношению к жертвам прошлого режима. Многие из прежних офицеров Службы безопасности, прошедшие процедуру отбора, были приняты на службу в новое Управление государственной безопасности, и их новые коллеги, так или иначе, приняли идею сохранения архивных материалов в тайне.

Во-вторых, эта проблема оказалась в центре политических дискуссий в 1992 г., но в наименее перспективном варианте: в

связи с плохо подготовленным и плохо написанным докладом министра внутренних дел Антония Мацеревича по материалам СБ, связанным с лицами, занимающими ключевые государственные посты⁴. Это оказалось контрпродуктивным: большинство депутатов отвергло этот доклад, в котором фигурировало несколько десятков имен министров, депутатов и даже имя самого президента, расценив его как попытку устранить противников неустойчивого правительства, угрозу молодой польской демократии и ее политической элите. Они быстро, да еще и с большим скандалом, уволили его автора и с ним весь кабинет. События июня 1992 г. способствовали неразберихе в отношении идей люстрации (то есть проверки и отсеивания бывших государственных чиновников и раскрытия имен бывших сотрудников Службы безопасности) и открытия (рассекречивания) архивов Службы безопасности. Еще больше они способствовали подозрительности или открыто враждебному отношению многих политиков и других авторитетных лидеров к люстрации.

И последнее по порядку, но не по значимости: на выборах в 1993 г. победили наследники коммунистов, социал-демократы, и в течение следующих четырех лет они сделали все возможное, чтобы предотвратить или, по крайней мере, задержать любые законодательные решения по этим проблемам⁵.

Да и позже, когда в 1997 г. социал-демократы потерпели поражение на выборах и состав сейма изменился, образование учреждения, призванного взять на себя ответственность за архивы Службы безопасности, шло долго и трудно. Лишь в конце 1998 г., после яростных сражений между его сторонниками, правыми и центристами в парламенте, и его противниками, левыми, после не менее жарких споров между лидерами лагеря, возникшего из бывшей «Солидарности», и на фоне резкой критики со стороны значительной части СМИ, включая главное национальное ежедневное издание *Gazeta Wyborcza*, парламент наконец принял закон об Институте национальной памяти. Тогдашний президент (бывший коммунист) Александр

Квасьневский немедленно наложил вето. Сейм отклонил его вето, но на этом неприятности не закончились: прошло целых 18 месяцев, прежде чем сейм назначил президента ИНП, что является предпосылкой начала создания любого учреждения. Процедура его назначения требовала абсолютного большинства, которое многопартийной правящей коалиции было трудно обеспечить в сильно фрагментированном сейме. В конечном счете в середине 2000 г., после того, как несколько кандидатов были отвергнуты одной или несколькими коалиционными партиями, сейм одобрил кандидатуру профессора права Леона Кереса, умеренного и миролюбивого сенатора и члена демократической оппозиции до 1989 г.

Очевидная враждебность посткоммунистических левых в отношении ИНП побудила его сторонников обеспечить ему юридическую защиту от возможных будущих нападений. В свете все более жесткой политики левых в 1993—1997 гг. такие будущие нападки казались вполне вероятными. В итоге сейм сделал ИНП уникальным учреждением: он стал частью государственной административной системы со статусом, соответствующим статусу министерства, но при этом не зависел ни от правительства, ни от какого-либо другого политического органа. Ключевым элементом такой защиты стало положение президента ИНП: он избирается сеймом по сложной процедуре с 60% большинством на пятилетний срок, в течение которого он властвует в своем учреждении и фактически не может быть отстранен от должности. Импичмент юридически возможен, но трудноосуществим на практике, если только президент ИНП не будет признан виновным в совершении преступления, или тяжело заболел, или будет грубо пренебрегать своими обязанностями, или реально действовать вопреки интересам ИНП. Его также нельзя арестовать, кроме как при строго определенных условиях. Никакой другой государственный чиновник, кроме напрямую избранного президента страны, не обладает столь защищенным статусом. Хотя согласно закону об ИНП в нем существует правление (совет, или коллегия), его

полномочия позволяют лишь давать президенту рекомендации, которые он может, но не обязан принимать во внимание⁶.

Авторы закона об ИНП следовали модели, которая проходила испытания на практике с 1991 г. и во многих местах оказалась успешной. Идея создания отдельного государственного учреждения для работы с архивами служб безопасности пришла из Германии. ИНП должен был следовать примеру немецкого ведомства Федерального уполномоченного по хранению документов Государственной службы безопасности бывшей ГДР (*Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik*, или *BstU*), в то время называвшегося «ведомством Гаука», а теперь «ведомством Биртлер», по фамилиям специальных уполномоченных Иоахима Гаука и Марианне Биртлер⁷. Польские законодатели не просто подражали немцам. Они дали ИНП более короткое и более вдохновенное название, дали ему больше полномочий и возложили на него гораздо более широкий круг обязанностей. Реагируя на широко распространенное мнение, что урегулирование отношений с коммунистическим прошлым является важной проблемой и что Польша в этом смысле припозднилась и отстала от других стран, они спроектировали, если можно так выразиться, «министерство трудного прошлого». Не обязательно быть хайекианцем, чтобы заметить, что они руководствовались обычным подходом государственника: если есть проблема, надо создать государственное учреждение. Как это ни парадоксально, инициаторы этого законопроекта раньше были членами демократической оппозиции, это люди с безупречным антикоммунистическим прошлым, такие как Януш Палубицкий, Анджей Ржеплинский и Витольд Кулеша, которых мы вряд ли можем заподозрить в коллективном пристрастии к государственному руководству.

В круг ответственности ИНП входит несколько разных и в значительной степени даже разнородных задач, что часто сбивает с толку общественное мнение. Ниже мы представим четыре главных задачи, которые соответствуют четырем отделам института.

В преамбуле этого закона говорилось, что «никакие незаконные действия государства против граждан не должны защищаться покровом секретности, и о них нельзя забывать» и главная задача ИНП, как и «ведомства Гаука», состоит в том, чтобы собирать, организовывать, сохранять и сделать доступными архивы коммунистических служб безопасности⁸. Эти службы определяются достаточно широко и включают в себя не только собственно Службу государственной безопасности (до 1956 г. — Министерство государственной безопасности), но также управления военной разведки и контрразведки. В дополнение к их архивам ИНП принял и несколько других архивов, содержащих свидетельства и о коммунистических, и о нацистских репрессиях. В отличие от немецкого ведомства *BstU*, которое получило архивы Штази вместе с архивной инфраструктурой, ИНП получил только одни архивы, и ему пришлось создавать архивную инфраструктуру с нуля. Это была действительно трудная задача — построить или приспособить здания для почти 90 км полок с архивными документами и физически переместить эти архивы в новые места. Автор не знает подобных сопоставимых по масштабам работ в истории архивов Европы. Кроме того, архивы поступали из нескольких учреждений с различными системами регистрации и с несовершенной офисной культурой. Потребовалось провести общее переупорядочение, переклассификацию и каталогизацию в гигантских масштабах, и сейчас, спустя десять лет, этот процесс еще не закончен. Сегодня архивы ИНП самые большие в Польше. Центральный архив в Варшаве — это примерно 30 км архивных материалов, еще 11 региональных архивов содержат в целом больше 58 км полок. Самый крупный из отделов ИНП — архивный отдел (Управление хранения и распространения архивных материалов), в котором 890 сотрудников⁹.

Сфера деятельности ИНП (чего никогда не было у его немецкого прототипа) включает в себя расследование некоторых видов преступлений, совершенных в прошлом, и судебное преследование по ним. Согласно закону об ИНП, ему были пе-

реданы обязанности, штат и архивы бывшей Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа, которая стала одним из отделов ИНП. Эта комиссия, создававшаяся как Главная комиссия по расследованию немецких преступлений в Польше, действовала под разными названиями с 1945 г.¹⁰ При присоединении ее к ИНП ее полномочия изменились (к функции расследования добавилось судебное преследование), а сфера ответственности расширилась. Теперь она включает в себя судебное преследование по нацистским преступлениям, а с недавнего времени также по преступлениям коммунистического режима (совершенным сотрудниками Службы безопасности и полиции: убийства, пытки, незаконное лишение свободы и т.п., плюс серьезные злоупотребления коммунистической судебной власти — «узаконенные убийства»), а также преступления против мира, человечности и военным преступлениям, совершенным с сентября 1939 г. до июля 1990 г. на польской земле или против польских граждан. Примерно 70% расследованных случаев — это коммунистические преступления, 20% — нацистские преступления и 5% — преступления против мира, человечности и военные преступления (третья группа — это, главным образом, убийства, совершенные украинскими националистами в 1943—1944 гг.).

Прокуроры ИНП имеют самый высокий статус и самые высокие зарплаты, какие только могут иметь прокуроры в Польше. Директор Главной комиссии — заместитель Генерального прокурора, и под началом у него 104 прокурора в ранге государственных прокуроров. Этот статус делает их в значительной степени независимыми и от президента ИНП, и от министра юстиции, а уволить их очень сложно, даже если они не справляются со своими обязанностями. Это не нравится некоторым из критиков, но ведь результаты их работы измерить трудно. С того времени, как Главная комиссия влилась в ИНП, они провели более 9 200 расследований, из которых более 8 000 закончено. По ним они привлекли к суду более 400 ответчиков, из которых 148 были признаны виновными. Итак, фак-

тически за 10 лет в среднем один прокурор ИНП добился наказания менее чем двух преступников. Результат отнюдь не внушительный, хотя отчасти это можно оправдать особыми трудностями, с которыми им приходится сталкиваться: ведь ИНП имеет дело с преступлениями, которые имели место много лет назад и часто при экстраординарных условиях. Побочный эффект этих расследований — растущая подборка свидетельств (сейчас уже более 65 тыс.), полученных во время официальных допросов. Они могут служить ценным материалом для историков, хотя их качество еще подлежит проверке.

Третья главная задача ИНП — исследования и просвещение. Хронологически область интересов ИНП охватывает коммунистический период и годы войны и оккупации. Первоначально предполагалось, что ИНП будет исследовать проблемы, связанные с преступлениями и операциями коммунистических служб безопасности, подобно тому, как это делало ведомство *BstU*, и вести соответствующую просветительскую деятельность. Однако ему приходилось реагировать на запросы, поставленные СМИ и политиками, которые полагали, что ИНП должен заниматься всеми трудными проблемами прошлого. Историки из ИНП были счастливы расширить рамки своей работы за пределы узкой тематики. Постепенно в сферу деятельности ИНП вошли и многие другие темы истории Польши на протяжении пяти десятилетий — с 1939 по 1989 г., хотя преступления и секретные службы остаются главным направлением его работы. ИНП превосходит ведомство *BstU* не только в части временных и тематических рамок, но также и по масштабам образовательных проектов. В отделе общественного просвещения (в Варшаве и в 18 региональных филиалах) работает более 280 сотрудников (13% всего штата). Его деятельность наиболее заметна широкой общественности и чаще всего привлекает внимание СМИ.

По своему бюджету, численности сотрудников и размерам общенациональной структуры отдел общественного просвещения ИНП — самое крупное учреждение в новейшей истории

Польши. Он ведет обширные архивные исследования, ежегодно публикует множество подборок документов, монографий, словарей, материалов конференций и альбомов (к настоящему времени более 560 томов), выпускает три исторических журнала, организует конференции, семинары и летнюю школу для специалистов. В дополнение к плановой деятельности, реагируя на неотложные требования общественности, он иногда вовлекается в экстраординарные операции, такие как расследование массового убийства евреев в Едвабне. Благодаря этим усилиям, мы теперь гораздо больше знаем о коммунистической Польше. Деятельность в сфере просвещения по-настоящему масштабна. Она децентрализована и разнообразна, поэтому менее очевидна, чем другие виды деятельности, но, вероятно, оказывает большее воздействие, чем самые известные книги ИНП. Это несколько сотен передвижных выставок, перемещающихся по стране, ежемесячный журнал, поступающий в каждую публичную библиотеку, несколько сайтов, программы обучения для учителей и конкурсы для студентов, печатные и электронные учебные материалы, плакаты и доски объявлений, публичные лекции и отбор фильмов. Все это выглядит особенно притягательно и оказывает большее воздействие в городах с менее интенсивной культурной жизнью, нежели в Варшаве или в Кракове, или когда речь идет о проблемах, связанных с данной местностью: например, ряд выставок «Лица Службы безопасности», которые представляют высокопоставленных местных сотрудников Службы безопасности в разных регионах¹¹. К этому направлению деятельности ИНП и ее результатам мы еще вернемся.

До 2006 г. ИНП не отвечал за люстрацию. По закону о люстрации 1997 г. этим занималось другое ведомство, а ИНП играл лишь вспомогательную роль, представляя соответствующие документы в офис Представителя общественных интересов. К сожалению, в 2006 г. сейм существенно изменил принципы люстрации, расширил список учреждений, для которых необходимо пройти люстрацию, и сделал ИНП ответственным за

основную часть процесса люстрации. Это отрицательно повлияло на ИНП по нескольким направлениям. Во-первых, эти весьма спорные изменения сделали ИНП мишенью очередной шумной кампании в СМИ, которая привела к определенному кризису в связях с общественностью. Во-вторых, новые функции предполагали и выполнение многих трудоемких (и не всегда разумно обоснованных) работ. Их поручили новому отделу — Управлению люстрации, на который в настоящее время приходится около 10% штата ИНП (215 сотрудников, включая 26 прокуроров). Пока что этот отдел обработал почти 150 тыс. деклараций о проверке (*deklaracje lustracyjne*) и подготовил (но не закончил) четыре общедоступных интернет-списка: высших должностных лиц в коммунистическом правительстве и в партии; сотрудников СБ; людей, против которых СБ проводила операции; людей, в настоящее время занимающих высшие государственные должности.

В результате сейчас ИНП — это самый крупный архив Польши, самый большой в новейшей истории научно-исследовательский институт и издатель, крупное образовательное учреждение, независимая часть системы государственной власти и вместе с тем привилегированная часть судебной системы, а также орган, ответственный за люстрацию. Непонятно, почему законодатели свели все эти функции под одной крышей. Четыре отдела ИНП — это фактически четыре отдельных организации, объединяемые только личностью президента ИНП и его административными услугами, которыми они совместно пользуются; информированные люди говорят, что между собой они сотрудничают слабо. Скорее можно услышать о напряженных отношениях между архивариусами и историками-исследователями. А объединяет их общая неприязнь к прокурорам — по их мнению, работающим неэффективно, но требовательным и получающим намного более высокую зарплату. Кроме того, существуют веские основания для укрепления некоторых внутренних подразделений. Нужно препятствовать становлению тесных связей между отделом люстра-

ции и отделом исследований и просвещения, чтобы избежать любого размывания границ и стирания различий между полукриминальными и уязвимыми в политическом отношении исследованиями, связанными с люстрацией, и академическими исследованиями. Аналогично, у историков ИНП не должно быть никакого привилегированного доступа к архивам ИНП. В прошлом некоторые (не все) историки ИНП имели такие привилегии, что вызывало у других раздражение и подозрения в научной непорядочности. И вообще говоря, нет никаких веских причин делать исторический научно-исследовательский институт частью правительства, а историков — государственными служащими. Существуют намного более эффективные институциональные решения для реализации исследовательских и образовательных проектов (факультеты университетов, научно-исследовательские институты и центры), и статус государственного служащего не помогает в академической работе. Наоборот, такой статус или ограничивает свободу ученого, или делает учреждение ответственным за личные мнения его сотрудников.

Чтобы справиться со всем этим, ИНП пришлось вырасти. Сегодня он включает в себя большой головной офис в Варшаве, одиннадцать филиалов в крупных провинциальных центрах (по местонахождению апелляционных судов) и семь небольших офисов в других городах. Его штат, первоначально насчитывавший 800 чел., вырос до 2 170 чел., а его бюджет увеличился с 84 до 213 млн злотых (примерно 55 млн евро, или 75 млн дол.). Этот рост связан в первую очередь с созданием отдела люстрации, однако если исключить бюджет этого отдела, цифры все равно останутся впечатляющими. Главным фактором тут является увеличение зарплаты растущего персонала. ИНП предлагает зарплаты выше, чем в академических учреждениях, и намного лучшие перспективы карьерного роста для молодых сотрудников в рамках разрастающейся организации. Представители левых неоднократно пытались сократить его долю в государственном бюджете, но обычно с весьма

скромным успехом. Они сталкивались с жесткой оппозицией правых и центристских депутатов, энергично клеймящих такие попытки как враждебные по отношению к национальной памяти и преследующие цель скрыть темное прошлое.

Примечательно, что особенно быстрый рост расходов имел место в 2005—2008 гг., когда основные инвестиции в описанную выше инфраструктуру были уже сделаны и прирост архивных материалов шел намного медленнее, чем прежде, всего на несколько процентов в год. И неслучайно это были годы, когда правительство и парламентскую коалицию возглавляла партия «Право и справедливость» (ПиС) братьев Ярослава и Леха Качиньских. Партия ПиС была откровенным защитником и сторонником ИНП, и постепенно, после того как президентом ИНП в 2005 г. стал Януш Куртыка, она наладила с ИНП особые отношения. Символической демонстрацией этих отношений стала проведенная в 2009 г. церемония, в ходе которой президент Польши Лех Качиньский наградил более двадцати сотрудников ИНП, включая некоторые спорные фигуры, орденами и медалями высокого достоинства. Фавор и похвалы со стороны этой партии отнюдь не укрепили статус ИНП в других сегментах польской политики и в общественном мнении вообще.

Трудно определить экономическую эффективность ИНП в ходе этого динамичного роста. Его молодой и высокообразованный коллектив (85% сотрудников имеют университетские дипломы, 145 из них — сотрудники с ученой степенью и профессором), вероятно, должен работать лучше, чем многие другие правительственные учреждения. Однако если вспомнить, что за предшествующие несколько лет ИНП израсходовал денег в полтора раза меньше, нынешние расходы выглядят непропорционально большими. Некоторые наблюдатели, в том числе и инсайдеры, отмечают наличие у ИНП признаков бюрократической слоновьей болезни и ориентации на внутренние проблемы. Как и многие крупные организации, защищенные от внешних трудностей, ИНП все больше и больше

работает сам на себя. Второй по величине отдел ИНП — это его внутренняя администрация: секторы бухгалтерского учета, кадров, юридических рекомендаций, обеспечения строительства, безопасности и т.п. Всего в этих секторах работает около 28% от общего числа сотрудников. Если мы добавим к ним административных сотрудников из других отделов, окажется, что одна треть штата ИНП не выполняет никакой архивной, исследовательской или люстрационной работы, а печется только о самом институте.

Поразительная иллюстрация замкнутости ИНП на самом себе — это размер его архивных читальных залов. Читальный зал главного архива в Варшаве, расположенный во внушительном десятиэтажном офисном здании, имеет всего 20 мест за миниатюрными столами и всегда переполнен. Чтобы попасть в него, исследователям приходится бронировать места за несколько дней. А запрошенные архивные материалы им приходится ждать намного дольше — от нескольких недель до нескольких месяцев. Понятно, что хорошее обслуживание исследователей явно не является приоритетом ИНП. Еще один пример — это обширные публикации ИНП. Многие из них представляют собой толстые тома архивных документов, иногда по малозначительным темам, которые вряд ли найдут с десяток читателей. Трудно найти объяснение этим дорогостоящим публикациям, кроме желания их редакторов представить конкретные, измеримые результаты в годовом отчете.

В горячих перепалках между критиками и сторонниками ИНП такие «мелкие» недостатки, как маленький читальный зал, публикации сомнительной ценности или неудобный компьютерный каталог, остаются незамеченными. Таким образом, разгадка природы ИНП в том, что: это действительно Министерство памяти, но не оруэлловского типа. Это обычная для континентальной Европы бюрократическая структура с обычными для нее недостатками. Относительно защищенная от серьезных угроз, будь то враждебное политическое поглощение, сокращения бюджета или конкуренция, она ведет себя все

более эгоистично и все менее эффективно в экономическом плане. В этом отношении, как это ни парадоксально, ИНП напоминает учреждения коммунистического периода, которым он как раз и должен заниматься: он бюрократизирован, централизован, неповоротлив, склонен к экстенсивному разрастанию, с упором на количество, а не на качество продукции, и в целом все менее эффективен.

Эти социалистические качества вкупе с мультифункциональностью, о которой говорилось выше, позволяют нам заметить, что ИНП весьма напоминает социалистический *комбинат* (вертикально интегрированную крупную промышленную корпорацию, принадлежащую государству) или *объединение* (конгломерат или картель нескольких принадлежащих государству компаний), включающее в себя шахты для добычи сырья (= архивы), крупное обрабатывающее предприятие (= исследование и редактирование) и распределение конечного продукта (= знания и информация в различных формах). ИНП не является монополистом, есть и другие учреждения, выпускающие подобную продукцию, но все же его привилегированное, доминирующее положение на «рынке» недавней истории неоспоримо, а его субсидируемая продукция (книги, выставки и т.п.) наводняют рынок и деформируют его, выдавливая с него других издателей.

Заслуживает внимания еще одно, последнее по порядку, но не по значимости, отличие от немецкой модели. Отдел исследований «ведомства Гаука/Биртлер» — важный, но ни в коем случае не доминирующий элемент в богатом и разнообразном спектре немецких учреждений, занимающихся историей коммунистического прошлого. Здесь много институтов и университетских центров, работающих в этой области, а также несколько органов финансирования, как государственных, так и частных, которые предлагают гранты и стипендии для реализации исследовательских и образовательных проектов. А в Польше башни ИНП высоко вздымаются над гораздо более скромным академическим ландшафтом, выделяясь и размером,

и бюджетом, и числом публикаций, и официальным статусом, и вниманием со стороны СМИ. В области исследований новейшей истории Польши господство ИНП сильнее, чем в свое время господство британского флота над морями, а его исследовательский бюджет, вероятно, превышает совокупный бюджет всех прочих исследовательских центров.

Вряд ли все это обрадует тех, кто разделяет веру автора в преимущества многообразия точек зрения и методологий, их конкуренции, взаимозависимости и перекрестного опыления. Академическая среда с трудом переносит гегемонию одного учреждения. Такая ситуация может быть особенно опасной, когда доминирующее учреждение выказывает тенденцию к сомнительным оценкам и интерпретациям прошлого.

Были моменты, когда ИНП или его высших должностных лиц справедливо обвиняли в недостаточно нейтральном отношении к партийной политике и в весьма спорных публичных заявлениях. Некоторые критики ИНП, возможно, излишне эмоциональны, но нельзя не признать, что некорректное обращение с деликатными проблемами недавнего прошлого, которые у многих вызывают бурные чувства, может иметь нежелательные последствия. Риск такого некорректного обращения не так уж мал, поскольку различные общественные фигуры, особенно из числа правых, нередко эксплуатируют определенные представления об исторических событиях, чтобы успешнее противостоять политическим конкурентам — в их руках эмоционально нагруженный нарратив или образ прошлого превращается в инструмент мобилизации и наступательное оружие. Среди таких деятелей, злоупотребляющих обращением к истории, мы найдем политиков, высших должностных лиц, журналистов и историков. Понятно, что «военные» историки должны стремиться работать в ИНП, особенно на руководящих должностях. Подобная «символическая» политика не раз демонстрировала свою эффективность. Провоцирование *разногласий* (*dissensus*) вокруг народной памяти — дешевое средство, позволяющее привлечь

внимание СМИ, ярче обозначить свои идеологические установки и укрепить позиции в конкурентной политической среде¹². Однако в долгосрочной перспективе это подрывает коллективное представление сообщества о собственном прошлом и в конце концов разрушает восприятие общего прошлого как общего достояния.

Помимо политических злоупотреблений, существует и другая угроза, которую мы обязаны отметить. У нас пока нет систематического исследования историографической продукции ИНП, однако у автора создалось сильное впечатление, что многие из его публикаций страдают некоторой предвзятостью, которая, по-видимому, не выдержала бы научной критики. Примером тут может служить тенденция к чрезмерной поляризации коммунистического прошлого Польши. Каковы главные субъекты исторических описаний, выходящих из стен ИНП? Один из них — это навязанный Советами тоталитарный режим, чужой, незаконный и жестокий, олицетворяемый сотрудниками СБ или партийными аппаратчиками, а иногда обезличенный. Другой — это «общество», люди, или народ: как правило, патриотичный, любящий свободу и богобоязненный, представленный борцами за свободу, деятелями гражданского сопротивления, невинными жертвами, или воплощенный в коллективных субъектах, таких как рабочие, протестующая молодежь или нестигаемое духовенство. На воображаемой карте коммунистического прошлого это противоположные полюса, которые, если можно так выразиться, задают ориентацию авторам и читателям, вероятно, *желательную* моральную ориентацию. Такие полюса, конечно, существовали, они в значительной мере определяли историю развития коммунистической Польши и заслуживают адекватного места в историографии. Ошибочность этой тенденции состоит в том, что вопреки имеющимся свидетельствам, утверждениям передовой науки в Польше (и в других посткоммунистических странах) и просто здравому смыслу, между этими полюсами остается очень мало места. В таких поляризованных описаниях

совершенно недостаточное внимание уделяется поддержке режима и адаптации к режиму (а то и другое вместе, очевидно, преобладало), стратегиям уклонения (а не сопротивления) и массовому участию граждан в работе различных институтов этого режима, начиная с самой коммунистической партии. Они слишком подчеркивают конфликт (и, следовательно, склонны перескакивать от одного политического кризиса к другому) и недооценивают размеры и роль «серой зоны» между полюсами, позиций, не соответствующих поляризованной картине «режим против народа». И опять последнее по порядку, но не по значимости: они в значительной степени пренебрегают зонами, далекими от политической истории и соответствующими точками зрения и методологиями.

До некоторой степени эта тенденция вытекает из официальной миссии ИНП. Согласно закону об ИНП, она состоит в том, чтобы распространять информацию о коммунистических институтах подавления, вести просветительскую работу, рассказывая о сопротивлении этому режиму, и не давать народу забыть своих «мучеников и праведников» (если воспользоваться терминологией Яд Вашема — израильского аналога ИНП для жертв Холокоста). Наделение ИНП этой миссией стало юридической реакцией на противодействие коммунистов, на их усилия стереть память о сопротивлении и репрессиях, заставить забыть о жертвах и утвердить миф о единстве или даже идентичности коммунистических правителей и тех, кем они управляли. В первые годы существования ИНП эта тенденция обеспечивала компенсацию прошлых манипуляций, но с какого-то момента он начал все более и более мистифицировать природу коммунистического режима, особенно в период после 1956 г., то есть в течение почти всего времени существования этого режима в Польше. Мы не вправе критиковать ИНП за эту тенденцию, потому что именно ради этого сейм и создал ИНП, и причины поручения ему указанной миссии были юридическими. Проблема заключается в сочетании этой тенден-

ции с доминирующим положением, которое со временем приобрел ИНП.

Этот год может стать началом новой главы в истории ИНП. В марте сейм еще раз внес изменения в закон об ИНП. Эти изменения ослабляют позиции президента ИНП по отношению к правлению ИНП и делают само правление в большей степени группой ученых, нежели группой назначенцев от главных политических партий, как это было до сих пор. Автор оценивает внесенные поправки как шаг в правильном направлении, но они не нацелены на исправление важных недостатков ИНП, которые были кратко описаны выше. Всего несколько недель спустя Януш Куртыка погиб в авиационной катастрофе под Смоленском вместе с президентом Лехом Качиньским и 95 другими членами польской делегации, летевшей на церемонию памяти жертв резни в Катыни в 1940 г. Это вызвало юридический кризис и раскол в правлении: возникли яростные споры относительно правил назначения нового президента. В конечном счете началась процедура, соответствующая недавно скорректированным правилам, но она оказалось длиннее и сложнее, чем ожидалось. Спустя семь месяцев после катастрофы она еще далека от завершения: сейчас ИНП руководит только и. о. президента, и никто не знает, сколько времени придется ждать появления нового правления и нового президента. Институт находится в состоянии дрейфа.

Примечания

¹ В польских СМИ появляются сотни, если не тысячи статей об ИНП, но автор удивляется тому, как мало в них конкретной информации о структуре ИНП, его деятельности и результатах этой деятельности. Некоторое представление о хронологии его деятельности и об основных направлениях его исторических исследований дает публикация под ред. Д. Косванской-Калиты (Kronika: 10 lat IPN / D. Kosz-wawska-Kalita (ed.). Warsaw, 2010). Однако этот 400-страничный избыточно иллюстрированный альбом явно подготовлен как пиар-матери-

ал к 10-летней годовщине основания ИИП, причем только его сотрудниками. И чем больше в нем самовосхваления, тем менее он информативен.

² Результаты мониторинга публикаций в СМИ, посвященных ИИП, см. на сайте http://www.ipn.gov.pl/portal/pl/18/Media_o_IPN.html.

³ Тема коммунистического прошлого постоянно присутствует в СМИ, публикуется множество материалов по так называемой «исторической политике» (*polityka historyczna*), или политике памяти в современной Польше. В частности, можно указать следующие книги: *Śpiwak P.* Pamięć po komunizmie. Gdańsk, 2005; *Polityka historyczna: historycy — politycy — prasa* / L. Cichocka, A. Panecka (eds.). Warszawa, 2005; *Cichocki M., Kosiewski P.* Pamięć jako przedmiot władzy. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2008; *Cichocki M.* Władza i pamięć: o politycznej funkcji historii. Kraków, 2005; *Kosiewski P.* Pamięć i polityka zagraniczna. Warszawa, 2006; *Nijakowski L.M.* Polska polityka pamięci: esej socjologiczny. Warszawa, 2008; *Nowinowski S.M., et al.* Pamięć i polityka historyczna: doświadczenia Polski i jej sąsiadów. Łódź, 2008; *Stobiecki R.* Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. Studia i szkice. Warszawa, 2007; *Traba R.* Przeszłość w teraźniejszości: polskie spory o historię na początku XXI wieku. Poznań, 2009.

⁴ См., например: *Dudek A.* Historia polityczna Polski 1989—2005. Kraków, 2007. Рр. 201—211.

⁵ Систематическое представление предыдущих попыток см.: *Grzelak P.* Wojna o lustrację. Warszawa, 2005. Конституционный суд объявил, что закон, позволивший Мацеревичу обнародовать свой доклад, был неконституционным.

⁶ Закон об ИИП от 28 декабря 1998 г. с позднейшими поправками (*Ustawa o Instytucji Pamięci Narodowej — Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu*) см. на сайте <http://www.ipn.gov.pl/portal/pl/32/4862/USTAWY.html>

⁷ Влияние немецкой модели прослеживается в этом законе и подтверждается первым директором отдела общественного просвещения ИИП на конференции *Eurbist-XX* «Наследие коммунизма и память о нем в Европе»: *Machcewicz P.* Poland's way of coming to terms with the legacy of Communism. Paris: ИИП, 2007.

⁸ См. примечание 3.

⁹ Данные о штате, архивных собраниях и деятельности ИИП взяты из его ежегодных отчетов, публикуемых на сайте http://www.ipn.gov.pl/portal/pl/31/Informacje_o_dzialalnosci_IPN.html, а также из публикаций д-ра Владислава Булака и д-ра Кшиштофа Персака из отдела общественного просвещения ИИП, любезно приславших автору копии: «Ин-

ститут национальной памяти и проблемы прошлого Польши» (*The Institute of National Remembrance and the challenges of the past in Poland*) и «Институт национальной памяти и польская модель проработки тоталитарного прошлого» (*Institute of National Remembrance: Polish Model of Dealing with the Totalitarian Past*). Подробное хронологическое описание деятельности ИИП см. в: *Kronika: 10 lat IPN... Список книг ИИП опубликован на сайте <http://www.ipn.gov.pl/portal/pl/229/Ksiazki.html>.*

¹⁰ В 1949—1990 гг. — Главная комиссия по расследованию нацистских преступлений в Польше, потом Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа — Институт национальной памяти.

¹¹ *Kronika: 10 lat IPN...*

¹² *Mink G.* Between reconciliation and the reactivation of past conflicts in Europe: rethinking social memory paradigms// *Czech Sociological Review*. Vol. 69. No 3. 2008.

Мачей Яновский

Едвабне, 10 июля 1941 г.:
дискуссия о событиях одного дня

I

10 июля 1941 г. в местечке Едвабне, лежащем в ста с небольшим километрах к северо-востоку от Варшавы, произошло массовое убийство еврейского населения городка. Большинство живших там евреев были заживо сожжены в сарае. Польское Едвабне (до 1939 г. и вновь после 1945 г.) в сентябре 1939 г. оказалось в составе Советского Союза в результате двустороннего немецко-советского вторжения в Польшу, основанием для которого послужили документы пакта Молотова—Риббентропа. 23 июня 1941 г., на следующий день, после нападения Германии на СССР Едвабне было занято фашистскими войсками. Убийство в Едвабне было предано забвению и, казалось, растворилось в море злодеяний, совершенных в ходе Второй мировой войны. Дело вновь стало предметом обсуждения благодаря польскому историку, живущему в США, профессору Принстонского университета Яну Томашу Гроссу, который в 2000 г. опубликовал небольшую книгу под названием «Соседи»¹. Обсуждение польско-еврейских отношений в годы Второй мировой войны, отправным пунктом которого стала эта публикация, оценивалось некоторыми ее участниками как наиболее значительная историческая дискуссия в послевоенной Польше. Так ли это на самом деле, утверждать сложно, но, несомненно, после 1989 г. из всех дискуссий на тему польской

истории эта вызвала самые бурные эмоции как среди ее непосредственных участников, так и более широкой аудитории.

Гросс давно занимается проблемой положения поляков во время советской оккупации в период между 17 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г. Среди прочего он опубликовал сборник воспоминаний польских детей, высланных после 17 сентября 1939 г. в СССР «В сороковом нас, мама, в Сибирь сослали» (*W czterdziestym nas Matko na Sibir zesiali*) (1984), а также книгу «Убийственная декада. Три эссе о стереотипах евреев, поляков, немцев и коммунистов» (*Upiorna dekada. Trzy eseje o stereotypach na temat Żydów, Polaków, Niemców i komunistów*) (1998). Написанные живым языком в стиле эссе — автор предлагает не только факты, но и интерпретацию явлений, а также поднимает важные проблемы новейшей истории Польши — работы Гросса всегда привлекали читательский интерес и провоцировали дискуссии. Но публикация «Соседей» вызвала настоящую бурю. Ведь евреев из Едвабне, писал Гросс, убили не немцы, а их польские соседи. Убийцами были не какие-то там негодяи и подонки, а «самые обычные люди». Здесь Гросс отсылает нас к названию известной книги Кристофера Браунинга о немецких жандармах, участвовавших в убийствах евреев (*Ordinary men* — «Обычные люди»).

Книга Гросса невелика по объему, она основана на показаниях, данных в ходе послевоенных уголовных процессов по делу Едвабне, на воспоминаниях нескольких выживших евреев, прежде всего Шмуля Васерштайна, а также на нескольких интервью с тогда еще живыми свидетелями событий. Очень хорошо написанная, не скрывающая эмоциональной позиции автора, она, в частности, благодаря своей художественной форме, имела все шансы пробиться к читателю, который не стал бы читать объемную специальную монографию.

Проблема польско-еврейских отношений в годы Второй мировой войны неоднократно поднималась и до книги Гросса. При коммунистическом режиме такая дискуссия не могла вестись открыто: коммунистическая пропаганда в определен-

ные моменты (1968 г.) действительно провозглашала антисемитские лозунги, но в целом в ней доминировал не столько открытый или завуалированный антисемитизм, сколько стремление к маргинализации и преданию забвению всей непростой польско-еврейской проблематики. Заметное ослабление цензуры во времена так называемой «первой Солидарности» (сентябрь 1980 г. — декабрь 1981 г.) высвободило целый пласт тем, о которых не принято было говорить, в том числе и еврейскую проблематику, которая, однако, не заняла центрального места в исторических дискуссиях того времени. Следует отметить эссе известного публициста, приверженца демократического социализма Яна Юзефа Липского «Две родины — два патриотизма» (*Dwie ojczyzny — dwa patriotyzmy*). В этом эссе ксенофобский шовинизм был противопоставлен критическому патриотизму, однако еврейский вопрос поднимался лишь вскользь. В свою очередь, 1980-е гг. ознаменовались оживлением интереса к еврейской проблематике. Живой отклик вызвало появление в 1987 г. на страницах еженедельника «Тыгодник Повшехны»² (№ 2 за 1987 г.) статьи Яна Блоньского, известного критика и литературоведа, озаглавленной «Бедные поляки смотрят на гетто». Эта статья, отсылающая нас к известному стихотворению Чеслава Милоша «Бедный христианин смотрит на гетто», поднимала проблему пассивного отношения поляков к уничтожению евреев в ходе Второй мировой войны.

В середине 1990-х в «Газете Выборчей» (*Gazeta Wyborcza*) была опубликована статья Михала Чихого «Поляки — евреи. Черные страницы восстания»³, посвященная убийствам евреев, совершенным в ходе Варшавского восстания 1944 г. Она также дала толчок оживленной дискуссии. Наконец, широкий резонанс вызвал опубликованный в еженедельнике «Тыгодник Повшехны» в 1997 г. (№ 46 за 1997 г.) текст иезуита отца Станислава Мусяла «Черное — это черное» (*Czarne jest czarne*), с болью писавшего о том, что в польском Костеле широко распространен антисемитизм. Однако ни одна из упомянутых

дискуссий по накалу не могла сравниться с той, которая является предметом нашего анализа.

Тучи начали собираться еще до того, как Гросс опубликовал свою книгу. За несколько месяцев до публикации вышел в свет сборник статей, озаглавленный «Европа непровинциальная. Трансформации на восточных землях бывшей Речи Посполитой»⁴, который был издан в честь 70-летия со дня рождения известного исследователя польского подполья в период Второй мировой войны, профессора Томаша Стжембоша. В этом сборнике Гросс опубликовал статью под названием «Лето 1941 г. в Едвабне» (*Lato 1941 w Jedwabnem*), в которой изложил основные тезисы своей будущей книги. Режиссер Агнешка Арнольд сняла на эту тему документальный фильм, а журналист Анджей Качиньский опубликовал несколько статей на тему Едвабне. Это было еще до шумихи, вызванной книгой Гросса, и жители Едвабне говорили с Качиньским довольно откровенно: «После того, что здесь творилось во время советской оккупации, трудно удивляться взрыву гнева поляков, направленного против евреев», — сказал мне один из жителей Едвабне»⁵. Качиньский говорил позже: «Правда о преступлении сохранилась в местной устной традиции. Парадоксально, что пока обстоятельства убийства евреев в Едвабне не были достоянием общественности, <...> местечко знало и передавало из уст в уста правду, а когда о ней заговорили все, то многие [жители Едвабне] стали ее отрицать»⁶.

В такой обстановке в конце мая 2000 г. в книжных магазинах появилась книга Яна Томаша Гросса⁷.

II

Книга вызвала дискуссию⁸, в которой счет публицистическим откликам идет, наверное, на тысячи. В ее продолжение были написаны несколько книг, важнейшими из которых являются: двухтомник «Вокруг Едвабне» (*Wokół Jedwabnego*)

(2002) под редакцией Павла Махцевича и Кшиштофа Персака, опубликованный Институтом национальной памяти, а также книга журналистки «Газеты Выборчей» Анны Биконт, озаглавленная «Мы из Едвабне» (*My z Jedwabnego*) (2004). К обеим названным работам мы будем обращаться неоднократно; они относятся к базовым источникам для всех, кто интересуется проблемой Едвабне.

Если говорить о ключевых научных проблемах, то дискуссия вокруг «Соседей» концентрировалась на следующих вопросах:

- предыстория (до 1939 г. и в период 1939—1941 гг.) польско-еврейских отношений на этих землях и их значение для дела Едвабне, в том числе особое отношение евреев к советской оккупации;
- участие немцев в событиях 10 июля 1941 г.;
- количество убитых;
- количество исполнителей (составляют ли поляки большинство или только определенную часть?);
- их социальное положение (элиты местечка или отбросы?).

Внимание участников дискуссии привлекли также две методологические проблемы: возможность понимания произошедшего на основе контекстуализации и провозглашенный Гроссом новый подход к источникам.

Все названные проблемы эмоционально окрашены, но в целях адекватного анализа постараемся представить лишь содержательную их часть, к эмоциям же обратимся позднее.

Начнем с проблемы генезиса преступления. Она составляет единое целое с другой упомянутой проблемой: возможности понимания произошедшего. Как нам кажется, Гросс в принципе отвергает саму возможность контекстуализации событий в Едвабне. Преступление такого рода не поддается, в его глазах, каким бы то ни было попыткам понимания. «Существуют ли какие-то параметры <...>, которые могли бы сделать совершенное поляками убийство евреев в Едвабне “понятным”? Можем

ли мы себе вообразить какую-либо последовательность событий, приведших к убийству в Едвабне, которая бы позволила нам в итоге сказать что-то типа “Ага, понимаю” <...>?»⁹.

Среди всех участников дискуссии, высказавшихся по данному вопросу, наиболее глубоко представил проблему социолог Антоний Сулек в своей обстоятельной и вдумчивой рецензии на книгу Гросса¹⁰. Сулек писал, что, разумеется, всегда останется определенная недосказанность, определенное место для эмоций и непонимания — но мы все-таки должны стремиться понять, и до определенной степени это возможно. Он высказался в поддержку «социологии понимания» (*verstehende Soziologie*) как методологического подхода, позволяющего приблизиться к непростой истине. Гросса переубедить не удалось: любая контекстуализация, утверждал он, не учитывает того, что аналогичные факторы действовали на всей территории, занятой в 1939 г. СССР, а погромы достигли такого размаха только в Едвабне и соседних местечках, Радзилуве и Вонсоше. До тех пор, пока не будет установлена специфика Едвабне, то, «что отличает Едвабне от других мест во время советской оккупации»¹¹, попытки контекстуализации не дадут результата. Следует отметить, что еще до публикации процитированного выше текста Гросса Дариуш Столя (в серьезной статье, о которой речь пойдет ниже) попытался ответить на поставленный вопрос. По его мнению, регион вокруг Едвабне отличался от других тем, что это были единственные этнически собственно польские (или, скорее, польско-еврейские) земли, которые после 17 сентября 1939 г. оказались в зоне советской оккупации. По мнению Столи, на территориях с украинским или литовским большинством после вступления немцев довольно быстро проявлялся радикальный антисемитизм украинцев или литовцев. Происходило так не потому, что украинский или литовский антисемитизм в принципе сильнее польского, а потому, что украинские и литовские политики рассматривали — в отличие от польских — пространство политической активности как поле взаимодействия с немцами. В такой си-

туации местные поляки, находившиеся в конфронтации с украинцами и литовцами, не присоединялись массово к антисемитским выступлениям, опасаясь доминирования украинских и литовских националистов. В Едвабне и окрестностях не было других национализмов, кроме польского, а следовательно, не было и препятствий для выражения поляками антисемитских взглядов.

Что касается генезиса преступления, то наиболее неоднозначной проблемой оказалось то, что Томаш Стжембош обозначил в заглавии одной из своих статей как «замалчиваемый коллаборационизм»: вопрос о степени и характере сотрудничества евреев с советскими оккупантами после 17 сентября. Эта проблема рассматривается с различных точек зрения; при чтении некоторых текстов у читателя возникает впечатление, что в глазах авторов коллаборационизм евреев каким-то образом оправдывает убийц или, по крайней мере, уменьшает их вину. Но и авторы, близкие по своим взглядам к Гроссу, такие как Антоний Сулек или Анджей Жбиковский, также подчеркивают значение этой проблематики. Оба исследователя считают, что действовал механизм, в котором относительно незначительное меньшинство еврейской общины, сотрудничавшее с советской властью, было относительно наиболее заметным и отложилось в памяти поляков, упрочив существовавший и до того стереотип «жидокоммуны». Жбиковский и ряд других авторов подчеркивают также, что репрессии советской системы не опирались на этнические или конфессиональные критерии, а евреи были (хоть и в ограниченной степени) допущены к административным функциям, что само по себе для многих поляков было поводом для раздражения и негодования. Как определил это Ян Я. Милевский, «польское общество будоражила совершенно невообразимая смена социальных ролей»¹². Авторы, занимающиеся данной проблемой, обращают внимание на необходимость различения видов сотрудничества с оккупационными властями, а также степени добровольности этого сотрудничества. В то же время относительно немного

внимания было уделено тому, применимо ли само понятие «коллаборационизм» к поведению национальных меньшинств II Речи Посполитой, которые не считали польское государство своим, и в этом смысле трудно обвинять их в измене. В этом ключе высказывались на страницах газеты «Речпосполита» (*Rzeczpospolita*) историк Марчин Куля и немецкий историк и обозреватель немецкой прессы Клаус Бахман¹³.

Немного отступая от основной дискуссии, в одном из своих многочисленных высказываний Томаш Стжембош обратил внимание еще на один аспект преступления: жестокость в польской деревне. «Жестокость, которую можно наблюдать у детей, мучающих кота, жестокость по отношению к собакам в деревне <...>, жестокость в отношении стариков», ослабевших родителей, «людей с ограниченными физическими и умственными возможностями»¹⁴. В контексте этой всеобъемлющей жестокости рассматривал Стжембош и жестокость в отношении евреев. Насколько нам известно, этот сюжет не получил своего развития в последующей дискуссии.

Важным аспектом обсуждения оказалась также ситуация в Едвабне и окрестностях накануне Второй мировой войны. Большинство исследователей этого вопроса подчеркивали рост антисемитизма в ломжинском регионе и усиление позиций Народной демократии (сокращенно НД, т.е. «эндеков»), националистического объединения, бывшего в оппозиции к сторонникам маршала Пилсудского, находившимся у власти после 1926 г. Евреи, естественно, не могли поддерживать «эндеков», провозглашавших антисемитские лозунги, и в большинстве своем так или иначе поддерживали Пилсудского и его последователей. Однако таким образом они еще больше отдалялись от большинства нееврейского населения региона. Подчеркивалось также, что НД при поддержке католического Костела устраивала в 1930-е гг. антиеврейские акции типа бойкота еврейских магазинов. Неоднократно доходило до антиеврейских выступлений. Этот конфликт резко обострился после начала Второй мировой войны.

Еще одна проблема касается роли немцев в данном преступлении. Многие участники дискуссии неточно представляли позицию Яна Томаша Гросса; из их изложения следовало, что он считал роль немцев минимальной, те якобы лишь занимались фото— и киносъемкой. В то же время Гросс пишет довольно ясно: «Хозяевами положения в Едвабне были, разумеется, немцы. И только они могли принять решение об убийстве евреев. <...> Если бы Едвабне не было занято немцами, иными словами — если бы не было вторжения Гитлера в Польшу, то евреи из Едвабне не были бы перебиты своими соседями <...> Трагедия евреев из Едвабне — это лишь эпизод в битве не на жизнь, а на смерть, которую Гитлер вел с мировым еврейством. <...> Но *непосредственное* (курсив мой — **М. Я.**) участие немцев 10 июля 1941 г. ограничилось прежде всего фото— и <...> киносъемкой происходившего»¹⁵.

Крайняя точка зрения сводится к убеждению, что в целом все преступление было совершено руками немцев при возможном эпизодическом участии поляков. В основном так рассуждали крайне правые публицисты, из историков к этой позиции приближался в некоторых своих высказываниях Томаш Стжембош. Однако в большинстве своем историки, пишущие об этом деле, признали, что в основном преступление было физически совершено поляками, но в результате подстрекательства или даже по принуждению немцев. Анджей Жбиковский детально проанализировал преступления, подобные событиям в Едвабне, совершенные в других окрестных местечках, как, например, Радзилув или Вонсош¹⁶. Многие исследователи (Жбиковский, Томаш Стжембош, Томаш Шарота¹⁷, Дариуш Столя, а за ним и Марек Вежбицкий) обращали внимание на повторяющийся характер погромов. Особое значение имеет здесь исследование Столи, показавшего высокий уровень организованности погрома, далеко выходящий за рамки того, чего можно было бы ожидать от спонтанной инициативы жителей. Столя исходит из тезиса, что убийство в Едвабне не является классическим погромом: в изученных историками погромах на

Украине в 1918—1919 гг. выжило около 80% евреев. После «обыкновенного» погрома остается определенное число убитых и еще больше раненых, а сам погром постепенно превращается в грабежи и пьянство. Идея убийства всех евреев находится за рамками воображения участников «обычного» погрома. Эту идею должны были внушить полякам немцы, вероятно, во время встречи в ратуше накануне трагедии — встречи, названной Гроссом «совещанием», хотя на самом деле — пишет Столя — это был скорее инструктаж. Городские власти, созданные спонтанно или поставленные самими немцами после бегства большевиков, не были для них серьезным партнером и могли лишь принять к сведению немецкие распоряжения. Более того, ход трагедии демонстрирует высокий уровень внутренней организации исполнителей, невозможный при абсолютно спонтанном погроме. Существовал определенный «порядок убийства», от «исполнителей-добровольцев» до обычного «построения на рынке», включая целый ряд промежуточных поведенческих стратегий.

Гросс, по мнению Столи, в своих работах удачно показывает роль низового поведения масс в тоталитарной системе, указывая, что не все объясняется действиями государства. Но в данном случае «Гросс пошел слишком далеко в “разгосударствлении” излагаемых событий». Столя пишет: «В событиях 10 июля наблюдается <...> определенный порядок <...>. Этот порядок исходит от государства, можно даже сказать, этот порядок и есть государство. В событиях 10 июля проявляется особое государство, почти гротескное — небольшое локальное мини-государство Едвабне, существующее по прихоти оккупанта и (совместно) управляемое его местными ставленниками. В нем нельзя видеть лишь форму социальной самоорганизации, создание гражданского общества. <...> Это мини-государство <...> обладает <...> главным атрибутом государства: располагает средствами принуждения и определяет, кто и на каких основаниях может применять насилие. На этом основании для 10 июля оно допускает применение насилия

каждым и без ограничений, при условии, что это насилие будет направлено против евреев и только против евреев». Столя отмечает, что в источниках нет упоминаний ни об одном «конкретном убийстве, совершенном в тот день немцами», и замечает поразительный факт: «В описаниях произошедшего отсутствуют <...> звуки выстрелов. В воспоминаниях поражает та тишина, на фоне которой люди, работавшие в поле за городом, слышали голоса жертв. <...> А ведь, по крайней мере, несколько десятков человек были убиты не в сарае. Эта тишина указывает на то, что убивали их без применения огнестрельного оружия», в отличие от того, как это обычно делали немцы¹⁸.

Текст Столи во всей дискуссии является одной из наиболее вдумчивых попыток детального анализа и интерпретации хода событий 10 июля 1941 г. Идя по его стопам, Томаш Шарота, Эдвард Димитров и Анджей Жбиковский¹⁹ обстоятельно анализируют установки и решения высшего руководства Германии по еврейскому вопросу, уделяя особое внимание распоряжениям шефа РСХА — Главного управления имперской безопасности Рейнхарда Гейдриха, датированным июнем — июлем 1941 г., в которых идет речь о подстрекательстве местного населения к расправе над евреями.

Одним из центральных пунктов полемики явился выдвинутый Гроссом постулат «аффирмативного подхода к источникам». Речь идет, в общих чертах, о том, чтобы исследовать «эпоху газовых камер», заранее предполагая достоверность свидетельств «несостоявшихся жертв Холокоста», отвергая их лишь в том случае, если будут найдены весомые аргументы, указывающие на их недостоверность, иными словами, тяжесть доказательства ложится на тех, кто хочет отвергнуть воспоминания уцелевших. Гросс приводит два аргумента: во-первых, он апеллирует к прагматизму, утверждая, что возможность совершения ошибки при таком подходе к источникам меньше, чем при обратной трактовке. Второй аргумент сложнее: то, что мы узнаем из воспоминаний — «благодаря самому факту расска-

за, — не является репрезентативным для исследования судеб евреев», поскольку сам этот рассказ исходит от тех, кто выжил, и даже если они составляли свои записи во время войны и не дожили до ее конца, то до времени их написания «им удалось счастливо избежать смерти. О самом дне, о последнем предательстве, жертвой которого они пали, о крестном пути девианности процентов довоенного польского еврейства нам неизвестно ничего. И поэтому мы должны дословно трактовать обрывки информации, которыми располагаем», ибо «истина о трагедии еврейства может быть только еще более ужасной, чем наше о ней представление, составленное на основе воспоминаний тех, кто выжил»²⁰. Независимо от того, разделяем ли мы такую позицию, по нашему мнению, как таковая она является серьезной заявкой на дискуссию. В то же время оппоненты Гросса, как правило, доводят ее до абсурда, считая, что, согласно Гроссу, «мы должны априори считать, что по своему содержанию воспоминания тех, кто выжил после Холокоста, достоверны»²¹. Мне не кажется, что какие-то из формулировок Гросса дают основания для подобной интерпретации его взглядов.

Почти столь же важной темой, как присутствие немцев или их отсутствие, является характеристика участия польского населения. Были ли это лишь отдельные его представители («отбросы») или солидные люди, ничем не отличающиеся от остальных жителей городка? Была ли это небольшая группа или значительная часть, или, возможно, большинство польской части жителей Едвабне? Сомнения, были ли это на самом деле «обычные люди», высказал Антоний Сулек, допустив, что это могли быть «лишние люди на стороне силы» (Сулек цитирует здесь классическую работу Стефана Чарновского, ставшую одним из базовых текстов польской социологии, в которой разбирается роль маргинальных общественных элементов в создании социальной базы гитлеризма). Под влиянием ответов Гросса, который привел дополнительные данные о семей-

ном положении исполнителей, Сулек отказался от своего предположения. В свою очередь, Дариуш Столя обратил внимание на то, что активные участники убийства в Едвабне, совершенно независимо от их семейного положения и рода занятий, тем не менее не были обычными людьми, такими, как герои книги Браунинга, поскольку отличались от них тем, как они были выделены из основной популяции. Жандармы, о которых пишет Браунинг, были просто мобилизованы, в то время как активные участники убийства вызвались сами в процессе добровольного отбора, а следовательно, по определению должны были отличаться какими-то психическими свойствами (даже если их положение в обществе было вполне обычным) от остальных жителей. Это были, по словам Столи, скорее «добровольные исполнители», чем «обычные люди»: заглавие книги Даниэля Гольдхагена (*Hitler's willing executioners*) определяет их лучше, чем название книги Браунинга.

Сам Гросс уточнил свой радикальный тезис о польской части жителей местечка, убившей его еврейскую часть. «Каждый, кто в тот день вытаскивал прячущегося еврея из-за куста, указывал скрывшегося за кучей угля, хватал убегающего на поле, бил ногой согнанных в толпу, бросал в идущих на смерть камень, обзывал их, смеялся над ними, плевал в них — участвовал в преступлении против человечности. Такова суть событий в Едвабне»²². Отчетливо видно, что участие в преступлении он понимает в расширительном смысле, включая в это понятие также пассивную поддержку. Тем не менее конкретное число поляков, которые хватали евреев и тащили их в сарай, остается до сих пор неизвестным.

Аналогично тому, как не удалось прийти к единому мнению относительно количества исполнителей, нет единодушия и по вопросу о количестве жертв. Гросс приводит в «Соседях» число 1 600, взятое из одного источника; именно это число закрепилось в общественном сознании. Сам Гросс, как он говорил позже, не высказал своего мнения относительно этой оценки,

а лишь процитировал ее. Оказывается, что как таковое количество евреев, постоянно живших в Едвабне в июне 1941 г., неизвестно²³, при этом, разумеется, это количество не идентично количеству евреев, пребывавших в местечке в день трагедии 10 июля 1941 г., поскольку часть постоянных жителей могла уехать, в свою очередь, в Едвабне могли находиться беженцы из других мест. Радослав Игнатъев, прокурор, курировавший по поручению Института национальной памяти следствие по делу убийства в Едвабне, в интервью Анне Биконт детально обосновал свое мнение и заявил, что 10 июля в Едвабне погибли «не более нескольких сотен» человек, а активными исполнителями «были польские жители Едвабне и окрестностей, мужчины в количестве по крайней мере около сорока»²⁴.

Дискуссия по ключевым вопросам не дала однозначных ответов. Можно, однако, предположить, что по ее итогам большинство историков согласились бы с тем, что книга Гросса носит скорее публицистический, чем сугубо научный характер; в ней легко обнаруживаются неточности, поспешные выводы и методологические просчеты. Скорее всего, в тот трагический день погибло меньше людей, чем отмечает Гросс; по всей видимости, меньше поляков, чем каждый второй взрослый мужчина, участвовали в преступлении; и вероятнее всего, закулисная роль немцев была сильнее, чем можно было бы предположить после прочтения «Соседей». В то же время большинство историков согласились бы наверняка с самим фактом: как написал Марек Вежбицкий, «не подлежит сомнению <...> участие части польского населения западной части Белостоцкого воеводства в убийствах и погромах евреев»²⁵. Вежбицкий поддерживает осторожные слова Радослава Игнатъева, которые можно рассматривать как «минимальную оценку» того, что удалось установить (хотя наверняка и его высказывание было бы отвергнуто радикальными оппонентами Гросса): «Наиболее вероятной гипотезой является предположение о совершении преступления в Едвабне местными поляками при подстрекательстве немцев»²⁶.

III

Мы сознательно отделили изложенные выше научные аргументы от эмоционального, политического и временного контекста, в котором они формулировались. Нам важно было показать, что дискуссия о Едвабне имеет также существенное научное содержание. Однако, учитывая тему полемики, очевидно, что все высказывания исследователей неизбежно сопровождались эмоциями, которые для общего смысла этих высказываний нередко оказывались более важными, чем собственно научное содержание. Такая эмоциональность, соединенная с различиями в мировоззрении, заметна у обеих полемизирующих сторон, но при этом у каждой из них она носит особый характер. У самого Яна Томаша Гросса она выступает главным образом в форме апеллирования к морали: к сочувствию читателей, их возмущению, эмпатии; «ибо важнее было не побудить к априорному восприятию каждого слова, написанного в «Соседях», как истины в последней инстанции, а пробудить сочувствие при мысли о жертвах преступления в Едвабне»²⁷. У Анны Биконт заметны подобные эмоции, но с ними сопряжена горечь, вызванная тем, что значительная часть польского общества не хочет признавать участия поляков в преступлении в Едвабне. Этих эмоций никто не скрывает; Гросс, Биконт, другие авторы, близкие им по способу мышления, не делают вид, что намерены создавать исключительно научные тексты. Разумеется, они не отказываются от фактографического обоснования своих выводов и ссылок на источники, но при этом придерживаются той точки зрения, что эмоции в этом трагическом случае как нельзя более уместны; что именно они позволяют читателю лучше воспринять и постичь проблему Едвабне.

Иную роль играют эмоциональный и мировоззренческий факторы у оппонентов Гросса. Их тексты, как правило, апеллируют к идеалу объективного историка, который исследует документы и на их основании приходит к пониманию прошло-

го. «Задача исследователя состоит не в “позиции аффирмации”, а в профессиональном скептицизме и тщательном анализе любых данных. Применение методологических постулатов Гросса приводит к тому, что в научный дискурс проникают без должной верификации личные предубеждения и антипатии свидетелей», — писал Богдан Мусял²⁸. «Историк обязан исследовать как можно больше документов, чтобы ответить на вопросы: что? кто? где? почему? <...> В задачи историка входит разграничение правды и вымысла»²⁹, — утверждал Марек Ян Ходакевич. В то же время в самих этих текстах мы находим нередко довольно яркие, эмоционально окрашенные оценочные формулировки, будто созданные в совершенно иной поэтике, чем остальная часть текста. Наблюдается, если так можно сказать, преобладание эмоций над априорными теоретическими декларациями и над излагаемыми фактами. Так, например, Ходакевич, неустанно подчеркивающий необходимость детального исследования, без которого нельзя выносить приговоров, неожиданно пишет о том, что в Польше, где большинство средств массовой информации и большинство интеллигенции придерживаются либеральных взглядов, не нужно особой смелости, чтобы утверждать наличие польского антисемитизма³⁰. Аналогичным образом Петр Гонтарчик, обративший внимание на конкретные неточности в «Соседях», следующим образом излагает основные постулаты книги Гросса: «Поляки — это гитлеровские коллаборанты, которые подписывают соглашение с немцами в деле убийства евреев. Немцы хотят кого-то там спасти, но поляки на это не соглашаются и жестоко убивают почти всех евреев — своих соседей. <...> Единственным местом, которое гарантировало евреям относительную безопасность перед лицом кровожадной польской орды, был пост гитлеровской жандармерии. В целом трудно удивляться преступной натуре поляков, ведь их духовными наставниками были служители католического костела. Гросс упоминает только двоих, и оба предстают обычными преступниками...»

После этого пассажа следует научный вывод: «Проблема состоит не в том, нравится кому-то такой образ прошлого или нет, а в том, насколько такой образ соответствует действительности, а следовательно — переходя на язык науки, — был ли он создан в соответствии с требованиями исторического ремесла. Смею утверждать обратное. Автор “Соседей” использовал крайне бедную и тенденциозно подобранную источниковую базу, не подверг ее должной критике, <...> он опускает и извращает то, что не соответствует его постулатам <...>, в научной аргументации не придерживается законов логики и научной объективности и в результате выдает необоснованные метафизическо-идеологические суждения, лишённые научных оснований. Учитывая указанные недостатки, книга Яна Томаша Гросса не может служить основанием для серьезной дискуссии на тему нашей истории. Особенно преступления в Едвабне»³¹.

Не подлежит сомнению скорее то, что представленная выше общая картина, которая, по словам Гонтарчика, вырисовывается в «Соседях», является — мягко говоря — результатом крайне недоброжелательного чтения книги, чтения, нацеленного скорее на выискивание промахов, чем на понимание идеи и хода аргументации читаемой работы. У многих авторов обнаруживаются признаки аналогичной стратегии чтения, согласно которой любой фрагмент книги Гросса преподносится так, чтобы он звучал по возможности лишённым смысла, что облегчает его сокрушительную критику.

Несомненно, тексты Мусяла, Гонтарчика, Ходакевича и других оппонентов Гросса, поднимающих проблемы методологии, во многих случаях действительно помогают исправить ошибки автора «Соседей», привлекают внимание к противоречиям в источниках и тем самым способствуют углублению наших познаний на тему преступления в Едвабне. Однако здесь не нужны особенно глубокие герменевтические исследования, чтобы заметить идеологическую ангажированность их авторов, вступающую в противоречие с приверженностью объективистской модели чистой науки, которую они декларируют.

(В скобках заметим, что они придерживаются крайне редуцированной версии этой модели, сводя профессию историка до своеобразного «ремесла»: мало кто разделял такой взгляд на историю даже во времена господства позитивизма в XIX в., а начиная с антипозитивистского переворота 1890-х гг., данная модель повсеместно подвергается сомнению.)

Отличие от процитированных выше исследователей, Томаш Стжембош открыто подчеркивает роль эмоционального фактора в своем подходе к интересующей нас проблеме. «Этим делом, — сказал он в одном из интервью, — я занялся исключительно потому, что чувствовал себя обязанным по отношению к жителям Едвабне и окрестностей. Именно потому, что именно эти люди в эпоху коммунизма, когда я занимался советской оккупацией северо-восточных земель Польши, проявили огромную смелость и доброжелательность. Они принимали меня в своих домах и говорили о вещах и событиях, за разглашение которых им грозили страшные репрессии. Я не мог промолчать... <...> Как же я мог отвернуться от этих людей! Я ходил, разговаривал с ними, расспрашивал. А теперь я должен был сказать, что мне на них наплевать? Я решил установить, как все было на самом деле, поскольку я был готов и сейчас готов принять [правду о] любом зле, которое имело место и было совершено руками поляков, при одном условии, что оно действительно имело место!»³². Стжембош в течение многих лет собирал материалы для своей книги о польской антисоветской конспирации в 1939—1941 гг. в окрестностях Едвабне, и можно понять (хотя и не обязательно принять) его реакцию на книгу Гросса, воспринятую им как несправедливое обвинение в адрес его героев.

В рассмотренных выше текстах эмоциональная позиция авторов не перечеркивала их научной аргументации. Однако существует особая группа текстов, в которых радикальное неприятие постулатов Гросса выражалось в крайне эмоциональной агрессии; это тексты, в которых любая информативность играет подчиненную роль, а главное — это агрессивная эк-

спрессия. Их «аргументация» (если уж мы делаем авторам честь, употребляя это слово) утомительно однообразна. Они подчеркивают, что книга Гросса, а также высказывания его сторонников являются результатом международного заговора, в основе которого лежит еврейская «полонофобия», а также желание стребовать с Польши как можно больше денег в качестве компенсации за имущество, принадлежавшее евреям. Работы, поддерживающие позицию Гросса, определяются как «польскоязычные» (не «истинно» польские, а лишь использующие польский язык). Полемика в целом рассматривается в контексте столкновения «польской» и «еврейской» или «космополитической» (что по сути одно и то же) точек зрения. Помимо польских историков, полемизирующих с Гроссом, в качестве авторитета приводится также автор книги «Индустрия Холокоста» Норман Финкельштейн³³ — его взгляды сопровождаются комментариями типа «даже сами евреи утверждают, что...». Что особенно существенно, Польша и польскость, как это принято при таком ходе рассуждений, предстают как объект массивной атаки, направленной одновременно против Польши и против католического Костела, которые при такой оптике едва ли не отождествляются. Авторы некоторых текстов пишут о космополитизме и либерализме как о своих врагах; многие, однако, обращаются к классической антисемитской аргументации, которая в принципе не слишком отличается от той, которая была создана европейскими правыми во второй половине XIX в. В целом можно констатировать, что большинство текстов на тему Едвабне, доступных в Интернете, представляют именно эту крайне правую позицию. Как это обычно бывает в публичном пространстве, границы стираются: иногда трудно определить, является ли данный текст «еще» рациональной полемикой с тезисами Яна Томаша Гросса или «уже» идейной декларацией крайне правых позиций. Наиболее ярким представителем рассматриваемого здесь направления, работы которого не оставляют никаких сомнений относительно их идейной принадлежности, является Ежи Роберт Новак, публи-

кующийся в основном в националистическо-католическом еженедельнике «Наш дженник» (*Nasz Dziennik*), близком к «Радио Мария»³⁴. Мы не видим оснований для более подробного анализа подобных высказываний.

IV

Моральная проблематика, связанная с обсуждением преступления в Едвабне, затрагивает один принципиальный вопрос и несколько второстепенных. Принципиальной является проблема того, как мы — поляки, или, скорее, мы — польские интеллигенты, должны реагировать на известие об этом преступлении полувековой давности, или, говоря словами Ежи Едлицкого, «как нам с этим справиться»³⁵. Ответ тех авторов, которые стараются рассматривать проблему Едвабне, прежде всего, с моральной точки зрения, выливался в различные формы и может быть обобщен таким образом: принять к сведению, не пытаться отрицать и жить дальше с сознанием того, что у твоего собственного народа, как и у других, есть в истории страницы хорошие и плохие, прекрасные и отвратительные.

Рассматривая отношение различных авторов к моральному аспекту проблемы Едвабне, рискнем высказать мнение, что принципиальные разногласия во всей полемике, рассматриваемой в нашем обзоре, касаются не только и не столько фактов или критериев их значимости. Одной из заметных реакций на выход книги Гросса стала беседа известного журналиста Яцека Жаковского с Томашем Шаротой на страницах «Газеты Выборчей». Шарота в принципе не отрицал картины событий, обрисованной Гроссом, говоря о необходимости принять тот факт, что мы имеем дело с убийством, частью Холокоста, причем в данном случае виновниками являются поляки. В то же время он подчеркивал, что книга Гросса недостоверна в деталях, что потребуются новые конкретные исследования. «Для того, чтобы пробудить угрызения совести, достаточно того,

что написал Гросс в “Соседях”. Однако для понимания всей этой ситуации необходимо знать детали. Каждый историк знает, что дьявол часто кроется в деталях»³⁶. Ежи Едлицкий в ходе дискуссии по книге Гросса в Институте истории ПАН полемически отнесся к этой беседе, заявив: «Дьявол в Едвабне и Радзилуве не в деталях, а в принципе»³⁷. Представляется, что для Едлицкого, Ханны Сьвиды-Зембы³⁸ и многих других (вероятно, и для самого Гросса) в конечном счете не важно, сколько было убито евреев — 1 600, половина или треть этого числа, было ли в тот трагический день в Едвабне около двадцати или несколько десятков немцев, а среди нееврейского населения половина взрослых мужчин или только каждый пятый или каждый шестой вытаскивали евреев из домов, грабили их, тащили к месту казни и, наконец, принимали участие в убийстве. Существенной является моральная проблема, которая не зависит от цифр. Чрезмерная концентрация на специальных технических вопросах грозит отодвинуть на задний план по-настоящему важные проблемы. Едлицкий писал: «Можно, разумеется, и дальше делать вид, что ничего не произошло. Можно писать, что слишком рано, что в воспоминаниях не установлено место, что не посчитано точно, сколько было убийц и убитых. Что нужно еще изучить те или другие архивы. Изучать всегда нужно, надо было сделать это много лет назад, но это ничего не меняет. Правда не станет приятнее, чем есть, и рано или поздно придется с ней справиться»³⁹. Насколько нам известно, на этот вопрос критики и оппоненты Гросса не дали ответа, не пояснили, каким образом эти уточнения фактографии могут повлиять на этическую оценку дела Едвабне.

Крайне трудно обнаружить открытую полемику с авторами, поднимающими моральные проблемы в контексте преступления в Едвабне. Противники Гросса, апеллирующие к методологическим проблемам, нередко представляют «моралистов» как маргинальную группу, симметричную радикальным правым. «Во-первых, они отрицают. <...> Во-вторых, они морализируют. <...> Они так же иррациональны, как и их партнеры спра-

ва»⁴⁰, — писал в своей английской работе Марек Ян Ходакевич. Подобным образом рассуждает и Богдан Мусял: «Одни отрицают обвинения как безосновательные <...>. Другие горячо поддерживают постулаты Гросса, выдвигая крайне эмоциональные обвинения, рассуждая в философско-морализаторском ключе <...>. Призывают посыпать голову пеплом». Исследователей, рассуждающих так, как он сам, Мусял видит в центре: «Существует и разумная позиция, говорящая о необходимости дискуссии на эту тему». Трудно объяснить, почему «разум» должен исключать рефлексию над этическим измерением исторических событий. В определенной мере ответом могут стать слова, которые Мусял говорит ниже в том же тексте: «Не думаю, что Польше нужно преодоление истории по немецкому образцу. <...> Польше сегодня необходимо вернуть себе память. Историческое сознание послевоенных поколений поляков было в значительной степени извращено коммунистическим государством. Нужны тщательные научные исследования»⁴¹. Мусял, как нам кажется, чуть что не отождествляет критику постулатов Гросса с тщательными научными исследованиями. У читателя не возникает сомнений, что в этом и подобных текстах мы сталкиваемся, вопреки декларируемому позитивистскому минимализму, с оценочной позицией той же силы, что и в случае с Гроссом и его сторонниками, только с обратным знаком. Сама попытка «моральной оценки» дела Едвабне получает критическую оценку не только — как считают оппоненты Гросса — в силу отсутствия фактов, которые требовали бы некоего «покаянного» поведения, но и по причине нежелания любых попыток рефлексии над недостойными страницами истории Польши. Такие попытки воспринимаются противниками Гросса как поверхностные и неискренние, не получившие научного обоснования, и при этом наносящие вред собственному народу. Можно полагать, что с их точки зрения собственно нет и повода для рефлексии: дело Едвабне не имеет морального измерения, преступление, совершенное при подстрекательстве и соучастии немцев небольшой маргинальной группой в

каком-то местечке, разумеется, достойно осуждения, но существенно не влияет на общую картину поведения поляков в годы оккупации.

Краковский историк Анджей Новак выразил опасение, что любые призывы возложить ответственность на польский народ за ошибки, допущенные в прошлом, могут привести к ослаблению национальной идентичности — ибо невозможно строить общность на чувстве стыда. Свой текст Новак озаглавил «Вестерплатте или Едвабне», противопоставив друг другу два названия-символа: Вестерплатте, название польского гарнизона в Гданьске, оказавшего героическое сопротивление немцам в первые семь дней Второй мировой войны, является символом патриотического героизма, Едвабне же — символом преступления и коллаборационизма. Новак, разумеется, высказывается в поддержку Вестерплатте как звена, необходимого для создания социальных связей. Павел Махцевич, историк, связанный в то время с Институтом национальной памяти, ответил Новаку текстом, озаглавленным «И Вестерплатте, и Едвабне», а свои аргументы изложил в вводной статье к двухтомному сборнику на тему дела Едвабне, опубликованному ИИП, заявив, что «если закрыть глаза <...>, то ничего не изменится. <...> Народ, который гордится своей историей, сможет вынести даже самую нелюбимую правду о собственной истории»⁴². Махцевич отсылает в своем тексте к вышедшей больше десяти лет назад статье Ежи Едлицкого «Наследие и коллективная ответственность», в которой не затрагивался еврейский вопрос, но разбиралась проблема ответственности лиц, осознающих свою принадлежность к социуму (народу, вероисповеданию, классу), за грехи, совершенные другими членами того же сообщества, нередко в отдаленные исторические эпохи. Как таковая данная статья в определенном смысле подготовила почву для дискуссии об этической проблематике Едвабне.

Наряду с этой главной проблемой попутно в ходе полемики о Едвабне возникли также сопутствующие сюжеты мораль-

ного характера. Речь идет о рефлексии над определением польского народа (и преступники, и жертвы были гражданами Польской Республики, означает ли это, что и первые, и вторые были поляками?), над проблемой коллективного извинения за вину предков, над отношением современных поляков к еврейскому прошлому и наследию в Польше и вообще о роли коллективной памяти в общественной жизни. Все эти проблемы мы вынуждены здесь опустить.

Среди сюжетов, которые не получили должного развития, хотя, безусловно, этого заслуживали, была позиция католического духовенства в Едвабне и окрестностях в 1941 г., когда по этому региону прокатилась волна погромов. Эта проблема непосредственно связана с другой, более широкой, — отношением католического Костела в Польше к евреям и к антисемитизму. Детально этим занялся Дариуш Либёнка, опубликовавший важные свидетельства радикальных антисемитских настроений, царивших в среде польского духовенства в целом и в ломжинской епархии в частности в 1930-е гг.⁴³ Следует также, пользуясь случаем, упомянуть эмоциональную работу Томаша Шароты, представившего анализ польско-еврейских отношений на основании секретного доклада польского подполья о положении Костела во время оккупации 1941 г. По мысли автора, его работа вносит вклад в раскрытие правды о мрачных эпизодах в истории польско-еврейских отношений, а следовательно, продолжает дискуссию, начатую в 2000 г. книгой Гросса⁴⁴. В рассматриваемом Шаротой документе отношение в гитлеровской Германии к евреям преподносится как идеал христианского поведения (разумеется, речь идет о ситуации до лета 1941 г.).

С историей связана также проблема отношения Костела к делу Едвабне сегодня. Эту позицию можно, к сожалению, определить как пассивную и выжидательную, не направленную на активные действия. Глава польского Костела кардинал Юзеф Глемп публично заявил, что факт совершения преступления поляками установлен, и значение этого заявления нельзя недо-

оценивать. Примас выразил мнение, которое совпадает с точкой зрения всех тех, кто считает, что возможные новые уточнения фактов не изменят моральной оценки Едвабне: «С моральной точки зрения не имеет решающего значения <...>, предстанут ли поляки в результате следствия <...> в лучшем или худшем свете. Принципиальное значение имеет то, что в Едвабне нашлись люди, которые участвовали в убийстве своих сограждан». Он особо подчеркнул необходимость искупления перед Господом преступления в Едвабне и окрестностях. Однако в том же интервью кардинал Глемп упомянул также о вине евреев перед поляками, о еврейском коллаборационизме с большевиками, заявив при этом, что в польском Костеле «не наблюдается предубеждения в отношении иудейского вероисповедания и никогда ранее я не замечал такого явления, как антииудаизм. Это история. Но не следует забывать об антиполонизме»⁴⁵.

27 мая 2001 г. состоялось торжественное покаянное богослужение в костеле Всех Святых в Варшаве. Ксёндз Адам Бонецкий, главный редактор еженедельника «Тыгодник Повшехны», писал: «То, что произошло в воскресенье 27 мая 2001 г. в крупнейшем из варшавских костелов, недалеко от которого шестьдесят лет назад проходила граница гетто, явилось важным религиозным событием, которое навсегда войдет в историю Польши. <...> Вел богослужение одетый в покаянное фиолетовое облачение примас Польши», участвовали в нем «около пятидесяти» епископов «без митр и литургического облачения, в черных сутанах без красных и фиолетовых поясов». Ксёндз Бонецкий с болью констатировал в то же время, что «Радио Мария» оказалось единственной польской радиостанцией, которая не сообщила в новостях того дня об этом богослужении. Он прокомментировал это так: «Вот глас вопиющего в пустыне...»⁴⁶.

Действительно, ломжинский епископ и приходской священник Едвабне решительно встали на сторону жителей местечка, которые отвергают всяческие обвинения⁴⁷, а «Радио

Мария» было и остается, наряду с близким к нему идейно еженедельником «Наш дженник», основным каналом распространения идеи об антипольской интриге и агрессии против народа и католической веры. В официальных мероприятиях в Едвабне 10 июля 2001 г. в 60-ю годовщину трагедии, в которой принял участие президент Александр Квасьневский, не участвовал никто из епископов. Чтобы картина не выглядела слишком однобокой, стоит упомянуть о важной роли двух католических изданий: краковского еженедельника «Тыгодник Повшехны» и варшавского журнала «Веньзь» (*Więź*). Оба издания активно включились в дискуссию о Едвабне, публиковали тексты Яна Томаша Гросса и других участников полемики.

V

В продолжение или в рамках полемики с книгой Гросса в течение нескольких лет появилось много книг, из которых лишь некоторые были рассмотрены в нашем обзоре, среди них особое место занимают многократно упомянутые выше двухтомник «О Едвабне» и книга Анны Биконт «Мы из Едвабне». Журналистка «Газеты Выборчей» провела серьезное журналистско-историческое расследование, обнаружила рассеянные по всему миру еврейские семьи выходцев из Едвабне и окрестностей и нашла также польских свидетелей случившегося. Книга дает возможность познакомиться с местным контекстом, отсутствие которого в книге Гросса так часто вменялось ему в вину участниками дискуссии. Одним из наиболее выразительных элементов этой книги является визуальная (в виде панорамы с высоты птичьего полета) реконструкция картины местечка Едвабне, как оно должно было выглядеть летом 1939 г.

В то же время сама дискуссия где-то во второй половине 2002 г. хотя и не угасла полностью, но очевидно затихла. Что изменила эта дискуссия в Польше? Наряду с надеждами на то, что она облегчит полякам «примирение» с их историей, появи-

лись другие голоса, свидетельствующие о том, что ее результатом стало упрочение антисемитских позиций в польском обществе.

Вероятно, если говорить об обществе в целом, то, по крайней мере, в краткосрочной перспективе позиции не изменились. В своем эмоциональном эссе-рецензии на книгу Анны Биконт «Мы из Едвабне» Ежи Едлицкий с горечью отметил, что Биконт «наблюдает, как многие ее собеседники прибегают к самозащите, чтобы оградить свои чувства от фактов, даже тех, которые происходили на их глазах. Удивительно и крайне печально видеть, к каким средствам мы способны прибегнуть, дабы отринуть мнения, подкрепленные вескими доказательствами, если их признание грозит разрушить систему унаследованных нами устойчивых убеждений и вызвать у нас интеллектуальный или моральный дискомфорт»⁴⁸.

Такая самозащита действует не только в случае с собеседниками Анны Биконт, а популярные спекуляции на тему стереотипной, расхожей версии романтической традиции, на наш взгляд, не только не ослабевают, но даже усиливаются. Стереотип польскости «свил кокон» вокруг дела Едвабне подобно тому, как это произошло с другими потенциально опасными для этого стереотипа дискуссиями и историческими фактами. Надежды одних и опасения других относительно того, что традиционный стереотип поляка разрушится или подвергнется трансформациям, не оправдались. В настоящее время преступление в Едвабне едва ли открыто отрицают; скорее вокруг него воцарилась тишина, нарушаемая, однако, отдельными событиями. Лучшим примером этой тишины может служить официальный интернет-сайт местечка Едвабне, где евреи упоминаются исключительно в контексте их коллаборационизма с советскими властями и преследованиями поляков в 1939—1941 гг. Проблемы убийства 10 июля 1941 г. не существует (за одним исключением: читатель, заинтересованный в посещении местечка, может ознакомиться с описанием памятных мест Едвабне, откуда узнает о существовании памятника

в честь «убийства евреев 10 июля 1941 г.». Больше — ничего). Публикация следующей книги Гросса под названием «Страх» (по-английски вышла в 2006 г., в польском переводе — в 2008 г.) вызвала дискуссию, возродившую проблемы, связанные с «Соседями», хоть и в меньшем масштабе.

Следует, однако, обратить внимание на одну деталь. Многие оппоненты Гросса, и не только самые крайние, представляли дискуссию как столкновение «польского» и «еврейского» восприятия Второй мировой войны. Гросс выступал при таком подходе представителем еврейской «стороны». Возможно, подобные линии раздела в определенной (небольшой) степени и существовали в международной дискуссии на эту тему, которая началась после публикации английского перевода «Соседей» в 2001 г. и в которой можно было бы, наверное, выделить тексты, авторы которых ощущали себя выразителями той или иной «национальной» точки зрения на историю. Что же касается дебатов внутри Польши, то такая интерпретация лишена оснований. Столкнулись не «польское» и «еврейское» видение истории, а две польские позиции. В польской исторической мысли существует прочная традиция критического взгляда на национальную историю, начиная с историка эпохи Просвещения Адама Нарутовича в конце XVIII в., затем Юзефа Шуйского, Михала Бобжиньского и других исследователей так называемой «краковской исторической школы» во второй половине XIX в., вплоть до разнообразных дискуссий в XX в., в частности, о смысле национальных восстаний. Книга Гросса (не знаю, сознательно ли) вписывается в эту традицию, и, если рассматривать ее в таком историко-культурном контексте, вся дискуссия вокруг «Соседей» является интегральной частью споров о польской истории, продолжающихся в течение нескольких веков.

В декабре 2010 г. еженедельник «Политика» написал о деревне Гневчина в Прикарпатье, жители которой убили 18 евреев в 1942 г.; на обложке были помещены слова «Гневчина как Едвабне»⁴⁹. Пьеса Тадеуша Слободзянека «Наш класс» по мотивам

вам «Соседей» Гросса и «Мы из Едвабне» Анны Биконт стала обладателем литературной премии *Nike* в 2010 г. и объектом множества рецензий, в которых отразились различные позиции, изложенные выше.

Кажется, на рубеже 2010 и 2011 гг. дискуссия вновь обостряется. В прессе появились анонсы новой книги Гросса, на этот раз написанной совместно с Иреной Грудзиньской-Гросс и названной «Золотая жатва». В ней рассказывается об участии польского населения в конце войны и сразу после нее в разграблении еврейского имущества. Как обычно, различные публичные персонажи начали высказываться об этой книге до того, как ее прочитали. Краковское католическое издательство «Знак» обвиняли в издании книги, которая якобы очерняет Польшу и поляков.

Первую рецензию, основанную на чтении полной версии книги, написал историк Павел Махцевич⁵⁰, который 11 лет назад позитивно оценивал публикацию «Соседей», признавая, что, несмотря на эмоциональный тон и неточности в деталях, книга выполнила важную задачу разрушения табу на обсуждение участия поляков в убийстве евреев. Теперь же, полагает Махцевич, когда это табу уже разрушено, такие книги, как «Золотая жатва», своими необоснованными обобщениями и неаккуратностью в деталях только возбуждают эмоции, ничего не объясняя и не помогая в борьбе с антисемитскими предрассудками в польском обществе.

В феврале 2011 г. были опубликованы и две книги польских исследователей на схожие темы — о трагической судьбе евреев, пытавшихся укрыться от Холокоста в польской деревне. Эти работы — результат многолетних детальных исследований, и, в определенном смысле, они выиграли от внимания СМИ к книге Гросса. Весьма вероятно, что иначе они остались бы незамеченными. Книга Барбары Энгелькинд пытается дать общую картину происходившего, а книга Яна Грабовского посвящена событиям в конкретной местности⁵¹. Эти книги рисуют

картину широкого участия польских крестьян в вылавливании и истреблении укрывавшихся в деревнях евреев⁵².

В этой новой дискуссии можно отметить определенный мотив, которого не было при обсуждении «Соседей», но который стал проявляться в реакциях на книгу «Страх» 2008 г. Предметом обсуждения теперь стали польско-еврейские отношения в целом, и даже более широко — вопрос о поведении людей в экстремальных ситуациях⁵³. Но решительные противники этого направления исследований, разумеется, остались при своем мнении и по-прежнему видят в книгах Гросса и других авторов антипольскую пропаганду.

Поляризация, проявившаяся в ходе дискуссии десятилетней давности, продолжается. И сегодня одни считают, что признание темных страниц национального прошлого является проявлением социальной зрелости и вместе с тем моральным долгом, другие же убеждены, что основным требованием патриотизма является защита доброго имени народа. Названные позиции основаны на мировоззренческих принципах, а не на знаниях, полученных эмпирическим путем, и потому не стоит думать, что они могут измениться под влиянием тех или иных исторических исследований. Будущее покажет, сохранится ли в долгосрочной перспективе эта двойственность или одна из сторон — и какая — получит преимущество.

Post Scriptum

Я постарался изложить по существу ход дискуссии на тему Едвабне так, чтобы непольский читатель получил представление о ее проблематике. Очевидно, что в этом вопросе трудно сохранить нейтральную позицию. Поэтому я чувствую себя обязанным представить свое собственное мнение по этому вопросу не потому, что считаю его особенно оригинальным или ценным — я не являюсь исследователем Второй мировой войны, — но желая быть честным перед читателем, так чтобы

он мог самостоятельно оценить, повлияли ли, и, если да то насколько, мои взгляды на способ изложения позиций участников дискуссии. И так, я считаю, что Ян Томаш Гросс, при всех отдельных неточностях в его работе, прав в принципиальном вопросе: не подлежит сомнению, что убийство в Едвабне было совершено поляками. В то же время мне кажется, что Гросс слишком легко отмахивается от всех тех участников спора, которые говорят о необходимости рассмотреть исторический контекст, более детально изучить польско-еврейские отношения как в межвоенный период, так и во время советской оккупации 1939—1941 гг. По моему убеждению, польский антисемитизм 1930-х гг. (с очень важной ролью католического Костела как одного из главных его пропагандистов) и реальное или мнимое сотрудничество евреев с советскими властями оказали большее влияние на поведение польских жителей местечка Едвабне 10 июля 1941 г., чем это допускает Гросс. Для меня убедительно звучат рассуждения Дариуша Столи, что роль немцев в массовом убийстве в Едвабне была более значительной, чем считает Гросс, — без этого возникновение самой идеи и организации преступления представляется невозможным; меня также убеждает гипотеза Столи относительно роли «государства Едвабне» — локального эфемерного центра власти, обладающего монополией на насилие. Вместе с тем, однако, я считаю, что нельзя недооценивать естественную человеческую склонность к жестокости, которая в военных условиях разрывает сдерживающие ее оковы цивилизации, религии, морали и уважения к обеспечивающей порядок государственной власти.

Уже после написания этой статьи (а не 11 лет назад, когда я был свидетелем спора о книге «Соседи») я стал задумываться над тем, можно ли вообще сводить смысл книг Гросса к критике польского антисемитизма. Ни в одной из книг Гросса не содержится утверждение, что поляки большие антисемиты, чем кто-либо другой. В XX в. люди разных национальностей в разных ситуациях убивали своих соседей, принадлежащих к другой этнической группе. Возможно, эти книги следует рас-

сматривать не только как проявление критического отношения к польской истории (о чем шла речь выше), но также — а быть может, прежде всего? — как философскую рефлексию над отравлением всей европейской культуры антисемитизмом, или даже еще шире — над порочностью и человеческой природы и присущем ей спонтанном стремлении к жестокости.

Мне кажется, моральная рефлексия в случае Едвабне совершенно необходима, хотя я не уверен, в каком направлении она должна идти. Думается, что публикация книги Гросса и вызванная ею дискуссия явились в итоге положительным явлением, и в долгосрочной перспективе будут способствовать лучшему пониманию драматической истории Польши в ходе последней войны. Я абсолютно убежден, что ошибаются все те, кто считает, что установление истины каким-то образом порочит Польшу. Совершенно наоборот, как справедливо написал во введении к книге Анны Биконт Яцек Куронь: не факт убийства, совершенного много лет назад, а «сокрытие убийц и отрицание правды наносят удар по доброму имени Польши»⁵⁴.

Примечания

¹ Gross J. T. SN^osiedzi. Historia zagiady żydowskiego miasteczka. Sejny: Pogranicze, 2000. Wyd. II (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/ksiazka.pdf>; дата посещения сайта 9 декабря 2010 г.).

² «Тыгодник Повшехны» (*Tygodnik Powszechny*) — католическое издание, сыгравшее важную роль в деле борьбы с антиеврейскими настроениями в Польше.

³ Cichy M. Polacy — Żydzi. Czarne karty powstania // Gazeta Wyborcza. 1994. Jan. 29 (http://www.zydziwypolsce.edu.pl/biblioteka/czytelnia/h_pw/001.pdf; дата посещения сайта 8 декабря 2010 г.).

⁴ Europa nieprowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej / red. K. Jasiewicz. Warszawa, 2000.

⁵ Kaczyński A. Całopalenie // Rzeczpospolita. 2000. Мау 5 (интернет-версия: <http://www.niniwa2.cba.pl/caloh.htm>; дата посещения сайта 8 декабря 2010 г.).

⁶ Jedwabne, 10 lipca 1941 — zbrodnia i pamięć (дискуссия в редакции газеты «Речпосполита» с участием Я.Т. Гросса, Т. Стжембоша, А. Жбиковского, П. Махцевича, Р. Игнатьева) // *Gross J.T. Wokół Sąsiadów. Wokół Sąsiadów. Polemiki i wyjaśnienia.* Sejny: Pogranicze, 2003. P. 61.

⁷ Ср.: *Szarota T.* Mord w Jedwabnem. Dokumenty, publikacje i interpretacje z lat 1941—2000. Kalendarium // *Wokół Jedwabnego* / red. P. Machcewicz, K. Persak. T. I—II. Warszawa: IPN, 2002. № I. «Studia». P. 461—488. — Сопоставление событий и высказываний по поводу убийства в Едвабне до момента публикации книги Гросса.

⁸ *Forecki P.* Spór o Jedwabne. Analiza debaty publicznej. Poznań: Uniwersytet Adama Mickiewicza, 2008. — Является наиболее значимой книгой, которая содержит ценные факты и информацию, но написана она с иных позиций, чем настоящая статья, поскольку направлена скорее на анализ дискурса, чем на историю идеи. Ср. также: *The Neighbors respond. The Controversy over the Jedwabne Massacre in Poland* / ed. by A. Polonsky, J. B. Michlic (Princeton: Princeton Univ. Press, 2004) с анализом дискуссии в предисловии издателей; *Paczkowski A.* Debata wokół «Sąsiadów». Próba wstępnej typologii // *Rzeczpospolita*. 2001. Mar. 24. No 73 (интернет-версия: http://www.rzeczpospolita.pl/dodatki/plus_minus_010324/plus_minus_a_9; дата посещения сайта 23 декабря 2010 г.; перечисляются типы позиций по отношению к книге Гросса: принимающая, открыто оборонительная, скрыто оборонительная и отвергающая).

⁹ *Gross J. T.* Mord «zrozumiaily»? // *Gazeta Wyborcza*. 2000. Nov. 25—26; переиздано в его же: *Wokół Sąsiadów...* P. 18.

¹⁰ *Sulek A.* «Sąsiedzi». Zwykła recenzja // *Więź*. 2001. No 12 (интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/wiez/12.html>; дата посещения сайта 4 декабря 2010 г.).

¹¹ *Gross J. T.* Antoniemu Sułkowi w odpowiedzi // *Więź*. 2002. Apr.; переиздано в его же: *Wokół Sąsiadów...* P. 104.

¹² *Milewski J. J.* Polacy i Żydzi w Jedwabnem i okolicy przed 22 czerwca 1941 roku // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 75. Ср. также: *Wierzbicki M.* Stosunki polsko-żydowskie na Zachodniej Białorusi w latach 1939—1941 // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 129—158.

¹³ Цитируются также в: *Bikont A.* My z Jedwabnego. Warszawa, 2004. P. 113.

¹⁴ *Strzembosz T.* Szubienica i huśtawka // *Gazeta Polska*. 2001. Jan. 17 (беседа Т. Стжембоша с Эльжбетой Исакевич; интернет-версия: <http://pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/strzembo.html>; дата посещения сайта 23 декабря 2010 г.).

¹⁵ *Sąsiedzi...* P. 59.

¹⁶ *Żbikowski A.* Pogromy i mordy ludności żydowskiej w Łomżyńskim i na Białostocczyźnie latem 1941 roku w świetle relacji ocalałych Żydów i dokumentów sądowych // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 159—272; *Idem.* U genezy Jedwabnego. Żydzi na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej wrzesień 1939—lipiec 1941. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2006. P. 219—220, etc.

¹⁷ *Szarota T.* Mord w Jedwabnem. Udział ludności miejscowej w Holokaucie // *Idem.* Karuzela na placu Krasieńskich. Studia i szkice z lat wojny i okupacji. Warszawa: Rytm, 2007. P. 175.

¹⁸ *Stola D.* Pomnik ze słów. Cz. I-II // *Rzeczpospolita*. No 127. 2001. Jun. 1. P. A9; No 128. 2001. Jun 2—3. P. A6.

¹⁹ *Szarota T.* U progu zagłady. Zajścia antyżydowskie i pogromy w okupowanej Europie. Warszawa, Paryż, Amsterdam, Antwerpia, Kowno. Warszawa, 2000 (книга Шароты, опубликованная одновременно с «Соседями» Гросса, не затрагивает проблемы Едвабне, но в то же время содержит крайне ценный сравнительный материал); *Dmitrów E.* Oddziały operacyjne niemieckiej Policji Bezpieczeństwa i Służby Bezpieczeństwa a początek zagłady Żydów w Łomżyńskim i na Białostocczyźnie latem 1941 roku // *Wokół Jedwabnego*. № I. P. 273—352; *Żbikowski A.* U genezy... P. 167—211.

²⁰ *Sąsiedzi...* P. 101.

²¹ *Gontarczyk P.* Po pierwsze warsztat // *Życie*. 2001. Jun. 29 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_87.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 г.).

²² *Wokół «Sąsiadów»...* P. 114—115.

²³ Ср. *Urynowicz M.* Ludność żydowska w Jedwabnem. Zmiany demograficzne od końca XIX wieku do 1941 roku na tle regionu łomżyńskiego // *Wokół Jedwabnego...* T. I. P. 129—158.

²⁴ *Bikont A.* My z Jedwabnego... P. 334—335.

²⁵ *Wierzbicki M.* Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-żyдowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką (1939—1941). Warszawa: Fronda, 2007. Wyd. II. P. 275.

²⁶ *Ibid.* P. 290.

²⁷ *Gross J. T.* Wstęp // *Idem.* Wokół «Sąsiadów»... P. 5.

²⁸ *Musiał B.* Historiografia mityczna // *Rzeczpospolita*. 2001. Feb. 24 (интернет-версия: http://niniwa2.cba.pl/historiografia_mityczna.htm; дата посещения сайта 21 декабря 2010 г.).

²⁹ *Chodakiewicz M. J.* Kłopoty z kuracją szokową // *Rzeczpospolita* (интернет-версия: http://new-arch.rp.pl/artukul/317680_z_kuracja_szokowa.html; http://naszawitryna.pl/jedwabne_312.html; дата посещения сайтов 22 декабря 2010 г.).

³⁰ Ibid.

³¹ *Gontarczyk P.* Gross kontra fakty // *Życie*. 2001. Jan. 31 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_253.html; дата посещения сайта 21 декабря 2010 г.). Аналогичны по стилю выдержанные в подобном «поучительном» тоне выводы в рецензии Богдана Мусьяла: *Musiał B.* Tezy dotyczące pogromu w Jedwabnem. Uwagi krytyczne do książki “Śasiędzi” autorstwa Jana Tomasza Grossa // *Dzieje Najnowsze*. 2001. No 3. P. 252—280.

³² Gross kłamię — nie mogłem milczeć. Z prof. dr hab. Tomaszem Strzemboszem rozmawiają: Paweł Smogorzewski i Eugeniusz Zdanowicz // *Powściągliwość i Praca*. 2001. No 12. Dec. (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_659.html; дата посещения сайта 23 декабря 2010 г.).

³³ *Finkelstein N.* The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering. Verso, 2000.

³⁴ *Radio Maryja* — ультраправая католическая радиостанция, курируемая членами монашеского религиозного ордена редemptористов (Конгрегации Святейшего Искупителя).

³⁵ *Jedlicki J.* Jak się z tym uporać // *Polityka*. 2001. Oct. 2. No 6.

³⁶ *Żakowski J.* Diabelskie szczegóły (интервью с Томашем Шаротой) // *Gazeta Wyborcza*. 2000. Nov. 18—19 (интернет-версия: <http://pograniczne.sejny.pl/archiwum/jedwabne/szavzak.html>; дата посещения сайта 17 декабря 2010 г.).

³⁷ Высказывания Едлицкого в ходе дискуссии не были опубликованы. Цит. по: *Bikont A.* My z Jedwabnego... 3. 21.

³⁸ *Świda-Ziemia H.* Krótkowzroczność “kulturalnych” // *Gazeta Wyborcza*. 2001. Apr. 7 (интернет-версия: <http://polish-jewish-heritage.org/pol/krotko.htm>; дата посещения сайта 23 декабря 2010 г.).

³⁹ *Jedlicki J.* Op. cit.

⁴⁰ *Chodakiewicz M. J.* The Massacre in Jedwabne July 10, 1941. Before, During and After. Boulder Colorado, 2005. P. 154—155.

⁴¹ *Musiał B.* Historiografia mityczna...

⁴² *Machcewicz P.* Wokół Jedwabnego // *Wokół Jedwabnego...* T. I. P. 16—17.

⁴³ *Libionka D.* Duchowieństwo archidiecezji łomżyńskiej wobec antysemityzmu i zagłady Żydów // *Wokół Jedwabnego*. T. I. P. 105—128.

⁴⁴ *Szarota T.* «Sprawozdanie kościelne z Polski za czerwiec i połowę lipca 1941go roku». Próba analizy dokumentu // *Idem*. Karuzela... P. 198—216.

⁴⁵ Интервью польского прimateса, кс. кардинала Юзефа Глемпа Католическому информационному агентству // *Nasz Dziennik*. 2001. May 15 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_377.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 г.).

⁴⁶ *Ks. Adam Boniecki.* Oto rozległ się głos... // *Tygodnik Powszechny*. 2001. No 22; переиздано в: *Żydownik powszechny. Dodatek do Tygodnika Powszechnego na 65 lecie pisma* / red. P. Mucharski, M. Okoński. Kraków, 2010. P. 26. (Это приложение представляет собой антологию текстов из «Тыгодник Повшехны», посвященных еврейской проблематике за период 1946—2009 гг.).

⁴⁷ Ср.: *Celebracja kłamstwa*. Ks. Edward Orłowski — proboszcz parafii Jedwabne, 12.12.2002 (интернет-версия: http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_889.html; дата посещения сайта 22 декабря 2010 г.).

⁴⁸ *Jedlicki J.* Podróż do jądra ciemności // *Zeszyty Literackie*. 2005. No 1 (интернет-версия: <http://czytelnia.onet.pl/0,33811,1,5840,recenzje.html>; дата посещения сайта 4 декабря 2010 г.).

⁴⁹ *Lazarewicz C.* Letnisko w domu śmierci // *Polityka*. No 49 (2785). 2010. Dec. 4. P. 32—35.

⁵⁰ *Machcewicz P.* Recenzja ostatecznej wersji «Złotych Żniw»: historia zaangażowana // *Gazeta Wyborcza*. 2011. Feb. 14 (интернет-версия: <http://wyborcza.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 г.).

⁵¹ *Engelking B.* Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942—1945. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 2011; *Grabowski J.* Judenjagd. Polowanie na Żydów 1942—1945. Studium dziejów pewnego powiatu. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 2011.

⁵² См.: «Strach przed niedzielą». Koniec z mitem bohaterskiej polskiej wsi (интервью Войцеха Тохмана с Барбарой Энгелькинд и Яном Грабовским на Радио *ТОК FM*) (текст см. на сайте <http://www.tokfm.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 г.).

⁵³ *Leociak J., Libionka D.* Sny o Bezgrzesznej // *Tygodnik Powszechny*. 2011. Jan. 11 (<http://tygodnik.onet.pl>; дата посещения сайта 28 февраля 2011 г.).

⁵⁴ *Bikont A.* My z Jedwabnego... P. 15.

Габор Дьяни

Образ Трианона как политический инструмент в современной Венгрии

После бурных политических событий 1989 г. история стала привлекать все больше и больше внимания в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, в том числе и в Венгрии. Культ национального прошлого, создаваемый политиками, — это не только следствие длительного негативного коммунистического опыта. «Возвращение к истории» в значительной степени было вызвано потребностями новых демократий, возникающих в условиях национальной независимости. Во многих посткоммунистических странах политики обращались к исторически проверенным методам, таким как поиск или изобретение традиций. С их помощью они рассчитывали добиться поддержки или пассивной лояльности избирателей, которые все больше испытывали на себе тяжелые экономические последствия политических перемен — массовую безработицу, понижение заработной платы и профессионального статуса и, не в последнюю очередь, растущее экономическое неравенство.

Обращение к прошлому было необходимо для создания и укрепления национального демократического сообщества, что позволило бы обеспечить политическую лояльность в ситуации, когда вдруг перестали действовать прежние механизмы легитимации — страх перед террором, дискриминацией или давлением, политическая апатия, а также сотрудничество с системой и получение соответствующих поощрений¹.

Аргументация, выработанная в первые годы демократических перемен, могла легко применяться и впоследствии. Нужно сказать, что использование истории в чисто политических целях и инструментализация национального образа прошлого были методами скорее консервативных и правых сил, чем либеральных или социалистических. Это проявилось уже в политике правительства Йожефа Анталла, а позже было развито правительством партии ФИДЕС, сформированным в 1998 г. Сегодня, после парламентских выборов 2010 г., которые привели к власти консервативное правительство, ситуация вновь обретает знакомые черты.

Эта статья посвящена тому, как прошлое было инструментализовано политиками и обществом в последние двадцать лет. Я опишу основные черты публичного использования истории и покажу те конкретные политические задачи, которые реализовывались с помощью адаптации образов прошлого к меняющемуся политическому дискурсу. В истории Венгрии важными ориентирами в этом смысле являются три сюжета: Холокост, революция 1956 г. и ментальное наследие коммунистического прошлого.

Примирение с прошлым после 1989 г.

В отличие от Германии и США, но так же как и во многих других восточноевропейских странах, в Венгрии общественная память о Холокосте не играет ключевой роли в формировании исторического сознания, несмотря на то, что население страны принимало участие в геноциде евреев. Поэтому примирение с прошлым до сих пор остается важной проблемой на пути создания стабильной национальной идентичности. Почти полное забвение причастности всего венгерского общества, а не только государственных властей и режима Хорти, к геноциду, после 1989 г. сменилось официальным поминовением жертв еврейской трагедии 1944—1945 гг.

В 1990 г., всего лишь несколько недель спустя после того, как новое, демократически избранное правительство Йозефа Анталла пришло к власти, президент и премьер-министр приняли участие в церемонии открытия памятника жертвам Холокоста на территории бывшего еврейского гетто в Пеште. В том же году министр внутренних дел выступал на открытии памятника погибшим евреям на набережной Дуная. Правда, слова, произнесенные на этих поминальных мероприятиях, не признавали вины и преступлений «венгерской нации». Как сказал Йозеф Анталл в одной из речей по этому поводу, «происходили большие несчастья и нарушения законов, или, скорее, издавались законы, противоречащие правам человека и нормам гуманизма <...>, но никто не должен забывать, что самая крупная в Европе еврейская община дожила до 19 мая 1944 г.»². Какие бы то ни было упоминания об ответственности венгерских государственных и местных руководителей как организаторов геноцида 1944 г. и венгров в целом как пассивных наблюдателей полностью отсутствовали.

Другим признаком меняющегося отношения к Холокосту было принятие парламентом законов о возмещении ущерба, который, как сформулировал законодатель, был «несправедливо» нанесен венгерским гражданам в 1939—1949 гг. Эта инициатива должна была заменить официальное извинение за антисемитскую политику бывших венгерских властей, осуществлявшуюся при определенной поддержке значительной части общества, и засвидетельствовать признание ответственности государства за преступления прошлого.

Следующий шаг был предпринят консервативным правительством ФИДЕС (1998—2002 гг.): в 2000 г. оно провозгласило 16 апреля днем памяти Холокоста. Кроме того, был создан Музей террора, посвященный трагедиям XX в. Правда, экспозиции этого музея уделяют гораздо больше внимания жестокости коммунистической власти, чем той роли, которую сыграл режим Хорти в дискриминации евреев страны, закончившейся геноцидом. В 2004 г. коалиционное правительство социали-

стической и либеральной партий совершило ответный жест, открыв в здании бывшей ортодоксальной синагоги в Будапеште Музей Холокоста вместе с образовательным центром.

Своеобразное разделение труда между двумя мемориалами воспроизводит и даже усиливает длительную традицию противоречивой памяти о трагических событиях XX в. В Венгрии до сих пор не сформировался общественный консенсус по вопросу о том, кто должен считаться жертвой, а кто — преступником. Очевидное отсутствие в Венгрии определенной культуры памяти также связано с коллективными переживаниями, которые до сих пор остаются очень болезненными.

Некоторые, но весьма незначительные усилия для того, чтобы преодолеть эту двойственность репрезентации прошлого в национальной памяти, были предприняты после 1989 г. Одним из таких позитивных начинаний была дискуссия, инициированная аббатством Паннонхальма, влиятельным институтом венгерской католической церкви. Исходя из послания папы Иоанна Павла II «Мы помним: размышления о Шоа» (1998 г.), аббат Паннонхальмы Астрик Варсеги организовал в 1998 г. конференцию, целью которой было обсуждение ключевых проблем истории венгерских евреев. «Мы не просто хотели вскрыть старые раны и поговорить на разные темы, — подчеркнул Варсеги, рассказывая о задачах этой конференции. — Мы хотели, чтобы все сказанное стало частью национальной памяти и почвой для дальнейшего диалога. Мы сможем излечиться, только если мы будем помнить. Эта научная конференция и книга, созданная в результате нее, служат примирению и успокоению общества или хотя бы могут стать первыми сознательными шагами на пути к этому»³. Проект, однако, не был продолжен, а попытка сблизить две коллективные памяти, еврейскую и нееврейскую, не принесла плодов.

Подтверждением этому служат научные и интеллектуальные дискуссии о так называемой еврейской проблеме. Тамаш Унгвари, один из участников публичной дискуссии, недовольный современным положением дел в данной сфере, подчер-

кнул, что культурно-национальная память венгров может быть полной только вместе с памятью венгерских евреев⁴. По мнению Унгвари, время для создания *общей истории*, включающей и историю ассимилированных евреев, пришло только сейчас. Он считает, что трансформация памяти в историю стала возможной, поскольку уже не осталось никого из тех, кто лично пережил трагедию Холокоста. Попытка вернуться к историческому опыту ассимиляции, забытому сначала из-за Холокоста, а потом из-за коммунистической власти, требует радикальной смены научных оценок. Исторические тексты способны создать коллективную память, которая, возможно, объединит наконец взгляды обеих сторон на исторические события⁵.

Параллельно с развитием общественных дискуссий после 1989 г. увеличивалось и число исторических исследований еврейской проблемы. Так, публикация монументальной монографии по истории еврейского вопроса в Венгрии⁶ вызвала интересные дебаты о значении слова «еврей» в прошлом и настоящем и о том, как можно использовать понятие «еврейский вопрос», говоря об ассимиляции или еврейской идентичности⁷.

Что касается революции 1956 г., то память о ней определялась прежде всего обстоятельствами ее подавления, а также постоянным присутствием в Венгрии советских войск. В этих условиях режим Кадара стремился ограничить общественную память о революции, однако подобные попытки оказались безуспешными: память о тех трагических событиях уничтожить не удалось.

Вплоть до 1989 г. публичная манифестация коллективной памяти оставалась невозможной, но латентная память сохранялась⁸. Для того чтобы оценить значение революции 1956 г. в прошлом и настоящем, хорошим аналитическим инструментом может служить понятие «холодной» и «горячей» памяти. «Горячая» память отражает прошлое, предполагая, что оно *до сих пор с нами*. Таким образом, прошлое становится базовым нарративом, мифом, объединяющим факты и вымысел⁹.

Память о революции 1956 г. всегда была именно таким мифом. Она стала базовым нарративом сразу же после установления режима Кадара, и его политика в отношении памяти может служить тому подтверждением¹⁰. Для правящих кругов революция была в значительной степени негативным мифом, поэтому политика, связанная с национальной памятью, была нацелена на сокрытие, а не на восстановление хода событий. Основным методом было замалчивание революции и ограничение доступа к информации, а тем самым и общественной дискуссии на эту тему. Единственным разрешенным источником для школьных учебников или средств массовой информации были пропагандистские материалы и документы, созданные политической полицией.

События 1989 г. полностью уничтожили наследие политики Кадара в отношении памяти. Негативный миф трансформировался в позитивный. Первым шагом стало перезахоронение Имре Надя и его сподвижников на площади Героев в Будапеште в июне 1989 г. Однако надежды, которые связывали с этим процессом, оправдались не в полной мере¹¹. Сама церемония перезахоронения показала, что в обществе не было единого мнения о том, что теперь будет означать 1956 г. Пользуясь словами Гиллиса, можно сказать, что новая общественная память появлялась из «глубокого осознания противоречивого восприятия прошлого и попыток каждой группы сделать собственную версию основой для поминовения»¹².

Значит ли это, что 1956 г. потерял свое мифологическое значение? Скорее нет, но для того, чтобы получить более детальную картину, нужно рассмотреть его в рамках концепции, четко различающих миф и ритуал. Миф содержит в себе множество различных толкований и интерпретаций, выбор которых зависит от функции мифа в конкретном контексте. Однако, как отмечает Пол Коннертон, «в отличие от мифов, структура ритуалов обладает значительно меньшей способностью к вариациям»¹³. Ритуал является одновременно представлением и формализованным языком, поэтому он получает ка-

ноническую форму. Миф, напротив, прежде чем получить относительно стабильный вид и значение, свою форму долго меняет.

Было предпринято несколько попыток установить канон восприятия революции и ее героев. Инициативы эти исходили не только от историков, для которых создание коллективной культурной памяти является частью профессии, но и от других общественных сил. Все они, однако, предались анархической свободе интерпретации, так как память о 1956 г. имеет скорее форму мифа, чем ритуала, и потому не предполагает фиксированного значения. О революции 1956 г. чаще всего вспоминают именно в контексте сегодняшних политических и идеологических дискуссий. В день памяти революции (23 октября) обычно происходят несколько отдельных митингов и демонстраций, организованных различными политическими партиями, каждая из которых хочет почтить память революции особым образом. Пятидесятилетняя годовщина в 2006 г. была отмечена массовыми беспорядками в Будапеште, показавшими, какой огромной мобилизующей силой обладает историческая память о 1956 г.

Если рассматривать образ 1956 г. как политический инструмент, можно заметить тесную связь между восприятием революции и партийными предпочтениями. Социалисты, обремененные наследием партии Кадара, стремятся представить 1956 г. как достижение социалистической партии, инициированное членом партийного аппарата Имре Надем. Кульминация этого подхода пришлась на период, когда коалиционное либерально-социалистическое правительство было у власти (1994—1998 гг.); тогда была предпринята попытка создать культ Имре Нады, впрочем не увенчавшаяся успехом¹⁴. Правительство ФИДЕС (1998—2002 гг.) также попыталось создать собственный образ революции, интерпретируя ее как предвестие прихода ФИДЕС к власти, что логически следовало из стремления ФИДЕС представить себя в качестве единственного продолжателя дела революции 1956 г., которое оставалось

забытым даже после 1989 г. Считая себя эксклюзивными обладателями исторической правды, политические силы ФИДЕС представили революцию 1956 г. как буржуазную, превратив событие прошлого в проекцию будущего. Формулировка, описывающая события 1956 г. как буржуазный протест против коммунистического (и советского) деспотизма, вполне соответствовала названию данной политической силы, которая именовала себя Буржуазной партией ФИДЕС.

Риторика и значение дискурса о 1956 г. в значительной степени зависят от политической принадлежности и предпочтений его участников. Если изучить политические речи, произнесенные с 1989 г. в парламенте, причем не только в день памяти революции, можно заметить высокую корреляцию между политическими убеждениями и интерпретацией революции. И все-таки эту связь не стоит переоценивать. Сегодняшнее восприятие революции, помимо требований политического дискурса, во многом определяется сохранившимися непосредственными воспоминаниями о событиях¹⁵. Влияние, которое эта живая память по сей день оказывает на образ революции, заставляет историков реконструировать или хотя бы документировать личные впечатления о событиях 1956 г. Благодаря этому в последние годы возросло число работ по устной истории¹⁶, которые дают детальное представление о личном опыте и впечатлениях о революционных событиях¹⁷.

Возможно в результате бесконечного соперничества политических партий в сфере интерпретации революции «ни одна из известных социальных групп не считает важным связать свою идентичность с наследием 1956 г.»¹⁸. Симптоматично, что большинство респондентов считают Яноша Кадара скорее жертвой, чем предателем, и лишь немногие думают, что он изменил делу венгерской революции¹⁹. По всей видимости, следует признать, что личные воспоминания об эпохе Кадара продолжают доминировать в историческом сознании венгров.

Обратимся теперь к образу коммунистического прошлого, каким его представляют современные политики и обществен-

ная память. Совершенно ясно, что Янош Кадар и его эпоха очень популярны, поскольку они ассоциируются с общественной стабильностью, четкими перспективами социальной мобильности и чувством солидарности — всего того, чего людям недостает в условиях рыночной экономики. Воспоминания о диктатуре, напротив, исчезают. Стоит отметить, что оценки режима Кадара могут быть абсолютно противоположными: большинство настроено лояльно, а меньшинство смотрит в прошлое с гневом и презрением²⁰.

Ярким примером конфликта, характеризующего публичное отношение и коллективную память о коммунистическом прошлом (точнее, об эпохе Кадара), являются проблемы бывших осведомителей. Органы государственной безопасности использовали более 40 тыс. осведомителей, которые писали доносы на своих коллег и знакомых²¹. Уже первое демократически избранное правительство Венгрии столкнулось с тем, что значительная часть членов парламента и других активных политиков, как правых, так и левых партий, в прошлом служили осведомителями. В тот момент правительство отказалось предоставить доступ к документам секретной полиции, и эта практика продолжалась практически до настоящего времени. Некоторые перемены произошли только в связи с тем, что премьер-министр от социалистической партии Петер Меддьешши был разоблачен как осведомитель в 2002 г. После этого ученым позволили изучать документы секретной полиции, но публикация результатов исследований, произведенных в Историческом бюро, переименованном в 2003 г. в Исторический архив государственной безопасности, сталкивалась с определенными препятствиями. Разоблаченные информаторы угрожали подать на журналистов и историков в суд за клевету. Суды, в свою очередь, часто вставали на сторону бывших осведомителей, считая, что информация, порочащая конкретных лиц, может разглашаться только в тех случаях, когда речь идет о публичных фигурах. При этом понятие «публичная фигура» не было четко определено.

Как же воспринимает современное общественное мнение прежнюю деятельность осведомителей? Иллюстрацией могут служить примеры, когда бывшими осведомителями оказывались известные и уважаемые политики, церковные лидеры, журналисты, рок-музыканты, актеры или художники.

Самый знаменитый скандал за все то время, что полицейские документы открыты для исследователей, касался Иштвана Сабо, выдающегося режиссера, обладателя премии Оскар. Сабо сотрудничал с органами государственной безопасности в качестве гражданского информатора с 1957 по 1961 г.; за этот период он написал в общей сложности 48 отчетов, часть из них составили доносы на коллег.

Обычно в таких случаях общественная реакция выражалась в бурных дискуссиях об ответственности (или, скорее, безответственности) политиков, которые скрывали от общественности документы секретных служб. В случае с Иштваном Сабо дело обстояло иначе. Разница проявилась уже в том, как Сабо отреагировал на предание огласке его сотрудничества с органами госбезопасности. Режиссер утверждал, что согласие быть осведомителем было его «самым смелым и мужественным поступком», потому что благодаря этому он мог спасти своего друга, участвовавшего в вооруженных выступлениях 1956 г. Хотя вскоре оказалось, что данное объяснение не соответствует действительности, это не побудило Сабо раскаяться. Он лишь признал, что действовал, «чтобы защитить себя», — если бы он отказался от предложенного сотрудничества с органами, он был бы исключен из Института кинематографии и театрального искусства.

Несмотря на то что Сабо изменил свою позицию, для большинства его оправдания оказались убедительными. Значительная часть его непосредственных коллег, включая тех, за кем Сабо следил, а также почти все кинематографическое сообщество и многие представители интеллектуальной элиты заявили о своей солидарности с режиссером. Более ста человек подписали манифест, в котором они выражали свою поддержку и

уважение человеку, который «в течение сорока пяти лет создавал прекрасные и важные фильмы» и «прославил венгров по всему миру». Основная идея манифеста заключалась в том, что нужно не обвинять такого талантливого человека за его действительно недостойные поступки, а поддержать его в попытке объяснить их. Самое удивительное, что в числе подписавших манифест были люди, на которых Сабо доносил в своих отчетах²².

События, упомянутые выше, отражают эмоциональный и интеллектуальный контекст попыток венгерского общества примириться со своим прошлым. Поразительное отсутствие критического и, что важнее, самокритичного отношения к прошлому со стороны не только политической элиты, но и общества в целом, вероятно, происходит из-за коллективного соучастия и сотрудничества с режимом Кадара. Именно поэтому всем так неловко об этом вспоминать. Моральное осуждение прошлого, включая и наши собственные поступки, невозможно без ущерба для нашего самоощущения. Описанный пример с бывшими осведомителями, сотрудничавшими с режимом, не является исключительным, это просто яркая иллюстрация того, что чувствуют обычные венгры, которые в определенной степени сами способствовали поддержанию диктатуры.

Моральная проблема, связанная с оценкой прошлого, знакома любой посткоммунистической стране Восточной и Центральной Европы. Чтобы понять, почему в обществе преобладает позитивное отношение к коммунистическому прошлому, можно обратиться к концепции «солидарности виновных», сформулированной известным чешским социологом Йиржиной Шикловой. Она считает, что крах социализма «означал не просто поражение коммунистической власти, но и поражение обычных людей, которые жили в этой системе и так или иначе адаптировались к ней», поскольку каждый «неизбежно приобретал определенный социальный статус, [который заставлял его] в определенной степени подстраиваться под эту систе-

му»²³. Любое обсуждение чьей-то роли в поддержании режима неизбежно вызывает чувство стыда. Возрастающая готовность общества, во всяком случае в Венгрии, сочувствовать бывшим осведомителям, показывает, как сильна «солидарность виновных», определяющая моральное и духовное восприятие коммунистического прошлого.

Возвращение культа Трианона

Психологический шок, который вызвали условия Трианонского мира, и то влияние, которое он оказал на понимание истории и национальную идентичность венгров, были особенно сильны в межвоенный период; сегодня мы наблюдаем их возрождение. Трианон действительно стал метафорой, выражающей нарушение «естественного» пути венгерской истории. В результате изменения границ по условиям Трианонского договора в 1920 г. Венгрия потеряла 71% своей территории и 64% населения. В результате этого только восемь миллионов человек осталось на территории страны, тогда как более трех миллионов этнических венгров оказались гражданами других государств, возникших вокруг. С тех пор прошло уже почти столетие, на протяжении которого этот действительно травматический опыт был источником коллективной фрустрации, проявлявшейся в самых разных формах. Ирредентизм, доминировавший в общественных дискуссиях в эпоху Хорти (1920—1944 гг.), сменился замалчиванием Трианона при коммунистическом режиме. Политический переворот 1989 г. открыл путь любым дискуссиям о драматических событиях прошлого, среди которых Трианон занимал особое место. Однако широта и неопределенность проблемы допускает множество различных толкований и способов ее политической инструментализации. Анализ дискурсов о Трианоне, которые формируют современные политические партии в Венгрии, дает представление о разнообразии интерпретаций.

Посмотрим, в какой связи упоминался Трианон в парламентских речах с 1990 по 2002 г. Гергей Ромшич своим исследованием на эту тему показал, что из почти 12 тыс. парламентских речей только 443 — не слишком внушительное число — содержали прямое упоминание о Трианоне²⁴. Вопрос о Трианоне в большинстве случаев поднимали представители правых партий; левые политики упоминали его гораздо реже. Коннотации в каждом случае могли быть весьма различны. Ромшич выделил несколько аналитических категорий, с помощью которых он пытался классифицировать дискуссии о Трианоне. Депутаты правых партий, как правило, использовали «историческую», «исторически-плебейскую» или «плебейски-историческую» риторику в парламентских речах, содержащих упоминание о Трианоне. «Историческая» риторика предполагала, что выступающий откровенно идентифицировал себя с трагическим венгерским прошлым, символом которого был Трианон. Используя «исторически-плебейскую риторику», говорящий отождествлял себя с национальным прошлым и выражал уверенность, что травма Трианона может быть наконец преодолена. Третий дискурс строился на представлении о том, что Трианон — это незаживающая травма и память о ней постоянно присутствует в памяти народа. Иными словами, несправедливость, произошедшая в результате определенного исторического события, не потеряла своей актуальности и политического значения, и это является определяющим фактором для любой действительно национально-ориентированной политической стратегии. Даже не используя терминологию и аналитические инструменты Ромшича, можно сказать, что и внутри правого политического лагеря существовало несколько версий интерпретации и инструментализации Трианона.

Вполне ожидаемое желание правых партий возродить память о Трианоне наглядно подтверждается политикой второго правительства ФИДЕС, пришедшего к власти в апреле 2010 г. Первый же закон, принятый только что избранным парламентом, предоставлял возможность получить венгерское граждан-

ство всем этническим венграм, живущим в соседних государствах. Следующим шагом правительства было издание Прокламации о национальной кооперации, предполагавшей создание Системы национальной взаимопомощи, целью которой должна была стать интеграция венгров вне зависимости от того, в какой стране они живут. Наконец, новое правительство провозгласило 4 июня, день подписания Трианонского мирного договора, национальным памятным днем, таким же, какими являются 15 марта для революции 1848 г. и 23 октября для революции 1956 г.

Такому развитию событий на уровне государственной политики предшествовало множество гражданских инициатив и действий той же направленности. В массовых демонстрациях, в частности в волнениях 2006 г., можно было отчетливо различить острое негативное чувство по поводу Трианона. Неслучайно многие подобные акции были подготовлены крайне правой общественной организацией «64 графства»²⁵ при молчаливой поддержке тогда еще оппозиционной партии ФИДЕС. Тактика, которой следовала эта партия, как в оппозиции, так и у власти, неизменно подразумевала дискредитацию либеральных и особенно социалистических политических сил. Одним из обвинений в их адрес было то, что эти партии на самом деле не могут считаться частью политического сообщества венгерской нации. После 2002 г., когда ФИДЕС проиграла парламентские выборы и на восемь лет ушла в оппозицию, лидер партии и бывший премьер-министр Виктор Орбан сформулировал эти идеи, сказав, что «нация не может быть в оппозиции», что «социалисты всегда, как раньше, так и теперь, пытались подавить нацию» и что «либералы представляют собой чуждый элемент в населении страны».

Однако в руках ФИДЕС образ Трианона вскоре стал палкой о двух концах, так как он одновременно был и некоторым противовесом ревизионистской идеологии крайне правых сил, которые сегодня представлены в парламенте партией «Йоббик» («Лучше»). Растущий национализм нынешнего венгерско-

го правительства, с одной стороны, является реакцией на ксенофобию и агрессивный национализм, проявившийся в политике соседних государств со значительным венгерским населением, но с другой стороны, сам по себе провоцирует подобные действия в этих странах. В последние годы это вызвало ряд конфликтов между Венгрией и Словакией. Доминирующая в Словакии антивенгерская политическая линия вплоть до последних парламентских выборов провоцировала агрессивный венгерский национализм. Эта проблема с трудом укладывается в рамки основополагающих идеалов и практики политических решений Евросоюза, членами которого являются и Венгрия, и Словакия. Евросоюз, в свою очередь, отстраняется от межнациональных споров между своими членами и не вмешивается во внутривнутриполитические вопросы, касающиеся уровня и форм национализма.

Описанный выше политический популизм сопровождается и подпитывается соответствующим публичным дискурсом. Общественная деятельность, связанная с историей и историческим наследием и памятью, выходит из-под контроля академического сообщества и начинает принимать институциональные формы, что зачастую приводит к открытой пропаганде националистической картины истории, центром которой является Трианон. Ярким проявлением этого процесса было открытие Музея Трианона в небольшом провинциальном городе Варпалота и создание в 2007 г. Научно-исследовательского института Трианона. Одним из руководителей этого музея стал Эрнё Раффаи, в прошлом заместитель министра обороны в правительстве Анталла. Раффаи является очень важной фигурой как самый известный представитель группы историков, выступающих за так называемое «национальное написание истории», противопоставляя себя академическому мейнстриму исторической науки. «Национальное написание истории», в данном случае, означает, что история XX в. оказывается полностью сосредоточена на Трианоне. Для того чтобы добиться большего общественного резонанса, Раффаи и его

соратники в 2009 г. основали исторический журнал *Trianoni Szemle*, посвященный исключительно обсуждению проблемы Трианона. Основное внимание в журнале уделяется критике неких внутренних врагов Венгрии, которые якобы привели страну к трагедии в Первой мировой войне, а в настоящее время пытаются преуменьшить значимость изменения государственных границ в результате Трианонского мирного договора.

Интерпретация исторического значения Трианона в этом случае сводится к поиску козлов отпущения, которые должны нести ответственность за венгерскую трагедию²⁶. Наряду с членами Антанты (прежде всего Францией) и новыми государствами, возникшими после распада Австро-Венгрии (которые позднее образуют Малую Антанту), в число врагов попали Михай Каройи, премьер-министр Венгрии в 1919 г., впоследствии занявший антифашистскую позицию, выдающийся историк Оскар Яси, лидеры революции 1918 г. и даже масоны. Подобная аргументация, безусловно, содержит в себе и латентный антисемитизм. В целом эта историческая конструкция копирует образ прошлого, созданного и насаждаемого властью в 1920-е гг.

Взгляд на историю, который пропагандирует сегодня правительство ФИДЕС, не слишком отличается от подхода Раффаи и его единомышленников. Между историками и политиками правительственной партии существуют определенные связи: например, Шандор Лежак, назначенный ФИДЕС вице-спикер парламента, с самого начала принимал активное участие в популяризации журнала *Trianoni Szemle*. Геза Сеч, тогда еще будущий министр культуры правительства ФИДЕС, тоже открыто поддерживал начинания упомянутых выше историков, утверждая, что только им удалось опровергнуть ложные факты и объяснения, которыми была полна «официальная история»²⁷.

Аналогичное распространение культа Трианона происходит и в сфере популярной истории. В 2009 г. группа историков, в большинстве своем не имеющих необходимой профессио-

нальной квалификации и научных достижений, основала журнал *Nagy Magyarország* («Великая Венгрия»), целью которого было обсуждение Трианона и других ключевых моментов истории XX в., исходя из концепции *единой национальной правды*. Им даже удалось создать собственную институциональную базу, Музей памяти (*Emlékpont Múzeum*), расположенный в провинциальном городе Ходмезёвашархей. Этот музей, открытый при поддержке Музея террора в Будапеште и муниципальных властей, сегодня становится оплотом консервативных историков. Упомянутый выше Музей террора был основан под покровительством ФИДЕС в 2002 г.; его основной задачей была пропаганда определенных политических идей в интересах партии: музей призван создавать откровенно антикоммунистический образ истории, а его экспозиция посвящена страданиям, причиненным венгерской нации коммунистической властью²⁸.

Само здание музея является местом памяти²⁹, а его расположение на центральной улице города, проспекте Андраши, позволяет использовать его для различных церемоний и ритуальных мероприятий, организованных ФИДЕС. Музей террора, возглавляемый Марией Шмидт, которая также руководит другими научными проектами ФИДЕС, вскоре должен в принудительном порядке включить в свой состав некоторые другие исторические исследовательские центры, чье финансирование было урезано новым правительством. Самым известным среди них является Институт Революции 1956 г., уважаемый исследовательский центр с международной известностью, который нынешнее правительство также обрело на исчезновение.

В сентябре 2010 г. консервативные историки, стремящиеся утвердиться в сфере, связанной с историческим наследием и памятью, создали собственное объединение. В декларации, выпущенной по этому поводу, было объявлено, что целью нового объединения является «нейтрализация негативного влияния марксистского подхода к истории, которое ощущается до

сих пор»³⁰. Ревизионистский взгляд на новейшую историю в сочетании с откровенно антикоммунистической риторикой роднит консервативных историков с крайне правыми политическими силами. Очевидно, что между Исследовательским фондом национальной консервативной истории и партией «Йоббик» существуют тесные связи. При этом националистическая интерпретация новейшей венгерской истории в изложении правящей политической силы ФИДЕС имеет значительное сходство с интерпретацией, предлагаемой праворадикальной партией «Йоббик». Существуют, однако, и некоторые различия. Риторика ФИДЕС не содержит расизма и антисемитизма; ревизионизм в отношении проблемы Трианона, характерный для «консервативных историков», также чужд подходу ФИДЕС.

Альтернативную версию венгерской истории, пропагандирующую «истинно национальное, но при этом научно обоснованное» знание о прошлом, поддерживают «национальные издательства», которые специализируются на публикации продуктов «национального исторического знания». Как правило, книги этих издательств продаются в специальных магазинах сети «Скита», но некоторые из них можно найти и в обычных крупных книжных магазинах. Уровень продаж этих книг гораздо выше, чем у научных изданий; интерес к подобной литературе поддерживается, в частности, благодаря появлению журналов *Trianoni Szemle* и *Nagy Magyarország*, а также развитию социальных сетей и ряда общественных организаций. Наиболее значительными среди таких гражданских движений являются Трианонские общества, которые видят свою основную задачу в возрождении и сохранении памяти о Трианоне. Они создают многочисленные монументы, посвященные Трианону, и такие инициативы встречают поддержку со стороны местных властей. Общества, о которых идет речь, представляют собой уникальную историческую субкультуру, включающую в себя национальную поп-музыку с националистическими текстами; кроме того, они поощряют возрождение

традиционных развлечений, например, военизированные игры с луком. Все это дополняется чтением текстов о Трианоне или истории венгерских племен до принятия христианства.

Традиционная академическая историография тоже не упустила возможности повлиять на общественное восприятие образа Трианона. Так, в 2010 г. восьмидесятая годовщина соглашения была использована научно-популярными журналами *Rubicon* («Рубикон») и *História* («История») с тиражами в десятки тысяч экземпляров для того, чтобы обсудить проблему Трианона с сугубо научной точки зрения³¹. Кроме того, вышло несколько статей в газетах, в том числе одна, написанная Игнацем Ромшичем, которые популяризировали ненационалистический и неревизионистский подход к проблеме³².

У Ромшича значительное место отведено детальному описанию и объяснению событий, приведших к падению Австро-Венгрии. В академических текстах не уделяют особого внимания роли отдельных лиц, которую так подчеркивают те, кто занимается поиском виновных. Кроме того, в этих публикациях утверждается, что Трианон — часть прошлого, он принадлежит истории и не влияет на события сегодняшнего дня.

Столь быстрый рост «Трианон-индустрии» был изначально связан с оппозиционными движениями — в тот период, когда ФИДЕС была в оппозиции, а у власти находились социалисты и либералы. Однако это был не просто один из элементов политической стратегии ФИДЕС. Историческая субкультура, активно распространяющая культ Трианона, возникла автономно, хотя впоследствии ее охотно взяли на вооружение правые партии.

Какие же факторы привели к активизации темы Трианона? Представляется, что мы имеем дело с социально-психологической реакцией на создание и распространение нового дискурса о прошлом, построенного на основе демократических норм и ценностей. Возникавшие в результате образы исторического прошлого отличались от тех, на которые опирался школьный курс истории. Другим фактором стало возвращение

в общественное пространство определенных пластов исторического знания и концептуальных подходов. Речь идет, например, о представлении истории страны через призму так называемой «проблемы судьбы» — подход, который был очень популярен в Венгрии в межвоенный период³³. И наконец, следует отметить острую потребность молодых людей в новой коллективной идентичности, которая должна заменить прежнюю, дискредитированную в 1989 г. Очевидное отсутствие подходящей венгерской идентичности на фоне растущего индивидуализма нового общественного строя вызвало к жизни устаревшие формы группового сознания, основанные, в частности, на национальном принципе. Все эти факторы помогают объяснить появление описываемых альтернативных исторических представлений, которые постепенно принимают институциональные формы.

Эпилог

В какой степени культ Трианона может стать частью публичной истории, которая сейчас подчинена культурной, образовательной и научной политике ФИДЕС? Или, другими словами, будет ли государственное влияние на историю настолько сильным, чтобы исключить возможность дискуссии? Этот вопрос имеет стратегическое значение, если принять во внимание опасность, связанную с возможным политическим использованием радикально националистического образа Трианона. Чрезмерное увлечение подобной мемориальной практикой может иметь непредсказуемые геополитические последствия, что способно существенно ограничить свободу действий любого венгерского правительства, включая и настоящее. Первые шаги, предпринятые правительством ФИДЕС в этом направлении, такие, как закон о гражданстве или объявление 4 июня Днем национального единства (и тот и другой связаны с памятью о Трианоне), создают серьезный риск, что со временем

Трианон станет объектом государственного культа, подобно тому, как это произошло в эпоху Хорти.

Примечания

¹ Gyáni G. Political Uses of Tradition in Postcommunist East Central Europe // *Social Research*. Vol. 60. Iss. 4. Winter 1993. P. 902—903.

² Цит. по: Pók A. Why was there no *Historikerstreit* in Hungary after 1989—1990? // *Idem*. The Politics of Hatred in the Middle of Europe. Scapgoating in Twentieth Century Hungary. History and Historiography. Szombathely: Savaria Univ. Press, 2009. P. 148.

³ Várszegi A. Magyar megfontolások a soárról (Венгерские размышления о Шоа) // Magyar megfontolások a soárról (Венгерские размышления о Шоа) / G. Hamp, Ц. Horányi, L. Rábai (eds.). Budapest; Pannonhalma: Balassi; Magyar Pax Romana Fórum; Pannonhalmi Fxapátság, 1999. P. 12—13.

⁴ Ungvári T. Csalódások kora. A «zsidókérdés» magyarországi története (Времена разочарований. История «еврейского вопроса» в Венгрии). Budapest: Scolar, 2010. P. 29.

⁵ Ibid. P. 30.

⁶ Gyurgyák J. A zsidókérdés Magyarországon. Politikai eszmetörténet (Еврейский вопрос в Венгрии. История политической идеологии). Budapest: Osiris, 2001.

⁷ Horváth I. A szimmetriakövetelés (Требования симметрии) // «2000». Oct. 2001. P. 3—13; Spiró G. Zsidógyártás // «2000». Nov. 2001. P. 19—23; Véres A. Egy elhibázott кнурчл // «2000». Nov. 2001. P. 24—28; Trencsényi B. Megtalálni az angyalok hangját — és a részletekben lakozó ördögöket (В поисках голоса ангелов — и дьяволов в деталях) // «2000». Jan. 2002. P. 9—19.

⁸ Аналогичное явление коллективной амнезии было отмечено, например, в польской деревне Едвабне, где местные жители забыли о собственном участии в геноциде евреев во время войны. См.: Wólen-tarska-Ocman E. Collective remembrance in Jedwabne. Unsettled memory of World War II in postcommunist Poland // *History & Memory*. Vol. 18. No 1. Spring/Summer 2006. P. 174—175. Критика этого исследования представлена в работе: Kapralski S. The Jedwabne village green? The memory and counter-memory of the crime // *History & Memory*. Vol. 18. No 1. Spring/Summer 2006. P. 181.

⁹ Assmann J. Collective memory and cultural identity // *New German Critique*. Vol. 65. Spring—Summer 1995. P. 125—133. Подробнее: Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Shrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Verlag V. H. Beck, 1992.

¹⁰ Ripp Z. 1956 emlékezete és az MSZMP (Память о 1956 г. и ВСРП) // *Évkönyv* 2002. X. Magyarország a jelenkorban. Budapest: 1956-os Intézet, 2002. P. 233—238.

¹¹ Безуспешные попытки превратить 1956 г. в *lieu de memoire* проанализированы в следующих работах: Litván G. Politikai beszéd 1956-ról — 1989 után (Политические речи о 1956 г. — после 1989 г.) // *Évkönyv* 2002. Magyarország a jelenkorban. P. 258—263; Kende P. Megmarad-e 1956 nemzeti hagyományak? (Остается ли 1956 г. национальной традицией?) // *Évkönyv* II. Budapest: 1956-os Intézet, 1993. P. 7—19; Rainer M. J. Ötvenhat után (После пятидесят шестого). Budapest: 1956-os Intézet, 2003. P. 223—249; György P. Az emlékezet szétesése — az olvashatatlan város // «2000». Oct. 2006. P. 3—12.

¹² Gillis J. R. Memory and identity: the history of a relationship // *Commemorations. The Politics of National Identity* / J. R. Gillis (ed.). Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1996. P. 8.

¹³ Connerton P. How Societies Remember. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. P. 58.

¹⁴ Подробнее о роли дочери премьер-министра и ее семьи в формировании культа Имре Надя см.: Gyáni G. Memory and discourse on the 1956 Hungarian Revolution // *Challenging Communism in Eastern Europe. 1956 and its Legacy* / T. Cox (ed.). L.: Routledge, 2008. Esp. P. 13—15.

¹⁵ См.: Bazsalya B. Az 1956-os forradalom társadalmi reprezentációja (Общественное представление о революции 1956 г.). MA Thesis (магистр. дисер.). Ецтвцс Loránd University, Social Science Faculty. Budapest, 2009.

¹⁶ A forradalom emlékezete. Személyes történelem (Память о Революции. Личная история) / A. Molnár, Zs. Kőrösi, M. Keller (eds.). Pozsony, Budapest: 1956-os Intézet, 2006.

¹⁷ *Standeisky é. Népuralom ötvenhatban* (Народная власть в пятьдесят шестом). Budapest: Kalligram; 1956-os Intézet, 2010.

¹⁸ Vásárbelyi M. Csalóka emlékezet. A 20. század történelme a magyar közgondolkodásban (Ложная память. История XX в. в венгерской общественной мысли). Pozsony: Kalligram, 2007. P. 133. Утверждение базируется на результатах опроса общественного мнения.

¹⁹ Ibid. P. 135.

²⁰ Ibid. P. 146.

Александр Астров

Историческая политика
и «онтологическая озабоченность»
малых центральноевропейских
государств
(на примере Эстонии)

Ротация власти нередко сопровождается и сменой ориентиров, которые, в свою очередь, обозначаются броскими ярлыками. «Перестройка и ускорение», «суверенная демократия» или «модернизация», никогда не исчерпывая всей полноты политической жизни, претендуют на то, чтобы на время зафиксировать общественное внимание на какой-то одной ее составляющей. Нечто похожее происходит и в международной политике, несмотря на то, что в ней не бывает «ротаций» и подобного рода фиксация зависит от международного консенсуса. В какой-то момент национальные разновидности исторической политики явно претендовали на то, чтобы наряду с «энергетической безопасностью» или «революциями» разных цветов служить такого рода ярлыком, обозначающим характер международных отношений.

Однако есть, как минимум, два момента, отличающих «историческую политику» от, скажем, «войны с терроризмом» или «перезагрузки», не говоря уже о проверенных временем «гонке вооружений» или «разрядке напряженности».

Во-первых, интерес к исторической политике практически одновременно охватил целую группу государств Центральной Европы, взявших на вооружение очень похожие методы его реализации («музеи оккупации», «институты памяти» и т.д.) и так же одновременно стал сходиться на нет. Во-вторых, политическую моду в данном случае пытались определять не «великие державы», а малые европейские государства.

Сторонники всевозможных теорий заговора и те, для кого малые государства по определению не могут иметь самостоятельную внешнюю политику, находят объяснение уже в самом сочетании этих двух моментов: истоки недавней популярности исторической политики следует искать прежде всего в Вашингтоне и Брюсселе, которые-де таким образом использовали малые государства в своих больших играх с Россией. Однако эта позиция не учитывает, что объектом исторической политики малых государств являлась не только Россия, да и сами они далеко не всегда выступали единым фронтом¹. Определенная синхронность этих выступлений скорее объясняется совместным опытом этих государств, обретенным уже после окончания холодной войны в процессе их социализации в рамках европейского и трансатлантического контекстов. Социализация эта, в свою очередь, основывалась на ускоренном освоении «успешных практик» (*best practices*) ради решения главной внешнеполитической задачи — вступления в ЕС и НАТО. Вполне можно предположить, что процедурные решения, оказавшиеся успешными в социальной и экономической сферах, были задействованы и в исторической политике.

И все же, если опыт совместной социализации позволяет объяснить формальную схожесть исторической политики центральноевропейских государств, сам факт обращения к истории требует отдельного анализа. Точнее, в анализе, на мой взгляд, нуждаются два конкретных вопроса. Почему интерес к исторической политике оформился именно к середине первого десятилетия нового века? И чем именно ярко выраженная историческая политика этого периода отличалась от «обычного» интереса к истории, неизбежно сопутствующего любой политике?

Мой ответ на оба эти вопроса опирается на опыт Эстонии. Данная глава представляет собой попытку «расслышать» тот концептуальный язык, на котором заговорили о прошлом эстонские политики вскоре после присоединения страны к Европейскому союзу и НАТО. У этого языка есть конечно же свой

специфический эстонский «акцент» и свой особый «словарный запас», не встречающиеся в других государствах Центральной Европы. Так, например, особое звучание темы «Бронзового солдата» — памятника советским воинам до недавнего времени находившегося на Тынисмяги, в центре эстонской столицы — обусловлено и спецификой российско-эстонских отношений, и межэтническими отношениями внутри Эстонии. Но есть у этого языка и своя «грамматика», общая для многих малых государств региона.

Смена акцентов

Во время «поющей революции» конца 1980-х Март Лаар, впоследствии не раз возглавлявший правительство Эстонии, выступил с лозунгом «Верните народу его историю!». С тех пор прошлое неизменно было важным аргументом в постреституционной эстонской политике; не было недостатка и в рефлексии на эту тему². В начале нового столетия наблюдается явная интенсификация исторической политики. Под интенсификацией я имею в виду не только повышение «градуса» дискуссий или то, что они стали происходить чаще, но и очевидное смещение акцентов. Прежде в политических целях использовались главным образом события межвоенного периода или коммунистическое прошлое отдельных представителей политической элиты, теперь же все более заметное место в соответствующей риторике стали занимать понятия «тоталитаризм», «геноцид», «преступления против человечности». Подобное смещение акцентов позволяет говорить именно об интенсификации исторической политики, поскольку «тоталитаризм» и сопутствующие ему преступления все чаще трактуются не как исторические события, допускающие различия позиций и оценок, а как незыблемое основание глобальной политической истории. Опыт тоталитаризма выносится за рамки легитимного плюрализма в качестве своего рода «меры всех вещей политических».

Описываемая «фундаментализация» тоталитаризма облегчает государственное противодействие «переписыванию истории», как это происходит в России. С другой стороны, она определенным образом структурирует современный политический дискурс, открывая новые возможности для активного участия в нем малых государств, которые традиционно являлись всего лишь объектами политической активности «великих держав»; что, на мой взгляд, и происходит в Эстонии и некоторых других государствах Центральной и Восточной Европы. В данном случае, для сообществ, некогда зачисленных Гегелем в «народы без истории»³, историческая политика становится инструментом политической борьбы за место в историческом процессе.

Следует сразу отмежеваться от некоторых трактовок происходящего, лишь на первый взгляд схожих с моей. Например, от интерпретации, предложенной активистом российской исторической политики Александром Дюковым: «После распада СССР Эстония, как и другие Прибалтийские государства, встала перед необходимостью построения новой национальной идентичности, не советской, которая бы отвечала параметрам заданной независимости, антироссийским устремлениям и так далее. И у Эстонии, несмотря на то, что это замечательная страна и у нее накоплен достаточно маленький опыт собственного государственного бытия, к сожалению, не оказалось других национальных героев, кроме членов полицейских батальонов, Эстонского легиона ваффен-СС, которые сражались против Советского Союза. Именно поэтому их пытаются героизировать, лепят из них новых национальных героев»⁴.

Вышеприведенный пассаж перекликается с мнением российской журналистки Галины Сапожниковой, много лет работающей в Эстонии. Сапожникова считает, что смена официальной эстонской риторики произошла чуть ли не в одночасье, сразу после вступления страны в Европейский союз⁵. Подразумевается, что, почувствовав себя в безопасности от восточного соседа, политическая элита Эстонии наконец

дала волю застарелым, но тщательно скрывавшимся до этого фобиям.

На первый взгляд у подобного подхода есть резон. Наиболее ярким свидетельством можно считать памятник эстонцам, сражавшимся во Второй мировой войне в частях ваффен-СС, установленный летом 2004 г., или статью известного журналиста Каарела Таранда, опубликованную за неделю до официального вступления Эстонии в ЕС. В этой статье, появившейся в одной из главных ежедневных газет, *Eesti Päevaleht*, Таранд открыто пишет: что было немислимим сразу после восстановления независимости, теперь становится осуществимым: всех недовольных политикой интеграции «иноземцев» можно собрать в небольшом лагере на границе в России⁶.

Но, присмотревшись к этим двум примерам чуть внимательнее и поместив их в соответствующий контекст, можно убедиться, что речь идет не о целенаправленном стремлении реализовать давние чаяния. Скорее очевидно обратное: после вступления в НАТО и ЕС в Эстонии усилилось ощущение неопределенности. Это ощущение, в конечном счете, привело к целой череде внутриполитических кризисов, ответом на которые и стала «антитоталитарная» риторика. Важно понять, почему был найден именно такой ответ и почему он лежит в сфере внешней политики.

Моя гипотеза заключается в следующем. В течение десяти с лишним лет после восстановления независимости основные параметры эстонской публичной сферы во многом определялись внешнеполитическими ориентирами, заданными в самом начале 1990-х. Стремление в НАТО и ЕС и высокая степень согласия по этому вопросу среди политической элиты страны привели к тому, что болезненные и потенциально конфликтные обстоятельства прошлого были отодвинуты на второй план и не стали предметом обсуждения в обществе. С другой стороны, во имя скорейшей трансатлантической интеграции ключевые вопросы развития страны решались ограниченным сообществом экспертов-технократов, которые концентриро-

вались вокруг исполнительной власти вообще и министерства иностранных дел в частности⁷.

Сразу после вступления в НАТО, а затем и в ЕС общество оказалось в непривычной для себя ситуации: в одночасье утратил свою актуальность единый, консолидирующий нарратив, который долгие годы подменял собой собственно публичную сферу. Более того, стало очевидным и отсутствие общественных институтов, которые могли бы стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов. Именно в это время в средствах массовой информации стала все чаще звучать мысль о том, что необходимо сформулировать новую общенациональную цель, а среди политиков приобрела популярность идея заключения формального «общественного договора».

Ситуация, сложившаяся в обществе в период с 2004-го по 2007 г., может быть описана термином «онтологическая озабоченность»⁸. Суть этого понятия сводится к тому, что в условиях неопределенности, угрожающей не столько физическому выживанию субъекта, сколько самой его идентичности, в качестве решения зачастую избирается привычная социальная роль, даже если она сопряжена с очевидными рисками. Сама по себе очевидность и привычность такого рода рисков оказывается предпочтительнее неопределенности⁹. В моменты резкого изменения мирового порядка государства также предпочитают привычные конфликты новым, неопробованным моделям поведения¹⁰.

Однако, для малых государств подобная стратегия выхода из «онтологического кризиса» далеко не всегда возможна. Риски, связанные с участием в «реальной политике», которая опирается исключительно на объективные национальные интересы и порой объявляется внеисторической константой мирового порядка, могут оказаться неприемлемо высокими. Не в последнюю очередь потому, что такого рода «политический реализм» не может гарантировать надежной поддержки со стороны великих держав, которые в рамках данной парадигмы международных отношений должны руководствоваться ис-

ключительно собственными интересами. Опыт участия в международной политике после окончания холодной войны, который представлялся успешным малым государствам Центральной и Восточной Европы, определялся возможностью апеллировать не к интересам, а к идентичности могущественных западных партнеров. Поскольку для формулирования собственных интересов необходимо решить вопрос о своей идентичности, малые государства региона успешно использовали дискурс трансатлантической солидарности с целью обуздания эгоистических порывов великих держав¹¹.

Этой стратегии был положен предел (не без участия самих малых государств) с началом войны в Ираке и вызванным ею расколом внутри трансатлантического сообщества. В новой ситуации, хронологически совпавшей с наступлением онтологического кризиса во внутренней политике малых государств, последние столкнулись с противоречиями по поводу американского вторжения в Ирак между США и их влиятельными союзниками в западной Европе¹². Малые государства должны были любыми путями избежать однозначного выбора между американцами и европейцами, поскольку он означал бы конец идеи либерального трансатлантического сообщества и лишил бы «младших партнеров» главного инструмента, с помощью которого удавалось сдерживать эгоистичные интересы как тех, так и других. Решению этой задачи мешало предложенное Дональдом Рамсфельдом деление на «новую» и «старую» Европы, а также российские внешнеполитические усилия, направленные на акцентирование двусторонних отношений с великими державами в ущерб любым формам многостороннего сотрудничества.

Иными словами, на рубеже столетий, как во внутренней, так и во внешней политике малых государств Центральной и Восточной Европы возникла потребность в новом дискурсе единства или сообщества, членство в котором им было бы гарантировано. В Эстонии внешнеполитическая элита страны была лучше других подготовлена для того, чтобы артикулировать

такой дискурс (или, по крайней мере, его разрабатывать). Один из ее бесспорных лидеров Тоомас Хендрик Ильвес, в тот момент временно находившийся не у дел, в 2003 г., еще до формального вступления в ЕС, выступил с резкой критикой как Рамсфельда, так и совместного письма Жака Дерриды и Юргена Хабермаса. По его мнению, антиамериканизм последних грозил Европе ошибкой исторического масштаба¹³.

Переход от критики разнообразных «раскольников» к некоему подобию позитивной программы потребовал времени. Первый серьезный документ такого рода появился примерно через год после публикации письма Дерриды—Хабермаса. Интересно, что среди его инициаторов оказались два американских сенатора, Джон Маккейн и Джозеф Байден, тогда выступавшие единым фронтом против внешнеполитического курса Буша, Вацлав Гавел, а также один из ведущих европейских атлантистов Карл Бильдт, сыгравший не последнюю роль в формировании идентичности Эстонии после восстановления ее независимости. Эстонию опять представлял Ильвес, но теперь уже в роли депутата Европарламента. Документ этот известен как «письмо 115-ти», написанное по поводу трагедии в Беслане, но посвященное, главным образом, критическому анализу российской политики.

Среди подписантов был и известный французский эссеист Андре Глюксман, один из основателей группы «новых философов». Именно их трактовка «тоталитаризма» и основанное на ней понимание характера современных международных отношений сыграли, на мой взгляд, не последнюю роль в упомянутой выше смене акцентов в эстонской исторической политике.

Сразу оговорюсь, что речь в данном случае идет не о прямых заимствованиях, а о логике дискурса, о том, как составляющие дискурс «новых философов» понятия структурируют и тот язык, на котором в какой-то момент заговорили о прошлом и в Эстонии. Если присмотреться к тому, как именно и почему «новые философы» переопределяют тоталитаризм, процити-

рованная позиция Дюкова, например, представляется неоправданно эгоцентричной. Эстонских политиков, вполне сознательно переписывающих историю, меньше всего интересует при этом Россия¹⁴. Как и в экономике, основные интересы эстонской исторической политики находятся на западе, где разворачивается весьма своеобразное противостояние, определенное Глюксманом как «Запад против Запада»¹⁵. Для Эстонии, помимо всего прочего, это означает выход за рамки другого, более раннего «историко-политического» дискурса, «спора историков», в свое время во многом определившего параметры восстановления независимости.

Спор историков

Термин «спор историков», *Historikerstreit*, изначально обозначал полемику об отношении немцев к германской истории и идентичности вообще и, в частности, к Холокосту, которая развернулась в момент окончания холодной войны. Германские правые трактовали Холокост как вынужденный ответ Германии на равнозначные по сути сталинские репрессии, а левые — как уникальное по своей бесчеловечности преступление нацизма, коренившееся в «особом пути» развития Германии. Политически *Historikerstreit* закончился победой левых¹⁶, которая не только укрепила послевоенный консенсус в самой Германии, но и во многом определила общеевропейское отношение к истории в ходе начавшегося вскоре процесса расширения ЕС.

Когда после крушения Берлинской стены дебаты, подобные *Historikerstreit*, стали один за другим вспыхивать по всей Центральной и Восточной Европе, ЕС выдвинул негласное условие: кандидаты на членство в сообществе должны были принять не столько конкретный европейский консенсус по вопросу истории, сколько установку на создание единого коммуникативного пространства. Это пространство подразумевало разделение

на «частную» и «общественную» сферы; участникам европейской интеграции предлагалось формировать общеевропейскую общественную сферу на основе консенсуса, заведомо оставляя за рамками этого процесса более спорные, зачастую вообще не поддающиеся обсуждению вопросы своей «частной» идентичности.

Однако если для «старых» членов ЕС это означало подтверждение на новом уровне принципа невмешательства в их внутренние дела, то в случае с государствами-кандидатами все выглядело иначе. Многим из них еще только предстояло сформировать свою внутреннюю общественную сферу, в том числе и посредством выяснения отношений с прошлым. А поскольку отношения эти в Центральной и Восточной Европе редко когда были сугубо внутренним делом отдельно взятых государств, ЕС старался регулировать этот процесс, особенно когда дело касалось пограничных споров или статуса национальных меньшинств.

Применительно к Эстонии внешнее регулирование предполагало присутствие миссии ОБСЕ, мандат которой касался межэтнических отношений внутри страны, и требование разрешить пограничные споры с Россией. По мере того, как вступление в ЕС и НАТО все больше оформлялось в практическую задачу, подлежащую планомерной реализации в соответствии с жестким графиком, задаваемым извне, отношения с Россией, как и отношение к местным русским, стали все больше смещаться из сферы общественных дебатов и законодательных инициатив в область рутинных административных решений.

При этом речь не шла о прямом давлении со стороны ЕС или НАТО; скорее о том, как сами эстонские политики понимали те, иногда негласные, правила игры, которым им надлежало следовать для достижения главной политической цели: вступления в обе международные организации. В этом смысле позиция многих из них была предельно точно обозначена одним из бывших министров иностранных дел Тривими Вел-

листе. Активный противник поправок к Закону о языке, на которых настаивали накануне расширения ЕС международные организации, Веллисте в конечном счете согласился с тем, что их следует принять; аргументируя свою позицию в парламенте, он говорил о «конфликте между опытом Эстонии и опытом международного сообщества, который складывался в ином историческом контексте»¹⁷.

Как показали последующие события, подлинная проблема заключалась в том, что ко времени произнесения этих слов конфликт между опытом Эстонии и опытом «старой Европы», «сложившимся в ином историческом контексте», затрагивал не только отношение к истории и национальной идентичности. Он касался тех процедур, уже утвердившихся за годы восстановленной независимости, посредством которых это отношение выяснялось. Если в «старой Европе» новый консенсус стал результатом напряженной, многолетней и, главное, открытой полемики, наподобие *Historikerstreit*, в Эстонии произошла двойная деполитизация общественной сферы. Вопросы, лежавшие в основе государственной идентичности, вытеснялись оттуда, с одной стороны, в область технократического администрирования, а с другой — в сферу политики безопасности.

Кульминацией этой тенденции и явился упоминавшийся раньше лихулааский кризис 2004 г. В августе в местечке Лихула был установлен монумент в честь эстонцев, сражавшихся во Второй мировой войне на стороне Германии, но поводом для кризиса стала не установка памятника, а его демонтаж, осуществленный спустя менее чем две недели ночью, без какого-либо общественного обсуждения. Тогдашний премьер-министр, выступая уже после демонтажа, объяснил решение правительства соображениями национальной безопасности. Под этим подразумевалось недовольство, которое мог вызвать изображенный на барельефе солдат в нацистском мундире со стороны влиятельных союзников Эстонии, прежде всего США. Однако подобные объяснения, равно как и обстоятельства

сноса монумента, только усилили общественное раздражение, одним из следствий которого стала отставка правительства.

Лихулааский кризис обнажил не столько ущербность еще недавно популярного правительства, сколько кризис публичной сферы. В распоряжении исполнительной власти оказались лишь два инструмента: тяжелая техника и ссылка на внешнеполитическую необходимость. Реакцией стало широкое общественное недовольство, вне зависимости от отношения к самому демонтированному таким образом памятнику¹⁸. Возмущение в связи со сносом монумента объединило представителей противоположных полюсов эстонского общества. Позиция одних выразилась в крылатой фразе *ЖОКК*, расшифровывающейся как «юридически все корректно». Они настаивали на неуместности в политической жизни этических требований, выходящих за рамки формального соответствия закону. Другие формулировали свое неприятие словами *Kommarid ahju!*, которые можно перевести как «Коммунык — в печь!», и, наоборот, сознательно эпатажили общественное мнение, требуя отставки находившихся во власти бывших функционеров коммунистической партии.

Ведущие эстонские общественные деятели определяли этический кризис, поразивший общество, как процесс «децивилизации» или «делигитимизации» и отмечали, что истоки его следует искать в отношении эстонцев к своей истории. История, утверждали они, отпустит нас лишь тогда, когда мы наберемся смелости взглянуть ей в лицо. А это требует признания неоднозначности как советского периода, так и сотрудничества с нацистами. В противном случае памятники, подобные лихулааскому, будут и впредь оставаться яблоком раздора.

На деле, однако, историческая тематика была узурпирована правым крылом эстонской политики. Правые политики активно использовали ее в ходе полемики 2005 г. о том, следует ли президенту Рюйтелю ехать в Москву на празднование шестидесятилетия окончания Великой Отечественной войны, а также в последующих дебатах о пограничном договоре с Росси-

ей. Заметно активизировались и наиболее радикально настроенные эстонские националисты. В апреле 2005 г. они создали Эстонское националистическое движение, активисты которого опубликовали письмо с требованием немедленного сноса монумента советскому солдату на Тынисмяги; в письме выражалось сомнение в способности государства, контролируемого из «Вашингтона, Брюсселя, Тель-Авива и Москвы», пойти на такой шаг. Излюбленными мишенями движения стали не только бывшие коммунисты в составе эстонских органов власти и памятник на Тынисмяги, но и ЕС и интеграционная политика внутри страны.

Таким образом, когда в мае 2006 г. активисты Эстонского националистического движения оказались среди основных участников получивших широкую огласку и за пределами Эстонии событий на Тынисмяги, тогдашнее правительство не испытывало к ним ни малейших симпатий. Ключевые для последующей эскалации конфликта слова премьер-министра Ансипа о том, что он не желает «разговаривать с маргиналами» и «не позволит самочинному сообществу контролировать часть эстонской территории», в равной мере относились как к эстонским националистам, так и к русским активистам, называвшим себя «Ночным дозором»¹⁹.

Единственным крупным эстонским политиком, заявившим о своем желании открыто встретиться с активистами «Ночного дозора», стал Март Лаар, поставивший при этом одно условие: встреча должна была быть посвящена обсуждению истории, а не политики. Подобный подход отражал позицию, и поныне доминирующую в эстонском обществе: политические проблемы в отношениях между двумя общинами являются следствием различий в прочтении истории. При таком подходе история представляется набором объективных фактов, поддающихся беспристрастному обсуждению. Политика же сводится к вопросу, так сформулированному старейшим эстонским политическим комментатором Энном Соосааром: «Возможно ли вообще, и если возможно, то как именно, воспи-

тать лояльных граждан Эстонской Республики из тех десятков и десятков тысяч, что верят российской пропаганде больше, нежели историческим фактам и историческим документам?»²⁰.

Но существует и другой взгляд, подразумевающий более сложное соотношение между историей и политикой и, как следствие, иную историческую политику. И именно здесь начинают проследиваться первые отголоски «ново-философского» дискурса с его специфической интерпретацией тоталитаризма. Одна из наиболее ярких формулировок этой позиции принадлежит Юри Луйку, в разные годы занимавший посты министра иностранных дел, министра обороны, посла в США и в НАТО²¹.

Потребность в новом дискурсе

Позиция Луйка, сформулированная в его статье в февральском номере *Diplomaatia* за 2008 г., резко отличается от работ других авторов. В Эстонии 2008 г. прошел под знаком юбилея обретенной в 1918-м независимости. Выпуск *Diplomaatia*, ставший одним из первых юбилейных мероприятий, был похож на все предыдущие выпуски того же издания. Стандартный для подобных случаев ансамбль авторов рутинно обсуждал привычные темы: юридические аспекты утраты независимости в конце 1930-х; предпосылки ее восстановления в начале 90-х... Лейтмотив номера в целом был также не оригинален: главной особенностью Эстонии в контексте мировой истории и международной политики является ее «малость» и связанная с ней необходимость полагаться на иные ресурсы, нежели те, что имеются в арсенале «великих держав». Выпуск *Diplomaatia* был посвящен главному из этих ресурсов — международному праву.

В отличие от своих соавторов, Луйк с самого начала решительно дистанцируется от легалистской риторики. О правах Эстонии как члена международного сообщества, пишет он,

часто говорят там, где следовало бы вести речь об обязательствах. Рассуждая же о специфических обязательствах государств, освободившихся от коммунистического ига, действительно следует извлечь уроки из прошлого. Однако, прошлое в данном случае лишь косвенно связано с историей. Оно — сугобо практическое, причем «практика» концептуально отделена от правовой стороны. Статья посвящена тому, что предшествует праву и является предпосылкой его функционирования, — политике.

Основной тезис Луйка сводится к следующему. Семнадцать лет, прошедшие с момента крушения коммунизма в Восточной и Центральной Европе, — не повод для того, чтобы забыть о преступлениях коммунизма. Наоборот, за эти годы многие восточно- и центрально-европейские государства сумели выстроить собственные правовые институты, достаточно крепкие для того, чтобы наконец заняться расследованием этих преступлений. Основой для такого расследования является отнюдь не «переписывание истории», не пересмотр итогов Нюрнбергского трибунала, а наоборот — следование их букве и духу в той части, что дает определение «преступлениям против человечности». Задача заключается не в ревизии этих определений, а тем более фактов, на основе которых они были сформулированы. Речь должна идти об их неукоснительном применении, но теперь уже и в отношении деяний, предварительно классифицированных как «преступления коммунизма» в изданной в 1997 г. и вызвавшей весьма неоднозначную реакцию в Европе «Черной книге коммунизма»²².

На первый взгляд отсылка к книге, которая в свое время вызвала немало споров, может показаться слабым местом в аргументации Луйка. Но при более внимательном взгляде понятно, что Луйк не склонен безоговорочно солидаризироваться с утверждениями ее редактора Стефана Куртуа. В частности, если Куртуа обвиняли — оправданно или нет — в антисемитизме за утверждение, будто нынешнее значение Холокоста является результатом деятельности «международных еврейских

организаций», Луйк, наоборот, ставит деятельность этих организаций в пример. Если в статье Луйка и идет речь об уроках прошлого, это, прежде всего, уроки, связанные с деятельностью неправительственных еврейских организаций. И главное, чему, по его мнению, у них стоило бы поучиться, это умению целенаправленно формировать международный политический консенсус посредством конкретных, четко сформулированных и эффективно реализованных инициатив.

Именно формирование консенсуса по вопросу о преступлениях коммунизма и является, по мнению Луйка, важнейшей задачей посткоммунистических обществ. При этом институты, создаваемые для осуществления этой задачи, будь то национальные или международные, не должны иметь юридических полномочий. Прежде всего, они призваны инициировать публичное и как можно более широкое обсуждение тех событий, которые хорошо известны историкам. Нужны не альтернативные исторические или юридические расследования, а новая общественная сфера — что и является главным смыслом политики.

В завершение своей статьи Луйк пишет, в чем именно заключается важность создания новой публичной сферы. Посткоммунистические общества «начнут нормально функционировать лишь в том случае, если их боль будет открыто обсуждена и универсально признана». Государства, «испытывающие трудности, легче других становятся жертвами иллюзий об идеальном обществе»; молодые люди в майках с портретом Че Гевары — свидетельство того, что подобные иллюзии пользуются популярностью и в наши дни. «И только новый международный консенсус позволит нам избежать этих опасностей».

Это заявление интересно сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, спустя четыре года после присоединения Эстонии к ЕС оно признает наличие «трудностей общественного роста». В нем говорится, что эстонское общество, как и многие другие в Центральной и Восточной Европе, нельзя назвать нормально функционирующим. Подобное заявление — не редкость в

повседневном «домашнем» дискурсе практически любой страны. Но в данном случае оно явно диссонирует с общим тоном юбилейных торжеств, в рамках которых было сделано. Еще сильнее оно контрастирует с привычным для Эстонии характером обсуждения международных проблем, которое, как правило, выглядит как отчет об успехах уважаемых правительственных экспертов.

Между тем практически сразу после публикации статьи Луйка одобрительные ссылки на нее стали чуть ли не обязательными в любой сколько-нибудь серьезной общественной дискуссии. Что является косвенным свидетельством в пользу изначально заявленной гипотезы: интенсификация исторической политики в Эстонии обусловлена не укреплением позиций государства после вступления в ЕС и НАТО, а, наоборот, «онтологическим кризисом», одной из причин которого является успешное завершение этого внешнеполитического проекта.

Но почему Луйк считает, что стратегия преодоления этого кризиса должна опираться именно на историческую политику, при этом направленную почти исключительно на преодоление коммунистического прошлого? Если главную опасность он видит в соблазнительных мечтах об идеальном обществе, кажется, следовало бы признать, что подобного рода мечтой была и идея реституции, то есть восстановления в отделившейся от СССР Эстонии идеализированного национального государства межвоенного периода. Тем более что такого рода признание не требовало бы титанических усилий по формированию нового международного консенсуса, а, наоборот, могло бы опираться на уже сложившийся после Второй мировой войны — и, в частности, в результате *Historikerstreit* — европейский консенсус в вопросе об издержках национального государства как такового.

Представляется, что причина заключается в отсутствии какого бы то ни было международного консенсуса, будь то внутриевропейского или трансатлантического. Именно это являет-

ся главным побуждающим стимулом для выступления Луйка и многочисленных подобных высказываний далеко за пределами Центральной и Восточной Европы. Данное предположение подтверждается тем, что Хабермас, чей «гражданский патриотизм» воспринимался в качестве европейского ответа на вопросы, поставленные в ходе *Historikerstreit*, теперь оказался в самом центре трансатлантического раздора. Впрочем, истоки этого разлада можно разглядеть задолго до окончания холодной войны, на самом ее пике, в ходе социальных потрясений конца 1960-х — начала 70-х гг. теперь уже прошлого столетия.

На это указывает и внутреннее напряжение, присутствующее в статье Луйка. С одной стороны, последовательно проводя различие между сутобо политическими вопросами и всеми прочими, он подчеркивает, что нынешний статус Холокоста ни в коей мере не был, да и не мог быть предопределен самими по себе юридическими решениями Нюрнбергского трибунала или профессиональными исследованиями историков. Он стал результатом длительной и напряженной политической борьбы. Борьба эта, по собственному признанию Луйка, могла увенчаться успехом лишь в 1960-е, когда на смену первоначальному желанию поскорее оставить позади трагедию двух мировых войн пришло стремление заново оценить собственное прошлое. Пришло, опять же, не само по себе, но под напором радикально настроенного молодого поколения. С другой стороны, Луйк явно озабочен пристрастием сегодняшних молодых к майкам с портретом Че.

Возможно, причины этого напряжения в том, что «молодые люди», вызывающие озабоченность Луйка, не так уж абстрактны и анонимны, как может показаться на первый взгляд. Среди поклонников Че был и молодой студент-медик Бернар Кушнер, который посвятил «доктору Эрнесто Че Гевара» свою диссертацию. В 2007 г., незадолго до появления статьи Луйка, он стал министром иностранных дел Франции. А в разнообразных антологиях, посвященных 1960-м, его имя часто встречается в одном ряду не только с Йошкой Фишером или Даниэ-

лем Кон-Бендитом, но и, скажем, Биллом Айерзом, основателем радикальной американской организации *Weather Underground*, в связях с которой пытались уличить Барака Обаму в ходе президентской гонки 2008 г.²³

Конечно, эти имена и ассоциации сами по себе не способны объяснить, почему Луйк так озабочен формированием нового международного консенсуса. Но невозможно отрицать, что за этими именами стоят конкретные перемены в мировой политике, не в последнюю очередь те, что ассоциируются с появлением на политической арене «поколения шестидесятых». К тому моменту, когда представители этого поколения стали приходить к власти, за плечами у них был уже не один онтологический кризис, в том числе в связи с разоблачением преступлений коммунизма.

По свидетельству американского попутчика некогда «новых» европейских левых Пола Бермана, для будущих политиков типа Фишера или Кушнера главным вопросом не только политики, но и идентичности вообще всегда был выбор между коллаборационизмом и сопротивлением²⁴. Однако после того, как сгладились бурные противоречия 1960-х, делать этот выбор становилось все труднее. К середине 1970-х, во многом под влиянием трудов Солженицына, во Франции сложилась группа «новых философов», в состав которой вошли интеллектуалы, некогда — как, кстати, и редактор «Черной книги» Куртуа — принадлежавшие к радикальным маоистским группировкам. Теперь для них именно «тоталитаризм» и «борьба с тоталитаризмом» стали ответом на вопросы, порожденные подобными кризисами.

«Новые философы» переопределяют тоталитаризм как «абсолютное зло», являющееся к тому же и непреложным историческим фактом. Неоспоримость этого факта определяется неразрывной связью между тоталитаризмом и геноцидом. Противостояние безусловному злу становится основой для выбора между коллаборационизмом и сопротивлением; абсолютный характер этого зла позволяет не только оградить иден-

тичность от приступов «онтологической озабоченности», но и позиционировать себя относительно сразу нескольких значительных политических сил. Это и антиамериканизм, и исламский фундаментализм, и «европейский нигилизм», косвенно потворствующий всевозможным тиранам. Мир, по словам одного из основателей группы, Глюксмана, делится на тех, «для кого не существует фактов, лишь чистые символы веры», и тех, для кого «свободная дискуссия, направленная на отделение правды от вымысла, имеет смысл; для кого политика, наука и сила суждения основаны на фактах, не зависящих от спорных или приобретенных пристрастий»²⁵. Тоталитаризм в различных его проявлениях, с точки зрения «новых философов», представляет собой именно такой непреложный факт.

Однако, при всей важности неоспоримых фактов для «новых философов», у них есть совершенно особый соперник — «политический реализм». Суть этого неприятия точно передает Берман: «Реализм никогда не противостоит геноциду. Современный геноцид всегда творится на периферии великих событий и никогда в эпицентре; а политический реализм озабочен калькуляцией могущества в центре, озабочен, по выражению [другого основателя “новых философов”, Алена] Финкелькратта, калькуляцией Большой Истории. Геноцид атакует слабых, реализм защищает сильных»²⁶.

В результате новая европейская идентичность тоже формируется на периферии большой европейской политики — если воспользоваться формулировкой Глюксмана, «на ветрах, дующих нынче между Тбилиси и Киевом». Она формируется вопреки «антилиберализму, антиамериканизму и страхам перед мигрантами с юга и, прежде всего, с востока»²⁷. Так что нет ничего удивительного в том, что в первые же дни российско-грузинской войны 2008 г. Глюксман и его коллега Бернар-Анри Леви, еще до выяснения обстоятельств происходившего на Кавказе, ринулись на защиту Михаила Саакашвили, причем не только от «российского империализма», но и от «реализма» ветеранов американской внешней политики Шульца и Кис-

синджера. Как не удивительно и то, что их атака на «холодный реализм» была подхвачена на страницах *Die Welt* руководителями эстонского «Союза Отечества» Мартом Лааром и Андресом Херкелем²⁸.

Речь не о прямом словесном заимствовании, а о том, что концептуальный язык «новых философов» пришелся весьма кстати эстонским политикам, переживавшим кризис идентичности, — ведь те, кто создавал этот язык, находились в сходной ситуации. Если для Глюксмана, Леви и Финкелькраута это был кризис преодоления их собственного маоистского прошлого, то для политиков в Эстонии он стал реакцией на разлад внутри трансатлантического сообщества. Но и в том, и в другом случае возникла необходимость в новой, по возможности незыблемой, основе для групповой идентичности. И заново переосмысленный тоталитаризм вполне подходил для решения этой задачи — как атрибут больших коллективистских проектов, Большой Истории и великодержавности и как неподвижное, но неизбежно трагическое следствие поминаемых Луйком грез об идеальном обществе. С одной стороны, такой тоталитаризм позволял оправдывать внешнюю политику США, вызывавшую все большее недовольство в «старой Европе»; с другой — дистанцироваться от американских неоконков, позиция которых, так или иначе, пересекалась с идейными установками «реализма». По выражению Глюксмана, европейские «новые философы» с их специфическим прочтением истории предлагали для малых государств Восточной и Центральной Европы особый вход в мировую политику (и мировую историю), вход для «всей этой “мелкоты”, за которую “реалисты” никогда не давали и ломаного гроша»²⁹.

Нельзя не заметить сходства аргументации «новых философов» с речью эстонского президента Ильвеса в Университете города Турку. Как и Луйк в своей статье, Ильвес говорил о возможности (и необходимости) конструирования новых, основанных на консенсусе идентичностей, которые не были бы, как это случалось прежде, «навязаны нам историей и другими»³⁰.

Другими, которые теперь, подобно гегелевским «народам без истории», в отведенной им роли «народов без демократии» оказываются также и вне истории³¹.

Повторяя в этой речи свою шестилетней давности критику Хабермаса, Ильвес, возможно, сам того не замечая, воспроизводит не только хабермасовскую идею конструируемого «гражданского патриотизма», но и лежащее в ее основе дюркгеймовское деление на «традиционные» и «индустриальные» общества. Эта одномерная и эсхатологическая по сути модель истории позволяет Хабермасу предложить конкретное историческое наполнение для абстрактной кантианской критики «традиционного» метафизического сознания: «воля к разуму» находит конкретное воплощение в процессе модернизации, который Кант мог лишь предвидеть, а мы, согласно Хабермасу, обязаны завершить. Что, в свою очередь, требует отказа от любых форм «фундаментализма». С другой стороны, будучи все же теоретической моделью, конструкция Хабермаса избавляет от необходимости прислушиваться к конкретному историческому разнообразию всевозможных традиционалистских общин внутри Европы (или тех, что пытаются сохранить свой традиционализм). Как всякая модель, она подразумевает, что «в принципе мы уже знаем все, что следует знать о религиозных мусульманах Европы, при этом никак не соприкасаясь с реальными заботами и стремлениями конкретных сообществ, каждое из которых порой приходит в демократическое общество по своей особой исторической траектории»³². В случае с «новыми философами» эта модель становится оправданием «самодовольного секуляризма, являющегося таким же заложником неоспоримых истин, как и самый “фундаменталистский” из мусульманских дискурсов»³³.

Но эстонская историческая политика нуждается в неоспоримости: она необходима для того, чтобы прочертить четкую границу, отделяющую демократическое от недемократического, и, тем самым, обрести точку опоры для политического действия. Внутренний фундаментализм этой позиции в явном

виде сформулирован в статье депутата Европарламента Тунне Келама об отношениях между ЕС и Россией: «Миссия объединенной Европы должна заключаться в том, чтобы говорить правду, устанавливая границы, подчеркивая, что наши принципы и ценности не являются предметом переговоров»³⁴.

При этом Келам преподносит свое видение отношений между ЕС и Россией как «реальную политику», ссылаясь на Черчилля, для которого ключом к загадке России являлись ее национальные интересы. Очевидно, что не подлежащие обсуждению принципы и ценности, о которых говорит Келам, имеют такое же отношение к «реальной политике», какое понимание российских национальных интересов Черчиллем имело к независимости Эстонии после Второй мировой войны. Учет национальных интересов России приходил в противоречие с независимостью Эстонии, которая и была принесена в жертву. Но я бы не спешил уличать Келама в невежестве. Как всякий искушенный в своем деле практик, он работает с тем, что имеет, не слишком заботясь об академической безупречности своих аргументов. А имеет он очевидное смещение акцентов в европейско-российских отношениях после грузинской войны в сторону «реальной политики». И вместо того, чтобы плыть против набирающего силу европейского течения, пытается направить его в нужное русло. При известном упорстве и умении искать союзников такое по силам и самым малым государствам, что видно на примере дискурса «новых философов», если теперь, в заключение, сравнить его с дискурсом *Historikerstreit*.

Политика «мелкоты»

Политическим итогом «спора историков» на эстонской почве стало временное замораживание потенциально конфликтной полемики о сути (и о возможном сравнении) двух тоталитарных режимов прошлого, столь важного для формирования государственной идентичности Эстонии. Практиче-

ским оправданием для такого замораживания являлась идея европейской стабильности, в свою очередь неразрывно связанная как с наличием трансатлантического консенсуса, так и с установкой на дружескую поддержку российских реформ со стороны Запада. В начале нового столетия обе эти внешнеполитические опоры несколько расшатались, а эстонская внутренняя политика оказалась в состоянии кризиса. Возникла необходимость в новом консолидирующем дискурсе, который отвечал бы как внутренним, так и внешним политическим приоритетам; и, как сказал в одном интервью президент Ильвес: «Пока не напишем сами, будем переводить»³⁵. Оригинал было достаточно. Достаточно вспомнить, например, упомянутую выше (см. примечание 16) переписку Франсуа Фура и Эрнста Нольте или многочисленные публикации близкого к неоконсерваторам Роберта Кейгана, одна из которых была положена в основу проведенной в Таллине международной конференции³⁶. Но если европейский сравнительный анализ двух тоталитарных режимов с его консервативной критикой «нового времени» не мог служить источником искомой определенности, американский неоконсерватизм опасно граничил с «реалистской» фиксацией на Большой Истории и ее могущественных действующих лицах.

«Новые философы» сознательно позиционировали себя в качестве европейских партнеров американских неоконсерваторов; они с готовностью опирались на американское могущество, но для решения политических задач ссылались на уроки европейской истории, главным из которых для них был тоталитаризм. При их трактовке тоталитаризма, однако, не могло быть и речи о следовании Хабермасу в той части его анализа, где окончание холодной войны означало не только возможность преодоления тоталитарного прошлого, но и предвестие «возможного крушения другого режима, анонимно утверждаемого на мировом рынке... и, похоже, уже не способного контролировать растущую безработицу и бездомность, не говоря уже о растущем неравенстве между богатыми странами и остальным миром». Как заметил Алан Бадью, позиция «новых философов» в

принципе исключала возможность «объединить людей вокруг позитивной идеи Добра», ибо этический консенсус, основанный на априорном определении Зла, подразумевает, что «любой коллективный революционный проект... оборачивается тоталитарным кошмаром»³⁷.

Но в случае Эстонии все эти теоретические издержки с лихвой окупались практической выгодой «политики мелкоты». Стоило попытаться заново выстроить вокруг нее утраченный международный консенсус, чтобы вновь использовать его в качестве эффективного внешнеполитического инструмента против интересов тех, кто, по словам Луйка, «утверждает, что мы разрушаем консенсус, создавая свою параллельную вселенную». Причем речь в данном случае не только об отношении к тоталитаризму. В структуре мирового порядка малые государства, вся эта «мелкота», почти всегда находились в параллельной вселенной, за рамками Большой Истории, творимой великими державами. При этом нет никакого сомнения в том, что среди тех, кто сегодня практикует антитоталитаристскую версию исторической политики, немало желающих просто свести счеты с конкретными державами, прежде всего с Россией, или использовать антитоталитаризм в качестве внешнеполитического инструмента, который может обеспечить поддержку со стороны других великих держав, прежде всего США. Их выступления слышатся чаще и звучат громче. В том числе и в Эстонии. Однако в мою задачу входило обратить внимание на гораздо более серьезный и при этом гораздо менее заметный со стороны элемент эстонского интеллектуального дискурса, в котором историческая политика является инструментом политической борьбы за место в истории как таковое.

Постисторическая политика

Своеобразным подтверждением того, что в основе исторической политики в Эстонии лежала именно борьба за место в истории, разворачивавшаяся в контексте политики междуна-

родной, могут служить два заявления, сделанные уже после того, как сама историческая политика отошла на второй план. Поводом для этого, скорее всего, послужили три события: «перезагрузка» в российско-американских отношениях, мировой финансовый кризис и череда событий в российско-польских отношениях, связанных с трансформацией российской позиции в вопросе о Катыни.

Уже в 2010 г., характеризуя состояние российско-эстонских отношений, член парламентской комиссии по международным делам Марко Михкельсон назвал в числе раздражителей и российскую «кампанию по борьбе с искажениями истории». При этом главной целью этой борьбы применительно к Эстонии является, по оценке Михкельсона, «умаление нашей национальной идентичности»³⁸. Однако, как явствует из речи президента Ильвеса, произнесенной им в том же году по случаю восстановления независимости Эстонии, отстаивать свое равноправие государству приходилось не только в отношениях с Россией: «Для того чтобы увековечить свою независимость, мы 20 лет боролись. Мы исполняли критерии и требования, проводили реформы и выполняли домашние задания. Эстония была учеником, поступившим в школу, то есть в Европу, когда у других занятия уже шли полным ходом по давно утвержденной программе». На западном направлении борьбы за равное место в истории исторические аргументы уступили место экономическим — приоритетной задачей стало присоединение к единой европейской валюте; но, что характерно, ради достижения все той же цели: «После перехода на евро мы сами будем определять дальнейшие ориентиры»³⁹. Как того и хотели «наши предки в девятнадцатом веке», осознавшие, что «эстонцы — равные среди других народов»⁴⁰.

Теперь, избавленная от отсылок к «тоталитаризму» и «геноциду», тема «равенства среди других народов» утрачивает специфическую риторическую окраску и эмоциональную нагрузку, характерную для эстонской исторической политики предыдущего десятилетия, и становится привычным «историческим» элементом национального дискурса.

Примечания

¹ Так, по оценке Марии Мялксоо, например, главным в исторической политике Балтийских стран и Польши являлось их самоопределение в качестве европейских государств. См.: *Mäklsoo M.* The Politics of Becoming European: A Study of Polish and Baltic Post-Cold War Security Imaginaries. L.; N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Ltd, 2009).

² Собственно, сама по себе интерпретация вновь обретенной в результате распада СССР фактической независимости как «восстановленной» (отсюда термин «реституция», то есть восстановление эстонской государственности) стала результатом напряженной политической борьбы и исторической рефлексии. Если в общении с остальным миром Эстония выступала более или менее единым фронтом, внутри добивавшейся независимости республики вопрос о том, какую именно историю следовало вернуть народу, являлся ключевым вопросом «поющей революции».

³ О том, как система международных отношений и политические системы вообще структурируются посредством вынесения за их рамки определенных элементов, будь то «народы без истории», «государства-изгои», «апатриды» или «люмпен-пролетариат», см., например: *Simpson G.* Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereignities in the International Order. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004; *Laclau E.* On Populist Reason. L.: Verso, 2005.

⁴ *Капов Е.* Российский историк надеется на дискуссию с эстонскими коллегами // DELFI (Таллин). 2009. 28 марта.

⁵ *Трошклина Р.* Обратный код: разговор с врагом народа // Суббота (Рига). 2009. 14 мая.

⁶ *Tarand K.* Eesti keel on venelastele parim // Eesti Pidevaleht. 2004. Apr. 24.

⁷ См.: *Raik K.* Bureaucratisation or strengthening of the political? Estonian institutions and integration

into the European Union // *Cooperation and Conflict*. Vol. 37. No 2. 2002. P. 137—156; *Idem.* EU Accession of Central and Eastern European Countries: Democracy and Integration as Conflicting Logics // *East European Politics and Societies*. Vol. 18. No 4. 2004. P. 567—594.

⁸ Термин предложен Энтони Гидденсом. См.: *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. N. Y.: Polity Press, 1991.

⁹ Так, например, в определенном социальном контексте подвергающаяся домашнему насилию женщина может рассматривать постоянные побои как меньшее зло по сравнению со статусом «брошенной жены».

¹⁰ *Mitzen J.* Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // *European Journal of International Relations*. Vol. 12. No 3. 2006. P. 341—370.

¹¹ *Schimmelfennig F.* The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action, and the Eastern Enlargement of the European Union // *International Organization*. Vol. 55. No 1. 2001. P. 47—80. Под «идентичностью» в данном контексте понимается та социальная роль, которая отводится субъекту в рамках мирового порядка. После окончания холодной войны идентичность западных держав формулировалась, главным образом, вокруг либеральных ценностей, к которым и апеллировали малые государства Центральной и Восточной Европы, пытаясь убедить своих западных партнеров во второстепенности, а то и этической неприемлемости таких традиционных интересов, как защита внутренних рынков от наплыва дешевой рабочей силы с Востока или сохранение партнерских отношений с Россией ценой ограничения процесса расширения НАТО.

¹² Наиболее ярким выражением этого конфликта стало заявление так называемой «вильнюсской десятки» новых членов НАТО с поддержкой интервенции в Ираке, появившееся в то время, когда Франция и Германия активно противостояли идее интервенции в ООН.

¹³ *Ilves T. H.* Taassõnni ajalooline valu // Eesti Pidevaleht. 2003. Jul. 17. Письмо Дерриды и Хабермаса, достаточно неожиданное в свете давних философских разногласий между ними, было одновременно опубликовано во Франции и Германии. Суть его заключалась в том, что отдельные методы «продвижения демократии» являют собою угрозу демократии. См.: *Derrida J., Habermas J.* Unsere Erneuerung. Nach dem Krieg: Die Wiedergeburt Europas // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2003. Mai 31; *Idem.* Europe: plaidoyer pour une politique extérieure commune // *Libération*. 2003. Mai 31.

¹⁴ См.: “We Want to Re-Write History”: Interview with Estonian President Toomas Hendrik Ilves // *Spiegel Online*. 2007. Jun. 26.

¹⁵ *Glucksmann A.* Ouest contre ouest. P.: Plon, 2003.

¹⁶ На уровне собственно истории полемика продолжалась гораздо дольше. Одним из самых интересных ее документов является переписка Франсуа Фуре и Эрнста Нольте, опять же несущая на себе воспользоваться выражением Нольте, отпечаток «западной гражданской войны». См.: *Furet F., Nolte E.* Fascisme et Communisme: échange épistolaire avec l'historien allemand Ernst Nolte prolongeant la Historikerstreit. P.: Plon, 1998.

¹⁷ Спорные поправки, рекомендованные международными организациями, были призваны изменить законодательство, которое ограни-

чивало использование иностранных языков (к числу которых относился и русский) не только в государственных учреждениях, но и в частном бизнесе, например. Кроме того, существовал ряд специфических языковых ограничений на участие в муниципальных выборах.

¹⁸ См.: *Brüggemann K., Kasekamp A.* The Politics of History and the «War of Monuments» in Estonia // *Nationalities Papers*. Vol. 36. No 3. 2008. P. 425—448.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Астров А.* Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика? Таллин: Издательство Таллинского университета, 2007.

²⁰ *Soosaar E.* Muulaste lõimumise rajad // *Postimees*. 2007. Oct. 22.

²¹ *Luike J.* Meie kohustus // *Diplomaatia*. No 54. Febr. 2008.

²² *Le Livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression / S. Courtois* (ed.). P.: Robert Laffont, 2000. Главное разногласие связано с тем, следует ли считать вслед за некоторыми авторами сборника, что преступления коммунизма — явление того же порядка, что и преступления нацизма. На эту тему на Западе уже много лет идет интенсивная полемика.

²³ Тут следует отметить, что эстонская политическая элита весьма настороженно отнеслась к выдвижению Обамы на авансцену американской политики. В ходе президентской гонки большинство эстонских политиков не скрывали, что предпочли бы видеть в Белом доме Маккейна. Ни одна из эстонских газет не уделила сколько-нибудь серьезного внимания предвыборной речи Обамы в Берлине или — уже после избрания его президентом — выступлениям в Каире и Москве. Зато действующий при Министерстве обороны Эстонии Центр стратегических исследований стал одним из организаторов письма бывших центрально- и восточноевропейских политиков, выражавшего озабоченность возможным ослаблением роли НАТО в регионе и трансатлантических связей вообще. См.: *The New York Times*. 2009. Jul. 20.

²⁴ См.: *Berman P.* Power and the Idealists: Or, the Passion of Joschka Fischer, and Its Aftermath. N.Y.: W.W. Norton, 2007.

²⁵ *Glucksmann A.* Mohammed und die Gaskammern // *Die Welt*. 2006. März 6.

²⁶ *Berman P.* Power and the Idealists. P. 84.

²⁷ *Glucksmann A.* Das Land der Europa-Nihilisten // *Die Welt*. 2005. Jun. 1.

²⁸ *Herkel A., Laar M.* Russland ausschließen! // *Die Welt*. 2008. Sept. 14.

²⁹ *Glucksmann A.* Beslän, la moral y la política // *El País*. 2009. Jun. 15.

³⁰ *Ilves T. H.* Kes me oleme? Kus me oleme?: Rahvuslik identiteet ja vaimne geograafia // *Akadeemia*. No 6. 2009. P. 1067—1074.

³¹ Мысль о демократии как части эсхатологического по сути исторического процесса наиболее отчетливо звучит в наделавшей немало шума другой речи Ильвеса, произнесенной им на форуме угро-финских народов в Ханты-Мансийске. За неимением места, отмечу лишь, что речь в Турку почти дословно повторяет некоторые основные мотивы того выступления.

³² *Henkel H.* «The Journalists of Jyllands-Posten Are a Bunch of Reactionary Provocateurs»: The Danish Cartoon Controversy and the Self-image of Europe // *Radical Philosophy*. Iss. 137. May/June 2006.

³³ *Ibid.*.

³⁴ *Kelam T.* An EU *Realpolitik* to Unravel the Riddle of Unruly Russia // *Europe's World*. No 11. Spring 2009.

³⁵ *Ilves T. H.* Kuni me ise ei kirjuta, peame tõlkima // *Sirp*. 2007. Jan. 26.

³⁶ *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. N.Y.: Knopf, 2008.

³⁷ *Badiou A.* L'éthique: Essai sur la conscience du Mal. P.: Nous, 2003. Один из крупнейших современных философов, Бадью, был хорошо лично знаком с Глюксманом и Леви во времена их тогда еще совместного маонистского активизма.

³⁸ Михельсон: отношениям с Россией мешает отсутствие доверия // *DELFI*. 2010. 28 нояб.

³⁹ *Vabariigi President Eesti riikliku iseseisvuse taastamise aastapäeva vastuvõtul Kadriorus* (<http://president.ee/et/ametitegevus/koned/2565-vabariigi-president-est-riikliku-iseseisvuse-taastamise-aastapaeava-vastuvotul-kadriorus/index.html>).

⁴⁰ *Vabariigi President Eesti Vabariigi 92. aastapäeval Tartus, Vanemuises* (<http://president.ee/et/ametitegevus/koned/2547-vabariigi-president-est-riikliku-iseseisvuse-taastamise-aastapaeava-vastuvotul-kadriorus/index.html>).

*Посткоммунистические
страны вне ЕС*

«Национализация» истории в Украине¹

Процесс «национализации» истории/историографии в Украине в конце 1980-х — начале 1990-х развивался с событийной точки зрения по сценарию в принципе достаточно сходному с такими же процессами в других постсоветских республиках². Первоначально в фокусе внимания историков оказались «белые пятна» истории, которые в основном обнаруживались в советском периоде. Ревизия советской версии истории этого периода стала одновременно основой его отрицания. Разумеется, речь шла о преступлениях сталинизма, репрессированных или запрещенных персоналиях, национальных трагедиях.

Именно отношение к советскому (коммунистическому) историческому наследию стало отправной точкой для пересмотра всей остальной истории. «Советский», моноидеологичный вариант советской истории не оставлял места для иных версий относительно недавнего прошлого, поэтому его ревизия неизбежно вела к поиску альтернатив. Конструирование «более полной» версии советской истории (без «белых пятен») неизбежно вело к выстраиванию новой, «более полной» схемы «своей» истории в целом. Логика создания цельной версии национальной истории подталкивала к расширению ревизии, выходу за рамки критики собственно советского периода, уходу в «глубь веков». Практически речь шла о замещении «советского» варианта истории «национальным», о воссоздании национального мастер-нарратива и вытеснении советского.

Реверсивная история развивалась согласно собственной нехитрой логике: после выборочного пересмотра советского периода (в стиле Нюрнбергского трибунала) обратились к опыту национальной государственности периода после окончания Первой мировой войны. В Украине главными адресатами стали история Центральной Рады и Украинской Народной Республики (УНР), Западно-Украинской Народной республики и Гетманской державы (1918—1920 гг.)

Как и в случае с обращением к периоду сталинизма, мотивы целиком укладывались в схему «инструментализации истории»: политическая подоплека обращения к истории кратковременной национальной государственности была очевидной. Была даже предпринята попытка установить символическую связь между современной государственностью и упомянутыми историческими эпизодами. В Украине первый президент Леонид Кравчук, ранее сделавший весьма удачную карьеру в коммунистическом истеблишменте, в 1993 г. принял от представителя «правительства Украинской Народной Республики в изгнании» и по совместительству главы Организации украинских националистов (мельниковцев) Микола Плавьюка сохраненные с 1920-х гг. символы государственности. Некоторые историки даже заговорили о преемственности УНР и современного украинского государства. В Украине была легитимирована государственная символика, использовавшаяся в 1918—1920 гг.³

Далее предметом особого внимания историков — творцов национальной мифологии — стал период позднего средневековья и раннемодерной истории, представлявший исключительные возможности для формирования образа «исторической» нации со своим «золотым веком». «Золотым веком» украинской истории стала казацкая эпоха, включительно с Гетманщиной. Поход под лозунгом «Вперед — в прошлое!» вполне естественным для рефлексивной истории образом продолжился обращением к теме раннефеодальной государственности и этногенеза, с уходом в древнюю, долетописную историю. В Украине

в качестве образца ранней государственности «национализировали» Киевскую Русь. От нее пошли в глубь веков и добрались до ранних племенных форм общественной организации на «своих» территориях, представляемых как место автохтонного присутствия на протяжении столетий и тысячелетий. Результатом стало формирование «полной» или «полноценной» схемы национальной истории — тянущейся из глубины веков до «торжества исторической справедливости» — создания независимого государства⁵.

В самых общих, так сказать, «родовых» чертах базовый современный нарратив «национализированной» истории сложился (а точнее, был возрожден) в Украине в первой половине 1990-х гг. Он неизбежно вписывался в рамки телеологической конструкции, в которой целесообразность «своей», «национализированной» истории состоит в появлении «своей», уникальной нации и соответствующего государства. История представлена как онтологически предопределенное движение к некой высшей цели — возникновению национального государства, которое является высшей формой жизнедеятельности нации. Цель (или следствие) прямо или имплицитно отождествляется с причиной, в результате сама собой появляется идея естественности, природности, органичности нации и национального государства. Последние не могут не возникнуть, посему задача историка — обосновать не факт их присутствия в общей истории человечества, а правильно объяснить факт их отсутствия в определенные периоды этой истории. Соответственно, «родовой» чертой «национализированной» истории является детерминизм (в любых его ипостасях — от экономического до культурного).

Это порождает соответствующую познавательную стратегию, в которой нация признается неким трансцендентным явлением, существующим вне усилий историков. Задача историографии сводится к тому, чтобы адекватно описать эту историю, правильно идентифицировать сущность нации, выявить присущие ей свойства или найти подтверждение этим

свойствам, опираясь на теоретический инструментарий и факты. Такой подход естественным путем обосновывает (а уже потом объясняет) историческую *необходимость* и неизбежность существования нации, сущностные свойства которой идентифицированы в «исторической реальности», а еще лучше — в «исторической правде». Возможно, поэтому категории идеологических и политических практик в «национализированной» истории/историографии довольно легко получают статус научно-аналитических. В таком качестве они возвращаются в идеологический обиход и в свою очередь своей «научностью» легитимируют политический язык. Идеальным примером может служить категория «национальное возрождение», равно интенсивно используемая как в идеологическом, так и в научном языковых пространствах.

Телеология и эссенциализм наиболее выразительно осуществляются в этноцентричности канона. Главным субъектом истории является народ (украинский), который отождествляется с одним или группой генетически родственных этносов и субэтносов. Содержание «национализированной» истории в научном варианте — превращение этого народа (этносов) в нацию. В таком способе пояснения и объяснения неизбежным будет отождествление понятий «народ» и «нация».

С этим будет неразрывно связан еще один важный компонент канона — культурная эксклюзивность, которая варьируется от игнорирования других этносов и наций в общем пространстве и времени и отрицания наличия целой системы взаимных влияний и взаимодействий с Другим до признания факта присутствия Другого прежде всего как фона собственной национальной исключительности или самобытности. Тут присутствуют разные оттенки — Другой может служить позитивным или нейтральным фоном, он может присутствовать как в границах «своей» территории, так и вне их. Разумеется, кто-то из числа Других обязательно будет играть роль врага, мешающего объективному ходу истории — нормальному развитию «своей» нации.

Все перечисленные базовые черты метода «национализированной» истории/историографии реализуются в таких профессионально обусловленных признаках канона, как линейность и абсолютизация континуитета в истории «этноса — народа — нации». Наиболее показательный пример — схема «перетекания» национальной истории. В украинском варианте эта схема реализуется следующим образом: присутствие автохтонных племен и племенных образований (конечно же еще трипольской культуры) на современной территории Украины в первом тысячелетии до и первом тысячелетии нашей эры, начала государственности, ее развитие и этническая консолидация времен Киевской Руси, передача эстафеты Галицко-Волынскому княжеству, «польско-литовская эпоха» с присутствием этноконфессиональной и культурной «отдельности», казацкая эпоха и государственность (уже называемая национальной), Гетманщина с ее пусть ограниченной, но автономией, упадок Гетманщины и «компенсационное» присутствие культурного/территориального патриотизма, затем «национальное возрождение» с апогеем в революции 1917—1921 гг. (национальной, украинской) и украинской государственностью в разных ее формах этого же периода. Затем схема раздваивается — для одних советская государственность является «провалом», «черным пятном» в национальном бытии, для других — вполне легальной частью национальной истории. Для первых «разрыв» компенсируется наличием национально-освободительного движения (сюда попадают любые формы сопротивления «чужим» режимам — от культурной фронды до партизанского движения). Для вторых разрыва не существует. И наконец, 1991 г. становится венцом «тысячелетней истории». Собственно тут «историческая» нация окончательно превращается в полноправного субъекта истории. Разрывы в государственной истории компенсируются идеей культурной и народной традиции, носителем континуитета, разумеется, выступает автохтонный украинский этнос/народ⁶.

Представленные здесь «родовые» черты канона «национализированной» истории/историографии вполне вписываются

в стандартную европейскую схему национальной истории, сложившуюся во второй половине XIX в. и вполне успешно дожившую до наших дней на страницах школьных учебников многих европейских стран. Парадоксально, однако, что в некотором смысле возвращение к канону «национализированной» истории обеспечивало и своего рода возвращение в «Европу», *только Европу довоенную...*

Следует заметить, что эти черты определяют интерпретационную и познавательную направленность «национализированной» историографии не только в самоопределении национального коллективного «Я», но и в процессе сопоставления этого «Я» с Другим. Это само собой накладывает отпечаток на выяснение положения и миссии своей нации между «Востоком» и «Западом». Здесь проблема решается в рамках телеологических и эссенциалистских конструкций и монохромного видения своей нации, ведущих именно к оппозициям, конфронтациям, полярным противопоставлениям и методу исключения.

Не менее важным обстоятельством является и то, что интеллектуальная герметичность «национализированной» историографии в сочетании с методологическим вакуумом, возникшим после того, как советский вариант марксистской методологии истории был интеллектуально и морально дискредитирован, спровоцировали поиск более разнообразных интерпретационных и познавательных моделей.

Практически с конца 1980-х «национальная» (или национализированная) версия отечественной истории заняла доминирующее положение в общественном дискурсе, подмяв под себя «советскую» модель, которой держалась правящая партия⁷, а в начале 1990-х она фактически стала неотъемлемой частью официальной модели украинской истории и даже элементом государственной «нациоформирующей» идеологии. Она стала центральной в историческом образовании и в научных разработках, она пользовалась моральной и материальной поддержкой государства и государственной бюрократии.

Во время одного из официальных мероприятий 1993 г. президент Украины Кравчук высказал сожаление по поводу того, что у «украинского народа нет своей истории». В ответ в Национальной академии наук Украины немедленно появился проект создания 15-томной истории украинского народа. Концептуальная суть проекта была изложена в отдельной брошюре сотрудника Института истории Украины Национальной академии наук Украины Рема Симоненко: «восстановление в правах именно национальной истории, восстановление ее как прошлого украинского этноса на собственной автохтонной территории. Речь идет об украинской истории как самобытном непрерывном процессе, главным объектом которого является украинский народ — от самых его первоисточников и до современной суверенной государственности»⁸. В том же году состоялась довольно курьезная попытка введения в высших учебных заведениях курса украинской политологии, или «научного национализма»⁹, вызвавшая критическую реакцию части научного сообщества.

Политические и общественные группы, отстаивающие «советскую» версию украинской истории (коммунисты, ветераны Советской армии, часть региональной государственной бюрократии), с начала 1990-х утратили влияние на «политику истории» и образовательную политику, что не мешало им весьма активно противостоять «национализации» истории в публичном дискурсе, но не в реальной политике.

Заметим, что в 1990-е обращение к истории в государственной политике было скорее данью конкретной политической конъюнктуре. С одной стороны, инсталляция канонической версии национализированной истории в учебные курсы школ и вузов должна была обеспечить процесс гражданского воспитания новых граждан новой страны. С другой — обращение высших институтов государственной власти к историческим символам и коммеморативным практикам осуществлялось достаточно формально — ровно настолько, насколько этого требовал момент. При этом носители высшей государственной

власти (прежде всего президентской) всячески избегали радикальных заявлений, за исключением тех случаев, когда обращение к истории было необходимо или для собственной легитимации (например, опровержения тезиса о том, что нынешняя власть в лице ее носителей является правопреемницей преступной коммунистической номенклатуры), или для идеологической дискредитации политических оппонентов (в данном случае коммунистов, назначенных на роль «официальной оппозиции»).

Исторические дебаты не имели большого общественного резонанса как в силу отсутствия системной политики истории¹⁰, так и в силу других, более насущных проблем (масштабного социально-экономического кризиса).

Нельзя сказать, что возвращение канонической схемы национализированной истории в общественно-политические и познавательные практики прошло совсем без проблем — уже в первой половине 1990-х развернулась дискуссия между теми украинскими историками, кто отстаивал «классику» национальной истории, и теми, кого не устраивали ее познавательные и пояснительные каноны¹¹. В 1995 г. американский историк Марк фон Хаген своей весьма провокативной статьей «Имеет ли Украина историю?»¹² впервые четко обозначил основные акценты для критики «национализированной» историографии. В дальнейшем предложенный им сценарий был реализован украинскими историками, даже теми, кто его статью не читал. К концу 1990-х в Украине уже сложилось небольшое, но достаточно стабильное сообщество историков, способных осуществить как ревизию доминирующей схемы национальной истории, так и альтернативные интерпретации¹³. Оно «воссоединилось» с западными коллегами, усматривавшими в украинской истории гораздо более широкие возможности как для теоретических обобщений, так и для разработок конкретных сюжетов¹⁴.

В украинском случае в 1990-е произошло некое «разделение труда»: сторонники базового канона «национализирован-

ной истории» (представляющие физическое большинство) прочно обосновались в сфере исторической политики, аффирмативной и дидактической истории, их оппоненты сосредоточились в сфере аналитической историографии¹⁵.

До начала 2000-х дискуссии между ними происходили в параллельных интеллектуальных пространствах, где каждый успешно осваивал свое, очень редко переходя пределы нейтральной зоны, однако с середины первого десятилетия 2000-х наблюдается активизация открытого интеллектуального противостояния между ними: как в сфере академических дискуссий, так и в сфере исторической политики¹⁶. Скорее всего, это вызвано двумя главными обстоятельствами. Во-первых, значительно расширились интеллектуальные горизонты самих украинских историков, как тех, кто уже в 1990-е пытался выйти за рамки базового дискурса «национализированной» истории, так и нового поколения исследователей, интеллектуально сформировавшихся в конце 1990-х — начале 2000-х — под влиянием уже упомянутых «старших» коллег и через разнообразные программы обмена с западными университетами.

Во-вторых, в 2005—2010 гг. значительно активизировалась государственная историческая политика, основанная именно на базовом каноне «национализированной» истории. Отчасти это было связано с личностью президента Виктора Ющенко и присутствием в его окружении идеологически активной части украинской диаспоры и радикально настроенных представителей национал-демократической интеллигенции, недовольных положением титульной нации и обеспечением ее культурных прав в независимой Украине. И сам президент, и упомянутая часть его окружения были уверены в том, что отсутствие национально ориентированной системной гуманитарной политики является источником морального упадка украинского общества и отсутствия морального и политического единства. Активное обращение к проблемам культуры вообще, а истории в частности было продиктовано желанием организовать моральное и политическое давление на поли-

тических оппонентов — вряд ли можно считать случайностью активную апелляцию к проблемам исторической памяти и активизацию общественных дискуссий по этим вопросам именно в моменты обострения внутривосточного кризиса.

Фактически с середины 2005 г. наблюдались все более системные¹⁷ и целенаправленные (но далеко не всегда продуманные) действия президентской власти в области политики истории и памяти. Как уже упоминалось, в основу была положена стратегия¹⁸ этносимволизма, характерная для стандартного культурнического национализма и романтизма так называемых «неисторических» (не имевших государственности) народов образца XIX в. Здесь главным элементом было воссоздание или усиление мифа об исключительности исторического пути своей нации с особым упором на ее героизм и страдания. Для этого были выбраны два наиболее знаковых исторических явления — Украинская повстанческая армия (УПА) как пример героических страниц истории, и *Голодомор*¹⁹ — как пример исключительной по масштабам национальной трагедии. Поскольку оба явления преподносились в крайне эксклюзивной форме — как предмет исключительно украинской этнической истории (УПА — борьба украинцев за независимость, *Голодомор* — как геноцид против украинской нации/народа)²⁰, они вызвали не только довольно острые общественные и политические дискуссии, которые вышли на уровень международных и межгосударственных отношений, но и активные контрдействия оппонентов²¹.

Если в 1990-е в дискуссиях и спровоцированных ими общественных и политических акциях главным оппонентом власти были левые, то в 2000-е политическая и социальная база оппонентов исторической политики расширилась. К коммунистам, которые традиционно противостояли «национализации» истории, и их сторонникам из числа советско-ностальгической части общества присоединились политические силы, представляющие восток и юго-восток страны.

В 2006—2010 гг. в ходе острого политического противостояния, вызванного переделом власти между президентом и его

сторонниками в парламенте, с одной стороны, и партией крупного капитала (Партия регионов), представляющей упомянутые выше регионы, — с другой, вопросы исторической политики вполне ожидаемо оказались в числе наиболее актуальных. Политизация истории достигла уровня, сравнимого с периодом конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда дискуссии по вопросам пересмотра истории напрямую увязывались с борьбой за власть. При этом обе стороны использовали спорные вопросы истории для политической и моральной дискредитации оппонентов и для давления на них по проблемам, весьма далеким от истории, но вполне ощутимо связанным с дележом власти.

В 2005 г., в связи с «круглой» годовщиной окончания Второй мировой войны, разгорелась дискуссия, связанная с оценкой этого периода украинской истории в учебниках. Дискуссия, начатая организациями ветеранов Великой Отечественной войны, была подхвачена некоторыми «говорящими головами» Партии регионов, выступавшими, как и ветераны, против неадекватного, по их мнению, освещения роли Организации украинских националистов — Украинской повстанческой армии (ОУН — УПА) в учебниках и против замещения «Великой Отечественной войны» более широким понятием «Вторая мировая». Советско-ностальгическую часть общества раздражала и смена концепции воюющих сторон — в официальной версии истории Второй мировой Украина представала как жертва схватки двух тоталитарных режимов. И если для ветеранов это в какой-то мере был вопрос морального приоритета и невозможности преодоления идеологических стереотипов, то для левых партий, прежде всего Коммунистической партии Украины (КПУ), и их союзников из Партии регионов речь шла о презентации действующей власти (президентской и правительства) как националистов, перекраивающих историю и разделяющих страну.

Дискуссии не ограничились традиционными воззваниями и требованиями к власти поменять «неправильные» учебники

на «правильные» — дошло и до физических столкновений на центральных площадях столицы страны²². В том же 2005 г. вспыхнул скандал, связанный с публикацией нового учебника по истории Украины для 5-го класса, — в одном из учебников, допущенных Министерством образования и науки к использованию в школах, был раздел, посвященный «оранжевой революции», выдержанный в самых апологетических тонах.

В последующие годы тенденция к усилению противостояния по вопросам политики истории, противостояния, которое стало частью более широкой политической борьбы, заметно усилилась.

Проиллюстрировать эту тенденцию можно на примере *Голодомора*, который усилиями власти превратился в специфическую форму культурной реальности, в значимый символ национальной исторической мифологии и в то же время в предмет крайне противоречивых политических спекуляций и жарких общественных дискуссий.

Президент Ющенко предпринял ряд шагов, нарушивших негласный и довольно шаткий консенсус в этой сфере, сложившийся во времена Кучмы. По его инициативе развернулась беспрецедентная идеологическая и политическая кампания по превращению голода 1932—1933 гг. в центральный мобилизующий символ национальной украинской истории — символ крупнейшей гуманитарной катастрофы XX в., превосходящей своими масштабами Холокост и другие примеры геноцида.

Перечислим основные составляющие этой кампании.

Во-первых, создание национальной Книги памяти. Во всех областях Украины, пострадавших от голода, под эгидой областных и районных государственных администраций были созданы координационные группы по сбору сведений о пострадавших и умерших от голода 1932—1933 гг. Эти своего рода штабы координировали деятельность сотен местных групп, выполнявших сбор сведений на местах — прежде всего в селах. В местные группы входили учителя, студенты, ученики школ, библиотекари, музейные работники, краеведы, заведующие

клубами и т.д. Сбор сведений для Книги памяти нередко превращался в кампанейщину и погоню за цифрами, что вызывало недовольство даже у той части общественности, которая лояльно относилась к идее превращения *Голодомора* в знаковый национальный символ. В марте 2008 г. на «круглом столе» в Днепропетровске, посвященном голоду 1932—1933 гг., студенты и молодые преподаватели жаловались на то, что работа по увековечению памяти погибших превращается в кампанейщину²³. Декан исторического факультета Харьковского национального университета Сергей Посохов, присутствовавший на совещании Ющенко с губернаторами в Харькове, посвященном подготовке к 75-летней годовщине трагедии, был потрясен поведением президента, устроившего «разнос» губернаторам, подававшим недостаточные результаты по сбору фамилий в Книгу памяти. Точно так же, по мнению историка, в погоне за цифрами был организован сам голод²⁴. Жутковатая «погоня за цифрами» наиболее ярко проявилась в действиях самого президента Ющенко, который игнорировал подсчеты демографов, историков и социологов, во всех своих публичных выступлениях называя цифру 7—10 млн жертв голода 1932—1933 гг. в Украине²⁵.

Во-вторых, проведение массовых коммеморативных акций («Зажги свечу», «Негасимая свеча» и т.п.²⁶), проведение траурных митингов и концертов, организация конкурсов изобразительных и литературных работ, конкурсов ученических сочинений, возложение венков, колосков и снопов пшеницы или ржи, проведение уроков памяти в школах; создание мест памяти (выставок в музеях, школах и библиотеках, установка крестов, памятных знаков и курганов скорби, посадка калиновых гаев²⁷, создание мемориальных комплексов). Подобные акции происходили и раньше, в основном как инициатива «снизу», некоторые из них поддерживались властью, однако именно при Ющенко они приобрели общенациональный характер, получили полномасштабную поддержку государственных структур, прежде всего президентской вер-

тикали (губернаторы, городские и районные государственные администрации).

В-третьих, юридическая легитимация *Голодомора* путем принятия законов, характеризующих его как геноцид и запрещающих какие-либо другие публичные толкования этой трагедии²⁸, или же через проведение официального следствия и вынесение судебных решений. В мае 2009 г. Служба безопасности Украины (СБУ) даже открыла уголовное дело по «факту деяния геноцида 1932—1933 гг.», следственные группы работали в Киеве и 17 областях Украины, по заявлениям тогдашнего руководства СБУ, было собрано 200 томов. В начале 2010 г. дело было передано в Киевский апелляционный суд, который рассматривал его ровно один день, после чего «признал факт геноцида», назвал виновных (всю партийно-советскую верхушку УССР и СССР) и закрыл дело, поскольку обвиняемые были уже мертвы.

В-четвертых, поощрение публикаций научных исследований по тематике голода 1932—1933 гг. через систему государственных грантов издательствам. Поскольку в данном случае исследователи обслуживали специфический государственный заказ, все публикации в лучшем случае расширяли фактографическую базу темы, в худшем — служили «научным» обоснованием идеологических лозунгов.

Наконец, кампания признания голода 1932—1933 гг. на международном уровне — парламентами других стран и международными организациями. Здесь усилия президента вызвали наибольший международный резонанс темы голода 1932—1933 гг. — с одной стороны, мир действительно узнал о трагедии, с другой — способ продвижения «геноцидной» версии голода нередко вызывал недоумение и неприятие мыслящей аудитории и резкое противодействие стран с конкурирующими проектами «исторической правды».

Ющенко лично возглавил международный комитет по организации чествования 75-й годовщины голода 1932—1933 гг., в который вошли представители крупнейших общественных

организаций украинской диаспоры (обычно подобные органы возглавлял вице-премьер-министр правительства по гуманитарным вопросам). Под его патронатом развернулась международная кампания «Украина помнит, мир признаёт». Практически во всех своих «бенефисных» выступлениях 2005 г. на международном уровне (Конгресс США, Европарламент и т.п.) он обязательно упоминал голод 1932—1933 гг., а в 2006—2008 гг., встречаясь с руководителями наиболее влиятельных международных организаций, обращался к ним с просьбой о содействии интернационализации знаний о голоде 1932—1933 гг.²⁹.

Действия Ющенко по «усугублению» национальной истории спровоцировали не только весьма бурную реакцию и протесты уже упомянутых политических сил, но и контрдействия со стороны российского высшего политического руководства, которое к этому времени также активизировалось в области политики истории и памяти и отстаивало свою версию истории, основанную на неоимперских амбициях и глорификации советского прошлого. Для российского высшего руководства и для большинства историков, занимавшихся этой темой, голод 1932—1933 гг. представлялся как трагедия общесоюзного масштаба, при этом национальная специфика событий этого времени в Украине отрицалась в силу очевидных причин — в этом случае появлялась конкретная жертва «Москвы» со всеми нежелательными морально-политическими последствиями для последней.

В свою очередь, глава украинского государства явно настаивал на том, что голод 1932—1933 гг. был *Голодомором* — актом геноцида, направленным против украинского народа. Обмен нотами между министерствами иностранных дел, заявления политиков в парламентах обеих стран и даже акты вандализма³⁰, совершенные при попустительстве властей, превратились в 2005—2007 гг. в рутинную процедуру. Беспрецедентными стали действия России, направленные на блокирование усилий украинской дипломатии по признанию *Голодомора* актом

геноцида против украинцев на уровне международных организаций (Европарламента, ЮНЕСКО, ООН). Пиковым моментом конфликта можно считать отказ Президента РФ Дмитрия Медведева посетить официальную церемонию, посвященную 75-й годовщине голода 1932—1933 гг. Отказ был сделан не по дипломатическим каналам, а как показательная акция — 14 ноября 2008 г. Медведев отправил Ющенко открытое послание... Стоит упомянуть и о том факте, что менее громко, но не менее эффективно против продвижения «геноцидной» версии Голодомора на уровне международных организаций выступил Израиль³¹.

Спор между российским и украинским высшим государственным руководством по поводу репрезентации *Голодомора* был не единственной конфликтной зоной, возникшей в начале 2000-х в сфере исторической политики. Не меньшие страсти вызвали действия Ющенко и его сторонников в парламенте, направленные на уравнение в правах ветеранов УПА с ветеранами Великой Отечественной войны, и сопутствующие действия власти по превращению ООН и УПА в часть позитивной национальной мифологии. Особое недовольство, сопровождаемое публичными критическими высказываниями первых лиц РФ, было спровоцировано решением Ющенко посмертно присвоить главнокомандующему УПА Роману Шухевичу звание Героя Украины³². Эта проблема поднималась Россией на самом высшем уровне, вплоть до «проталкивания» резолюции, осуждающей возвеличивание тех, кто сотрудничал с нацистами, в ООН в ноябре 2008 г.³³. Уже «под занавес» своей президентской каденции Ющенко присвоил звание Героя Украины еще одному деятелю ООН — Степану Бандере. Этот демонстративный акт вызвал протесты значительной части населения и политиков не только в Украине, но и за рубежом: его осудили президент Польши Лех Качиньский, ряд еврейских организаций Украины и мира. 25 февраля 2010 г. Европарламент принял резолюцию, в которой «выражалось сожаление» по поводу указа Ющенко и высказывалась надежда, что

новое руководство «пересмотрит эти решения и будет придерживаться своей преданности европейским ценностям»³⁴.

Стоит упомянуть и о том, что в Украине последнего пятилетия стала привычной практикой «война памятников». Достаточно вспомнить публичные страсти вокруг установки памятника Бандере³⁵ во Львове в 2006—2007 гг. (польская община Львова восприняла это как провокацию) или демонстрации национал-демократов и украинских националистов в Одессе, где в скульптурной группе, посвященной основателям Одессы, установленной в октябре 2007 г., находился центральный образ — Екатерины II³⁶. В Крыму в 2005 г. бушевали страсти по поводу установления памятника Иосифу Сталину (к 60-летию Ялтинской конференции) — дошло до открытого конфликта с меджлисом крымско-татарского народа. В Запорожье в мае 2010 г. коммунисты и организация ветеранов Советской армии установили памятник Сталину, вызвав острые политические дебаты как внутри страны, так и за рубежом. Комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг высказал «сожаление» по поводу намерения коммунистов установить монумент. Памятник был установлен на крыльце Запорожского областного комитета КПУ, местные власти запретили митинг по поводу открытия памятника, который все же состоялся под видом встречи с народным депутатом. В знак протеста представители националистической организации «Свобода» организовали шествие к городскому совету, где их забросали яйцами коммунисты. Вечером 27 декабря 2010 г. «мобильное подразделение» Всеукраинской организации «Тризуб» имени Степана Бандеры бензопилой отпилило памятнику голову³⁷. Через несколько дней облик вождя восстановили, однако в ночь на 1 января 2011 г. неизвестные взорвали памятник³⁸.

Процесс «национализации» истории в его базовых составляющих завершился в Украине к середине 1990-х гг. К этому же времени состоялось окончательное слияние дискурса «национализированной» историографии с официальным государственным идеологическим дискурсом. Сложился своего рода

негласный консенсус по поводу общей схемы национальной истории. По крайней мере, на уровне государственных институтов существовало единогласие о содержании национально-го нарратива.

В Украине высшая государственная бюрократия и политические элиты избрали стратегию³⁹ использования стандартных схем национальной истории для легитимации своего общественного, культурного и политического статуса. Поэтому «национализированная история» по мере своего формирования интегрировалась в достаточно аморфную государственную идеологию (составляя самый структурированный ее элемент), в образовательную политику и гражданское воспитание.

В каком-то смысле этот процесс происходил «самотечком» — в первой половине 1990-х у государства просто не было средств для его полноценной поддержки, однако моральная поддержка была вполне ощутимой. Именно в этот период были заложены основы стандартной схемы «отечественной истории», как на уровне научных исследований, так и на уровне образовательной системы. Базовый национальный нарратив образца XIX в. вошел в школьные и вузовские курсы по истории Украины — фактически средняя школа и частично высшие учебные заведения стали главными средствами продвижения того образа отечественной истории, который, по мысли его создателей, должен был обеспечить воспитание гражданской лояльности новых поколений. В средних общеобразовательных школах был введен предмет «История Украины» (с 4 по 10 классы, а с 2005 г. — с 5 по 12 классы), во всех высших учебных заведениях, независимо от их профиля, был введен обязательный семестровый курс «История Украины». Преподавание осуществлялось по стандартной программе, которая предполагала индоктринацию по стандартным идеологическим формам. К сожалению, учебники по истории оказались наполненными ксенофобскими мотивами — когда прямой речью, когда в контексте⁴⁰.

После «оранжевой революции» ситуация изменилась. Очевидное желание президента Ющенко активизировать нацио-

нальную составляющую украинской истории, с особым упором на те ее страницы, где не существовало устойчивого консенсуса или где его легко было нарушить, привело к стремительной актуализации тем, вызывающих крайнее раздражение в политически активной части общества. В результате вторая половина первого десятилетия XXI в. явила примеры исключительно острых общественных дискуссий по поводу прошлого, дискуссий, в которые втянулись не только граждане Украины, но и целые государства.

2010 г. ознаменовался приходом к власти оппонентов Ющенко — Партии регионов: в феврале 2010 г. президентские выборы выиграл Виктор Янукович, в течение нескольких недель после его победы в парламенте было сформировано большинство, позволяющее принимать законы и создать послушное президенту правительство. Сама Партия регионов никогда не имела четкой идеологической платформы, будучи конгломератом представителей крупного бизнеса, связанной с ним бюрократии и локальных политических элит. В ходе политической борьбы, обострившейся после «оранжевой революции», в партии определилась группа людей, пытавшихся сформировать идеологическую ориентацию этой политической силы, сделать ее более выразительной.

Основными составляющими этой идеологической платформы стали: статус русского языка в Украине и, соответственно, защита прав «русскоязычного населения», а также борьба с национализмом, прежде всего в области исторической политики. Обе составляющие были тесно связаны с политической борьбой против Ющенко и были частью острого противостояния с ним, использовались для создания отталкивающего образа украинского национализма и, соответственно, моральной и политической дискредитации Ющенко и «оранжевых». Неким побочным эффектом этой борьбы стало более выразительное присутствие идеологических мотивов в публичных акциях Партии регионов.

Во время президентской кампании зимы 2010 г. вопросы исторической политики были частью интриги — все основные

кандидаты обращались к этой теме: Виктор Ющенко, по единому мнению аналитиков не имевший никаких шансов на победу, выступал с традиционно-охранительных позиций, Юлия Тимошенко занимала похожую позицию, в то время как Виктор Янукович привычно эксплуатировал упомянутые темы: статус русского языка и «угрозу национализма».

После победы на президентских выборах 2010 г. идеологическая составляющая в деятельности Януковича и Партии регионов приобрела новый смысл. С одной стороны, нужно было встраиваться в уже созданные идеологические схемы, связанные с морально-политической легитимностью власти, претендующей на то, чтобы выступать от имени государства Украина. С другой — началась «зачистка»⁴¹ проблемных зон, порождающих напряжение в отношениях с Россией, вызывающих недовольство союзников в парламенте (коммунистов) или у советско-ностальгической части населения.

В основном используется та же тактика, как и при Ющенко⁴²: сам президент высказывается и действует достаточно нейтрально (за исключением заявления о том, что Голодомор не был геноцидом). Янукович вернулся к испытанной еще во времена Кучмы линии поведения, которая заключается в том, чтобы избегать острых идеологических тем, а при необходимости призывать к плюрализму мнений. Заметим, что, как и для технократа Кучмы, для Януковича вопросы исторической политики имеют второстепенное значение⁴³ и его подход к ним обусловлен «государственной необходимостью».

В то же время некоторые представители Партии регионов, представляющие ее «идеологический блок», например, депутат от Севастополя Вадим Колесниченко и новоназначенный министр образования и науки Дмитрий Табачник, своими действиями и заявлениями провоцировали весьма активное возмущение украинских национал-демократов и националистов, ушедших из власти в оппозицию. Роль некоего идеологического буфера была предназначена Анне Герман⁴⁴, бывшему пресс-секретарю новоиспеченного президента, которая заняла пост

заместителя главы президентской администрации. Она и стала озвучивать и комментировать все действия Януковича в «гуманитарной» сфере.

Уже через два дня после инаугурации Януковича (28 февраля 2010 г.) с официального интернет-сайта президента исчезли баннеры про Голодомор. Последовавшие за этим упреки со стороны оппозиции были недолговременными, поскольку соответствующие страницы в сокращенном виде были возобновлены⁴⁵. Следующим знаковым заявлением Януковича была его фраза о том, что единственным государственным языком в Украине может быть украинский, сказанная им во время традиционных коммеморативных мероприятий в Каневе на могиле Тараса Шевченко 9 марта 2010 г.

Некоторое время еще сохранялась интрига по поводу отмены указов Ющенко о присвоении звания Героя Украины Шухевичу и Бандере (во время предвыборной кампании Янукович обещал пересмотреть или отменить эти указы). 5 марта 2010 г. Янукович на совместной пресс-конференции с Медведевым заявил, что ко Дню Победы он «примет решение»⁴⁶. В апреле 2010 г. Донецкий окружной административный суд признал противоправным и подлежащим отмене указ Ющенко о присвоении Бандере звания Героя Украины (на том основании, что Бандера никогда не был гражданином Украины). 21 апреля та же процедура была проделана с Шухевичем. (Практически одновременно городские советы Ивано-Франковска, Львова, Тернополя и Луцка присвоили упомянутым персонажам звания почетного гражданина⁴⁷.) Вскоре после Дня Победы Янукович действительно принял решение — не то, которое от него ожидали. 14 мая 2010 г., выступая на заседании Общественного гуманитарного совета при президенте Украины, он заявил, что необходимо достичь взаимопонимания в отношении исторических фигур, которые вызывают противоречия в обществе, и высказался за «постепенность и деликатность» в решении таких вопросов⁴⁸.

27 апреля 2010 г., выступая на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге, Янукович заявил, что «при-

звать Голодомор как факт геноцида против того или иного народа будет неправильно, несправедливо»⁴⁹. Заявление было сделано за день до рассмотрения сессией доклада про голод 1932—1933 гг. и принятия резолюции, по поводу которой украинские участники сессии еще вели арьергардные бои с российскими оппонентами, добиваясь употребления термина «геноцид». Заявление Януковича устроило большинство делегаций (прежде всего российскую) и вызвало возмущение части украинских парламентариев, представлявших украинскую национал-демократическую оппозицию.

В июне 2010 г. в Киеве был возбужден иск гражданина Украины, бывшего адвоката, 68-летнего Владимира Волосяка (члена Народного Руха Украины), к Виктору Януковичу по статье «оскорбление чести и достоинства». В исковом заявлении указывалось, что Янукович, помимо указанного, нарушил Закон Украины от ноября 2006 г. «Про Голодомор 1932—1933 гг. в Украине», в котором голод 1932—1933 гг. назывался геноцидом, а публичное отрицание Голодомора как геноцида называлось противоправным⁵⁰. Районный суд Печерского района Киева отказал истцу, после чего была подана апелляция в Киевский апелляционный суд, который 8 декабря 2010 г. не удовлетворил ее. Любопытно, что этот же самый суд 13 января 2010 г. вынес решение о том, что Иосиф Сталин (Джугашвили), Вячеслав Молотов (Скрябин), Лазарь Каганович, Павел Постышев, Станислав Косиор, Влас Чубарь и Мендель Хатаевич совершили преступление геноцида, предусмотренное ч. 1 ст. 442 Уголовного кодекса Украины (геноцид) и закрыл уголовное дело 13 января 2010 г. в связи со смертью обвиняемых⁵¹.

Нежелание характеризовать Голодомор как геноцид не означало отказа от самой идеологемы. За последние двадцать лет *Голодомор* прочно укоренился как один из опорных символов украинского конституирующего исторического мифа, сложились устойчивые коммеморативные практики, связанные с ним, стереотипные представления о нем, его публичные репрезентации стали частью сконструированной «историче-

ской памяти» и официальных церемоний. Само слово «Голодомор» вошло в язык официальных документов, законодательных актов и международных отношений.

Отказ от «геноцидной» версии Голодомора был необходимым для Януковича символическим жестом, снимавшим напряжение в одном из аспектов отношений с Россией. Все остальные компоненты соответствующего исторического мифа и связанных с ним идеологических практик (и сам термин «Голодомор») остались нетронутыми. Визит к Мемориалу памяти жертв голодоморов в Украине⁵², возведенному во времена Ющенко, стал частью протокольных мероприятий для лидеров иностранных держав наряду с возложением венков к Вечному огню и памятнику Неизвестному солдату на Аллее славы (символу советских коммеморативных практик). В этом смысле символически показательным стал визит в Киев Президента РФ Дмитрия Медведева 17 мая 2010 г. — он посетил Мемориал памяти жертв голодоморов в Украине, тот самый, на открытие которого он демонстративно отказался приехать два года назад...

26 ноября 2010 г. в День памяти жертв Голодомора на сайте президента появилось обращение, в котором Янукович назвал голод 1932—1933 гг. «Армагеддоном», выступил против спекуляций вокруг количества погибших (имея в виду «погоню за цифрами») и призвал говорить «правду и только правду»⁵³. На следующий день он в компании с премьер-министром Николаем Азаровым принял участие в траурных мероприятиях у Мемориала памяти жертв голодоморов в Украине.

Политические заявления и ритуально-символические жесты Януковича сопровождаются некоторыми инфраструктурными изменениями. Наиболее значительным стало изменение статуса Института национальной памяти. При Ющенко институт фактически был наделен статусом и полномочиями органа государственной власти. В ходе административной реформы, анонсированной как «оптимизация» государственного аппарата, Институт национальной памяти был ликвидирован

указом Януковича от 9 декабря 2010 г.⁵⁴ и в этот же день создан — теперь уже как бюджетное научно-исследовательское учреждение при Кабинете министров, функции которого пока еще остаются весьма туманными.

Можно сказать, что лично Янукович фактически вернулся к «амбивалентной» политике истории, которая практиковалась во времена Кучмы. В этой политике сочетается этносимволизм (в дозах, необходимых для национальной легитимации власти) и советско-ностальгические элементы (как необходимая дань той части населения, которая подвержена соответствующим коллективным переживаниям).

В то время как сам Янукович исполняет роль президента, стоящего над схваткой и «объединяющего нацию», представители «идеократии» Партии регионов периодически будоражат общество действиями и заявлениями, которые, с одной стороны, гипотетически направлены на то, чтобы преодолеть «наследие Ющенко» и «дать отпор национализму», с другой — на то, чтобы утвердить некий собственный идеологический стандарт. В нем сочетаются советско-ностальгические элементы, воссоединительная (относительно России) риторика и довольно туманные рассуждения и лозунги относительно «внутреннего единства» в самой Украине.

Иногда действия государственных структур и некоторых знаковых фигур нового истеблишмента носят демонстративно-провокационный характер. Восьмого сентября 2010 г. в Киеве на вокзале сотрудники Службы безопасности Украины задержали директора львовского музея-мемориала «Тюрьма на Лонцкого» (бывшее здание изолятора КГБ и польской тюрьмы) Руслана Забилого — под предлогом намерения последнего передать неким третьим лицам секретные сведения. У задержанного изъяли электронные носители информации и персональный компьютер, самого Забилого допрашивали (по его словам) 14 часов, после чего отпустили.

Впоследствии СБУ открыла уголовное дело, его фигурант стал едва ли не самой популярной фигурой в лентах новостей и на политических ток-шоу, а оппозиция немедленно подняла

кампанию против «охоты на ведьм», возвращения «времен КГБ» и преследования инакомыслящих и «независимых историков»⁵⁵. Бывший директор архива СБУ Владимир Вятрович, уволенный сразу после инаугурации Януковича, даже заявил, что «дело Забилого» — это «акция Кремля», направленная на забвение УПА⁵⁶. Более умеренные версии, не высказанные, впрочем, открыто, сводились к банальной попытке переделить ответственность в центре Львова или же «зачистить» кадровый состав подведомственных СБУ учреждений (разумеется, руководство архивной службы СБУ было немедленно заменено после прихода Януковича к власти). Некоторым подтверждением этих версий может служить то обстоятельство, что Янукович как верховный арбитр вмешался в ситуацию, музей-мемориал был по его указу передан в ведение Института национальной памяти, а «дело Забилого» как-то само собой утихло.

Не менее резонансными, но более серьезными с точки зрения последствий стали действия министра образования и науки Табачника по «нормализации» школьного курса истории Украины и «нормализации» языковой ситуации в образовании. Будучи еще в оппозиции «оранжевой» власти, Табачник выступал как один из наиболее радикальных критиков исторической политики Ющенко, отличаясь весьма резкими высказываниями в адрес президента и его окружения, особенно «галичан». Назначение Табачника на пост министра образования и науки было воспринято национал-демократической интеллигенцией и оппозицией как антиукраинская акция. В западных областях Украины развернулась «АнтиТабачная кампания», депутаты от оппозиции зарегистрировали законопроект о смещении министра, называя его «украиноедом».

В апреле 2010 г. Табачник в интервью *BBC* заявил, что учебники украинской истории написаны с позиций этноцентризма, должны быть переработаны и написаны с позиций антропоцентризма, при этом непрямо ссылаясь на результаты деятельности рабочей группы историков при Институте национальной памяти⁵⁷. В июне 2010 г. он разместил на офи-

циальном сайте Партии регионов программную статью, в которой повторил тезис об «антропоцентричном подходе» к школьной истории и заявил, что «трактовка отечественной и мировой истории не может меняться со сменой президента или министра образования, не может и не должна зависеть от личных вкусов, комплексов и фобий любого должностного лица». Вслед за этим немедленно сообщив о своей собственной, вполне политически обусловленной трактовке истории Второй мировой войны и таких личностей, как Сталин, Шухевич и Бандера.

Дальнейшие действия по «пересмотру школьной истории» не имели особого резонанса, они разворачивались по законам бюрократической иерархии — некоторые авторы учебников получили негласные указания внести коррективы. С обложки одного из учебников исчезло изображение «оранжевого» Майдана. В тексте исчезла формулировка «искусственный голодомор» (сам термин «голодомор» остался), был сокращен текст про деятельность УПА, убрана фотография Шухевича, учебник завершался 2004 годом. В другом учебнике также сократился материал про УПА, там сообщалось, что армия воевала против немцев и большевиков (ни слова о поляках). По словам авторов, они получали указания по корректированию учебников в телефонном режиме из министерства: смысл их сводился к уменьшению антироссийских мотивов и сокращению материалов про УПА⁵⁸.

В августе 2010 г. оживилась другая интрига, связанная с созданием совместного украинско-российского пособия для учителей истории (решение подкомитета по гуманитарному сотрудничеству между Украиной и Россией межгосударственной комиссии от 27 октября 2010 г.). Оппозиция немедленно окрестила пособие «совместным учебником», националисты и журналисты высказывались в том духе, что Россия будет диктовать Украине, как писать историю. Сами историки отреагировали на идею весьма осторожно, хотя в состав рабочей груп-

пы по подготовке вошли некоторые весьма уважаемые историки⁵⁹.

Следует упомянуть и о более радикальных общественных акциях, которые выходят за рамки официальных презентаций истории, но фактически пользуются негласным покровительством той части Партии регионов, которая смыкается с коммунистами в вопросах идеологии. Их действия, как правило, адресуются советско-ностальгической части населения, живущей стереотипами советской пропаганды. Это, прежде всего, открытие памятников жертвам ОУН—УПА в Луганске, Ровно, Одессе, в районных центрах и селах Луганской и Сумской областей в 2010 г.⁶⁰, весьма тенденциозную передвижную выставку «Волинская резня: польские и еврейские жертвы ОУН—УПА», которая объехала Киев и крупные города востока и юга Украины. Парадоксальным образом, данная акция стала повторением действий власти времен Ющенко, выставка является копией техник и способов репрезентации прошлого, использовавшихся в передвижной выставке «Украина помнит! Голодомор 1932—1933 годов — геноцид Украинского народа».

Подводить итоги, даже промежуточные, говоря об исторической политике «эпохи Януковича», еще рано. Сама эпоха только начинается, в действиях политиков и государственных деятелей, представляющих идеологическое лицо «новой» власти, содержится еще слишком много элементов, свидетельствующих о неких постизбирательных синдромах, о стремлении к реваншу и окончательной победе, в частности на «идеологическом фронте». В то же время нельзя не заметить обычной тенденции украинских политиков, перебравшихся из оппозиции в государственную власть: они охотно принимают сложившиеся ранее политические практики, коммеморативные ритуалы, исторические мифы и символы, способствующие их легитимации как представителей власти, носителей национальной государственности. Базовый канон национализированной истории не поддается радикальной ревизии.

Между «Востоком» и «Западом»: «ориентация на местности»⁶¹

Центральным элементом процесса «опредмечивания» украинской национальной истории, превращения Украины из объекта истории в ее субъект стало определение места «своей» эмансипированной истории в системе историко-географических координат. Вполне сообразно логике процесса построения национальной истории центральным вопросом стало определение места Украины в дихотомии «Восток» — «Запад»: вопрос, на который приходилось отвечать большому количеству континентальных европейских наций — от Атлантики до Урала и Кавказа.

Процессы включения истории в формирование национальной идентичности, легитимации новых государств и их политических элит, использование истории для выработки некоей единой формы гражданского самосознания, для масштабной индоктринации и формирования лояльных граждан неизбежно предполагали выяснение образа собственного коллективного, в данном случае — национального «Я», и сопоставления его с воображаемым «Другим».

В пространственной системе координат это была идентификация места своей нации⁶² в цивилизационных системах, в самом общем плане — в рамках метафорической дихотомии «Восток» — «Запад», где под первым разумелись культурные, государственные, экономические и социально-психологические формы, связанные с культурной и экономической отсталостью, подчинением индивида коллективу и государству, деспотией и авторитаризмом; а под вторым — индивидуализм, демократия, свободный рынок, разнообразие культурных форм, идеологический плюрализм и свобода личности.

Поскольку отделение происходило как отчуждение от империй, располагавшихся как на «Западе», так и на «Востоке», неизбежным было противопоставление «отделившейся» национальной истории ранее общему пространству, сопровож-

давшееся попытками интеграции (часто понимаемой как реинтеграция) в другое общее пространство, представляемое как желанная и оптимальная альтернатива. Историческим воображаемым пространством, из которого нужно было уйти в конвенциональном, стандартном восточноевропейском национальном проекте, разумеется, представляли «Восток»/Россия⁶³, а тем, куда нужно было попасть/вернуться, был воображаемый «Запад», или «Европа».

Определение места «своей» нации в системе исторических, историко-географических, культурных и политических координат в рамках «национализированной» истории/историографии предполагало создание таких национальных мифологий, которые позволяли бы не просто «выделить» или «отделить» свою историю из/от познавательных структур, схем и нарративов, ранее представлявшимися общими, но и доказать историческую обоснованность такого выделения. Следует заметить, что главной целью, артикулируемой прямо или косвенно, однако во всех случаях весьма интенсивно, было отделение от «общерусской» истории и «воссоединение с общеевропейской»⁶⁴. Такой вектор «выхода из» и «входа в» можно достаточно основательно объяснить стандартной практикой национализма: достижение воображаемой и реальной (духовной, интеллектуальной, идеологической, культурной, политической) автономности (самостоятельности) для наций Советского Союза (или шире — «социалистического лагеря») предполагало, помимо прочего, вхождение в мир европейских наций в качестве культурно (а значит, и политически) самодостаточных единиц.

Поскольку в рамках предыдущего, советского, коммунистического исторического и культурно-политического опыта, как представлялось, такая самодостаточность не допускалась, вполне логично этот опыт отрицался, отбрасывался, осуждался как негативный. Логика «национализированной» истории предполагала: первый шаг — превращение в полноценную, «историческую» нацию; второй — вхождение нации, «восста-

новившей» свою историю и историческую полноценность, в семью европейских наций. Вопрос о цивилизационной принадлежности решался при этом в основном двумя способами. Первый — радикальный разрыв с «Востоком» (Россией, Советским Союзом, империей) и не менее радикальное воображаемое вхождение (трактующее как «возвращение») в Европу, то есть на «Запад». Второй — более компромиссный, но иногда не менее радикальный с точки зрения формирования негативных/идеализированных стереотипов «Другого» — представление о себе как о культурном и цивилизационном мосте, смешанной культурной зоне или, выражаясь более современным научным арго, «пограничье» между «Востоком» и «Западом». Как правило, «западные» элементы в этой схеме представляются как позитив, а «восточные» — как негатив национального эго. Здесь прослеживаются вариации: в одних случаях собственная нация представляется как поставщик «западных», «передовых» культурных ценностей и приоритетов на «отсталый Восток», в других упор делается на миссию «барьера между Востоком и Западом», в третьих речь идет о сочетании неких культурных черт «Востока» и «Запада» в национальной истории и культуре как свидетельстве ее уникальности, лабильности и силы. Во всех вариациях присутствует идея приоритетности «западных» элементов над «восточными».

Итоги

Процесс «национализации истории» в Украине завершился в конце 1990-х. История Украины в виде базового национального нарратива, канонической версии национальной истории стала неотъемлемой частью представлений общества о самом себе, способов презентации государства и нации как внутри страны, так и за ее пределами. Каноническая версия национальной истории отображена в образовательных стандартах, программах и учебниках. Казалось бы, существуют все

предпосылки для ее «нормального функционирования» в качестве основы гражданского воспитания. Тем не менее в последние годы эта версия украинской истории вызывает все больше нареканий и претензий — иногда порожденных политической конъюнктурой, происками и спекуляциями политиков, иногда — действительно гуманитарными мотивами, тревогой профессиональных историков и общественных деятелей за моральное состояние общества, в котором унифицированный вариант этнически эксклюзивной истории порождает культурную нетерпимость, ксенофобию и конфронтационные инстинкты. Некоторые тенденции к уходу от этноцентризма в исторической политике, наметившиеся после прихода к власти идеологически аморфной Партии регионов, имеют, с одной стороны, компенсационный характер, а с другой — ведут к конфликтам с той частью общества, для которой сложившийся в предыдущие годы вариант национальной истории, доведенный до крайности политикой Ющенко, стал частью национального самосознания, одним из базовых оснований идентичности. Это, в свою очередь, делает перспективу некоего общенационального консенсуса достаточно туманной.

Примечания

¹ Часть материала этой статьи впервые была опубликована в: Национальные истории на постсоветском пространстве — II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2009.

² Довольно подробный отчет о 1990-х гг. есть в содержательном сборнике, дважды изданном в Москве в 1999 и 2003 гг. См.: Национальные истории в советском и постсоветском пространстве / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 2003. Следует заметить, что очерки об Украине помещенные в данном сборнике, демонстрируют два разных подхода к пониманию и трактовкам историографических процессов в этих странах со стороны российских коллег: Т. Гузенкова в основном удерживается в рамках нейтральности, в то время как С. Константинов и А. Ушаков местами демонстрируют весьма плачевную тенденциоз-

ность. Более поздний период освещен в другом сборнике: Национальные истории на постсоветском пространстве — II..

³ В 1992 г. желто-синий флаг и трезубец, за использование которых еще пару лет назад можно было угодить в тюрьму, использовались как государственные символы. Окончательно в этой роли они были узаконены Конституцией Украины в 1996 г.

⁴ Термины «национальная мифология», «национальный миф» не несут негативно-морализаторской смысловой нагрузки. Это аналитические категории, объединяющие некий относительно стабильный комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих исторических представлений, символов, стереотипов, стандартных трактовок, имеющих общественно важное идеологическое и культурное значение и выполняющих функции культурного маркирования.

⁵ Конечно, на самом деле любая национальная история пишется «реверсивным» методом: из настоящего в прошлое, ситуация настоящего проецируется на прошлое.

⁶ Традиционная схема «перетекания» украинской истории и апелляции к народу как носителю преемственности окончательно оформилась во времена В. Антоновича — М. Грушевского. После Второй мировой войны она была модифицирована выдающимся «диаспорным» историком-эссеистом И. Лысяком-Рудницким.

⁷ См. более подробно: *Касьянов Г.* Украина—1990: «бои за историю» // Новое литературное обозрение. 2007. № 1/2. Эта и другие ссылки на свои собственные статьи, стоит надеяться, оправданы необходимостью экономии места.

⁸ *Симоненко Р.Г.* До концепції багатотомної «Історії українського народу» (міжнародний та міжнародний аспекти). К., 1993. С. 7.

⁹ Суть новации и ее критика изложены в статье: *Бистрицкий Ф.* Чому націоналізм не може бути наукою // Політична думка. 1994. № 2. С. 30—35.

¹⁰ Это не означает отсутствия такой политики: в 1990-е гг. была создана система государственных наград, основанная на обращении к истории, введена национальная валюта, представляющая визуальный ряд национального пантеона, поставлены памятники выдающимся национальным деятелям из этого же пантеона, созданы общенациональные мемориативные практики.

¹¹ Более подробно об этой дискуссии см.: *Kasianov G.* Rewriting and Rethinking: Contemporary Historiography and Nation Building in Ukraine // Dilemmas of state-led national building in Ukraine / T. Kuzio, P. D'Anieri (eds.). Praeger, 2002. P. 29—46.

¹² *Hagen M., von.* Does Ukraine Have A History? // Slavic Review. 1995. No 3.

¹³ Стоит обратиться к обстоятельному труду польского историка Томаша Стриека, в котором можно найти подробное описание взглядов и дискуссий украинских историков — «ревизионистов» национализированной истории. См.: *Stryjek T.* Jakiej przeszłości potrzebuje przyszłość? Interpretacje dziejów narodowych w historiografii i debacie publicznej na Ukrainie 1991—2004. Warszawa, 2007.

¹⁴ Совсем недавно появился сборник, засвидетельствовавший наличие такого международного сообщества: A Laboratory of Transnational History. Ukraine and Recent Ukrainian Historiography / G. Kasianov, P. Ther (eds.). Budapest, 2009.

¹⁵ Классификация, предложенная А. Мегиллом. См.: *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007.

¹⁶ Приведу лишь два примера: остроподемическую рецензию Н. Яковенко на книгу В. Смолия и В. Степанкова «Украинская национальная революция XVII ст.» и дискуссию по поводу статьи В. Йильге в «Критике». В первом случае критические замечания сводились к протестам против анахронизмов и иронии по поводу неосознанного использования советских схем в национальном дискурсе. Во втором — дискуссия касалась инструментализации истории и связанных с этим искажениями. См.: *Яковенко Н.* У кольорах пролетарської революції // Український гуманітарний огляд. 2000. Вип. 3; *Žėjre B.* Змагання жертв // Критика. 2006. Ч. 5; *Гірич І.* Тріумф сильних // Критика. 2006. Ч. 12; *Мокроусов А.* Переклад з «совдцької» // Критика. 2006. Ч. 12; *Гриневич В.* Змагання переможців // Критика. 2007. Ч. 1—2; *Касьянов Г.* Deja vu! // Критика. 2007. Ч. 3.

¹⁷ Вплоть до создания новых мемориальных комплексов и учреждений. Из последних наиболее показательным был Институт национальной памяти, созданный 31 мая 2006 г. по указу Ющенко. Институт был создан по примеру Польши. В отличие от польского, украинский Институт национальной памяти не получил реального статуса и соответствующего финансирования. Некоторое время он координировал работу государственных учреждений по созданию Книги памяти Голодомора, в остальном выполнял функции просветительские и научно-исследовательские, однако был неконкурентоспособен по сравнению с уже существующими исследовательскими учреждениями. Более того, некоторые проекты института входили в явное противоречие с политикой истории Ющенко: достаточно вспомнить работу группы историков под эгидой Института, направленную на критический анализ школьного курса и учебников по истории Украины, закончившийся созданием концепции исторического образования, явно противоречащей идеологии этносимволизма Ющенко. См.: Концепція та програми

викладання історії в школах (проект). К., 2009. Доступно на сайті УИНП: <http://www.memory.gov.ua/ua/publication/content/1461.htm>

¹⁸ Слово «стратегія» означає наявність певної достатньо уясної мети і розуміння засобів її досягнення, але оскільки йдеться про суспільство, воно не виключає наявності значущої кількості спонтанних реакцій, непередбачених дій і емоційних мотивів для цих дій.

¹⁹ Слово *Голодомор* я пропоную писати курсивом в тих випадках, коли йдеться не про офіційне названня історичного явища, введеного в офіційні державні та міжнародні документи та акти, а про певні домінуючі стереотипні уявлення та канонічні дискурсивні практики, що представляють конкретне історичне явище — голод 1932—1933 рр. См.: *Касьянов Г. Danse macabre. Голод 1932—1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії* (1980-ті — початок 2000-х). К., 2010.

Звернемо увагу, що слово «Голодомор» вже використовується в працях російських істориків (відносно голоду 1932—1933 рр. в РСФСР і СРСР) і в Молдові — коли йдеться про голод 1946—1947 рр.

²⁰ В українській інтелектуальній і в більш вузькому сенсі — історіографічній традиції, що сягає до рубежу XIX—XX вв., поняття «народ» і «нація» тождественні, українська нація — це етнічні українці. Поняття громадянської нації передається, як правило, терміном «народ України».

²¹ Розуміється, цими темами Ющенко не обмежився. Общеизвестною була його пристрасть до археології, що вилилася в публічну демонстрацію приверженності президента ідеї про Трипольську культуру як українську. Президент був активним промоутером ряду комеморативних акцій, мавши значущий (і дуже суперечливий) суспільний резонанс, серед яких стоїть згадати відновлення столиці гетьмана Івана Мазепи Батурина (Чернігівська область) і 300-літня годовщина знищення Батурина військами Олександра Меншикова (1708 р.), святкування 295-ліття «Конституції Пилипа Орлика», «юбилей» Конотопської битви (1659 р.), 90-я годовщина бою під Крутами (1918 р.), 300-я годовщина Полтавської битви (1709 р.). Нетрудно помітити, що всі згадані годовщини набували специфічного контексту в взаємозв'язках з Росією, чье вище керівництво і дипломатичні служби не скупилися на дуже різкі коментарії, заяви та акції.

²² В 2005—2006 рр., коли в жовтні відзначалася чергова годовщина створення УПА, на центральній площі столиці збиралися ветерани УПА і їх сторонники та ветерани Великої Вітчизняної, «ра-

зогрієвані» лівими. Поєдинок між ними став свого роду традицією. З 2007 р. практикується проведення публічних акцій, що представляють ворогуючі сторони, в різних місцях.

²³ *Культчицький С.* Не можна перетворювати пам'ять про Голодомор на «кампанійщину» // День. 2008. 22 березня.

²⁴ *Gessen K.* The Orange and the Blue // The New Yorker. 2010. March 1. P. 34.

²⁵ В листопаді 2008 р. були опубліковані результати спеціального дослідження, проведеного Інститутом демографії Національної академії наук. Згідно з розрахунками вчених, прямі втрати від голоду 1932—1933 рр. в Україні оцінювалися в 3,4 млн осіб. Крім демографічного зростання втрати в 1,1 млн осіб від зниження народжуваності. Кумулятивний ефект від голоду (неродившіся діти та внуки померлих) оцінювався в 6 млн осіб. Прес-центр президента використав ці дані для підтвердження цифри в 10 млн (<http://www.president.gov.ua/news/16407.html>).

²⁶ «Зажги свічку» — щорічна акція, що розглядалася як національна. Перше її проведення відбулося в 2003 р. В день пам'яті жертв голоду 1932—1933 рр. (щорічно — четверга суббота листопада) всі, хто бажає, виставляють у вікно горючу свічку. В Києві біля пам'ятного знаку жертвам голоду 1932—1933 рр. в цей день виставляють свічки з горючими свічками. «Негасима свічка» — снопок колосків висотою близько 1,5 метра і вагою близько 200 кг, зроблений з найкращих сортів бджолиного воску, зібраного в усіх областях України. В листопаді 2008 р. передавався з країни в країну (33 країни — їх кількість повинна була збігатися з датою трагедії), де по його прибутті проводились панихиди та мітинги, а в листопаді 2008 р. цей символ об'їхав і всі області України. «Негасима свічка» завершила свій шлях в Меморіалі пам'яті, відкритому в листопаді 2008 р. в Києві, став одним з перших експонатів. «33 хвилини» — публічна акція, проведена з червня по листопад 2008 р., — в суспільних місцях (на площах або біля збережених пам'яток та пам'ятних знаків «діячам тоталітарного режиму») кожен вихідний день в листопаді 33 хвилини присвячується іменам та прізвищам померлих від голоду в 1932—1933 рр.

²⁷ Калиновий гай — більш ніж сотні кущів калини, висаджених депутатами українського парламенту під керівництвом Ющенко в листопаді 2007 р. на схилах Дніпра неподалік від Києво-Печерської лаври. Там же в листопаді 2008 р. був відкритий меморіальний комплекс «Меморіал пам'яті жертв Голодоморів», центральним елементом якого є годинник-свічка висотою в 26 метрів, що виступає над будівлею музею-меморіала.

²⁸ В 2006 г. украинский парламент силами президентских фракций принял закон о Голодоморе, который квалифицировал голод 1932—1933 гг. как геноцид. Публичное отрицание *Голодомора* было признано аморальным и противоправным. Основываясь на этом законе, Ющенко в конце 2006 г. подал законопроект, предполагающий уголовную ответственность за отрицание *Голодомора* и *Холокоста* как актов геноцида. Похожий законопроект внесли и депутаты из пропрезидентской фракции, правда здесь речь шла только об отрицании *Голодомора* как геноцида. Санкции, предполагавшиеся законопроектами, начинались штрафами и заканчивались тюремным заключением на срок до трех лет. Впоследствии Ющенко включал этот свой законопроект как «неотложный» во все пакеты законопроектов, являвшихся предметом торга с оппонентами по вопросам разрешения политического кризиса, — факт весьма впечатляющий, говорящий о серьезности его отношения к проблеме.

²⁹ С 1993 по 2008 г. голод 1932—1933 гг. актом геноцида против украинского народа признали парламенты 13 стран. Усилия украинской дипломатии, направленные на принятие таких решений на уровне международных организаций, закончились неудачей. В 2007—2008 гг. Парламентская Ассамблея ОБСЕ, Европарламент и ЮНЕСКО приняли специальные резолюции, посвященные голоду 1932—1933 гг., однако слово «геноцид», вопреки стараниям украинских дипломатических служб, там отсутствовало.

³⁰ Речь идет о надругательстве над государственным символом Украины на горе Говерла и хулиганском нападении на выставку, посвященную *Голодомору* в Украинском доме в Москве, совершенных активистами российской организации «Евразийский союз молодежи» в 2007 г.

³¹ Здесь, по-видимому, можно говорить о своего рода конкуренции двух проектов: Голодомора и Холокоста. В действиях украинской стороны, явно следовавшей примеру формирования риторики и презентаций Холокоста, проступает намерение «превзойти» своих предшественников по главному показателю — количеству жертв. Это не может не вызывать противодействия Израиля и сторонников исключительности Холокоста. Стоит упомянуть и о том, что в риторике Голодомора нередко присутствуют антисемитские мотивы — как со стороны известных антисемитских организаций (вроде Межрегиональной академии управления персоналом), так и со стороны государственных структур — в частности, «ненавязчивое», но последовательно упорное повторение настоящих имен и фамилий «организаторов Голодомора» — вспомним хотя бы опубликованный СБУ список.

³² Звание и прилагаемый к нему нагрудный знак, по сути, являются копией звания Героя Советского Союза.

³³ Проект такой резолюции был принят Генеральной Ассамблеей ООН. Против проголосовали США, воздержались все страны Евросоюза, включая Эстонию и Латвию, и Украина. Поводом для принятия резолюции стали действия властей стран Балтии, попустительствующий, по мнению России, «реабилитации» солдат и офицеров национальных военных формирований *Waffen-SS* (Латвийского легиона и эстонской 40-й дивизии). Разумеется, речь шла и об УПА, Шухевиче и Бандере.

³⁴ European Parliament resolution on the situation in Ukraine 22. 2. 2010 RC-B7—0116/2010. См.: <http://www.Europarl.europa.eu>

³⁵ В 1990 г. был установлен первый памятник Бандере в его родном селе на Западной Украине. Памятник несколько раз становился объектом вандализма и даже был взорван.

³⁶ В начале февраля 2010 г., когда в Украине бушевали страсти по поводу присвоения Бандере звания Героя Украины, памятник в Одессе был осквернен представителями некой организации «Неизвестные патриоты», заявившими, что на этом месте «должен стоять памятник Бандере».

³⁷ В Запорожье «трыzubовцы» отрезали голову памятнику «международному террористу» Сталину. Видео см.: http://www.rus.newsru.ua/ukraine/28dec2010/mol_trysub.html

³⁸ Памятник Сталіну в Запоріжжі знищено повністю // Дзеркало тижня (новини). 2011. 1 січня (<http://news.dt.ua/news/83700>).

³⁹ Термин «стратегия» употребляется исключительно как описательно-аналитическая категория. По сути, речь идет о способах приспособления к идеологической и политической конъюнктуре.

⁴⁰ Дискуссии по этой проблеме стартовали в самом начале 2000-х и продолжаются по сей день. Первые публикации по этой теме: Гончаренко Н., Кушнарьюва М. Школа іншування // Критика. 2001. №4; Українська історична дидактика: міжнародний діалог (фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії). Зб. наук. ст. / За ред. М. Телус, Ю. Шаповала. К., 2000.

⁴¹ Термин, услышанный мною дважды во время личных бесед в 2010 г.: от одного из активных деятелей Партии регионов, «говорящей головы» по вопросам идеологии, депутата Верховной Рады, и от высокопоставленного чиновника Кабинета министров Украины, ответственного за гуманитарную политику.

⁴² Например, Ющенко, будучи президентом, сам лично никогда не высказывался о том, что Россия должна нести ответственность за Го-

лодомор, приносить извинения Украине или выплачивать компенсацию. Зато в его окружении, особенно в президентской фракции в парламенте, не было недостатка в таких заявлениях, часто весьма радикальных

⁴³ Судя по всему, Янукович вообще не любит «гуманитарные темы», достаточно часто попадая в комические ситуации в связи с необходимостью высказываться по этим вопросам. Наиболее известные «перлы» его публичных выступлений связаны именно с такими темами: именно от него Украина узнала о поэтессе Анне Ахметовой, о русском поэте Антоне Чехове, а западные украинцы были ошарашены словами о том, что они — «геноцид нации» (Янукович имел в виду «генофонд»).

⁴⁴ Герман — единственный представитель Западной Украины в ближайшем окружении президента. До перехода к Януковичу она работала директором украинской службы «Радио Свобода» в Киеве, которая находилась в оппозиции «режиму Кучмы».

⁴⁵ http://www.president.gov.ua/content/golodomor_75.html

⁴⁶ <http://www.unian.net/ukr/news/news—366084.html>

⁴⁷ Согласно опросу социологической группы «Рейтинг», 53% опрошенных поддерживали отмену указа, 28% — не поддерживали и 19% — не определились. Каждый десятый опрошенный житель Западной Украины был готов принять участие в акциях протеста против отмены указа Ющенко.

⁴⁸ Янукович назвал «наибольший деструктив» в Украине (www.unian.net/rus/news/news—376684.html).

⁴⁹ Янукович сказав депутатам ПАСЕ, що Голодомор — не геноцид (<http://eunews.unian.net/ukr/detail/193461>).

⁵⁰ Володимир Волосюк судиться з Віктором Януковичем (<http://gazeta.ua/index.php?id=343385>).

⁵¹ Голодомор 1932—1933 років на Україні визнано геноцидом частини української національної групи. См. официальный сайт суда: http://apcourtkiev.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=41962&cat_id=35857.

⁵² Официальное название.

⁵³ <http://www.president.gov.ua/news/18809.html>

⁵⁴ Указ Президента України № 1085/2010 «Про оптимізацію системи центральних органів виконавчої влади» (<http://www.president.gov.ua/documents/12584.html>).

⁵⁵ Забилый был активным промоутером той версии национальной истории, которая вкладывалась в политику Ющенко. Забилый фактически был сотрудником СБУ и активным участником рассекречивания документов СБУ при Ющенко. Изъятые у него файлы действительно

могли еще пребывать в статусе засекреченных, однако во времена Ющенко такие документы (в основном по истории ОУН и УПА) находились в открытом доступе и публиковались в общедоступных изданиях.

⁵⁶ В'ятрович: справа Забілого — спец операція Кремля <http://ua.glavred.info/archive/2010/09/09/140047—14.html>

⁵⁷ Табачник хочет сделать учебники по истории «гуманными» (<http://news.liga.net/news/N1010709.html>).

⁵⁸ Переписана історія України. Версія епохи Дмитра Табачника (<http://www.pravda.com.ua/articles/2010/08/26/5332444/>).

⁵⁹ Олександр Удод: Спільного підручника бути не може // День. 2010. 30 грудня.

⁶⁰ Памятники жертвам ОУН—УПА (<http://dragonmoonbird.livejournal.com/759184.html>).

⁶¹ Популярный современный украинский литератор Юрий Андрухович удачно сыграл словами, назвав сборник своих эссе «Дезориентация на местности» — среди многочисленных возможных прочтений термина «дезорентация» есть и такое — освобождение от «Ориента», уход от «Востока».

⁶² В данном случае не имеет значение, какой именно нации — «этнической» («культурной») или «политической» («гражданской»).

⁶³ Смысловый ряд можно продолжить — «социалистический лагерь», коммунизм и т.п.

⁶⁴ На примере Украины и украинской историографии краткую интеллектуальную и идеологическую генеалогию «воссоединительного синдрома» предложила Наталья Яковенко в коротком, но весьма содержательном с точки зрения контекстов эссе: *Яковенко Н.* Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії // Дух і Літера. 1998. № 3—4. С. 118—121. В свете ее рассуждений сама собой напрашивается мысль о том, что многочисленные и назойливые рассуждения современной «национализированной» историографии об исторической «европейскости» Украины и о ее «возвращении» в Европу являются зеркальной копией «воссоединительных» схем советской историографии, предлагавших воссоединиться с Россией.

Андрей Кушко

«Политика памяти»
и «историческая политика»
в постсоветской Молдове

Связь между историей, политикой и «коллективной памятью» в Восточной Европе отличается особой сложностью и мозаичностью. Это выражается, среди прочего, в активном вовлечении профессиональных историков в проекты «национального строительства» и в политизации прошлого, которая является важным компонентом легитимации интеллектуальных и политических элит на постсоветском пространстве. Случай Республики Молдова подтверждает общую тенденцию, но осложняется нескончаемыми дебатами по поводу национальной идентичности «титального этноса». В молдавском обществе отсутствует консенсус в определении сущности, границ и ценностей «воображаемого сообщества» нации. После распада СССР и провозглашения независимости в 1991 г., большинство молдавских историков восприняли упрощенный вариант румынской национальной историографии, заменивший «советскую модель» при сохранении многих старых методологических установок¹. В то же время большая часть политической элиты стремилась к укреплению молдавской «государственности», что подразумевало особую «политику памяти», отмежевывающуюся как от румынского национального нарратива, так и (в меньшей степени) от советского прошлого.

Другими словами, в молдавском случае возник антагонизм между двумя версиями национализма и связанных с этим «памятных» практик. Сторонники «панрумынского национализ-

ма», считающие молдаван частью «большой румынской нации», оценивали советский период сугубо отрицательно, характеризуя его как «оккупационный» и, соответственно, идеализируя эпоху, когда Бессарабия входила в состав «Великой Румынии» (1918—1940 гг.). Сторонники противоположного направления — «молдовенизма» — во многом опирались на концептуальное наследие советского периода, пытаясь использовать также и категории этнического национализма. Они стремились доказать непрерывность молдавской государственной традиции, возводя ее к Средневековью и подчеркивая (мифическую) преемственность между Молдавским княжеством и современными политическими образованиями на территории Бессарабии. Долгое время между двумя концепциями сохранялся некий баланс: «румынисты» преобладали в академических кругах и университетской среде, в то время как умеренные «молдовенисты» пользовались поддержкой правительства, однако так и не смогли существенно подорвать позиции своих соперников в образовательной системе. Таким образом, «политика памяти» в молдавском контексте зачастую сводилась к символическому противостоянию двух противоположных проектов местной национальной идентичности. В рамках этой схемы XX в. был наиболее оспариваемым периодом, а оценка событий 1917—1918 гг., румынской администрации, Второй мировой войны, Холокоста на территории Бессарабии и советского наследия стала объектом ожесточенных споров и политического манипулирования. Молдавские историки были не сторонними наблюдателями, а прямыми участниками этой «войны памяти». Вопрос о соотношении профессиональной этики и политических пристрастий был в лучшем случае второстепенным, а зачастую не ставился в принципе. Профессиональные историки стали активистами и проводниками определенной «политики памяти», притом что какие-либо значительные общественные инициативы в этой области отсутствовали.

Важность публичного «дискурса памяти» может быть рассмотрена с двух точек зрения. С одной стороны, «политика памяти» в постсоветской Молдове связана с основополагающим значением нации — и, следовательно, «национальной памяти» — в конкурирующих проектах молдавских интеллектуальных и политических элит (это относится как к «румынистам», так и к «молдовенистам»). Коллективная память находится в подчиненном положении по отношению к национальному нарративу, который использует ее элементы для собственной легитимации и для выявления черт, якобы присущих «национальному характеру» данного сообщества. В этом случае коллективная память влияет на исторические репрезентации лишь опосредованно. «Память нации» становится осязаемой через символы или ритуальные памятные церемонии, но не усложняется личными (иногда «неудобными») воспоминаниями непосредственных участников или свидетелей. В этом случае коллективная память выполняет функцию символической стилизации, консолидации общественных связей и создания национальной исторической «традиции». Подобные механизмы продолжают функционировать на уровне повседневности, хотя и менее эффективно, чем в прошлом.

С другой стороны, «коллективная память» — не данность, а социальный конструкт, который подвержен изменениям и во многом зависит от конкретной политической культуры и от (субъективного) временного фактора. «Политика памяти» особенно важна в обществах, которые еще не сумели преодолеть собственное «трудное прошлое» через «примирение» (*reconciliation*) или через «скорбь» (*mourning*) по жертвам репрессий, геноцида и т.д.²

«Политика памяти» в Центральной и Восточной Европе (в том числе в молдавском случае) во многом отличается от западноевропейских моделей «преодоления прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*). Даже в тех случаях, когда «политика памяти» предусматривала полный разрыв с коммунистическим прошлым и радикальную «декоммунизацию», в том числе на

законодательном уровне (как, например, в бывшей ГДР или Чехии), эти меры, как правило, не приводили ни к «национальному примирению», ни к спаду ностальгических настроений. Попытки объяснить подобный исход «переходным периодом», особенностями политической культуры или преемственностью бывшей номенклатуры оправданы лишь отчасти³. По мнению Тони Джадта, сложность и многослойность «памяти коммунизма» в Восточной Европе вполне сравнима с «памятью о нацизме» на Западе, что приводит к возникновению «асимметрии памяти» между двумя частями континента⁴. Процесс «преодоления прошлого» в Молдове до недавнего времени находился в зачаточной стадии. Это объяснялось не только местным контекстом, но и общей структурой «коллективной памяти» в Восточной Европе, которая сталкивается с дилеммой одновременного преодоления «проблемной» памяти коммунизма и нацизма (и/или Холокоста). В этом смысле интересны размышления американского историка Чарльза Майера о различии между «горячей» памятью нацизма и «холодной» памятью о коммунизме⁵. Первая часть этой дихотомии имеет более глубокую психологическую природу и вызывает гораздо более бурные эмоции в процессе «вспоминания», в то время как «коммунистическое» прошлое воспринимается менее драматично, в том числе из-за «нормализации» советского режима после смерти Сталина. Это психологическое отличие передается автором через понятие «стыда» (*shame*), которое имеет более глубокие корни в случае нацизма. Таким образом, «войны памяти», разыгравшиеся в недавнем прошлом в Украине и (хотя и в меньшей степени) в Молдове, выходят далеко за рамки академических дебатов и имеют прямое отношение к проблеме национальной идентичности и к государственной политике в этой области. Связь между политической ориентацией постсоветских элит, манипулированием историей в политических целях и элементами «исторической политики» определенно прослеживается в молдавском контексте.

«Символическое противостояние»
и использование истории
в политическом дискурсе (1991—2009 гг.)

В первые годы после распада СССР в Молдове предпринимались попытки радикального пересмотра отношения к советскому прошлому и переосмысления истории через призму «национальной парадигмы». Сфера символики и публичное пространство были «национализированы» сравнительно быстро и безболезненно. Подобные тенденции выражались в основном в следующих формах:

- Снос большинства советских памятников или их перемещение в специальные хранилища (это касалось прежде всего памятников Владимиру Ленину и другим советским вождям). Однако этот процесс не затронул некоторые регионы (например, гагаузскую автономную область на юге). В то же время даже в столице не были демонтированы многие памятники советской эпохи (Григорию Котовскому, Сергею Лазо, комсомольцам и т.д.);
- «Декоммунизация» публичного пространства, выразившаяся в переименовании улиц и учреждений и в постепенном вытеснении советских «мест памяти» из публичной сферы. В отличие от украинского случая, символическая «национализация» пространства не вызвала особых протестов, в том числе из-за того, что новые названия были заимствованы из румынского национального «канона». Для граждан Молдовы они были по большей части «чужими», отчего их символическая нагрузка «не прочитывалась». Это касалось в особенности элементов предполагаемого «континуитета» румынского этноса на нынешней территории Молдовы (например, использования при переименовании улиц, школ, учреждений и т.д. античных имен и терминов времен римского завоевания Дакии) и «символической реабилитации» малоизвестных деятелей национального движения конца XIX и начала XX в. Боль-

шинство населения восприняло эти нововведения нейтрально (или безразлично).

- Радикальный пересмотр образовательных программ, особенно в сфере гуманитарных и общественных наук.

На уровне политической практики положение было далеко не так однозначно. В Декларации о независимости Республики Молдова от 27 августа 1991 г. говорилось о «ликвидации политических и юридических последствий» советско-германского «сговора» 23 августа 1939 г.⁶ и о «незаконном состоянии оккупации» Республики Молдова Советским Союзом (параллели с прибалтийским контекстом очевидны)⁷. Однако эти радикальные тенденции не имели каких-либо ощутимых последствий. «Переходный период» в Молдове можно лучше всего описать как постепенное достижение компромисса между умеренными элементами «старого режима» и «оппозиции». В условиях нарастания напряженности во второй половине 1991 г. (вызванной как все более радикальным национализмом «Народного фронта», так и сепаратистскими движениями в Приднестровье и Гагаузии), умеренные элементы бывшей советской номенклатуры сгруппировались в Аграрно-демократическую партию Молдовы (АДПМ), созданную в ноябре 1991 г. С одной стороны, представители АДПМ выступали против «панрумынского» проекта и за консолидацию «молдавской государственности». С другой стороны, они поддерживали стратегию «амнезии» и компромисса в отношении советского прошлого. После первоначального всплеска в 1991 и 1992 гг., элементы «исторической политики» и «преодоления прошлого» практически сошли на нет, в том числе из-за последствий приднестровского конфликта, фрагментации националистических сил и растущей апатии электората по отношению к «политике памяти».

Другим важным событием этого периода стало возрождение «партии коммунистов» в новом облики. В условиях «полевения» политического спектра в конце 1993 г. была созвана учредительная конференция Партии коммунистов Респуб-

ки Молдова (ПКРМ) во главе с Владимиром Ворониным. Новая партия провозгласила себя правопреемницей и идейным продолжателем КПСС и КПМ. Появление политической организации, первоначально ставившей себе целью «восстановление СССР», хотя и не имело прямых последствий в краткосрочной перспективе, тем не менее указывало на изменение позиции властей в отношении советского прошлого: на протяжении 1990-х гг. символическое противостояние в публичной сфере и на политической арене выражалось в основном в спорах об «истинной» национальной идентичности молдаван. «Национальный вопрос» стал главным индикатором политической ориентации в молдавском контексте и вытеснил другие критерии идеологического размежевания. Это отчетливо проявилось во время парламентской избирательной кампании 1994 г., когда на уровне политических элит был сформулирован «молдавский национальный проект», направленный против «пан-румынизма», господствовавшего в символической сфере в первые годы независимости. В отличие от советской версии «молдовенизма», новый молдавский национализм был своеобразной реакцией на румынскую национальную интерпретацию истории и сущности нового государства. Основной вехой в развитии «нового молдовенизма» можно считать «общенациональный» съезд «Наш дом — Республика Молдова», организованный 5 февраля 1994 г. под эгидой властей. На этом съезде тогдашний президент Мирча Снегур (который ранее воздерживался от прямой поддержки наиболее радикальных «молдовенистских» тенденций, усилившихся в течение 1993 г.⁸) произнес речь, в которой назвал панрумынский проект «предательством» национальных интересов Молдовы. Он также обвинил молдавских писателей и историков в сомнениях по поводу «легитимности и исторических основ нашего права быть самостоятельным государством, называться молдавским народом»⁹. Снегур не ограничился тезисом о существовании отдельной молдавской нации как основы постсоветского государства, но дополнил его утверждением об особенностях «мол-

давского языка», что должно было подчеркнуть антирумынскую направленность его программы. В этой речи также упоминалась «историческая преемственность молдавской нации», которая апеллировала к короткому периоду условной «независимости» Бессарабии в конце 1917-го и начале 1918 г. Таким образом, возникала некая основа для легитимности нового государства, но пересматривалась советская версия «молдавской государственности», связанная с созданием МАССР в 1924 г. Помимо риторики и манипулирования историческими ссылками, это событие ознаменовало «начальный этап официальной идеологии молдавского государства»¹⁰, ядро которой оставалось неизменным во второй половине 1990-х и приняло более радикальные формы во время правления ПКРМ (2001—2009 гг.).

Для понимания политики государства в символической сфере необходимо обратиться к середине 1990-х гг. После выборов 1994 г., когда националистические силы потерпели поражение, многие решения, направленные на «румынизацию» символики, были отменены. Так, в новой конституции, принятой в июле 1994 г., официальным языком Республики Молдова признавался «молдавский» (в то время как в Декларации о независимости упоминался «румынский»). В том же году румынский гимн (являвшийся общим для Румынии и Молдовы с 1991 г.) был заменен более «нейтральным» текстом бессарабского поэта Алексея Матеевича *Limba noastră* («Наш язык»). Тем не менее было бы неправильно говорить о полном пересмотре «политики прошлого» начала 1990-х гг. или тем более о полной реабилитации советского прошлого. Скорее предпринимаются попытки разработать ядро «молдавской национальной мифологии»; последняя должна была содействовать укреплению «государственности», понимаемой прежде всего в терминах «отрицания» румынского национального проекта. Основной проблемой для молдавских политических элит был острый дефицит легитимности, с которым столкнулось новое политическое образование. Не отказываясь от националисти-

ческой риторики, идеология «молдовенизма» опиралась на предполагаемое существование неизменной и стабильной «молдавской этнической сущности» в междуречье Прута и Днестра (или между Днестром и Карпатами) начиная, по крайней мере, со Средних веков¹¹. В «молдовенистском» взгляде на развитие молдавской нации обнаруживаются те же этноцентризм и примордиализм, которые характерны и для румынского национализма, разделяемого большей частью молдавских интеллектуалов, — то есть изменяется предполагаемый «вектор» исторического развития, но не сущность концепции. Приведем лишь один пример такого мышления. Вторым Президентом Республики Молдова, ранее видный представитель советской номенклатуры Петр Лучинский, заявил: «Республика Молдова, провозглашенная суверенным и независимым государством 27 августа 1991 г., в то же время является представителем народа с тысячелетними традициями, с глубокими корнями в истории. Неопровержимым доказательством этого служит [празднование] 640-летия со дня создания Молдавского Государства...»¹². Подобные идеологические конструкции имели, однако, довольно ограниченное влияние на молдавское общество. После 2001 г. отношение к советскому прошлому становится все более актуальной темой политической борьбы и фактором поляризации общественных настроений¹³. Элементы «исторической политики», которые до этого были скорее разрозненными, приобретают систематический характер.

Как и в предыдущий период, «национальный вопрос» стал приоритетом «исторической политики» ПКРМ после ее прихода к власти. ПКРМ постепенно дистанцировалась от своих первоначальных взглядов на независимое молдавское государство как временное явление и стала основным проводником идеи «молдавской государственности», для чего использовала труды основных идеологов «молдовенизма» — Василе Стати и Виктора Степанюка (последний входил в состав руководства ПКРМ до 2009 г.)¹⁴. Идеологическая платформа «молдовенизма» была закреплена на официальном уровне в так называемой «Кон-

цепции национальной политики Республики Молдова», принятой парламентом 19 декабря 2003 г. Важность этого документа в том, что в нем не только излагалось определенное видение «национального строительства» в Молдове, но и формулировалась стратегия прямого вмешательства властей в борьбу с «противниками молдавской государственности». Государство попыталось монополизировать дискуссию о национальной идентичности молдаван и задать строгие рамки обсуждения этого вопроса в публичной сфере. Язык документа во многом напоминал принципы советской «национальной политики», хотя и учитывал постсоветский контекст и молдавские реалии. Некоторые отрывки «Концепции» сочетают в себе как пафос, присущий «национальным активистам» XIX в., так и остатки советских риторических приемов. Приведем конкретный пример:

*«Республика Молдова является политико-правовым продолжением многовекового процесса непрерывной государственности молдавского народа... Концепция исходит из исторически сложившейся и подтвержденной общей литературной сокровищницей истины: молдавский и румынский народы используют общую литературную форму, “основывающуюся на живом источнике народного говора Молдовы”, — реальность, придающая молдавскому национальному языку явно выраженную отличительную особенность, определенное очарование (! — **А. К.**), широко известное и признанное. Священные обцим происхождением, имея обцим основной лексический фонд, молдавский национальный язык и румынский национальный язык сохраняют каждый свой лингвоним/глоттоним как идентификационный признак каждой нации — молдавской и румынской»¹⁵.*

Более того, молдавские власти попытались любопытным образом совместить ссылки на основополагающий характер событий 1917—1918 гг. для создания молдавской государственной традиции с основными символическими датами, относя-

щимися к формированию «молдавской советской государственности», которые по существу отрицали первую схему. Так, в этом документе-манифесте читаем следующее:

«Основные принципы концепции базируются на многовековом прошлом молдавского народа и его непрерывной государственности в историческом и этническом пространстве его национального становления [здесь терминология прямо отсылает к Декларации о независимости]. Возникнув еще в 1359 г. и сохранившись на протяжении веков как самостоятельная страна, территориально раздробленная и находившаяся длительный период под иностранным владычеством, Молдова возродила свою государственность посредством акта об образовании (? — А. К.) от 2 декабря 1917 г., когда Сфатул Цэрий, “опираясь на историческое прошлое молдавского народа”, провозгласил в Кишинэу создание Молдавской Демократической Республики. Законное право молдавского народа на государственность подтверждено и созданием на левобережье Днестра 12 октября 1924 г. Автономной Молдавской Республики. Государственность Молдовы в ее новых границах самым решительным образом была подтверждена политико-правовыми актами от августа 1940 г. и августа 1991 г. с последующим закреплением ее законности в 1994 г. принятием Конституции Республики Молдова»¹⁶.

Таким образом, советский период включается в национальный нарратив наряду с событиями 1917 и 1991 гг., которые были прямым отрицанием советской версии «молдавской государственности». С идеологической точки зрения молдавская государственность становится довольно парадоксальным феноменом, опирающимся на взаимоисключающие принципы политической легитимности. Однако элементы собственно «исторической политики» кроются не в этом. В документе содержатся рекомендации по принятию конкретных мер против сил, стремящихся к «подрыву государственности». Концепция предусматривала «нейтрализацию, в соответствии с зако-

нодательством о правах человека и требованиями Конституции (? — А. К.), непрекращающихся попыток демолдовенизации, отрицания существования молдавской нации и молдавской государственности, дискредитации молдавской истории, игнорирования этнонима “молдаване” и глоттонима “молдавский язык”¹⁷. В другом контексте авторы концепции предлагали обеспечить «проведение государственной кадровой политики, основанной на критериях профессионализма и преданности родине (курсив мой — А. К.)»¹⁸, призывая в то же время к отсутствию любой дискриминации по этническим, религиозным и имущественным признакам. Такие меры могли быть направлены прежде всего против «нежелательных элементов» в академических кругах и в системе образования. Оценка подобных инициатив как проявлений «исторической политики» связана, конечно, не с внутренней логикой символического противостояния между «молдовенистами» и «румынистами» в публичной сфере, а именно с *официальным* характером этих документов и планов. Дискриминационный характер подобных мер свидетельствует об определенном направлении «политики памяти», совмещающей неоднозначное отношение к советскому прошлому с использованием ряда советских идеологем и практик.

Образовательная сфера была основным пространством «исторической политики» в постсоветской Молдове. После 1991 г. большая часть «интеллигенции», перешедшая на прорумынские позиции, отрицательно относилась к «молдовенизму» в целом и активно препятствовала проникновению его сторонников в академическую и университетскую среду. Первые признаки конфликта между властями и академической средой возникли сразу же после февральских событий 1994 г. (проведения съезда «Наш дом — Республика Молдова»). 24 февраля 1994 г. группа молдавских историков обратилась с открытым письмом к президенту Снегуру, в котором, среди прочего, обвиняла его в тенденциях «фальсификации истории» и вмешательстве в деятельность профессиональных историков. Высту-

пая явными сторонниками «румынской» исторической модели, они прямо обвиняли власти в проведении политики «примитивного молдовенизма», что подразумевало возврат к советской схеме «исторического развития». После выборов 1994 г., которые внесли кардинальные изменения в политическую конъюнктуру, дискуссия о внедрении «молдавской национальной идентичности» через образовательную систему разгорелась с новой силой. При правительстве была создана специальная комиссия, которая должна была заняться разработкой реформы преподавания истории. Замысел данного проекта состоял в том, чтобы заменить школьный курс «История румын» (введенный в 1991 г.) на «Историю Молдовы». Историки, которые придерживались «румынской» ориентации, сразу же обвинили правительство в «реваншистских» устремлениях и попытках реставрации советской исторической парадигмы. Тем не менее в марте 1995 г. Министерство образования издало приказ, вводивший в школах курс «История Молдовы» вместо «Истории румын». Эта попытка правительства АДПМ пересмотреть образовательную политику встретила ожесточенное сопротивление «Народного фронта», который организовал массовые забастовки учителей, студентов и школьников. Власти были вынуждены уступить и объявить о введении «моратория» на обсуждение вопросов, связанных с «национальной идентичностью», официальным названием государственного языка и школьной программой по истории. Курс «Истории румын» был восстановлен, а его содержание осталось в рамках румынской национальной модели (с углубленным изучением бессарабской специфики).

Новый этап в конфликте между «румынистской» и «молдовенистской» концепциями национальной истории наступил в 1998 г., когда было опубликовано учебное пособие «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней». Авторами этой работы была группа исследователей, ранее входивших в мейнстрим «молдавских советских историков», но отодвинутых на периферию в связи со сменой исторической

парадигмы в начале 1990-х гг. Авторы пособия предложили рассматривать «историю Молдовы» исключительно в границах ее нынешней территории — отчасти в силу своих «молдовенистских» воззрений, а также потому, что надеялись таким образом восстановить утраченные позиции в научных кругах. В результате в своем труде они ограничивались средневековым Молдавским княжеством и далее — междуречьем Днестра и Прута и Приднестровьем — в новое и новейшее время. Данная группа историков попыталась создать цельный нарратив об исторических событиях на этой территории, стремясь показать отличия истории Молдовы от румынского контекста. Налицо была явная попытка ретроспективного исторического анализа, который основывался на современной конфигурации границ, но вовсе не отвергал клише советской историографии. Важно отметить, что пособие было рекомендовано Министерством образования, но встретило сильный отпор со стороны историков «румынистского» направления и не получило распространения в школах.

Разрыв между идеологическими установками прорумынски настроенных интеллектуалов и политической власти особенно усугубился после 2001 г., когда правительство ПКРМ попыталось ослабить влияние «румынистского» направления в образовательной системе. «Полевение» электората к концу 1990-х гг. и победа компартии на парламентских выборах 2001 г. снова открыли перспективу «молдовенизации». Но в 2002 г. новая попытка правительства ввести курс истории Молдовы фактически привела к повторению сценария 1995 г., но с еще большим размахом. После победы ПКРМ на выборах 2001 г. новая власть сразу же перешла в наступление на «образовательном фронте». Заявление лидера ПКРМ Владимира Воронина о том, что первое десятилетие независимости было периодом «планомерного уничтожения будущего [молдавской государственности]» послужило сигналом для новых попыток изменить баланс между «румынистским» и «молдовенистским» элементами в сфере науки и образования. Политика властей

вызвала бурный протест со стороны большинства историков, чьим рупором стала Национальная ассоциация историков, имеющая статус НПО, но объединяющая большую часть университетских и школьных преподавателей истории. 1 июля 2001 г. был созван Съезд историков Республики Молдова, на котором был принят ряд резолюций, подтверждавших полную поддержку «румынской» модели национальной истории и осуждавших власти за давление на научные учреждения и университеты в целях отмены курса «Истории румын»¹⁹. 1 февраля 2002 г. Ассоциация историков обратилась с меморандумом к высшему руководству страны, в котором выражались опасения по поводу «положения в Республике Молдова в области конституционных свобод»²⁰ и выдвигалось несколько требований, в том числе: «соблюдение и поощрение научной истины в вопросах о национальном языке, литературе и истории; прекращение культурного геноцида (! — **А. К.**) против коренного населения; прекращение кампании по разжиганию “румынофобии” и дискредитации румынского языка и истории румын; проведение серии “круглых столов” с участием специалистов в данных областях; прекращение разработки новых школьных программ и учебников по румынскому языку, литературе и истории; исключение идеологии правящей партии из экономической, политической, общественной и культурной жизни»²¹. Этот меморандум представляет собой один из наиболее типичных и интересных примеров «румынистского» дискурса и выявляет «болевые точки» дебатов внутри молдавского общества и сферы «исторической политики».

После очередных массовых движений протеста в 2002 г., вызванных инициативами правительства, ПКРМ изменила стратегию и попыталась внедрить новую схему школьного исторического образования, которая предусматривала слияние курса национальной и всеобщей истории и создание новых учебников по «интегрированной истории». Согласно новому концепту изучения и преподавания истории, принятому в 2003 г., были разработаны учебники для 4—12 классов, кото-

рые во многом заменили прежнюю «румынскую» историческую парадигму «молдовенистскими» установками (вместе с тем следует отметить, что учебники, написанные в этот период, существенно отличались друг от друга как по качеству материала, так и по степени политизации).

Несмотря на декларируемую Правительством Республики Молдова приверженность европейским принципам и образовательным стандартам, попытки реформировать преподавание истории стали инструментом «исторической политики» властей, которые пытались устранить глубоко политизированную «румынистскую» модель путем ее замены не менее тенденциозным «молдовенизмом». Учебники, не вписывавшиеся в данную схему, были отвергнуты специальной комиссией экспертов при правительстве, при личном вмешательстве бывшего президента Воронина, который открыто высказался в поддержку авторов «молдовенистского» направления. Подобная судьба постигла учебник для 11-го класса, авторов которого обвинили в «антимолдавском» содержании²². Аргументация была довольно сбалансированной, хоть и с некоторым «румынистским» уклоном, и в конце концов учебник все же был напечатан, хотя и с большими трудностями.

В письме вице-премьер-министра Виктора Степанюка на имя президента Владимира Воронина, написанном в обстановке острой политической напряженности в конце апреля 2009 г., была предложена программа по борьбе с «антигосударственными элементами» в Академии наук и высших учебных заведениях. Содержание этого документа показывает, с одной стороны, неэффективность стратегии ПКРМ в области «исторической политики», а с другой — заинтересованность власти в изменении положения в этой сфере. В письме среди прочего подчеркивалось:

«Сегодня большинство преподавателей исторических факультетов молдавских университетов — 70% — являются последователями истории румын. Такое же положение сохраняется и в рамках Института истории, государства и пра-

ва Академии наук. В результате реорганизации данного института, [прорумунская] агрессивность историков из Академии немного уменьшилась, но они продолжают писать антигосударственные и антимолдавские диссертации и труды, на что я постоянно обращал внимание Президента Академии наук Г. Дука. Учитывая это положение, я абсолютно убежден, что государство должно создать учебное заведение для подготовки специалистов по общественным и гуманитарным наукам: истории, молдавской филологии и литературе, политологии, международным отношениям. Таким образом, строгий отбор кадров, поддерживающих государственность, для этих важных факультетов в области воспитания и формирования [будущих] граждан Республики Молдова мог бы проводиться серьезной правительственной комиссией. Профильные факультеты из других университетов могли бы быть постепенно реорганизованы. Я убежден, что это решение было бы радикальным, но менее скандальным. В целях борьбы с антигосударственной идеологией румынизма, которая проникла, в последние 20 лет, в культуру, науку, образование, особенно важно укрепить интеллектуальные прогосударственные силы, которые могут вести идеологическую борьбу культурно, компетентно и с боевым настроем»²³.

В начале 2009 г. дебаты вокруг молдавской «исторической традиции» вновь стали актуальными в связи с очередным юбилеем «молдавской государственности»: 650-летней годовщиной создания средневекового Молдавского княжества, которое «молдовенисты» считают историческим предшественником современной Республики Молдова. Манипулирование историческим дискурсом со стороны политиков и некоторых ангажированных историков в этом контексте неудивительно, а полная безосновательность таких исторических параллелей их ничуть не смущала. Впрочем, вскоре накал собственно политической борьбы оттеснил историческую политику на периферию публичной сферы.

Несмотря на все усилия правительства ПКРМ, «румунистская» парадигма продолжает доминировать в большинстве учебных заведений, музеев и т.д. Самым ярким примером является версия «политики памяти», в концентрированном виде представленная в кишиневском Национальном музее истории Молдовы. Концепция музея была радикально пересмотрена в начале 1990-х гг., дабы соответствовать «национализации» исторического дискурса. Нынешняя версия постоянной экспозиции была утверждена в 1997 г. и не претерпела существенных изменений во время правления ПКРМ. Не удивительно, что наиболее радикальной переоценке, по сравнению с советской эпохой, подвергся период, когда Бессарабия находилась в составе Российской империи (1812—1917 гг.), время румынской администрации (1918—1940 гг.) и последующее вхождение Молдавии в состав СССР. В зале, посвященном Новому времени («периоду царской оккупации»), посетителям предлагается «национальная» интерпретация российской политики в регионе. Особое внимание уделяется «национальной специфике Бессарабии [в общерумынском контексте] и политике национального угнетения, проводимой Российской империей». Общая оценка всего периода вполне определена: «Влияние политики русификации и принудительной изоляции Бессарабии [от Румынии] в течение целого века было разрушительным во всех сферах жизни: образовательной, церковной и административной». Этой картине упадка и бедствий противопоставляется 22-летний период румынской администрации, представленный в румынском национальном нарративе как «золотой век». Межвоенное время описано как «новая эпоха» в истории Бессарабии, ознаменовавшаяся «важными социально-экономическими преобразованиями и широким процветанием культуры и образования» в рамках «Великой Румынии». Символический контраст между двумя эпохами более чем очевиден. Дальнейшее описание Второй мировой войны и сталинских репрессий выполнено в духе национальной виктимизации. В частности, почти ничего не говорится о Холокосте на

территории Бессарабии и подчеркивается национальная составляющая репрессий и депортаций. Также интересно отметить, что экспозиция обрывается на сталинском периоде — последующие десятилетия советского режима остаются без упоминания. Основные элементы «румынской» интерпретации истории представлены весьма наглядно и призваны определенным образом сконструировать восприятие трагической истории региона в составе Российской империи и СССР.

«Политика памяти» по отношению к недавнему прошлому — другими словами, к советскому периоду — была частью идеологического арсенала ПКРМ также и в 2001—2009 гг. В своих ритуалах, символике и риторике молдавские коммунисты продолжали использовать советское наследие в качестве основы для легитимации собственной политической идентичности. Если празднование советских памятных дат (например, 7 ноября) или прославление Ленина все же являлись «внутрипартийными» ритуалами, то другие элементы «политики памяти», поддерживаемой ПКРМ, касались публичной сферы. Так, центральным мотивом в символическом пространстве, которое стремились воспроизвести лидеры ПКРМ, была Великая Отечественная война. Военные мемориальные комплексы воспринимались как «места памяти» особой важности, а сама война должна была стать фактором «национального примирения». С другой стороны, память о войне была гораздо интенсивнее, чем мемориальные мероприятия, посвященные жертвам репрессий, что подчеркивало «асимметричность» политики памяти, проводимой ПКРМ. В целом эта политика не способствовала преодолению разрыва между различными группами молдавского общества, которые продолжали культивировать противоречащие друг другу версии недавнего прошлого²⁴. Символика Великой Отечественной войны остается ключевым элементом восприятия прошлого ПКРМ и большей части ее электората, а оценки событий 1940 и 1944 гг. как «освобождения от ига румынских захватчиков» или «советской оккупации» продолжают вызывать бурные эмоции и прения. Симво-

лика войны продолжает играть важную роль в политических дебатах, и при этом прослеживается некоторый параллелизм во взаимном «отторжении прошлого» внутри противоборствующих групп в молдавском обществе. Хотя некоторые попытки компромисса увенчались успехом (например, уравнивание в правах ветеранов советской и румынской армий, проекты общих мемориалов и т.д.), восприятие войны и оценка ее последствий для местного населения по-прежнему остается сферой острых противоречий в обществе.

Предметом конфликта является также и «проблема Холокоста», которой пытались манипулировать как власти, так и их идеологические противники. В первое десятилетие независимости местные историки практически игнорировали тему Холокоста в Бессарабии. Этому способствовала как прежняя советская традиция, рассматривавшая трагедию евреев в рамках «жертв среди мирного населения», так и этноцентризм национальной парадигмы, которая признавала виктимизацию лишь собственной этнической группы. В 1990-е гг. сказывалось влияние также и румынской историографии с ее тогдашней установкой на идеализацию режима Антонеску.

В начале 2000-х гг. ситуация изменилась коренным образом. Во-первых, ПКРМ, в отличие от предыдущих правительств, стала проявлять значительный интерес к проблеме Холокоста, что объяснялось, с одной стороны, ее политикой по защите интересов этнических меньшинств и, с другой — особенностями «политики памяти» в отношении Второй мировой войны. Во-вторых, на политику в этой области повлияли изменения риторики ПКРМ и ее переход на «прозападные» позиции во второй половине 2003 г. Власти стали проявлять все большее внимание к «мемориализации» Холокоста и других трагических страниц истории евреев Бессарабии (например, в апреле 2003 г. на официальном уровне были организованы памятные церемонии в связи со столетием Кишиневского погрома). Другим важным жестом была предпринятая по инициативе президента Воронина передача материалов, связанных с

Холокостом в Бессарабии, из архива молдавской Службы информации и безопасности (СИБ) в Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне (декабрь 2003 г.). В-третьих, долгосрочные последствия для молдавского контекста имело изменение позиции румынских официальных лиц и историков по отношению к Холокосту на территории Румынии, а также результаты работы Комиссии по изучению Холокоста в Румынии («комиссии Эли Визеля»). Особенно важную роль здесь сыграло официальное признание ответственности румынского государства за преступления, совершенные в отношении евреев режимом Антонеску на ее территории, в том числе в Бессарабии.

В то же время большинство молдавских историков отказывались принять новый взгляд на Холокост — ввиду очевидного «неудобства» этой темы для национального нарратива. Как заметил Владимир Солонарь, один из первых молдавских авторов, обратившихся к этой теме, Холокост не вписывается ни в националистический, ни в коммунистический исторический «канон», но для историков-«румынистов» тема Холокоста еще более неприемлема, поскольку в своих суждениях они нередко опираются на радикальные и маргинальные элементы в румынских академических или околонучных кругах. Со своей стороны, идеологи ПКРМ не преминули воспользоваться «уязвимостью» своих оппонентов и использовали проблему Холокоста в целях дискредитации последних (такую позицию занял, например, историк Серджиу Назария, близкий к ПКРМ). Таким образом, Холокост в Бессарабии стал объектом «войны памяти» между «румынистами» и «молдовенистами». Политизация исторического дискурса и участие историков в противоречащих друг другу проектах «нациестроительства» наносит ущерб научным исследованиям в этой области, которые также оказываются неизбежно политически ангажированы²⁵.

Итак, с 1994 по 2009 г. в культурной и символической сфере Молдовы имело место «двоевластие». В этом смысле можно согласиться с выводами немецкого исследователя Штефана

Ирига, автора монографии о политике идентичности, историографии и школьных учебниках в постсоветской Молдове: «Период 1994—2006 гг. можно описать как время, когда “румынисты” доминировали в культурных учреждениях, хотя правительственная власть была практически сосредоточена в руках “молдовенистов”. В это время “молдовенистская” сторона неоднократно пыталась навязать свои идеологические и политические позиции, но при этом встречала сильное и, казалось бы, непреодолимое сопротивление румынистских элит. Хотя политическая власть румынистов начиная с 1994 г. неуклонно уменьшалась, они тем не менее продолжали и далее оказывать противодействие правительственной политике путем мобилизации масс вокруг проблемы национальной идентичности, а также распространять собственное видение нации через систему образования»²⁶.

«Комиссия Гимпу», или антикоммунизм как «историческая политика»

Совершенно новый этап «исторической политики» в Молдове наступил после внеочередных парламентских выборов в июле 2009 г., когда ПКРМ потерпела поражение и к власти пришла четырехпартийная правящая коалиция. После поражения ПКРМ оппозиционные политические партии создали парламентскую коалицию «Альянс за европейскую интеграцию», которая имела 53 депутатских мандата из 101. Лидер националистической Либеральной партии (ЛП) Михай Гимпу, чье формирование, имея 15 депутатов, было вторым по численности среди участников коалиции, был избран председателем парламента. Владимир Филат, лидер крупнейшей коалиционной фракции (ЛДПМ), имевшей 18 мест, стал премьер-министром, а лидер третьей по численности партии Мариан Лупу должен был стать президентом. После отставки Воронины Гимпу, в соответствии с конституцией, стал и.о. президента,

сохранив одновременно и пост председателя парламента. Предполагалось, что это положение носит временный характер, однако по итогам голосования в парламенте в ноябре—декабре 2009 г. коалиция не смогла избрать «своего» президента. Возникла патовая ситуация, благодаря которой Гимпу полтора года занимал пост и.о. президента.

В последние 20 лет интерес к «декоммунизации» политического пространства был в лучшем случае маргинальным и сводился к спорадическим акциям ассоциаций репрессированных или заинтересованных историков. Подобные инициативы не получали, однако, ни государственной, ни какой-либо значительной общественной поддержки. После изменения баланса сил на политической арене произошли кардинальные сдвиги и в области «политики памяти». Некоторые партии, входящие в правительственную коалицию, в особенности правая националистическая Либеральная партия (ЛП) во главе с новым председателем парламента Михаем Гимпу и мэром Кишинева Дорином Киртоакэ, были явными сторонниками активной и решительной «исторической политики», подразумевавшей полный разрыв с коммунистическим прошлым. Однако политическая ситуация оставалась крайне нестабильной, а внутри коалиции по этому вопросу сохранялись глубокие противоречия. Центристская Демократическая партия (ДП) во главе с бывшим председателем парламента Марианом Лупу, покинувшим ряды ПКРМ в июне 2009 г., выступала против любых необдуманных шагов в этом направлении, настаивая на политике «национального примирения» через «амнезию». В условиях отсутствия политического консенсуса, но при поддержке части правящей коалиции, группой историков была выдвинута идея создания Комиссии по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима в Молдове. Авторы идеи опирались на другие примеры подобных учреждений в Восточной Европе (в первую очередь Румынию и прибалтийские страны) и предлагали перенять соответствующий опыт в Молдове. Лидер ЛП Михай Гимпу, ставший к тому времени и.о. президента, согласился пре-

доставить будущей комиссии статус президентской (по аналогии с румынским опытом, но и предполагая, что данная инициатива может не получить одобрение в парламенте). Очевидный интерес лидера ЛП к «исторической политике» объяснялся и тем, что статус «и.о.» неизбежно снижал легитимность Гимпу. Однако, располагая только 15-ю местами в парламенте, партия Гимпу имела ограниченное влияние на правительственную политику. Внутри коалиции возникло своеобразное «разделение труда»: Гимпу начал активно продвигать радикальные инициативы в сфере «политики памяти» и внешней политики (в основном на риторическом уровне), в то время как правоцентристская Либерально-демократическая партия (ЛДПМ) во главе в премьер-министром Филатом, и особенно ДП, выполняли в альянсе более прагматическую функцию. Другими словами, Гимпу стремился использовать свой ограниченный «административный ресурс» именно в области «исторической политики», играя на ожиданиях поддержавшего ЛП националистического электората и пытаясь сформулировать собственный, зачастую антироссийский внешнеполитический курс.

В этом отношении интересно сравнение политики Михая Гимпу и украинского президента Виктора Ющенко. Хотя Гимпу обладал более слабой легитимностью, чем Ющенко, и меньшим пространством для эффективного политического действия, можно проследить сходные тенденции: оба политика сосредоточили усилия в сфере «политики памяти» и радикального антикоммунизма. В Молдове создание комиссии было в целом поддержано крупнейшей партией коалиции — ЛДПМ. В то же время ДП заняла осторожную и даже скептическую позицию в этом отношении. ПКРМ, перешедшая в оппозицию, остро раскритиковала цели и сущность предполагаемой комиссии, оценивая саму идею как инструмент оппонентов в политической борьбе.

Комиссия по изучению и оценке коммунистического тоталитарного режима была создана указом Гимпу от 14 января 2010 г. Первоначальный мандат комиссии ограничивался ше-

стимесечным сроком (до 1 июля 2010 г.). В указе отмечалось, что базовые акты молдавской постсоветской государственности — Декларация о суверенитете от 23 июня 1990 г. и Декларация о независимости от 27 августа 1991 г. — «означали для Республики Молдова не только устранение коммунистического тоталитарного режима, но и шанс на построение демократического общества». В документе подчеркивалась необходимость установить «правду о тоталитарном коммунистическом режиме» и «объективно и разносторонне проинформировать» общественное мнение о его сущности. В нем также говорилось, что комиссия учреждается в соответствии с положениями резолюций ПАСЕ № 1096 от 1996 г. о мерах по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем и № 1481 от 2006 г. о необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов. Однако в указе не уточняются хронологические рамки и конкретные аспекты деятельности советского режима, которые являются предметом рассмотрения комиссии. Ее официальный статус и отношение к государственным учреждениям сформулированы также довольно неопределенно: упоминалось только, что «министерства и другие центральные и местные органы власти окажут комиссии все необходимое содействие».

В компетенцию комиссии входило, прежде всего, «исследование документов и материалов, связанных с деятельностью основных учреждений, ответственных за установление и поддержание коммунистического тоталитарного режима», включая преступления и «нарушения прав человека»; «периодическое информирование общественного мнения о ее деятельности» и результатах; разработка «исследовательского труда, сборника документов и аналитического отчета», которые должны были служить основой для «исторической и политико-юридической оценки» советского режима. Комиссия также должна была 1 июня 2010 г. представить президенту серию рекомендаций и предложений. Таким образом, деятельность

комиссии должна была повлечь ряд политических и даже юридических последствий, хотя сама комиссия не обладала какими-либо полномочиями в этой сфере.

В состав комиссии входило 30 членов, две трети из которых были профессиональными историками. Кроме того, в нее вошли юристы, политологи, социологи, лингвисты, экономисты и т.д. Руководство комиссии состояло исключительно из историков, во главе с известным специалистом по истории XX в. Георге Кожокару, близким по своим политическим убеждениям к Либеральной партии. Это учреждение не получало государственного финансирования и не имело постоянного местонахождения. С одной стороны, это гарантировало (теоретически) большую автономию от государственной власти, но в то же время лишало комиссию эффективных организационных рамок. Большинство членов комиссии не состояли в политических партиях, но разделяли мнение о необходимости радикального разрыва с коммунистическим прошлым, что нередко приводило к частично оправданным обвинениям в «антикоммунизме» как главной движущей силе всего проекта. Комиссию часто обвиняли в обслуживании интересов правящих «либеральных» партий и в организации — под видом научной объективности — «клеветнической кампании» в отношении коммунистической оппозиции. Комиссия была уязвима для критиков, по крайней мере, с двух точек зрения. Во-первых, отбор и назначение ее членов производились без публичного обсуждения, отчего возникали сомнения в ее легитимности. Во-вторых, в комиссию не были включены представители политической оппозиции и этнических меньшинств, что подрывало любые попытки представить ее как «срез» гражданского общества и давало дополнительную почву для подозрений в политической ангажированности. Поскольку к работам комиссии не были привлечены иностранные эксперты, критики обвиняли ее в предвзятости, а также указывали на узость оценок и общей перспективы.

Общественное внимание к работе комиссии во многом зависело от политической ситуации и конкретных интересов

политических сил. Руководство комиссии проводило активную кампанию, стремясь добиться широкого освещения деятельности и начальных результатов в прессе. Эта кампания велась особенно интенсивно в конце зимы и весной 2010 г. и в какой-то мере стимулировала общественные дебаты о роли советского прошлого, о последствиях этого периода для истории Молдовы и для массового сознания. Первая пресс-конференция комиссии (18 января) вызвала немедленную и бурную реакцию лидера ПКРМ Воронина, который назвал саму идею создания комиссии «глупостью» и «ересью». Он назвал предполагаемое осуждение коммунистического режима «плевком в лицо всем тем, кто боролся с фашизмом». За этим последовала серия «разоблачительных» статей в прессе, подконтрольной ПКРМ, направленных против ряда членов комиссии (включая ее председателя и нескольких историков старшего поколения). Последних обвиняли в активном коллаборационизме с советским режимом, что автоматически лишало их не только морального права осуждать советский период, но и возможности претендовать на объективность в исследовании. Критика со стороны ПКРМ достигла кульминации в мае 2010 г., когда Воронин потребовал распустить комиссию в качестве предварительного условия для начала переговоров с правящей коалицией о разрешении политического кризиса. На протяжении первой половины 2010 г. коммунисты настаивали, что настоящей целью комиссии было «устранение ПКРМ с политической арены». Об этом косвенно свидетельствовали и высказывания самих членов комиссии: хотя первоначально они включали в сферу своей компетенции только период 1917—1991 гг., но затем заявили, что постсоветский период также будет подвергнут анализу с точки зрения «наследия» коммунистического режима, результаты которого будут отражены в отчете комиссии.

Другим источником острой критики в адрес комиссии стало движение «Равноправие», представляющее интересы части русскоязычного населения. По инициативе лидеров этого дви-

жения и при поддержке нескольких историков, связанных с ПКРМ или придерживающихся левых взглядов, была предложена идея создания «альтернативной комиссии». Предполагалось, что в ней будут участвовать (неназванные) международные эксперты и представители этнических групп, которые не вошли в официальную президентскую комиссию. Объектом исследования должна была стать не только деятельность коммунистического режима, но и режим Антонеску, то есть период Второй мировой войны и проблема Холокоста в Бессарабии и Транснистрии. Этот проект так и остался на бумаге, но само его появление и некоторые публикации идеологических оппонентов «комиссии Гимпу» (например, историка и политолога Назарии) свидетельствуют об интенсивности дебатов о «правильной» исторической политике и о глубине разногласий внутри молдавского общества.

Наконец, комиссия подверглась критике с правого фланга. Самую радикальную позицию заняла Виталия Павличенко, лидер правой Национал-либеральной партии (НЛП), выступающей за полный запрет коммунистической символики. НЛП обвинила комиссию в потворстве некоей «диссидентской группе» в ее собственных рядах, состоящей в основном из молодых исследователей, получивших образование на Западе. В адрес этих исследователей звучали обвинения, что они подбивают «национальные» и антикоммунистические цели комиссии и являются «пятой колонной», действующей в неких «космополитических интересах» и подверженной западному «ревизионистскому» влиянию. Эти обвинения были связаны с разногласиями, существовавшими в самой комиссии, но также и с обманутыми ожиданиями радикально настроенной части общества, которая надеялась на целый ряд решительных шагов:

- немедленный запрет любой коммунистической символики, в том числе запрет ПКРМ как правопреемницы советского режима;
- ограничительный закон о «люстрации»;

- полное открытие архивов бывшего КГБ и других советских органов, с последующим обнародованием лиц, сотрудничавших с КГБ, и их привлечением к суду;
- обсуждение вопроса о «материальной компенсации ущерба от советской оккупации» (по аналогии с прибалтийскими дискуссиями на ту же тему).

Однако политические последствия работы комиссии оказались минимальными, а до конкретных действий дело так и не дошло. Во многом это объяснялось политической конъюнктурой и нараставшими разногласиями внутри политической элиты. Учитывая краткосрочность мандата комиссии, а также недостаток ресурсов и персонала, ее деятельность в основном состояла в постепенном расширении доступа к ранее засекреченным или малоизвестным архивным материалам (включая архивы НКВД / КГБ). Комиссия получила возможность работать в «закрытых» ведомственных архивах (включая архив МВД, прокуратуры и Службы информации и безопасности) при содействии специального Комитета по рассекречиванию официальных документов при правительстве. Кроме собственно исследовательской деятельности, было организовано несколько симпозиумов и научных конференций (в том числе с участием иностранных специалистов), в ходе которых были обнародованы промежуточные результаты работы комиссии. Однако уже к концу весны 2010 г. комиссия стала объектом нарастающего политического давления и все больше превращалась в инструмент политической борьбы. Эта тенденция проявлялась все сильнее по мере того, как приближался срок представления «аналитического отчета» и рекомендаций комиссии. Положение дополнительно усугубляли расплывчатость целей и чрезвычайно сжатые сроки работы комиссии.

На стадии подготовки отчета внутри комиссии возникли серьезные разногласия. Группа более молодых исследователей (в том числе получившие степени в западных университетах) выступала за более «нейтральный» текст, написанный в соответствии со строгими научными стандартами, без явных оце-

ночных суждений и с акцентом на конкретных примерах нарушений прав человека советским режимом. Однако большинство членов комиссии, во главе с ее председателем Кожокару, настояли на разработке радикального антикоммунистического текста и на столь же радикальных рекомендациях властям. Эти разногласия привели к тому, что публикация полного текста отчета была отложена. Был выпущен короткий (16-страничный) «аналитический отчет», который описывал основные «преступления, ужасы, зверства, злоупотребления и беззакония» коммунистического режима, напоминая скорее обвинительный акт по отношению к советскому прошлому. Комиссия также включила в текст отчета серию «рекомендаций» в духе «исторической политики»:

- осуждение «коммунистического тоталитарного» режима в Молдове за «преступления против человечества», предполагающее «моральное осуждение» людей, ответственных за эти преступления;
- запрещение использовать термин «коммунистический» в названиях политических партий и учреждений и исключение всех коммунистических и нацистских символов из публичной сферы;
- немедленная разработка и принятие Закона о люстрации;
- полная юридическая, моральная и материальная реабилитация жертв коммунистического режима и их потомков;
- создание мемориальных комплексов и музеев, посвященных преступлениям советского режима и увековечению памяти его жертв;
- введение «дней памяти», приуроченных к определенным событиям молдавской истории XX в. (депортациям и т.д.);
- отбор специальной группы экспертов для оценки материального ущерба, причиненного Молдове советским режимом;
- преобразование бывшего Архива Коммунистической партии Молдавии в Архив коммунистического тоталитарного режима, с переводом всех важных архивных фондов из ведомственных архивов в новое хранилище;

- создание Института по исследованию тоталитаризма и разработка школьного учебника и специальных курсов по истории коммунизма;
- организация дебатов в СМИ на тему «бесчеловечной сущности тоталитарных (коммунистического и нацистского) режимов» и т.д.

Текст отчета, который был представлен и.о. президента Гимпу в конце мая 2010 г., тенденциозен и имеет явные признаки политического заказа. Более того, судя по информации некоторых достоверных источников, Гимпу лично отредактировал и одобрил проект «отчета», что безусловно подрывает как политическую автономию, так и академический статус комиссии.

Несмотря на всеобъемлющий и радикальный характер этих предложений, действия по их претворению в жизнь не были предприняты. К началу лета разногласия внутри правящей коалиции по поводу государственной «исторической политики» только усилились. Демократическая партия открыто выразила свое недовольство рекомендациями комиссии, отметив, что последние приведут к «расколу в обществе и увеличению напряжения в политической жизни». ДП также сочла некоторые предложения комиссии «неосуществимыми» (прежде всего имелся в виду закон о «люстрации» и запрет коммунистической символики). Предполагалось, что отчет комиссии будет обсуждаться на специальном заседании парламента в конце июня или начале июля 2010 г. Однако правящая коалиция не смогла добиться общей позиции по этому вопросу. В результате разногласий две попытки созвать заседание парламента окончились неудачей, а голосование по отчету комиссии было отложено на неопределенный срок. ДП предложила вернуться к обсуждению этого документа после внеочередных парламентских выборов, намеченных на 28 ноября 2010 г.

Политическая неопределенность и непредсказуемые результаты выборов помешали осуществлению планов ЛП и ее лидера Гимпу по разработке полноценной «исторической политики», основанной на платформе антикоммунизма. В то же время Гимпу не отказался от намерений использовать «поли-

тику памяти» как инструмент политической борьбы. Следуя одной из рекомендаций комиссии, 24 июня 2010 г. он издал указ, провозгласивший 28 июня «днем советской оккупации» и включивший эту дату в «пантеон национальной памяти»²⁷. Это решение не только вызвало болезненную реакцию российских официальных лиц и некоторых молдавских политических сил (особенно ПКРМ), но было встречено отрицательно и другими партиями правящего альянса. Сам Гимпу признал, что решение было его частной инициативой и не получило одобрения других членов коалиции. В результате запроса ПКРМ в Конституционный суд указ был объявлен неконституционным и отменен. Единственным конкретным результатом указа стал «памятный камень», посвященный жертвам репрессий коммунистического режима и «советской оккупации», установленный на главной площади Кишинева. Таким образом, попытки ЛП «обыграть» своих политических противников на поле «исторической политики» не увенчались успехом²⁸.

Однако использование истории в политических целях отнюдь себя не исчерпало: молдавские политики (и большая часть историков) продолжают воспринимать исторический дискурс как поле для символического противостояния. Ярким проявлением этой тенденции является указ и. о. президента Гимпу от 21 декабря 2010 г., изданный уже после ноябрьских парламентских выборов в условиях продолжающейся политической нестабильности. Указ предусматривал награждение государственными наградами группы «историков» и «деятелей науки» «в знак высокого признания особых заслуг в пропаганде исторической правды и национальных ценностей, за значительный вклад в развитие связей между академическими и университетскими сообществами и плодотворную учебно-методическую и научную деятельность»²⁹. Большая часть награжденных историков являются активными сторонниками румынской национальной версии истории Бессарабии, а также членами Комиссии по осуждению тоталитарного коммунистического режима³⁰. Таким образом, Гимпу пытается закрепить за собой роль главного проводника радикальной

«исторической политики», несмотря на то, что, по мнению ряда политических обозревателей и даже некоторых партнеров ЛП по правящей коалиции, в долгосрочном плане подобный политический курс в Молдове не имеет перспектив.

Хотя указ от 14 января 2010 г. о создании «комиссии Гимпу» остается в силе, это учреждение перестало функционировать как полноценный орган уже к концу лета 2010 г., а первоначальный всплеск интереса к ее работе в СМИ и среди части молдавского общества практически сошел на нет. Эффективность «комиссии Гимпу» была ограничена несколькими факторами: расплывчатостью первоначальных целей и противоречиями между исследовательским и «политическим» компонентами ее деятельности; очень коротким периодом ее работы (фактически — менее пяти месяцев); отсутствием серьезной законодательной основы для ее полноценного функционирования; стремлением некоторых политических сил превратить комиссию в инструмент борьбы с оппонентами; отсутствием в ее составе представителей этнических меньшинств и некоторых общественных групп, гражданских ассоциаций и т.д. Среди положительных сторон деятельности комиссии самой значительной является открытие доступа к ранее недоступным архивным материалам (включая часть архива НКВД / КГБ). И все же общественный резонанс деятельности комиссии остается довольно низким, а стремление достичь «национального примирения» через «историческую политику» в лучшем случае утопичным.

Заключение

В целом в динамике «политики памяти» и «исторической политики» в постсоветской Молдове можно выделить 4 этапа:

1) 1990/91—1993 гг. — «национализация» публичной сферы, символики и образовательной системы, с доминированием румынского национального нарратива и попытками «символического разрыва» с советским периодом;

2) 1994—2000 гг. — усиление элементов «молдавского национализма» и движение к частичному компромиссу в области политики памяти через «амнезию» и риторику национального согласия;

3) 2001—2009 гг. — попытки ПКРМ сформулировать «национальную идеологию» молдавской государственности, включавшие радикальный (этнистский) вариант «молдовенизма», частичную символическую реабилитацию советского прошлого и борьбу с «нежелательными элементами», прежде всего со сторонниками «панрумынизма»;

4) 2009—2010 гг. — попытки радикального пересмотра политики памяти в направлении антикоммунизма и первые шаги к институциональному закреплению модели *transitional justice* (создание «комиссии Гимпу»).

Несмотря на важнейшую роль начальной стадии «национализации» публичной сферы, до начала 2000-х гг. вряд ли можно говорить о координированной «исторической политике» со стороны государства. Поляризация молдавского общества — и вытекающая из этого неоднозначность и противоречивость «политики памяти» — проявилась с особой интенсивностью после прихода к власти Партии коммунистов в 2001 г. В этом смысле как политика ПКРМ, так и «антикоммунизм» части нынешних молдавских властей вписываются в общую тенденцию политизации исторического дискурса, характерную для стран Восточной Европы. Специфика молдавского (не до конца оформленного) варианта «исторической политики» демонстрирует сложное переплетение вопросов идентичности, «коллективной памяти» и дефицита легитимности постсоветского государства.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Таки В., Кушко А. Кто мы? Историографический выбор: Румынская нация или молдавская государственность // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 485—495.

² War and Remembrance in the Twentieth Century / J. Winter, E. Sivan (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 32.

³ *Gonzalez-Enriquez C.* De-Communization and Political Justice in Central and Eastern Europe // *The Politics of Memory: Transitional Justice in Democratizing Societies* / A. Barahona de Brito, C. Gonzalez-Enriquez, P. Aguilar (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. P. 218—247.

⁴ *Judt T.* From the House of the Dead: An Essay on Modern European Memory // *Idem.* Postwar: A History of Europe since 1945. N. Y.: The Penguin Press, 2005. P. 803—831.

⁵ *Maier Ch. S.* Hot Memory... Cold Memory: On the Political Half-Life of Fascist and Communist Memory // *Transit-Virtuelles Forum*. No 22. 2002.

⁶ Имеется в виду секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе, приложенный к Пакту Молотова—Риббентропа.

⁷ Декларация о независимости Республики Молдова. Источник: www.europa.md

⁸ Самым известным примером в этом смысле была брошюра одного из основных идеологов этого течения: *Petre P. Moldovan* [Vasile Stati]. *Moldovenii on istorie*. Chişinău, 1993.

⁹ *King Ch.* Moldovenii: România, Rusia şi politica culturală. Chişinău: ARC, 2002. P. 160.

¹⁰ Ibid. P. 160

¹¹ *Cojocaru Gh.* Simboluri de mituri: Mitul politic prrtao la guvernare” // *Arena Politicr*. 1996. No 5. Цит. по: *Fruntađu Iu.* O istorie etnopoliticr a Basarabiei (1812—2002). Chişinău: Cartier, 2002. P. 375.

¹² *Fruntađu Iu.* Op. cit. P. 375.

¹³ Интересный (и междисциплинарный) подход к дилеммам конструирования молдавского постсоветского государства содержится в книге: *Stat slab, setrgueneie incerttr: Studii despre Republica Moldova* / M. Heintz (ed.). Bucureşti: Curtea Veche, 2007.

¹⁴ *Стату В.* История Молдовы. Кишинев, 2003; *Степанюк В.* Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006.

¹⁵ Закон об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова № 546-ХУ от 19. 12. 2003 г. Источник: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=312846&lang=2>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В 2003 г. было издано несколько брошюр с подробными отчетами о работе съезда и «резолуциями» по каждому историческому периоду.

²⁰ *Memoriu al Asociaюiei Istoriceilor din Republica Moldova* // *On aprrarea istoriei de demnitriюiei naюionale*. Chişinău, 2003. P. 39.

²¹ Ibid. P. 41.

²² Письмо вице-премьер-министра Виктора Степанюка Президенту В. Воронину от 28 апреля 2009 г. см. в: *Юурсани А.* Din роота secrettr a comuniюitilor: Stepaniuc de Voronin, combrtând românismul [Из секретной переписки коммунистов: Как Степанюк и Воронин боролись с румынизмом]. Timpu, 2010.

²³ Там же.

²⁴ Более подробный анализ этих вопросов см.: *Cojocari L.* Public Symbols, Collective Memory, and Nation-Building Process in the Post-Soviet Borderland. The Case of Victory Day in the Republic of Moldova // *EU — Russia: Discourses, Memories, and Spaces of Inter-Subjective (Dis)Connections* / A. Makarychev (ed.) (в печати).

²⁵ Подробный и сбалансированный анализ «использования и инструментализации» Холокоста в постсоветской Молдове см. в статье: *Dumitru D.* The Use and Abuse of the Holocaust: Historiography and Politics in Moldova // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 22. No 1. Spring 2008. P. 49—73.

²⁶ *Ibrig S.* Wer sind die Moldawier? Rumänismus versus Moldowanismus in Historiographie und Schulbüchern der Republik Moldova, 1991—2006. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2008. S. 63—64.

²⁷ 28 июня 1940 г. советские войска вошли в Бессарабию в соответствии с ультиматумом, выдвинутым СССР румынскому правительству за два дня до этого.

²⁸ Судя по результатам внеочередных парламентских выборов 28 ноября 2010 г., активность Гимпу в сфере исторической политики не принесла ему политических дивидендов — его партия потеряла около 5% голосов и будет иметь в будущем парламенте 12 мест (по сравнению с 15 в предыдущем составе).

²⁹ Гимпу наградил бессарабских историков-румыноунионистов за «пропаганду исторической правды»: (<http://regnum.ru/news/fd-abroad/moldova/1359038.html?ixzz18pczK7YL>).

³⁰ Подробности см. там же.

Евгений Финкель

В поисках «потерянных геноцидов»:
Историческая политика
и международная политика
в Восточной Европе после 1989 г.*

Введение¹

В июне 2007 г. Европейский союз столкнулся с беспрецедентным кризисом: Польша пригрозила заблокировать предложение Германии, которое могло бы помочь выйти из тупика, связанного с неудачными попытками ратификации европейской Конституции. Некоторые страны прибыли на встречу ЕС на высшем уровне в Брюсселе со своими требованиями и оговорками, но польский демарш стал явным нарушением принятых правил политического торга в ЕС. Польша, присоединившаяся к ЕС только в 2004 г., настаивала на исправлении предложенной новой формулы голосования в ЕС, основанной на численности населения: польские представители утверждали, что эта формула ставит их страну в невыгодное положение из-за огромных потерь, понесенных ею во время Второй мировой войны. «Если бы Польше не пришлось пережить 1939—1945 гг., то, согласно демографическим закономерностям, сегодня она была бы страной с 66-миллионным населением. <...> Мы требуем только, чтобы нам вернули то, что у нас отняли», — заявил премьер-министр Польши Ярослав Качиньский².

* По статье Евгения Финкеля (*Evgeny Finkel*) «In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post—1989 Eastern Europe», опубликованной в журнале *Global Society* (Vol. 24, issue 1, 2010, P. 51—70) © 2010, Taylor & Francis Ltd. Публикуется с любезного разрешения *Taylor & Francis Ltd* (<http://www.informaworld.com>)

В феврале 2009 г. группа азербайджанских хакеров под названием *Azerbaijan Defacers* («азербайджанские разрушители») атаковала сайт Министерства финансов Армении и официальный сайт отделившейся от Азербайджана Нагорно-Карабахской Республики. На взломанных сайтах хакеры оставляли лозунг «Геноцид, совершенный в Ходжалы³, никогда не будет забыт!», а также другую информацию о том, что Азербайджан называет геноцидом своего народа, совершенным армянами⁴. В Южной Осетии молодая местная женщина Эльмира Козаева назвала своего новорожденного сына Геноцидом в память о тех событиях, которые осетины и их российские союзники считают геноцидом, творившимся Грузией в отношении осетин в течение всего XX и начала XXI века. Как сообщают российские СМИ, решение Козаевой побудило еще нескольких осетин назвать своих детей так же: мальчиков — Геноцид, девочек — Геноцида⁵.

В мае 2009 г. в России была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России⁶. Президент России Дмитрий Медведев заявил, что попытки фальсификации истории становятся «все более явными, злонамеренными и агрессивными»⁷ и эта новая комиссия должна противодействовать таким фальсификациям. Как ни странно, среди членов комиссии очень мало историков, но зато очень много людей, которые, по-видимому, знают, как противодействовать искажению истории, таких как начальник Генерального штаба ВС России и высшие офицеры внутренних и внешних служб безопасности.

Все это примеры «исторических войн», характерных для стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) после 1989 г., последствия которых для внутренней политики этих стран и для международных отношений на сегодняшний день недостаточно изучены. Я утверждаю, что после 1989 г. страны ЦВЕ и особенности территория бывшего СССР стали зоной, где постоянно, то там, то сям, ведется «поиск потерянного геноцида». Вопрос о том, следует ли на самом деле считать геноцидом

убийства и репрессии, о которых говорят официальные политические власти и пишут местные историки, выходит за рамки данной статьи. Я также не буду обсуждать здесь хорошо известные случаи геноцида, такие как Холокост и геноцид армян. Цель данной работы — обсудить, почему государства после 1989 г. стремятся представить свои прошлые страдания как геноцид, а также показать, как подобная политика влияет на международное общественное мнение. Я начну с краткого анализа роли истории в посткоммунистическом транзите, а затем опишу несколько случаев «поиска потерянного геноцида» в Азербайджане, Грузии (Абхазия и Южная Осетия), государствах Балтии (Эстония, Латвия и Литва) и Украине, уделив особое внимание международным последствиям этого феномена.

Историческая политика после 1989 г.

Важность истории, исторических мифов, национальной идентичности и толкований исторических фактов для построения государства признается большинством специалистов по сравнительной политике, национализму и международным отношениям. Однако в исследованиях переходных трансформаций и демократизации после 1989 г. преобладают соображения, связанные с рациональным выбором, институционализмом и характером элит⁸. Недостаточное внимание к вышеуказанным темам в литературе по общественным наукам можно объяснять разными причинами. Так, Тарас Кузио утверждает, что поскольку «в транзитологии обычно молчаливо предполагалось, что посткоммунистический переход будет следовать модели более ранних переходов, имевших место в Южной Европе и Латинской Америке», где проблемы государственного статуса и государственного строительства не играли заметной роли, в исследованиях постсоветского мира этим проблемам тоже уделялось мало внимания⁹. Кроме того, необходимо учитывать также особенности самого региона. Как ут-

верждает Джордж Шопфлин, одна из особенностей центральной европейской идентичности — это морализаторский и «историзирующий» подход к политике; Кэтрин Вердери пишет о «постсоциалистической некрофилии» — особенному вниманию к политически значимым трупам; Уилфрид Джилдж отмечает феномен «состояния в численности жертв», распространенный среди посткоммунистических элит¹⁰. Кроме того, если «центральным элементом коллективной западноевропейской памяти является Холокост, в бывших коммунистических странах существует тенденция вытеснять Холокост, помещая на центральное место память о своих национальных жертвах»¹¹.

Во многих государствах ЦВЕ и бывшего Советского Союза одной из особенностей такого подхода к истории и политике является активное и скоординированное участие политических элит в создании нужных им исторических мифов и нарративов. Последние становятся мощным инструментом строительства государства: они обеспечивают государству внутреннюю и внешнюю легитимность, объединяют и мобилизуют общество. Такие скоординированные усилия в сфере исторического мифотворчества были точно обозначены польским ученым и советником президента Качиньского Марекком Чихоцким как «историческая политика» (*polityka historyczna*)¹². По его определению, «историческая политика» представляет собой «непрерывное стимулирование обсуждения прошлого посредством различных форм его институционализации». По мнению Чихоцкого, у исторической политики много аспектов, но основной тезис таков: «мы не можем оставить историю историкам, и память должна оставаться живой субстанцией любовью политики»¹³. «Политика в отношении прошлого» является, по существу, «политикой в отношении настоящего»¹⁴.

В Польше, где родился термин «историческая политика», наиболее ярким ее проявлением является деятельность Института национальной памяти (ИНП)¹⁵ и Комиссии по расследованию преступлений против польского народа. Это мощные инструменты внутренней политики, хотя следует отметить, что

ИНП был создан в 2000 г., еще до того, как был четко определен термин «историческая политика». Подобные институты и организации были созданы и в других государствах ЦВЕ, таких как Словакия, Чехия и Украина. На политическом уровне проект исторический политики, который часто связывают с партией братьев Качиньских «Право и Справедливость» (*Prawo I Sprawiedliwość*), в предыдущие годы проявлялся в резких анти-немецких и антироссийских политических позициях польского правительства¹⁶. Еще одним проявлением исторической политики стало постоянное внимание к ожесточенным дискуссиям об острых исторических вопросах, таких как убийство тысяч польских военнопленных советским НКВД в Катыни в 1940 г. Однако наряду с убийствами в Катыни и потерями, понесенными Польшей во время нацистской оккупации, есть трагедии и темы, которые, по соображениям политической целесообразности, преднамеренно исключаются из проекта исторической политики. Так, например, этническая чистка с уничтожением тысяч польских гражданских лиц украинскими националистами (Волынская резня) редко становится предметом серьезных политических дискуссий.

Одним из основных, может быть, даже основным аспектом исторической политики является концентрация внимания на понесенных жертвах и перенесенных страданиях. Как отмечает Алексей Миллер, историческая политика вообще может проводиться только с позиции жертвы, поскольку она явным образом требует использования прошлых страданий не только как внутренней мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины»¹⁷ на международную арену. Подобный «экспорт» имеет целью обрести международную легитимность и мощный рычаг влияния, который затем можно использовать в ходе различных международных взаимодействий. В предельном случае концентрация на прошлых страданиях превращается в сотворение «национального Холокоста» — политики, широко используемой во многих посткоммунистических государствах, прежде всего в бывших республиках СССР.

На всем огромном пространстве от Эстонии на севере до Казахстана на юге вряд ли найдется страна, в которой власти или оппозиция не рассматривали бы всерьез идею официального признания прошлых страданий как геноцида. В стремлении продемонстрировать, что исторический контекст в самом деле соответствует юридическому определению этого понятия, представленному в Конвенции ООН по предотвращению и наказанию геноцида, они нередко проявляют большую изобретательность. Следует еще раз подчеркнуть, что потери и трагедии, оцениваемые этими странами как геноцид, являются реальными, хотя не каждая такая трагедия подпадает под юридическое определение геноцида. Понятно, что историческая политика не обязательно требует сотворения «национального Холокоста»¹⁸: это всего лишь частный, хотя и крайний случай подчинения истории политике. Существует много способов реализации исторической политики и без создания постфактум мифов и нарративов о геноциде. Однако иногда бывает чрезвычайно трудно преодолеть искушение использовать такое сильнодействующее понятие для достижения политических целей.

Почему политики так упорно стремятся к тому, чтобы трагедии, пережитые их странами в прошлом, были признаны именно геноцидом? Ответ на этот вопрос связан тем, какое место занимает понятие геноцида в современной политике, с его особой нормативной и практической ролью. Во-первых, превращение в жертву геноцида дает возможность не брать на себя ответственность за несправедливости и преступления, совершенные представителями «пострадавшей нации». Сотрудничество с нацистами и участие в Холокосте, согласно популярной ныне теории, были просто актами мести за геноцид, учиненный Советами и их еврейскими пособниками¹⁹. Кроме того, многие посткоммунистические страны и все бывшие республики СССР получили (или в некоторых случаях вернули себе) независимость лишь недавно, а, как показывает международная практика, для легитимации независимости гу-

манитарная трагедия, в частности геноцид, является сильнейшим аргументом²⁰. Поскольку аргумент о геноциде обладает огромной моральной и юридической силой, политики нередко применяют этот термин без достаточных оснований и преувеличивают число жертв геноцида, пользуясь тем, что данное юридическое понятие имеет широкое и размытое значение.

Политическое и риторическое использование этого слова часто не имеет никакого отношения к научным определениям и спорам. В современном политическом дискурсе и отдельные политики, и целые группы обращаются к этому взрывоопасному термину при описании самых разных проблем, от СПИДа до рыночных реформ²¹. И если «требование признать себя жертвой — это оружие слабого, то требования признать геноцид — это просто “серебряная пуля”»²². Группы сепаратистов, утверждает Брайан Гродски, могут использовать заявления о геноциде, чтобы подчеркнуть невозможность мирного сосуществования с государством, от которого они хотят отделиться²³. Кроме того, даже после обретения независимости лидеры часто выдвигают аргумент геноцида: чтобы оправдать свое независимое существование, создать собственную национальную идентичность и исторический нарратив, которые сделают невозможным возвращение к прежнему политическому порядку²⁴. Однако чтобы стать эффективным политическим инструментом, такая трактовка должна быть не только воспринята и усвоена гражданами данной страны, но и признана другими странами²⁵.

Огромный стимул для того, чтобы представить прошлую трагедию как геноцид — это важные политические последствия такого признания, как внутренние, так и международные. На внутригосударственном уровне официальное обозначение прошлых событий как геноцида часто углубляет раскол в обществе и ведет к еще большей поляризации. Кроме того, институционализация памяти вводит ограничения в сфере исторических исследований и политического дискурса. Официально санкционированные оценки исторических фактов могут

использоваться (и часто используются) для дискредитации политических противников и объявления сторонников других взглядов или членов «не тех» групп врагами нации и прислужниками иностранных держав. Кроме того, вероятно, нет лучшего способа внедрить нужную концепцию трагедии, чем назвать ее геноцидом. В недавно возникших государствах воздействие таких установок особенно эффективно, поскольку «в стране без истории будущее выигрывает тот, кто формирует память, определяет понятия и интерпретирует прошлое»²⁶.

Проект исторической политики, в основе которого — конструирование нарратива о геноциде, не только формирует внутреннюю политику; он также может иметь серьезные последствия на международном уровне. Государства, которые утверждают, что пережили геноцид, прилагают значительные усилия, чтобы добиться международного признания своих трагедий. Для достижения этой цели они используют следующие стратегии, обращенные во внешний мир:

- добиваются, чтобы пережитый ими геноцид был подтвержден международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций, Европейский союз или Совет Европы;
- добиваются, чтобы геноцид был формально подтвержден иностранными государствами;
- ведут международные кампании, часто возглавляемые или поддерживаемые неправительственными организациями и группами диаспоры, по расширению глобального признания пережитого ими геноцида;
- инициируют судебные иски против предполагаемых преступников, как частных лиц, так и государств, во внутренних и международных судах.

Кроме того, даже когда попытки добиться признания геноцида заканчиваются неудачей, у международного сообщества все равно не остается выбора: заявления о геноциде приходится обсуждать, и тем самым они становятся неотъемлемой ча-

стью глобального контекста, связанного с данной страной. Следует также помнить, что «экспорт вины», в рамках которого конкретные события и политика представляются как геноцид, обычно вызывает резкую реакцию государства, обвиненного в совершении геноцида. В результате раскручивается спираль взаимных обвинений, дипломатических конфликтов и «сражений за прошлое», которые, вообще говоря, могут превращаться и в реальные войны.

«Постгеноциды» на постсоветском пространстве

Государства (и квазигосударства), расположенные на территории бывшего Советского Союза, можно разделить на две основных категории на основании того, как они используют понятие геноцида в представлении, признании и классификации трагедий прошлого²⁷. В одной группе государств перенесенные в прошлом страдания признавались актом геноцида в официальном дискурсе, но это признание не имело практических последствий. Одно из таких государств — Казахстан. Как указывает Сара Кэмерон, в конце 1980-х гг. казахские историки и демографы «обнаружили», или, точнее, им было разрешено обратить внимание на болезненную в политическом отношении тему голода 1930—1933 гг. К моменту обретения независимости и в начале 1990-х казахский голод стал предметом серьезных академических исследований: историки, демографы и политики широко обсуждали эту тему. Для изучения этой проблемы правительство создало официальную комиссию, которая пришла к выводу, что от голода в этот период погибло более двух миллионов человек. Проводились церемонии поминовения жертв, публиковались бесчисленные газетные и журнальные статьи, были попытки создания институтов и организации символического суда над лидерами Коммунистической партии эпохи Сталина, предложения об установке памятников и активном использовании слова «геноцид». Одна-

ко с середины 1990-х годов научный и общественный интерес к этой теме стал снижаться, и многие монументы, которые должны напоминать о казахском голоде, так и остались недостроенными. Но казахский голод все же описывается в учебниках истории в Казахстане, и часто его называют «геноцидом Голощекина» (по фамилии тогдашнего руководителя Коммунистической партии Казахстана)²⁸.

Требования официально признать ту или иную политику или те или иные действия геноцидом постоянно выдвигаются в разных государствах и исходят как от членов правящих политических элит, так и от оппозиции. Например, исламская оппозиция в Узбекистане обвиняет правительство президента Ислама Каримова в геноциде в отношении местного мусульманского населения²⁹. В Молдове местные националисты обвиняют политические силы, требующие объединения с Румынией, в попытках развязать геноцид против крошечного нацменьшинства гагаузов³⁰. В Чечне и сепаратисты, и федеральные власти постоянно обвиняли друг друга в актах геноцида против чеченцев и русских соответственно³¹. Подобные сообщения часто появляются в новостях, но их влияние, разумеется, несопоставимо с государственным. Если решение о том, чтобы представить и признать некий акт геноцидом принимается на официальном уровне, то государство использует свои огромные административные, юридические, политические и образовательные ресурсы, чтобы добиться этого признания и внутри страны, и за ее пределами.

Почему же одни государства стремятся представить свои страдания как геноцид, а другие воздерживаются от этого? К сожалению, местные ученые пока не обратили должного внимания на этот вопрос. В некоторых случаях, например в России, причина в том, что доминирующий исторический миф военной силы, статуса сверхдержавы и победы во Второй мировой войне трудно совместить с позицией бессильной жертвы (а требование признать факт геноцида подразумевают именно такую позицию). В других странах власти эксплуати-

ругие, более мощные источники внутренней легитимности и мобилизации, например, клановые или персоналистские системы распределения благ. Значительную роль могут играть также такие факторы, как наличие сильной диаспоры, которая часто активно способствует поиску прошлых геноцидов, или важность отношений с государством или нацией, которую следовало бы обвинить в совершении геноцида. В целом, однако, можно предположить, что чем выше уровень внешней угрозы государству, реальной или воображаемой, и чем больше потребность элит в единении с народом, тем более вероятна принадлежность страны ко второй категории.

Эта вторая группа государств состоит из стран, которые официально считают свои трагедии геноцидом. В разных странах подобная позиция может иметь разные политические последствия; формы сохранения памяти также отличаются друг от друга, как и реакция международного сообщества на стремление той или иной нации считать себя жертвой геноцида. В следующих разделах мы познакомимся с несколькими такими государствами и международными последствиями их притязаний на статус жертвы геноцида.

Азербайджан:

Ходжалы — самая большая трагедия XX столетия

Азербайджан — интересный и важный пример постсоветского конструирования исторического нарратива. «Обретение независимости республикой Азербайджан позволило восстановить объективную картину прошлого нашего народа. Истины, которые долгие годы держались в тайне, подавлялись и запрещались, выходят наружу, и открывается реальность, подкрепленная фактами, которые когда-то были фальсифицированы. Одной из неизученных страниц истории является геноцид, который неоднократно совершался в отношении азербайджанского населения [армянами] и который на протя-

жении долгого времени не получал надлежащей политической и юридической оценки», — гласит декрет, изданный в марте 1998 г. президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым³². Декрет провозглашал 31 марта официальным днем поминовения — Днем геноцида азербайджанцев. Упомянутая выше резня в Ходжалы (в этом документе «геноцид Ходжалы»), которая произошла во время войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха, оценивается как одна из самых больших трагедий в истории азербайджанского народа. Другие общественные деятели в Азербайджане в своих оценках трагедии Ходжалы идут еще дальше, называя ее «величайшей и самой ужасной трагедией XX столетия»³³.

Ходжалы — маленький городок в Нагорном Карабахе, в котором тогда было примерно 6 тыс. жителей, среди которых преобладали этнические азербайджанцы и турки-месхетинцы³⁴. Ходжалы был стратегически важным центром, здесь располагался единственный в Карабахе аэропорт. Ночью 25 февраля 1992 г., в четвертую годовщину армянских погромов в азербайджанском городе Сумгаите, армяне напали на город и захватили его, убив много гражданских лиц³⁵. Согласно официальным азербайджанским оценкам, было убито 613 гражданских лиц (среди них 106 женщин и 83 ребенка), тысячи были ранены, взяты в заложники или стали беженцами³⁶. Армяне оспаривают список убитых, утверждая, что убийства произошли из-за того, что азербайджанские боевики перемешались с беженцами.

В 1998 г. власти Азербайджана официально признали резню в Ходжалы геноцидом, и с тех пор прилагаются значительные усилия для того, чтобы эта трагедия была признана актом геноцида на международном уровне. Одна из стратегий руководства Азербайджана состояла в том, чтобы институционализировать этот геноцид, сделав 31 марта официальным днем поминовения. В этот день в Азербайджане проводятся специальные церемонии, на которых обычно присутствуют высшие государственные официальные лица, и такие же церемонии

организуют дипломатические представители Азербайджана в других государствах. Эти скоординированные усилия позволили добиться впечатляющих результатов: например, в 2008 г. специальные мероприятия, посвященные памяти жертв геноцида в Ходжалы, прошли в 60 городах по всему земному шару, от Сиднея до Праги и Нью-Йорка³⁷.

Оценку резни в Ходжалы как геноцида продвигают не только дипломатические представители Азербайджана, особая роль в этом принадлежит группам азербайджанской диаспоры, а также гораздо более влиятельной и многочисленной турецкой. Внимание турецкой диаспоры и турецкого государства к геноциду в Ходжалы может объясняться не только братскими отношениями между азербайджанским и турецким народами, но также и стремлением турок преуменьшить значимость политических баталий по поводу признания геноцида армян, совершенного Османской империей. Не удивительно, что когда проблема Ходжалы была поднята в американском Конгрессе, конгрессмен от Индианы Дэн Бертон указал на явную связь между этими событиями: *«Из года в год в апреле многие выдающиеся члены Конгресса приходят в эту Палату, чтобы вспомнить так называемый “геноцид армян”, точные детали которого еще и сейчас, спустя почти 90 лет после тех событий, являются предметом споров. Парадоксально и трагично то, что ни один из участников этих мероприятий ни разу не упомянул этническую чистку, учиненную армянами во время войны между Арменией и Азербайджаном, которая имела место всего десять лет назад»*³⁸.

Стремление Бертона поднять проблему Ходжалы на Капитолийском холме поддержали другие члены Конгресса США, такие как Билл Шустер из Пенсильвании и Зо Лофгрэн из Калифорнии. Хотя, в отличие от армянского геноцида, Ходжалы так и не стал в США политически значимой проблемой, тем не менее перед нами пример все более популярной международной тенденции: страны пытаются добиться от иностранных

держав формального признания определенных трактовок истории и превратить законодательные органы в поля сражений за чужое прошлое.

Еще одна страна, которую Азербайджан пытается склонить к признанию геноцида Ходжалы, это Израиль — хрестоматийный образец государства после геноцида, политический, а для некоторых и моральный авторитет в вопросах геноцида, исторической памяти и коммеморации. Так, 21 апреля 2009 г. (в очередную годовщину восстания в Варшавском гетто) президент Алиев обратился к еврейскому сообществу Азербайджана, недвусмысленно представив геноцид в Ходжалы как неусвоенный урок Холокоста³⁹. В 2008 г. Конгресс азербайджанцев в Израиле⁴⁰ убеждал израильских чиновников воздержаться от «обсуждения так называемого геноцида армян», утверждая, что реальные жертвы геноцида — азербайджанцы, а не армяне. В израильском парламенте был организован «круглый стол», посвященный геноциду в Ходжалы⁴¹. По словам высокопоставленного азербайджанского чиновника, в различных музеях Холокоста должны быть созданы специальные секции, посвященные геноциду в Ходжалы, чтобы лучше «информировать международное сообщество об армянской агрессии против Азербайджана и добиваться обсуждения этого факта в парламентах и в политических кругах по всему миру»⁴².

Азербайджан также приложил много усилий для того, чтобы ввести проблему Ходжалы в повестку дня различных международных организаций. Оставшиеся в живых жители Ходжалы и беженцы, с помощью властей Азербайджана, постоянно обращаются к Генеральной Ассамблее ООН и в Совет Безопасности с требованиями признать эту резню геноцидом. Книги и подборки документов, касающиеся трагедии Ходжалы, распространяются среди членов ПАСЕ, а в Европейском парламенте проводятся специальные мероприятия. Двадцать девять членов ПАСЕ из Великобритании, Норвегии, Польши и других государств подписали документ о признании геноцида Ходжа-

лы, а Молодежный форум Организации Исламская конференция организовал международную кампанию «Правосудие для Ходжалы». Азербайджанские чиновники стараются упомянуть о геноциде на каждом мероприятии, в котором они участвуют, и привлекают к нему внимание любой аудитории, к которой они могут обратиться⁴³.

В самом Азербайджане после обретения независимости Ходжалы стал одним из главных столпов национальной идентичности. При том огромном внимании, которое уделяется этой проблеме на официальном уровне, любая критическая оценка этой версии становится невозможной и даже опасной. Например, журналист Эйнулла Фатуллаев, критиковавший действия правительства Азербайджана во время сражения в Ходжалы, был приговорен к двум с половиной годам тюрьмы за оскорбление памяти жертв. Кроме того, как отметил Гродски, если обе стороны конфликта предъявляют друг другу обвинения в геноциде, вероятность мирного урегулирования существенно уменьшается⁴⁴. Есть основания полагать, что подобная официальная точка зрения на геноцид еще более осложняет разрешение затяжного военного конфликта на Южном Кавказе, имеющем важное международное значение и богатом нефтью.

Грузия — земля трех геноцидов

Судя по заявлениям российских, грузинских, абхазских и осетинских властей, Грузия, маленькое государство в Закавказье, ставшее всемирно известным в связи с «революцией роз» и войной против России летом 2008 г., — вероятно, самое «геноцидоопасное» место на земном шаре. Если суммировать утверждения разных сторон, с 1989 г. здесь имели место, по крайней мере, три геноцида. Два из них были устроены грузинами против абхазцев и осетин⁴⁵, а третий был организован абхазцами и их российскими союзниками против этнических грузин.

Грузино-абхазский конфликт вспыхнул на фоне распада СССР, когда грузинские националисты потребовали независимости от СССР, а абхазцы — независимости от Грузии. В 1992 г., после того, как Тбилиси послал в Абхазию войска, чтобы предотвратить раскол, политический конфликт превратился в полномасштабную войну. На территории протогосударства Абхазия, где этнические абхазцы составляли только пятую часть населения, в 1993 г. произошли особенно жестокие столкновения, которые привели к появлению десятков, если не сотен тысяч беженцев. Абхазцы бежали в Россию, а грузины из этой отколовшейся области бежали во внутренние районы страны, находящиеся под контролем Тбилиси. Осенью 1993 г., под шум обвинений в получении российской помощи, абхазские сепаратисты «освободили» свою территорию от власти Грузии. А в следующем году Абхазия объявила себя независимой⁴⁶.

После этого военного конфликта обе стороны постоянно выдвигают взаимные обвинения в геноциде. Для абхазцев изображение войны как борьбы против геноцида (с превращением, таким образом, сепаратистского конфликта в гуманитарную проблему) стало ключевым аргументом, который призван оправдать их стремление к независимости. Кроме того, обвинения в геноциде широко использовались Сухуми для получения международной — но прежде всего российской — политической и военной поддержки. «Народ Абхазии подвергся геноциду», — говорил президент Абхазии в 2007 г., утверждая, что воссоединение с Грузией равносильно национальному самоубийству⁴⁷. Советник абхазского правительства по внешней политике Вячеслав Чирикба охарактеризовал грузинскую политику по отношению к этому региону как «абхазский Холокост» и «попытку “окончательного решения” абхазского вопроса»⁴⁸.

Не удивительно, что грузинские власти противопоставили абхазским обвинениям свои собственные обвинения в геноциде. «То, что совершили абхазские сепаратисты в отношении

грузин, при явной помощи внешних сил, должно классифицироваться как преступление против человечности, геноцид и вандализм», — утверждал президент Грузии Эдуард Шеварднадзе⁴⁹. В 1993 г. была создана правительственная комиссия, которая должна была собрать материалы по геноциду и добиваться суда над преступниками в специальном Международном трибунале⁵⁰.

С тех пор попытки разрешить этот конфликт постоянно сопровождаются обвинениями и контробвинениями в геноциде. Грузинские власти «неоднократно — и безуспешно — обращались в Совет Безопасности ООН с целью добиться признания геноцида этнических грузин. По крайней мере, отчасти эти обращения в ООН были мотивированы верой в то, что признание геноцида может означать возможность использования силы для разрешения конфликта. Они обращались и в другие структуры ООН, в частности, к Генеральному секретарю и в Комиссию по правам человека, и требовали международного судебного расследования. Лидеры Абхазии также требовали, чтобы Совет Безопасности ООН осудил кампанию геноцида со стороны Грузии, и прилагали все усилия, чтобы дезавуировать грузинские обращения»⁵¹.

Грузия также потребовала формального признания геноцида от ОБСЕ, которая действительно признала, что в Абхазии имела место этническая чистка, но, к огорчению Тбилиси, не решилась, однако, обозначить эти события как геноцид. В 2003 г. Тбилиси объявил о своем намерении обратиться с иском по поводу геноцида в Гаагский суд. В 2006 г. представитель Грузии в ООН Реваз Адамия открыто обвинил Россию в соучастии в геноциде в Абхазии⁵². Однако самым важным следствием политики, которая строится на признании геноцида, является то, что она безусловно блокирует сколько-нибудь существенное продвижение к разрешению конфликта. После «революции роз» премьер-министр Грузии Зураб Жвания утверждал, что его правительство не будет вести переговоры с абхазцами, пока они не признают геноцид 1993 г. Власти Сухуми, со своей

стороны, в качестве предварительного условия для переговоров потребовали, чтобы Грузия признала геноцид в отношении абхазцев⁵³.

Южная Осетия — еще одна отделившаяся область, в которой широко используется термин «геноцид». Как и абхазцы, южные осетины не поддерживали стремление грузин к независимости и надеялись на сохранение СССР или на объединение со своими братьями, живущими в Северо-Осетинской автономной республике России. После военного конфликта с Грузией в начале 1990-х гг. осетинские лидеры активно разрывали карту геноцида, чтобы оправдать стремление области к самоопределению. Хотя число погибших осетин составляет, по разным данным, от двух до трех тысяч⁵⁴, утверждалось, что для такой маленькой нации любые потери фактически эквивалентны геноциду⁵⁵. Обвинения в геноциде также активно использовались руководством Южной Осетии для отказа от любых серьезных переговоров с Грузией: осетины требовали официального признания геноцида в качестве предварительного условия для переговоров⁵⁶.

Хотя Южная Осетия сделала несколько попыток добиться широкого международного признания геноцида в отношении осетин, их аргументы и требования были в первую очередь обращены к России. И когда в августе 2008 г. грузинские войска попытались захватить Цхинвал, Россия послала в Южную Осетию вооруженные силы, утверждая, что она вступает в войну, или, как говорилось в официальных заявлениях, участвует в операции по «принуждению к миру», чтобы защитить южных осетин от геноцида. Невозможно оценить, насколько искренне Кремль полагал, что в Осетии действительно имел место геноцид, но даже если имело место циничное злоупотребление этим аргументом, с этого момента стало невозможно говорить о конфликте в Закавказье и связанной с ним угрозе новой холодной войны, не затрагивая проблему геноцида.

Кроме того, когда президент Медведев представил геноцид как одну из основных причин признания независимости Юж-

ной Осетии и Абхазии, у руководителей других стран не осталось иного выбора, как вступить в обсуждение этой проблемы⁵⁷. В Осетии Кремль также решил инициировать уголовное расследование предполагаемого геноцида. Российские правоохранительные органы начали собирать доказательства геноцида со стороны грузин, которые предполагалось использовать при расследовании действий грузинского руководства в Международном уголовном суде. Не удивительно, что такие свидетельства были тут же найдены российским Следственным комитетом, который зафиксировал убийства 162 осетин — гражданских лиц⁵⁸. Другой судебный процесс, на сей раз Грузии против России, был инициирован в Международном суде в Гааге⁵⁹.

Государства Балтии: память плюс преследование

В Литве, Латвии и Эстонии многие рассматривают коммунистическую эпоху, и особенно 1940-е гг., как период советского геноцида против местного населения⁶⁰. Кроме того, некоторые балтийские интеллектуалы и политические фигуры, такие как видный литовский писатель Йонас Микелинскас, утверждали, что этот регион пережил «двойной геноцид»: один со стороны Советов, а другой — Холокост, учиненный нацистской Германией. Сторонники этой теории, которая стала очень популярной в середине 1990-х гг., утверждали, что литовские евреи активно участвовали в репрессиях в отношении местного населения и поэтому его сотрудничество с нацистами и участие в Холокосте было просто актами мести⁶¹. Политические репрессии сталинского НКВД, массовые высылки в Сибирь и кампания коллективизации — все это Балтийские государства считают компонентами советского геноцида. Однако, в отличие от других постсоветских стран, Латвия, Литва и Эстония не прилагали больших усилий, чтобы добиться формального международного признания этого геноцида и выбра-

ли стратегию сохранения памяти, расследований и привлечения к суду.

Важной частью этой стратегии стало создание специальных комиссий и исследовательских групп для сбора информации о советских репрессиях. Так, в 1992 г. в Эстонии была создана Государственная комиссия по изучению репрессивной политики. В 2005 г. результаты работы этой комиссии были опубликованы эстонскими властями под названием «Белая книга: потери, причиненные эстонской нации оккупационными режимами в 1940—1991 гг.». В «Белой книге» советская политика по отношению к Эстонии была обозначена как геноцид. Во время нацистской оккупации Эстония тоже подверглась террору, «но в отношении населения Эстонии он не был столь массовым, как в годы коммунистического правления»⁶². Кроме того, этот документ категорически отвергает какую-либо причастность эстонского населения к Холокосту, заявляя, что в Эстонии, в отличие от других стран, нацистам не удалось побудить эстонцев уничтожать людей других национальностей⁶³. Подобные комиссии были созданы также в Литве (Международная комиссия по оценке нацистских и советских оккупационных режимов в Литве) и Латвии (Латвийская историческая комиссия). Органы расследования, такие как литовский Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы, взяли на себя примерно ту же роль, что и польский Институт национальной памяти. Были также созданы музеи оккупации и геноцида. Следует отметить, что в литовском Музее геноцида почти полностью отсутствуют упоминания о Холокосте, практически все внимание уделяется только сталинским репрессиям. Не удивительно, что отказ Балтийских государств разобраться в собственном прошлом, вытекающий из восприятия самих себя только как жертв, пострадавших, вызвал серьезную международную критику их политики⁶⁴. Кроме того, поскольку государства Балтии стали членами НАТО и ЕС, их историческая политика и ее международные последствия начинают оказывать влияние на сами эти организации.

В 2007 г. эстонское правительство приняло решение переместить с площади Тынисмяги в центре Таллина памятник «Бронзовый солдат». Многие местные жители воспринимали памятник как символ советской оккупации, сопровождавшейся геноцидом; иногда его называли памятником «неизвестному насильнику в советской военной форме»⁶⁵. Решение перенести памятник в другое место вызвало уличные протесты по всей Эстонии. Двусторонний конфликт между Эстонией и Россией стремительно превратился в конфликт между Россией и ЕС, несмотря на нежелание Брюсселя портить отношения с Кремлем. После того как посольство Эстонии в Москве стало объектом постоянной агрессии и семьям дипломатов пришлось эвакуироваться из России, ЕС не оставалось ничего другого, как вмешаться в конфликт, недвусмысленно встав на сторону государства—члена ЕС. Кроме того, из-за особенностей процесса принятия решений в ЕС, под угрозой оказалась вся система отношений ЕС с Россией⁶⁶. К этому добавились кибератаки российских хакеров на эстонские правительственные сайты, которые вызвали беспокойство не только в Эстонии, но и в НАТО в целом. «Это проблема, представляющая непосредственную угрозу нашей безопасности, мы относимся к этому очень серьезно... Это затрагивает глубинные основы деятельности альянса», — сказал официальный представитель НАТО⁶⁷.

Наряду с мемориальными акциями, власти государств Балтии также ведут политику судебного преследования людей, участвовавших в депортациях и репрессиях в советскую эпоху, обвиняя их в геноциде и преступлениях против человечества. Как отмечает Ритис Саткаускас, к 2000 г. в одной только Литве был инициирован 91 процесс против тех, кто осуществлял советские репрессии в послевоенный период, и примерно столько же в Латвии и Эстонии. Осужденные, как правило, получают условные приговоры, но некоторые все же попадают в тюрьму⁶⁸. Эти процессы по поводу геноцида в большинстве своем прошли незаметно для международного сообщества, хотя некоторые из них все же имели международный резо-

нанс⁶⁹. В 2007 г. власти в Таллине возбудили процесс против Арнольда Мери, бывшего высокопоставленного чиновника Коммунистической партии Эстонии и советского ветерана Второй мировой войны, удостоенного наград. 88-летний Мери обвинялся в геноциде, поскольку в марте 1949 г. участвовал в депортации населения с острова Хийумаа. В отличие от многих предыдущих процессов, суд над Мери освещался в международной печати, главным образом, из-за высокого личного статуса ответчика и острой реакции на этот процесс в Москве. Однако в связи со смертью Мери в марте 2009 г. процесс был прекращен.

В Латвии наибольшую международную известность получил процесс Василия Кононова. Кононов, советский партизан Второй мировой войны и полковник милиции в отставке, был подвергнут судебному преследованию по обвинению в геноциде и военных преступлениях за убийство девяти латвийских гражданских лиц, включая нескольких женщин, подозревавшихся в сотрудничестве с нацистами, во время карательной операции в деревне Мазе Бати (*Mazie Bati*) в мае 1944 г. В 1998 г. семидесятипятилетний Кононов был признан виновным и приговорен к шести годам тюрьмы. В 2004 г. Верховный суд Латвии смягчил приговор, сократив срок заключения до двадцати месяцев. Кононов, которого активно поддерживала Россия, обвинявшая Латвию в реабилитации нацизма, обратился в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге. В июле 2008 г. ЕСПЧ полностью отменил решение латвийского суда и оправдал ветерана⁷⁰.

Однако Россия — не единственное государство, вовлеченное в конфликты, связанные с расследованиями актов геноцида и соответствующими процессами. В июне 2007 г. генеральная прокуратура Литвы обратилась к своим израильским коллегам за помощью в расследовании в отношении д-ра Ицхака Арада, бывшего председателя правления мемориального центра «Яд Вашем» (Израильское управление по увековечиванию памяти о Холокосте). Литва подозревала Арада в пре-

ступлениях против человечности, таких как «убийства гражданских лиц, военнопленных, убийства литовских партизан, которые были предположительно совершены во время службы упомянутого лица в советском НКВД»⁷¹. Арад, известный историк, переживший Холокост, партизан Второй мировой войны и бригадный генерал израильской армии в отставке, категорически отверг эти обвинения. Как и ожидалось, Израиль отказался от сотрудничества с Литвой в этом вопросе. В связи с этим иском по всему миру прокатилась волна протестов и публикаций в СМИ, в которых ставился вопрос, намерена ли Литва сделать объектом преследований тех, кому удалось пережить Холокост. Понятно, что это стало серьезной угрозой для международной репутации этой страны⁷². Руководители Всемирного еврейского конгресса обратились к премьер-министру Литвы с настойчивой просьбой «воздержаться от преследований героев эпохи Холокоста»⁷³. В конце концов литовские власти прекратили преследование Арада⁷⁴.

Поскольку большинству фактических и потенциальных ответчиков по делам и расследованиям в связи с этим геноцидом сейчас уже за 80 или даже за 90 лет, правовой аспект в конструировании нарратива о геноциде в государствах Балтии в ближайшие годы сойдет на нет. Однако представление советской оккупации как геноцида может иметь серьезные политические последствия для европейского континента в целом. Из-за различий в восприятии Второй мировой войны европейские государства и международные организации уже сейчас участвуют в острых дискуссиях вокруг этого ключевого элемента послевоенной европейской идентичности. Недавнее решение ПАСЕ, фактически приравнявшее сталинизм к нацизму⁷⁵, — лишь одно из проявлений этого процесса, который затрагивает не только ОБСЕ, но также ЕС и НАТО, особенно когда речь идет об отношениях с Россией. Представление советского правления как геноцида в официальной риторике некоторых постсоветских стран ведет к отчуждению местного русско-

язычного населения, поскольку их начинают воспринимать как потомков оккупантов и преступников. Уличные волнения в Таллине в связи с перенесением «Бронзового солдата» ясно продемонстрировали способность и готовность значительной части русскоязычного меньшинства бросить властям недвусмысленный вызов по поводу исторических символов, и потенциал для новых уличных столкновений, кибератак и дипломатических войн остается высоким.

«Украина помнит, мир признаёт»⁷⁶

Голодомор — искусственно вызванный голод 1932—1933 гг. — расценивается украинцами как самый трагический эпизод в их истории⁷⁷. В советскую эпоху Голодомор оставался одним из «белых пятен» в истории, на протяжении многих десятилетий сам факт голода держался в строжайшей тайне. С конца 1980-х различия в оценке этого трагического периода резко разделили украинское общество на тех, кто добивался демократизации, с одной стороны, и сторонников коммунистического правления — с другой. Это не удивительно, поскольку сам термин «Голодомор» был предложен Иваном Драчом, одним из основателей оппозиционного движения «Рух»⁷⁸. Украинские национал-демократы утверждали, что голод начала 1930-х гг. был преднамеренной акцией, направленной против украинцев, в то время как их противники отрицали наличие этнической мотивации в этой катастрофе⁷⁹. В конце 1980-х Голодомор стал мощным оружием в руках тех, кто боролся за отделение Украины от СССР. Фильм, описывающий ужасы голода, демонстрировался по украинским телевизионным каналам накануне референдума по вопросу о независимости республики⁸⁰. В 2003 г. парламент Украины официально объявил Голодомор актом геноцида против украинского народа, совершенным режимом Сталина⁸¹. Президент Кучма также объявил 22 ноября Днем памяти жертв Голодомора. Однако эти

церемонии поминовения были предназначены в первую очередь «на экспорт»⁸².

«Оранжевая революция» изменила отношение официальных властей к Голодомору. В 2006 г. украинский парламент принял закон, признающий Голодомор геноцидом. Правительство Украины официально объявило 2008 г. «Годом памяти жертв Голодомора»; в ноябре того же года в Киеве была установлена огромная «Свеча Памяти» — монумент высотой 35 метров.

Медленно, но неуклонно Голодомор стал занимать исключительное положение как один из центральных компонентов украинской идентичности. В 2003 г. только 40% украинских граждан считали, что Голодомор — это «геноцид, совершенный большевистскими властями против украинского народа», а 13% респондентов никогда не слышали об этом голоде. В 2007 г. картина была уже совсем другой: 72,4% полагали, что голод был организован преднамеренно, и более 63% были согласны с тем, что Голодомор следует считать геноцидом⁸³.

Наряду с сохранением памяти внутри страны, главным приоритетом для украинских властей стало обеспечение международного признания Голодомора в качестве геноцида. В этом Украина преуспела больше, чем Азербайджан, Грузия и отколовшиеся от нее республики или Балтийские государства. На момент написания данного текста Голодомор признали геноцидом законодательные органы США, Канады, Мексики, Аргентины, Австралии, Италии, Польши, Венгрии и ряда других европейских и латиноамериканских государств⁸⁴. В некоторых государствах вопрос о признании Голодомора геноцидом вызвал горячие политические споры. Например, парламент Словакии принял декларацию, характеризующую этот голод как «массовое убийство», но не как «геноцид», несмотря на усилия некоторых местных законодателей и президента Украины Ющенко, который побуждал Словакию признать этот голод геноцидом⁸⁵.

Чтобы шире информировать мир о Голодоморе, Украина начала широкомасштабную кампанию под лозунгом «Украина

помнит, мир признаёт»⁸⁶. Было предпринято несколько попыток убедить Израиль признать Голодомор геноцидом. Однако, к разочарованию Киева, израильские власти раз за разом отказывались это сделать. В апреле 2007 г. Израиль даже отклонил просьбу Ющенко прибыть в Израиль и выступить с речью в День памяти жертв Холокоста в Иерусалиме. Израильские власти опасались, что если в своей речи он будет проводить параллель между Холокостом и Голодомором, то это может осложнить отношения Израйля с Россией⁸⁷.

Проблема Голодомора стала также источником противоречий для многих международных организаций, к которым Украина и ее союзники обращались с просьбой признать Голодомор геноцидом. В ноябре 2007 г. Группа Европейской народной партии и Европейских демократов в Европейском парламенте (ЕНП—ЕД), самая большая политическая группа в этом законодательном органе, рекомендовала Совету ЕС признать этот голод геноцидом. Однако Украине так и не удалось добиться такого признания. Решение, принятое Европейским парламентом, объявило голод «преступлением против человечества», но термин «геноцид» в нем все-таки не используется. Аналогичным образом, в июле 2008 г. ПАСЕ приняла решение, осудившее этот голод, но воздержалась от признания его актом геноцида⁸⁸. В ООН проект решения, осуждающего Голодомор и квалифицирующего его как геноцид, был заблокирован Россией, и после острой дипломатической борьбы это слово все-таки пришлось удалить из текста.

Споры относительно признания Голодомора геноцидом привели также к двустороннему конфликту между Киевом и Москвой. Несмотря на непрерывные заявления Украины, что признание геноцида обращено против Сталина и коммунистического режима, а не против какой-либо конкретной нации, Кремль тем не менее воспринял это как явное обвинение российского государства в геноциде. В Москве украинскую риторику геноцида посчитали угрожающей и оскорбительной. Российские власти расценили эту «войну за прошлое» как оче-

редной поворот в и без того конфликтных отношениях между двумя государствами. Поражение Виктора Януковича, которого Россия активно поддерживала, на президентских выборах 2004 г. («оранжевая революция»), стремление Украины присоединиться к НАТО и проблема Голодомора заделали в Москве оголенный нерв и привели к тому, что Кузио характеризует как «газовую войну, подпитываемую национальной спецификой»⁸⁹. «Провокационный вопль о “геноциде” сформировался “в злобных, антироссийских, шовинистических умах”», — утверждал российский писатель, нобелевский лауреат Александра Солженицын⁹⁰.

Одним из примечательных следствий резкой реакции России на проблему Голодомора стала публикация многочисленных статей и академических работ, отрицающих, что голод начала 1930-х гг. являлся геноцидом. Эти книги и статьи, от открыто расистского осуждения украинской «голодной идентичности»⁹¹ до утверждений, что признание Голодомора геноцидом — первый шаг к глобальной реабилитации нацизма⁹², и публикаций многочисленных архивных документов⁹³, стали неотъемлемой частью российского политического дискурса.

В апреле 2008 г., когда в НАТО обсуждалось возможное членство Украины, российская Дума приняла решение, категорически отвергавшее украинскую оценку Голодомора как геноцида. Позже в том же году Украина пригласила президента России Медведева присутствовать на 75-й ежегодной церемонии поминовения жертв Голодомора в Киеве. Однако Медведев отклонил приглашение, заявив, что не считает для себя возможным участвовать в событиях, посвященных 75-й годовщине «так называемого Голодомора» (*sic*) в Украине⁹⁴. В длинном письме украинскому президенту Ющенко Медведев утверждал, что «в последние годы эта тема, наряду с настойчивыми попытками получить приглашение в “подготовительный класс” НАТО, сделана чуть ли не центральным элементом украинской внешней политики», и сделал своему украинскому коллеге выговор за то, что он назвал манипуляциями, искажениями и

фальсификацией исторических данных, отравляющих отношения между двумя государствами⁹⁵.

Меньше чем через неделю после публикации этого письма Медведев приказал «Газпрому», российскому газовому гиганту, находящемуся в собственности государства, потребовать с Украины долг в размере 2,4 млрд дол. за поставки природного газа⁹⁶. Это решение российских властей и украинская реакция на него привели к очередному раунду газовых споров между двумя странами, в результате чего были фактически прерваны поставки газа в восемнадцать государств, в частности Германию, Италию, Польшу, Грецию и Турцию, причем в условиях необычно холодной зимы. Этот кризис побудил Европейский союз полностью пересмотреть свою стратегию энергетической безопасности, перетасовав геополитические карты в Евразии и за ее пределами⁹⁷. Разумеется, причинами этого газового конфликта были не только история и проблемы идентичности. Однако газовые споры следует рассматривать на фоне всей системы российско-украинских отношений, а в этих отношениях историческая политика и проблемы идентичности занимают исключительно важное место⁹⁸.

Заключительные замечания

В этой статье я попытался показать, какие усилия прилагали многие правительства, возникшие после 1989 г., чтобы сконструировать нужный им исторический нарратив, в котором центральное место занимает геноцид и представление своего народа как жертвы. Я также попытался показать значение этих проектов исторической политики, сконцентрированных вокруг геноцида, для международных отношений. К международным организациям, парламентам, судам, организациям, занимающимся разрешением конфликтов, постоянно обращаются с призывами признать тот или иной геноцид. Парламентариям приходится обсуждать, чиновникам — рас-

смагивать, а судьям — отказывать в признании исторически сомнительных актов геноцида, о которых они, весьма вероятно, никогда и не слышали⁹⁹. Можно предположить, что в будущем эти проблемы станут еще острее, поскольку, как показало российское решение активно противостоять «фальсификациям истории», любое действие в этой сфере вызывает противодействие.

Революции 1989 г. и последовавшие за ними события положили конец политическому и географическому разделению Европы. Оказалось, однако, что ломать стены, открывать границы и проводить выборы намного легче, чем сформировать национальную идентичность, соответствующую эйфории и духу единения, которые охватили людей сразу после краха коммунистической системы. Многие элиты, возникшие после 1989 г., столкнувшись с проблемами независимой государственности и наследием не столь отдаленного, но долго замалчиваемого прошлого, стали рассматривать исторический и политический нарратив о страданиях и жертвах как важный компонент государственного строительства. В своем крайнем варианте логика жертвы ведет к «поиску утраченных геноцидов» во всем регионе. Историческая политика правительств после 1989 г. и особенно мифы и нарративы о геноциде имеют серьезные и далеко идущие политические последствия, как внутренние, так и внешние, однако, по большей части, все это остается вне сферы интересов специалистов по общественным наукам. Цель данной статьи — привлечь внимание ученых, изучающих процессы транзита, начавшиеся в 1989 г., к удивительному феномену формирования национальной идентичности вокруг геноцида и его политических последствиях. Как получилось, что представление прошлых страданий как геноцида приобрело столь большое значение? Почему одни государства стремятся представить свои трагедии как геноцид, а другие воздерживаются от этого? Как описание трагедии в терминах геноцида влияет на внутреннюю политику? Надеюсь, что те, кто изучают данный регион, обратят внимание на эти важные вопросы.

Примечания

¹ Автор благодарит Холли Кейз, Флориана Бибера, Итана Александра-Дэви, Полу Гарб, Мелани Гетройер, Брайена Гродски, Алексея Миллера, Сару Кэмерон, Георгия Касьянова и анонимных рецензентов за их помощь, предложения и замечания. Обычная оговорка об исключительной ответственности автора за ошибки остается в силе.

² *Jones G.* Poland breaks EU taboo and mentions the war // *The Telegraph*. 2007. Jun. 22 (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1555351/Poland-breaks-EU-taboo-and-mentions-the-war.html>).

³ Массовое убийство в Ходжалы описано ниже.

⁴ *Azeri hackers deface Armenian web sites* // *AssA-Irada*. 2009. Feb. 26.

⁵ Ребенок, который появился на свет в роддоме в Цхинвали, получил имя Геноцид // Эхо Москвы (<http://echo.msk.ru/news/614123-echo.html>); Геноцид — так называли новорожденного // *Наше время* (<http://www.gazetanv.ru/archive/article/?id=5952>). Эта история была описана во многих российских газетах, но авторы некоторых сообщений, главным образом в блогах, утверждали, что эта история — выдумка грузинских журналистов.

⁶ Указ Президента РФ № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» от 15 мая 2009 г.

⁷ *Президент РФ.* О Великой отечественной войне, исторической правде и нашей памяти. 2009. 7 мая (http://www.kremlin.ru/eng/text/speeches/2009/05/07/2132_type207221_215959.shtml).

⁸ *Bunce V.* Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations // *Comparative Political Studies*. Vol. 33. No 6—7. 2001. P. 703—734

⁹ *Kuzio T.* Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // *Politics*. Vol. 21. No 3. 2001. P. 168—177.

¹⁰ *Schopflin G.* Identities, Politics, and Post-Communism in Central Europe // *Nations and Nationalism*. Vol. 9. No 4. 2003. P. 488; *Verdery K.* The Political Life of Dead Bodies. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1999; *Jilge W.* The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991 — 2004/2005) // *Divided Historical Cultures? World War II and Historical Memory in Soviet and Post-Soviet Ukraine* / W. Jilge, S. Troebst (eds.). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 54. H. 1. 2006. P. 51—82.

¹¹ *Kattago S.* Agreeing to Disagree on the Legacies of Recent History // *European Journal of Social Theory*. Vol. 12. No 3. 2009. P. 376.

¹² Кроме Чихоцкого, главными интеллектуальными столпами программы «исторической политики» являются Дариуш Гавин и Томаш Мерта.

¹³ Цит. по: *Stobiecki R.* Historians Facing Politics of History: The Case of Poland // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989* / М. Корецек (ed.). Budapest: Central European Univ. Press, 2007. P. 182.

¹⁴ *Szczerbiak A.* Dealing with the Communist Past or Politics of the Present? Lustration in Post-Communist Poland // *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No 4. 2002. P. 553—572.

¹⁵ Об ИНП см. статью Дариуша Столи в этом сборнике. — **Прим. ред.**

¹⁶ *The Unloved Neighbors: A History of Hostility between Poland and Germany* // Spiegel Online. 2007. Jun. 20. (<http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,489510,00.html>).

¹⁷ *Миллер А.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // *Отечественные записки*. Т. 5. № 44. 2008 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735>).

¹⁸ *Jilge W.* Op. cit.

¹⁹ *Budryte D.* Taming Nationalism? Political Community Building in the Post—Soviet Baltic States. Aldershot: Ashgate, 2005. Ch. 6.

²⁰ *Grodsky B.* When Two Ambiguities Collide: The Use of Genocide in Self-Determination Drives. Conference Paper, presented at the American Association for Advancement of Slavic Studies 40th National Convention, 20—23 November 2008, Philadelphia.

²¹ *Freeman M.* Genocide, Civilization and Modernity // *The British Journal of Sociology*. Vol. 44. No 2. 1995. P. 211.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ См., например: *Bilinsky Y.* Basic Factors in the Foreign Policy of Ukraine // *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia* / Frederick Starr (ed.). Almonk: M.E. Sharpe, 1994. P. 171.

²⁵ В этой связи следует отметить, что именно потому, что признание геноцида имеет серьезное политическое значение, такого признания почти невозможно добиться, особенно если заявления о геноциде делаются в контексте актуального военного или политического конфликта. Самое яркое подтверждение этого тезиса — военный конфликт в Дарфуре.

²⁶ М. Струмер; цит. по: *Koczanowicz L.* Politics of Time: Dynamics of Identity in Post-Communist Poland. N. Y.: Berghahn Books, 2008. P. 20.

²⁷ Здесь я не имею в виду ни Армению, которая заслуживает отдельного анализа, ни чествования памяти жертв Холокоста.

²⁸ Сара Кэмерон, личное сообщение по электронной почте, 2 июля 2009 г.

²⁹ См., например: <http://archive.muslimuzbekistan.com/eng/genocide.html>

³⁰ Молдавские националисты призывают инициировать процесс признания геноцида гагаузов румыноюнионистами // REGNUM. 2007. 28 нояб. (<http://www.regnum.ru/news/922542.html>).

³¹ См., например: *Козлова Н.* Прокуратура ставит диагноз: геноцид русских в Чечне носил массовый характер, расстреливали группами и в одиночку // *Российская газета*. 2000. 1 июня; *Ex-Chechen leader accuses Russia of Chechnya genocide* // BBC. 2001. Feb. 16.

³² Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the Genocide of the Azerbaijani People. 1998. March 26 (<http://www.human.gov.az/?sehife=etrafli&dil=en&sid=MTMyMjMzMTA4MTMyNjE1Mw>).

³³ *Khojaly Genocide* (In documents, facts and foreign press). Baku, 2006. P. 196—197.

³⁴ По оценке Томаса Гольца, в 1992 г. население Ходжалы составляло 10 тыс. человек. См.: *Goltz Th.* Facts About Khojali // *Azerbaijan International*. 2005. Spring. P. 19 (http://azer.com/aiweb/categories/magazine/ai131_folder/131_articles/131_khojali.html).

³⁵ Согласно некоторым сообщениям, армянам помогли российские войска. См., например: *Quinn-Judge P.* In Armenian Unit, Russian is Spoken // *The Boston Globe*. 1992. March 16.

³⁶ См., например: <http://www.human.gov.az/?sehife=etrafli&dil=en&sid=MTIzMzEyMTA4MTIzNjc5Mg>

³⁷ Commemorative events on 16th anniversary of Khojaly tragedy to be held in 60 cities (http://khojaly.org//index.php?option=com_content&task=view&id=57&Itemid=54).

³⁸ *Burton D.* Remembering the Tragedy of Khojaly. Congressional Record. 2005. Feb. 18 (http://ftp.resource.org/gpo.gov/record/2005/2005_E00284.pdf).

³⁹ To the Jewish Community of Azerbaijan. State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2009. Apr. 21.

⁴⁰ Здесь имеются в виду в основном израильские евреи, родившиеся в Азербайджане.

⁴¹ Congress of Israeli Azerbaijanis Call on Israeli Officials to Refrain From Discussing the So-Called Armenian Genocide // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Apr. 1; Round Table on Khojaly Genocide Held in Knesset // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Feb. 20.

⁴² Holocaust Museums to Display Khojaly Genocide // AssA-Irada. 2008. Feb. 29.

⁴³ См., например: Letter dated 24 February 2005 from the Permanent Representative of Azerbaijan to the United Nations addressed to the Sec-

retary-General. 2005. Feb. 25. United Nations A/59/713—S/2005/125; Бакинская дипломатия активизируется // Независимая газета. 2001. 29 апр.; Azerbaijan Delegation Raises Issue on Khojaly Genocide at OSCE PA Winter Session // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Feb. 26; Anniversary of Khojaly Genocide Marked in European Parliament // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2009. March 4; www.justiceforkhojaly.org.

⁴⁴ Grodsky B. Op. cit.

⁴⁵ Российские, абхазские и осетинские источники часто рассматривают события 1989—1992 гг. как продолжение политики независимой Грузии в начале 1920-х, которые также определяются как геноцид. См., например: *Быкова В., Давлетшина Н.* День Катастрофы — 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. М.: Европа, 2008.

⁴⁶ Grodsky B. Op. cit.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Garb P. The View from Abkhazia of South Ossetia Ablaze // Central Asian Survey. Vol. 28. 2009. P. 238.

⁴⁹ Shevardnadze E. The Policy of Genocide and Ethnic Cleansing in Abkhazia, Georgia — The Principal Weapon of Aggressive Separatism // Policy of Genocide and Ethnic Cleansing in Abkhazia (Georgia). Proceedings of the International Conference-Seminar. Tbilisi. 1999. July 6—7. P. 8.

⁵⁰ Хотя комиссия закончила свою работу, первоначальная идея потребовать создания специального Международного трибунала так и не осуществилась, и со временем грузинские власти просто оставили ее. Сводка результатов работы комиссии опубликована в: Policy of Genocide and Ethnic Cleansing...

⁵¹ Grodsky B. Op. cit.

⁵² Georgia's U.N. ambassador accuses Russia of genocide in Abkhazia // Associated Press. 2006. Feb. 1; Georgia to submit to Hague tribunal evidence implicating Abkhaz in genocide // BBC. 2003. Feb. 7.

⁵³ Grodsky B. Op. cit.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Та же самая аргументация использовалась в 2008 г. российскими властями. См., например: Russia's UN ambassador likens Georgia onslaught to «genocide» // Agence France Presse. 2008. Aug. 10.

⁵⁶ Grodsky B. Op. cit.

⁵⁷ См., например: PACE delegation finds no signs of «genocide» in Georgia's South Ossetia // Regnum. 2008. Sept. 26; Тбилиси мотает на МУС // Московский комсомолец. 2008. 14 авг.

⁵⁸ Следственный комитет: от грузинского «геноцида» погибло 162 осетина (<http://www.polit.ru/news/2008/12/23/bistr.html>).

⁵⁹ Соответствующие документы см. на сайте Международного суда: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&code=GR&case=140&k=4d>

⁶⁰ Первоначально идея представить советские репрессии как геноцид возникла в диаспоре Балтийских государств на Западе в годы холодной войны. См.: *Budryte D.* “We Call it Genocide”: Soviet Deportations and Repressions in the Memory of Lithuanians // The Genocidal Temptation: Auschwitz, Hiroshima, Rwanda, and Beyond / Robert Frey (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 2004. P. 79—100.

⁶¹ *Budryte D.* Taming Nationalism? P. 185.

⁶² The White Book: Losses Inflicted on The Estonian Nation by Occupation Regimes 1940—1991. Tallinn: Estonian Encyclopaedia Publishers, 2005. P. 13, 16.

⁶³ Ibid. P. 17.

⁶⁴ См., например: Prosecution and Persecution // The Economist. 2008. Aug. 21.

⁶⁵ Painting Over the Past // The Economist. 2007. Jan. 18 (http://www.economist.com/world/europe/displaystory.cfm?story_id=E1_RVV_TJSN); *Kattago S.* War Memorials and the Politics of Memory: the Soviet War Memorial in Tallinn // Constellations. Vol. 16. No 1. 2009. P. 150—166.

⁶⁶ Estonia Makes European Alliance Against Russia // Kommersant. 2007. May 3.

⁶⁷ *Traynor I.* Russia accused of unleashing cyberwar to disable Estonia // The Guardian. 2007. May 17 (<http://www.guardian.co.uk/world/2007/may/17/topstories3.russia>).

⁶⁸ Например, Альфонс Новикс и Петрас Расланас были (заочно) приговорены к пожизненному заключению; Михаил Фарбтух и Кириллас Куракинас были приговорены к семи годам заключения соответственно латвийским и литовским судами, другие подсудимые получили более короткие сроки.

⁶⁹ *Satkauskas R.* Soviet Genocide Trials in The Baltic States: The Relevance of International Law // Yearbook of International Humanitarian Law. Vol. 7. 2004. P. 388—389.

⁷⁰ ЕСПЧ счел осуждение Кононова нарушением Статьи 7 (не может быть наказания в отсутствие соответствующего закона) европейской Конвенции по правам человека. См.: European Court of Human Rights. Chamber Judgment Kononov v. Latvia (<http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=838484&portal=hbkm&source=externalbydocnumberàtable=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649>).

⁷¹ Prosecutor General's Office of the Republic of Lithuania. Press Release «Information on suspicions against Yizthak Arad, 10/09/2007» (<http://www.prokuraturos.lt/News/YizthakArad/tabid/252/Default.aspx>).

⁷² *Donskis L.* Lithuania: Hostages to an Ill-Begotten Theory // Transitions Online. 2008. Oct. 14.

⁷³ World Jewish Congress Urges Lithuanian Progress on Property Restitution; Jewish leaders raise concerns at meeting with Lithuanian PM in New York // PR Newswire. 2008. Jul. 2.

⁷⁴ Lithuania Drops War Crimes Case // Baltic Times. 2008. Sept. 25 (<http://www.baltictimes.com/news/articles/21427/>).

⁷⁵ OSCE resolution equating Stalinism with Nazism enrages Russia // Deutsche Welle. 2009. Jun. 9 (<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4468156,00.html>). Российская делегация бойкотировала голосование.

⁷⁶ Подробнее об исторической политике на Украине см. в статье Георгия Касьянова в этом сборнике. — **Прим. ред.**

⁷⁷ Число погибших от голода, по разным оценкам, колеблется от 2,5 до 10 млн человек.

⁷⁸ *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожил: Сталин и украинский Голодомор. К.: Украинская пресс-группа, 2007. С. 39.

⁷⁹ *Marples D.* Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine. Budapest: CEU Press, 2007. Ch. 2.

⁸⁰ *Кульчицкий С.* Указ. соч. С. 15, 74.

⁸¹ Концепция голода как геноцида возникла в украинской диаспоре на Западе, и только в конце 1980-х и в начале 1990-х гг. эта идея появилась в политическом контексте самой Украины.

⁸² *Riabchuk M.* Holodomor: The Politics of Memory and Political Infighting in Contemporary Ukraine // Harriman Review. Vol. 16. No 2. 2008. P. 3—10.

⁸³ *Riabchuk M.* Op. cit; Думки населення України щодо визнання Голодомору 1932—33 рр. геноцидом // Официальный сайт Президента Украины (http://www.president.gov.ua/content/golodomor_sociology.html).

⁸⁴ Обычно такое признание оформляется в виде специального постановления или декларации, принятой законодательным органом. Однако что касается США, неясно, признали ли они официально Голодомор геноцидом, хотя слово «геноцид» не раз использовалось в документах, принятых Конгрессом.

⁸⁵ Ukrainian famine in 1930s was slaughter — Slovak parliament // CTK National News. 2007. Dec. 12.

⁸⁶ Кампания проводилась фондом «Украина—3000», связанным с первой леди Украины.

⁸⁷ *Himka J.-P.* Making Sense of Suffering: Holocaust and Holodomor in Ukrainian Historical Culture, and: Holod 1932—1933 rr. v Ukraini iak henotsyd/Golod 1932—1933 gg. v Ukraine kak genotsid [The 1932—33 Famine in Ukraine as a Genocide] (review) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 8. No 3. 2007. P. 683—694.

⁸⁸ MEPs recognize Ukraine's famine as crime against humanity // RIA Novosti. 2008. Oct. 23.

⁸⁹ *Kuzio T.* Russian-Ukrainian gas war fueled by national identity // Ukrainian Weekly. 2009. Jan. 25.

⁹⁰ *Finn P.* Ukraine's Pursuit of Genocide Designation Upsets Russians Who Say Others Died, Too // The Washington Post. 2008. Apr. 27.

⁹¹ *Годик В.* Голодная идентичность // Русский журнал. 2007. 5 янв. (<http://www.russ.ru/pole/Golodnaya-identichnost>).

⁹² *Шевцов Ю.* Новая идеология: Голодомор. М.: Европа, 2009. Книга опубликована в Москве, но ее автор — белорус.

⁹³ Голод в СССР. 1930—1934 гг. М.: Федеральное архивное агентство, 2009.

⁹⁴ *Медведев Д.* Президенту Украины Виктору Андреевичу Ющенко. 2008. 14 ноября (<http://www.kremlin.ru/eng/text/docs/209178.shtml>).

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Medvedev tells Gazprom to recover "2.4 bln gas debt from Ukraine // RIA Novosti. 2008. Nov. 20.

⁹⁷ Здесь я имею в виду государства—члены ЕС и Европейской комиссии. См.: European gas supplies disrupted // BBC News. 2009. Jan. 6; Energy fuels new «Great Game» in Europe // BBC News. 2009. Jun. 9.

⁹⁸ Поучительно было бы сравнить газовые конфликты между Россией и Украиной и между Россией и Белоруссией, с которой у России нет споров по поводу истории или национальной идентичности. Новый виток газового конфликта, имевший место в 2009 г., некоторые российские аналитики также связывают с проблемой Голодомора. См., например: *Булкина И.* В Киеве вспоминают о голоде и готовятся к холоду // Ежедневный журнал. 2008. 24 нояб. (<http://ej.ru/?a=note&id=8585>). Кроме того, в 2006 г. министр иностранных дел России Лавров назвал Голодомор одной из двух главных причин конфликта между Россией и Украиной. См.: Лавров разобрался в отношениях с Украиной // Московский комсомолец. 2006. 10 нояб.

⁹⁹ По этому вопросу см.: *Schaller D.* From the Editors: Judges and Politicians as Historians? // Journal of Genocide Research. Vol. 9. No 1. 2007. P. 1—4.

Алексей Миллер

Историческая политика в России: новый поворот?

За двадцать пять лет, прошедших со времени начала перестройки, отношения политики и истории в России пережили несколько весьма крутых поворотов. Очередной такой поворот начался, как представляется, в 2009—2010 гг. Главная задача этой статьи — попытаться понять причины активизации исторической политики в начале 2000-х и ее весьма радикального пересмотра в последнее время.

От перестроечной экзальтации к «безразличию» 1990-х

В обозримом будущем общественное внимание к истории в России едва ли приблизится к «перестроечному» уровню. Обсуждение «белых пятен», связанных с преступлениями коммунистического режима, и прежде всего сталинизма, пересказывание «Краткого курса истории ВКП(б)» с обратным знаком, даже публичное произнесение прежде запретных применительно к СССР слов «империя» и «тоталитаризм» — все это имело очевидное политическое значение. Идиоматический язык перестройки — «выбор исторического пути», «историческая альтернатива» и т.д. — в большой степени был заимствован из репертуара историков¹.

Все «историческое» вызывало огромный общественный интерес — достаточно было не слишком популярному журна-

лу «Москва» начать печатать даже вовсе не запретную в советское время «Историю» Карамзина, как тираж издания вырос в несколько раз. В атмосфере экзальтации качественное предложение явно отставало от спроса. При этом подчас возникавшее впечатление, что вся страна решила пересмотреть отношение к сталинизму, было ложным — просто те, кто не собирался менять своего более или менее положительного отношения к Сталину, не были слишком активны в публичной сфере.

Начало 1990-х стало тяжким испытанием для подавляющего большинства — материальные тяготы усугублялись шоком от развала СССР. На этом фоне общественный интерес к истории заметно упал. В ходе так называемого суда над КПСС (1992 г.) стало особенно очевидным, что общество глубоко расколото в отношении к прошлому². Победа в Великой Отечественной войне оказалась практически единственным элементом коллективной памяти, вызывавшим в различных общественных группах пусть не общие, но хотя бы сопрягаемые эмоции. Политические лидеры страны чувствовали это и, не имея других рецептов, не злоупотребляли отсылками к истории³.

Борис Ельцин оставался верен антикоммунистической риторике до конца своего президентства, однако не стремился утвердить эту позицию как единственно легитимную, особенно по мере того, как его поддержка постепенно таяла. Во второй половине 1990-х власти практически перестали использовать историю в политических целях, во многом оставив ее историкам.

Для профессионального изучения истории 1990-е и начало 2000-х отнюдь не были потеряны. Напротив, происходило основательное изучение прежде запретных тем. Об этом периоде часто говорят как о времени «архивной революции» — многие документы стали впервые доступны историкам, и значительная часть из них была опубликована. В исследовании XX в. российские историки стали активно сотрудничать со своими зарубежными, прежде всего американскими и западно-

европейскими, коллегами. Вышли в свет десятки, если не сотни, качественных книг, посвященных истории советского периода. Однако общественное внимание к подобным изданиям было теперь несравненно ниже, чем в перестроечную эпоху. Средства массовой информации тоже не особенно стремились привлекать общественное внимание к новым изданиям.

В эти годы были воздвигнуты сотни памятников и мемориалов жертвам репрессий, чаще всего на местах массовых казней и гулаговских лагерей⁴. Но подавляющее большинство из них находилось на окраинах городов или вообще в труднодоступных местах и не занимало центрального места в общественном пространстве⁵. В России так и не возникли государственные ритуалы коммеморации жертв советского режима, а высшие государственные лица не принимали участия в подобных церемониях коммеморации⁶. Преступный характер режима не был признан ни на юридическом, ни на политическом уровне.

В этот период был в основном сформирован тот набор оценок истории XX в., который отразился, с заметными, но не принципиальными различиями, в целом ряде новых школьных учебников истории, изданных в тот период. Советский режим оценивался как тоталитарный, упоминались многие его преступления, но это не должно было отменять достижений советского периода и героизма советских людей в труде и на фронте⁷.

В учебниках отчетливо прослеживается и национализация истории, которая, в случае России, означала, прежде всего, выпадение из них информации о тех частях СССР, которые стали независимыми странами в 1991 г. Однако, в отличие от бывших советских республик, такая национализация не сопровождалась радикальным пересмотром пантеона выдающихся деятелей — происходило скорее постепенное добавление персонажей из «белого» лагеря, нередко сопровождавшееся физическим перемещением их останков в Россию⁸. Попытки включить в национальный пантеон людей, сотрудничавших с

гитлеровской Германией, не имели успеха, однако от огульной демонизации отношение сместилось в сторону «понимающего» обсуждения. Это сильно отличало Россию от ее западных соседей, прежде всего прибалтийских республик и Украины, где героизация многих сотрудничавших с нацистами как борцов за свободу против советской оккупации стала важным элементом нового исторического нарратива.

2003—2008 гг. — эскалация исторической политики в России⁹

В начале своего первого президентского срока Владимир Путин использовал этот «примирительно-всеохватный» подход к истории при решении вопроса о законодательном оформлении государственных символов. При утверждении триколора в 2000 г. он вступил в ситуативную коалицию с либерально-демократическими силами и игнорировал протесты коммунистов, а в 2001 г. при утверждении слегка перелицованного советского гимна в качестве гимна новой России, наоборот, блокировался с коммунистами, оставив без внимания протесты либерально-демократических кругов. Казалось, главная идея состояла в принятии всего прошлого как «общего достояния». Однако в реальности синтеза не получилось: вместо этого возникла крайне противоречивая конструкция, которая держалась, прежде всего, на умолчании о проблемах и ответственности. Попытки использовать какие-то события прошлого в качестве объединяющих символов выходили на редкость неуклюжими, в особенности это касается введения нового праздника национального единства в 2005 г. «Негативная» часть плана, то есть вытеснение из календаря годовщины Октябрьской революции, более или менее удалась, «позитивный» смысл до сих пор не сформулирован. Более того, «праздник» превратился в ежегодную проблему для властей: «идеологичес-

кий вакуум» заполнили радикальные националисты, которые 4 ноября проводят «Русский марш».

В этих условиях крайне болезненными оказались международные скандалы, связанные с юбилеями Победы, когда делегации ряда посткоммунистических стран отказывались приехать в Москву; особенно острая ситуация сложилась в 2005 г. В результате на последнее празднование в 2010 г. решили никого официально не приглашать, а принимать тех, кто приедет сам.

Реактивный характер исторической политики в России

Активизация исторической политики в странах Восточной Европы в начале XXI в., главной мишенью которой на международной арене была Россия, вызывала растущую обеспокоенность и раздражение в Москве. Уже в 2003 г. Путин на встрече с историками в Румянцевской библиотеке говорил о том, что «сосредоточенность на негативе», которая была оправданна при ломке прежней системы, следует заменить созидательным пафосом и воспитанием гордости за свою историю, что «необходимо снять всю шелуху и пену, которые за эти годы наслоились». Вскоре, видимо во исполнение рекомендации о «шелухе и пене», министерство образования сняло гриф с учебника по истории России XX в. И. Долуцкого¹⁰. Тогда же, в 2003 г., начались разговоры о том, что России надо бы создать свой Институт национальной памяти, по образцу подобных учреждений в соседних странах¹¹. Первая реакция административной мысли была вполне типичной — закрутить гайки внутри страны, «дать отповедь клеветникам» за рубежом, для чего создать такие же структуры, с помощью которых они «клеветают».

Практически все страны Восточной Европы произвели нехитрую и, с точки зрения исторической достоверности, довольно жульническую операцию «исключения» коммунизма из национальной истории как якобы совершенно чуждого нацио-

нальной традиции. Это означало, как правило, экспорт всей вины за коммунизм в Россию и отказ признавать любые достижения того периода¹². В России же такая операция была невозможна, потому что центральное место в национальной мифологии занимает Победа, чего нет ни у кого из соседей, за исключением Белоруссии и Юго-Восточной Украины. Ситуация требовала более сложного решения. Однако, как это обычно бывает, сначала попробовали решение простое — советский период защищать, особенно традиционную трактовку событий Второй мировой войны, а проблему исторической ответственности отрицать не просто в той трактовке, которую предлагала историческая политика восточноевропейских стран, но не признавать вообще.

2003—2006 гг. можно определить как скрытую фазу разработки российской версии исторической политики. Это происходило не только в качестве реакции на активизацию исторической политики в соседних странах, но и в прямой связи с эскалацией напряженности в отношениях с Западом, прежде всего США и «новой» Европой. «Оранжевая революция» в Киеве не на шутку напугала Кремль как с точки зрения возможности повторения подобных событий в России, так и с точки зрения утраты влияния в ключевом государстве постсоветского пространства. Это вызвало серьезные изменения в политике российских властей в самых разных областях жизни. Апогей напряженности пришелся на 2007—2008 гг., со знаменитой Мюнхенской речью Путина, конфликтом вокруг размещения элементов американской ПРО в странах Центральной Европы и планов расширения НАТО на восток с включением туда Украины и Грузии и, наконец, российско-грузинской войной в августе 2008 г.

После того как отношения с Польшей испортились в 2004 г. из-за «оранжевой революции», а тем более когда сторонник жесткой антироссийской линии Лех Качиньский был избран в 2005 г. президентом Польши, Москва практически свернула сотрудничество с польской стороной по катынскому делу.

Процесс передачи документов был остановлен, уголовное дело прекращено. В отношениях со странами Балтии Москва стала предельно жестко реагировать на любые жесты соседей, действительно носившие антироссийский характер или даже только казавшиеся таковыми. Внутри страны это сопровождалось весьма истеричными кампаниями, включая блокаду эстонского посольства силами «нашистской» молодежи и эмбарго на латвийские шпроты.

Уже в 2006 г. был создан авторский коллектив под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова¹³, которому было поручено подготовить принципиально новый набор школьных учебников отечественной истории. С высокой степенью вероятности можно предположить, что заказ исходил из администрации президента. В 2007 г. в свет вышел первый продукт этой группы — пособие для учителей по новейшей истории России¹⁴. В июне 2007 г. была организована Всероссийская научно-практическая конференция «Об актуальных вопросах преподавания новейшей истории и общественнознания в школе». На ней пособия для учителя по преподаванию истории представляли министр образования и науки Андрей Фурсенко и первый заместитель главы администрации президента Владислав Сурков. Затем участников конференции возили в Новоогарево на встречу с Путиным.

Вскоре появился учебник «История России. 1945—2007», а также методическое пособие по периоду 1900—1945 гг.¹⁵. В настоящее время вышла из печати уже вся «линейка» этих учебников. Вопрос о том, убедительна ли предлагаемая в них трактовка событий, для нашей темы не главный¹⁶. Краткое изложение самим Даниловым концепции учебника включало такие многозначительные утверждения: а) «Сопrotивление курсу Сталина на форсированную модернизацию и опасения лидера страны утратить контроль над ситуацией было главной причиной «большого террора»; б) «организованного голода на селе в СССР не было»; в) «говоря о репрессированных, было бы правильно, если бы здесь появилась формула, в которую

будут включены лишь осужденные к смертной казни и расстрелянные лица»; г) «относительно *похода Красной Армии в сентябре 1939 г.* следовало бы подчеркнуть, что речь шла о реальном освобождении тех территорий, которые отошли к Польше по Рижскому мирному договору 1920 г., т.е. было не чем иным, как освобождением части Отечества»; д) «не оправдывая убийства военнопленных в Катыни, следовало бы отметить, что со стороны Сталина расстрелы в Катыни — это был не просто вопрос политической целесообразности, но и ответ за гибель многих (десятков) тысяч красноармейцев в польском плену после войны 1920 года»¹⁷. Из цитированного видно, что многие тезисы (по 1939 г., Катыни, голоду) были прямо связаны с исторической политикой соседних стран и были сформулированы в том же пропагандистском политико-историческом духе.

Методологической основой своего подхода авторы провозглашали отказ от концепции тоталитаризма как ненаучного инструмента холодной войны и анализ советского периода с точки зрения теории модернизации. Следует отметить, что предпочтение теории модернизации концепции тоталитаризма при анализе советского опыта отнюдь не является пионерским шагом автором учебника. Среди их предшественников — вполне уважаемые историки, например, Стивен Коткин¹⁸. Но и в деле упрощающего применения этого подхода к написанию учебника они не первые. В качестве образца им вполне мог послужить учебник, написанный под редакцией близкого к Александру Лукашенко историка Якова Трещенка и изданный в 2005 г.¹⁹. Здесь есть и о модернизации, «осуществлявшейся в форс-мажорных условиях»²⁰, и рассуждения о том, что «советский тоталитаризм — во многом миф, сочиненный в ходе политических и, как всё более обозначается, межцивилизационных противостояний Восток—Запад»²¹, и даже тезис о том, что «вполне сравнимы деяния сталинского НКВД и деятельность комиссии Маккарти в США»²². Можно спорить, у какого авторского коллектива получилось «изящнее» справиться

ся с возложенной на него задачей, но общность этой задачи нормализации сталинизма и обоснования ведущей роли современного авторитарного лидера не вызывает сомнений.

Заявление авторов учебника о том, что главной задачей преподавания истории является воспитание гражданина, ничем в учебнике не подкреплено. В действительности «патриотизм» в труде Филиппова и его соавторов трактуется как преданность даже не государству, а власти. По сути дела, концепция учебника поразительно похожа на советский постсталинский нарратив за вычетом коммунистической риторики: дескать, перегибы и преступления были, но они были неизбежны во вражеском окружении и в условиях мобилизации, и искупаются успехами в модернизации страны, без которых была бы невозможна победа в Великой Отечественной войне.

Там, где им не хватало аргументов, авторы нового учебника истории неизменно ссылались на «мнение народа», который так «помнит», делая вид, будто им неизвестно, что эта коллективная память сформирована десятилетиями целенаправленных усилий советской пропаганды. Выступления Филиппова и Данилова в период продвижения учебника пропагандировали угрюмую ментальность осажденной крепости и создавали полнейшее ощущение дежавю советских времен²³.

«Уши» заказчика особенно очевидно торчат из последней главы пособия Филиппова, которая называется «Суверенная демократия»²⁴. Понятие «суверенная демократия» (в пособии и учебнике без кавычек) используется как объективное описание современного политического режима в России, который и обеспечил, как объясняется в пособии, успешное развитие страны в последние 10 лет. По сути дела, в пособии, а затем и в учебнике пропагандировался ключевой на тот момент элемент идеологии партии «Единая Россия», что было прямым нарушением закона.

Учебник Данилова в первый же год был издан тиражом в 250 тыс. экземпляров²⁵. Для сравнения: другие учебники издаются тиражом в 10, максимум — 15, некоторые — в 5 тысяч.

Двести пятьдесят тысяч тиража — это политическое решение, ни одно издательство не напечатало бы столько на свой страх и риск, если бы руководствовалось сугубо коммерческими соображениями. Издательство «Просвещение», очевидно, должно было получить заверения, что спрос на учебник будет обеспечен. Использование административных рычагов для успешного «внедрения» учебника как «правильного» — это и есть историческая политика в чистом виде²⁶.

Организаторы подготовки и издания нового учебника истории и готовившегося параллельно, но получившего затем незаслуженно меньше общественного внимания, учебника обществознания²⁷ явно стремились сделать их доминирующими в школе. Автор главы о суверенной демократии Павел Данилин в момент работы над учебником — сотрудник Фонда эффективной политики и член политсовета «Молодой гвардии Единой России», а с 2010 г. — сотрудник администрации президента, так отвечал критикам учебника в своем интернет-блоге: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России. Те же благоглупости, которые есть в ваших куцых головешках с козлиными бородами, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания»²⁸.

Автор и ответственный редактор учебника по обществоведению Леонид Поляков доказывал в 2008 г. необходимость одного-единственного учебника и единого нарратива школьной истории XX в.: «Дайте нам сначала в России решить задачу построения национального государства и гражданско-патриотического воспитания первого поколения россиян»²⁹. Несмотря на резкую критику учебника и протесты против его внедрения административными мерами, в 2008—2009 гг. были серьезные основания полагать, что события будут развиваться по сценарию создателей учебников и их политических покровителей.

Стремление регулировать вопросы истории с помощью законодательства, столь характерное для исторической по-

литики, тоже не обошло Россию стороной. Первым о необходимости принять закон, грозящий уголовным преследованием за «неправильные» высказывания об истории Второй мировой войны и роли в ней СССР, заговорил зимой 2009 г. министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, по совместительству один из лидеров «Единой России»³⁰. Вскоре в Думу были внесены два законопроекта, развивающих эти идеи³¹.

В мае 2009 г. президент Дмитрий Медведев издал указ о создании при Президенте Российской Федерации Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России³². Глядя из сегодняшнего дня, очевидно, что создание комиссии было крайним выражением той версии исторической политики, которая набирала силу в России с 2003 г. Указ, с одной стороны, вызвал волну негативных откликов как профессиональных историков, так и общественности, с другой — стал сигналом для весьма агрессивной пропагандистской кампании его сторонников.

В качестве примера публикаций в поддержку комиссии можно рассмотреть статью все того же Данилина³³. Идеи активистов исторической политики Данилин излагает с подкупающей откровенностью, его стилистика тоже заслуживает внимания. Автор честно признаёт: «Все это, безусловно, должно было стать раздражителем профессионального сообщества, и стало, безусловная реакция была получена»; «реакция в профессиональном сообществе историков была резко негативной». Впрочем, сам Данилин объясняет такую реакцию, главным образом, беспомощностью профессиональных историков и их ревностью к успешным бойцам исторической политики: «Именно любители пробили издателей и массово издают книги, в которых на уровне много выше, чем могут позволить себе профессионалы, рассматриваются те или иные события эпохи Сталина, Великой Отечественной, конца царского времени. Эти любители и энтузиасты — вот главное достояние России. Вот те, кто, своего живота не жалея, занимаются тем, что называется отстаиванием исторической памяти. Борьбой с фальсификациями. Как вы думаете, чем на это отвечают официальные

историки? Чаще всего жуткой ревностью в бытовом плане, а в академическом — смещением на позиции, которые занимают как раз ревизионисты». Данилин был недоволен включением в комиссию даже тех двух представителей РАН, которые там оказались, — директоров академических институтов А.Н. Сахарова и А.О. Чубарьяна, ну и, разумеется, «либерала Сванидзе»³⁴.

Статья Данилина не оставляет сомнений в том, что искать главных «фальсификаторов» нужно внутри страны и борьба с ними должна быть безжалостной. «Ревизионисты подняли головы и выступают в центральных СМИ, как будто при Геббельсе»³⁵. На взгляд Данилина, новосозданный орган по борьбе с фальсификаторами истории — «это не научная и не академическая комиссия, а политический орган, целью которого будет именно политическая, а не научная работа». В публикациях активистов исторической политики хорошо виден ее важнейший элемент: разрушение пространства для диалога в обществе по проблемам истории. Такой диалог как раз и является способом эффективного существования истории в общественном пространстве как «общего достояния» или *res publica*, предмета *обсуждения*, но в риторике Данилина он последовательно заменяется спором «патриотов и предателей», в котором «предатели», в идеале, должны быть лишены права голоса. Мечта о цензуре регулярно посещает не только «обслуживающий персонал», но и высокопоставленных российских чиновников, причем именно в связи с исторической политикой.

В выступлениях активистов исторической политики следует особо отметить неприкрытую враждебность в отношении академического истеблишмента и пропаганду заслуг «любителей», которых Данилин характеризует как «независимых историков». Один из таких заслуженных деятелей исторической политики, директор центра «Историческая память» Александр Дюков, вскоре после публикации указа выражал надежду на то, что сотрудники его центра войдут в состав рабочих групп, создаваемых комиссией. Он явно демонстрировал желание и готовность перехватить ведущую роль в обслуживании исто-

рической политики, а с ней и те потоки финансирования, которые будут обеспечивать выполнение заказа³⁶.

В это время становится очевидным, что вместо создания Института национальной памяти по украинскому образцу³⁷ в России было выбрано технологически более эффективное решение использовать для реализации исторической политики ряд формально независимых общественных организаций, которым можно выдавать соответствующее задание и снабжать их теми архивными материалами, которые удобны заказчику. По сути дела, это была модификация хорошо известной технологии «слива» через прессу, когда «сливаемая» информация не обязательно является неправдой, но непременно является предметом манипуляции.

Это свидетельство того, как историческая политика меняет сами принципы взаимоотношений власти и науки. Деньги, выделяемые государством на исследования, в том числе исторические, до сих пор распределялись через фонды, которые работали на основании экспертных оценок самого научного сообщества. Так оно, собственно, и должно быть, если государство не пытается перевести исторические исследования на «ручное управление». Но в рамках новой схемы исследования по истории становятся своего рода политехнологическим подрядом, и решения о финансировании и об оценке работы принимает политическая власть, а не научное сообщество.

Весьма показательным было поведение в этой ситуации части академического истеблишмента. Летом 2009 г. достоянием гласности — судя по всему, непреднамеренно — стал циркуляр академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН Валерия Тишкова³⁸. В нем руководителям академических институтов предлагалось составить аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций с указанием «лиц и организаций, формирующих и распространяющих фальсификацию». Реакция директоров академических институтов колебалась между игнорированием инструкции и ее исполнением в духе итальянской забастовки. Сами авторы инструкции очень быстро ее дезавуировали и затем приложи-

ли массу усилий для того, чтобы убедить общественность в том, что это плод недоразумения³⁹. Иначе говоря, когда инстинктивная попытка продемонстрировать рвение сразу вслед за публикацией президентского указа вызвала скандал, оказалось, что академические круги все-таки не готовы соревноваться в бесстыдстве с молодыми бойцами исторической политики.

Таким образом, в российской практике первого десятилетия XXI в. обнаруживаются все ключевые элементы исторической политики. Во-первых, налицо попытка насаждения в школе — при поддержке политического центра — единственного учебника истории. Во-вторых, были созданы специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, была предпринята попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций. Наконец, имеют место типичные для исторической политики методы легитимации и идеологического обеспечения всех перечисленных выше практик. Как и в большинстве соседних стран, острие исторической политики было направлено внутрь страны. При очевидной оригинальности ряда организационных решений, по духу и стилистике российская историческая политика вполне соответствовала уровню исторической политики у соседей. Это обещало негативные последствия для международных отношений России, которая реагировала именно так, как хотелось бы активистам антироссийской исторической политики в посткоммунистических странах. Внутри страны атмосфера становилась все более гнетущей⁴⁰.

Противоречивые тенденции 2009—2011 гг. Международный аспект

Уже осенью 2009 г. произошли некоторые события, которые свидетельствовали о колебаниях в отношении исторической политики на самом верху российской политической пи-

рамиды. Осенью 2007 г. премьер-министром Польши стал политический противник братьев Качиньских Дональд Туск. Вскоре начался весьма осторожный диалог с политическим лагерем Туска, в том числе и по вопросам истории. Летом 2008 г. в Варшаве прошло первое заседание Группы по трудным вопросам под руководством бывшего министра иностранных дел Польши А. Ротфельда и ректора МГИМО академика А.В. Торкунова⁴¹.

Тогда же, в июле 2008 г., Торкунов выступил в «Независимой газете» со статьей «О парадоксах и опасностях “исторической политики”», в которой легко просматривалась оппозиция той линии, воплощением которой был учебник Данилова—Филиппова. В разделе статьи под характерным названием «Асимметричный ответ» Торкунов написал о периоде перестройки как о том времени, когда о «преступлениях режима» говорились верные вещи, и заявил: «В нашей дискуссии с переписывателями истории и перестановщиками памятников мы зачастую используем излишне спрямленные, примитивные аргументы, которые внутри страны воспринимаются массовым сознанием в качестве ложных идейных ориентиров. Это не тот случай, когда врага нужно бить его оружием! Ответ должен быть асимметричным, как банально это ни прозвучит. Именно поэтому стремление к абсолютному, не допускающему интерпретаций собственной истории, единомыслию может стать камешком в фундамент новой тоталитарной идеологии. Даже если это единомыслие и его намеренную прямолинейность мы будем создавать из благих побуждений — “дать отпор клеветникам и очернителям”»⁴². Это заявление Торкунова показывает, что понимание механизмов и разрушительного потенциала запущенного маховика исторической политики было не только у некоторых обеспокоенных наблюдателей⁴³, но и у достаточно высокопоставленных чиновников.

Тем не менее, общая тенденция к «нормализации» сталинизма оставалась доминирующей. Крупнейшая международная конференция по истории сталинизма (более пятисот участни-

ков), проходившая в Москве в декабре 2008 г., была практически проигнорирована общенациональными телеканалами и сопровождалась «нейтрализующими» публикациями в прессе и на интернет-портале Центра эффективной политики⁴⁴. На самой конференции министр образования Фурсенко продолжал защищать, пусть и с явным элементом неловкости, учебник Филиппова—Данилова⁴⁵.

Дальнейшая динамика пересмотра позиции властей по вопросам истории во многом была определена событиями, происходившими в российско-польских отношениях, где у Москвы появился, как уже было отмечено, конструктивный партнер для диалога. Очевидно, что российская и польская стороны относились друг к другу настороженно, шли друг другу навстречу словно по тонкому льду. Партнером премьера Туска в политическом диалоге «по должности» стал российский премьер Путин. Первого сентября 2009 г., в 60-летнюю годовщину начала Второй мировой войны, Путин, наряду с другими мировыми лидерами, по приглашению Туска должен был посетить Вестерплатте — символ сопротивления польской армии нацистскому вторжению. Для российско-польских отношений это событие имело особое значение, потому что дата 1 сентября была прямо связана с пактом Молотова—Риббентропа и с вторжением советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г.

В преддверии визита в ряде российских средств массовой информации развернулась полномасштабная артподготовка в духе исторической политики, вплоть до попыток доказать, что Польша сама виновата в развязывании Второй мировой войны⁴⁶. Разумеется, тема пакта Молотова—Риббентропа активно использовалась накануне юбилея событий в исторической политике соседних с Россией стран.

На этом фоне неожиданно конструктивной выглядела опубликованная накануне визита в «Газете Выборчей» (*Gazeta Wyborcza*) статья Путина под заголовком: «Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для прими-

рения и партнерства?»⁴⁷. В примирительном духе была выдержана и речь Путина на Вестерплатте, в которой он однозначно осудил советско-германский договор 1939 г. Также конструктивно выступил и Туск, заявивший, что советские солдаты в 1945 г. спасли Европу от нацизма, но не могли принести свободу другим народам, потому что не были свободны сами. Выступавший там же президент Лех Качиньский, напротив, эксплуатировал риторику конфронтационной исторической политики.

В России визит Путина сопровождался весьма разноречивыми комментариями. Противники исторической политики осторожно приветствовали речь Путина как шаг в правильном направлении, а ее явно разочарованные сторонники осудили речь как бессмысленную уступку полякам, которые якобы не в состоянии оценить такие жесты. В Польше лагерь Качиньских также поспешил предпринять ряд шагов, направленных на нагнетание ситуации и восстановление несколько разрядившейся атмосферы конфронтации⁴⁸.

Вся эта история ясно демонстрировала, что сторонники конфликтной исторической политики в России и Польше, при всех взаимных инвективах, в действительности объективно подыгрывают друг другу и используют агрессивные высказывания оппонентов для легитимации своей политики внутри каждой из стран.

Весной 2010 г. в сфере российско-польских отношений произошли события, существенно повлиявшие на общую ситуацию с исторической политикой в России. Седьмого апреля 2010 г. Туск и Путин встретились в Катыни, чтобы почтить память польских офицеров, расстрелянных в 1940 г. Глава «Мемориала» Арсений Рогинский так комментировал речь Путина по горячим следам: «Путин сказал в Катыни важные вещи, и это большой шаг вперед. Он назвал расстрел поляков преступлением, причем преступлением тоталитаризма. Это принципиально — в новых школьных учебниках по истории слово “тоталитаризм” не употребляется». Рогинский отметил также, что

поляки, присутствовавшие на церемонии, были потрясены тем, что российский премьер встал на колени у памятника польским офицерам⁴⁹.

Вместе с тем заявление Путина о том, что катынское преступление уже получило свою правовую оценку, показало, что идти до конца в этом вопросе российские власти были на тот момент не готовы. В действительности в 2004 г. дело № 159 прекратили, признав виновными в расстрелах только начальственный состав Красной Армии. При этом исключили доступ потерпевших к 116 томам дела из 183 и засекретили само постановление о прекращении уголовного дела. «Иными словами, вопросов вчера стало не меньше, и памятная церемония в Катыни просто вновь зафиксировала: расстрел был. А финал той трагедии по-прежнему открыт. Слово “примирение” звучало из уст и польской, и российской делегации, но только применительно к будущему времени», — трезво оценивала итоги встречи «Российская газета»⁵⁰.

Президент Качиньский, не приглашенный к участию в совместных мероприятиях, решил посетить Катынь 10 апреля 2010 г. в статусе паломника. Его самолет разбился при посадке в Смоленске. Это трагическое событие, среди прочего, ускорило пересмотр прежней линии в исторической политике. Второго апреля, накануне встречи Туска и Путина, второй канал ВГТРК («Культура») показал — без объявления в программе — купленный задолго до этого и вполне в советском духе «положенный на полку» фильм «Катынь» Анджея Вайды. Уже 11 апреля главный канал ВГТРК, охватывающий всю страну, показал фильм снова, сделав его доступным всей стране.

В последующие месяцы Туск и его союзники проявили стойкость в курсе на примирение с Россией, несмотря на существенную политическую цену, которую им приходилось платить за это в Польше. Ярослав Качиньский и его партия «Право и Справедливость» (ПиС) объявили позицию премьер-министра «предательством польского достоинства и польских интересов» и сделали это основой критики правительства.

Политическое руководство России в этой ситуации вело себя весьма конструктивно — по большей части игнорируя довольно многочисленные провокационные заявления, появлявшиеся в некоторых польских СМИ, о том, что ответственность за катастрофу несет российская сторона. Российские власти декларировали готовность делать дальнейшие шаги для нормализации отношений в том, что касается болевых точек истории. В частности, Посол РФ в Польше Александр Алексеев в феврале 2011 г. заявил, что российская сторона найдет способ реабилитировать польских офицеров, расстрелянных в Катыни, чего долго добивались их родственники, а также пообещал «продолжение» работы по рассекречиванию очередных томов катынского дела⁵¹. В целом, очевидно, что российское руководство оказалось способно начать осторожный процесс сближения с польской стороной, когда в Варшаве появился настроенный на «разрядку» партнер. В апреле 2010 г. российские власти достойно отреагировали на неожиданную драматическую ситуацию, ускорив движение навстречу Варшаве в исторических вопросах.

Весьма показательные изменения произошли в этот период и в политике тех российских СМИ, чья редакционная линия находится в той или иной мере под государственным контролем. Прежде в таких СМИ любые антироссийские выступления польских политиков и журналистов моментально становились «информационным поводом» для ответного «удара». Теперь подобные выпады старались не замечать. В результате общественное мнение перестало получать регулярные напоминания о «русобии» соседних стран, возник климат, в котором резонные претензии польской стороны, в том числе и по вопросам истории, стали встречать больше понимания.

В Польше курс на примирение с Россией стал объектом ожесточенной атаки со стороны партии Ярослава Качиньского. Главным мотивом вплоть до апреля 2011 года было обвинение российской стороны в том, что крушение самолета было подстроено. Среди провокаций, которые предприняли сто-

ронники прежней, конфронтационной линии еще в 2010 г., было не согласованное с российскими властями размещение на памятном камне, установленном властями Смоленска на месте катастрофы президентского лайнера, памятной доски с надписью, в которой катынское преступление 1940 г. характеризовалось как «советский геноцид». То обстоятельство, что российский МИД шесть месяцев убеждал своих польских коллег, чтобы они урегулировали этот вопрос сами, показывает, насколько в Москве хотели избежать скандала. Польские власти, понимая, насколько взрывоопасна эта тема для внутрипольской политики, не решались что-либо предпринять. Наконец, поняв, что поляки не собираются ничего делать, российская сторона сама сняла доску накануне визита в Смоленск президентов двух стран. Значительная часть польских СМИ и политиков, пусть и не сразу, но все-таки признала, что главная ответственность за этот инцидент лежит на самих поляках⁵².

В Польше тезис о том, что катынский расстрел был геноцидом, вызывает многочисленные возражения как историков, так и политиков⁵³. Линия раздела между сторонниками и противниками такой интерпретации примерно совпадает с делением на противников и сторонников главных соперничающих партий — «Гражданской платформы» и «Право и Справедливость». Когда ПиС осенью 2010 г., после визита Путина на Вестерплатте, перешла в контратаку и потребовала в Сейме принятия специальной декларации о войне 1939 г. и Катыни, Сейм принял компромиссную, отчасти даже нелепую формулировку — «военное преступление, носящее признаки геноцида», избегая характеристики катынского расстрела как геноцида, но все же упоминая это магическое слово. В конце апреля 2011 г., когда я заканчиваю эту статью, противники «Гражданской платформы», отпраздновав годовщину авиакатастрофы обвинениями в том, что самолет упал из-за Туска и Путина, вполне ожидаемо пытаются вернуться к проверенной тактике исторической политики. Группа сторонников ПиС из числа журналистов и ученых опубликовала открытое письмо президенту Коморовс-

кому, в котором требует от президента занять позицию по вопросу, который для них самих не вызывает никаких сомнений, — было ли катынское преступление геноцидом. Поддерживающая Качиньского газета «Речпосполита» (*Rzeczpospolita*) опубликовала письмо под фотографией пожимающих друг другу руки Медведева и Коморовского⁵⁴. Нетрудно предположить, что эту тему ПиС сделает одной из центральных в уже начавшейся в Польше избирательной кампании в Сейм и Сенат, притом что, по прогнозам польских наблюдателей, борьба будет идти не на жизнь, а на смерть⁵⁵. Лидеры «Гражданской платформы» оказываются в трудной ситуации. Их втягивают в спор, которого они явно хотели бы избежать. Кроме того, перед нами очередное свидетельство того, насколько эффективным инструментом исторической политики является понятие «геноцид»: оно возбуждает такие эмоции, которые способны заблокировать рациональное обсуждение исторических событий⁵⁶.

То, как развивался до сих пор и как будет развиваться далее процесс примирения по историческим вопросам между Россией и Польшей, представляет собой яркую иллюстрацию механизмов исторической политики и тех трудностей, которые связаны с преодолением уже усвоенных и отработанных методов ее проведения. Диалог с Варшавой в 2009—2011 гг. с обеих сторон включал тех людей, которые стремились к «разрядке», а активисты исторической политики и в России, и в Польше отчаянно пытались вернуть диалог в русло перебранки. И в России, и в Польше (вероятно, это верно и для большинства других стран) в отношении к политике памяти есть устойчивые группы, ориентированные на примирение, и столь же устойчивые группы, стремящиеся к эскалации конфронтационных настроений. И те и другие пытаются привлечь на свою сторону то большинство, которое не имеет четкой, продуманной позиции в этих вопросах. Успех групп, ориентированных на примирение, в очень большой степени зависит от готовности их партнеров по другую сторону границы игнорировать провокационные действия сторонников конфронтации. Пока-

затель же успеха разрядки не в том, что провокации с обеих сторон прекращаются, но в том, что они постепенно вытесняются на периферию информационного пространства и общественного сознания, перестают определять политическую повестку дня. Выход из конфронтации на почве исторической политики — это длительный и трудный процесс, с неизбежными срывами, подобный выздоровлению после тяжелого недуга. На ранних стадиях этого процесса политики — сторонники примирения нередко оказываются перед трудным выбором: как минимизировать ущерб от атак конкурентов, делающих ставку на конфронтационную историческую политику, не потеряв при этом доверия иностранных партнеров. Поведение политиков «Гражданской платформы» в 2010—2011 гг. можно рассматривать как наглядный пример такого лавирования.

В то же время успех курса на примирение в немалой степени определяется примитивной логикой политической борьбы: раз вступив на этот курс, политикам уже трудно с него свернуть, поскольку отказ от него означал бы признание правоты их политических противников. Поэтому, совершая разнообразные тактические маневры, сторонники примирения в стратегическом плане будут придерживаться этого курса.

В 2010 г. существенно изменилась и ситуация в российско-украинских отношениях. Новый президент Виктор Янукович и его команда стремились снять наиболее раздражавшие российскую сторону элементы исторической политики⁵⁷. Вскоре после избрания Януковича, 17—18 мая 2010 г. Медведев совершил официальный визит в Киев. В контексте исторической политики важным эпизодом в ходе визита было посещение президентами мемориала жертвам голода 1932—1933 гг. Того самого мемориала, на открытие которого во время президентства Виктора Ющенко Медведев отказался приехать, сопроводив отказ весьма резким заявлением⁵⁸. Таким образом, в отношениях с новым руководством Украины в сфере исторической проблематики Москва также демонстрировала готовность к разрядке.

В отношениях с Украиной особенный интерес представляет роль Патриарха РПЦ Кирилла, который еще в 2009 г. в ходе визита в Украину посетил мемориал вместе с Ющенко. Кирилл почтил память жертв голода, «порожденного совершенно конкретными политическими причинами», осудил преступления коммунистического режима и заявил, что эта трагедия не должна использоваться для развития «братоненавистнической историософии»⁵⁹. Очевидно, что и в России, и в Украине РПЦ выступает как самостоятельный актер в вопросах политики памяти, причем при Кирилле ее антисталинистская и антикоммунистическая позиция проявляется особенно четко⁶⁰.

Хотя с балтийскими республиками политического сближения не происходило, принцип «не нагнетать» был распространен и на них; провокационные выступления со стороны соседей большинством СМИ либо игнорировались, либо комментировались как не заслуживающие серьезной реакции. То же происходило и в отношениях с Молдовой, даже несмотря на то, что в этой стране историческая политика резко интенсифицировалась в 2010 г. в условиях обострения внутриполитического соперничества⁶¹.

Можно заключить, что «перезагрузка» в отношениях с Вашингтоном создала ту общую тенденцию, на фоне которой Москва активно включалась в процесс разрядки с теми странами Восточной Европы, где находила подходящего партнера, и отказывалась от тактики нагнетания напряженности с теми соседями, где подходящих партнеров для процесса примирения не находила.

Противоречивые тенденции 2009—2011 гг. Внутриполитическое измерение

В 2010 г. некоторые видные политические фигуры внутри страны начали выступать с заявлениями, которые резко контрастировали с исторической политикой властей в предыду-

щие годы. В ответ на намерение мэра Москвы Юрия Лужкова в рамках подготовки к очередному юбилею Победы разместить в городе плакаты с портретом главнокомандующего Сталина, министр культуры Александр Авдеев выступил с решительным протестом, заявив, что плакатам с его изображением не место в российских городах. «Сталин палач, он виноват в том, что наша страна потеряла почти целый век в своем развитии. Сталин загубил миллионы жизней в ходе репрессий и миллионы жизней в ходе войны. Он несет полную ответственность за первые два года поражений в Великой Отечественной войне»⁶².

Накануне юбилейных торжеств, 7 мая 2010 г., в интервью «Известиям» на эту тему высказался уже президент Медведев: «Ни в коем случае нельзя говорить о том, что сталинизм возвращается в наш повседневный быт, что мы возвращаем символику, что мы собираемся использовать какие-то плакаты, еще что-то делать. Этого нет и не будет. Это абсолютно исключено. И в этом, если хотите, нынешняя государственная идеология и моя оценка как Президента Российской Федерации. <...> Если говорить о государственной оценке, о том, как оценивается Сталин руководством страны в последние годы, с момента возникновения нового Российского государства, то здесь оценка очевидная — Сталин совершил массу преступлений против своего народа». В этом же интервью Медведев говорил об СССР как тоталитарном обществе, а одним из примеров попыток фальсификации истории назвал поведение советских властей в катынском деле, что было очевидным стремлением скорректировать ту тенденцию исторической политики, которая, как признал сам Медведев в этом интервью, заставила людей заговорить о возрождении сталинизма⁶³.

Уже осенью 2009 г. в своем видеоблоге, посвященном дню памяти жертв политических репрессий, Медведев осудил логику, согласно которой «многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями». Репрессиям, заявил он тогда, «нет оправданий». «Мы много внимания уде-

ляем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ», — эти слова ясно сигнализировали о стремлении президента изменить линию исторической политики, направленной на «нормализацию» сталинизма⁶⁴. Весной 2010 г., в контексте драматических событий в Смоленске, президент и влиятельная часть политического истеблишмента сделали ставку на интенсификацию антисталинской риторики и Медведев фиксировал этот поворот словами о «государственной идеологии».

В общественной жизни в 2010 г. произошли события, которые тоже свидетельствовали о перемене общей атмосферы. Выделим два.

В декабре в Академии наук состоялись выборы директора Института российской истории РАН, формально главного академического центра по изучению отечественной истории. Это был заключительный акт длительного процесса, в ходе которого стараниями прежнего директора А. Сахарова и при поддержке намного более влиятельных лиц, к занятию этого поста готовили никогда в институте не работавшего Данилова, автора и редактора печально знаменитого учебника. На выборах в академии именно Данилова поддерживало и руководство историко-филологического отделения.

Важное достоинство Академии наук — и при советской власти, и сегодня академики периодически демонстрируют способность «взбрыкнуть» и отказываются исполнять указания «сверху»⁶⁵. В прежние времена это проявлялось в том, что некоторых партийных функционеров, пожелавших «избраться» в академию, могли «прокатить» на выборах, и даже не раз. Теперь, как можно предположить, попытка Суркова вознаградить Данилова за усердное исполнение задания по подготовке учебника назначением на пост директора института была успешно

торпедирована голосованием историко-филологического отделения АН⁶⁶. Судя по рассказу академика-секретаря Валерия Тишкова прессе⁶⁷ и некоторым другим данным, главная заслуга в провале Данилова принадлежит филологической части отделения. Так или иначе, но академия послала заинтересованным лицам несколько неожиданный, но вполне ясный сигнал — ревностное исполнение политических поручений не всегда приносит ожидаемые плоды (разумеется, помимо гарантированных авторских гонораров с раздутого тиража).

Другой важный в этой связи эпизод 2010 г. — это дискуссия по поводу пособия Александра Вдовина и Александра Барсенкова⁶⁸. Пособие было рекомендовано Ученым советом исторического факультета МГУ, где оба автора и работают, и выдержало три издания. Публикация статей с критикой очередного переиздания этого пособия в журналах «Искусство кино» и *The New Times* вполне могла остаться маргинальным событием⁶⁹. Однако на этот раз в обсуждение этого учебного пособия активно включилась Общественная палата, которая подвергла его резкой критике, осудив за «тенденциозные взгляды и интерпретацию истории в духе радикального национализма»⁷⁰. Декан истфака Сергей Карпов был вынужден оправдываться. Эта история была, пожалуй, первым примером не оборонительной, но наступательной тактики противников исторической политики⁷¹.

Любопытна была реакция публицистов того лагеря, который еще недавно активно поддерживал создание комиссии по борьбе с фальсификациями истории и требовал «разобраться с последователями доктора Геббельса» из числа российских историков. Теперь они писали о свободе научной интерпретации, а в менее официальных изданиях об атаке на «русских ученых» со стороны «нерусской либеральной мафии»⁷².

В любом случае для МГУ вообще и для истфака МГУ и его декана Карпова в особенности этот скандал оказался связан с серьезными моральными и имиджевыми издержками. И это, пожалуй, главный урок, который, очевидно, заставит руководи-

телей научных и учебных подразделений внимательнее следить за тем, что санкционируют к публикации их ученые советы — будь то по причине наплевательского отношения к своим обязанностям, ложно понятой солидарности с коллегами или симпатии к их постыдным текстам. Общественная кампания против этой книги также показала, что взгляды Вдовина и Барсенкова не имеют (или уже не имеют) поддержки «наверху».

В переориентации риторики и, потенциально, политики власти, произошедшей в 2010 г., сыграли роль разные факторы. Не пытаясь оценить их сравнительную значимость, перечислим основные обстоятельства. В области внешней политики «перезагрузка» на линии Москва—Вашингтон счастливо совпала с приходом к власти в Польше и Украине политических лидеров, настроенных на нормализацию отношений с Россией. В атмосфере «перезагрузки», точнее говоря, ослабления напряженности в отношениях России и Запада, появился шанс отказаться от войн вокруг истории, и Москва им воспользовалась — вместе с Киевом и Варшавой. Озабоченные улучшением образа России за границей, власти, наконец, обратили внимание на то, что внешнеполитические партнеры воспринимают попытки «нормализации» сталинизма как скандальные, антироссийски настроенные политики и СМИ с удовольствием их используют.

В этих условиях в начале 2011 г. произошли события, которые можно описать как попытку наладить сотрудничество между теми общественными силами, которые считают необходимым дать ясную негативную политическую и правовую оценку преступлениям коммунистического режима, и той частью политического истеблишмента, которая готова сделать эту тему частью своей политики. Группа членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, во главе которой стоят Михаил Федотов и Сергей Караганов, в сотрудничестве с обществом «Мемориал» разработала «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении

памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”». В феврале 2011 г. этот документ был представлен президенту Медведеву на заседании Совета в Екатеринбурге⁷³. Наряду с предложениями об увековечении памяти жертв репрессий и другими формами коммеморации (памятники, музеи, исследовательские центры, государственные памятные даты), проект предусматривал также конкурс на разработку нового учебника истории, государственную поддержку академических исследований этой проблематики. Проект предлагал также важные политические и правовые шаги — юридическую оценку преступлений коммунистического режима, их политическое осуждение и введение запрета для государственных чиновников на отрицание или оправдание этих преступлений.

Очевидно, что авторы проекта старались вписать собственные антикоммунистические убеждения в политическую повестку дня президента, упоминая в преамбуле, среди прочего, задачи модернизации и вполне мифические тенденции консолидации стран СНГ. Эта довольно неуклюже написанная преамбула и ряд неряшливо сформулированных практических предложений⁷⁴ сделали проект удобной мишенью критики для его заведомых противников.

На момент написания этой статьи дискуссия о проекте только начинает разворачиваться. Конструктивной критики пока немного. Будущее проекта остается неясным. Президент передал программу — ирония истории — главе своей администрации, по совместительству председателю комиссии по фальсификациям истории Сергею Нарышкину, с поручением проанализировать «важные предложения». Однако кое-какие выводы уже можно сделать. Проект зафиксировал переход публичной полемики о нашей истории XX в. в новое качество — когда сформулированы две противоположные позиции, вокруг каждой из них может сформироваться коалиция политических и общественных сил.

Одна позиция состоит в том, что осуждение преступлений коммунистического режима должно быть сведено к минимуму.

Во-первых, потому что они не должны заслонять достижений, в число которых записывается, помимо Победы, индустриализация, космос, атом, ликвидация безграмотности и т.д.⁷⁵ Во-вторых, потому что признание коммунистических преступлений ослабит внешнеполитические позиции России и будет чревато выплатой непредсказуемо больших компенсаций жертвам режима и их потомкам. (Отсюда лозунги о защите «памяти о Великой Победе нашего народа» от посягательств космополитов и либералов, тезис «нам не за что каяться» и т.д.) Наконец, высказывается аргумент, что осуществление такой программы несвоевременно, что она расколется общество, приведет к «гражданской войне». (За этим аргументом стоит убеждение, что через почти сто лет после революции и через пятьдесят лет после смерти Сталина, обозначившей конец массовых репрессий, следует по-прежнему придерживаться тактики «вытесняющего забывания»⁷⁶.)

Конечно, этот лагерь весьма неоднороден — здесь и коммунисты, которые готовы ходить на демонстрации с портретом Сталина, и «государственники», которые, возможно, Сталина и не любят, но еще больше не любят его критиков и Запад. (Именно в этом русле развивалась санкционированная сверху историческая политика 2003—2009 гг. Она проходила под лозунгом борьбы с очернительством, стремилась, насколько возможно, преуменьшить масштаб репрессий (напомню предложение Данилова считать жертвами репрессий только расстрелянных) и релятивизировать их (по принципу — все не без греха⁷⁷).) Во многом это была попытка реанимировать коммунистический дискурс о балансе достижений и негатива советского периода в его даже не хрущевской, но брежневской версии «культы личности», только без защиты коммунизма как идеологии. Эти тезисы находят отклик у фрустрированной части населения, которая нагружает в «Сталина», как в пустой контейнер, ностальгию по «великой державе», «дружбе народов», «социальной защищенности», недовольство вполне реальным и вопиющим социальным неравенством, коррупцией госаппарата и другими пороками современной России.

Другая позиция состоит в том, что общество и политическая власть должны сделать осуждение преступлений коммунистического режима важной частью общественного дискурса о прошлом и одним из ключевых элементов политической легитимации власти. Коммеморация преступлений и их жертв, если она не ограничивается идентификацией с жертвами, что есть самый простой и порой весьма опасный путь⁷⁸, но ставит вопрос об общенациональной ответственности за прошлые преступления, может послужить важным рычагом в преобразовании всех общественных отношений, в том числе отношений общества и власти.

Внутри страны либеральные, западнические круги были традиционно наиболее активны в критике исторической политики с ее линией на «нормализацию» сталинизма. Попытка противников пересмотра политики памяти представить его как заговор непопулярных в стране либералов может быть удачным тактическим ходом, но заведомо искажает реальную картину. Сторонниками решительного политического осуждения коммунистических преступлений являются далеко не одни либералы, многие из которых действительно грешат «слепой» оппозиционностью государству.

Получившая широкий резонанс и ставшая бестселлером резко антикоммунистическая книга «История России. XX век» под редакцией Андрея Зубова была написана с религиозных и отчасти консервативных, но не либеральных идеологических позиций⁷⁹. Весьма разнообразны политические убеждения авторов уже более чем пятидесяти томов, вышедших в рамках научно-издательского проекта «История сталинизма», осуществляемого с 2008 г. издательством «РОССПЭН» совместно с Фондом Ельцина⁸⁰.

Более 800 памятных мест (музеев, памятников, памятных досок и т.д.), созданных по всей России в память жертв политических репрессий, в основном в результате местных инициатив, показывают, что эта тема близка отнюдь не только столичным либералам «внутри Садового кольца».

Опросы общественного мнения, которые показывают, что лишь около 30% населения поддерживают политику десталинизации, не должны вводить в заблуждение⁸¹. 45% опрошенных, заявляющих, что десталинизация это миф и пустые слова, вовсе не обязательно против десталинизации как таковой. Ведь лишь 26% опрошенных считают, что Сталин сделал для России больше хорошего, чем плохого. Для того чтобы десталинизация или, точнее, декоммунизация получила широкую общественную поддержку, людей нужно убедить в том, что предлагаемые меры — не очередная попытка сиюминутной политической манипуляции, но именно *политика* с серьезными моральными и политическими последствиями.

Эта политика может опереться на достаточно широкую коалицию нередко далеких друг от друга по иным вопросам сил. Руководство РПЦ во главе с патриархом Кириллом неоднократно демонстрировало последовательную антисталинистскую и антикоммунистическую позицию. В дискуссии о проекте программы об увековечении памяти жертв тоталитарного режима РПЦ решительно поддержала ее главную идею. Председатель Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского патриархата Всеволод Чаплин сказал в интервью еженедельнику «Российские вести»: «Для меня очевидно, что подобные предложения надо было сделать давно. Необходимо дать политическую и правовую оценку преступлениям, совершенным большевистским режимом. Причем преступлениям не только Сталина, но и Ленина, Дзержинского, Троцкого. Надо увековечить память жертв кровавого большевистского переворота. Нельзя продолжать возвеличивать палачей, называя их именами улицы»⁸².

В самом политическом истеблишменте оказалось немало людей со стойкими антикоммунистическими убеждениями. Другие готовы подстроиться к такой политике из конъюнктурных соображений. В январе 2011 г. ряд деятелей «Единой России» выступил с не новой идеей захоронения Ленина⁸³. «Единая Россия» открыла сайт в Интернете goodbyelenin.ru, где

желающие могли проголосовать за и против этой идеи⁸⁴. Вскоре, впрочем, официальное руководство партии заявило, что это инициатива только отдельных ее членов. Во всяком случае, очевидно, что партия в принципе готова поддержать антикоммунистическую политику памяти, если это принесет политические дивиденды и если таково будет решение верховной власти (это всегда верно в отношении ЕР).

В этой ситуации политика памяти может стать важным элементом общей политической повестки дня, и, главное, дать новые идеи для легитимации и трансформации существующего режима, прежняя идеология которого откровенно износилась. Осуждение массовых репрессий и классового террора большевиков хорошо резонирует с тематикой правового государства и демократизации, формирования политической нации, которую Медведев выдвигал в центр своей риторики в период президентства, и которая находила достаточно широкий отклик в обществе.

Трудно предсказать, как эта дискуссия будет развиваться. Противники политики осуждения преступлений коммунизма мобилизовались для того, чтобы перевести полемику в русло привычной исторической политики — с персональными атаками на оппонентов, намеренным извращением их позиции, криками о предательстве России. Однако есть шанс, что профанировать дискуссию таким образом не удастся. Кажется, и среди сторонников, и среди противников антикоммунистической политики памяти есть достаточно людей, способных к диалогу по существу. Конечно, бросается в глаза отсутствие в России той традиционной инфраструктуры публичной полемики, которую анализировал на примере Германии и Австрии Дэвид Арт, показавший значение общенациональных печатных органов как площадок для конфронтации различных точек зрения и фиксирования подвижек общественного сознания по вопросам коллективной памяти и норм политически корректного высказывания⁸⁵. В России нет печатного органа, который мог бы сыграть роль такого модератора. Ее пытаются

взять на себя Интернет, где и разворачивается основное действие⁸⁶. В этом смысле дальнейшее протекание полемики о политике памяти представляет особый методологический интерес для исследователя, поскольку является, возможно, одним из первых примеров такого интернет-сфокусированного процесса⁸⁷.

По состоянию на конец 2011 г. можно сказать, что ситуация в России существенно изменилась и, в то же время, остается неопределенной. Ясно, что страна избежала того пароксизма исторической политики, который еще в 2009 г. казался неизбежным. Сегодня уже трудно представить, чтобы тенденция, апогеем которой были указ о комиссии по борьбе с фальсификациями и учебник Филиппова—Данилова, могла возобновиться с прежней силой, апломбом и уверенностью в успехе. В то же время, очевидно, что баталии в обществе по поводу политики памяти будут продолжаться с нарастающей интенсивностью.

Примечания

¹ См.: *Atmashev T.* Transformation of the Political Speech under Perestroika. Free Agency, Responsibility and Historical Necessity in the Emerging Intellectual Debates (1985—1991). PhD Dissertation. Florence: EUI, 2010.

² Материалы дела о проверке конституционности указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. М.: Спарк, 1996—1998. В 6-ти томах.

³ См. анализ президентских посланий в статье О. Малиновой в этом сборнике.

⁴ Важную роль как в исследовательской и издательской деятельности по истории преступлений советского режима, так и в работе по увековечению памяти жертв репрессий играло созданное в 1991 г. общество «Мемориал».

⁵ *Рогинский А.* Память о сталинизме. Выступление на конференции «История сталинизма». Москва. 5 декабря 2008 г. (<http://www.hro.org/node/3916>).

⁶ О понятии «коммеморация», охватывающем разнообразные практики закрепления, сохранения и передачи в обществе коллективной памяти о прошлом, см.: *Halbwachs M.* La Memoire collective [1950] // *Halbwachs M.* The Collective Memory / Translated by F.J. and V.Y. Ditter. N. Y., 1980. P. 50—87, особ. 82.

⁷ См. неоднократно переиздававшиеся: *Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А.* История России: XX — начало XXI века. М.: Русское слово, 2008 (8-е издание); *Отечественная история XX — начала XXI века* / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2006 (3-е издание); *Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В.* История России: XX — начало XXI века. М.: Просвещение, 2009.

⁸ В частности, за переносом в некрополь Донского монастыря в 2000 г. праха И.С. Шмелёва в 2005 г. туда же перенесли прах И.А. Ильина и А.И. Деникина.

⁹ Подробное описание обстоятельств этого периода см. в нашей статье «Россия: власть и история» в: *Pro et Contra*. 2009. № 3—4. С. 6—23.

¹⁰ *Долуцкий И.И.* Отечественная история. XX век: Учебник для 10—11 кл. Часть 1, 2. М.: Мнемозина, 2001; 2003.

¹¹ http://www.hrono.ru/statii/2008/shwed_pam.html

¹² См., например, статью А. Кушко о музее истории в Кишиневе.

¹³ О Данилове много говорят темы его диссертаций: кандидатскую «Комсомол — активный помощник КПСС в воспитании рабочей молодежи в ходе социалистического соревнования. 1966—1980 гг.» он защитил в 1986 году, докторскую «Партийное руководство развитием творческой активности работающей молодежи. 1960-е — 1980-е гг.» — в 1990 году. Филиппов представляется как заместитель директора Национальной лаборатории внешней политики. На ее сайте сказано, что это «некоммерческая организация, специализирующаяся на экспертизе и разработке стратегий в области внешней политики, содействующая органам государственной власти в подготовке и осуществлении внешнеполитических решений» (<http://www.nlvp.ru/laboratory/>).

¹⁴ *Филиппов А.В.* Новейшая история России: 1945—2006 гг.: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.

¹⁵ История России. 1945—2007: Учебник для 11 класса / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М.: Просвещение, 2007. Второе издание: История России. 1945—2008. М.: Просвещение, 2008; *Данилов А.А.* История России. 1900—1945. Методическое пособие. 11 класс. М.: Просвещение, 2008.

¹⁶ Критический анализ учебника, с которым я в основном согласен, см. *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить (А.В. Филиппов. Новейшая

история России. 1945—2006 гг.) // Отечественные записки. 2007. № 4 (36). (<http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=1530&numid=38>); *Капачуба И.* «Учебник Филиппова»: продолжение последовало (<http://www.urokiistorii.ru/current/view/2009/10/uchebnik-filippova>)

¹⁷ См.: http://www.prosv.ru/umk/ist-obsht/info.aspx?ob_no=15378 (последнее посещение 3 февраля 2011 г.).

¹⁸ *Kotkin S.* Modern Times: the Soviet Union and the Interwar Conjunction // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 2. No 1. Winter 2001 (New Series). P. 111—164.

¹⁹ История Беларуси в 2 частях. Учебное пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования в 2 ч. / Под ред. Я. Трещенка. Ч. 2 (С Февральской революции и до наших дней). Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же. С. 9.

²² Там же. С. 7.

²³ См. выступления Филиппова и Данилова на конференции в Хабаровске: http://history.standart.edu.ru/info.aspx?ob_no=12080; http://history.standart.edu.ru/info.aspx?ob_no=12081

²⁴ *Филиппов А.В.* Новейшая история России. С. 421—485; История России: 1945—2007. Гл. 6, особ. с. 328—329.

²⁵ На некоторых учебниках указан тираж 100 тыс., а на других — 150 тыс.; это соответствует двум типографским «заводам», то есть суммарно отпечатано 250 тыс. экземпляров.

²⁶ Подробнее о методах внедрения учебника в школы см. мою лекцию «Историческая политика: update» (<http://www.polit.ru/lectures/2009/11/05/istpolit.html>) и статью «Россия: власть и история» (*Pro et Contra*. 2009. № 3—4. С. 6—23).

²⁷ Обществознание. Глобальный мир в XXI веке. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. 11 класс // М.: Просвещение, 2008.

²⁸ Цит. по: *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить...

²⁹ Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2008. С. 22.

³⁰ Шойгу предложил уголовно карать отрицающих победу СССР в Отечественной войне // *Newsru*. 2009. 20 февраля (<http://www.newsru.com/russia/24feb2009/srozkavov.html>).

³¹ См.: России гарантировано прошлое // *Коммерсантъ*. № 88 (4143). 2009. 20 мая (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1172771>). Там же см. подборку высказываний высших государственных

чиновников о необходимости ужесточения контроля за учебниками истории и за историей вообще.

³² <http://президент.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/4121>

³³ *Данилин П.* Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса (<http://russ.ru/pole/Kak-reagirovat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikacijami>). Данилин также является шеф-редактором интернет-сайта www.kreml.org

³⁴ Там же.

³⁵ Сравнение «ревизионистов» с пропагандистами Геббельса было и до сих пор остается общим местом в публицистике сторонников исторической политики.

³⁶ *Александр Дюков.* Бояться деятельности Комиссии по борьбе с фальсификацией истории могут только те, кто эту историю фальсифицируют (интервью порталу [Liberty.ru](http://www.liberty.ru)/Свободный мир) (<http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Boyat-sya-deyatel-nosti-Komissii-po-bor-be-s-fal-sifikacij-istorii-mogut-tol-ko-te-kto-etu-istoriyu-fal-sifici-ruyut>).

³⁷ Возможность воплощения в российских условиях польского образца ИНП равна нулю, поскольку российская ФСБ сохранила преемственность в отношении КГБ, включая контроль над архивами.

³⁸ <http://www.svobodanews.ru/content/article/1766749.html>

³⁹ См.: Об ажиотаже вокруг письма Отделения историко-филологических наук РАН «о фальсификациях истории». Письмо заместителя академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационным вопросам А.Е. Петрова (<http://www.polit.ru/dossie/2009/07/03/petrov.html>). Что, впрочем, вовсе не означает отказа от этого метода работы: очередной циркуляр о «профилактике возникновения очагов межнациональной розни, формирования идей сепаратизма и национализма на основе процессов фальсификации отечественной истории» был разослан 12 марта 2011 г.

⁴⁰ Следует оговориться, что степень монологичности исторического дискурса в России в рассматриваемый период не следует преувеличивать. По телевизору практически одновременно показывали и «Сталин-*life*», и «В круге первом», авторские программы Радзишевского и Сванидзе.

⁴¹ О работе Группы и ее результатах см.: Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010.

⁴² http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika.html

⁴³ См. мою публичную лекцию «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения» в клубе — *литератур-*

ном кафе *Bilingua* 24 апреля 2008 г. Представляет интерес сравнение лекции и статьи Торкунова. <http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html>

⁴⁴ См.: Павловский О. Плохо с памятью — плохо с политикой. Политика памяти // Русский журнал. 2008. 9 дек. (www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj).

⁴⁵ http://www.memo.ru/2008/12/10/Stalinizm_Conference.htm

⁴⁶ В частности, был анонсирован выход книги, подготовленной архивом Службы внешней разведки Российской Федерации, «Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945)» / Составитель Л.Ф. Соцков. М.: РИПОЛ классик, 2010.

⁴⁷ Русский текст см.: <http://premier.gov.ru/events/news/4814/>

⁴⁸ Подробнее см. мою публичную лекцию «Историческая политика: Update» 22 октября 2009 г. в клубе — литературном кафе *Bilingua*.

⁴⁹ Арсений Рогинский: «По сути, Путин назвал Сталина преступником» (<http://novayagazeta.ru/data/2010/037/06.html>).

⁵⁰ Переступить через Катынь // Российская газета. Центральный выпуск. № 5152 (73). 2010. 8 апр. (<http://www.rg.ru/2010/04/08/katyn.html>).

⁵¹ См.: <http://www.echo.msk.ru/news/748814-echo.html>. Это обещание было выполнено, и в апреле 2011 г. польской стороне передали очередную порцию рассекреченных томов.

⁵² «Классической провокацией» назвал эти действия министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский (http://wiadomosci.gazeta.pl/Wiadomosci/1,80271,9459937,Sikorski___Szanowalismy_zalobe___teraz_mowimy_dosc_.html).

⁵³ В России и за рубежом подавляющее большинство специалистов такую характеристику считает ошибочной.

⁵⁴ <http://wsieci.rp.pl/opinie/rekiny-i-plotki/Otwarty-list-do-prezydenta-RP-w-sprawie-Katynia>

⁵⁵ См., например, http://www.rp.pl/artukul/645052_Winczorek—Oramietanie-nie-nastapi.html

⁵⁶ См. статью Е. Финкеля в этой книге. Серьезные историки уже пришли к неизбежному выводу, что понятия «геноцид» следует просто избегать, оставив его для профессионального употребления юристов. «Я предпочитаю понятие “массовое убийство” понятию “геноцид” по целому ряду причин... Термин “геноцид” неизбежно провоцирует трудноразрешимые противоречия», — пишет, например, Тим Снайдер. См.: Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. L.: The Bodley Head, 2010. P. 412, 413.

⁵⁷ Подробнее см. статью Г. Касьянова в этом сборнике.

⁵⁸ Текст заявления Медведева см.: <http://www.regnum.ru/news/1083713.html>

⁵⁹ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=305478>

⁶⁰ Кирилл, тогда митрополит, играл важную роль уже при организации первого визита президента Путина на Бутовский полигон 30 октября 2007 г. Это было важное событие, первый визит высшего должностного лица РФ на место массовых расстрелов в день памяти жертв политических репрессий.

⁶¹ См. статью А. Кушко в этом сборнике.

⁶² <http://echo.msk.ru/news/666986-echo.html>

⁶³ <http://www.izvestia.ru/pobeda/article3141617/>

⁶⁴ <http://blog.kremlin.ru/post/35/transcript>

⁶⁵ Речь здесь не идет, разумеется, о таких людях, как Сахаров или Капица, последовательных в своей, часто вполне самоотверженной, оппозиции режиму.

⁶⁶ Автор скандального учебника не возглавил Институт российской истории. См.: <http://polit.ru/country/2010/12/15/daniloff.popup.html>

⁶⁷ Академики наденут белые халаты // Российская газета. 2010. 15 дек. (<http://www.rg.ru/2010/12/15/ran.html>). Академик-секретарь Тишков сообщил, что сам он голосовал за Данилова, потому что обещал это Сахарову. Впрочем, по его словам о «победе демократии» и о некоторой «несолидности» работ Данилова можно предположить, что и у самого Тишкова не обошлось без хорошей порции *Schadenfreude*.

⁶⁸ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917—2009. 3-е изд., расшир. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2010.

⁶⁹ Соколов Н., Голубовский А. Чему учат учителей истории // Искусство кино. 2010. № 4; Светова З. Специфическая история. Учебник как пособие по ксенофобии / The New Times. 2010. 21 июня. № 21.

⁷⁰ <http://www.oprf.ru/files/280910453342.doc>, см. также <http://www.echo.msk.ru/news/708657-echo.phtml>. История общественной полемики вокруг этого пособия уже удостоилась статьи в Википедии, где можно найти ссылки на основные публикации: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_1917%E2%80%942009

⁷¹ Об этой контрастике нельзя сказать, что она была проведена «в белых перчатках».

⁷² Например: <http://poiskpravdy.com/istoriya-rossii-vdovin-barsenkov/>

⁷³ <http://news.kremlin.ru/transcripts/10194>

⁷⁴ В частности, пункт программы об ответственности госчиновников за оправдание и отрицание преступлений коммунистического режима явно вдохновлен германским опытом, который вовсе не сле-

дует принимать за эталон для России. (См. статью Ш. Бергера в этой книге.) Вообще авторы проекта совершенно недостаточно внимания уделили тому, чтобы ни у кого не могло возникнуть подозрения, будто по методам эта программа принципиально не отличается от исторической политики предыдущих лет.

⁷⁵ Эту позицию прекрасно отражает запись от 8 апреля 2011 г. в блоге одного из активистов исторической политики: «1937 — 1938 год. Не будь этих событий, сталинский период остался бы в истории как вполне нормальный» (<http://a-dyukov.livejournal.com/933487.html?view=23216239>).

⁷⁶ Подборку разнообразных критических высказываний о проекте и его авторах см. на интернет-портале «Регнум», ставшем главным рупором противников проекта (<http://www.regnum.ru/dossier/1747.html>). Удивительно, что схожая по риторическому исполнению (то есть агрессивно-истерическая) критика появилась и в журнале «Эксперт» (<http://expert.ru/expert/2011/14/toporom-po-istorii/>).

⁷⁷ Подборка статей в этой книге как раз показывает, как «другие» справляются (или не справляются) с вызовами прошлого, оставляя читателю выбирать, в какой компании нам следует оказаться.

⁷⁸ Абсолютизация исторического дискурса жертвы может быть даже основой агрессивного поведения в настоящем. Лучше всего это демонстрирует пример Югославии. Но есть еще и интеллектуальная опасность такого дискурса, поскольку проблема ответственности в нем целиком переключается вовне.

⁷⁹ История России. XX век. / Под ред. А.Б. Зубова. М., АСТ, 2009. В 2-х томах.

⁸⁰ К числу нелиберальных по своим политическим убеждениям сторонников принятия такой программы принадлежит и автор данной статьи. См.: *Миллер А.* Историческая память: необходимая программа // Вестник. 2011. 8 апр. № 62 (http://www.vedomosti.ru/news/paper/article/258134/neobhodimaya_programma).

⁸¹ См., например, опрос ВЦИОМ от 27 апреля 2011 г.

⁸² <http://www.regnum.ru/news/1393655.html?ixzz1KHx9xUCP>

⁸³ *Фишман М.* Общественный интерес: живой или мертвый // Вестник. 2011. 28 янв. (www.vedomosti.ru/newspaper/article/253920/zhivoj_i_mertvyj).

⁸⁴ http://www.vedomosti.ru/politics/news/1194455/ideyu_zahoronit_lenina_podderzhivayut_70_uchastnikov

⁸⁵ *Art D.* The politics of the Nazi past in Germany and Austria. Cambridge, N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.

⁸⁶ Это хорошо видно по примечаниям к этой статье, где интернет-источники решительно преобладают.

⁸⁷ В Польше, например, благодаря существованию изданий «Газета Выборча» и «Речпосполита», состоящих в отношениях пусть враждебного и тенденциозного, но все же диалога, дискуссия о политике памяти разворачивается на базе традиционной прессы, которая, впрочем, теперь читается и в Сети.

Ольга Малинова

Использование прошлого
в российской официальной
символической политике
(на примере анализа ежегодных
президентских посланий)*

«Общепринятые» представления о прошлом играют важную роль в жизни современных политических сообществ, поскольку являются одной из главных несущих конструкций коллективной идентичности¹. «Публичная история», в отличие от «формальной» или «профессиональной», представляет собой репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов. Это значимый элемент символической политики, который направлен на формирование определенных представлений о Нас и мобилизацию групповой солидарности. Опираясь на концепцию символической борьбы Пьера Бурдьё², под символической политикой мы предлагаем понимать *деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих*. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью³, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики.

Хотя государство — не единственный актор символической политики, оно занимает особое положение на этом поле, поскольку обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов (например, при утвер-

* Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11—03—00202 а.

ждении образовательных стандартов), правовой категоризации (как в случае законодательства о гражданстве), придания символам особого статуса (с помощью утверждения официальной символики, государственных праздников, учреждения наград), способности представлять Нас на международной арене и т.п. В связи с этим и публичные высказывания акторов, выступающих от имени государства и/или оказывающих влияние на принятие решений, имеют особое символическое значение и, как правило, становятся объектами соотнесения для других участников коммуникации. Тем не менее государственная поддержка тех или иных интерпретаций социальной реальности вовсе не гарантирует им доминирующей роли: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления»⁴ и двоемыслия. Символическая политика осуществляется в *публичной сфере*, т.е. виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами — имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности. При этом институциональные параметры публичной сферы оказывают значимое влияние на стратегии и возможности акторов символической политики⁵.

В настоящей статье мы попытаемся проследить некоторые тенденции, связанные с использованием прошлого в официальной символической политике постсоветской России. В основу данного исследования положен анализ семнадцати президентских посланий Федеральному собранию РФ и некоторых других логически дополняющих их выступлений⁶. Выбор в качестве основного объекта изучения ежегодных президентских посланий определяется их жанровыми особенностями: это тексты программного характера, призванные дать оценку результатов проводимого политического курса и определить задачи на перспективу, а также оправдать действия вла-

стей, увязав их с целями и ценностями, которые предположительно значимы для общества. То, что послания появляются ежегодно и затрагивают относительно устойчивый набор вопросов⁷, делают их удобными объектами для анализа⁸. Содержание посланий позволяет делать некоторые выводы относительно того, как изменяется подход правящей части федеральной элиты к публичной репрезентации и к обоснованию текущего политического курса. Очевидно, что тексты посланий не исчерпывают «историческую» составляющую официальной символической политики. Однако они могут служить хорошей отправной точкой для дальнейшего исследования — в том числе и в рамках данного проекта, поскольку отражают наиболее важные тенденции в использовании (или неиспользовании) прошлого для легитимации действующей власти.

С помощью контент-анализа и дискурс-анализа президентских посланий⁹ мы посмотрим, каким образом символический ресурс коллективного прошлого привлекался для обоснования политического курса. Объектами изучения стали фрагменты президентских посланий, содержащие прямые или косвенные упоминания о событиях, явлениях, процессах или действующих лицах отечественной истории, как давней, так и современной (отражение в этих текстах событий и лиц всеобщей истории — это самостоятельная тема¹⁰). В качестве классифицирующих категорий для контент-анализа были взяты исторические периоды, упоминавшиеся в посланиях (история России до 1917 г., история советского периода, постсоветская история, история вообще, т.е. все, что предшествовало настоящему моменту). При этом оценивалась функция высказывания, содержавшего ссылку на прошлое: положительная оценка прошлого, в том числе — по контрасту с критической оценкой настоящего (прошлое как пример, которому нужно следовать / как традиция, которую нужно возрождать); критическая оценка прошлого по контрасту с современным положением дел (прошлое как фон, оттеняющий сегодняшние дости-

жения / как источник проблем, которые приходится преодолевать / как урок, из которого надо сделать выводы); нейтральная констатация преемственности прошлого и настоящего. Единицами подсчета выступали упоминания прошлого, т.е. связанные фрагменты текста, содержавшие ссылку на конкретные исторические события, явления, процессы, действующих лиц или на коллективное прошлое вообще (количество слов в высказывании и его доля в тексте не учитывались, поскольку для наших целей был важен сам факт номинации). В рамках дискурс-анализа основное внимание было уделено репрезентации в текстах посланий представлений о преемственности и прерывности отечественной истории.

Отсылки к истории имеются во всех текстах президентских посланий, однако их количество и функции заметно варьируются. Больше всего упоминаний о прошлом содержалось в посланиях Бориса Ельцина (в шести его обращениях к Федеральному собранию удалось обнаружить 46 ссылок на события, явления и процессы российской истории, в восьми посланиях Владимира Путина — 22, в трех посланиях Дмитрия Медведева — 15). Надо отметить, что программные речи первого Президента РФ были в 2—4 раза длиннее аналогичных выступлений его преемников¹¹. Но думается, что дело не только в этом: Ельцин действительно уделял много внимания репрезентации себя в качестве политического лидера, меняющего ход истории (своей волей возвращающего ее в «естественное» русло). Весьма характерны слова, сказанные им в заявлении об отставке: «Главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое — Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории»¹². По-видимому, первому Президенту РФ было свойственно особое, лично-заинтересованное отношение к истории; подходы его преемников не столь эмоциональны. Однако тексты посланий различаются не только по количеству упоминаний о прошлом — наблюдаются заметные различия в объектах ссылок и их оценке.

В посланиях Бориса Ельцина так или иначе представлены все периоды отечественной истории, однако наибольшее количество ссылок — на советский и постсоветский периоды (соответственно, 15 и 9 из 46); в его текстах — всего 3 упоминания о событиях и явлениях истории России до 1917 г. и одна ссылка на русского писателя (в послании 1999 г. в контексте рассуждений о национальной идее и людях как основе преемственности истории цитируется мысль Александра Солженицына о «сбережении народа»). Кроме того, нам удалось насчитать 18 высказываний, в которых история рассматривается как общий контекст происходящего, без конкретизации периода.

В посланиях Владимира Путина почти нет прямых ссылок на историю России до 1917 г. (единственное исключение — упоминание о «дореволюционном историческом опыте» местного самоуправления в качестве образца для федеральных законодателей в послании 2002 г.; любопытно, что Ельцин (в 1994 г.) также ссылался на опыт земств как доказательство наличия «глубоких исторических корней» местного самоуправления «в российской политической культуре»). Зато Путин больше цитировал деятелей отечественной культуры: всего 6 ссылок, из которых две — на Ивана Ильина (в 2005 и 2006 гг.), две — на Дмитрия Лихачева (в 2006 и 2007 гг.), по одной — на Льва Петражицкого (2005 г.) и Александра Солженицына (в 2006 г. Путин тоже говорил о «сбережении народа»). Его послания содержат 4 упоминания о советском периоде, 4 фрагмента, посвященных достижениям и ошибкам 1990-х гг., и 7 общих ссылок на прошлое.

Дмитрий Медведев продолжил традицию обращения к именам деятелей отечественной культуры (послание 2008 г. содержит ссылки на Петра Столыпина, Бориса Чичерина и Василия Леонтьева; в тексте 2010 г. упоминаются имена Николая Некрасова, Антона Чехова, Юрия Гагарина и Анны Ахматовой как третьих детей в семье — в контексте обсуждения демографической проблемы). За исключением этих имен, в его обращениях нет упоминаний об истории России до 1917 г.; есть

4 ссылки на историю советского периода (3 из них — на Великую Отечественную войну и одна — на опыт советской модернизации) и 4 ссылки на новейшую, постсоветскую историю.

В целом структура «исторической» составляющей в символическом репертуаре президентских посланий выглядит следующим образом: в общей массе упоминаний о прошлом лишь 5% составляют события и явления дореволюционной истории, 17% — ссылки на имена деятелей отечественной культуры, 20% — оценки постсоветского периода, 28% — воспоминания о советской эпохе и 30% — рассуждения общего характера. Таким образом, в репрезентации коллективного прошлого в контексте ценностного обоснования политического курса наблюдается определенный перекосяк в сторону новейшей истории. О причинах этого мы порассуждаем позже, а пока обратимся к содержательному анализу выделенных фрагментов и проследим эволюцию оценок прошлого в президентских посланиях.

Ссылки на прошлое при обсуждении политической стратегии могут выполнять разные функции. Наиболее важные из них — демонстрация преемственности между настоящим и прошлым (легитимация традицией) и указание на отличие настоящего от прошлого (в одних случаях — со знаком «плюс», с целью подчеркнуть сегодняшние достижения; в других — со знаком «минус», как правило — в контексте обоснования необходимости изменений и/или объяснения причин трудностей и неудач).

Тема прерывности и преемственности была главным рефреном ссылок на прошлое в посланиях Ельцина. С одной стороны, начатые под его руководством реформы представлялись как восстановление связи времен, разорванной в годы Советской власти (См. в послании 1994 г.: *«Разложилась доминировавшая в течение десятилетий тоталитарная государственная идеология, выразителем которой была КПСС. На смену приходит осознание естественной исторической и культурной преемственности...»*. Ср. в 1999 г.: *«Завершается*

десятилетие, ознаменованное возвращением России на магистральный путь мирового развития»). Восстановление исторической истины рассматривалось как одно из условий успеха совершающихся преобразований: *«Мы все еще плохо знаем свою историю, оттого так много лежковерных людей и низка политическая культура, так быстро распространяются мифы»* (1996 г.). Ельцин делал особый упор на «воссоединение двух ветвей нашей культуры — существовавшей в советских условиях и зарубежной» (1996 г.) и изображал новый политический режим гарантом свободы исторического познания: *«Никогда больше в России не должно быть порядков, позволяющих скрывать правду, фальсифицировать историю, внедрять беспамятство»* (1996 г.).

С другой стороны, в посланиях Ельцина обнаруживается немало высказываний, в которых настоящее оценивается более позитивно, нежели прошлое. По нашим подсчетам, таких высказываний — 16 из 46; еще в шести высказываниях (относящихся к хрущевской оттепели и перестройке) отмечаются как положительные, так и отрицательные стороны прошлого. В целом в ельцинских посланиях пафос превосходства настоящего по отношению к прошлому выражен гораздо заметнее, нежели в обращениях его преемников¹³. Первый Президент РФ подчеркивал, что *«за всю тысячелетнюю историю России культура и ее деятели не имели столько свободы творчества и политической независимости, как теперь»* (1994 г.), что сегодня, как никогда, у россиян *«расширились возможности приобщения к подлинным ценностям национальной и мировой культуры»* (1995 г.), что *«время борьбы регионов с “центром” за свои права уходит в историю»* (1994 г.), что проводимые реформы — *«первые в истории России преобразования такого масштаба, осуществляемые без подавления и уничтожения политических противников»* (1996 г.) и т.п.

При этом критические оценки, разумеется, относились прежде всего к наследию советского прошлого, которому вменялись в вину «сверхжесткая мобилизационная модель разви-

тия, концентрировавшая все силы в руках государства», «костяная экономическая система» и уничтожение «гражданского общества, зачатков демократии и частной собственности» (1996 г.). С учетом этого, распад СССР представлялся как историческая закономерность: *«Советский Союз рухнул под тяжестью всеобъемлющего кризиса, разодранный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями»* (1996 г.). Проблемы советского общества представлялись Ельциным в качестве, с одной стороны, аргумента в пользу необходимости реформ, а с другой стороны — фактора, предопределившего их радикальный, болезненный характер. Настойчивое обращение первого Президента РФ к недавнему прошлому во многом было обусловлено стремлением оправдать собственную политику, списав часть ответственности на счет «проблем, доставшихся России по наследству» (1996 г.). В частности, разделить ее с союзным руководством, «многолетняя нерешительность» которого привела его «к гибели, а государство — к распаду» (1996 г.) (ср. там же: не столь радикальные реформы «надо было начинать намного раньше»). Отсюда — преобладание критики над позитивными оценками в репрезентации хрущевских реформ и особенно перестройки.

Однако корни многих современных проблем усматривались и в досоветской истории. В 1996 г. Ельцин констатировал, что «царская Россия, обремененная грузом собственных исторических проблем, не смогла выйти» на дорогу демократии, что предопределило «радикализм российского революционного процесса, его стремительный срыв от Февраля к Октябрю» и в конечном счете обусловило разрыв исторической традиции (*«Этим разрушительным радикализмом — “до основанья, а затем” — объясняется тот факт, что в ходе ломки прежних устоев оказалось утрачено многое из достижений дореволюционной России в сфере культуры, экономики, права, общественно-политического развития»*). В 1995 г., в контексте чеченской войны, он ссылаясь на имперское наследие как причину региональных диспропорций, ставших «родимым

пятном нашей истории и экономики» («*Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы*»). Тогда же Ельцин сетовал на традицию правового нигилизма («*Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит*») и неуважения к правам личности, которые «*никогда в отечественной истории не считались практическим государственным приоритетом*». В 1999 г., критикуя практику формирования внебюджетных фондов, он вспоминал об «*известной из российской истории “системе кормления”*» и т.д. В 1998 г. говорил о недостатках свойственного России «мобилизационного» типа развития («*История доказала: рывки, организуемые “сверху”, но не поддержанные обществом, могут приносить успех, но не бывают долговременными, ведут к новому спаду и отставанию*»). Иными словами, критические оценки распространялись не только на советское, но и на дореволюционное прошлое; вновь формулируемые политические задачи мыслились скорее как изменение традиции, нежели как ее продолжение. Россия конца XX в. представляется в посланиях Ельцина не в качестве общего знаменателя «пяти разных России», выделенных когда-то Николаем Бердяевым¹⁴, но как шестая, новая Россия, отличающаяся от прежних. Правящая элита 1990-х вольно или невольно воспроизводила алгоритм прерывания традиции через отрицание целей и ценностей предыдущего исторического этапа.

Что выделялось в посланиях Ельцина в качестве позитивных моментов, способных служить залогом успеха провозглашаемого политического курса? Во-первых, многократно доказанная способность России справляться с выпадающими на ее долю трудностями: «*Несмотря на тяжелые испытания, которые принес России XX век, наше Отечество выстояло. Россия была и остается великой страной*» (1996 г.); «*России удалось собраться и в несравнимо более трудные времена*» (1998 г.). Во-вторых, констатация неисчерпаемого потенциала

народа в логике «величие народа не умаляется выпавшими на его долю объективными трудностями и дурной политикой власти» (все достижения советского периода — это «заслуга народа, сумевшего сохранить, несмотря ни на что, свои лучшие национальные черты и качества, результат его труда и таланта» (1996 г.); несмотря на семидесятилетнее засилье государственного атеизма, «вековые народные устои не были до конца разрушены» (1994 г.); «пессимизм не в традициях нашего народа» (1999 г.) и др.). Помимо уже упоминавшейся ссылки на опыт земств (в 1994 г.) лишь однажды, в послании 1996 г., в качестве потенциальной опоры реформ были упомянуты демократические начала, являющиеся частью нашего исторического наследия: «*...традиции народоправства присущи российскому народу. Эти идеалы наши самые выдающиеся соотечественники отстаивали веками*». Таким образом, хотя Ельцин апеллировал к дореволюционной русской истории заметно больше, чем Путин и Медведев, его призывы к восстановлению исторической и культурной преемственности не находили достаточного подкрепления в ссылках на конкретные элементы исторического наследия, на которые следовало бы опереться новой России. Установка на использование прошлого по контрасту с настоящим и будущим явно превалировала над стремлением укоренить проводимую политику в наследии отечественной истории.

Тема преемственности и изменения традиции получила продолжение в посланиях Путина — хотя отсылок к истории в них существенно меньше (как отмечалось выше, в восьми его ежегодных обращениях нам удалось насчитать 22 упоминания о событиях, явлениях, процессах или действующих лицах отечественной истории; причем 6 из них — цитаты, 7 — относятся к прошлому вообще, вне связи с конкретными периодами). В послании 2000 г. Путин даже особо отметил: «*Сегодня, когда мы идем вперед, важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее*» (и действительно, в четырех посланиях первого президентского срока нам удалось обнаружить всего лишь

пять высказываний, адресующих к прошлому). Тем не менее уже в послании 2001 г. Путин счел нужным вписать предлагаемый им принцип «стабильности» как основы для «назревших перемен» в исторический контекст, подчеркнув его нетипичность для российской политической практики: *«Конечно, общественные ожидания и опасения [по поводу перемен, — О.М.] появляются не на пустом месте. Они основаны на известной логике: за революцией обычно следует контрреволюция, за реформами — контрреформы, а потом и поиски виновных в революционных издержках и их наказание, тем более что собственный исторический опыт России богат такими примерами. Но пора твердо сказать: этот цикл закончен, не будет ни революций, ни контрреволюций»*.

Если для Ельцина основным пунктом соотнесения при обосновании политического курса был советский период (с двумя смысловыми доминантами — «тоталитаризм» и «перестройка как неудачная попытка реформ»), то для Путина таковыми стали 1990-е гг. (из девяти ссылок, имеющих отношение к конкретным периодам прошлого, 4 относятся именно к данному этапу). И это неудивительно: собственную политику «стабильности» Путин противопоставлял радикализму 1990-х; данное обстоятельство особенно заметно в посланиях второго срока пребывания в должности президента. В 2004 г. Путин включил в ежегодное обращение целый пассаж, посвященный анализу постсоветской трансформации. Достаточно критически оценивая 1990-е гг., он тем не менее определял их как начальный этап долгого и трудного процесса — этапы «демонтажа прежней экономической системы» и «расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”», — и подчеркивал, что только *«сейчас мы имеем и достаточный опыт, и необходимые инструменты, чтобы ставить перед собой действительно долгосрочные цели»* (2004 г.). Таким образом, несмотря на критику («ломка привычного уклада жизни», «не все решения, которые принимались в те годы, имели долгосрочный характер»), в послании 2004 г. преобладала установка на преемственность между 1990-ми и 2000-ми.

Однако уже в 2005 г. критика предшествующего этапа стала более резкой, причем объектами оценки оказались не проблемы, с которыми столкнулось общество, а действия власти («накопления граждан были обесценены», «многие учреждения распущены или реформировались на скорую руку», «целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией», «олигархические группировки... обслуживали исключительно собственные корпоративные интересы» и т.д.). Впрочем, завершая этот критический пассаж, Путин опровергал мнение тех, кто считал 1990-е «окончательным крахом» российской государственности, и определял эти годы как время *поисков «собственной дороги к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства»* (2005 г.). Представляя 2000-е как время, когда Россия твердо «встала на этот путь» и, как суверенная страна, «сама будет решать, каким образом — с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики — можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии» (2005 г.), второй Президент РФ подтверждал верность идеалам, выбранным в 1990-х. Однако он всячески подчеркивал различие в методах осуществления этих идеалов тогда и теперь. В выступлении 8 февраля 2008 г. на расширенном заседании Государственного совета, которое можно рассматривать как подведение итогов второго срока, Путин особо отмечал, что, разрабатывая «план вывода России из системного кризиса», он руководствовался «главным принципом: восстановление России нельзя вести за счет людей, ценой дальнейшего ухудшения условий их жизни. В трудные 90-е годы на их долю выпало слишком много бед и испытаний»¹⁵.

Другое важное изменение, которое прослеживается в посланиях второго срока, связано с частичной переоценкой советского прошлого. В посланиях 2000—2004 гг. нет прямых упоминаний событий и явлений этого периода (хотя уже в 2000 г. был сделан жест, свидетельствовавший о готовности

нового президента брать на вооружение некоторые символы советской эпохи — приняты новые законы о государственной символике). В 2005 г. Путин сделал сенсационное заявление, назвав крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века», что полностью противоречило оценкам, многократно озвученным Ельциным. По-видимому, это высказывание можно рассматривать в контексте пересмотра отношения к имперскому прошлому, наметившегося в середине 2000-х гг.¹⁶

В том же послании переопределялось значение победы в Великой Отечественной войне, 60-летие которой предстояло отметить две недели спустя: Путин придал этому событию особый гуманистический смысл, назвав его «днем торжества цивилизации над фашизмом», а солдат Великой Отечественной — «солдатами свободы». Данную интерпретацию можно рассматривать как развитие высказанного чуть ранее тезиса об исторической приверженности России европейским ценностям («*Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром*»). Но ее необходимо также связать и с проблемой отношений на постсоветском пространстве, в контексте которой и были озвучены приведенные выше слова (гуманистическое наследие победы Путин представлял как общее достояние «бывших республик СССР, а ныне независимых государств», которому нужно «вместе соответствовать»). Тема войны, значимая для конструирования национально-государственных идентичностей большинства стран Западной и Восточной Европы, стала играть важную роль во «внешней» символической политике, превращаясь в объект соперничества интерпретаций.

Следует отметить, что Великая Отечественная война — историческое событие, наиболее часто упоминаемое в президентских посланиях: в 1995 и 1999 гг. — у Ельцина, в 2005 и 2006 гг. — у Путина, в 2009 и 2010 гг. — у Медведева. Однако контекст

этих упоминаний разный. В одних случаях тема войны вплетается в рассуждения о политических и социальных проблемах сегодняшнего дня, например, о борьбе с экстремизмом (1995 г.), о качествах «поколения, мужавшего в годы войны» как основании веры в успех (1999 г.), о поддержке боеспособности Вооруженных Сил (2006 г.), о патриотическом воспитании молодежи (2010 г.). В других ей придается некое символическое значение, как в процитированном выше послании Путина 2005 г. Символическое использование темы войны встречается также в послании Медведева 2009 г. («*Мы одной крови с теми, кто победил, стало быть, все мы — наследники победителей, и поэтому я верю в новую Россию*»; ср. в программной статье «Россия, вперед!» — упоминание о предстоящем 65-летнем юбилее победы в контексте рассуждений о том, «*что народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить коррупцию и отсталость*»¹⁷). Так или иначе, очевидно, что Великая Отечественная война — это единственное событие российской истории, которое активно используется в президентских посланиях в качестве позитивного символа, постоянно подвергаемого реинтерпретации. (Двойное упоминание о земствах в посланиях Ельцина и Путина — скорее случайность, чем следствие систематических усилий, направленных на конструирование самостоятельного символа.)

Возвращаясь к посланиям Путина, добавим, что в них можно обнаружить и критическую оценку советского опыта (так, в 2006 г. он предостерегал от повторения ошибок Советского Союза, решавшего «вопросы военного строительства в ущерб задачам развития экономики и социальной сферы»). Однако количество упоминаний об этом периоде в путинских посланиях невелико (их всего 4; 3 остальных касаются войны).

В восьми посланиях второго Президента РФ нам удалось обнаружить еще 7 ссылок на прошлое, не имеющих привязки к определенному периоду и относящихся к истории как продолжающейся традиции. Какие аспекты этого наследия оказа-

лись значимыми для обоснования путинского политического курса? Во-первых, это идея «сильного государства» как основания величия России, наиболее ярко прозвучавшая в 2003 г., когда Путин, выступая с посланием Федеральному собранию, назвал «историческим подвигом» «удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире». Как известно, огромная территория нередко рассматривается не только как залог величия России, но и как проблема, в частности — как фактор, определяющий «мобилизационный» тип развития страны, сопряженный со многими издержками¹⁸. Высказывание Путина, идентифицирующее Россию с удерживаемым ею пространством («...таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны») и призывающее ценить плод «огромного труда» многих поколений людей, — безусловно заявка на вполне определенную позицию в этом споре. Вместе с тем функция данного высказывания очевидна: оно призвано оправдать проводимый Путиным курс на «усиление государства», увязав его с «тысячелетней» традицией.

Во-вторых, ссылки на прошлое активно используются Путиным для подкрепления ключевой для него идеи единства, которая призвана определить рамки политической конкуренции. Как верно подметили Ирина и Святослав Каспэ, основным посылом путинской символической политики был «призыв к тотальной консолидации», сопровождавшийся «фобией любых разделений внутри пространства консенсуса»¹⁹. В этом отношении примечательно, что в первом же путинском послании подчеркивалось: *«Единство России скрепляют присущий нашему народу патриотизм, культурные традиции, общая историческая память»*. А далее уточнялось: *«При всем обилии взглядов, мнений, разнообразии партийных платформ у нас были и есть общие ценности»* (2000 г.). Завершая свою работу на посту президента, Путин повторял ту же мысль, проецируя ее в будущее: *«...политические партии обязаны сознавать*

*огромную ответственность за будущее России, единство нации, за стабильность развития нашей страны. Какими бы острыми ни были политические баталии, какими бы неразрешимыми ни казались межпартийные противоречия, они никогда не стоят того, чтобы ставить страну на грань хаоса»*²⁰. В этих словах можно усмотреть намек на опыт 1990-х (хотя Путин никогда прямо не характеризовал политико-идеологические разногласия этого периода такими словами) и стремление оправдать собственную политику «стабилизации» политической системы. Подводя итоги анализа путинских посланий, отметим, что хотя количество упоминаний о прошлом в них невелико, многие из приведенных выше фрагментов обращали на себя внимание и вызывали общественный резонанс, поскольку отчетливо указывали на «пункты несогласия» второго Президента РФ с символической политикой его предшественника.

Как было отмечено выше, в трех посланиях Медведева нам удалось обнаружить 15 упоминаний о событиях, явлениях, процессах и действующих лицах отечественной истории, 7 из которых — ссылки на персоналии. Хотя число упоминаний о прошлом сравнительно невелико, их риторический вес усиливается тем обстоятельством, что Медведев в своих посланиях реже, чем его предшественники, репрезентирует Нас через соотнесение с Другим, традиционно именуемым «Западом». В результате темпоральное измерение идентификации (сопоставление Нас сегодня/завтра и в прошлом) оказывается не менее значимым, чем пространственно-символическое²¹. Этот эффект достигается в том числе и тем, что третий Президент РФ во многих своих выступлениях дает критическую оценку традиции и обращается к прошлому, чтобы подчеркнуть не только преемственность, но и необходимость пересмотра отдельных представлений и практик. Эта позиция открыто заявлена в программной статье «Россия, вперед!», где подчеркивалось, что традиции «не все полезны» и от некоторых «следует избавляться самым решительным образом», причем указыва-

лось на прецеденты «преодоления» негативных явлений прошлого («...когда-то и крепостничество, и повальная неграмотность казались неодолимыми. Однако же были преодолены») ²². Критический и избирательный подход к традициям представлен и в президентских посланиях Медведева. Так, в 2008 г. он сетовал, что «в России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем — как помеха для укрепления государственного могущества». Примечательно, что этот пассаж он завершал цитатой Петра Столыпина, подкрепляющей высказанную мысль, — тем самым критика традиции «укоренялась» в самой традиции, признание гетерогенности прошлого давало возможность подчеркнуть преемственность по отношению к положительно оцениваемой части исторического наследия и одновременно — желание дистанцироваться от того, что представляется «недостатком» или «проблемой». Такой подход можно считать удачной находкой: он позволяет более гибко решать проблему преемственности/прерывности по отношению к прошлому. К сожалению, успешно апробированный в послании 2009 г. и предварявший его статью «Россия, вперед!» прием критики прошлого с опорой на позитивные моменты в самом прошлом не получил развития в обращении к Федеральному собранию 2010 г. ²³.

Подобно своим предшественникам, Медведев апеллировал к «тысячелетней истории» с целью легитимации наиболее трудных и принципиальных своих решений. Так, в послании 2008 г., говоря о «понимании», с которым были встречены действия власти во время войны с Грузией и первые антикризисные меры, он отмечал: «по-другому и не должно быть, когда речь идет о народе с тысячелетней историей, освоившем и цивилизовавшем огромную территорию», «создавшем неповторимую культуру» и «мощный экономический и военный потенциал» (2008 г.). Примечательно, что в качестве положитель-

но оцениваемых достижений российского народа указываются не только общепризнанная «неповторимая культура», но и «территория» и «военный потенциал», которые в современном публичном дискурсе ассоциируются с «имперским наследием». Здесь очевидна переключка с путинским посланием 2003 г. Вместе с тем любопытно сравнить этот список с близким по смыслу пассажем из статьи «Россия, вперед!», где перечисляются составляющие «большого наследия», на которое мы можем опереться: «Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием, — пишет Медведев. — Авторитетом державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба» ²⁴. Отметим, что список позитивно маркированных элементов прошлого, на которые можно опереться, заметно расширился по сравнению с тем, что нам удалось выделить в ельцинских посланиях, преимущественно — за счет осуществленной еще Путиным переоценки наследия «великой державы».

Медведеву также не чуждо стремление обосновать собственный политический курс по контрасту с прошлым (преимущественно, хотя и не исключительно, недавним). Наиболее ярко оно проявилось в послании 2009 г., в котором вновь заявленный политический курс представлялся как «первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии» (2009 г.). В этом контексте главным пунктом соотнесения оказывался советский опыт модернизации, который оценивался, с одной стороны, положительно («ценой неимоверных усилий аграрная, фактически неграмотная страна была превращена в одну из самых влиятельных по тем временам индустриальных держав»), а с другой — критически («в условиях закрытого общества, тоталитарного политического режима эти позиции невоз-

можно было сохранить»). Та же мысль ранее была высказана в статье «Россия, вперед!», причем сравнение проводилось не только с советской, но и с петровской (имперской) модернизацией, и подчеркивалось, что обе они были «оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников»²⁵. Таким образом, подобно Ельцину и Путину, Медведев, обосновывая собственный курс, стремился подчеркнуть не только преемственность, но и «точки разрыва» с прошлым, при этом предметом мягкого отрицания стал опыт не только 1990-х, но и 2000-х гг.: в сентябре 2009 г. третий Президент РФ утверждал, что сделанного его предшественниками недостаточно, ибо прежние решения «лишь воспроизводят текущую модель, но не развивают ее. Не изменяют сложившийся уклад жизни. Сохраняют пагубные привычки»²⁶. Таким образом, обоснование текущего курса путем более или менее резкого противопоставления настоящего прошлому можно считать устойчивым элементом программных выступлений всех президентов РФ.

* * *

Завершая анализ президентских посланий 1994—2010 гг., отметим некоторые особенности использования прошлого для оправдания осуществляемого политического курса. Как было показано выше, все три Президента РФ апеллировали к давней и недавней истории как с целью «укоренить» свои действия в национальной традиции, так и для того, чтобы оправдать их за счет критической оценки прежнего опыта. Причем если объектами критики оказываются конкретные события, действия или явления преимущественно недавнего прошлого, то позитивно окрашенные ссылки на историю чаще всего имеют обобщенный характер и относятся к «вековым народным устоям», «тысячелетней истории России», «нашей великой культуре» и т.п. В силу этого «проблемные» черты образа прошлого оказались представлены в президентских посланиях более выпукло и детально, нежели «то, чем мы вправе гордиться».

ся». Как уже было сказано, единственным устойчиво упоминаемым положительным символом стала Великая Отечественная война.

Очевидная скудость символического репертуара президентских посланий в какой-то мере связана с тем, что представления о прошлом, доминирующие в сознании элиты и масс, не соответствует современным политическим задачам. Вячеслав Морозов отмечает, что большой проблемой для символической политики нового Российского государства стало отсутствие в начале 1990-х гг. «альтернативного имперскому исторического нарратива, который мог бы послужить основой для самоидентификации России как нового национального государства»²⁷. С тех пор мало что изменилось — не случайно та же ограниченность репертуара исторических событий, значимых для коллективного самоопределения, выявляется и на уровне массового сознания. Так, опрос, проведенный в сентябре 2007 г. Институтом социологии РАН, показал, что набор событий и героев прошлого, которыми гордится большинство опрошенных в рамках общероссийской выборки, достаточно узок. Лишь четыре позиции получили поддержку более чем у половины респондентов (в том числе у 67% респондентов чувство гордости вызывает победа в Великой Отечественной войне, у 61% — послевоенное восстановление страны, у 56% — великие российские поэты, писатели и композиторы, у 54% — успехи советской космонавтики)²⁸. По оценке Леонтия Бызова, «к авангарду “славного наследия прошлого” наши сограждане относят, прежде всего, те достижения государства (в разные периоды его истории), которые... в некотором смысле имеют общемировую значимость. Те же достижения прошлого, значимость которых может быть расценена как скорее внутривосточная, у респондентов вызывают сомнение»²⁹. В какой-то степени этот результат можно считать следствием отмеченных нами тенденций официальной символической политики, которая скорее следовала массовым оценкам значимого прошлого, нежели стремилась их трансформировать, создавая новые проекции прошлого на настоящее и будущее.

Конечно, разработка нарратива(ов) национального прошлого — это прежде всего задача профессиональных историков, однако и политическая элита должна выполнять свою часть работы, включая в публичный оборот символы, связанные с событиями прошлого, и участвуя в их реинтерпретации. Распространенным поводом для актов такого рода служат круглые даты. Если взглянуть на календарь исторических событий, нетрудно убедиться, что за последние восемнадцать лет, когда готовились рассмотренные нами послания, не было недостатка в поводах для расширения «исторической» части символического репертуара. В 2005—2006 гг. праздновалось столетие первой русской революции и парламентаризма в России; в 1997 и 2007 гг. была возможность отметить юбилей не только Октябрьской, но и Февральской революции³⁰; в 1990-х гг. можно было последовательно вспоминать о 125-лети «великих реформ» конца 1860-х — начала 1870-х гг.; в 2007 г. исполнялось 150 лет с начала издания «Колокола»; в том же году можно было отметить 100 лет оформления Антанты; в 2005 г. праздновалось 250-летие Московского университета; в 2009 г. было 300 лет победы в Полтавской битве; в 2006 г. истекло 50 лет после XX съезда КПСС, а в 2008 г. — 40 лет с момента ввода советских войск в Чехословакию. Список может быть продолжен. Очевидно, что символический потенциал перечисленных событий весьма разнороден и не все они «ложатся» в контекст политических задач, которые требовалось обосновывать в президентских посланиях, однако многие из них вполне могли бы быть переосмыслены.

Однако такая цель не ставилась при подготовке президентских посланий. Возможно, оттого, что она просто не значилась в ряду приоритетов, ведь апелляция к истории — лишь один из возможных инструментов для легитимации политического курса. Правда, без него нельзя обойтись, если принимать во внимание долгосрочные цели — такие как формирование национальной идентичности, мобилизация солидарности в рамках большого сообщества, повышение кол-

лективной самооценки и т.п. Однако для решения краткосрочных задач, связанных с оправданием действий власти, не обязательно углубляться в переоценку коллективного прошлого. Очевидно, что разработчики текстов посланий сознавали важность символического ресурса коллективного прошлого — можно проследить, как год за годом оттачивались приемы его риторического использования. Но столь же очевидно их стремление ограничиться теми событиями и явлениями отечественной истории, оценка которых не вызывает разногласий — а таких в стране «с непредсказуемым прошлым», переживающей очередную масштабную социальную трансформацию, оказалось немного. Думается, что отмеченная нами узость «исторической» составляющей символического репертуара президентских посланий имеет две причины. С одной стороны, она является следствием мировоззренческих и исторических представлений властвующей элиты, а с другой — в силу политических соображений, руководство страны предпочло не работать с «трудным» прошлым³¹ и уклониться от формулирования официальной позиции в спорных вопросах, разделяющих российское общество³².

Результатом такого подхода — скорее всего, непреднамеренным — стало то, что критика прошлого (преимущественно недавнего), его репрезентация по контрасту с настоящим и будущим оказалась отражена в президентских посланиях существенно более ярко и конкретно, нежели образ «нашего славного прошлого», который должен служить источником оптимизма и опорой для решения текущих задач. Получается, что, педалируя критику прошлого и отказываясь расширять «оперативный» репертуар за счет переоценки проблемных страниц истории, властвующая элита на практике воспроизводит старый культурный алгоритм «разрыва с традицией» — хотя, казалось бы, в отличие от петровского и советского переворотов, когда происходила ломка мировоззренческих принципов, сейчас для этого нет оснований.

Примечания

¹ Политическое использование прошлого служит инструментом для конструирования всех типов коллективной идентичности (классовой, гендерной, религиозной и др.), однако особое значение оно имеет для воображения наций. Не случайно в рамках сложившейся (и пока трудно поддающейся изменению) традиции именно нации/государства стали главными объектами историографического описания.

² Согласно этой концепции, «работа по производству и внушению смыслов» и «борьба за навязывание легитимного видения социального мира» являются неотъемлемыми составляющими политического субполя. См.: *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 66—67, 71.

³ Иногда данное понятие используется в смысле противопоставления политических действий, влекущих за собой «материальные» (*material, substantive*) результаты, действиям сугубо «символическим». В частности, именно в такой интерпретации оно было введено в российский научный оборот Сергеем Поцелуевым (См.: *Поцелуев С.П.* Символическая политика как инсценирование и эстетизация // *Полис*. 1999. № 5. С. 62—76).

⁴ Согласно концепции Юрия Левады, советские идеологические практики, навязывавшие индивидам универсальную нормативно-ценностную систему, формировали «человека лукавого», соглашавшегося с предписываемыми установками — и одновременно искавшего способы их обойти. См.: *Левада Ю.А.* Человек лукавый: двоемыслие по-русски // *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 508—529.

⁵ См.: *Малинова О.Ю.* Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // *Элиты и общество в сравнительном измерении* / Под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 280—293.

⁶ Исследование посланий дополнено анализом выступлений Ельцина и Путина, в которых подводились итоги их деятельности на посту президента и формулировались принципы будущей политики, призванные обеспечить преемственность курса (новогоднее обращение Ельцина 31 декабря 1999 г. и выступление Путина на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г.), а также программной статьи Медведева «Россия, вперед!», опубликованной в качестве приглашения к предварительному обсуждению задач, которые затем предполагалось озвучить в послании.

⁷ За истекшие семнадцать лет жанр президентского послания заметно эволюционировал, причем изменения были связаны как с развитием практики подготовки данного документа, так и с личностными особенностями Ельцина, Путина и Медведева. В зависимости от контекста и стоящих на повестке дня задач менялась стилистика послания, его главный адресат (законодательная власть, государственный аппарат в целом, общество), водоразделы между «мы» и «они» (см.: *Попова О.В.* Модель символической идентификации в Посланиях Президента РФ 2008 и 2009 гг. // *Политические институты в современном мире*. СПб.: Аллегро, 2010. С. 288—289). Тем не менее содержание посланий отражает примерно одинаковый круг вопросов внутренней и внешней политики.

⁸ Вот лишь некоторые из работ, посвященных изучению текстов этого жанра: *Гаврилова М.В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004; *Гаврилова М.В.* Контент-анализ послания президента Федеральному собранию // *Политический анализ*. Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 64—82; *Гаврилова М.В.* Композиция программной политической речи (на примере послания президенту Федеральному собранию России) // *Политический анализ*. Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 40—54; *Мартыанов В.С.* Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий президента РФ // *ПОЛИТЭКС*. 2007. № 1 (Доступ: <http://www.politex.info/content/view/322/30/>); *Старцев Я. Ю.* Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий // *ПОЛИТЭКС*. 2007. № 1 (Доступ: <http://www.politex.info/content/view/321/30/>); *Панов П.В.* Конструирование образа России в официальном политическом дискурсе 1990—2000-х гг. (по материалам ежегодных Посланий Президента РФ) // *Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация* / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 107—117; *Малинова О.Ю.* Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000—2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности // *Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация*. С. 86—106 и др.

⁹ Тексты посланий цитируются по следующим источникам: Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского Государства». 1994 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действительности

государственной власти в России». 1995 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 1996 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Порядок во власти — порядок в стране». 1997 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_porjadok_vo_vlasti_porjadok_v_strane_1997_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Общими силами — к подъему России». 1998 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_obshnimi_silami_k_podemu_rossii_1998_god.html); Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох». 1999 г. (Доступ: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_epokh_1999_god.html); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type63372type63374_28782.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2001/04/03/0000_type63372type63374_28514.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 18 апреля 2002 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2002/04/18/0000_type63372type63374_28876.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 мая 2004 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003_type63372type63374_71501.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 10 мая 2006 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml); *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 апреля 2007 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской

Федерации. 5 ноября 2008 г. (Доступ: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г. (Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>); *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 30 ноября 2010 г. (Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637/work>). Далее ссылка дается в тексте указанием на год обнародования послания.

¹⁰ См., напр.: *Согрин В.* Российская политическая элита и американский опыт // *Общественные науки и современность.* 2008. № 1. С. 81—91.

¹¹ Объем текстов президентских посланий существенно варьировался. Наиболее пространными были послания Ельцина: от примерно 12,6 тыс. слов (в 1996 г.) до почти 21 тыс. (в 1999 г.); наиболее сжатыми — послания Путина: в среднем около 5 тыс. слов, за исключением более развернутого итогового послания 2007 г. (около 8 тыс. слов). Объем трех посланий Медведева колеблется между 7 и 9,8 тыс. слов. Соответственно, «вес» того, чему нашлось место в выступлении, длившемся один час или три часа, различен.

¹² Заявление Бориса Ельцина. 31 декабря 1999 г. (Доступ: http://archive.kremlin.ru/appears/1999/12/31/0003_type82634_119554.shtml). Кстати, наиболее развернутый анализ настоящего на фоне прошлого дан в самом коротком из ельцинских посланий, зачитанном накануне выборов в 1996 г.

¹³ Для сравнения, в посланиях Путина высказываний, оценивающих прошлое критически — 4, отмечающих одновременно его плюсы и минусы — 3 (из 22); соответственно, в посланиях Медведева — 1 и 1 (из 15).

¹⁴ Бердяев, как известно, утверждал, что русский народ развивался «катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации»; он насчитал «пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию». См.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 7.

¹⁵ *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. (Доступ: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>).

¹⁶ См.: *Малинова О.Ю.* Тема империи в современных российских политических дискурсах // *Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера.* М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 59—102.

¹⁷ Медведев ДА. Россия, вперед! (Доступ: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

¹⁸ Например, о проблемах, обусловленных обширной территорией, в контексте первой чеченской войны говорил Ельцин: «Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы». И далее: «Таким крупным странам, как Россия, естественным образом присущи большие внутренние различия между регионами». Их следствие — «диспропорции регионального развития», ставшие «родимым пятном нашей истории и экономики» (1995 г.).

¹⁹ Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы — страна. *Nation-building* и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). С. 20.

²⁰ Путин В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года».

²¹ См.: Malinova O. Russia and “the West” in 2000s: Redefinition of Russian Identity in the Official Political Discourse // Russian Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions / R. Taras (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010 (in print).

²² Медведев Д. Россия, вперед!

²³ Ссылки на события и действующих лиц отечественной истории в послании 2010 г. достаточно формальны. Из четырех фрагментов, которые нам удалось выделить, 2 относятся к юбилею Великой Отечественной войны (в связи с патриотическим воспитанием молодежи и заботой власти о состоянии воинских памятников и мемориалов), 1 — упоминание имен великий людей, которые были третьими детьми в своих семьях (в контексте демографической проблемы), еще 1 — в рамках обсуждения программы модернизации (идея связи поколений).

²⁴ Медведев Д. Россия, вперед!

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Морозов ВЕ. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 580.

²⁸ Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2008. Вып. 3: Российская идентичность в социологическом измерении. М.: Институт социологии РАН, 2008 (Доступ: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_6.html). Почти такой же список наиболее значимых исторических событий получился в 1998 г., когда было начато исследование, разве что на пятое место с рейтингом 52% вышел полет в космос Юрия Гагарина (См. там же).

²⁹ Там же. В частности, «такое значимое событие, как освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г., вызывает гордость лишь

у 6% россиян, Октябрьская революция и установление советской власти — у 7%. Выдающиеся российские цари и императрицы, а также мощь и богатство страны в период правления династии Романовых вызывают гордость у 10 и 11% россиян соответственно» (См. там же).

³⁰ Правда, исследования Фонда «Общественное мнение» показывают, что оценка обоих событий населением крайне неоднозначна. См.: Бавин П. Февральская революция и свержение монархии: взгляд из России XXI века // Социальная реальность. 2007. № 4. С. 24—30; Васильева Е. Октябрьская революция: актуальный образ исторического события // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 24—32.

³¹ Проблема «неудобного прошлого», с которой так или иначе сталкиваются многие страны, может решаться по-разному, в том числе и по «формуле умолчания» — в течение какого-то времени. См.: Малинова О.Ю. Консолидация политических сообществ и проблема «неудобного прошлого»: опыт стран Европы и Азии // МЕТОД: Московский Ежегодник Трудов Общественнонаучных Дисциплин. Сб. науч. тр. / Ред. и сост. вып. М.В. Ильин. М.: Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований ИНИОН РАН, 2010. Альтернативные модели формирования наций (в печати).

³² Впрочем, в последние месяцы стали наблюдаться попытки выйти за рамки узкого репертуара и примериться к символическому потенциалу исторических событий и явлений, до сих пор обделенных вниманием российских политиков. В качестве примеров можно привести выступление Медведева по случаю 150-летия отмены крепостного права на конференции в Санкт-Петербурге, проводившее параллели между Великими реформами XIX века и современной модернизацией (См.: Медведев ДА. Выступление на конференции «Великие реформы и модернизация России» 3 марта 2011 г. Санкт-Петербург. Доступ: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10506>; сайт посещен 4 марта 2011 г.), и выступление Бориса Грызлова в том же городе и тоже на конференции, посвященной 105-летию со дня начала работы первой в России Государственной думы, в котором Земские Соборы XVI—XVII веков провозглашались истоком исторически свойственной России суверенной демократии (См.: Родин И. Суверенную демократию придумал Иван Грозный // Независимая газета. 2011. 28 апр. С. 3).

Никита Петров

Был ли Сталин преступником?

Нужно ли рассуждать о том, является ли Сталин преступником? Нам представляется важным ответить на этот вопрос, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, потому что сегодня Сталин является медийным персонажем. О нем говорят как о «великом государственном деятеле», проводившем, пусть не бесспорную, но последовательную линию на укрепление могущества страны. К примеру, в скандально известном вузовском учебном пособии А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина «История России. 1917—2009» говорится следующее: «...Сталин, с точки зрения государственности, — великий герой, с точки зрения прав человека, — душегуб и злодей»¹. В головах граждан существуют две как будто параллельные истории страны. Именно поэтому и актуально и своевременно говорить о том, каковы же были природа и истинный (а не декларированный) характер советского государства. Опиралась ли личная диктатура Сталина на закон или попирала его?

Во-вторых, официальное признание преступности Сталина и сталинской системы необходимы для того, чтобы навсегда исключить самую возможность применения прежнего арсенала — тех средств государственного управления, на которые опирался сталинский режим. В условиях России, с ее глубоко укорененной традицией авторитаризма, сохраняется опасность возвращения к подобным методам.

В этой статье мы попытаемся измерить деятельность и поступки Сталина параграфом современного ему уголовного

кодекса. Соотнести его деяния и принципы функционирования его системы со статьями им же одобренной и принятой Конституции СССР (1936 г.).

Однажды в нашей стране такая попытка была сделана, и даже был вынесен судебный вердикт. В решении Конституционного суда РФ от 30 ноября 1992 г. читаем: «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС»². Но тогда суд рассматривал конституционность указа Ельцина о запрете деятельности КПСС и не ставил перед собой задачу расследовать преступления коммунистической партии и вынести вердикт о правовом характере советской системы.

Тем не менее в 1992 году появилась четкая, закреплённая судебным решением констатация насильственного характера власти КПСС. Это в полной мере относится и к сталинскому периоду правления. Такой характер власти не опирался на Конституцию 1936 г., и этим определяется главный изъян и «родовая травма» Советской власти: Конституция официально считалась основным законом государства, но в действительности была лишь пропагандистской витриной режима.

Что же гарантировала Конституция 1936 г.? Начнем с важнейшего — с прав личности. Статья 127: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора»; статья 128: «Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом»; статьей 125 гарантировались свобода слова, свобода печати и свобода собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Ряд статей был посвящен основам государственного устройства. В статье 30 говорилось: «Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР»; в статье 32 четко указывалось: «Законодательная власть СССР осущест-

вляется исключительно Верховным Советом СССР». Выделим здесь также блок статей о принципах отправления правосудия. В статье 102 говорилось: «Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами»³. Сразу отметим, что в этой статье нет места никаким внесудебным органам. Специальные суды, создаваемые по постановлению Верховного Совета, — это военные трибуналы, Военная коллегия Верховного суда и линейные суды на железнодорожном и водном транспорте. Этот список исчерпывающий, и он приведен в «Законе о судостроительстве», принятом 16 августа 1938 г. Но и до принятия этого закона только эти суды упоминались в качестве «специальных» в законе о судостроительстве РСФСР 1922 г.

В статье 111 Конституции говорилось: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту», а статья 112 указывала: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Были и другие важные с точки зрения гарантий прав граждан статьи, о которых следует упомянуть. Статья 123 гарантировала равноправие граждан: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы...», и предупреждала, что «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав» или установление «прямых или косвенных преимуществ» в зависимости от расовой или национальной принадлежности «карается законом»⁴.

На пресс-конференции 6 сентября 2010 г. премьер-министра Путин на британский корреспондент задал ему вопрос о Сталине. Путин откликнулся встречным вопросом: «Кромвель был лучше или хуже Сталина?»⁵. В действительности к Кромвелю и Сталину невозможно подходить с одинаковыми мерками. То, что было в порядке вещей при Кромвеле, в XX в. выглядит со-

всем иначе. Со времен Кромвеля прошло 400 лет, и обстановка в мире, понимание необходимости соблюдения законов, международных договоров и прав человека радикально изменились. Сталин погрузил страну в средневековые «Большого террора», массового народоубийства, пыток и принудительного рабского труда заключенных — в XX в. такие деяния и вопрос о юридической ответственности диктаторов и тиранов перед своими народами становятся предметом разбирательства в международном суде.

И в нынешнем, и в традиционном понимании Конституция — основной и верховенствующий над остальными законами государственный акт. Все остальные законы, правовые акты и нормативные документы должны соответствовать статьям Конституции. Противоречащие Конституции законы и нормативы не должны действовать и подлежат отмене или приведению в соответствие с Конституцией. Конституция 1936 г. на бумаге давала гражданам самые широкие права, включая всеобщее право тайных выборов, неприкосновенность депутатам Верховного Совета СССР и должна была служить гарантией от произвола.

Таким образом, и сам Сталин, и советская власть в целом уже в 1930-е гг. были полностью в курсе современных «европейских» норм права. В отличие от актов раннего послереволюционного периода, в Конституции 1936 г. соответствующие права и свободы продекларированы без всяких ссылок на чрезвычайный характер революционной ситуации.

Практика внесудебной расправы

Перемены, произошедшие в нашей стране после августа 1991 г., когда окончательно рухнула власть КПСС, открыли доступ к ранее совершенно тайным архивам и сделали возможным сбор и анализ доказательств преступности советской

системы. Прежде всего, речь идет о документах, имеющих отношение к «Большому террору» 1937—1938 гг., которые свидетельствуют о том, как Сталин и верхушка Политбюро организовали массовое уничтожение сотен тысяч людей. Эти документы и полная статистика репрессий не были доступны даже в годы перестройки, когда, казалось бы, стали разоблачать преступления Сталина, и работала специальная комиссия Политбюро, изучавшая историю репрессий. На сегодняшний день Международный фонд «Демократия» (фонд А.Н. Яковлева) опубликовал свыше 50 томов документов, многие из них о советском терроре, ГУЛАГе, в том числе и с приведением статистических выкладок о масштабах репрессий за весь советский период. Фонд разместил множество документов в Интернете, в том числе о реализации зловещего приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. о так называемой «кулацкой операции», положившей начало массовому террору⁶. Опубликовано довольно много материалов, которые показывают ход «национальных операций» (немецкой, польской, латышской, «харбинской» и др.) 1937—1938 гг., в ходе которых арестам и расстрелам подверглись выходцы из сопредельных СССР стран или лица, связанные с ними. Общество «Мемориал» выпустило CD-ROM «Сталинские расстрельные списки»; содержащиеся в них материалы — свидетельства того, что Сталин и его ближайшее окружение, подменяя собой судебные органы, вершили суд и расправу. Одним словом, имеется документальная база для вынесения суждения о том, был ли сам Сталин и его режим преступным. Она включает в себя гигантский массив документов от сталинских директив, то есть нормативно-распорядительной базы репрессий, до документов о реализации и статистике этих репрессий.

В СССР расправа с лицами, неугодными большевистскому режиму, осуществлялась в обход закона, так называемыми внесудебными органами: Коллегией ВЧК—ОГПУ, Особым совещанием при ОГПУ (с 1924 г.), тройками Полпредств ОГПУ. Сталин и правящая верхушка широко использовали органы государ-

ственной безопасности в качестве инструмента расправы. Все решения, в том числе и смертные приговоры, вынесение которых входило в полномочия Коллегии ОГПУ и тройки Полпредств ОГПУ, принимались лишь на основании оформленного в органах госбезопасности следственного дела заочно, без присутствия обвиняемого. То есть не было ни судебного разбирательства с обязательной состязательностью сторон, ни возможности для обвиняемого защищаться, приводить свои доводы в суде.

Показательна статистика репрессий. В период 1921—1936 гг. по делам, подготовленным в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД, было приговорено около 1,5 млн человек, из них приговорено Коллегией ОГПУ 63 тыс. (4%), Особым совещанием ОГПУ 245 тыс. (15%), тройками Полпредств ОГПУ 712 тыс. (44,5%). Иными словами, подавляющее большинство людей, которые были осуждены за так называемые «контрреволюционные преступления», не были осуждены легальными, законными юридическими органами. Здесь очевидны нарушения как конституционных основ, так и закона о судостроительстве. Органы госбезопасности, действовавшие по прямым директивам коммунистической партии, попросту подменяли собой правосудие. Совмещение функций арестов, дознания и расправы в одном органе получило сталинское теоретическое обоснование в виде формулы «военно-политический трибунал»⁷. Масштабы арестов, проведенных на рубеже 1930-х гг., объясняются среди прочего тем, что в 1929 г. окончательно сложилась практика использования принудительного труда заключенных для нужд экономики и освоения труднодоступных окраин страны. Было организовано Главное управление лагерей (ГУЛАГ), ставшее символом сталинской системы.

В последующие годы «Большого террора» роль внесудебных органов существенно возросла. В 1937—1938 гг. 1 млн 300 тыс. человек были приговорены по политическим мотивам (из них около 700 тыс. расстреляны). Из общего числа 1 млн 300 тыс. приговоренных, 1 млн 200 тыс. (82%) были пригово-

рены внесудебными органами: тройками НКВД—УНКВД и Комиссией НКВД и Прокурора СССР⁸. С окончанием «Большого террора» роль внесудебных органов в проведении репрессий несколько снижается, но Сталин по-прежнему активно использует их как дополнительный — и весьма важный — карательный инструмент. С 1939 по 1953 г. из 1 млн 100 тыс. осужденных по делам, проведенным НКВД—НКГБ и МГБ, 329 тыс. человек (около 30%) были осуждены Особым совещанием НКВД (а с 1946 г. — Особым совещанием МГБ). После окончания «Большого террора» единственным внесудебным инструментом в руках НКВД осталось Особое совещание. С ноября 1941 г. оно могло выносить и смертные приговоры. Особое совещание было упразднено лишь после смерти Сталина, в 1953 г.

Деятельность конституционных судебных органов

Судебные органы, предусмотренные советской конституцией, действовали с грубейшими нарушениями и искажениями закона. Достаточно вспомнить о принятом 1 декабря 1934 г. законе, который лишал обвиняемых не только права на защиту, но даже права подать ходатайство о помиловании и кассационную жалобу. Этот закон предусматривал рассмотрение дел в Военной коллегии Верховного суда в так называемом упрощенном порядке: при закрытых дверях и без участия сторон (в отсутствие обвинителя и защитников) и моментальное (в 24 часа) исполнение смертного приговора после его вынесения. Именно на основе этого закона и были рассмотрены все дела, поступившие в Военную коллегия в 1937—1938 гг., — было осуждено около 37 тыс. человек, из них 25 тыс. к расстрелу. Подобный порядок грубо попирает нормы Конституции (ст. 111) о гласности судопроизводства, права обвиняемого на защиту и обжалование в кассационном порядке приговора.

Рассмотрение дел Военной коллегией в «упрощенном порядке» по закону от 1 декабря 1934 г. (который отменили только в 1956 г.) с трудом можно назвать очным судебным процессом. Формально обвиняемый в зале присутствовал, но, как правило, рассмотрение дела длилось не более 20 минут, председательствующий Военной коллегии или ее выездной сессии коротко опрашивал обвиняемого, а в зале не было не только защитников, но даже прокурора — в нем не было никакой необходимости. Председательствующий выслушивал, какие у подсудимого есть возражения, а дальше сообщал: суд удаляется на совещание, а приговор вам будет объявлен. Если приговор был расстрельным, подсудимому его объявляли не сразу после окончания рассмотрения дела, а непосредственно перед приведением приговора в исполнение.

В 1938 г. (16 августа) был принят «Закон о судостроительстве». В нем содержалась прямая ссылка на нормы Конституции (ст. 102), касающиеся того, кто и как может быть осужден в судах. Статья 1-я этого закона гласила: «В соответствии 102 статьи Конституции, правосудие в СССР осуществляется высшими судами...» — и далее дословно повторялся текст той самой статьи Конституции. И наконец, статья 53-я закона о судостроительстве конкретизировала, на основании 102-й статьи Конституции, перечень специальных судов, которые организуются по постановлению Президиума Верховного Совета или Верховным Советом СССР. Это Военные трибуналы, линейные суды на железнодорожном и водном транспорте. Таким образом, и «упрощенная процедура» рассмотрения дел на Военной коллегии, и все внесудебные органы, учрежденные по решениям Политбюро и Сталина, вступали в грубое противоречие с Конституцией и законами. Уже это дает основание обвинять самого Сталина и его окружение в преступных действиях.

Если анализировать отдельные репрессивные кампании, осуществлявшиеся в рамках «Большого террора» 1937—1938 гг., можно видеть, что решение об убийствах принимал непосредственно Сталин. Прежде всего, это массовые аресты

и расстрелы по так называемой «кулацкой операции» НКВД. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., скрепленное подписью Сталина, положило начало первой массовой операции НКВД по арестам и расстрелам «кулацких», «анти-советских» и прочих «враждебных элементов»⁹. Регионам было предписано заранее наметить квоты на будущие внесудебные приговоры к расстрелу (1-я категория) и к заключению в лагерь (2-я категория), предложить составы «троек» для вынесения приговоров. И квоты по регионам, и состав «троек» подлежали утверждению на Политбюро. Всего в рамках этой «массовой операции» до ноября 1938 г. было арестовано 767 397 человек, и из них 386 798 было расстреляно. Организаторами этих операций были Сталин и Политбюро, которые утвердили контрольные цифры — «лимиты», отражающие количество людей, подлежащих расстрелу в каждом регионе, а также состав региональных «троек». Утвержденный Политбюро приказ НКВД № 00447 вышел 30 июля, операция началась 5 августа 1937 г.¹⁰.

Когда аресты начались, регионы выступили с предложениями увеличить соответствующие «лимиты». В телеграммах, которые хранятся в архиве, есть собственноручные резолюции Сталина. Обычно это простое и лаконичное «За. И. Сталин», но были примеры и развернутых резолюций. Например, на шифровке из Кирова от 21 октября 1937 г. видим резолюцию: «Утвердить по первой категории не на 300, а на 500 человек, а по второй категории — на 800 человек. И. Сталин, В. Молотов»¹¹. Или на шифровке от 20 октября 1937 г. из Улан-Удэ: «За 1 000 чел. по первой категории. И. Сталин, В. Молотов, Каганович, К. Ворошилов, А. Микоян, Ежов» и приписка «т. Калинин — за, т. Андреев — за»¹². На шифровке из Барнаула от 18 октября 1937 г. с просьбой установить для вновь образованного края «лимиты» на расстрелы и осуждение видим также сталинскую резолюцию: «За лимит в 4 000 по первой и в 4 500 по второй категории. И. Сталин, В. Молотов»¹³, далее подписи Ежова, Ворошилова и помета «т. Микоян — за». Анализируя весь ком-

плекс документов, можно считать доказанным, что Сталин был не только инициатором проведения данной кампании, но и санкционировал конкретные расстрелы, увеличение «лимитов» на расстрелы и, соответственно, контролировал весь ход операции. Своими действиями Сталин подменял правосудие и присваивал себе властные функции государственных структур, тем самым нарушая упомянутые выше статьи Конституции.

Тот же вывод можно сделать на основе анализа «национальных операций» — немецкой, польской, «харбинской»¹⁴, латышской, эстонской, финской, афганской, иранской и пр., начатых в июле 1937 г. Это были массовые репрессии, осуществлявшиеся по национальному признаку: политэмигранты, выходцы из сопредельных СССР стран и граждане СССР, с ними так или иначе связанные автоматически попадали под подозрение в шпионской деятельности. Инициатива в проведении «национальных операций» принадлежала Сталину. Первым было решение о проведении «немецкой операции», его подлинник исполнен рукой Сталина:

«Вопрос НКВД.

Предложить т. Ежову дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т.п.), и высылке части арестованных за границу.

Копию приказа прислать в ЦК.

О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК.

За. И. Сталин»¹⁵.

Эта операция вскоре переросла в репрессии не только всех немцев, но и всех тех, кто был с этими немцами связан. Точно так же Политбюро санкционировало в начале августа 1937 г. «польскую» операцию. Далее шли «харбинская», латышская, эстонская операции. Больше всего пострадало людей в ходе

«польской» и «немецкой» операций. Наряду с «кулацкой», осуществленной в рамках приказа НКВД № 00447, эти операции органично влились в общую структуру «Большого террора». В рамках так называемых национальных операций было арестовано 350 тыс. человек, из них 250 тыс. расстреляно. Заметим, что если по «кулацкой операции» были расстреляны примерно 50% от числа приговоренных, то по национальным решениям были гораздо жестче: здесь процент расстрелянных достигает 70—80%.

Еще одним инструментом террора были «сталинские расстрельные списки» — очередная иллюстрация того, как Сталин своими решениями подменял правосудие. Начиная с 27 февраля 1937 г. Сталин лично, а также несколько приближенных к нему лиц визируют и подписывают списки людей, чьи дела подлежали рассмотрению Военной коллегией Верховного суда. Каждый список был разбит на категории: 1-я категория — расстрел, 2-я — 10 лет, 3-я (довольно редкая) — 8 лет. Списки в полном объеме представлены на интернет-сайте общества «Мемориал»¹⁶. Причем титульные страницы даны в виде цветных фотокопий, так как на них стоят подписи Сталина и его ближайших соратников. А в некоторых случаях и содержательные пометы, например на списке от июля 1938 г.: «За расстрел всех 138 человек. И. Сталин, В. Молотов», или пометы, сделанные рукой Сталина, в самих списках напротив фамилий, например «бить, бить» и т.п. Всего за период с февраля 1937 г. по октябрь 1938 г. Сталиным и его соратниками было утверждено 383 таких списка, в которых значилось 44,5 тыс. человек, и примерно на 39 тыс. из них была дана санкция на расстрел. Молотов подписал 373 списка, Сталин — 362 списка, Ворошилов — 195, Каганович — 191, Жданов — 177, Ежов — 8, Микоян — 8 и Косиор — 5 списков.

После утверждения списков, в которых предписывалась мера наказания, рассмотрение дел в Военной коллегии было пустой формальностью — как правило, ее решение полностью повторяло то, что указывалось в списке. В данном случае Ста-

лин предрешал решения Верховного суда, и, по сути, являлся автором смертных приговоров.

Кроме того, в расстрельных списках есть еще одна, крайне любопытная категория осужденных — высший состав чекистов. Систему НКВД Сталин «чистил» так же яростно, как и все остальные слои советского общества. Чекистов расстреливали по спискам в «особом порядке» — такая формула содержится в соответствующих архивно-следственных делах расстрелянных. «Особый порядок» означал, что списки сотрудников НКВД, подлежащих расстрелу, не поступали в Военную коллегию. Сразу после утверждения Сталиным и его соратниками эти списки направлялись в НКВД для исполнения, которое без промедления осуществлялось. По сути дела, решение о расстреле нескольких сотен человек, осужденных в «особом порядке», было вынесено лично Сталиным без какой-либо формальной судебной процедуры. С точки зрения уголовного кодекса (и тогдашнего, и нынешнего) это квалифицируется как убийство. В делах этих людей вместо приговора суда просто подшита выписка из соответствующего «расстрельного списка» — указаны дата, номер тома, в котором помещен список, и лист. Вот и все основание для расстрела.

В том же 1937 г. сталинский террор перешагнул границы СССР: согласно директивам Сталина были произведены массовые расстрелы граждан Монголии. Сталинское Политбюро даже утвердило состав «тройки» по Монголии, в которую вошел ее руководитель Чойбалсан. Эта «тройка» рассмотрела дела на 25 тыс. граждан Монголии, из которых около 20 тыс. были расстреляны.

Еще один важный аспект «Большого террора» — репрессии против членов семей тех, кто был осужден за измену родине. Подобные действия являются грубейшим нарушением законодательства, когда людей без конкретной вины осуждали только за то, что они связаны родственными отношениями с осужденным или сбежавшим за границу. Закон, карающий родственников тех, кто не вернулся из-за границы, был введен ука-

зом ЦИК от 8 июня 1934 г. В 1937 г. Сталин существенно расширил эту практику и распространил ее на тех, кто был осужден Военной коллегией. Теперь жены осужденных за измену родине подлежали аресту и осуждению (как правило, Особым совещанием при НКВД), а детей до 15 лет сдавали в детприемники НКВД. Решение об этом было принято Политбюро 5 июля 1937 г. и подписано Сталиным. Более того, в подлиннике этого постановления есть собственноручная сталинская правка. Он дополнил первый пункт постановления о заключении в лагерь на 5 лет жен всех осужденных членов «правотроцкистской шпионско-диверсионной организации», добавив туда своей рукой жен «изменников родины»¹⁷.

Сталин увеличил срок осуждения с 5 на 5—8 лет, а в пункт четвертый, где значилось: «Всех оставшихся после осуждения детей-сирот взять на государственное обеспечение», внес уточнение «до пятнадцатилетнего возраста». И добавил: «что же касается детей старше 15-летнего возраста, то о них решать вопрос индивидуально»¹⁸. Таким образом, вырабатывая решение, в Политбюро уже заранее знали, что дети станут сиротами. Согласно этому решению Сталина и Политбюро было репрессировано 18 тыс. жен; 25 тыс. детей были помещены в детприемники НКВД.

Еще одно преступное действие Сталина — санкция о применении НКВД в ходе следствия «мер физического воздействия», то есть пыток и истязаний. Телеграмма об этом, найденная в архиве, подписана лично Сталиным 10 февраля 1939 г., но в той же телеграмме имеется ссылка на то, что порядок применения мер физического воздействия был санкционирован им еще в 1937 г. (хотя сам документ 1937 г., содержащий разрешение Сталина избивать подследственных, пока обнаружить в архиве не удалось). В более поздние годы Сталин также давал указания о применении пыток, например, в ходе следствия по «делу врачей» в 1952—1953 гг. О том, что Сталин лично не просто курировал деятельность органов МГБ, а отдавал непосредственные распоряжения, как именно вести следствие, как до-

бываться признаний арестованных — кого-то «заковать в кандалы», а такого-то «бить и бить», — свидетельствуют не только его пометы на расстрельных списках. Отчет министра госбезопасности С.Д. Игнатьева, датированный ноябрем 1952 г., рапортует о выполнении указания Сталина о применении физического воздействия к арестованным по «делу врачей»¹⁹.

Предпринятые по прямым указаниям Сталина массовые выселения противоречат не только советскому законодательству, но и конституционному принципу национального равноправия. Речь идет о выселении по классово-имущественному признаку и о тотальном выселении целых народов. Сюда относится, в частности, выселение польских граждан с территории Западной Украины и Белоруссии в 1939—1940 гг., выселение граждан Прибалтики и Молдавии в мае—июне 1941 г. При этом выселению подлежали не только чиновники бывших буржуазных правительств в Литве, Латвии, Эстонии или администрации Румынии на территории занятой СССР Бессарабии, но и более или менее зажиточные люди, члены всевозможных полвоенных патриотических формирований, не успевшие уйти в подполье, и даже деклассированный элемент (например, проститутки). В этом же ряду можно назвать акции тотального выселения в годы войны немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и других народов. Эти акции сопровождалась ликвидацией государственности путем упразднения соответствующих автономий.

Практика депортаций продолжалась и в послевоенные годы: в 1949 г. были осуществлены выселения из Прибалтики и Молдавии, обозначенные, соответственно, операция «Прибой» и операция «Юг». В рамках этих операций, на основе социально-имущественного принципа, были выселены зажиточные крестьяне, хуторяне, не желающие объединяться в колхозы. В отношении членов семей «украинских националистов», выселенных по решению Особого совещания, было принято беспрецедентное решение: вопреки положению Конституции о том, что никто не может быть лишен свободы ина-

че как по решению суда, Сталин 6 апреля 1950 г. подписал постановление Совета Министров СССР о «вечном спецпоселении» для семей украинских «националистов», а также их детей. По достижении 16 лет они автоматически, в силу своего происхождения, становились ссыльными²⁰.

Среди преступных действий Сталина — массовый расстрел польских офицеров и гражданских лиц по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. («Катынское дело»). Персональная виновность Сталина не подлежит сомнению: его подпись стоит на постановочной записке НКВД, подготовленной Берией. Имеются также и материалы о реализации этого решения — о расстрелах. Весной 1940 г. органами НКВД было расстреляно 21 787 польских граждан, из них около 15 тыс. тех, кого считали военнопленными, то есть задержанные офицеры польской армии. Это деяние Сталина и его окружения было не только попранием советских законов (дела поляков для вынесения приговора пропустили через специально созданный по этому случаю внесудебный орган — тройку НКВД СССР), но и преступным нарушением международного права — Гаагской конвенции об обращении с военнопленными 1907 г.²¹

Еще одно преступление — массовые расстрелы заключенных осенью 1941 г. в Орловской тюрьме. В сентябре 1941 г. по постановлению Государственного комитета обороны, подписанному Сталиным, были расстреляны все заключенные, отбывавшие наказание в Орловской тюрьме — без дополнительного расследования дел, без дополнительных решений, просто росчерком сталинского пера²².

Сталин также несет ответственность за политические убийства, совершенные чекистами по его непосредственным указаниям. Уголовный кодекс квалифицирует такие действия как убийство и терроризм. По приказу Сталина советскими органами госбезопасности были убиты Троцкий (в Мексике), лидер украинских националистов Коновалец (в Нидерландах), перебежчик Агабеков (во Франции), бывший секретарь Троцкого — Рудольф Клемент (во Франции), перебежчик из НКВД Игнатий

Порецкий-Рейсс (в Швейцарии), были похищены в Париже два белых генерала — Миллер и Кутепов (Кутепов погиб при перевозке, а Миллера расстреляли в Москве в 1939 г.). Был убит и человек, который помогал похищать Миллера, работавший на НКВД генерал Скоблин. Этого тайного агента советской госбезопасности Сталин распорядился убрать, чтобы замести следы и не тратить усилия разведки на его спасение. Документ об этом распоряжении Сталина опубликован²³.

Сталин прибегал к методу тайной ликвидации неугодных ему лиц также и на территории СССР. В мае 1939 г. был арестован полпред СССР в Китае И.Т. Бовкун-Луганец. Бовкун успел дать показания о том, что он «заговорщик и враг» (понятно, какими методами эти показания были добыты). В июле 1939 г. Бовкун и его жена, по указанию Сталина, были отправлены в Грузию поездом в сопровождении работников НКВД. В поезде оба были убиты людьми Берия — Церетели и Влодзимирским. По всей видимости, Сталин хотел избежать гласной расправы, чтобы не спугнуть советских заграничных работников, — опасаясь арестов, они могли попытаться остаться за границей. Тела Бовкуна и его жены сгрузили на глухой станции и поместили в машину, которую тут же сбросили в пропасть. В некрологах, опубликованных в «Правде» и «Известиях», страну с «глубоким прискорбием» оповестили об автомобильной катастрофе. А торжественные похороны устроили в Тбилиси.

Точно так же в 1940 г. была тайно убита жена маршала Кулика — Симонич-Кулик. Сталину не нравилось ее польское происхождение, и он подозревал ее в шпионаже. Симонич-Кулик была похищена на улице, тайно помещена в Сухановскую тюрьму и без оформления каких-либо бумаг расстреляна на Лубянке. На следствии Берия подтвердил, что приказ об этом убийстве он получил от Сталина²⁴. Эта и другие подобные преступные акции, осуществленные по приказу Сталина, отражены в объемном отчете Комиссии Шверника 1963 г.²⁵

В 1941 г. Сталин дал указание создать в структурах госбезопасности специальное подразделение для негласной распра-

вы с политическими противниками. То, что это было прямым указанием Сталина, зафиксировано в материалах расследования дела Берия и в показаниях Судоплатова²⁶: «Примерно в мае месяце 1941 г. Берия вызвал меня и сказал следующее: имеется указание инстанции об организации специальной группы из проверенных, надежных и преданных партии чекистов с задачей выполнения правительственных заданий (специальных) как за границей, так и внутри страны»²⁷. Судоплатов пояснил, что под «специальными заданиями» подразумевалось уничтожение людей²⁸. Помимо убийств, специальная группа могла использовать и иные, менее радикальные меры воздействия. Согласно показаниям на следствии чекиста Церетели, Берия, наметивший его в состав «особой группы», откровенно изложил ему смысл и цели группы: «...у нас в Советском Союзе есть люди, которые мешают нам работать, а материалов для ареста этих лиц или вовсе нет, или недостаточно. Поэтому нужно таких людей похищать, тайно избивать их и затем бросать»²⁹.

В послевоенное время тайные убийства на территории СССР планировали и осуществляли П.А. Судоплатов и его заместитель Н.И. Эйтингон, возглавлявшие специальное подразделение МГБ — службу «ДР» (для проведения диверсий и актов террора). Они подготовили и провели следующие акции:

- В июне 1946 г. в Ульяновске был убит польский инженер Н.Т. Самет, работавший по военной тематике и пожелавший выехать в Польшу. Санкцию на его убийство министр госбезопасности Абакумов получил от Сталина 12 июня, а о выполнении доложил Сталину 26 июня 1946 г.
- В поезде, близ города Кирсанова, в сентябре 1946 г. был убит бывший крупный деятель украинского эсеровского движения А.Я. Шумский, который находился в ссылке и досаждал Сталину своими письмами. Санкцию на его тайное убийство Абакумов запросил у Сталина 23 августа 1946 г. и получил согласие. Разработанный Судоплатовым 6 сентября план предстоящего тайного убийства Шумского Абакумов утвердил 8 сентября 1946 г.

- Летом 1947 г. в тюрьме был убит американец И.М. Оггинс, бывший советский агент, осужденный Особым совещанием еще до войны (срок его заключения истек). Санкцию на его убийство Абакумов запросил у Сталина и Молотова 21 мая 1947 г. План убийства Оггинса с помощью инъекции яда был составлен Эйтингоном 30 июля 1947 г.
- Четвертый, задокументированный в материалах следственного дела Судоплатова, случай — убийство 1 ноября 1947 г. епископа греко-католической церкви в Ужгороде Федора Ромжи. План убийства был составлен еще в феврале 1947 г. министром госбезопасности УССР С.Р. Савченко. Нападение на Ромжу 27 октября 1947 г. осуществили люди Судоплатова — сбив его конную повозку грузовиком. Ромжа попал с тяжелыми ранениями в больницу, где и был умерщвлен инъекцией яда.

Во всех этих убийствах решающую роль сыграл полковник медицинской службы Майрановский — именно он делал смертельные инъекции и возглавлял в системе НКВД—МГБ специальную лабораторию «Х», в которой испытывались яды на приговоренных к смерти заключенных. Распоряжение о создании такой лаборатории Берия получил непосредственно от Сталина в 1939 г. Эта лаборатория действовала вплоть до 1947 г. (в годы войны она находилась в ведении возглавлявшегося Судоплатовым и Эйтингоном 4-го управления). Всего, если судить по материалам лаборатории, в ней было убито с помощью различных инъекций около 150 человек. Эти человеконенавистнические «опыты», убийства особо мучительным способом санкционировал Сталин, лично распорядившийся создать такую лабораторию в НКВД.

В январе 1948 г. в Минске был убит руководитель Государственного еврейского театра Михоэлс. План этой акции Сталин лично обсуждал с Абакумовым по телефону и сам предлагал кандидатуры чекистов, которых следовало командировать в Минск. После убийства Абакумов составил список участников этой акции, который был направлен Сталину для награждения

их орденами; соответствующий Указ был издан Президиумом Верховного Совета СССР. В архиве сохранилась записка Абакумова с предложением о награждении участников акции и Указ о награждении.

В документах следственного дела Берии содержатся сведения о двух покушениях на убийство. В 1940 г. Сталин дал указание Берии убить бывшего наркома иностранных дел М.М. Литвинова, инсценировав автомобильную катастрофу (Берия направил своих людей выяснить особенности дорог у дачи Литвинова); а в 1945 г. Сталин распорядился тайно убить академика П. Капицу, который отказался участвовать в советском атомном проекте. Судоплатов, получив приказание, приступил к подготовке операции по ликвидации Капицы. Однако в мае 1946 г. тогдашнего министра госбезопасности Меркулова³⁰ сменил Абакумов. В показаниях Судоплатова говорится, что он доложил Абакумову о плане подготовки и тот, посоветовавшись с кем-то, через несколько дней сказал: «Проводить не будем». Возможно, Сталин к тому времени передумал.

Преступные действия очевидны и документально подтверждены. Если бы Сталин предстал перед судом при жизни, ему можно было бы предъявить обвинения по тем же статьям Уголовного кодекса, которые приобрели печальную известность в его эпоху. Например, по статье 58—1 «а» — «измена родине, то есть действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР...» (можно напомнить, что массовые репрессии 1937—1938 гг., когда были казнены многие видные военные, ученые, работавшие в оборонных отраслях, рабочие и крестьяне, которые могли бы встать в ряды армии, привели к серьезному ослаблению военной мощи страны); 58—1 «б» — те же преступления, совершенные военнослужащими (с 1941 г. Сталин был наркомом обороны, в 1943 г. ему было присвоено звание маршала Советского Союза, в 1945 г. — Генералиссимуса Советского Союза); 58—8 — «совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских орга-

низаций...»; 58—11 — вышеуказанные действия, совершенные в составе группы; 58—14 — «контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата...» (поскольку ряд важнейших решений принимался не от имени Совета народных комиссаров—Совета министров СССР, ЦИК и Президиума Верховного Совета, а от имени Политбюро (зачастую на тайной основе), можно утверждать, что партия, именовавшаяся ВКП(б) — КПСС, была превращена в механизм управления и управляющий орган, то есть легальная государственная власть была подменена властью Политбюро во главе со Сталиным). Вариации ст. 58 активно использовались сталинским режимом для расправы с невинными людьми. Но в данном случае, по отношению к Сталину и руководящей верхушке коммунистической партии, их применение вполне уместно и даже не выглядит натяжкой, так как речь идет о вполне конкретных и доказанных преступных деяниях. Для квалификации преступлений Сталина вполне применимы и другие статьи УК РСФСР³¹. Статья 59—1 — «преступление против порядка управления», в том числе «неповиновение законам»; 136 — «умышленное убийство», в том числе по пункту «в» — совершенное «особо мучительным для убитого» способом; 193—17 «б» — «злоупотребление властью при наличии особо отягчающих обстоятельств». Обвиняемым по большинству этих статей грозил 10-летний срок, а то и смертная казнь. Можно вспомнить и о других статьях того же УК РСФСР (хотя они предусматривали смехотворно мягкие наказания) — о нарушении национального равноправия, о незаконном лишении кого-либо свободы и других преступлениях против правосудия.

Уголовный кодекс запрещает вести дела против мертвых, так что осудить Сталина персонально, по всей форме предусмотренного законом уголовного процесса, разумеется, уже не удастся. Но сегодня мы можем собрать и обобщить мате-

риал для осуждения сталинской системы и объявления ее преступной. А на основании собранных доказательств и самого Сталина считать и публично называть преступником.

Примечания

¹ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917—2009. М., 2010. С. 13. Решением Ученого совета исторического факультета МГУ от 22 ноября 2010 г. признано нецелесообразным использование этого учебного пособия в учебном процессе (подробнее см.: <http://www.hist.msu.ru/Science/DISKUS/2010/index.html>).

² Рудинский Ф.М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде. М., 1999. С. 485.

³ Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922—1936) / Сб. документов под редакцией акад. И.П. Трайнина. М., 1940. С. 179—189.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Известия. 2010. 7 сент.

⁶ <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1005111>

⁷ Сталин И. Сочинения. М., 1952. Т. 10. С. 234.

⁸ Это так называемый «альбомный порядок», когда списки приговариваемых в виде альбома, присланного с периферии, утверждала «двойка» — нарком внутренних дел или его заместитель и Прокурор СССР или его заместитель.

⁹ Подлинник решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. за подписью Сталина см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 19—22.

¹⁰ Исследование об истории операции по реализации приказа НКВД № 00447 с приложением документов см.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 185.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 139

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 127.

¹⁴ «Харбинцы» — граждане, переехавшие в СССР после конфликта на КВЖД в 1929 г. и позднее с территории Китая. Их поголовно подготавливали в связях с японской разведкой.

¹⁵ Оформлено как решение Политбюро ЦК ВКП(б) П51/324 от 20.07.37. Кроме подписи Сталина на документе имеются автографы:

Ежова, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Чубаря. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 51—53.

¹⁶ <http://stalin.memo.ru/index.htm>

¹⁷ Таким образом, Сталин конкретизировал обвинение, привязав его к ст. 58—1 УК РСФСР.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 69—70.

¹⁹ Новая газета. 2008. 16 окт.

²⁰ Новая газета. 2010. 19 нояб.

²¹ Гаагскую конвенцию 1907 г. Россия приняла и подписала. Что касается СССР, то формального акта признания не было. Однако в ноте правительству Нидерландов от 7 марта 1955 г. СССР заявил, что признает Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. в той мере, в какой эти конвенции не противоречат Уставу ООН. Вместе с тем в уголовном кодексе РСФСР с 1928 г. в числе воинских преступлений статьей 193-29 предусматривалась ответственность за дурное или жестокое обращение с военнопленными.

²² См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124—131.

²³ Конец агента «13» // Московские Новости. 1995. 17—24 дек.

²⁴ Берия был арестован 26 июня 1953 г. и вместе с ближайшими сотрудниками предан суду и расстрелян в декабре 1953 г. См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999.

²⁵ Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 541—670.

²⁶ Многолетний руководитель службы диверсий и террора НКВД—МГБ П.А. Судоплатов был арестован в августе 1953 г. и осужден Военной коллегией Верховного суда СССР в сентябре 1958 г. к 15 годам заключения. Вышел на свободу из Владимирской тюрьмы в 1968 г. В последующие годы неоднократно обращался с просьбами о реабилитации, но неизменно получал отказ, так как в приговоре по его делу было отмечено, что он совершил «тяжкие преступления против человечности». Лишь в 1992 г., вопреки ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (запрещающей реабилитацию совершивших насильственные преступления и преступления против правосудия), Главная военная прокуратура приняла решение о реабилитации Судоплатова и его заместителя по работе в НКВД—МГБ Эйттингона.

²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 156.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ В.Н. Меркулов был смещен с должности министра госбезопасности и переведен из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б) из-за недовольства Сталина работой МГБ. С 1946 г. работал зам. начальника Главного управления советским имуществом за границей, с 1950 г. — министром государственного контроля СССР. В 1953 г. арестован и расстрелян по делу Берии.

³¹ Здесь и далее приводятся статьи УК РСФСР, принятого в 1926 г. и действовавшего вплоть до принятия нового уголовного кодекса в 1960 г. Статьи цитируются по изданию УК РСФСР 1948 и 1950 гг.

*Историк в контексте
исторической политики*

Джон-Пол Химка

Дружественные вмешательства:
борьба с мифами
в украинской истории XX в.

Мне предложили использовать свой опыт оспаривания националистических исторических мифов, в данном случае мифов, связанных с болезненными аспектами истории Украины в XX в.¹. Мифами я называю здесь необоснованные компоненты идеологизированной версии истории, статьи и книги, где больше веры, нежели разума. В этой статье я сначала попытаюсь объяснить свою мотивацию оспаривания таких мифов, хотя понимаю, что это будет болезненно и для моей целевой аудитории, и для меня самого. Затем я опишу и оценю стратегии, которые я выбрал для своих дружественных вмешательств. К этому я добавлю описание реакций на мои выступления и моих реакций на эти реакции. В заключение я поделюсь мыслями о том, к чему, как я думаю, привели мои усилия, направленные на изменение характера рассуждений в рамках украинского дискурса. Но прежде чем перейти к основному тексту этой статьи, я хотел бы объяснить, какие именно мифы я пытаюсь развеять.

Одним из важнейших пунктов разногласий является интерпретация Великого Голода, или Голодомора, поразившего Украину в 1932—1933 гг. Согласно мифологизированной версии, Сталин организовал этот голод преднамеренно, чтобы уничтожить как можно больше украинцев и, таким образом, воспрепятствовать реализации их стремления к созданию своего национального государства. Я же считаю, что причиной

этого голода была безрассудная коллективизация, которая почти уничтожила все советское сельское хозяйство целиком. Я не отрицаю, что голод в Советской Украине и в районах Кубани, населенных украинцами, был более жестоким, нежели в других частях СССР, что причиной этого были особенно суровые меры, применявшиеся властями на Украине и на Кубани, и что эта суровость была связана с развернувшейся борьбой против национализма, явно ощущавшегося в Коммунистической партии Украины. Но при этом я в большей мере обращаю внимание на юридические аспекты, чем осложняю жизнь приверженцам этого мифа; их цель — добиться, чтобы мир признал, что этот голод, Голодомор, как они его называют, был геноцидом, то есть соответствовал определению геноцида, принятому Организацией Объединенных Наций в 1948 г. В годы президентства Виктора Ющенко (2005—2010) эта кампания стала важным элементом украинской государственной политики. Хотя я тоже думаю, что события, происходившие в Украине в 1932—1933 гг., скорее всего, соответствуют емкому определению ООН («...предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее...»), я выступаю против кампании по признанию Голодомора как геноцида по ряду причин. Дело в том, что тема геноцида здесь используется для поддержки кампании прославления антикоммунистического сопротивления украинских националистов во время Второй мировой войны. Я не думаю, что украинцы, которые считают себя наследниками тогдашних националистов, могут призывать мир сострадать жертвам голода, если они не способны сострадать жертвам националистов. И еще я думаю, что если эта кампания получает наибольший резонанс в тех областях Украины, где не было голода, а также в зарубежной диаспоре, происходящей из этих же областей, то в ней что-то неладно. У меня возникают сомнения в связи с той яростью, которая в рамках этой кампании обрушивается на русских и евреев. У меня также возникают сомнения и в отношении са-

мого этого определения ООН, которое не принимает во внимание массовые социальные и политические убийства и становится предметом политических манипуляций (вспомните споры на международном уровне о том, было ли геноцидом то, что происходило в Армении и в Дарфуре)².

Я также критически отношусь к использованию завышенных цифр при подсчете жертв этого голода: президент Ющенко и его Украинский институт национальной памяти настаивали на 10 млн; организации в зарубежных диаспорах говорят о 7—10 млн; кое-кто говорит о 10—15 млн жертв — «как минимум». Однако ни одна из этих цифр не подтверждается демографическими данными, и я (как и Институт демографии и социальных исследований Национальной академии наук Украины) считаю, что превышение смертности в Украине в 1932—1933 гг. по сравнению с обычными цифрами составляло 3,5 млн человек. Особенно раздражает приверженцев вышеуказанного мифа то, что это число оказывается меньше обычно используемого числа жертв Холокоста: для них важно, чтобы число жертв Голодомора превышало шесть миллионов. Я также активно разоблачал этот вид «состязательной виктимологии» — то есть состязания в числе жертв, — используемой для оправдания преступлений радикальных украинских националистов во время Второй мировой войны.

Мой интерес к этому голоду связан с моими работами, посвященными другой болезненной проблеме в истории Украины, второй по значению теме моих выступлений и споров — теме Холокоста. Когда я изучаю этот голод — а эта тематика стала интересовать меня в связи с Холокостом, — я часто делаю это с позиций исследования геноцида, сопоставимого по масштабам с Голодомором. Главной точкой раздора между сторонниками национального мифа и мною является ответ на вопрос, принимали ли Организация украинских националистов (ОУН) и ее вооруженные силы, Украинская повстанческая армия (УПА), участие в Холокосте. Они полностью отрицают это. Но мои исследования показывают, что их участие было существенным.

Летом 1941 г., когда немцы вторглись в Украину, боевики, связанные с ОУН, организовали несколько массовых погромов еврейского населения, в частности во Львове. Они арестовывали и избивали евреев, насиловали еврейских женщин и сгоняли евреев к немцам на расстрел. Во многих других местах в Галиции и на Волыни они не проводили погромы как публичные мероприятия, но арестовывали евреев (а иногда также коммунистов и поляков) и либо расстреливали их сами, либо передавали их для расстрела немецким или румынским властям. Всего на этом этапе ОУН участвовала в убийствах десятков тысяч евреев.

После того как эта волна массового насилия утихла и немцы приступили к более систематической ликвидации еврейского населения, ОУН направила многих своих членов на службу к немцам — в украинскую вспомогательную полицию или в охранные батальоны «шума» (*Schutzmannschaften*)³. ОУН сделала это не для того, чтобы убивать евреев — у них были иные цели, — но тем не менее эта украинская полиция стала важным орудием «окончательного решения [еврейского вопроса]» в Украине и в Белоруссии, особенно когда ОУНовцы сгоняли евреев в места массового уничтожения. В результате члены ОУН фактически стали соучастниками сотен тысяч убийств.

Позже, весной 1943 г., тысячи этих украинских полицейских, забрав с собой оружие, оставили свои посты и сформировали ядро УПА под руководством ОУН. Подготовка к этому была одной из главных причин, по которой ОУН послала своих людей в полицию. УПА начала массовые этнические чистки против польского населения Волыни, а затем и Галиции, в ходе которых, возможно, погибли сотни тысяч поляков (убийства поляков хорошо документированы, но распространители национальных мифов преуменьшают имеющиеся цифры). Убивая поляков, солдаты УПА также убивали всех выживших евреев, которые им попадались. Когда зимой 1944 г. Красная армия подходила к Волыни, УПА и отдельные силы

безопасности ОУН уговаривали евреев выходить из укрытий в лесах, направляли их в трудовые лагеря, а затем систематически убивали. В целом число евреев, убитых УПА, измеряется, по меньшей мере, тысячами. Миф утверждает, что евреи служили в УПА врачами и, следовательно, УПА спасала, а не убивала евреев. Защитники этой мифологизированной истории часто распространяют сфабрикованные воспоминания никогда не существовавшей женщины-еврейки, служившей в УПА.

Когда я только начал заниматься проблемой Холокоста, я не знал ничего из того, о чем только что рассказал. И только в ходе интенсивных исследований, проведенных в период с августа 2008 г. по май 2010 г., я смог оценить масштабы участия ОУН—УПА в Холокосте. Особенно важной в этом плане стала осень 2009 г., когда я три месяца стажировался в Мемориальном музее Холокоста в США.

Говоря о концепциях, которые я критикую, поскольку считаю их мифологизированными, я необязательно претендую на знание истины. Организовывала ли ОУН погромы и сколько людей погибло от голода — ответы на эти вопросы определяются фактами; но вот был ли голод геноцидом — зависит от интерпретации, подобно тому, как вопрос о том, нужна ли кампания за признание этого голода геноцидом, это в большой мере вопрос политики и морали.

Один из моих критиков из лагеря мифологизаторов проделал большую работу и составил сводку наших разногласий. Этот автор, пишущий под псевдонимом, представил небольшой фрагмент своей работы на форуме издания *Українська правда*⁴ под названием «Канадский украинофоб, фальсификатор истории Джон-Пол Химка»:

«Основные тезисы этого “историка”, который мечтает о славе украинофоба Виктора Полищука⁵, таковы:

— Голодомор 1931—1932 гг. в Украине был следствием сельскохозяйственного эксперимента, а не спланированного геноцида или просто преступления советской власти против украинской нации;

— украинская милиция, созданная ОУН, принимала участие в массовых погромах еврейского населения, ОУН—УПА убивала поляков, украинский национализм — это фашизм и т.д.»⁶.

Моя позиция в отношении голода представлена им неправильно, но, будучи одним из мифологизаторов, он приписывает мне именно эту трактовку.

Мотивы вмешательства

Мое решение активно заняться этими вопросами лишь в малой степени стало просто результатом моего исторического образования. Я всегда обдумываю интересные проекты, над которыми хочу работать в дальнейшем. Еще только приступая к написанию работы об украинских националистах и Холокосте, я думал над тем, что буду делать после этого. О работе над темой Холокоста в Украине я думал еще в середине 1990-х гг., после того, как закончил три монографии по истории Галиции в XIX в., но вместо этого я начал работать над книгой о Страшном суде в украинской культуре. Когда я отказался от темы Холокоста в середине 1990-х гг., я думал, что она несложная и не особенно важная (с тех пор мои взгляды, конечно, изменились). Но раз уж она была выбрана, она проходила через обычные дисциплинарные процедуры, которые включают в себя исследование первичных источников и переосмысление фактов и концепций с учетом существующих исследований. В украинском контексте меня поразило то, с чем я никогда не сталкивался раньше в своей профессиональной карьере, а именно огромная пропасть между тем, что сообщали мне источники, и господствующими мнениями. Я был также поражен полным отсутствием публикаций по данной теме в рамках украинских исследований. По ходу работы я все больше и больше убеждался в том, что настал момент, когда ревизиони-

стский подход становится не только приемлемым, но и обязательным.

В процессе работы я публиковал отрывки из своего исследования и вскоре стал объектом критики и даже шельмования. Обескураженный, я вновь и вновь возвращался умом все к той же основной идее: правда представляет ценность сама по себе. Независимо от того, во что мы хотели бы верить в отношении того или иного предмета, мы обязаны раскрывать правду. Я мог бы сформулировать этот пункт и по-другому. Возможно, следуя Пьеру Нора и Тони Джадту, я мог бы написать о том, как история оказывается важным «противоядием» для памяти. Но я буду придерживаться идеи стремления к правде. В ходе всех дискуссий, в которых я участвовал, я не переставал удивляться тому, как мало людей в этом заинтересованы. Мои аргументы отвергаются с ходу, без серьезного и честного оспаривания их самих или источников, на которые они опираются. И в спорах мои оппоненты, как мне кажется, стремятся скорее защитить определенную позицию, нежели выяснить, что происходило на самом деле, как это должны были бы делать историки. Когда в 2008 г. я всерьез занялся этим проектом, я понятия не имел о действиях боевиков ОУН летом 1941 г.; я сомневался в том, что УПА убивала евреев, или думал, что она делала это лишь в исключительных случаях⁷. Делая свои открытия, я испытывал весьма противоречивые чувства. Конечно, мне не нравилось то, что я узнавал. С другой стороны, я испытывал удовлетворение, которое испытывает профессиональный историк при решении сложной проблемы.

Но на самом деле мой интерес к исследованиям того, что происходило в действительности, был спровоцирован моей перепиской с моим дорогим другом, уже покойным Янушем Радзейовским⁸. В 1988 г. у нас был заочный спор по поводу УПА. В то время мой интерес исследователя был сосредоточен на XIX в., а в отношении XX в. я просто принимал основные взгляды, преобладающие в моей среде. Тогда этой средой были украинско-канадские антисоветские левые, связанные с журна-

лом *Dialob* (его девиз — «за социализм и демократию в независимой Украине»). Наша позиция состояла в том, что УПА начала как узконационалистическая сила, но в результате контактов с украинскими массами очень быстро превратилась в демократическую и народно-освободительную армию. Мы считали убийства поляков (которые мы, конечно, осуждали) отклонениями и следствием того, что фактически конфликт был взаимным, а не односторонним. Мне больно вспоминать, какими мы были догматиками, но именно так все и было. Со своей стороны, я искренне считал, что для евреев было большой трагедией то, что УПА стала грозной боевой силой так поздно, в середине 1943 г.: к тому времени почти все евреи в Украине уже были убиты. Если бы УПА появилась раньше, думаю, она спасла бы евреев. Как я уже сказал, сейчас мне больно вспоминать об этих мыслях. И именно Радзейовский обратил мое внимание на все эти проблемы. Хотя в ответ я выдвигал свои — жалкие — контраргументы, я все-таки решил, что нужно исследовать этот вопрос самому. В середине 1980-х гг. мое любопытство заметно усилилось: это было время, когда украинцы в Северной Америке парировали обвинения в адрес военных преступников в своей среде (время суда над Джоном Демьянюком и работы комиссии Дешена)⁹. Я не принимал участия в этих спорах, хотя и знал о них. Но после обмена мнениями с Радзейовским я провел самостоятельное исследование. Почти сразу после этого я начал изучать эту проблему по архивам моего покойного тестя, который редактировал украинскую газету во время немецкой оккупации. Позже, в 1995 г., я работал в центре Яд Вашем в Иерусалиме и в Институте еврейских исследований (YIVO) в Нью-Йорке. У меня еще не было тех знаний, которые я приобрел в 2008—2010 гг., но я безусловно отказался от взглядов, которых еще так недавно придерживался. Важную роль в развитии моих взглядов сыграло также прочтение и анализ новаторской монографии Дитера Поля о Холокосте в Галиции¹⁰.

Мой интерес к этой теме, представляющей серьезную интеллектуальную проблему, усугубляла еще и радикальная поля-

ризация памяти между украинцами и евреями. Почему их мнения о том, что тогда происходило, так резко различаются? Заявления одних о своей полной невинности — и глубокая обида других на участие противной стороны в убийствах. Действительно, некоторые евреи считали, что украинцы были просто «хуже всех»¹¹. Это было для меня загадкой, и я чувствовал, что в конечном счете должен докопаться до ее сути¹². Это разжигало мое любопытство и стимулировало мои поиски — я хотел выяснить, как все происходило на самом деле, и, таким образом, понять причины этих противоречий.

Мои исследования и размышления пробудили интерес и к моральному аспекту этой темы, которому я не уделял особого внимания в своих предыдущих исследованиях. В 2003 г. я написал небольшую работу, в которой поднял вопрос о том, почему тема убийств поляков членами УПА и надежно документированной роли украинской полиции в Холокосте в устах украинской диаспоры звучит так безмятежно. И почему упоминания о ней так немногословны?¹³ Мне такое равнодушие казалось неправильным. Работы Омера Бартова¹⁴, а также (и в особенности) мощно написанная работа Софии Грачевой в «Критике»¹⁵, которая претендует на звание украинского эквивалента *New York Review of Books*, привлекли мое внимание к тому, что происходило в Украине и — применительно к рассматриваемой теме — в диаспоре: с одной стороны, прославление ОУН и УПА, а с другой — замалчивание судьбы украинских евреев в период Холокоста. Это тоже казалось мне совершенно неправильным. Но моя моральная позиция обрела определенность в начале 2008 г. после знакомства с произведением Евы Хоффман *After Such Knowledge*¹⁶. Эта книга внесла достаточную ясность в мои мысли, чтобы я смог точно сформулировать свою позицию: преступления, совершенные украинскими националистами против евреев и поляков во время Второй мировой войны, были ужасными. Этого никак не исправишь, и все, что теперь в этом плане могут сделать украинцы, это признать, что они были совершены, и сожалеть об этом. Этого

недостаточно, но вместе с тем это все, что возможно. И уж конечно, они не должны прославлять тех, кто совершил эти преступления. Моральный заряд, содержащийся в моих высказываниях, раздражал моих украинских коллег-исследователей, поддерживающих националистическую мифологию¹⁷.

Другим важным стимулом для моей деятельности стала радикальная историческая политика (*Geschichtspolitik*) президента Ющенко. В июне 2007 г. он официально отметил столетие со дня рождения командира УПА Романа Шухевича. Вскоре после этого украинская почта выпустила марку в честь Шухевича с эмблемами ООН и УПА. Затем Ющенко посмертно присвоил Шухевичу звание Героя Украины. Параллельно с прославлением Шухевича, Ющенко способствовал формированию культа Ярослава Стецько, который возглавлял недолговечное и жестокое украинское правительство, провозглашенное летом 1941 г.¹⁸. А незадолго до окончания своего президентства в начале 2010 г. Ющенко присвоил звание Героя Украины (посмертно) и Степану Бандере, руководителю радикального крыла ООН, которое было главным участником Холокоста с украинской стороны и главным исполнителем этнических чисток. Несколько дней спустя он призвал муниципалитеты называть школы, улицы и площади Украины именами героев ООН—УПА. Почти сразу после этого Конгресс украинцев Канады (*UCC*) обратился к правительству Канады с призывом признать ветеранов ООН—УПА участниками сопротивления во время Второй мировой войны и назначить им пенсии, полагающиеся ветеранам. В эти же годы Виктор Ющенко проводил свою кампанию, направленную на то, чтобы все страны признали голод 1932—1933 гг. геноцидом, — одновременно замалчивая историю другого геноцида, Холокоста. Для внедрения своей историко-политической программы он использовал Службу безопасности Украины (СБУ). СБУ подготовила две фальшивки, одна из которых обеляла историю ООН в отношении погромов, а другая непомерно раздувала ответственность евреев за Голодомор¹⁹. Кое-кто высказывался по этому поводу, и я почув-

ствовал, что пора сделать то же самое. Наиболее горячие споры начались после того, как Ющенко сделал Бандеру Героем Украины, а Конгресс украинцев Канады всерьез попытался сделать ООН—УПА основой идентификации украинцев в Канаде. В свете этих событий я и некоторые мои ближайшие коллеги из Университета Альберты Дэвид Марплс и Пер Андерс Радлинг начали громко заявлять о своем протесте.

Последний мотив, который я упомяну, также связан с Ющенко и его исторической политикой. В Украине существуют две разных памяти и в отношении Голодомора, и в отношении ООН—УПА. Коротко говоря, для Западной Украины в центре героической истории Второй мировой войны находятся ООН и УПА, а для Востока и Юга Украины — Красная армия. Западная Украина также в большей мере, чем остальная часть страны, убеждена, что голод 1932—1933 гг. был геноцидом (хотя сама Западная Украина в то время не входила в состав Советского Союза). Первый президент Украины Леонид Кравчук (1991—1994 гг.) ловко лавировал, не поддерживая, но и не отвергая ни ту ни другую региональную точку зрения, а его преемник Леонид Кучма (1994—2005 гг.) иногда противопоставлял один проект идентичности другому. Но президент Ющенко полностью принял идентификацию, которую один из моих коллег обозначил как «ООН—УПА—Голодомор», и энергично навязывал ее украинской общественности. На президентских выборах 2010 г. он потерпел жестокое поражение, и на его место пришел Виктор Янукович, придерживающийся противоположной точки зрения. Правительство Януковича преуменьшает масштабы Голодомора (сейчас он классифицируется как трагедия, но не как геноцид) и жестко критикует ООН и УПА. На мой взгляд, этот исторический и идентификационный антагонизм очень опасен для Украины. Для политиков возможность мобилизации населения с помощью исторических символов представляет слишком большой соблазн, и они все глубже вбивают клин между регионами и еще больше поляризуют позиции. Обеспечить людей символами всегда

легче, нежели достойной медицинской помощью или доступным жильем. Я считаю, что разрушение исторической мифологии в обоих лагерях было бы не только полезным упражнением, но также и необходимым лекарством для украинского политического контекста.

Стратегии

Я осуществлял свои дружественные вмешательства в академической форме (монографии, статьи в научных журналах, рецензии на книги, презентации на конференциях) и в виде публичной интеллектуальной деятельности (авторские колонки в прессе, письма в редакцию, открытые письма). Здесь я попробую оценить некоторые плюсы и минусы этих жанров. Начнем с научных форм. Во-первых, они реализуются очень медленно. На проведение исследования и написание монографии, по крайней мере в моем случае, уходит слишком много времени. Я приступил к серьезным научным изысканиям для своей первой книги в 1974 г., а мой последний на данный момент труд был издан в 2009 г., так что на написание четырех монографий у меня ушло тридцать пять лет. Но не только подготовка материалов, но и сам процесс научной публикации идет медленно. Я написал большую статью о Холокосте еще в 2004 г., и на момент публикации данного материала она еще не вышла в свет, хотя принята к печати уже давным-давно. Чтобы как-то решить эту проблему, я стал распространять некоторые свои тексты в электронном виде.

Другая серьезная проблема с научными формами — очень небольшой круг читателей. Трудно рассчитывать даже незначительно изменить общественное мнение, если, придерживаясь старомодных академических канонов, написать статью в двадцать пять страниц со сносками и опубликовать ее в профессиональном журнале, который приобретают, главным образом, крупные научные библиотеки. Однако если тема пред-

ставляет интерес для широкой аудитории, научные статьи в виде PDF-файлов можно распространять более широко.

Третьей проблемой является то, что для усвоения информации в научных формах необходимы усилия и время. Современный читатель предпочитает короткие и простые тексты, и газетная колонка представляется идеальной — и по размеру, и по интеллектуальному уровню.

В эффективности рассылки коротких сообщений через Интернет я убедился в 2004 г., накануне «оранжевой революции» в Украине. Я отреагировал на то, что сам считал истерической, а иногда и ксенофобской риторикой со стороны приверженцев Ющенко, тогда еще кандидата в президенты, и разослал по различным спискам рассылки и многим коллегам текст объемом 1 100 слов, выражавший мнение, отличающееся от господствующего²⁰. Вскоре его прочли все, кого я знаю, и многие незнакомые мне люди, как в Украине, так и в зарубежной диаспоре, к которой на самом деле и был обращен мой текст. Распространение открытых писем по электронной почте и через Интернет оказалось чрезвычайно эффективным способом общения с большой аудиторией без больших задержек во времени. Никакой обычный научный форум не позволил бы сделать то, что позволяет сделать короткий текст, запущенный в Интернет. Усвоив этот урок, я смог аналогичным образом вмешаться, когда режиссер из диаспоры сделал оскорбительный фильм о Голодоморе²¹, когда СБУ Ющенко обманывала общественность в отношении ОУН и погромов²² и в особенности когда Ющенко превратил Бандеру и бойцов ОУН—УПА в героев, а Конгресс украинцев Канады одобрил это от имени сообщества, членом которого я себя считаю²³.

Но у быстрых, мгновенных реакций есть и свои недостатки. Первый из них состоит в том, что они недостаточно точны. Например, в одном послании я случайно назвал Тараса Бульбу-Боровца основателем ОУН, хотя я прекрасно знаю, что он им не был; на самом деле я хотел написать, что он был основателем УПА. Один из моих критиков из лагеря националистов,

бывший президент Всемирного конгресса украинцев Аскольд Лозинский, поймал меня на этом и обвинил в научной некомпетентности²⁴. Я ответил ему мгновенно, признав свою ошибку и заметив, что в своем ответе мне он спутал Михайло Колодзинского как личность с отрядом УПА, названным его именем²⁵. В этом ответе (я заметил это слишком поздно) у меня была не совсем правильно описана одна фотография, но Лозинский этого не заметил. Однако он ответил мне еще раз, и опять ошибся, на этот раз отнеся погром во Львове к 1942 г., а не к 1941 г.²⁶ Я сравнил эту быструю переписку (с то и дело возникающими ошибками) с медленным обменом сообщениями в формах, принятых в научных кругах. Статья, которую я не смог опубликовать с 2004 г., переписывалась три или четыре раза и много раз бегло просматривалась. Моя последняя монография продвигалась от проекта к публикации в течение трех лет. За это время мне пришлось дважды отвечать на замечания очень внимательных редакторов. Мне было неприятно, что появление моей книги задерживается, но я должен признать, что в итоге она стала намного лучше.

Быстрый, а тем более мгновенный обмен имеет свои минусы также и потому, что история — сложная наука и краткий текст часто оказывается чересчур упрощенным. Короткие тексты хороши, когда нужно нарушить плавное течение пространственных нарративов и мифов, но они годятся не для всякого уровня сложности, и не всегда в рамках такого жанра можно сформулировать убедительные аргументы. Чем-то всегда приходится жертвовать. В статье о погроме во Львове, которую я опубликовал в виде авторской колонки в *Kyiv Post*²⁷, я указал выбранные из моей книги, которую я тогда писал, основные источники, которые документально подтверждали роль членов милиции ОУН в актах насилия. Я мог продемонстрировать разнообразие источников и объяснить, что именно из них следует, но я не мог, учитывая используемый жанр, представлять архивные или библиографические ссылки и объяснять, как оценивается достоверность и полезность разных видов источников. С полной аргументацией можно будет ознако-

миться в книге, которая в конечном итоге все-таки выйдет. Кроме того, мгновенный обмен короткими сообщениями имеет еще один недостаток: он слишком обостряет споры, что может препятствовать вдумчивой работе.

Мой бывший аспирант Гжегож Россолинский-Либе утверждал, что было преждевременно вступать в полемику с националистическими мифами. Во-первых, говорил он, мы должны опубликовать все наши научные выводы. Я согласен, что это было бы идеально, хотя я опубликовал несколько научных исследований²⁸, и другие ученые уже тоже приходят к выводам, очень похожим на мои²⁹. Если мы перестанем оспаривать мифотворчество (героизацию Шухевича, Стецько, Бандеры и ОУН президентом Ющенко, воспроизводимую Конгрессом украинцев Канады; распространение оценки голода как геноцида; фальсифицированное представление евреев как преступников, а ОУН—УПА в качестве невинных), то националистические точки зрения, уже преобладающие в зарубежной диаспоре, в украинском научном сообществе и в Западной Украине, еще больше укрепятся, и их будет еще труднее выбить из сознания. Я уверен, что ни одно доказательство не сможет переубедить по-настоящему убежденных националистов. Но мне казалось, что абсолютно необходимо представить другую точку зрения, создать пространство и возможности для интеллектуального разномыслия, для чего как раз подходит жанр коротких текстов в Интернете.

Вопрос, который возникает прежде всего в связи с короткими, не строго научными дискуссиями, это их тональность. В своей научной работе я стараюсь избегать обилия терминов и эмоциональных всплесков и стремлюсь выражать свои мысли простым и понятным языком. В публикациях, которые предназначены для воздействия на общественное мнение, я использую менее нейтральный язык, но все же стремлюсь к сдержанности³⁰. А когда я отвечаю на сообщения, я обычно не очень заинтересован в том, чтобы показать, что мой оппонент не прав, напротив, я пытаюсь использовать возможность обратиться к общественности и объяснить, что я имею в виду.

С наибольшим успехом мне удалось реализовать этот идеал, отвечая на одну из нападок Лозинского в мой адрес. В своей филиппике он назвал меня «пресловутым апологетом Советов» и «клеветником Украины», а мою работу «якобы научной, которая в действительности вовсе не научная»³¹. Я воспользовался предлогом защиты своей работы, чтобы представить больше доказательств военных преступлений ОУН—УПА. Затем я перешел к утверждению, что украинская традиция не сводится к этим националистам, что в ней есть кое-что получше. Настало время, написал я, переосмыслить то, что следует считать украинской идентичностью. Непосредственной полемики с гном Лозинским во всем этом было немного³².

Хотя один из моих курсов стал предметом довольно интенсивных споров³³, я никогда не считал университетские аудитории подходящим местом для пропаганды тех или иных идей. Я вел целый ряд семинаров для студентов и аспирантов по проблемам Холокоста и провел один семинар по голоду 1932—1933 гг. Я использую эти возможности, чтобы самому глубже изучить указанные темы в ходе коллективных чтений и обсуждений. Когда вопрос спорный, я пытаюсь найти лучшие изложения разных точек зрения. Например, на своем семинаре, посвященном голоду, я представил работы, которые я считаю соответственно самым разумным обоснованием геноцида (Андреа Грациози), самым лучшим обоснованием голода как результата коллективизации (Ричард У. Дэвис и Стивен Уиткрофт) и самой жесткой критикой действий сталинского режима в Украине (Роберт Конквест). Студенты должны ознакомиться с различными мнениями, а затем самостоятельно, для себя самих разобраться в обсуждаемых вопросах. Девиз нашего университета — *Quaecumque vera*, «только то, что истинно». Я полностью подписываюсь под этим. Университетские аудитории предназначены для вдумчивого анализа и интеллектуальной работы, а не для индоктринации.

В связи с этими моими выступлениями возникло несколько вопросов относительно того, что можно назвать моей «локализацией». Начнем с того, например, что я твердо убежден:

мне не следует пытаться вмешиваться в ситуацию в самой Украине, это не мое место. Я полагал, что должен ограничиваться комментариями для диаспоры, так как именно здесь я нахожусь. В этом добровольном ограничении можно выделить несколько аспектов, но позже я понял, что такую позицию нельзя было сохранить³⁴. Многое из того, что я писал в диаспоре, было прочитано в Украине, а работы, которые я опубликовал в Украине и даже на украинском языке, читали и в диаспоре. Я не вполне отдавал себе отчет, до какой степени наша эпоха транснациональна. Другой вопрос, связанный с локализацией: я — украинец? Гжегож Россолинский-Либе, тоже демифологизатор, критиковал меня за эту самоидентификацию. Я полагаю, что его возражения проистекают из того, что он вообще не считает, что этническая и национальная идентичность играют важную роль. Но я не согласен с ним по двум причинам. Во-первых, локализация личности порождает некоторые различия в типе демифологизации, в которой я участвую: в частности, кого я критикую, *нас* или *их*? Если я сам нахожусь «снаружи», от меня легче отмахнуться, чем если бы я находился «внутри». Например, я показываю, что необязательно отождествлять себя с ОУН—УПА, чтобы идентифицировать себя (и быть идентифицируемым другими) в качестве украинца. Я должен признаться, что иногда я колебался в этом пункте: я был настолько подавлен доминированием националистического дискурса, что иной раз задавался вопросом: а что вообще объединяет меня с этими людьми? 29 апреля 2010 г. я писал своему близкому другу Алану Рутковскому: «Я полагаю, мне пора прекратить свой крестовый поход. Но он ведь был не против ОУН—УПА как таковой, а против того, чтобы ОУН—УПА становилась главным пунктом идентификации украинцев. Я думаю, что проиграл эту битву. Сегодня быть “украинцем” означает принять их наследие».

Вторая причина, почему я считаю себя украинцем, состоит в том, что я — по темноте своей — чувствую себя украинцем во всех смыслах. Я более сорока лет занимаюсь украинской историей, до этого я учился, готовясь стать украинским священни-

ком, мы с женой приучили наших детей говорить на украинском языке, я хожу в Украинскую православную церковь, я бываю в Украине, и у меня там близкие друзья и родственники; я люблю есть украинскую еду и пить горилку; люблю украинскую музыку самых разных направлений (впрочем, не только украинскую), я питаю глубокий интерес к украинскому религиозному искусству. Так почему же мне не считать себя украинцем? (И тут я слышу хор моих критиков: «Потому что ты предатель!»³⁵)

И последний момент, который я хотел бы отметить, говоря о стратегии: иногда мне предлагают помочь путем участия в дискуссии, но я не поощряю такие намерения. На самом деле весьма редко кто-то поддерживает меня в публичных дискуссиях, а не просто в частной переписке по электронной почте. Отчасти потому что я могу спорить, находясь в выгодной позиции человека, хорошо разбирающегося в документации и историографии (а это мало кому доступно). Возможно, мне стоило бы призвать своих сторонников занять более активную гражданскую позицию, хотя бы только по вопросу о праве на свободу исследований и свободу дискуссии и об их значении. Поскольку мой голос практически одинок, оппозиции легче опровергнуть мои доводы, просто подвергая меня остракизму и поношению. Возможно, несколько более широкое движение было бы более эффективным. Может быть, мне следовало бы организовать скоординированную кампанию, но каждый из нас ограничен характером собственной личности и своими возможностями.

Издержки и преодоление

Я не воинственный человек и не люблю конфликты. Мне всегда было эмоционально трудно находиться в центре скандала. Это создает трения в семье и разрушает старую дружбу. Когда я приступал к более интенсивным исследованиям в об-

ласти Холокоста, я знал, что это выйдет мне боком. Я понимал и то, насколько тяжелый материал мне предстоит проработать. В процессе изучения источников, в частности показаний очевидцев, меня часто посещали кошмары. Я ожидал, что будут проблемы в отношениях с некоторыми националистами, но вовсе не был готов к тому, что именно националистическое мировоззрение будет господствовать в правительстве Ющенко, в североамериканской диаспоре и в организованном сообществе историков Украины. Я не был готов к такой бурной реакции на мои исследования и выступления. Мне казалось, что я принадлежу к сообществу другого типа. В общем, я не собираюсь перечислять здесь все. Вместо этого я воспользуюсь двумя примерами, чтобы показать, с каким противодействием приходится сталкиваться мне и другим людям, которые решают заняться демифологизацией.

Сначала я расскажу о деятельности Конгресса украинцев Канады. Эта организация с самого начала резко выступала против любого пересмотра концепции ОУН—УПА—Голодомора в украинской истории. После того как Мирна Косташ опубликовала в *Literary Review of Canada* статью о моем семинаре, посвященном голоду 1932—1933 гг., президент Конгресса украинцев Канады Пол Грод написал письмо, в котором он защищал ортодоксальную концепцию геноцида и выступил против «обывательских измышлений... современных отрицателей Голодомора и их пособников, которых цитирует Косташ и которых одобрительно представляет Джон-Пол Химка»³⁶. 1 февраля 2010 г. Конгресс украинцев Канады призвал правительство Канады внести изменения в канадский закон о пособиях ветеранам войны, распространив его действие на особые группы сопротивления, такие как ОУН—УПА³⁷. Этот призыв, ставший прямым результатом решения Ющенко о присвоении звания героя Бандере, побудил небольшую группу наших сторонников выступить с протестом в нашей местной газете *Edmonton Journal*. Дэвид Марплс опубликовал авторскую колонку по поводу посмертной героизации Бандеры, в которой, в частности,

написал, что «члены ОУН-Б [т.е. фракции ОУН во главе с Бандерой] стояли во главе погромов во Львове летом 1941 г.». Редактор полосы снабдил статью Дэвида заголовком «Герой Украины причастен к убийствам евреев»³⁸. Среди многих откликов на нее, поступивших от украинской общины, было и письмо от президента местного отделения Конгресса украинцев Канады. Она писала, что в ее офис звонили «уважаемые в Альберте люди, которые подвергаются преследованиям на работе из-за неточного, неуместного и сенсационного заголовка и самой статьи». Она отрицала причастность Бандеры и ОУН к Холокосту³⁹. Такой публичный обмен мнениями достаточно честен, и я был бы рад, если бы такое происходило чаще.

Однако почти сразу после этого Конгресс украинцев Канады решил ответить и по-другому. Он организовал серию телеконференций, начавшуюся 8 марта 2010 г.⁴⁰; ее участниками были, в частности, члены целевой группы Конгресса украинцев Канады по «разработке стратегии сообщества в отношении недавних нападков на освободительное движение в Украине». Среди прочего, участники этой конференции предложили «организовать встречу с редколлегией *Edmonton Journal*» и «оказать давление на североамериканские академические учреждения, получающие деньги от [украинской] общины (Гарвард [Украинский научно-исследовательский институт], *CIUS* [Канадский институт украинских исследований], кафедра Украинских исследований [в Университете Оттавы])»⁴¹. Но еще до этих телеконференций под давлением общины *Edmonton Journal* решила больше не поднимать эту тему. Мы с Пером Радлингом написали наш собственный комментарий по поводу рекомендации Конгресса украинцев Канады распространить льготы канадских ветеранов на членов ОУН—УПА, и он был принят газетой. Предполагалось, что он будет опубликован вскоре после статьи Дэвида Марплса. Но вместо этого он был отвергнут. 19 февраля редактор полосы Дэвид Эванс написал Радлингу: «Сегодня утром я говорил с Джоном-Полом Химкой и сказал ему, что я склонен выждать, пока немного утихнут

страсти. Мы получили ваши письма в эти выходные⁴², и, судя по реакции [на статью Марплса], появление вашего комментария может еще больше усугубить ситуацию. Я знаю, что в украинском сообществе в Канаде уже имеют место серьезные споры о Бандере и противоречащих друг другу версиях истории того периода, и мне кажется, что надо посмотреть, как это будет развиваться. Надеюсь на Ваше понимание...⁴³ я дам вам знать, как только мой взгляд на это изменится». Стоит ли говорить, что этот момент так и не наступил.

Я не знаю, действовал ли Конгресс украинцев Канады на основании предложений, сформулированных в ходе телеконференций, и я не могу приписывать Конгрессу украинцев Канады давление на все академические учреждения. Я не знаю, имел ли Конгресс украинцев Канады какое-нибудь отношение к письму из Учебного фонда Петра Яцыка декану факультета искусств, где я преподаю. Я никогда не видел этого письма, видел только ответ на него от имени моего декана⁴⁴. Фонд Яцыка, многомиллионный донор Канадского института украинских исследований (*CIUS*), в основном его филиала в Торонто, выражал свое недовольство моим спором с директором *CIUS* Зеноном Когутом. Заместитель декана позвонил и попросил меня «не накалять обстановку». Я не могу противостоять националистическому сообществу, мобилизовавшему против меня свои финансовые и людские ресурсы. Оно избегает открытых дискуссий, в которых стороны будут находиться в равном положении, оно не желает вернуться лицом к проблемам, полагаясь вместо этого на свое закулисное влияние и клевету⁴⁵. СМИ, издаваемые диаспорой, как печатные, так и в Интернете, в настоящее время для меня фактически закрыты.

Использование таких методов лицами и организациями, которые считают себя наследниками ОУН и УПА, не вызывает удивления. Гораздо больше удивило — и разочаровало — меня поведение некоторых моих коллег по украинским исследованиям, которые, как я полагал, разделяют со мной приверженность свободному знанию. Здесь я ограничусь лишь описани-

ем случая, самого для меня болезненного, касающегося *CIUS*. Я руководил в *CIUS* программой исследований (по проблемам религии и культуры), как и Дэвид Марплс (программа Стасюка по изучению современной Украины). У нас с Дэвидом мало-бюджетные программы, мы не получаем зарплаты от института, у нас нет никаких полномочий, касающихся принятия решений за пределами наших собственных программ. Руководство *CIUS* состоит из трех лиц: это директор Зенон Когут, директор Центра украинских исторических исследований Петра Яцька (в составе *CIUS*) Фрэнк Сысын и заместитель директора *CIUS* Богдан Клид. Ярс Балан, который также будет упомянут ниже, является административным координатором Центра украинско-канадских исследований Куле в *CIUS*.

После того как Мирна Костащ опубликовала в *Literary Review of Canada* свой отчет о моем семинаре по голоду, Ярс Балан довольно подробно ответил ей в эдмонтонской газете *Ukrainian News*. Его отповедь была адресована в основном Костащ, и риторика не отличалась изяществом. Сталин, писал он, «точно знал, что делал, когда использовал голод — очередное орудие в арсенале, который он применял в многоплановой кампании геноцида. Утверждать иное значит игнорировать огромное число известных фактов из истории СССР и играть на руку апологетам неосоветизма, который процветает в России Путина и, очевидно, находит союзников среди доверчивых левых на Западе»⁴⁶. Несколько недель спустя, после того как я ответил Балану, к спору в *Ukrainian News* присоединился Богдан Клид, обратившийся на этот раз прямо ко мне. Он заявил, что я демонстрирую «большую терпимость по отношению к советскому государству и его руководителям». Позже он извинился за то, что ошибочно написал, что я никогда не упоминал о действиях сталинского режима как о «преступлениях». Однако главной причиной моего несогласия с этой публикацией было то, что он представил искаженную версию моей аргументации. Клид обвинил меня в «принижении значимости голода», заявив, что я оцениваю его как трагедию типа недавнего гаи-

тянского землетрясения. Читателям, очевидно, оставалось лишь думать, что я считаю этот голод стихийным бедствием, а не преступным актом советского руководства. Зенон Когут тоже ответил на статью Костащ, снова утверждая, что это был геноцид. Его ответ появился в *Literary Review of Canada* с его подписью «директора Канадского института украинских исследований». Поскольку его ответ появился сразу после письма Пола Грода, который подписался «президент Конгресса украинцев Канады», это было очень похоже на официальный ответ. Сразу после того, как Дэвид Марплс опубликовал свою статью о Бандере в *Edmonton Journal*, Когут написал в редакцию письмо за своей директорской подписью, в котором он полностью отрицал причастность Бандеры к погрому во Львове («Бандера в то время не был в Украине») и опровергал утверждение Марплса, что ОУН была типично фашистской организацией.

В этих откликах из *CIUS* меня задело несколько вещей. Во-первых, у меня возникло сильное впечатление, что в настоящее время Институт взял на себя роль надзирателя за «раскольническими» взглядами на историю Украины в XX столетии. Никто из тех, кто ответил Костащ, Марплсу или мне, не является специалистом в этой области. Когут — прекрасный историк, специалист по истории Украины XVII—XVIII вв.; Клид написал диссертацию по украинской интеллектуальной истории XIX в., а затем перешел к изучению украинского хип-хопа; Балан — специалист по украинцам, живущим в Канаде. Насколько мне известно, никто из них не вел курс на университетском уровне ни по голоду, ни по Холокосту и не публиковал научных статей по этим темам. Что побудило их занять такую жесткую позицию? Ясно, что они верят мифологизированной истории. *CIUS* отводит главное место в своих ежегодных лекциях памяти Шевченко, а в ряде семинаров немало времени отведено ведущим сторонникам линии ОУН—УПА—Голодомора: Петру Потичному, Миколе Рябчуку и Роману Сербину. Критические мнения полностью отсутствуют, по крайней мере, по двум на-

шим важнейшим темам — Голодомору и Холокосту. Складывается впечатление, что мои оппоненты не считают, что миссией *CIUS* должно быть повышение уровня украинской дискуссии. В их представлении он, по-видимому, должен стоять на страже ортодоксальных представлений украинского сообщества. Я остаюсь на своей позиции, сформулированной в моем ответе Когуту на его публикацию в *Literary Review of Canada*: «Будет лучше, если ученые и интеллектуалы будут ставить под сомнение националистическую мифологию и тем усложнять задачу ее приверженцев, а не становиться под их знамена»⁴⁷.

В то же время я хотел бы отметить, что те, кто так резко ринулся в бой, ощутив угрозу для мифов, никак не среагировали на бесчисленные антисемитские интерпретации украинской истории XX в., которые звучали в ходе последующих обсуждений. Например, Аскольд Лозинский в статье, которая появилась в *Kyiv Post* и широко распространялась по разным электронным каналам диаспоры и содержала осуждение наших с Марплсом взглядов на ОУН—УПА и Холокост, пишет: «И даже те лица, которые сами на протяжении многих лет были лицами без гражданства и часто угнетенными, продолжают искать новых демонов, чтобы избежать ответственности за не столь уж безупречное прошлое и сохранить огонь памяти для своих собственных — еврейских — трагедий»⁴⁸. И далее: «Хотя есть расхождения в отношении трактовки того, что случилось во Львове, и личностей виновных, не вызывает сомнений, что Советы оставили после себя кровавую картину — тюрьмы, переполненные трупами украинских заключенных, скопившихся на протяжении почти двух лет между заключением пакта Молотова—Риббентропа и вторжением нацистов в Западную Украину. Не вызывает сомнений и то, что в этот период правления Советов в Западной Украине многие евреи служили в советской тайной полиции. Естественно, г-н Химка не упоминает об участии евреев [в этих преступлениях], что, возможно, прояснило бы мотивы поведения некоторых их притеснителей»⁴⁹. Марко Левицкий, редактор *Ukrainian News*, опубликовал

в *Edmonton Journal* письмо с опровержением взглядов Марплса, в котором говорилось: «До вторжения Германии сотрудники советского НКВД, в котором евреи составляли непропорционально большую долю, участвовали в убийстве от 4 000 до 8 000 гражданских заключенных — это факт, который, как надеялись нацисты, подвигнет украинцев на возмездие»⁵⁰. Пер Радлинг возразил ему в той же газете, сказав, что он вызывает «призрак иудео-коммунизма». Левицкий «подтвердил» свою точку зрения, отметив, что хотя евреи составляли лишь 1,78% населения СССР, среди руководящего состава НКВД их было 3,92%⁵¹. Аргументация Лозинского и Левицкого, да и других защитников националистов, равнозначна утверждению, что, убивая евреев, ОУН и УПА ссылались в первую очередь на то, что евреи были коммунистическими преступниками. Ни один из участников спора из *CIUS* не чувствовал необходимости скорректировать иудейско-большевистскую интерпретацию современной украинской истории. На мой взгляд, это свидетельствует о серьезном смещении приоритетов.

Но руководство *CIUS* не ограничивает свою деятельность письменной полемикой. Против меня была также организована кампания по распространению слухов «шепотом», причем очень громким шепотом. Мой друг-историк, чье имя я предпочту сохранить в тайне, написал мне 15 декабря 2009 г.: «Я также хочу, чтобы ты узнал кое-что конфиденциально»⁵², в первый раз я не хотел ничего говорить, но теперь я услышал это снова. Я думаю, ты, наверное, погладил кое-кого против шерсти (с чем и поздравляю), потому что два видных специалиста по истории Украины из Канады говорили довольно неприятные вещи о тебе и твоей мотивации в исследованиях еврейско-украинских отношений и Голодомора. Об этом было сказано ... в ..., а также в ... недавно другим лицом. В сущности, было сказано, что твоя мотивация — это твой «христианский марксизм». Они порочат твою работу, прежде всего утверждая, что ты руководишься тайными мотивами». Позже, 30 сентября 2010 г., тот же человек, напомнив мне об этом электрон-

ном сообщении, написал: «Я не упомянул об этом тогда, но один из этих людей принадлежит к светилам *CIUS*». От нескольких общих знакомых мне известно, что один человек из *CIUS*, который плохо отзывается обо мне, это Фрэнк Сысын, директор Центра Яцыка и руководитель филиала *CIUS* в Торонто. Мой близкий друг Алан Рутковский писал мне 29 апреля 2010 г.: «Фрэнк по электронной почте сообщил мне, что наша с ним дружба прервана из-за моей дружбы с тобой. Видимо, страсти разыгрались не на шутку, если ваш скандал имеет такие далекие последствия».

Я объясняю этот переход на личности самой природой мифологического мышления. Элементы, составляющие миф, не должны подвергаться проверке разумом, и, следовательно, того, кто делает это, необходимо демонизировать, поскольку он посягает на сакральные тайны. Но независимо от источника этих нападок мне очень горько. Я знаю Зенона Когута с 1974 г., и мы были друзьями. С Фрэнком Сысыном мы знакомы еще дольше, и в былые времена я иногда останавливался в его квартире в Кембридже. Богдан Клид писал свою диссертацию под моим руководством. С Ярсом Баланом мы много лет работали в тесном контакте в украинско-канадском издании. Мне жаль, что все эти дружеские отношения разрушены.

Я смог все это пережить, как многие в подобных обстоятельствах — благодаря помощи друзей, других друзей. Я очень благодарен Марко Цариннику, Дэвиду Марплсу и Перу Радлингу. Мои коллеги со всего мира, занимающиеся исследованиями Холокоста и историей Восточной Европы, присылали мне ободряющие письма или отводили меня в сторону, чтобы выразить свою поддержку. Я был счастлив, получив моральную поддержку видных канадских писателей украинского происхождения, и не только Мирны Костац, но и Янис Кулик Кифер и Эрин Мур. Я вдвойне благодарен моей жене Христе Хомяк. Ее собственные первоначальные колебания, когда из моих слов ей открылась совсем иная картина и иной взгляд на историю, помогли мне понять, как трудно многим украинцам из диаспо-

ры пересмотреть сложившиеся представления. Но затем она стала моей твердой единомышленницей и надежной опорой. Я пережил много бессонных ночей, но нашлись люди, которые помогли мне пройти через все это.

В компании невзгоды преодолевать легче — за это я могу поручиться. Я почувствовал себя гораздо лучше, когда понял, что не я один сражаюсь с националистическими мифами: те, кто этим занимается, как и я, сталкиваются с шельмованием и остракизмом. Джуди и Ларри Хейвен, которые были нашими соседями около двадцати лет назад, недавно вернулись в Эдмонтон с лекцией о бедственном положении палестинцев в Израиле. Они уже давно публично осуждают политику Израиля в отношении палестинцев⁵³. Родственники Ларри перестали с ним разговаривать. В семье Джуди с ней поддерживает отношения только мать, но и она не желает разговаривать с ней о политике. Только набравшись собственного опыта, я до конца понял — хотя знал об этом раньше, — что Срджа Павлович, черногорец, который тоже писал диссертацию под моим руководством, был изгоем в сербской общине, потому что он слишком громко осуждал военные преступления, совершенные во время войны при развале Югославии. Он часто утешал меня, когда я падал духом. Моя нынешняя аспирантка Нина Павлович пишет блестящую работу о Холокосте в Словакии. Она тоже чувствует холодок, который возникает при обращении к темным сторонам национальной истории. Утешительно знать, что ты не один, а являешься частью более широкого движения.

Результаты на сегодняшний день

Споры еще не закончились, и главные ревизионистские работы еще не написаны. Я пишу книгу «Украинские националисты и Холокост: погромы, полиция и национальное восстание, 1941—1945 гг.». У Пера Андерса Радлинга почти готов чер-

новой вариант книги о шутцманах (*Schutzmannschaften*), в которой говорится о соучастии обеих фракций ОУН в преступлениях во время войны. Талантливый писатель Марко Царинник пишет книгу об убийствах и погромах НКВД. Гжегож Россолинский-Либе заканчивает диссертацию (которую он собирается превратить в книгу) о легенде Бандеры. Джеффри Бердс работает над книгой о насилии и жестокости украинских националистов. Когда все эти труды, основанные на архивных данных на различных языках, увидят свет, защищать старые мифы будут только «истинно верующие».

Однако в данный момент я чувствую, что самый значительный результат нашей деятельности — то, что мы смогли добиться, чтобы эти важнейшие проблемы стали предметом обсуждения. Сейчас уже не так удобно держаться за иллюзии. Марко Царинник был прав, когда писал мне (10 февраля 2010 г.) в связи с моими ответами Когуцу: «Если это не объявление войны, то как минимум зов боевой трубы. Когда рассеется дым и стихнет ржание раненых лошадей, мы узнаем про многих, какие позиции они обороняли»⁵⁴.

Руководитель кафедры украинских исследований в Оттаве Доминик Арель, который тоже поддерживал меня и публиковал мои тексты, когда никто другой не хотел этого делать, спустя неделю написал мне: «Как бы ни было тяжело, все-таки от-радно, что в рамках украинских исследований может идти такая дискуссия»⁵⁵.

Удалось ли мне изменить чьи-нибудь взгляды? Я думаю, да. Некоторые люди пишут мне, что мои статьи повлияли на их оценку националистического наследия. Я рад, что эта дискуссия вышла за пределы диаспоры и получила продолжение собственно в Украине. В июне 2010 г. я был в Киеве и выступал с лекциями о Холокосте и о Голоде. Когда я был там, ко мне подошел один из редакторов «Критики» Андрей Мокроусов и попросил разрешения перевести некоторые мои эссе на украинский язык, а также предложил мне написать материал специально для его издания. Более того, он хотел опубликовать

сборник моих статей о Голоде и Холокосте в украинском переводе. Пока мы думали о том, что надо включить в этот сборник, я осознал, что написал по этой тематике уже 450 печатных страниц, не считая монографии, над которой я тогда работал. Публикацию такого сборника также одобрил соредактор «Критики» профессор Гарвардского университета Джордж Грабович, который тоже присутствовал на моей лекции в Киеве. В ходе дискуссии он говорил, что не может понять, почему диаспора так ополчилась на меня и на мои взгляды. Он счел весьма убедительным мой тезис, высказанный во время обсуждения, что нет никаких причин для того, чтобы все украинцы и все украинское несло на себе клеймо преступлений, совершенных организацией определенной политической ориентации, а именно ОУН. Я воспрял духом: чего-то мне явно удалось добиться.

Украинская община в Северной Америке любит всяческие «организованные действия». Их организации и списки рассылают регулярно проводят письменные и телефонные кампании, призывающие то бороться за использование написания *Kyiv* вместо *Kiev*, то убеждать конгрессмена или члена парламента признать Голодомор геноцидом. Такие призывы к «организованным действиям» следуют один за другим. Я тоже обращаюсь с призывом — призывом думать — и надеюсь, что моя «кампания» будет успешной.

Примечания

¹ Данная статья является результатом исследований, выполненных при поддержке Совета Канады по социальным наукам и гуманитарным исследованиям, Содружества Пинхаса и Марка Вайзенов в Центре современных исследований Холокоста, Мемориального музея Холокоста в США и Университета Альберты. Я благодарен за подробные комментарии по ранним вариантам Доминику Арелю, Мирне Косташи и Перу Андерсу Радлингу. Не всеми их советами я воспользовался, но их вклад в совершенствование этого текста очень велик.

² Более полно я представил свою точку зрения в работе *Problems with the Category of Genocide and with Classifying the Ukrainian Famine of 1932—33 as a Genocide*, представленной 16 сентября 2008 г. на историческом факультете Университета Виннипега, в украинском культурно-образовательном центре «Осередок», на факультете германских и славянских исследований Университета Манитобы в Виннипеге; и на украинском языке на Международной научной конференции «Голодомор 1932—1933 гг. в Украине: причины, демографические последствия, правовая оценка» в Украинском институте национальной памяти и Национальной академии наук Украины (Киев, 25—26 сентября 2008 г.). Ни английский, ни украинский текст не были опубликованы.

³ Я извлек пользу из чтения отличного, но неопубликованного исследования Пера Андерса Радлинга, посвященного отрядам «шума», или шцманов (*Schutzmannschaften*).

⁴ *Українська правда* («Украинская правда») — одно из национально-демократических онлайн-периодических изданий. Она основана Георгием Гонгадзе, который позже был обезглавлен при малоизвестных обстоятельствах. Ее направление весьма «оранжевое».

⁵ Профессиональный историк Полищук умер в Торонто в 2008 г. Более всего он известен своей книгой *Bitter Truth*, опубликованной на нескольких языках, включая английский.

⁶ *Slaviv*. Канадський українофоб, фальсифікатор історії Джон-Пол Химка (<http://forum.pravda.com.ua/read.php?10,209135993,209135993>; сайт посещен 6 октября 2010 г.). Там использовались смайлики с надписью *Ганьба*, т.е. «Позор!».

⁷ См. для сравнения мою более раннюю заметку *Ukrainian Collaboration in the Extermination of the Jews during the Second World War: Sorting out the Long-Term and Conjunctural Factors*, опубликованную в: *The Fate of the European Jews, 1939—1945: Continuity or Contingency* / ed. by J. Frankel. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1997; *Studies in Contemporary Jewry*. Vol. 13. 1997. P. 170—189.

⁸ В отношении Радзейовского см.: *Himka J.-P.* In Memoriam: Janusz Radziejowski (1925—2002) // *Крытка*. Vol. 6. No 11 (61). Nov. 2002. P. 31.

⁹ Официально известна как Комиссия по преследованию военных преступников в Канаде. Комиссия Дешена активно действовала в 1985—1986 гг. Сфера ее полномочий описана в работе: *Ukraine during World War II: History and Its Aftermath: A Symposium* / ed. by Yury Boshyk. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986. P. 261—262.

¹⁰ *Pohl D.* Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941—1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1997.

¹¹ *Mendelsohn D.* *The Lost: A Search for Six of Six Million*. N. Y.: HarperCollins, 2006. P. 100, 116. Сам Мендельсон занимался вопросом поведения украинцев в период Холокоста с глубоким пониманием вопроса. См. мои соображения в моей работе: «How to Think about Difficult Things: Daniel Mendelsohn's *The Lost*» (должно быть опубликовано в *Harvard Ukrainian Studies*).

¹² *Himka J.-P.* *Ukrainians, Jews and the Holocaust: Divergent Memories*. Saskatoon: Heritage Press, 2009. Это текст Могилянської лекції 2009 г., спонсированной Прейри-центром по изучению украинского наследия, колледж Ст. Томаса Мора, Университет Саскачевана. Я благодарен Богдану Кордану за приглашение.

¹³ *Himka J.-P.* *War Criminality: A Blank Spot in the Collective Memory of the Ukrainian Diaspora // Spaces of Identity*. Vol. 5. No 1. Apr. 2005 (<http://spacesofidentity.net/>; сайт посещен 6 октября 2010 г.).

¹⁴ См.: *Bartov O.* *Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine*. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007.

¹⁵ *Грачова С.* Вони жили серед нас // *Критика*. 2005. № 4. С. 22—26. См. также еще один впечатляющий вклад в дискуссию: *Царинник М.* Золочів мовчить // *Критика*. 2005. № 10. С. 9—10.

¹⁶ *Hoffman E.* *After Such Knowledge: Memory, History, and the Legacy of the Holocaust*. N. Y.: Public Affairs, 2004.

¹⁷ Зенон Когут говорит о моем «тенденциозном морализаторстве», а Роман Сербин — о «легкомысленном морализаторстве». См.: *The Ukraine List (UKL)*. No 441. 2010. Feb. 16. P. 15, 41.

¹⁸ Официальный указ был издан 16 мая 2007 г. и опубликован на сайте президента (<http://www.president.gov.ua/documents/6145.html>).

¹⁹ По этим вопросам см.: *Рубаков Д.* Марко Царинник: історична напівправда гірша за одверту брехню // *Lb.ua*. 2009. 5 листопада (http://lb.ua/news/2009/11/05/13147_marko_tsarinnik_istorichna.html; сайт посещен 6 октября 2010 г.); *Himka J.-P.* *The Holodomor in the Ukrainian-Jewish Encounter Initiative* (документ представлен на заседании Украинско-еврейской инициативы, Дитчли Парк, Великобритания, 14—16 декабря 2009 г.).

²⁰ *Himka J.-P.* *Apocalypse Tomorrow: Some Remarks on Two Texts on the Ukrainian Elections // aaus-list* (American Association for Ukrainian Studies). 2004. Oct. 29. (<http://www.ukrainianstudies.org/aaus-list/0410/msg00027.html>; сайт посещен 7 октября 2010 г.).

²¹ *Himka J.-P.* *How Many Perished in the Famine and Why Does It Matter?* // *BRAMA: News and Community Press*. 2008. Feb. 2 (http://www.brama.com/news/press/2008/02/080202himka_famine.html). Версии этого документа появились также в Украинском агентстве новостей

UNIAN (онлайновая), в *The Ukraine List* и *Kyiv Post*; в переводе на украинский — в изданиях *Ліва справа* и в *Українська правда*.

²² *Himka J.-P.* True and False Lessons from the Nachtigall Episode // BRAMA: News and Community Press. 2008. March 19 (http://www.brama.com/news/press/2008/03/080319himka_nachtigall.html); *Himka J.-P.* Be Wary of Faulty Nachtigall Lessons // *Kyiv Post*. 2008. March 27.

²³ Для меня самый важный текст — это мой спор с Зеноном Когутом. Я не посылал его для открытой публикации, только по электронной почте его коллегам. Именно тогда началось «вирусное» распространение. Вскоре его подхватил *The Ukraine List*, в переводе на украинский язык он появился в «Критике», еще один украинский перевод должен быть опубликован в сборнике под редакцией Ярослава Грицака и Тарика Сирила Амара, перевод на русский язык должен был появиться в «Журнале российских и восточноевропейских исследований» (2010. № 2).

²⁴ *Lozynskyj A. S.* History Should Be Written by Objective and Competent Scholars // *Kyiv Post*. 2010. Sept. 22 (http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/83306/); сайт посещен 7 октября 2010 г.).

²⁵ *Himka J.-P.* The Lviv Pogrom of 1941 // *Kyiv Post*. 2010. Sept. 23 (http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/83452/); сайт посещен 7 октября 2010 г.).

²⁶ *Lozynskyj A. S.* Where's the Evidence of Ukrainian Wartime Atrocities against the Jews? // *Kyiv Post*. 2010. Sept. 27 (http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/83945/); сайт посещен 7 октября 2010 г.).

²⁷ *Himka J.-P.* The Lviv Pogrom of 1941.

²⁸ Особенно: *Himka J.-P.* Ukrainians, Jews and the Holocaust; *Хімка Дж.-П.* Достовірність свідчення: реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність. 2008. № 2(4). С. 43—79; *Хімка Дж.-П., Курило Т.* Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна Модерна. 2008. №13. С. 252—265.

²⁹ Например: *Bruder F.* «Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!». Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929—1948. Berlin: Metropol, 2007; *Dietsch J.* Making Sense of Suffering: Holocaust and Holodomor in Ukrainian Historical Culture. Lund: Media Tryck, Lund University, 2006.

³⁰ Но такой идеал не всегда достижим. Ознакомившись с моим спором с директором Канадского института украинских исследований Зеноном Когутом, мой друг и бывший студент — историк Марк Бейкер 22 февраля 2010 г. написал мне по электронной почте: «Ваша проза не так крута, как обычно, но мне это нравится! Вы, кажется, в отчаянии, но иногда полезно побыть в отчаянии». Я написал в ответ: «Полемика была

эмоциональной и истощающей. Я думаю, это сквозит в моих ответах Зенону». Копии всех цитируемых писем, обычных и по электронной почте, имеются у автора статьи.

³¹ *Lozynskyj A. S.* Rewriting History: An Evidentiary Perspective // *Kyiv Post*. 2010. Feb. 16 (http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/59650/); сайт посещен 7 октября 2010 г.).

³² *Himka J.-P.* Ukrainian Past and Ukrainian Future // *Kyiv Post*. 2010. Sept. 20 (http://www.kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/83019/); сайт посещен 7 октября 2010 г.). Впервые эта статья была опубликована в *The Ukraine List (UKL)* (№ 442. 2010. March 15. P. 11—15). В *Kyiv Post* она была опубликована с длительной задержкой. Новостной сервис *Brama*, самый либеральный форум украинской диаспоры за рубежом, отказался опубликовать ее после голосования в редакционном совете.

³³ Споры начались, когда ведущая канадская писательница-документалистка, присутствовавшая на моем семинаре по голоду, написала о своих впечатлениях: *Kostasb M.* Genocide or 'a Vast Tragedy': University Students in an Alberta Classroom Try to Decide // *Literary Review of Canada*. Dec. 2009 (<http://reviewcanada.ca/essays/2009/12/01/genocide-or-a-vast-tragedy/>); см. также письма об этом (<http://reviewcanada.ca/magazine/2009/12/letters>). Дискуссия также имела место в *Ukrainian News: Balan J.* Gullible Leftists Play into the Hands of Putin's Neo-Soviet Apologists // *Ukrainian News*. 28 Dec. 2009—19 Jan. 2010; *Himka J.-P.* Alternatives to Self-Deluding Campaign Exist in Calling Attention to the Famine // *Ukrainian News*. 20 Jan.—3 Feb. 2010; *Klid B.* Haiti Is a Vast Tragedy, Ukraine Famine Was Genocide // *Ukrainian News*. 4—17 Feb. 2010.

³⁴ *Himka J.-P.* Apocalypse Tomorrow...; *Idem.* War Criminality...; *Хімка Дж.-П.* Антисемітизм, діалог, самопізнання // Критика. 2005. № 5. С. 18.

³⁵ После того как я опубликовал статью с критикой Шухевича, Микола Кулишов послал мне письмо по электронной почте (от 20 марта 2008 г.). В поле «Тема» стояло слово *zrada*, т.е. «измена».

³⁶ См. его письмо в онлайн-версии *Literary Review of Canada* (<http://reviewcanada.ca/magazine/2009/12/letters>). Характерно, что в отношении голода он использует язык Холокоста («отрицатели», «пособники»).

³⁷ UKL No 441. P. 3.

³⁸ *Ibid.* P. 3, 5.

³⁹ *Luciw D.* Full Text of the UCC-APC Letter Submitted to the Editor of the Edmonton Journal // *Ukrainian Canadian Congress, Alberta Provincial Council website* (<http://www.uccab.ca/default-archive.asp>); сайт посещен 8 октября 2010 г.).

⁴⁰ Письма по электронной почте Леси Демкович [имя адресата не разглашается] от 2 марта и Ярса Балана Лесе Демкович и др. от 14 марта

2010 г. Я знаю, что имели место как минимум две таких телеконференции.

⁴¹ Электронное письмо Пола Грода от 14 марта 2010 г. имеется в распоряжении автора статьи.

⁴² UKL. No 442. P. 2—4.

⁴³ Многоточие стоит и в оригинале.

⁴⁴ Копия письма Колин Скидмор, и. о. декана факультета гуманитарных наук в Университете Альберты, Оксане Коваленко, администратору Учебного фонда Петра Яцька, от 20 апреля 2010 г. имеется в распоряжении автора статьи.

⁴⁵ Андрей Сороковский написал мне: «Я слышал и читал различные отклики на ваши последние работы по этой теме [соучастие украинских националистов в Холокосте], предвзятые и переходящие на личность, но всегда без обоснований и без опровержений, основанных на фактах». Письмо по электронной почте от 20 сентября 2010 г. имеется в распоряжении автора статьи.

⁴⁶ *Balan J. Gullible Leftists...*

⁴⁷ <http://reviewcanada.ca/magazine/2009/12/letters>

⁴⁸ В националистической полемике против меня отдельной темой звучит, что я платный агент русских, или евреев, или тех и других сразу. Чуть ниже в своей статье Лозинский пишет: «К его чести, проф. Химка признает, что его работы [по УПА и Холокосту] оплачивались Мемориальным музеем Холокоста. Это говорит о мотивах. Проще говоря, за вознаграждение г-ну Химке пришлось создать одного или нескольких демонов». Я упоминаю об этом, потому что позже Лозинский отрицал, что он имел в виду, что евреи мне платили, но ссылка на «демонов» в обоих предложениях не вызывает сомнений.

⁴⁹ *Lozynskyj A. S. Rewriting History...*

⁵⁰ UKL. No 441. P. 7.

⁵¹ UKL. No 442. P. 6.

⁵² Я получил разрешение на цитирование этого письма.

⁵³ Они активны в *Independent Jewish Voices* (<http://ijvcana.org/>).

⁵⁴ Электронное письмо Марко Царинника Джон-Полу Химке от 10 февраля 2010 г., имеется в распоряжении автора статьи.

⁵⁵ Электронное письмо Доминика Ареля Джон-Полу Химке от 17 февраля 2010 г., имеется в распоряжении автора статьи.

Диана Думитру

Между историей и политикой: опыт молдавского историка, изучающего Холокост

В 2003 г., когда я находилась на стажировке в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилле, мне попала книга Яна Гросса «Соседи»¹. Работа Гросса посвящена событиям, происшедшим 10 июля 1941 г. в польском местечке Едвабне², где местные поляки убили всех своих соседей евреев — мужчин, женщин и детей — с удивительной жестокостью, используя «примитивные, древние методы и оружия убийства: камни, деревянные биты, железные прутья, огонь и воду»³. Прочитав книгу Гросса, я задалась вопросом о том, что же произошло с местными евреями в 1941 г. в Молдове — стране, где я родилась, и как проявили себя мои соотечественники после ухода советских войск и прихода немцев и румын.

Моя семья — не еврейская, а сама я являюсь продуктом как советского, так и постсоветского образования. В советское время я училась в обычной молдавской сельской школе, и мне была хорошо знакома тема зверств фашизма по отношению к «советским гражданам». Школьницей меня возили на экскурсии по городам-героям Бресту, Киеву, Севастополю; я также побывала в памятных местах села Хатынь (Белоруссия), где, как я тогда узнала, в ходе карательной акции были заживо сожжены нацистами 149 жителей. Я читала роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», книгу Анатолия Кузнецова «Бабий Яр»⁴; в моей памяти запечатлелись устрашающие кадры нацистских

концентрационных лагерей из фильма «Обыкновенный фашизм». Тем не менее тема геноцида евреев во время Второй мировой войны тогда не занимала центрального места в моем историческом сознании. Предполагаю, что подобное восприятие было типичным для советского подростка того времени.

В таком же наивном неведении я оставалась и в первой половине 1990-х гг., когда училась в Кишиневском университете. В тот период молдавские преподаватели вузов с воодушевлением рассказывали студентам о белых пятнах в истории и советских искажениях. Первым выпускникам исторического факультета независимой Молдовы удалось прочитать и выслушать лекции про преступления сталинизма, Катынь, пакт Молотова—Риббентропа, а также про страдания молдавского народа: депортации, голод 1946—1947 гг., коллективизацию, разрушение Церкви, русификацию и т.д. Однако ни на одном занятии, ни в одной прочитанной книге не было ни слова про судьбу местных евреев во время войны. Университетские, как и школьные, программы по истории на протяжении 1990-х гг. не содержали упоминаний о Холокосте⁵. Отчасти это было связано с влиянием посткоммунистической Румынии, где поначалу проблема изучения Холокоста породила серьезные споры, а в историографии и политических декларациях нередко встречалось отрицание Холокоста⁶. Тем не менее к концу 1990-х гг. в Румынии, после интенсивных профессиональных и общественных дебатов, а также в результате политического влияния Запада, в этом отношении произошли заметные перемены, которые, однако, совсем не затронули Молдову.

В аспирантуре я занималась другим временем и другими сюжетами, так что и в эти годы я так и не узнала ни о десятках тысяч евреев, убитых летом 1941 г. румынскими солдатами в Бессарабии, Буковине, а также на юге Украины, ни о депортациях (осенью 1941 г.) и заключении остальных выживших евреев в лагеря и гетто, организованные румынскими властями

в Транснистрии⁷. В тот период изучение Холокоста на территории Бессарабии, Буковины и Транснистрии, находившихся во время Второй мировой войны под румынской властью, было сравнительно новым направлением в исторической науке; серьезные исследования стали появляться на Западе к концу 1990-х — началу 2000-х.

Первое знакомство с литературой, посвященной Холокосту на территории Бессарабии, поразило меня, в частности, тем, что мне, историку, ничего не известно о трагедии, которая происходила в тех самых селах, где родились мои родители. Однако в этой литературе мне не удалось обнаружить интересные меня сведения об отношении молдаван к евреям во время войны.

Огромный архив материалов, скопированных из многочисленных европейских архивов, включая молдавский, находится в Центре по исследованию Холокоста Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне. Но, не имея специальной подготовки, я не могла сориентироваться в этом океане информации и попросила совета специалистов о том, что можно прочитать про отношения евреев с неевреями в Бессарабии в 1941 г. Оказалось, что этим еще никто не занимался. Таким образом, я стала первым исследователем, взявшимся за тему отношения местных жителей к евреям Бессарабии в период 1941—1944 гг.

В 2005 г. я, к тому времени уже получив место преподавателя в Кишиневском государственном педагогическом университете, поехала на десять месяцев в Музей Холокоста для исследовательской работы. Работу с архивными материалами приходилось совмещать с чтением литературы о Холокосте, поскольку знаний у меня было недостаточно. Впоследствии я работала также в архиве Яд Вашема в Иерусалиме, где собраны воспоминания и свидетельства выживших евреев.

Чем больше я узнавала про Холокост в Румынии, тем сложнее становилась моя профессиональная жизнь в Молдавии.

Противостояние

Как мне пришлось выяснить на собственном опыте, тема Холокоста не просто была мало изучена — мои коллеги-историки стремились держаться от нее подальше. Политизация истории, связанная с проблемой идентичности молдаван, коснулась большинства историков и разделила их на две противоборствующие группы: прорумынской ориентации (они составляют значительное большинство среди профессиональных историков) и просоветской/пророссийской ориентации (которых впоследствии стали называть «молдовенистами»). Борьба шла за формирование национальной идентичности. Прорумынские историки защищают концепцию национальной идентичности, основанную на общем румынском происхождении, а «молдовенисты» отстаивают идею особой молдавской идентичности, отличающейся от румынской. Сразу же после провозглашения независимости сообщество молдавских историков — по большей части движимых прорумынскими настроениями⁸ — сумело добиться преимущества и внедрить в школах и вузах учебные программы, опирающиеся на их идеологию. Курс истории, который преподавали в школах и университетах Молдовы, был разделен на две части: история румын и всеобщая история. В 2001 г., после периода относительной независимости и триумфа «духа национализма», к власти пришла Партия коммунистов, и профессиональные историки Молдовы столкнулись с заметным давлением со стороны власти. Правительство пыталось изменить принятую ранее концепцию исторического образования и навязать нации альтернативную модель идентичности⁹. Большинство историков твердо дали понять, что не намерены взаимодействовать и сотрудничать с властью, что серьезно обеспокоило коммунистических политиков. Поскольку многие молдаване тяготели к Румынии, идентифицируя себя с румынским государством либо с румынской нацией, а бухарестское руководство заявляло о наличии «двух румынских государств»¹⁰, перед коммунистической властью стояла задача воспрепятствовать закреплению «румынской» идентификации. Для этого правительство предполагало исключить из школьной учебной программы курс «Истории румын» и ввести обязательное изучение русского языка, а также пыталось кооптировать историков — «молдовенистов». Среди множества «исторических» и «демократических» доводов, которые Кишинев использовал в противостоянии с оппозицией и прорумынскими историками, проблема Холокоста оказалась весьма кстати, особенно для развития отношений с Западом. В этом контексте молдавское руководство проявило интерес к исследованию и восстановлению темы Холокоста.

В октябре 2003 г. Алексей Тулбуре, постоянный представитель Республики Молдова при Совете Европы, раздраженный интересом Румынии к проблемам преподавания истории и румынского языка в Молдове, заявил, что «румынам надлежит заниматься собственными делами и заботиться о собственных учебниках», ведь «наши [молдавские] ксенофобы и антисемиты вдохновлялись ими [румынскими учебниками]»¹¹. Вскоре после этого председатель Парламентской комиссии РМ по внешней политике Андрей Негуца выступил с обвинением, будто румынские учебники пытаются «реабилитировать преступления», совершенные в годы Второй мировой войны, и отрицать Холокост, а также что они способствуют «сохранению в румынском обществе националистического, антисемитского и ксенофобского духа, который грубо противоречит ценностям современной Европы»¹². Данное обвинение было отклонено Комитетом министров Совета Европы; в официальном ответе молдавскому руководству указывалось, что правительство Румынии к тому времени предприняло ряд шагов по модернизации учебников истории, в соответствии с указаниями этого европейского форума. Комитет министров также напомнил, что в школах Румынии «с 1999 г. проблема Холокоста изучается в учебниках 7-го, 8-го и 12-го класса в темах, посвященных Второй мировой войне»¹³.

Молдавские историки, которые с энтузиазмом следовали своим румынским коллегам в изучении других тем, в том, что касается исследования Холокоста, выбрали иной путь, который вел их к отрицанию или даже оправданию Холокоста в Румынии Антонеску¹⁴. В 2005 г. новая книга Серджиу Назарии¹⁵, посвященная вопросам Холокоста, вызвала среди молдавских историков яростные отклики, которые привели фактически к отрицанию румынского Холокоста¹⁶. Многие считали Назарию политически ангажированным: при коммунистическом правительстве он занимал пост вице-министра образования (2001—2002 гг.) и поддерживал правительственную политику, направленную на введение обязательного изучения русского языка в школе и замены дисциплины «История румын» курсом «Интегрированная история». В свете обвинений в ангажированности Назарии его заявления о том, что румынская администрация несет ответственность за уничтожение местных евреев в 1941—1944 гг., воспринимались историками прорумынской направленности как «политические», имеющие целью дискредитировать «прорумынские» силы в сегодняшней Молдове.

Разумеется, обвинения в адрес Назарии тоже носили политический, а не научный, исторический характер. Они подчеркивали его «румынофобию» и подыгрывание коммунистическим руководителям Молдовы и их позиции относительно Холокоста¹⁷. Кроме того, поскольку многие историки отстаивают идею принадлежности молдаван к румынской этнокультурной группе, то всякая попытка бросить тень на румынское государство вызывает у них острый протест.

Даже не владея информацией об истории Холокоста на территории собственного государства, по крайней мере часть историков предполагала, что исследования в этом направлении могут обнаружить весьма неприглядные действия румынской администрации во время Второй мировой войны. Увязавшие в политических баталиях, историки Молдовы рассматривали Холокост как «нежелательную» и «опасную» тему,

которая способна очернить Румынию и оттолкнуть молдаван от их этнических братьев, а также как политическое оружие, которое коммунисты могут использовать для нагнетания антирумынских настроений¹⁸.

Поначалу мне удалось оставаться в стороне от политических дебатов вокруг истории, но, когда я занялась исследованием Холокоста, это стало невозможным. Мои коллеги требовали, чтобы я ответила, на чьей я стороне, и ответ, что меня интересует исключительно наука, их не устраивал.

Попытки объяснить, что отрицать Холокост бессмысленно просто потому, что он был, что эту истину легко узнать, поговорив со стариками в молдавских селах, не увенчались успехом. Аргументы не могут убедить того, для кого убеждение важнее знаний. Я оказалась в «историческом одиночестве»; большинство моих коллег-историков не одобряли мой научный интерес.

Перспектива на тот момент рисовалась следующим образом: если я буду отстаивать свою позицию в одиночку (или, еще хуже, при содействии историка Серджиу Назария), то мне как историку грозит изоляция и остракизм в собственной стране. Коллега из Молдовы, уже несколько лет живущий в Северной Америке, узнав, что я исследую Холокост и при этом не планирую перебраться за океан, сообщил мне, что, по его мнению, я занимаюсь профессиональным самоубийством. Но я собиралась выжить и стала искать союзников и обдумывать план действий.

Стратегия

Итак, доминирующее профессиональное и общественное мнение состояло в том, что Холокоста в Молдавии не было, а если и было «что-то», то лишь «политическое наказание» евреев за их поведение при отступлении румынской армии в 1940 г. после ультиматума СССР¹⁹. Утверждение, что румынское

государство несет ответственность за уничтожение бессарабских, буковинских и украинских евреев, воспринималось как политически «враждебное» и грозило автору автоматическим причислением к «молдовенистам», вне зависимости от его реальных политических взглядов. Практически абсолютное большинство историков Молдовы придерживались «прумынской» направленности, тогда как «молдовенистов» были единицы, да и те обладали крайне низким авторитетом в профессиональной среде.

Нужна была поддержка специалистов с признанной международной репутацией и никак не вовлеченных в молдавскую политику. Музей Холокоста в Вашингтоне, с сотрудниками которого я поделилась своими мыслями и тревогами, согласился организовать в Молдове первую международную конференцию по проблемам уничтожения евреев в Бессарабии, Буковине и Транснистрии в 1941—1944 гг.²⁰

На конференцию приехали специалисты из США и Румынии. Все они говорили по-румынски, и их невозможно было обвинить в румынофобии или симпатиях к коммунистическому правительству Молдовы. Из молдавских историков выступали Анатол Петренку — председатель Национальной ассоциации историков Молдовы, Серджиу Назария, Игорь Кашу и автор данной статьи. На конференции присутствовали местные историки, политологи, работники общественных организаций, государственные деятели и представители других профессий. Журналисты активно расспрашивали докладчиков о судьбе евреев в нашей стране в 1941—1944 гг. Несколько презентаций состояли целиком из демонстрации исторических фотографий и румынских архивных документов. Они наглядно свидетельствовали о причастности румынской администрации к уничтожению евреев и о преднамеренном характере их действий. Массовые убийства евреев начались летом 1941 г. сразу после вступления немецких и румынских войск в Бессарабию и Буковину. Тех, кто пережил первую волну истребления, отправили в местные лагеря и гетто, а затем депортирова-

ли пешком на восток, в лагеря, расположенные на территории Транснистрии, где держали до окончания войны. Примерно 154—170 тыс. евреев Бессарабии и Буковины прошли пешком сотни километров, по большей части поздней осенью и зимой 1941 г.²¹ По прибытии их заперли в сараях и свинарниках, без еды и медицинской помощи²². В ноябре 1943 г. лишь 49 927 человек из числа депортированных оставались в живых, в значительной мере благодаря помощи продуктами со стороны местных крестьян²³. Остальные умерли от голода, тифа, изнуренные непосильным трудом, или были убиты румынскими солдатами. Еще 150—180 тыс. евреев, уроженцев территории Транснистрии, были убиты румынскими и немецкими солдатами в ходе начальных карательных акций или погибли из-за невыносимых условий содержания в тех же лагерях и гетто Транснистрии²⁴.

На конференции высказывались различные точки зрения и звучала критика в адрес докладчиков. Тем не менее никто из участников дискуссии не пытался прямо опровергнуть факты целенаправленного истребления евреев в Бессарабии, Буковине и Транснистрии во время Второй мировой войны²⁵. Демонстрация фотографий с колоннами еврейских женщин и детей, угоняемых румынскими жандармами в Транснистрию, должна была серьезно поколебать позиции тех, кто ранее утверждал, что с местными евреями ничего не случилось. Определенные изменения взглядов можно было наблюдать даже в ходе самой конференции²⁶. Поздно вечером по местному радио транслировалось интервью с одним из участников конференции, а на следующий день на первой странице одной из национальных газет вышла статья под заголовком «Холокост в Бессарабии?»²⁷.

Разумеется, я не рассчитывала, что мне удастся «поменять мнение» состоявшегося поколения историков. Куда большие возможности открывало преподавание. Часть моих студентов в педагогическом университете после обучения отправляются преподавать историю в школах, и таким образом мои знания могли получить широкое распространение.

Уже четвертый год я преподаю курс «Холокост в Румынии: тексты, теории, свидетельства». На моих занятиях мы анализируем документы, материалы интервью с очевидцами Холокоста и выжившими евреями, ведем дискуссии. Общение с моими студентами дает мне чувство уверенности в том, что у исторической профессии в Молдове есть будущее.

В маленькой Молдове профессиональное признание на Западе может облегчить признание на родине, поэтому моей задачей было опубликовать свои работы в уважаемых западных журналах. Почти все мои исследования о Холокосте вышли за рубежом: в США, Израиле, Румынии, Германии, Украине²⁸. Постепенно мои коллеги привыкли к тому, что от темы Холокоста я не откажусь, и стали относиться к этим сюжетам более спокойно. Во всяком случае, теперь, если я в неформальной обстановке делюсь с ними своими находками, иногда они даже выказывают определенной интерес. Причиной тому, по всей видимости, то, что я интенсивно занимаюсь этими исследованиями на протяжении последних пяти лет, а также признание моих трудов на Западе.

Но перемены касаются не только отношения ко мне и моим научным занятиям. Молдавские СМИ — радио и телевидение уже сделали несколько передач на тему Холокоста. В 2010 г. кишиневское издательство «Картиер» опубликовало перевод немецкой книги «Холокост на перифериях», которая рассматривает Холокост в Бессарабии, Буковине и Транснистрии²⁹; на местном телевидении состоялось обсуждение этого труда, в котором я принимала участие. Ведущий подробно расспрашивал о тех исторических событиях, о которых большинство историков еще недавно предпочитали не упоминать. Одна из молдавских газет отметила выход книги «по этому очень чувствительному вопросу» и сообщила, что авторы указывают на 45—60 тыс. евреев, уничтоженных румынскими и немецкими войсками в Бессарабии и Буковине³⁰. В ленте комментариев к онлайн-версии этого материала первый же отклик, подписанный довольно известным молдавским историком, звучит так:

«В Бессарабии и Транснистрии НЕ БЫЛО так называемого холокоста!»³¹.

Перспективы

Сегодня у меня есть некоторые основания надеяться, что в Молдавии — пусть небыстро — происходят некоторые сдвиги в восприятии Холокоста как части истории. Конечно, эти изменения пока незначительны; для того, чтобы общество осознало неприемлемость отрицания Холокоста, потребуются огромные усилия. Сегодня мне сложнее всего говорить о Холокосте со школьными учителями: на семинарах с преподавателями школ я часто сталкиваюсь с прямым отказом изучать Холокост; подобный отказ нередко сопровождается обвинениями в адрес евреев, которых объявляют причиной собственных несчастий. Мне задают одни и те же вопросы: «Не думаете ли вы, что за всеми этими разговорами о Холокосте стоит желание евреев получить компенсацию от Румынии?»; «Разве евреи не были теми НКВДистами, которые увели наших дедов в Сибирь?»; «Почему вы не изучаете депортации/голод/репрессии против молдаван, а интересуетесь судьбой евреев?» и т.д. Несколько лет назад, на одном из таких семинаров, я упомянула о свидетельстве одного из выживших евреев (приведенном в собрании Жана Анчела), в котором он рассказывает, что в некоторых селах Молдавии местные крестьяне ожидали колонны депортированных евреев и «покупали» у румынских жандармов тех, кто был хорошо одет; затем убивали их и отбирали обувь и одежду³². Мои слушатели решительно отказывались этому верить; они говорили, что, наверное, евреи это все придумали, чтобы представить себя в качестве исключительных жертв.

В последние годы я провела больше двухсот интервью с местными молдаванами, которые были очевидцами Холокоста. Ничего не зная ни о книге Анчела, ни о свидетельстве того

выжившего еврея, жители разных сел рассказывали мне о подобных эпизодах, которые они наблюдали своими глазами³³.

Встречи со школьными учителями даются мне все сложнее. Преподаватели молдавских школ поддерживают прорумынских историков и доверяют их версии национальной истории³⁴. В целом представления учителей о Холокосте сформировались под влиянием предыдущих комментариев историков, которые тиражировались СМИ. В результате большинство молдавских учителей продолжают верить, что преподавание и исследование Холокоста на руку румынофобам и противоречит национальным интересам. Пока вузовские историки не объявят о перемене прежних взглядов, едва ли можно ожидать перемен в школе. Разве что со сменой поколений.

И все-таки в последние годы у меня появился небольшой круг единомышленников. Это молодые историки, преимущественно получившие образование на Западе, которые исходят из того, что работа историка должна представлять собой не политически ангажированную борьбу, а кропотливое исследование источников.

Примечания

¹ Gross J. T. *Neighbors. The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2001.

² Материал о событиях в Едвабне и его восприятии в Польше см. в: *The Neighbors Respond: The Controversy Over Jedwabne Massacre in Poland* / A. Polonsky, J. Michlic (eds.). Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2004. О событиях в Едвабне см. также статью М. Яновского в этом сборнике.

³ *The Neighbors Respond...* P. 80—81.

⁴ Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1990; Кузнецов А. В. Бабий Яр. Роман-документ. М.: Молодая гвардия, 1967.

⁵ Об изучении темы Холокоста в школах Республики Молдова см.: Думитру Д. В лабиринте политизации: преподавание Холокоста в школах Республики Молдова // Голокост і сучасність в Україні і світі. 2008. № 1(3). С. 27—38.

⁶ На эту тему см. главу «Holocaust Denial in the Post-Communist Public Discourse» из: *Final Report. International Commission on the Holocaust in Romania* / T. Friling, R. Ioanid, M. E. Ionescu (eds.). Iași: Polirom, 2005. С. 349—379.

⁷ Транснистрией в годы войны называли территорию между Днестром и Бугом, с августа 1941 г. находившуюся под военно-гражданской администрацией Румынии. В этот регион тогда входила современная Транснистрия (Приднестровье) — часть Республики Молдова, а также территории Николаевской, Одесской и Винницкой областей, сегодня входящие в состав Украины. О Холокосте на территории, находившейся под контролем Румынии в 1941—1944 гг. (включая Бессарабию и Транснистрию), см.: *Final Report. International Commission on the Holocaust in Romania; Ancel J. Contribuuoi la istoria României: problema evreiasca. 1933—1944. 2 vol. București: Hasefer, 2001; Idem. Transnistria, 1941—1942. The Romanian Mass Murder Campaigns. 3 vol. Tel Aviv: The Goldstein Goen Diaspora Research Center, 2003; Ioanid R. The Holocaust in Romania: The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940—1944. Chicago: Ivan R. Dee, 2000.*

⁸ В данном контексте понятие «прорумынский» используется исключительно для обозначения поддержки идеи единства румынского народа, проживающего по обоим берегам Прута, основанной на общности истории, культуры, языка, но не обязательно сторонников присоединения Молдовы к Румынии.

⁹ Подробнее об этом см.: *Musteaios S. Identitatea natională ontre istorie și politică: un studiu de caz Republica Moldova (2001—2005) // Stat slab, cetățenie incertă / Ed. by M. Heintz. București: Curtea Veche, 2007. P. 175—190; также в: Musteaios S. Predarea istoriei on Republica Moldova. Ontre reformă și antireformă // Istoria: Contribuuoi on crutarea unui nou mesaj. Profesorului Ion Stanciu la omplinirea vârstei de 60 de ani / Iu. Onescu, S. Miloiu (eds.). Târgoviște, 2005. P. 376—392.*

¹⁰ Подробнее об отношениях между Молдовой и Румынией см.: *Weiner R. The Foreign Policy of the Voronin Administration // Demokratizatsiya. 2004. Vol. 12. № 4. P. 541—556.*

¹¹ *Coman G. Chișinul oncară disperat sr provoace România // Ziua. 2003. 16 oct.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Written Question No. 435 to the Committee of Ministers by Mr. Neguta: «Modernisation of history teaching in Romanian schools». Reply of the Committee of Ministers // Website of the Committee of Ministers of the Council of Europe, document CM/AS(2004)Quest435finalE/ 23 January 2004 (<https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=109319&Site=CM&BackColor>*

Internet=9999CCàBackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75).

¹⁴ Румынские исследователи к этому времени значительно продвинулись в исследовании и обсуждении проблемы Холокоста. В 2003 г. под эгидой президента Румынии была создана Международная комиссия по изучению Холокоста; результаты ее работы были опубликованы в «Итоговом докладе Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии»: Final Report. International Commission on the Holocaust in Romania...

¹⁵ *Назария С., Дану Д., Морару А., Загорча Ю.* Холокост в Молдове. Кишинев: CEP USM, 2005.

¹⁶ О скандале, вызванном книгой Назарии, см.: *Priszararu I.* Un istoric neagr și a scriis «Holocaustul în Basarabia» // *Timpul*. 2005. Apr. 29; *Moraru A.* Aparut recent cartea «Holocaustul în Basarabia» este un eșec // *Flux*. 2005. No 61. Apr. 27; *Marinescu G.* Afacerea «Holocaustul evreiesc în Moldova». Toate episoadele (www.mdn.md/historical.php?rubr=1242).

¹⁷ Политические противники не могли не заметить, что коммунистическое правительство поддерживало тематику Холокоста, что президент Воронин посетил памятник жертвам Кишиневского гетто, или что на государственные средства сооружали памятники евреям, убитым в 1941 г.

¹⁸ По поводу политизации проблемы Холокоста в Молдове и соответствующих дебатах см.: *Dumitru D.* The Use and Abuse of the Holocaust: Historiography and Politics in Moldova // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 22. No 1. Spring 2008. P. 49—73.

¹⁹ Эта идея в явном виде содержится в книге известного румынского диссидента и писателя Паула Гомы. См.: *Goma P.* Srptamona robie 28 iunie — 3 iulie 1940 sau Basarabia și evreii. Chișinău: Editura Museum, 2003.

²⁰ Конференция была организована в Кишиневе под эгидой Государственного педагогического университета им. Иона Крянгэ, Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне и Национального института по изучению Холокоста в Румынии им. Эли Визеля. Ее организатором стала автор данной статьи, сотрудник кафедры всеобщей истории Государственного педагогического университета им. Иона Крянгэ. В конференции приняли участие пять международных специалистов: Пол Шапиро — директор Центра по исследованию Холокоста Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне, Раду Иоанид — директор архива Музея Холокоста, Денис Делетант — профессор Лондонского университета, Михаил Ионеску — директор Национального института по изучению Холокоста в Румынии, Александр Флориан —

заместитель директора Национального института по изучению Холокоста в Румынии.

²¹ Final Report. International Commission on the Holocaust in Romania... P. 176

²² Условия содержания евреев Бессарабии и Буковины в местах депортации (Транснистрии) в 1941—1944 гг. подробно описаны в: *Ancel J.* Transnistria. Vol. I. Tel Aviv, 2003.

²³ Final Report. International Commission on the Holocaust in Romania... P. 177. (См.: об отношениях между евреями и неевреями в: *Dumitru D.* The Attitude of the Non-Jewish Population of Bessarabia and Transnistria towards the Jews during the Holocaust: A Survivors' Perspective // *Yad Vashem Studies*. Vol. 37. Part 1. Spring 2009. P. 53—83.)

²⁴ Ibid. P. 178.

²⁵ Одна из журналисток, принимавшая участие в форуме, отметила следующий момент: складывается впечатление, что между скандалом, спровоцированным книгой Назарии, и этой конференцией прошли «не месяцы, а годы: столь они разные по подходу к самой теме и по серьезности расследований, вынесенных на обсуждение». См.: *Лукьянчикова М.* Судьба евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии в 1940—1944 годах. Репортаж с международной конференции // *Истоки жизни*. 2006. № 2. Окт. С. 10.

²⁶ Например, председатель Национальной ассоциации историков Молдовы в своем выступлении обозначил необходимость уточнить определение Холокоста: «До недавнего времени Холокост означал физическое уничтожение евреев, теперь же под ним подразумевается репрессивная политика, включающая в себя депортации, лагеря и т.д.». См. там же. С. 10—11.

²⁷ *Moraru L.* Holocaust in Bessarabia? // *Flux*. 2006. Oct. 17.

²⁸ *Dumitru D., Johnson C.* Constructing Inter-Ethnic Conflict and Cooperation: Why Some People Harmed and Others Helped Jews during the Romanian Holocaust // *World Politics*. 2011. Jan.; *Dumitru D.* The Attitude of the Non-Jewish Population of Bessarabia and Transnistria towards the Jews during the Holocaust: A Survivors' Perspective. P. 53—83; *Eadem.* Atitudinea populației ne-evreiești din Basarabia și Transnistria către evreii în perioada Holocaustului: o perspectivă a supraviețuitorilor // *Holocaust. Studii și cercetări*. Vol. 1. No. 2. 2009. P. 35—58; *Eadem.* The Use and Abuse of the Holocaust: Historiography and Politics in Moldova. P. 49—73; *Думитру Д.* В лабиринте политизации: преподавание Холокоста в школах Республики Молдова; *Dumitru D.* Moldawien seit 1990 // *Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart*. Vol. I. «Laender und Regionen»/ Ed. by W. Benz, W. Bergmann, J. Heil, J. Wetzel,

U. Wyrwa. Munich: K.G. Saur Verlag, 2008. P. 235—236; *Eadem*. Moldova: Holocaust als Spielball. Der schwierige Umgang mit dem jüdischen Erbe // Osteuropa. 2008. 58 Jahrgang. 8—10 (Aug.—Okt.). S. 481—492; *Eadem*. In Memoriam: Jean Ancel, 1940—2008 // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 22. No 3. Winter 2008. P. 605—606; *Eadem*. Educarea toleranțoei la lecțiile de istorie? Predarea Holocaustului și ocolile din Republica Moldova // Valorile multiculturalității. Lucrări prezentate la Simpozionul Internațional Valorile Multiculturalității, 16—18 noiembrie 2007 / B. Layslo, V. Sibianu (eds.). Miercurea Ciuc: Editura Status, 2007. P. 217—229; *Eadem*. Book review on Yuri Slezkine's «The Jewish Century» (Princeton Univ.Press, 2004) // East European Jewish Affairs. December 2006. P. 238—241.

²⁹ Holocaustul la periferie. Persecutarea și nimicirea evreilor în România și Transnistria în 1940—1944 / W. Benz, B. Mihok (eds.). Chișinău: Cartier, 2010.

³⁰ O carte despre Holocaust a fost lansată la Chișinău // Timpul. 2010. Mai 16.

³¹ <http://www.timpul.md/articol/o-carte-despre-holocaust-a-fost-lansata-la-chisinau-10718.html>

(prosmotreno 6 avgusta 2010 r.). Прописные буквы присутствуют в оригинале.

³² *Ancel J.* Documents Concerning the Fate of Romanian Jewry during the Holocaust. Vol. VIII. N. Y.: Beate Klarsfeld Foundation, 1986. P. 579.

³³ Подобные эпизоды были отмечены в Окул Алб, Ленкэуць, Гырбова, Вэлчинец, Скэень и др.

³⁴ Ситуация отличается в школах национальных меньшинств, где преобладает пророссийская трактовка истории.

МИРОВОЙ КОНТЕКСТ

Ютта Шерфер

Германия и Франция: проработка прошлого

Разгромное поражение Германии во Второй мировой войне потребовало принципиального изменения ее политической ориентации. В частности, пришедшие к власти правительства в западной и восточной частях Германии должны были определиться в своем отношении к недавнему прошлому. Притом память о национал-социализме и Сопротивлении в двух немецких государствах была отнюдь не общей. В ФРГ неотъемлемым элементом политической культуры стало признание вины за Холокост. Напротив, в ГДР, объявившей себя антифашистским государством, национал-социализм рассматривался как явление чужой, внешней по отношению к ней истории, а сама Восточная Германия провозглашалась сокрушительницей национал-социалистической диктатуры. После воссоединения в 1990 г. обоих немецких государств стала актуальной еще и «проработка диктатуры ГДР» (*Diktaturaufarbeitung der DDR*), как это обозначено в официальном дискурсе ФРГ. Что касается Франции, то там историческая политика Де Голля и его последователей десятилетиями определялась памятью о *résistance* (Сопротивление). Лишь со временем изменившиеся историко-политические обстоятельства позволили критически переосмыслить вопрос о коллаборационизме режима Виши и депортации евреев из той части Франции, которая находилась под контролем французского правительства, а позже сделать достоянием «долга памяти» (*devoir de mémoire*)

войну в Алжире и пытки, практиковавшиеся в ходе ее французскими военными.

В последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты исторической политики (*Geschichtspolitik*), политики прошлого (*Vergangenheitspolitik*), политики идентичности (*Identitätspolitik*) и политики памяти (*Erinnerungspolitik*). Это позволяет связать воедино такие понятия, как памятные места и мемориалы, культура памяти (*Erinnerungskultur*), культура истории (*Geschichtskultur*) и историческое сознание (*Geschichtsbewusstsein*), но прежде всего определить соотношение истории и памяти (а также индивидуальной, коллективной, национальной, социальной, коммуникативной и культурной функций памяти). Все эти понятия имеют отношение к идентичности либо же к поискам идентичности того или иного рода. Концепты «политика прошлого» и «историческая политика» первоначально появились в Западной Германии в связи с несколько расплывчатым и потому труднопереводимым понятием «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*). В то время как «преодоление прошлого» лишь очень отдаленно связано с памятью о террористическом режиме и учиненном им Холокосте, термины «политика прошлого» и «историческая политика» ориентированы на более прагматичную и одновременно реалистическую оценку прошлого.

Сегодня немецкое *Vergangenheitsbewältigung* («преодоление прошлого») употребляется в других языках, прежде всего в английском и французском, без перевода, но только по отношению к Федеративной Республике Германии и Третьему рейху. Напротив, возникший позднее концепт «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*), восходящий к статье Теодора Адорно 1959 г.¹, не ограничивается только Федеративной Республикой, а распространяется и на другие государства. «Безжалостное осмысление (*schonungslose Reflexion*)» прошлого, утверждал Адорно, должно эффективно воздействовать из-

нутри, как самоанализ, а не служить внешним силам в качестве пропагандистского оружия. Следовательно, «проработка прошлого» означает критическую работу над памятью о прошлом.

В немецком языке понятие «политика прошлого» относится к немецкому прошлому и его преодолению или, по меньшей мере, проработке. Понятно, что политика прошлого имеет дело с институциональным и персональным наследием прежней системы и нацелена на принятие в относительно короткие сроки некоторых законодательных и судебных решений, связанных с этим прошлым. Напротив, историческая политика в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности (*Geschichts— und Identitätsbilder*), которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды. В демократических обществах историческая политика ни в коем случае не ограничена собственно политической сферой, в нее, наряду с политиками и публицистами, вовлечены также представители разных других профессиональных групп с различными интересами и стратегиями, которые они привносят в осмысление истории. В политическом оформлении исторических представлений решающая роль принадлежит историкам, действующим в сферах своей профессиональной компетенции: ученым и преподавателям, архивистам и кураторам экспозиций, музейным работникам и сотрудникам мемориалов. При этом сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого.

Поэтому историческая политика — это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это также нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив. Историческая политика — это еще и тематика

научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит.

В данной статье я использую понятие «историческая политика» в широком смысле, как оно обычно употребляется в современной исторической и политической науке, а также в политической социологии, и в значительно меньшей степени прибегаю к понятиям «политика прошлого» и «политика памяти», имея в виду публичное обращение к истории и памяти². К этому же разряду, без сомнения, принадлежит использование истории в государственных и политических целях, однако ни в коем случае нельзя сводить историческую политику только к официальной трактовке истории.

Германия

По отношению к национал-социалистскому прошлому государства — преемники германского рейха, ФРГ и ГДР, придерживались совершенно разных стратегий, которые определялись соответствующими оккупационными властями.

ФРГ (до воссоединения с Восточной Германией)

Переход от диктатуры к демократии был крайне трудным и длительным процессом. 1945 г. не стал точкой отсчета, знаменующей начало совершенно новой немецкой истории. Не было какой-то готовой нормы, к которой можно было бы перейти. Сразу после окончания войны не произошло решительного разрыва с наследством Третьего рейха. Огромное большинство немцев стремилось к материальному и психологическому возрождению, вытесняя из сознания реалии нацистского государства, только-только ставшие прошлым. Нюрн-

бергские процессы³, которые, по замыслу держав-победителей, должны были сыграть также и воспитательную роль, оставляли немцев равнодушными или вызывали неприятие — населению Германии хотелось достичь хоть какой-то «нормализации». Осознания преступного характера национал-социализма не произошло. Господствовало мнение, что все происходящее — это просто суд победителей над побежденными. Преступления Третьего рейха в общественном сознании уравнивались с ущербом, нанесенным немецким городам бомбардировками союзников, а признание массовых национал-социалистических организаций преступными воспринималось как огульное коллективное обвинение всего народа. Исключениями стали лишь немногие общественно значимые фигуры и политики, которые, как философ Карл Ясперс, протестантский теолог Карл Барт и первый президент ФРГ Теодор Хейс, заговорили о коллективной вине и коллективном стыде и в конечном итоге заявили о «коллективной ответственности» немецкого народа за Холокост, имея в виду необходимость признания своей вины и обязанность ее искупить. Именно из осознания ответственности за преемственность и разрывы в культуре и обществе родился концепт «проработка прошлого».

Проработка прошлого в 1949 г. и далее в 1950-е гг. позволила историку Норберту Фраю говорить о «политике прошлого»⁴. Эта политика, которая формировалась по мере все более активной интеграции ФРГ в сообщество западных государств (в том числе и по мере расширения рамок исторической политики), означала в первую очередь:

- уголовно-правовую и судебную квалификацию совершенных нацистами преступлений с применением насилия;
- политико-правовое отношение к национал-социалистическому прошлому, то есть компенсацию ущерба различным категориям жертв национал-социализма и персональное юридическое преследование конкретных преступников из числа национал-социалистов;

- критический разбор национал-социалистического прошлого и его проработка в исторических трудах, литературе, искусстве и философии.

Все эти три измерения политики прошлого были в известной степени идентичны политическим и общественным детерминантам «преодоления прошлого». В первые два десятилетия существования ФРГ здесь шли широкие политические дебаты о преступлениях, совершенных национал-социалистами, о компенсации ущерба различным категориям жертв, о реституции, репарациях, антисемитизме и процессах над национал-социалистами.

Навязанная западными союзниками денацификация в Западной Германии была малоуспешной. Уже в 1949 г. был принят закон об амнистии, который открыл многочисленным бывшим национал-социалистическим чиновникам и кадровым военным путь в государственные структуры и в заново формируемую армию. И вряд ли экономическое возрождение и перевооружение ФРГ могли бы состояться без опыта и знаний представителей прежнего национал-социалистического режима. В эпоху Аденауэра политика прошлого обосновывала отказ от дальнейшего уголовного преследования нацистов со ссылкой на желательность умиротворения общества и политической стабилизации. В середине 1950-х уже почти никто не опасался преследований со стороны государства или судебных органов за свое национал-социалистическое прошлое. Однако черта была подведена не только под прошлым 3,6 млн денацифицированных и десятков тысяч амнистированных немцев. По большей части вышли на свободу и те, кто в 1945—1949 гг. был осужден в рамках Нюрнбергских процессов или военными судами союзников за военные либо нацистские преступления.

Несмотря на вытеснение из сознания «проклятого» прошлого в первые два послевоенных десятилетия, дух преодоления прошлого был жив в литературе, театре, кинематографе и

других видах искусства, оказывая воздействие на формирующееся историческое сознание. Достаточно упомянуть провокативный спектакль Рольфа Хоххута «Наместник» (1963 г.) и два самых известных и успешных в западногерманской литературе романа, посвященных проработке национал-социалистического прошлого: «Жестяной барабан» (1959 г.) Гюнтера Грасса и «Урок немецкого» (1968 г.) Зигфрида Ленца.

В рамках преодоления прошлого, основной задачей которого применительно к современной истории стало критическое изучение нацистского периода и преступлений национал-социализма, в Мюнхене в 1952 г. был основан Институт современной истории. В 1960-е гг. кафедры современной истории стали создаваться при исторических факультетах. Тем не менее процесс включения в школьные программы взрывоопасных вопросов о причинах Холокоста и заражения всего общества национал-социалистической идеологией оказался длительным и трудным. Даже в 1960-е границы Германии в географических атласах указывались по состоянию на 1937 г., и бывшие немецкие восточные области обозначались как «находящиеся под управлением Польши».

Только в конце 1950-х и в начале 1960-х гг. в ведущих средствах массовой информации постепенно начиналось обсуждение до тех пор вытеснявшегося из сознания прошлого, что в конечном счете привело к образованию той специфической политической культуры ФРГ, важнейшим элементом которой является моральное неприятие нацизма. Процессы над Эйхманом в Иерусалиме (1961—1962 гг.), над палачами Освенцима во Франкфурте (1963—1964 гг.) и другие крупные процессы против бывших национал-социалистов, а также споры о сроках давности в бундестаге привели к заметному росту интереса в обществе к национал-социалистическому прошлому. Прежде всего, смена поколений явно способствовала тому, что в повестке дня политики прошлого появилось требование критической проработки прошлого. В 1960-х возникло представление о «непреодоленном прошлом», которое вызвало много-

численные протесты людей, поддерживавших национал-социализм или даже активно участвовавших в его деятельности. Но смена ориентиров произошла, и во многом этому способствовало «поколение 1968 года».

Переоценка политико-культурных ценностей в 1970-х и 1980-х гг., в контексте которой формировалась доминирующая сегодня в ФРГ культура памяти, центрированная вокруг жертв нацизма, предполагала открытое критическое обсуждение и признание вины. Важным этапом на этом пути стала восточная политика Вилли Брандта, которая ориентировала политику прошлого, основанную на признании ответственности немцев за нацизм, в направлении исторической политики, имевшей целью повлиять на будущее.

7 декабря 1970 г. первый социал-демократический канцлер ФРГ подписал в Варшаве договор, в соответствии с которым граница между Германией и Польшей по линии Одер—Нейссе признавалась окончательной. При этом Брандт объяснил, что федеральное правительство просто приняло данный факт как «результат истории» (*die Ergebnisse der Geschichte*). В тот же день канцлер от имени немецкого народа преклонил колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот эпизод с преклонением колен, символизировавший радикальный разрыв с прежним курсом западно-германской внешней политики, а также просьба от имени немецкого народа о прощении за совершенные преступления поляризовали немецкое общество. Однако со временем изображение коленопреклоненного Брандта стало в сознании не только многих немцев, но также поляков и представителей других наций символом политики сближения и примирения, основанной на моральных принципах. В рамках недели братства в 1971 г. Брандт подчеркнул, что память об Освенциме будет оставаться душевной травмой и для будущих поколений.

Длительное замалчивание преступлений Третьего рейха было нарушено в 1970-е гг., когда стали проводиться выставки и создаваться новые исторические музеи, которые способство-

вали пересмотру оценок нацистской диктатуры и политическому просвещению в целом. В 1973 г. федеральный президент Густав Хайнеман инициировал конкурс «Немецкая история» для учащихся. Интерес к собственной истории должен был содействовать выработке у детей и молодежи сознания ответственности. Без знания истории нельзя было преодолеть прошлое.

Историко-политическое обучение, историческая и политическая дидактика постепенно становились элементами образования, что создавало условия для проработки прошлого. Историческая дидактика (*Geschichtsdidaktik*) как наука об изучении истории стала самостоятельной научной дисциплиной, занимающейся важнейшей категорией, какой является «историческое сознание». В 1970—1980-е гг. эта категория превратилась в ключевую в рамках исторической дидактики. На формирование исторического и политического сознания влияла также музейная и мемориальная политика. Начиная с 1980-х школы открыли свои двери для свидетелей событий нацистских времен, которые рассказывали о борьбе за выживание и преследованиях в национал-социалистическом государстве. В рамках политики прошлого устная история (*oral history*), то есть воспоминания современников событий, стали признанным методом изучения новейшей истории.

Хотя в немецких документальных и художественных фильмах времена национал-социализма освещались довольно обстоятельно, лишь зарубежный, американский телесериал «Холокост», выпущенный в январе 1979 г., смог потрясти сознание массового зрителя и пробудил у него готовность к критическому анализу национал-социалистического прошлого. Этот четырехсерийный телефильм каждый вечер собирал у экранов от 10 до 20 млн зрителей — больше, чем любая другая передача немецкого телевидения, посвященная современной истории. Этот сериал имел также и семантическое влияние: с тех пор слово «Холокост» стало употребляться в Германии для обозначения нацистского «окончательного решения еврейского

вопроса», то есть полного уничтожения евреев. Общество немецкого языка объявило «Холокост» «словом 1979 года».

Тем не менее вытеснение из сознания и отрицание преступного характера национал-социализма, по мнению философа и публициста Ральфа Джордано, в 1980-е приняло в немецком обществе форму «повторной вины» (*zweite Schuld*) и «самообмана» (*Lebenslüge*). Психианалитики Александр и Маргарете Мичерлих еще в 1967 г. в своей вызвавшей горячую дискуссию книге «Неспособность к скорби» (*Die Unfähigkeit zu trauern*), опираясь на примеры враждебного отношения отдельных людей и масс в целом к признанию вины за соучастие в политических преступлениях, указали на недостаточную активность властей и общества в эпоху Аденауэра в преодолении нацистских преступлений.

В 1970-е гг. усилилась тенденция к отрицанию или преуменьшению масштабов уничтожения евреев и к отказу признать существование газовых камер. Подобные умонастроения были характерны преимущественно для крайне правых кругов, и это явление получило название ревизионизма, или «отрицания» (*Negationismus*). В 1985 г. в ответ на попытки ревизионистов фальсифицировать историю был принят закон «О лжи об Освенциме» (*Auschwitz-Lüge*) с дополнениями от 1992, 2002 и 2005 гг., согласно которому отрицание Холокоста преследуется по закону. Раньше Холокост в уголовно-правовом отношении ставился в один ряд с насильственными действиями других диктатур, что серьезно затрудняло его осуждение. Авторитетным представителям общественности, которые ставили под сомнение введение уголовно-правового понятия «отрицание Холокоста» как средства «преодоления прошлого» и настаивали вместо этого на политическом просвещении, не смогли — в отличие от других стран — добиться своего ввиду специфики немецкого прошлого.

Заметной вехой в исторической политике ФРГ стала памятная речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера, с которой он выступил в бундестаге 8 мая 1985 г. в честь

40-й годовщины окончания войны и ликвидации национал-социалистической тирании. Впервые человек, занимающий высший государственный пост в ФРГ, назвал 8 мая «днем освобождения» (а не днем капитуляции или краха), который «освободил нас всех от системы национал-социалистической тирании, презирающей человека. Никто, даже ради этого освобождения, не забудет о том, какие страдания обрушились на многих людей после 8 мая. Но мы не можем считать причиной бегства, изгнания и зависимости окончание войны. Напротив, причина кроется в ее начале и в начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945 г. от 30 января 1933 г.». В этой речи фон Вайцзеккер впервые назвал все категории массовых жертв национал-социализма: евреи, западноевропейские и восточноевропейские цыгане, коммунисты, гомосексуалисты.

Следующим важным этапом поиска немецкой национальной идентичности стал так называемый спор историков, который разгорелся в 1986—1987 гг. в связи с обсуждением немецкого прошлого и сомнениями относительно совершенных немцами преступлений. Его инициаторами выступили философ Юрген Хабермас и историк Эрнст Нольте. Хабермаса поддержали историки Ханс Моммзен, Эберхард Йеккель и публицист Рудольф Аугштайн (издатель и шеф-редактор журнала «Шпигель»), а на стороне Нольте выступили историки Андреас Хиллгрубер, Иоахим Фест, Юрген Хильдебранд и советник Гельмута Коля Михаэль Штюрмер. В этом споре, в котором, по словам Хабермаса, речь шла об «апологетических тенденциях в описании современной немецкой истории», то есть об отношении к совершенным немцами преступлениям, впервые было использовано новое понятие «историческая политика» — в смысле возможности влияния исторических интерпретаций на политические дебаты.

Если говорить в общих чертах, то Нольте представлял войну Германии против СССР в 1941—1945 гг. прежде всего как превентивную защитную меру национал-социалистов против

угрозы развязывания Советским Союзом войны с Германией, а создание национал-социалистических концентрационных лагерей и лагерей смерти — просто как реакцию на сталинский ГУЛАГ. При этом военные преступления немцев и практику геноцида во времена национал-социализма он объяснял не внутригерманскими, а внешними по отношению к Германии причинами⁵. Главный аргумент Хабермаса в полемике с Нольте состоял в том, что нацистские преступления, представляемые как «реакция на большевистскую угрозу уничтожения», и Освенцим, сводимый к формату технической инновации, теряют свою историческую «беспрецедентность». Возражая против историзации Эрнстом Нольте преступлений нацизма, Хабермас настаивал на том, что искать национальную идентичность Германии следует в «конституционном патриотизме» (*Verfassungspatriotismus*), который видит гражданство единственной альтернативой этнической идентичности и который представляет собой единственно возможную форму патриотизма, «не отчуждающую нас от Запада»⁶.

С тех пор понятие конституционного патриотизма стало основным в исторической политике в ФРГ, а признание геноцида европейских евреев как исторически беспрецедентного феномена легло в основу политического самосознания ФРГ. «Спор историков» также ставит вопрос о том, можно ли сравнивать национал-социалистическую диктатуру с другими диктатурами и что именно позволило национал-социализму найти опору в широких массах.

ГДР

История разделенной Германии стала также историей разделенного прошлого и разделенной памяти о национал-социализме и сопротивлении национал-социалистическому режиму. Каждое из двух немецких государств воспринимало себя как политическую альтернативу национал-социалистической дик-

татуре: ФРГ — как парламентскую демократию западного образца, а ГДР — как «антифашистское» государство. Еще до образования ФРГ и ГДР (1949 г.) денацификация в западной и в восточной частях Германии проходила по-разному — согласно идеологическим установкам соответствующих оккупационных властей. В ГДР была проведена радикальная замена национал-социалистической функциональной элиты; в ФРГ ничего сравнимого по масштабам не произошло. В «антифашистской» ГДР период национал-социализма рассматривался как чужая история и подразумевалось, что Германская Демократическая Республика и есть победительница диктатуры национал-социализма. Исходя из основополагающего мифа об антифашизме, ГДР также претендовала на наследие антигитлеровского Сопротивления. При этом внимание в Восточной Германии продолжительное время было сосредоточено на героизированном коммунистическом Сопротивлении, которое на Западе сначала игнорировали в пользу столь же идеализированного военного и гражданского Сопротивления. Евреи, как отдельная категория жертв, в ГДР никак не упоминались, и никаких дискуссий о Холокосте здесь не было. ФРГ как государство — преемник Третьего рейха взяла на себя всю ответственность за совершенную несправедливость и возмещала ущерб Израилю (не в последнюю очередь для того, чтобы интегрироваться в сообщество западных государств). Восточная Германия в этом процессе возмещения ущерба не участвовала. Согласно официальной позиции, ГДР, как антифашистское государство, не имела с Третьим рейхом ничего общего и поэтому не могла привлекаться к ответственности за преступления национал-социализма. Только весной 1990 г. первая свободно избранная Народная палата и последнее правительство ГДР признали ответственность всей Германии за Холокост. Поскольку у Восточной Германии не было необходимых финансовых средств, чтобы выплачивать компенсации Израилю, она открыла свои границы всем евреям, которые хотели эмигрировать из Советского Союза.

С 1950 г. антифашистское самосознание ГДР подкреплялось празднованиями 8 мая как «Дня освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма». До 1966 г. день 8 мая, как и в СССР, был узаконенным праздником. В 1985 г., в сороковую годовщину окончания войны, 8 мая снова отмечалось как праздничный день. Только в 1980-е миф об антифашистском Сопротивлении стал разрушаться.

Происходившие в ФРГ часто весьма напряженные обсуждения понятий «политика прошлого», «историческая политика» и «культура памяти» прошли мимо ГДР, не оставив там никакого следа. Напротив, понятие «историческое сознание» было включено в лексикон «второго немецкого государства». Историческое сознание (с помощью системы преподавания и пропаганды истории) стало синонимом социалистического сознания и должно было содействовать победе в «классовом противостоянии между социализмом и империализмом». Несмотря на то, что история в ГДР была прерогативой политики и ее главной задачей было обоснование легитимности государства СЕПГ, порой приходилось серьезно менять исторические трактовки, прибегая к интеллектуальной эквилибристике. В ГДР велись исследования и по современной истории, однако, в отличие от ФРГ, лишь по послевоенной.

Новая ФРГ, или объединенная Германия

Знаменательные события 1989 г. и воссоединение в 1990 г. немецких государств не изменили подхода новой ФРГ к национал-социалистическому прошлому. Напротив, общественный интерес к Третьему рейху и Холокосту даже возрос. Но теперь, после объединения двух частей Германии, прошлое ГДР тоже стало объектом политики прошлого и исторической политики. Запаздывание старой ФРГ в проработке «первой немецкой диктатуры» в 1950-е гг. не должно было повториться в случае с диктатурой ГДР. Гэдээровское прошлое как бы накладывалось

на прошлое национал-социализма и позволяло сблизить одно с другим.

Для проработки прошлого ГДР использовались почти те же критерии, что и после краха нацистского режима в 1945 г.: уголовно-правовое преследование преступников, их гражданская дисквалификация, а также компенсации жертвам. Однако, прежде всего, речь шла о юридической и уголовно-правовой проработке прошлого ГДР как неправового государства. Снова вошло в оборот выражение «правосудие победителей», но на этот раз победителями были братья по крови, представители того же народа. Для пожилых людей это была уже вторая «нулевая точка»: для них второй раз пробил час «Ч», и в 1990 г., как и в 1945 г., они были дезориентированы. Потому что и теперь потерпевшее крах общество ГДР не могло сразу освободиться от тяжелого наследия диктатуры СЕПГ.

Проработка истории ГДР на основе массы архивных материалов, доступ к которым был открыт сразу после ликвидации восточногерманского государства, происходила с беспрецедентной скоростью. Длина полок только с документами Министерства государственной безопасности составила 170 погонных километров. Оценка этих документов шла непрерывно и опиралась на опыт, накопленный после 1945 г. Так, сразу же была создана парламентская комиссия, призванная заниматься «проработкой истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» (чего не было в свое время сделано при сведении счетов с национал-социализмом), которая уже собрала девять томов экспертных материалов и опросов свидетелей.

И действительно, ни одна область современной европейской истории после 1945 г. не исследовалась столь интенсивно, как исчезнувшее в 1990 г. восточногерманское государство и общество⁷. К тому же изучать ГДР помогали многочисленные специальные институты. Кроме уже упомянутой парламентской комиссии, созданной в 1992 г., заслуживают упоминания Центр исследования современной истории в Потсдаме, Институт Ханны Арендт в Дрездене, Отдел образования и исследова-

ний при Федеральном уполномоченном по изучению документов службы государственной безопасности бывшей ГДР (по имени его первого руководителя именованный «ведомством Гаука» — ныне «ведомство Биртлер»). Открытие новых исторических музеев, реконструкция мемориалов в память о жертвах национал-социализма и создание мемориалов жертвам политических преследований в ГДР позволили в самое короткое время сформировать новую культуру памяти и воспоминаний о советской оккупационной зоне в Германии и о ГДР. Взять хотя бы известную практику использования НКВД/МВД бывших национал-социалистских лагерей (в частности, Бухенвальда), где в 1945—1949 гг. коммунистические капо (надзиратели из числа заключенных) сотрудничали с бывшим фашистским руководством лагерей.

Так как в 1990-х проработка прошлого была в основном сосредоточена вокруг восточногерманской службы государственной безопасности⁸, все новые и новые открытия укрепляли представление о ГДР как о «государстве Штази». Это часто больно било по чувству собственного достоинства бывших граждан Восточной Германии, которые видели в ГДР отнюдь не только неправое государство и диктатуру. ФРГ в рамках исторической политики пока так и не удалось интегрировать все пережитое бывшими жителями ГДР в новое общегерманское национальное самосознание. Так, 8 мая 2009 г. уроженка Восточной Германии канцлер Ангела Меркель назвала ГДР «неправовым государством» и «государством доносчиков».

Берлин, как новая столица воссоединенной Германии, теперь осмысливает культуру памяти, которой могла бы руководствоваться немецкая историческая политика. Создание Немецкого исторического музея призвано как бы оплатить двойной послевоенный счет Германии. В центре города в 2005 г. возведен центральный немецкий мемориал в память евреев, убитых в Европе. Это головной музей Холокоста в Германии, место памяти и воспоминаний о шести миллионах жертв-евреев. Однако публичные дебаты вокруг Берлинского мемориала

Холокоста проходили отнюдь не умиротворенно: как-никак народ впервые ставил в центре своей столицы памятник собственному позору. Еврейский музей в центре Берлина — самый большой музей такого типа в Европе — был открыт еще раньше (2001 г.). В память о других категориях жертв, например, о цыганах, которые протестовали против деления жертв геноцида на первый и второй сорт, должен быть создан отдельный мемориал.

Сооружение памятника Холокоста является своего рода апогеем исторической политики и политики памяти в Германии, но, с другой стороны, в воссоединенной Германии укрепляется взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами. В этой связи характерны историко-политические демарши объединений «изгнанных», которые намереваются создать в Берлине «Центр против изгнаний». Другие группы выступают против декретов Бенеша⁹. Переселение восточноевропейских этнических немцев трактуется как «преступление против человечности», при этом игнорируется исторический контекст, то есть вопрос о причинах переселения. В соседних Польше и Чехии план создания Центра изгнанных имел сильный политический резонанс: здесь возникли опасения, что музей такого рода завуалирует вопрос о том, кто несет ответственность за Вторую мировую войну и тем самым за последовавшие изгнания.

Ландшафт немецкой памяти порой дает трещины в самых неожиданных местах. Так, до сих пор политически безупречный писатель Мартин Вальзер в своей благодарственной речи 11 октября 1998 г. в связи с награждением его Премией мира Немецкой книготорговли раскритиковал «долг памяти». Освенцим, по его словам, превратился в универсальную «моральную дубинку», а «наш позор используется в целях, не имеющих никакого отношения к прошлому». Вальзер выступил против «ритуализации» общественной памяти и за перенос конфликта с национал-социализмом на уровень индивидуальной совести.

Другого рода провокативность в отношении немецкой исторической политики продемонстрировал американский политолог Даниэль Голдхаген. В своей опубликованной в 1996 г. в США диссертации «Гитлеровские добровольные палачи», которая появилась в немецком переводе в 1998 г., он утверждает, что немцы — самое позднее с XIX столетия — стали руководствоваться когнитивной моделью «антисемитизма, исключаящего евреев из числа представителей рода человеческого» (*eliminatorischen Antisemitismus*), в результате чего евреи представляли людьми, заслужившими ненависть. Вопрос «Так все-таки все немцы виновны?» спровоцировал новый спор среди историков, который, как никакая другая дискуссия до этого, пробудил в обществе интерес к исторической науке и одновременно удовлетворил потребность СМИ в скандалах.

Можно привести много других примеров, подтверждающих, что Германия не освободилась от своего прошлого и что политика прошлого и историческая политика по-прежнему тесно связаны между собой. Это подтверждается настоящим бумом в музеях, на выставках и на мемориальных мероприятиях, посвященных жертвам национал-социализма, и вообще широким присутствием исторической тематики в аудиовизуальных СМИ, в связи с чем часто говорят о «рыночной стоимости воспоминаний» (*Marktwert der Erinnerung*) и «театрализации памяти» (*Gedächtnistheater*), спорами вокруг закона о компенсациях лицам, угнанным на принудительные работы в Третий рейх, выставкой (1995 г.), посвященной преступлениям вермахта во Второй мировой войне, процессом запрета НДП, спорами о перемещенных ценностях и все новыми процессами над военными преступниками.

По-видимому, национал-социализм и в будущем останется важным фактором немецкой исторической политики, потому что прошлое — это не только некая память, которую можно отработать или преодолеть. Новые поколения ставят новые вопросы, воспринимая прошлое без надрыва и с меньшей однозначностью. Можно ли представить себе диктатора, подоб-

ного Гитлеру, человечным, как в фильме «Крушение» режиссера Оливера Хиршбигеля, или делать его посмешищем, как в фильме «Мой фюрер» режиссера Дани Леви? То, что было табу для старшего поколения, с изменением исторической политики предстает совсем в ином свете.

Франция

Вырастающие из семантического контекста и философии немецкого языка понятия преодоления и проработки прошлого во Франции совершенно неизвестны. Концепт исторической политики сюда тоже до сих пор не проник. Напротив, отношение к прошлому здесь тесно связано с проблематикой памяти и «работой памяти» (*travail de mémoire*). Определяющим событием здесь стало появление в 1978 г. статьи историка Пьера Нора о «коллективной памяти». Так же, как и в случае общего определения памяти, для Нора важно то, что историки могут извлечь из нее пользу, отмечая и описывая все те формы присутствия прошлого и политизированного подхода к истории, которые до сих пор не подверглись критическому анализу в историографии. Большой успех публикации под редакцией Нора «Места памяти» (*Lieux de Mémoire*) (1984—1992 гг.)¹⁰, в которой памятные места трактовались как символы национальной идентичности, придал новый импульс исследованию проблематики памяти. В общественном дискурсе сначала использовалось только понятие «политика памяти» (*politique de la mémoire*), а также — намного реже — «управление прошлым» (*gestion du passé*). В 1990-х появилось понятие «долг памяти» (*devoir de mémoire*), которое сначала использовалось применительно к депортации и геноциду французских (и других европейских) евреев и на котором настаивали союзы бывших жертв депортации. Между тем моральный и нормативный долг памяти имеет отношение также и к другим категориям жертв.

Проблематике памяти посвящено необозримое море литературы, размеры которой можно сравнить только с объемом теоретико-методических и концептуальных статей о политике прошлого, исторической политике и культуре памяти в Германии. Однако даже с учетом того, что «политику, имеющую дело с памятью» (*Politik mit der Erinnerung*), часто весьма трудно отличить от «политики, имеющей дело с историей» (*Politik mit der Geschichte*), и от «политики, имеющей дело с прошлым» (*Politik der Vergangenheit*), французская «политика памяти» имеет совсем иные корни, нежели политика прошлого и историческая политика в Германии, не говоря уже о том, что они весьма различны по своим целям. Ниже я опишу некоторые важнейшие этапы формирования французской политики памяти и долга памяти. Кстати, отмечу, что современная французская история и историография морально-нормативной формуле «долг памяти» предпочитает выражение «политическое использование прошлого» (*usage politique du passé*, иногда во множественном числе: *usages politiques du passé*)¹¹.

Капитуляция 1940 г. и последующая немецкая оккупация страны, продолжавшаяся вплоть до лета 1944 г., разрушили единство французской нации. После окончания оккупации надо было создавать новую основу национального единства, и различные политические силы принялись разрабатывать, по существу, модели преодоления возникшей ситуации. Необходимо было ликвидировать появившиеся в обществе разломы, опираясь на идею некоей скрепляющей нацию идентичности. Ключевую роль в этом сыграло Сопротивление, идеологическое использование которого было особенно выгодно голлистам и коммунистам. В послевоенной Франции оба движения пользовались большим влиянием, и хотя в идеологическом плане между ними было мало общего, для тех и других история и память значили очень много. В обеих партиях Сопротивление трактовалось как вооруженная национально-освободительная борьба. Каждая из них считала, что она не только представляет определенные политические интересы, но и образует

некую общность, которая строится и легитимируется на основе объединяющей ее членов интерпретации истории. Де Голль и его сторонники обращались к тому большинству французского населения, которое не участвовало в Сопротивлении, но и не сотрудничало с немцами. В голлистской модели внешнее сопротивление нацистам за пределами Франции, но также и внутреннее сопротивление, были в первую очередь продолжением войны, пусть и нетрадиционными средствами. При этом господствующая интерпретация Сопротивления голлистами ставила в центр не образ борца, а нацию в целом, так что картина Сопротивления обходилась без фигуры борца Сопротивления, что обеспечило ее позитивное восприятие широкими массами населения независимо от политической ориентации. Эта голлистская интерпретация Сопротивления, не в последнюю очередь под влиянием государственной режиссуры, в 1950-х и 1960-х гг. стала господствующей. Акцентирование военно-патриотических аспектов Сопротивления, кроме всего прочего, несло в себе определенный реабилитирующий момент: ответственность за режим Виши ложилась лишь на сравнительно немногих людей, а большинство населения Франции освобождалось от подозрений в пассивной лояльности этому режиму или даже его поддержке.

От Де Голля до Миттерана история выполняла терапевтическую и педагогическую функции. Обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации. Де Голль с особой настойчивостью возвеличивал нацию как раз в то время, когда Франция всего за несколько лет потеряла свою огромную колониальную империю. Наследовавший Де Голлю Жорж Помпиду перед лицом страхов, пережитых в связи с войнами в Индокитае и Алжире, напротив, призывал «забыть об этих ранах, разделяющих французов, из уважения к Франции». Миттеран же воспринимался как «верный и доблестный наследник» Французской революции, двухсотлетие которой он пышно отпраздновал, обойдя спорные вопросы о революционной диктатуре и насилии, в отношении которых французы

до сих пор расходятся во мнениях. Революция, по Миттерану, олицетворяла только права человека.

Свою непосредственную причастность к истории французские президенты охотно подтверждают эффектными публичными жестами. Так, в день своего вступления в должность президента Франции (21 мая 1981 г.) Франсуа Миттеран посетил Пантеон, чтобы продемонстрировать тесную связь с «великими людьми нации». Связь с историей должна была продемонстрировать и состоявшаяся в 1984 г. на полях сражений Вердена встреча французского президента с канцлером ФРГ Гельмутом Коелем, которые протянули друг другу руку над могилами 800 тысяч павших здесь французских и немецких солдат в знак примирения бывших «заклятых врагов» (это очень напоминает эпизод с преклонением колен Вилли Брандтом перед мемориалом еврейского гетто в Варшаве «ради наступления мира»). Эта сцена в Вердене вошла в новый немецко-французский учебник истории, появившийся в рамках совместной историко-политической инициативы обеих стран.

Единственный президент Пятой республики, воспринимавший прошлое как груз, от которого следовало освободиться, — это Валери Жискар д'Эстен. Он, в частности, отменил в 1975 г. торжественное празднование 8 мая (в свою очередь Миттеран отменил это решение Жискар д'Эстена сразу после своего избрания в 1981 г.). В своем новогоднем телеобращении в 1977 г. Жискар д'Эстен призвал французов не поддаваться «ревматическим болям истории».

Если Де Голль и Миттеран полагали, что республика не несет никакой ответственности за преступления, совершенные режимом Виши, то Жак Ширак по сравнению со своими предшественниками выглядел просто иконоборцем: в своей речи, произнесенной 16 июля 1995 г. в память жертвам «Вель д'ив»¹², он признал ответственность французского государства за депортацию евреев и призвал французов к покаянию.

Несмотря на то что во французском лексиконе нет термина «историческая политика», президенты Пятой республики

(с 1958 г.) пользовались историей как стратегическим инструментом своей политики в несравненно больших масштабах, чем президенты и канцлеры ФРГ. Заложённая во французской президентской конституционной системе полнота власти первого лица, которая легитимируется процедурой прямых всенародных выборов президента, обеспечивает ему, в частности, привилегию охранять историю от имени нации и выступать в роли верховного арбитра в отношении различных исторических интерпретаций. Президент также имеет право, например, принимать окончательное решение о том, кто из великих французов должен быть помещен в национальный зал славы Пантеон (пантеонизация) и кто — из стратегических соображений — должен быть «депантеонизирован». Однако, в обход этой важной функции централистского государства, серьезные решения, касающиеся политики памяти, в последние десятилетия тесно увязаны с интересами различных групп гражданского общества, равно как и ангажированных интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются динамикой исторических исследований, поставляющих всё новые материалы. Так, французский миф о Сопrotивлении, по оценкам представителей гражданского общества, с 1970-х претерпевает непрерывную деконструкцию. Появляется все больше свидетельств выживших евреев, которые рассказывают о своем пребывании в лагерях. Фильм Марселя Офюльса «Печаль и жалость» (1972 г.) разрушил представление об однородной Франции, объединяемой Сопrotивлением, показав поведение среднего француза, который если и не сотрудничал с немцами, то умел с ними договориться. Хотя президент Помпиду запретил показ «Печали и жалости» по государственному телевидению, этот фильм положил начало той фазе памяти, которую историк Анри Руссо назвал «разбитым зеркалом». Еще в 1971 г. Помпиду, самолично не участвовавший в Сопrotивлении, полюбил Поля Тувьё, одного из бывших руководителей милиции режима Виши, который помогал шефу гестапо Клаусу Барбье в преследовании евреев. Помпиду хотел подвести чер-

ту под периодом, когда «французы не любили друг друга». В 1973 г. появился наконец французский перевод книги американского историка Роберта Пакстона «Франция в период Виши», который еще в 1964 г. проследил историю коллаборационизма по документальным источникам.

Принятый в 1979 г. (при Жискара д'Эстене) закон позволил открывать архивы уже через 30 лет, и это резко активизировало исторические исследования режима Виши. Все больше свидетельств коллаборационизма и ответственности французов за депортацию евреев становилось достоянием общественности. В 1980 г. в Париже был основан Институт современной истории (*Institut d'histoire du temps présent*) — первое научное учреждение во Франции по изучению новейшей истории.

Основанные на архивных материалах работа Анри Руссо «Синдром Виши: С 1944 г. до наших дней» (1987 г.) и совместная работа Анри Руссо и Эрика Конана «Виши: Прошлое, которое не проходит» (1994 г.), а также открытые историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков способствовали широкому общественному одобрению судебных процессов над военными преступниками. В юридическом и в гражданском плане эти процессы против видных деятелей периода национал-социалистского господства во Франции имели огромное значение для политического просвещения и культуры памяти в стране.

Первым стал большой процесс против Клауса Барбье, одного из самых активных проводников политики национал-социализма в оккупированной Франции. В 1994 г. помилованный президентом Помпиду Поль Тувье был приговорен французским судом к пожизненному заключению за участие в казнях евреев. Следующим в 1998 г. стал процесс против Мориса Папона, генерального секретаря префектуры Бордо, подписавшего указы об аресте и депортации из этого региона более 1 600 евреев. После войны Папон скрывал свое прошлое и быстро продвигался на государственной службе. В 1958 г. Де Голль назначил его префектом полиции Парижа, а в 1961 г. вручил

ему орден Почетного легиона. В том же году, пользуясь полномочиями префекта полиции, Папон разогнал на улицах Парижа демонстрацию сторонников алжирского освободительного движения, о котором стали открыто говорить только в 1980-х гг. В 1978 г. Папон стал министром бюджета в либерально-консервативном правительстве Жискара д'Эстена. Политическая карьера Папона закончилась только в 1981 г. с приходом к власти левого правительства. В том же году в Бордо начался первый процесс в связи с его участием в депортации евреев в 1942—1944 гг. В конце концов в 1998 г. он был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорен к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах.

Этот последний процесс имел особенно широкий общественный резонанс, докатившийся даже до школ. В 2006 г. Верховный суд обязал телеканал «История» (*Histoire*) показать наиболее существенные эпизоды процесса над Папоном. К тому времени на этом канале уже прошли две серии передач о процессах против Барбье и Тувье.

С 1970-х отношение общества к Холокосту стало меняться. Еврейские организации активизировались, а депортированные в прошлом евреи начали открыто рассказывать о том, что они испытали в лагерях. Но вместе с этим нарастало и отрицание Холокоста, то есть существования газовых камер. 13 июля 1990 г. был принят «закон Гайсо» (*Loi Gayssot*), названный по фамилии предложившего его депутата-коммуниста, против расизма, антисемитизма и ксенофобии, который предусматривал наказание за отрицание преступлений против человечности, в частности геноцида в отношении евреев, во время Второй мировой войны.

Закон Гайсо стал первым в ряду так называемых «законов памяти» (*lois mémorielles*), которые образовали ядро системы, именуемой во Франции «политикой памяти» вместе с «долгом памяти» (*devoir de mémoire*) и «работой памяти» (*travail de mémoire*). 29 января 2001 г. влиятельное армянское меньшин-

ство добилось принятия закона, в соответствии с которым «Франция публично признала геноцид армян в 1915 г.». В октябре 2006 г. парламент постановил, что отрицание геноцида армян должно влечь за собой такое же наказание, какое закон Гайсо предусматривает за отрицание геноцида евреев. Однако через сенат этот закон пока не прошел (дело тормозится из-за оглядки на Турцию). Еще один «закон памяти», так называемый закон Тобира (*Loi Taubira* — по имени депутата-социалиста от Французской Гвианы), принятый 21 мая 2001 г., признает «преступлением против человечности» рабство и работорговлю.

Наряду со Второй мировой войной важнейшей темой во французской исторической политике и политике памяти является война в Алжире (1954—1962 гг.). Ангажированные кинорежиссеры уже давно проинформировали французское общество о преступных страницах истории этой военной кампании, однако в официальном лексиконе словосочетание «война в Алжире» долгое время оставалось под запретом, так как оно затрагивало «честь Франции». Вместо этого говорили об «операциях французской армии в Алжире». О совершенных военными преступлениях и пытках французский официоз до недавнего времени не распространялся. Бывшая французская колония Алжир оставалась незаживающей раной не только для Франции, но и для алжирской стороны, которая ожидала жеста покаяния от бывшей метрополии¹³.

23 февраля 2005 г. был принят закон относительно роли Франции как бывшей колониальной державы, и не только применительно к Алжиру. Закон был внесен усилиями лобби ностальгирующих репатриантов и французов алжирского происхождения, то есть преимущественно переселенцев из Алжира. Статья 4 этого закона требует, чтобы на школьных уроках учителя истории подчеркивали «позитивную роль французского присутствия на заморских территориях и, в частности, в Северной Африке».

Эти «законы памяти» с самого начала вызвали противодействие французской общественности. С одной стороны, опасались,

что многочисленные группы жертв и меньшинств, требуя реализации своих «прав» или исполнения «долга памяти», станут преследовать исключительно собственные узкие интересы. С другой стороны, существовала опасность, что законодатели будут выходить за рамки проблем, имеющих отношение к французской национальной истории и исторической идентичности (как это было в случае признания геноцида армян). Исходя из этого, историки выступили принципиально против вмешательства законодательной власти в сферу, где суждения могут выноситься лишь на основании результатов исторических исследований. Закон о позитивной роли Франции в качестве колониальной метрополии вызвал беспрецедентные протесты против «преподавания официальной истории». В них, кроме преподавателей истории и ученых-историков, приняли также участие многие известные люди, которые выступали против всех «законов памяти, недостойных демократического государства». В крупнейших ежедневных газетах, таких как *Le Monde* и *Libération*, публиковались петиции и призывы против юридического ограничения исторических исследований и против клятв в верности «историческому долгу». Созданное в 2005 г. объединение «За свободу истории» (*Liberté pour l'histoire*) приняло обращение, в котором говорилось: «История не является объектом юриспруденции. В свободном государстве ни парламент, ни судебные власти не должны определять историческую правду. Политика государства, даже если она исходит из лучших побуждений, не является исторической политикой». Этот закон мог иметь и неприятные внешнеполитические последствия, так как его резко осудил президент Алжира Абдельазиз Бутефлика в речи, посвященной 60-й годовщине резни в Сетифе, Гелме и Бужи, когда по вине колониальных властей погибло около 45 тыс. алжирских гражданских лиц.

Внутрифранцузские споры «о положительной роли колонизации» были особенно ожесточенными, потому что всего лишь за несколько недель до этого в пригородах больших городов молодые «французы» из семей иммигрантов жгли маши-

ны и общественные здания. Наконец президент Ширак вынужден был вмешаться в «битву памяти» (*bataille des mémoires*) между гражданами, тоскующими по колонизации, и ассоциациями потомков рабов с Антильских островов и Гваделупы: «В Республике нет никакой официальной истории. История не пишется на основании закона. Писать историю — это дело историков». В конце 2005 г. была создана парламентская комиссия по «оценке действий парламента в области памяти и истории», а годом позже проект закона о «Позитивном влиянии французского присутствия на заморских территориях» был отозван. Не в последнюю очередь новейшие исследования истории рабства и колонизации¹⁴ способствовали тому, что Ширак объявил 10 мая Днем отмены рабства. Он заявил с пафосом: «Величие страны состоит в том, чтобы принимать всю свою историю целиком. С ее славными страницами, но также и с ее теневыми сторонами. Наша история — это история великой нации. Мы смотрим на нее с гордостью. И мы видим ее такой, какая она есть».

На этом фоне дебатов вокруг законов памяти и культуры памяти Николя Саркози в своей предвыборной кампании использовал французскую историю как неистощимый источник материала для утверждения национальной идентичности; это стало одним из его главных лозунгов. Как соперник Жака Ширака, он хотел преодолеть «самоотрицание» и «тенденцию к систематическому раскаянию» и восстановить заслуги Сопrotивления, заявляя, что Францию нельзя упрекать в соучастии в преступлениях Второй мировой войны, в том числе и в Холокосте.

Вскоре после своего вступления в должность в мае 2007 г. вновь избранный президент декретом предписал, чтобы ежегодно 22 октября во всех средних школах страны зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопrotивления Ги Моке, расстрелянного в 1941 г. немецкими солдатами. Он должен был служить примером мужества и самоотверженного патриотизма для нынешней молодежи. В феврале 2008 г. Саркози

предписал, чтобы каждый ученик французской начальной школы взял своего рода шефство над памятью одного из 11 тыс. депортированных во время Второй мировой войны еврейских детей: каждый ученик должен знать имя и биографию хотя бы одного ребенка, погибшего в Холокосте.

Это невиданное в Пятой республике вмешательство президента в школьные программы встретило жесткое сопротивление как преподавателей, так и ученых-историков. Они защищались от попыток навязать им сверху предписанную историографию и превратить ее в «политический инструмент». Однако звучали и другие голоса, например члена Французской академии историка Макса Голло, который выступил в поддержку Саркози: «По окончании периода, начавшегося с речи Жака Ширака 16 июля 1995 г. о соучастии французского государства в преследованиях евреев, необходимо восстановить равновесие... Мы не можем оставить от этого времени только Виши и исключить Сопrotивление. Франция была также и нацией Сопrotивления». Характерно, что именно Саркози впервые создал Министерство национальной идентичности и иммиграции.

Борьба против французских законов памяти вышла на общеевропейский уровень, когда в 2007 г. на совещании министров европейских стран обсуждалось предложение о том, чтобы в каждой стране ЕС «публичное отрицание геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, пренебрежительное отношение к ним или грубое их преуменьшение» наказывалось, как во Франции, «лишением свободы на срок от одного года до трех лет». Поскольку возникла реальная угроза того, что во всем Европейском союзе последнее слово об исторических фактах будет формулироваться в виде судебных приговоров, в октябре 2008 г. Пьер Нора от имени объединения «За свободу истории» опубликовал документ под названием «Воззвание из Блуа», который подписали многие видные европейские историки¹⁵ и который был напечатан во всех крупных западных газетах. В нем говорилось, что

в свободном государстве политические власти не имеют права определять, что есть историческая правда, и что нельзя ограничивать свободу историков, угрожая им уголовным преследованием. Политики должны заботиться о коллективной памяти, но ни в коем случае не должны институционализировать ее от имени государства посредством правовых актов:

«История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры, ее нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания.

Мы обращаемся к историкам с призывом объединить силы в их собственных странах, создавая у себя организации, подобные нашей, и в ближайшее время поименно подписать наш призыв, чтобы положить конец сползанию к государственному регулированию исторической истины.

Мы призываем ответственных политиков: осознайте тот факт, что, обладая властью воздействовать на коллективную память народа, вы тем не менее не имеете права устанавливать законом некую государственную правду в отношении прошлого, юридическое навязывание которой может повлечь за собою тяжелые последствия как для работы профессиональных историков, так и для интеллектуальной свободы в целом.

В демократическом обществе свобода историка — это наша общая свобода».

Конечно, у «Воззвания из Блуа» сразу же нашлись противники, которые упрекали историков в том, что они якобы присвоили себе исключительное право на историческую память. Однако недавно споры о «законах памяти» во Франции утихли.

Своим постановлением президент Национального собрания Франции Бернар Акуайе в ноябре 2008 г. запретил впредь принимать законы, подобные уже принятым законам памяти, а вместо этого разрешил принимать резолюции, не имеющие юридических последствий.

Если законы памяти в Пятой республике свидетельствуют о грубом вмешательстве политики в культурное и историческое наследие, то «Воззвание из Блуа» доказывает, что история в плюралистском обществе может оспариваться и становиться событием политического значения. Оно подтверждает важную роль историков в развитии исторического сознания общества, их ответственность за преподавание в школах и за школьные учебники, а также за директивы Министерства по вопросам воспитания. Воззвание свидетельствует и о том, что историки и интеллектуалы в состоянии тормозить историко-политические инициативы также и на европейском уровне. Будущее покажет, в каком направлении будут развиваться общеевропейские дебаты между политиками, членами самых разных организаций и историками.

Кратко обрисованные здесь различия исторической политики в Германии и Франции можно в значительной мере списать на особенности истории XX в. и несходство политических культур двух стран. И все же при сопоставлении глубинной предрасположенности обоих обществ к той или иной политике возникает вопрос: возможно, был прав французский историк Марк Блок (в 1944 г. расстрелянный нацистами), утверждавший, что немцы «интенсивнее переживают свои коллективные воспоминания, нежели французы, которые издавна склонны руководствоваться здравым смыслом»?

Примечания

¹ Adorno Th. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit? // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Bd 10/II. Frankfurt a. Main, 1977.

S. 555—572. Русский перевод: *Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого?» // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 2—3 (40—41). С. 42.

² Разнообразным определениям этих понятий и концепций посвящено несчетное число научных трудов. Из самых важных работ, посвященных исторической политике и политике прошлого, а также культуре памяти, которые я использовала, следует назвать: *Frei N.* *Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit.* München, 1996; *Wolfrum E.* *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung: 1948—1990.* Darmstadt, 1999; *Reichel P.* *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die nationalsozialistische Vergangenheit.* Frankfurt a. M., 1999.

³ Нюрнбергские процессы — это, во-первых, международный военный трибунал над главными военными преступниками (20 ноября 1945 г. — 1 октября 1946 г.) и, во-вторых, 12 последующих процессов над нацистскими военными преступниками, которые проводились в американской оккупационной зоне американским военным трибуналом и завершились 14 апреля 1949 г.

⁴ *Frei N.* *Op. cit.* S. 13—14.

⁵ См.: *Nolte E.* *Vergangenheit, die nicht vergehen* // *FAZ.* 06.06.1986; *Idem.* *Der europäische Bürgerkrieg von 1917—1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus.* Frankfurt a. M., 1987.

⁶ *Habermas J.* *Eine Art Schadensabwicklung* // *Die Zeit.* 11.07.1986.

⁷ Обзор исследований ГДР см.: *Möhlert U., Wilke M.* *Die DDR-Forschung — ein Auslaufmodell? Die Auseinandersetzung mit der SED-Diktatur seit 1989* // *Deutschland Archiv.* 37 (2004). S. 465—474.

⁸ Здесь из множества литературных источников прежде всего следует назвать: *Gieseke J.* *Mielke-Konzern: Die Geschichte der Stasi: 1945—1990.* München, 2001; *Staatssicherheit und Gesellschaft: Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR* / *J. Gieseke* (Hg). Göttingen, 2007.

⁹ В настоящее время имеется в виду прежде всего ряд декретов о лишении гражданства и имущества немецкого и венгерского населения Чехословакии, что привело, в частности, к изгнанию немцев из этой страны.

¹⁰ *Nora P.* *Mémoire collective* // *La nouvelle histoire* / *J. Le Goff, J. Revel* (eds.). P., 1978. P. 398—401; *Les lieux de mémoire* / *P. Nora* (ed.). 7 Vol. P., 1984—1992.

¹¹ *Hartog R., Revel J.* *Les usages politiques du passé.* P., 2001; *Andrieu C., Lavabre M.-C., Tartakowsky D.* *Politiques du passé: Usages politiques du passé dans la France contemporaine.* Aix-en-Provence, 2006.

¹² *Vel d'Hiv* — зимний велодром, превращенный в центр для интернированных, место, куда французская полиция стогнала евреев перед отправкой в концентрационный лагерь.

¹³ Полное описание алжирской войны см.: *La guerre d'Algérie: 1954—2004, fin de l'amnésie* // *B. Stora, M. Habit* (eds.). P., 2004.

¹⁴ *Régent F.* *Esclavage, métissage, liberté, la Révolution française en Guadeloupe.* P., 2004; *Idem.* *La France et ses esclaves: De la colonisation aux abolitions: 1620—1848.* P., 2007.

¹⁵ Среди первых подписантов документа были Элен Каррер д'Ан-косс (Париж), Этьен Франсуа (Берлин), Тимоти Гартон Эш (Оксфорд), Карло Гинзбург (Болонья), Жозе Готович (Брюссель), Эрик Хобсбаум (Лондон), Жак Ле Гофф (Париж), Кароль Модзелевский (Варшава), Жан Пюиссан (Брюссель), Серджо Романо (Милан), Генрих Август Винклер (Берлин).

Шенер Актюрк

Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость

Введение

Историописание в Турции чрезвычайно политизировано и является предметом пристального внимания, причем так было не только в авторитарный период становления Республики (1923—1950 гг.) при диктатуре Республиканской народной партии (РНП), но и в течение последующих шестидесяти лет, когда Турция уже перешла и к многопартийной демократии (1950—2010 гг.). С другой стороны, Турция не была тоталитарным государством даже в период господства однопартийной системы и уж безусловно не является таковым с 1950-х гг. Благодаря этому в стране сохраняется непрерывная традиция ревизионистской историографии, которая особенно расцвела по окончании последнего периода правления военных в 1983 г. Но несмотря на наличие здесь плюралистического гражданского общества и квази-демократического политического режима, официальная версия истории все-таки является безусловно доминирующей. Более того, это доминирование дополнительно подкрепляется с помощью комплекса законодательных (в том числе и уголовных) мер, путем финансирования и субсидий. Кроме того, нераскаявшиеся критики официальной историографии подвергаются репрессиям, а перестроившиеся ученые и другие фигуры из лагеря ревизионистов в награду за хорошее поведение, наоборот, включаются в

официальные структуры¹. Тем не менее, особенно после легализации многопартийности в 1945 г. и прихода к власти Демократической партии в результате первых свободных и справедливых выборов, состоявшихся в 1950 г., многие политические партии и фракции получили возможность, с разной степенью успеха и детализации, генерировать собственные версии истории Турции и оспаривать официальную версию. Но какие же исторические эпизоды вызывали разногласия?

Описание и интерпретация многих эпизодов истории были и остаются предметом непосредственной заботы и обостренного внимания органов государственной власти. В частности — но не исключительно, речь идет об истории секуляристских реформ Ататюрка (и даже еще раньше, о Лозаннском договоре 1923 года), о законодательном акте, упразднившем халифат и Министерство шариата и вакуфов и унифицировавшем систему образования (1924 г.)², о создании «трибуналов независимости» (*istiklal mahkemeleri*) в 1920-х и 1930-х гг., о курдских восстаниях, в том числе о восстании шейха Саида (1925 г.), восстаниях в Агры (1930 г.) и Дерсиме (1938 г.), об эпизодах с дискриминацией немусульманских меньшинств, таких как введение налога на имущество (1942 г.), о трех военных переворотах (1960, 1971, 1980 гг.), о турецко-советских отношениях при Ататюрке и даже об обстоятельствах, имевших место до установления Республики, таких как конституционная «революция» 1908 г. и реакция на нее, символом которой стало «восстание 31 марта» (1909 г.), массовые депортации и убийства армян в Османской империи (1915 г.) и природа Арабского восстания (1916—1918 гг.). Естественно, репрезентация исторических деятелей, участвовавших в этих эпизодах, также чрезвычайно политизирована, тем более что оценка спорных исторических эпизодов обычно выражается через изображение ключевых фигур, которые либо всячески очерняются, либо, наоборот, избыточно превозносятся.

Однако ни одному эпизоду в исторической политике и самоидентификации современной Турции не придается такое значение, как войне за независимость (*Kurtuluş Savaşı*, 1919—

1922 гг.). Это была война, которую вели бойцы сопротивления по всей Анатолии и Фракии, в итоге объединившиеся под руководством правительства в Анкаре во главе с Мустафой Кемалем (Ататюрком), против греческих, британских, французских и итальянских оккупационных сил и их местных пособников, включая последнего султана Османской империи и его правительство в Стамбуле. Война за независимость как таковая является «базовым нарративом» современной, постимперской, республиканской турецкой национальной идентичности. В этом нарративе ключевым субъектом, в соответствии с официальной историографией, является Мустафа Кемаль (Ататюрк), с именем которого связан, вероятно, самый длительный и устойчивый «культ личности» в поставторитарных демократических странах современного мира. Официальный рассказ об этой войне изображает ее как борьбу за независимость турецкой нации (в этнолингвистическом понимании), чье стремление к современной светской государственности выражал Ататюрк. Последний изображается в качестве крупнейшего военного и политического гения XX в., который почти в одиночку спланировал, начал и выиграл эту войну, а также инициировал и реализовал множество реформ в послевоенный период. Таким образом, любое покушение на официальную версию истории войны за независимость и роль в ней Мустафы Кемала затрагивает самую сердцевину официального нарратива национальной идентичности и рассматривается и расценивается именно как покушение.

Существует два типа ревизионизма: один имеет в виду переосмысление роли Мустафы Кемала, с тем чтобы миф о нем подкреплял определенную политическую программу, а второй имеет целью разрушить кемалистский миф как таковой. Данная статья посвящена второму типу, который я называю «фундаментальным ревизионизмом». Среди упоминаемых здесь ученых-ревизионистов фундаментальными ревизионистами являются все исламисты и курдские националисты, большая часть либеральных критиков и незначительное меньшинство критиков социалистического толка. С другой стороны, ревизи-

онизм первого типа можно назвать «прагматичным ревизионизмом», в рамках которого некая политическая партия или группа утверждает, что Мустафа Кемаль на самом деле был сторонником именно *их* политической идеологии и программы. Таким образом, прагматичный ревизионизм, даже и отвергая официальную версию жизни и идей Мустафы Кемала, тем не менее поддерживает культ кемализма. Большинство ревизионистов социалистического толка, упомянутых в этой статье, мы относим к категории ревизионистов-прагматиков.

Официальная история войны за независимость и кто с ней не согласен: личные счёты, а также возражения исламистов, социалистов, курдских националистов и либералов

Именно поэтому при обсуждении исторической политики в Турции правильнее всего будет сосредоточить внимание на идейных, политических и политизированных спорах вокруг истории войны за независимость и роли в ней Мустафы Кемала. Сразу же после создания Республики появились, по крайней мере, четыре основные группы, предлагающие собственные идеологические интерпретации, противоречащие официальной историографии войны за независимость: исламистская, социалистическая, либеральная и курдская националистическая. Влиятельность этих четырех направлений была различной; исламистское сопротивление официальной версии было более упорным и пользовалось большей популярностью в широких массах в целом, чем остальные три, но социалистическое и либеральное были более популярны среди интеллектуалов, а курдская националистическая интерпретация, как легко догадаться, была распространена среди курдских интеллектуалов. Все четыре направления в той или иной степени не соглашались с официальной историографией по двум ключевым вопросам: во-первых, в отношении характера войны за

независимость и, во-вторых, по поводу роли в ней Мустафы Кемалю. В этой статье мы сначала обсудим институциональные, юридические и неформальные установления и факторы, которые в течение длительного времени помогали поддерживать гегемонию официальной трактовки и структурировали историческую политику в современной Турции. Затем рассмотрим первоисточники, самые ранние, изначальные расхождения с официальной историографией, обозначенные в работах лидеров войны за независимость, которые были маргинализированы и вытеснены с политической арены (а в некоторых случаях — и из Турции). Прежде всего, речь идет о двух крупнейших военных и политических лидерах войны за независимость, а также об одном из двух участников переговоров о независимости Турции на Лозаннской конференции, который долгое время был также министром здравоохранения в первом правительстве³. Их критика официальной историографии в дополнение к идеологической имела и личную составляющую, и на нее часто опираются как либералы, так и исламисты в своих ревизионистских претензиях к современной истории Турции. Третья, заключительная часть представляет собой краткий обзор исламистских, курдских националистических, социалистических и либеральных трактовок истории войны за независимость и ее последствий, которые возникли в более плюралистической и благоприятной среде многопартийной политики, которая формировалась с 1950-х, а в особенности начиная с 1980-х гг.

Институциональные, правовые и неформальные аспекты исторической политики в Турции

Историческая политика в Турции формируется и регулируется целым рядом институциональных, правовых и неформальных факторов. Во-первых, флагманом официальной исто-

рической доктрины является Турецкое историческое общество (*Türk Tarih Kurumu, TTK*) в Анкаре. Как и Турецкое лингвистическое общество (*Türk Dil Kurumu, TDK*), *TTK* было основано самим Мустафой Кемалем. Оба эти учреждения почитаются как важнейшие элементы институционального наследия Мустафы Кемалю — среди прочего потому, что в своем завещании Ататюрк распорядился, чтобы часть его состояния была направлена на финансирование *TTK* и *TDK*. Главной целью *TTK* при однопартийном режиме было распространение так называемого «положения о турецкой истории»: кемалистский режим отстаивал спорное утверждение о том, что предки турок мигрировали из Центральной Азии через территорию Евразии и несли в эти места цивилизацию. Согласно этой теории, такие народы и цивилизации, как, например, хетты в доисламской Анатолии и этруски в доримской Италии, имели прототюркское происхождение. Еще есть весьма внушительный список империй и народов, хотя их географический разброс не так велик, которые изучаются как «тюркские»: среди них, в частности, числятся скифы, гунны, хазары и авары. Таким образом, политический контроль над *TTK* следует рассматривать как часть исторической политики.

TTK сохранял некоторую институциональную автономию, что в какой-то мере защищало его от влияния выборных должностных лиц после перехода к многопартийной демократии в 1950 г., когда РНП, партия, основавшая Республику, потеряла власть, передав ее Демократической партии (ДП). Именно ДП впервые предъявила социальные, экономические, культурные и политические претензии к 27-летнему правлению РНП в условиях однопартийной системы. С тех пор, как в 1950 г. РНП потеряла власть, она больше ни разу не смогла набрать достаточно голосов, чтобы вернуть себе властные полномочия, не вступая в коалицию. Однако даже при беглом взгляде на историю *TTK* как учреждения и состав его руководства становится понятно, что даже в период многопартийности *TTK* оставался «заповедником» РНП и ее версии кемалистских трюизмов. На-

пример, в течение 20 лет (1941—1961 гг.) директором *ТТК* был человек, который в годы однопартийного правления дослужился до премьер-министра, причем более десяти лет из этого срока он оставался на посту директора *ТТК* уже после перехода Турции к многопартийной политике⁴. В следующем десятилетии (1962—1973 гг.) его сменил доктор медицины, по совместительству расовый антрополог, интересовавшийся краниологией⁵. Следующий директор *ТТК* (1973—1982 гг.), прежде чем занять этот пост, был членом парламента и конституционной комиссии в период правления военной диктатуры 1960—1961 гг., а также был тесно связан с РНП⁶. Таким образом, хотя в 1950 г. страна перешла к демократии и следующие десятилетия у власти были консервативные правые партии, прямо или косвенно критиковавшие официальную кемалистскую интерпретацию истории, *ТТК* — верховный институт и знаменосец турецкой истории, благодаря своей институциональной автономии оставался в руках ученых, согласных с официальной трактовкой, сформировавшейся еще в 1930-е гг. Однако, хотя *ТТК* служит ориентиром для тех историков, которые добровольно признают его авторитет и следуют его критериям приемлемой и «правильной» историографии, он вместе с тем не является ни доминирующим, ни контролирующим органом в процессе историописания, будь то в турецкой академической науке или вне академической среды. Так что его существование само по себе не могло бы обеспечить столь длительное и устойчивое главенство официальной историографии.

Самое главное, это законы, которые квалифицируют как преступление некоторые интерпретации истории, что по определению ограничивает свободу выражения и историческую политику, принуждая многих политиков и интеллектуалов к самоцензуре. Например, существует закон № 5816 — «Закон о преступлениях, совершенных против Ататюрка»⁷. Любопытно, что этот закон был принят Демократической партией (ДП) в 1951 г. — через год после ее исторической победы над РНП на выборах; принятие закона было призвано подтвер-

дить «кемалистский мандат» ДП в обстановке нарастающих нападков и давления на нее со стороны РНП. Новый закон стал реакцией на конкретные события, а именно на участвовавшие случаи вандализма со стороны недавно возникшего религиозного ордена тиджани в отношении бюстов Ататюрка по всей стране. Любопытно также, что в преддверии выборов 1950 г. РНП находилась в тайной коалиции с этой религиозной организацией, а потому она даже оказывала противодействие принятию этого закона. Интересно, что после победы ДП тиджани стали действовать еще более активно и еще чаще громить бюсты Ататюрка, так что РНП возложила ответственность за эти действия на ДП, утверждая, что новое правительство Демократической партии попустительствует реакционным религиозным группам. Но все же в 1951 г. этот закон был принят, члены тиджани были приговорены к разным тюремным срокам, а их лидер был сослан на остров, который, похоже, и стал его экономической вотчиной на много лет, пока он наконец не был снова арестован, на этот раз за сексуальные приставания к мальчикам⁸. Но хотя религиозный орден тиджани практически исчез, оставив по себе память об этих странных преступлениях, закон, который был принят специально для противодействия конкретному аспекту их деятельности, по-прежнему существует.

Этот закон предусматривает тюремный срок от одного до трех лет для любого, кто «оскорбляет или в грубой форме осуждает наследие Ататюрка». Тому, кто нанес ущерб, уничтожил, а также испортил или осквернил изображения Ататюрка, в частности его статую, бюст или памятник, грозит срок от одного до пяти лет. Те, кто поощряет или подстрекает других к совершению подобных действий, могут быть наказаны так же, как те, кто их совершает⁹. Если подобное преступление совершено двумя лицами, группой лиц или в общественном месте, срок заключения резко увеличивается (например, шесть лет тюрьмы вместо четырех)¹⁰. За клевету на Ататюрка и оскорбление его памяти многие интеллектуалы и политики консер-

вативно-исламистского толка были приговорены к тюремному заключению¹¹.

Другим примером может служить печально известная статья 301 Уголовного кодекса Турции, которая предусматривает уголовную ответственность за «оскорбление турецкой идентичности» с лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет¹². При этом срок тюремного заключения увеличивается на треть, если такое преступление совершено гражданином Турции за пределами страны¹³. В последние годы статья 301 чаще всего применялась в отношении тех турецких граждан, которые называют события 1915 г. «геноцидом» армян Османской империи¹⁴, притом что в официальной историографии они именуется «депортацией». Среди осужденных по статье 301 был турецкий журналист армянского происхождения Грант Динк, но он был убит еще до того, как начал отбывать тюремный срок. Существовали подозрения, что к его убийству причастно «теневое государство», пытающееся создать условия для военного переворота. Конечно, применение статьи 301 не ограничивается высказываниями относительно судьбы армян в Османской империи: интеллектуалов из числа исламистов и курдских националистов также предавали суду за оскорбление турецкой идентичности¹⁵.

Взгляд турецкого общества и турецких ученых на судьбу османских армян в 1915 г. причудливым образом соединяет в себе многие элементы исторической политики Турции. Возможно, первое, что бросается в глаза: в первом десятилетии XXI в. эта «дискуссия» породила в Турции огромный поток публикаций. Практически всякий месяц появляются нескольких книг по поводу «армян». В результате не особенно тщательного поиска по слову «армянский» в электронных книжных магазинах Турции, предпринятого в ноябре 2010 г., обнаружился список из 297 книг, в названиях которых это слово присутствовало¹⁶. Почти все они были посвящены депортации армян в 1915 г., иногда с описаниями предшествующих восстаний и массовых убийств; весьма значительная часть этих книг (но

определенно не все) имели целью опровергнуть утверждения о «геноциде». Следует отметить, что подавляющее большинство указанных работ вышли в свет в 2000-х гг. и что среди них заметное место занимают те, что изданы ТТК и другими государственными органами, хотя в большинстве своем это все же публикации частных издательств, организаций и лиц. Не менее примечательно, однако, то, что в последние годы в Турции вышло несколько десятков книг, в которых уже, прямо или намеками, говорится о геноциде. Но самое примечательное другое: многие историки (возможно, они даже составляют большинство) из ведущих государственных и частных университетов Турции резко критикуют официальную точку зрения и, тоже явно или неявно, признают, что в период диктаторского правления комитета «Единение и прогресс» (*Ittihad ve Terakki*) было принято решение избавить Анатолию от ее армянского населения. Это также породило или, скорее, усилило широко распространенную неприязнь к интеллектуалам среди сторонников официальной точки зрения. Когда в сентябре 2005 г. три ведущих турецких университета, одним из которых был главный государственный университет Турции, организовали международную конференцию, посвященную судьбе османских армян, ее участники, в том числе целый ряд видных историков и представителей турецкой интеллигенции, подверглись резкой критике и поношению в крупных газетах. Дело дошло до того, что некоторые из них, опасаясь за свою личную безопасность, вынуждены были прибегнуть к услугам телохранителей. Сейчас существует много возможностей, позволяющих говорить и писать о депортации и о том, сколько десятков или даже сотен тысяч человек погибло или было убито в ходе этого процесса, но слово «геноцид» по-прежнему под запретом. Поэтому даже при том, что официальные органы и учебники часто признают, что результатом этого решения стали огромные человеческие страдания и массовая гибель людей, одновременно они утверждают, что это не было целью правительства Османской империи — что оно просто пыталось пе-

реселить людей из Восточной Анатолии в Сирию, другую провинцию Османской империи.

Помимо институциональных и правовых ограничений, в отношении историков-ревизионистов в современной Турции существуют и другие — неофициальные, но от этого не менее важные. Например, часто создается впечатление, что суть сказанного менее важна, нежели политическая позиция говорящего и высказываемое им оценочное суждение. Характерный пример — книга лидера марксистско-маоистской Рабочей партии, из которой следует, что Ататюрк был агностиком или даже атеистом, если судить по его собственным частным и публичным письменным высказываниям на тему религии¹⁷. Если консервативный или исламистский интеллеktуал позволил бы себе утверждать, что Ататюрк быть атеистом или агностиком, он, вполне вероятно, оказался бы в тюрьме за оскорбление памяти Ататюрка в соответствии со статьей 5816. Но если об этом говорит марксистско-маоистский атеист — а в его устах подобное высказывание звучит как похвала Ататюрку, а значит, может снискать симпатию со стороны марксистско-маоистской интеллигенции, — он остается безнаказанным, поскольку подобная оценка способствует укреплению положительного образа Ататюрка в соответствующей политической группе.

Что касается взглядов Ататюрка на религию, на другом конце спектра мнений, напротив, можно найти книги, в которых говорится о глубокой религиозности Ататюрка; например, недавно вышедший труд о «коранической культуре Ататюрка»¹⁸. Цель этой книги состоит в том, чтобы опровергнуть утверждения исламистов, будто Ататюрк был плохим мусульманином или, хуже того, атеистом и врагом ислама. Эта цель также соответствует и официальной историографии, даже если основные фактические положения здесь полярно противоположны упомянутой выше (см. примечание 17) книге Догу Перинчека. С другой стороны, обозреватель-исламист, утверждавший, что Ататюрк, возможно, был похоронен не по исламскому обряду (в частности, без исламской погребальной мо-

литвы перед захоронением)¹⁹, был приговорен к 15 месяцам тюрьмы за оскорбление памяти Ататюрка и в 2004 г. отсидел 6 месяцев в тюрьме в Каледжике. Эти примеры показывают, что сходные утверждения на самом деле могут вызывать совершенно различные реакции, и наоборот — утверждения противоположного содержания могут иметь одинаковые последствия. Самое важное — соответствует ли высказываемое ценностное суждение официальной историографии.

Несмотря на законодательные, институциональные и неформальные препятствия, ограничивающие критику официальной историографии, многие из тех, чья позиция расходится с официальной, все же разработали собственные критические и альтернативные точки зрения на историю; при этом нередко они пользуются защитой различных политических партий и интеллектуальных групп, которые возникли, главным образом, после перехода к многопартийности в 1950 г. Однако даже в годы существования однопартийного режима (1923—1950 гг.) существовало несколько политических фигур, личный статус которых был настолько значителен, что позволял им бросить вызов формируемой в тот период официальной историографии. Размеры данной статьи позволяют лишь кратко охарактеризовать некоторых наиболее заметных диссидентов-ревизионистов той эпохи.

«Личные» разногласия с официальной историей
войны за независимость:
мемуары Казыма Карабекира, Рауфа Орбая
и Рызы Нура как примеры диссидентской
историографии

Возражения против официальной истории войны за независимость, еще до того, как она была окончательно сформулирована, впервые прозвучали из уст крупных деятелей — соратников Мустафы Кемаля, которые вместе с ним были орга-

низаторами и руководителями этой войны. «Началом» войны можно считать революционную декларацию, подписанную и выпущенную пятью офицерами, включая Мустафу Кемалю, в городе Амасья в июне 1919 г. Этот документ стал поворотным пунктом в централизации и национализации изолированных эпизодов сопротивления оккупационным силам Великобритании, Франции, Италии и Греции в отдельных турецких провинциях. Декларация призвала собрать съезд народных депутатов в городе Эрзурум в июле 1919 г., который и состоялся в запланированные сроки. В контексте нашего описания примечательно то, что четверо из подписавших Декларацию Амасьи (*Amasya Tamimi*, в современном турецком языке — *Amasya Genelgesi*), а именно все, кроме самого Ататюрка, после победы в войне стали противниками Мустафы Кемалю и нового кемалистского режима и превратились в политических маргиналов²⁰.

Как и в других ситуациях в современной истории, которые сами участники воспринимают как революционные, вслед за победой революционеров-националистов над иностранными оккупантами и Османской династией тут же началась борьба между различными лидерами и группировками в лагере победителей. Четверо из пяти подписавших Декларацию Амасьи объединились для создания первой оппозиционной партии в новой республике — Прогрессивной республиканской партии (*Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası, TCF*). Партия была затем запрещена в связи с тем, что она якобы участвовала в курдско-исламистском восстании шейха Саида в Восточной Анатолии в 1925 г.²¹ Кроме того, позднее четверо оппозиционеров были обвинены в заговоре с целью убийства Мустафы Кемалю. Хотя дело закончилось оправданием, очевидно, что надуманные обвинения стали предлогом для политической маргинализации бывших соратников Кемалю. Один из них, Рауф Орбай, провел более десяти лет в изгнании, в основном в Лондоне, и вернулся в Турцию в 1935 г., но никогда больше не встречался с Мустафой Кемалем (к тому времени уже именовавшимся

«Ататюрк»), умершим 10 ноября 1938 г. Другой оппозиционер, Казым Карабекир, вплоть до смерти Ататюрка жил под круглосуточным надзором полиции. В исторической политике Турции воспоминания Карабекира, Орбая и других проигравших в борьбе за лидерство Мустафы Кемалю являются важнейшим ресурсом для альтернативной версии историографии.

Мемуары Казыма Карабекира (1882—1948 гг.)

Казым Карабекир, пожалуй, самый известный военно-политический лидер, который впоследствии открыто и твердо выступил против Мустафы Кемалю. Карабекир перебрался из Стамбула в Анатолию раньше, чем Мустафа Кемаль, и именно он создал в Эрзуруме де-факто независимое государство с армией, находившейся под его командованием. Он оставался бесспорным организатором и руководителем Восточного фронта (против армян, грузин и, потенциально, против русских) в течение всей войны. Именно под его эгидой (и, безусловно, под его военной защитой) в Эрзуруме был создан первый общенациональный съезд народных депутатов и сформирован комитет представителей (*Heyeti Temsiliye*), который функционировал в качестве главного исполнительного органа национальной борьбы вплоть до создания в Анкаре 23 апреля 1920 г. постоянного парламента — Великого национального собрания. Все вышесказанное соответствует официальной историографии. А история его дискредитации кратко изложена выше.

Карабекир, однако, имел совершенно иную точку зрения на роль Мустафы Кемалю в этой войне, отчего он и оказался в непримиримой оппозиции официальной историографии на всю оставшуюся жизнь.

Характерно, что первый раздел упомянутой выше книги Карабекира имеет подзаголовок: «Очень опасно фальсифицировать нашу историю».

По меркам официальной историографии, книга Карабекира о войне за независимость полна утверждений, которые в лучшем случае являются ересью, а в худшем — изменой. Он утверждает, и это самое важное, что идея начать войну за независимость из Анатолии изначально принадлежала ему, а не Мустафе Кемалю; что это он, Карабекир, пытался, поначалу безуспешно, убедить Мустафу Кемаль присоединиться к этой освободительной войне. По утверждению Карабекира, Кемаль присоединился к нему в Анатолии лишь после долгих колебаний. Он также заявляет, что это он — автор идеи упразднения султаната и халифата и установления Республики, Кемаль отвергал ее и сопротивлялся этому в течение длительного времени, потому что сам хотел после войны стать султаном-халифом²². В целом Карабекир претендует на два основных достижения, приписываемых Мустафе Кемалю: идею освободительной войны в Анатолии и объявление светской республики с упразднением султаната и халифата.

Среди других версий, предлагаемых Карабекиром, встречаются и такие, которые, несомненно, нанесли бы серьезный ущерб харизме Мустафы Кемалья, в особенности в глазах турецкого общества. В частности. Карабекир пишет, что Османская империя сдалась в конце октября 1918 г. из-за телеграммы, отправленной Мустафой Кемалем из Сирии в Стамбул, где он заявил, что Османской «армии не хватает сил для борьбы»²³. Более того, по словам Карабекира, главный лозунг этой войны «Независимость или смерть!» был впервые придуман именно им, а не Мустафой Кемалем²⁴. К тому же, пишет Карабекир, Мустафа Кемаль был готов искать поддержки, если вообще не мандата, Соединенных Штатов, потому что считал, что «если начать освободительную войну, опираясь только на наши собственные силы, это может плохо кончиться»²⁵.

История борьбы Карабекира за публикацию своих воспоминаний иллюстрирует характер и эволюцию исторической политики в Турции в 1930-х и 1940-х гг. Карабекир стал политическим маргиналом после показательных процессов 1925 г.,

проводившихся «трибуналами независимости». Выдвигаемое обвинение состояло в том, что Прогрессивная республиканская партия (ПРП) во главе с Карабекиром была как-то связана с восстанием шейха Саида в Восточной Анатолии (хотя в то время она не имела своих филиалов в восточных провинциях, где произошло восстание). Позднее Карабекир был обвинен (но затем оправдан) в соучастии в заговоре с целью убийства Мустафы Кемалья в 1926 г. После этого он жил под фактическим домашним арестом до самой смерти Ататюрка в 1938 г. Возмущенный публикацией серии статей о войне за независимость, которые, по его мнению, грубо фальсифицировали реальную историю, преуменьшая его собственную роль в этой войне и преувеличивая роль Мустафы Кемалья, Карабекир сначала публиковал в той же газете статьи с опровержением некоторых утверждений. Когда газета перестала печатать его статьи, Карабекир решил написать книгу мемуаров, которая была напечатана в Стамбуле тиражом в 3 тыс. экземпляров. Но в ту же ночь, когда эти книги были напечатаны, Килич Али, близкий друг Мустафы Кемалья, проник в издательство и сжег все 3 тыс. экземпляров, кроме одного²⁶.

Однако смерть Ататюрка в ноябре 1938 г. изменила политический расклад, и у диссидентов и ревизионистов появились неожиданные возможности. Исмет Инёню, который пришел на смену Ататюрку и стал вторым президентом, пытаясь укрепить новообретенную власть, в январе 1939 г. провел Карабекира в парламент как представителя Стамбула, а позже, в 1946 г., сделал его председателем парламента (формально второй по значимости политический пост после президента). Поэтому в 1940-х гг. Карабекир почувствовал себя полностью свободным от тех ограничений, которые сдерживали его в предыдущих мемуарах, и без обиняков написал об освободительной войне все процитированное выше. Карабекир умер в 1948 г. Масштаб настоящей статьи не позволяет подробно рассмотреть воспоминания Карабекира; скажем, однако, что изменения в расстановке политических сил после смерти Ататюрка

ка привели к появлению первых трещин в исторической политике новой республики.

Мемуары Рауфа Орбая (1881—1964 гг.)

Воспоминания Рауфа Орбая также являются важнейшим источником, оспаривающим официальную историографию. Орбай, один из пяти офицеров, подписавших Декларацию Амасьи, к тому времени был уже хорошо известен благодаря своим легендарным успехам в качестве командующего военноморскими силами в период Балканских войн (1912—1913 гг.)²⁷. После оккупации Стамбула британцы посадили его в тюрьму на Мальте как ведущего члена последнего парламента Османской империи, поддержавшего сопротивление в Анатолии. После освобождения он в течение короткого периода еще до окончания войны занимал должность премьер-министра правительства в Анкаре. Наряду с Карабекиром, Орбай был руководителем «Второй группы» в парламенте в Анкаре, которая выражала недовольство в связи с тем, что, по их мнению, под руководством Мустафы Кемалья в Турции формируется авторитарная диктатура Республиканской народной партии (РНП). По словам редактора мемуаров Карабекира и Орбая, Мустафа Кемаль, Рауф Орбай и Казым Карабекир были теми тремя незаменимыми лидерами, без которых война за независимость не привела бы к успеху. Он указывает, что роль всех прочих полевых командиров и политических деятелей была вторичной и их вполне можно было бы заменить другими людьми²⁸.

В воспоминаниях Орбая проглядывает скрытое идеологическое противостояние, выходящее за рамки его личных споров с руководством кемалистов. Помимо неофициальной «Второй группы» в парламенте первого созыва, заседавшем во время войны, Орбай был также одним из лидеров ПРП, первой официальной оппозиционной партии в новой республике. Эту партию обвинили в причастности к восстанию шейха Саида.

Орбай утверждал, что правительство РНП использовало это восстание в качестве предлога для того, чтобы запретить ПРП и вообще подавить всякую оппозицию формирующейся однопартийной диктатуре. Он даже предполагал, что были организованы провокации с целью вовлечь членов ПРП, включая его самого, в антиправительственные заговоры, планирующие акты насилия против правительства РНП. В его представлении эти провокации должны были обеспечить повод для преследования соответствующих членов ПРП. Например, он упоминает о загадочном письме, полученном им от некоего Рауфа, который клялся в верности Орбаю и призывал помочь ему и его «охранникам» и действовать сообща. Очевидной целью этой почти не прикрытой ловушки было получение от Рауфа Орбая положительного ответа, который затем мог быть использован против него в публичных заявлениях и в суде как свидетельство того, что Орбай был организатором вооруженного мятежа против правительства²⁹.

Два других идеологических обвинения против Орбая были связаны с исламом и курдским национализмом — двумя самыми стойкими страхами Турецкой Республики. С одной стороны, среди военно-политической элиты того времени Орбай был хорошо известен как достаточно набожный, благочестивый мусульманин. Это позволило судьям «трибуналов независимости» утверждать, что Орбай вел политическую деятельность в пользу халифата³⁰. Кроме того, Орбай был вдвойне подозрителен в этническом плане, поскольку в то время он был, пожалуй, самым заметным политиком черкесского происхождения и к тому же был женат на дочери очень известного и активного курдского лидера. При этом оба националистических движения — и черкесское, и курдское — во время освободительной войны стремились создать отдельные независимые государства с помощью Великобритании и других европейских держав³¹.

Рауф Орбай утверждает, что в конечном счете руководство РНП было упрямо сосредоточено на подавлении любой фор-

мы политической или интеллектуальной оппозиции под предлогом подавления восстания шейха Саида. Используя законы о военном положении и чрезвычайные полномочия, которые оно получило в 1925 г. на основании печально известных законов о «восстановлении порядка», правительство действительно запретило ПРП, заставило замолчать стамбульские СМИ, критиковавшие РНП и новый режим, формирующийся в Анкаре, и превратило в политических маргиналов Карабекира, Орбая, Рефета Беле, Али Фуата Джебесоя и всех других видных деятелей, которые сопротивлялись неуклонному сползанию к однопартийной диктатуре³². В своих мемуарах Орбай также описывает обстоятельства создания Турецкой Республики, подвергает их критическому анализу и даже осуждению; его воспоминания использовались для борьбы с официальной кемалистской историографией как исламистами, так и либеральными диссидентами.

*Воспоминания Рызы Нура (1879—1942 гг.):
этнический турецкий националист
и секулярист*

Рыза Нур занимал пост министра образования в первом правительстве, а позже был министром здравоохранения. Он также был одним из двух главных представителей Турции на переговорах по поводу заключения Лозаннского договора (другим был Исмет Инёню), который в 1923 г. обеспечил создание современной Турции как независимого государства с международно признанными границами. Нур — одна из самых загадочных, противоречивых, эксцентричных и колоритных фигур того времени: он был ярким этническим турецким националистом и секуляристом (а в частной жизни — атеистом), и хотя некоторые из утверждений в его пространственных воспоминаниях выглядят невероятными или, по крайней мере, преувеличенными, они тоже представляют собой полезный источник

для ревизионистской историографии и в разные моменты обращали на себя ярость и гнев официальных властей.

Среди многих высказываний Рызы Нура, большинство из которых мы не сможем здесь рассмотреть, особого внимания заслуживает его утверждение, что именно он придумал для новой страны название «Турция» (*Türkiye*), которое заменило собою «Османское государство» (*Devlet-i Aliyye-i Osmaniye*) и «Османскую империю»³³. Рыза Нур также утверждает, что именно он первым публично потребовал секуляризации государства в парламенте самого первого созыва, когда принимались решения относительно министерств и состава правительства: «Я внес следующее предложение: “Все хорошо, но давайте воспользуемся этой возможностью для отделения религии от государства. Давайте сделаем светское (*laik*) правительство. Это прекрасная возможность, мы не должны ее упустить”»³⁴. В своих мемуарах он пишет: «На самом деле я не религиозный человек; но при этом я не против религии»³⁵.

Рыза Нур утверждает, что Мустафа Кемаль с энтузиазмом предложил официально сделать Турцию большевистской и только его, Нура, вмешательство помешало Турции стать страной большевиков. «Он [Мустафа Кемаль] почти сделал страну большевистской. Можно ли считать это действиями здравомыслящего человека?!»³⁶. При этом Рыза Нур описывает такой случай: «Как-то шло заседание кабинета. А Мустафа Кемаль начал говорить вот что: “Друзья! Как вы знаете, некоторое время я был занят созданием коммунистической организации, и мы сделали все необходимое. В качестве совершенной силы мы создали ‘Зеленую армию’ (тайная военно-политическая исламо-большевистская организация, созданная в Анатолии в 1920 г. — **Ш. А.**). Эту страну может освободить только большевизм (*Bolseviklik*). Это время пришло. Сделайте свой выбор. Я объявляю всему миру, что Турция является большевистской и коммунистической”»³⁷. На всех участников заседания оказывалось давление, чтобы они согласились и одобрили этот план, но Рыза Нур горячо вмешался и возражал. Он утверждал, что в

Турции нет буржуазии («заводов»), которые могли бы стать объектом борьбы с частной собственностью, и что закрытие немногочисленных магазинов, работавших в трудное военное время, может иметь негативные последствия. Кроме того, он утверждал, что поскольку для простых людей большевизм ассоциируется с атеизмом, они развернутся резко против правительства в Анкаре. Между тем в тот момент правительство в Анкаре вело борьбу с правительством султана-халифа в Стамбуле и рисковало бы проиграть войну, даже не начав ее. Рефет Беле, министр внутренних дел, согласился с аргументами Рызы Нура, и Турция была спасена от большевизма. Так рассказывает об этом Рыза Нур³⁸.

Рыза Нур также высказывает некоторые спорные утверждения о международных связях новой республики, в частности, о ее отношениях с Россией и связях на Кавказе. Будучи турецким этническим националистом, он склонен преувеличивать этнический фактор при оценке действий политической элиты вокруг Мустафы Кемалю. Так, первым министром иностранных дел в правительстве Анкары был Бекир Сами (Кундук), осетин по происхождению; когда его послали в Москву для налаживания отношений с большевистским режимом, он, по словам Рызы Нура, согласился отдать Ван армянам в обмен на обещание независимости для осетин³⁹. Как и Рауф Орбай, Рыза Нур покинул Турцию в 1926 г., когда пошла волна показательных процессов против оппозиции под предлогом провалившегося заговора с целью убийства Ататюрка в Измире. Он вернулся только после смерти Ататюрка в 1938 г. и умер в Стамбуле в 1942 г. Его мемуары, которые Нур в 1935 г. передал в Британский музей с условием, что они будут напечатаны не раньше чем через 25 лет, были опубликованы в Турции в 1968 г. Они были запрещены, и официальные власти их отбирали, но в настоящее время их можно найти и в университетских библиотеках, и в некоторых книжных магазинах. В исторической политике Турции воспоминания Рызы Нура являются важным источником не только для светских этнических турецких национали-

стов, но и для исламистов и либеральных критиков однопартийного кемалистского государства.

Исламская интерпретация войны как джихада анатолийских мусульман

Самым популярным и устойчивым направлением ревизионистской историографии в исторической политике Турции было исламистское направление. Исламистские критики также представляют собой самое заметное исключение из широкого консенсуса, сложившегося вокруг прославления Ататюрка; в своих критических материалах они изображают Ататюрка не как исламистского героя, а скорее как самозванца, который эксплуатировал религиозность мусульман в течение всей войны, а затем выступил против нее, когда победа была одержана. Иными словами, исламисты представляют собой самую большую группу фундаментальных ревизионистов. Кроме всего прочего, они опираются на высказывания всех трех упомянутых выше исторических деятелей, а также на официальные публикации, включая выступления самого Мустафы Кемалю и парламентские слушания. Исламистская версия истории, подававшаяся в годы существования однопартийного режима (1923—1950 гг.), вновь проявилась с особой силой в 1950-е гг. при правительстве ДП. Исламистская интерпретация истории Турции сама по себе активно прибегала к критике кемализма — иногда намеками, а иногда и в явном виде; эта трактовка продолжает набирать силу и по сей день, особенно с 1980-х гг.

Исламистскую версию освободительной войны и ее последствий можно кратко сформулировать так: это был джихад, священная война анатолийских мусульман, независимо от их этнической принадлежности, против европейских христианских оккупационных сил (англичан, французов и итальянцев) и их местных христианских пособников (греков, армян, айсо-ров и др.)⁴⁰. Не только состав участников — те, кто организовал

войну за независимость и участвовал в сражениях, — но и идеологические обоснования, и весь дискурс военных усилий были откровенно исламскими, так что эту войну легко можно представить как исламский джихад (оборонительную войну), а не «национально-освободительную» борьбу в рамках этнического или светского понимания нации. Однако, как только война была выиграна, Мустафа Кемаль выбрал путь радикальной секуляризации, что, по мнению исламистов, противоречило глубоко исламскому характеру и риторике этой войны.

Взгляды радикальных ревизионистов-исламистов можно проиллюстрировать на примере двух исламистских диссидентов-интеллектуалов. Первый из них — Кадир Мысыроглу (р. 1933 г.), второй — Абдурахман Дилипак (р. 1949 г.). С точки зрения периодизации исторической политики в Турции, они представляют два разных поколения диссидентов. Мысыроглу использовал демократические возможности, открывшиеся после первых свободных и справедливых выборов, которые привели к власти ДП в 1950 г., а Дилипак — политическую открытость, возникшую в период экономической либерализации Тургута Озала в 1980-х гг., и рост исламизма в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Таким образом, первый из них стал известен уже в 1950-х и 1960-х гг., а второй приобрел популярность в 1980-х и 1990-х гг. По состоянию на конец 2010 г. оба они — активные и популярные исламистские общественные деятели. Дилипак — главный обозреватель газеты *Yeni Akit*, а Мысыроглу выступает с регулярными комментариями на *TV NET*, а также на других площадках.

В своей книге *Kurtuluş Savaşında Sarıklı Mücahidler* («Моджахеды в тюрбанах в войне за независимость»), опубликованной в 1967 г., Мысыроглу утверждает, что эта война была в первую очередь следствием деятельности исламистских воинов-проповедников, а также что народная поддержка, которой пользовалось правительство в Анкаре на протяжении войны, в действительности опиралась на них. Символичной в этой связи является церемония открытия парламента в Анкаре в 1920 г.,

имевшая форму глубоко религиозной церемонии с чтением из Корана и других религиозных книг, в частности, «Мавлида», а также религиозными возгласениями «Велик Аллах» (*Allahu Ekber*)⁴¹. По словам Мысыроглу, после победы, и в особенности после заключения Лозаннского договора, этот исламский дискурс был быстро предан забвению. Он утверждает, что Великобритания, Франция и в целом международное сообщество соглашались признать независимость Турции лишь при условии, что она станет светским государством, упразднит халифат и никогда не будет проводить панисламистскую внешнюю политику². В 1970 г. Мысыроглу был приговорен военным судом к семи годам лишения свободы за оскорбление наследия Ататюрка в соответствии со статьей 5816, отбыл четыре года тюремного заключения и был освобожден в 1974 г. по всеобщей амнистии. Позднее против него был возбужден ряд новых дел, но в 1980 г., когда в Турции произошел военный переворот, Мысыроглу бежал в Германию, а затем в Великобританию, где получил убежище как жертва политического преследования. Мысыроглу вернулся в Турцию в 1991 г. после отмены статьи 163, которая объявляла преступлением деятельность, направленную против секуляризма, и часто широко интерпретировалась для заключения в тюрьму исламских интеллектуалов.

Абдурахман Дилипак также обращает внимание на состав и дискурс первого парламента, в подробностях вспоминая церемонию самого первого дня работы парламента в Анкаре, с непрерывными молитвами и религиозными песнопениями. Дилипак также цитирует отрывки из речи Ататюрка, где он произнес хвалу исламской традиции, предписывающей, чтобы женщина закрывала лицо⁴³. Этот первый парламент официально запретил производство, продажу и употребление алкоголя, в том числе и из религиозных соображений. Ататюрк даже произнес знаменитую пятничную проповедь в мечети, где из его уст прозвучала фраза, которую можно интерпретировать как «Наша конституция — это только Коран»; некоторые именно так ее и трактуют⁴⁴. Короче говоря, исламистские критики

доказывают, что война за независимость была в первую очередь исламской войной.

Социалистическая интерпретация войны: большевики и первая антиимпериалистическая война

Как пишет в своей книге один турецкий социалист-маоист, в январе 1921 г. Мустафа Кемаль сказал: «Лично я и многие мои товарищи — сторонники коммунизма, но ситуация и условия требуют, чтобы мы по-прежнему хранили молчание по этому вопросу. Если я завтра объявлю себя коммунистом, от моего влияния тут же ничего не останется»⁴⁵. С началом войны и некоторые сторонники Мустафы Кемалья, и многие его противники утверждали, что правительство в Анкаре проявляет серьезную приверженность социализму, о чем свидетельствуют и его тесные отношения с Советским Союзом. Действительно, хотя негосударственные акторы, такие как индийские мусульмане, также оказывали войне за независимость существенное финансовое и политическое содействие, Советский Союз был единственным независимым государством и единственной великой державой, которая открыто, на протяжении всей войны поддерживала правительство в Анкаре — в финансовом, военном и политическом отношении.

Советское руководство и турецкие социалисты одинаково изображали эту войну, в первую очередь как антиимпериалистическую, но турецкие социалисты пошли еще дальше. Они представляли освободительную войну как первое и решающее сражение против империализма, знаменующее подъем мощного антиимпериалистического движения, а Турцию — как первую восточную державу, победившую западные колониальные державы в XX в. Этому посвящены также многие произведения известного турецкого интеллектуала и поэта Аттилы Ильхана⁴⁶. Можно привести много красочных и содержатель-

ных примеров турецко-советской дружбы в 1920-х и в начале 1930-х гг. — с первого дипломатического письма Мустафы Кемалья Ленину от 26 апреля 1920 г. до визита Ворошилова в Турцию в октябре 1933 г. Последний эпизод в кемалистской агиографии особенно знаменателен, поскольку он совпал с 10-й годовщиной основания Республики. В этом же ряду принятие Турцией в 1932 г. первого пятилетнего плана по советскому образцу и создание крупных текстильных предприятий с помощью советских кредитов⁴⁷. Однако подобно тому, как исламисты утверждают, что после победы в войне режим отвернулся от ислама, социалисты критикуют его за то, что начиная с 1936 г. Турция стала поворачиваться спиной к Советскому Союзу. Они называют и турецко-британское сближение, выразившееся в заключении договора в Монтре, и продолжение дружеских отношений Турции с нацистской Германией в начале Второй мировой войны, и турецко-американский альянс в период холодной войны, который превратил Турцию в бастион широкомасштабной проамериканской и антисоветской военно-политической стратегии.

Существуют две версии социалистического ревизионизма. Первая, доминирующая, это прагматический ревизионизм, который опирается на интерпретацию кемалистских мифов в том смысле, что кемалисты якобы поддерживали социалистическую программу («Мустафа Кемаль в душе был социалистом»), которая не только не подрывает, но на самом деле даже усиливает кемализм как таковой. Согласно этой точке зрения, все наследники Ататюрка, начиная с Инёню, являются предателями, отступившими от первоначального, протосоциалистического и антиимпериалистического духа войны за независимость. Экономическая и политическая либерализация 1990-х и 2000-х гг. способствовала росту популярности социалистического ревизионизма: приверженцы такой трактовки войны за независимость получили большие возможности для выражения своих взглядов и сочувствующую аудиторию.

Второй тип — это фундаментальный ревизионизм, который представляет кемализм как фашистский режим, ради

укрепления своей диктатуры отрекшийся от социалистов; ревизионисты этого толка утверждают, что при поддержке правительства Анкары во главе с Мустафой Кемалем председатель Центрального комитета Коммунистической партии Турции Мустафа Супхи и его друзья были утоплены в Черном море. Рассуждая о международном политическом контексте этого убийства, Эдвард Карр утверждает, что «в первый, но не в последний раз было продемонстрировано, что правительства могут жестоко обходиться со своими национальными коммунистическими партиями, сохраняя при этом благорасположение советских властей — если добрые отношения были достигнуты на иных основаниях»⁴⁸. Эта точка зрения, которая стремится скомпрометировать кемализм, изображая его как кровавый режим, выражена гораздо слабее; ее разделяют лишь немногие леволиберальные социалисты.

Интерпретация войны курдскими националистами: история невыполненных обещаний

Курдские националисты были и остаются яростными критиками официальной историографии в Турции с момента основания Республики. Многие из них утверждают, что в войне за независимость курды выступали как сторонники правительства Анкары и их лидерам обещали выделить для курдов особое этнофедеративное образование, однако, выиграв войну, правительство кемалистов отказалось от этого обещания⁴⁹. Курдско-исламистское восстание шейха Саида, в интерпретации курдских историков-националистов, предстает как выражение праведного гнева курдов, возмущенных резкой сменой позиции со стороны правительства Анкары после окончания войны. Некоторые социалисты, либералы, исламисты также частично разделяют эту точку зрения, отмечая, что этническая

идентификация активно присутствовала в публичном пространстве: упоминание об этническом происхождении конкретных лиц не только не запрещалось, но активно использовалось и в парламентских дебатах, и в прессе, и в других видах публичного дискурса. Но потом, после создания и укрепления новой республики в 1920-х и 1930-х гг., на упоминание этничности как таковой — постепенно, а потом все более решительно — был наложен запрет. В конечном итоге к моменту возникновения военной диктатуры в 1980-х гг. даже самое утверждение, что существуют люди, которые называются курдами, стало считаться преступлением⁵⁰. Для курдской националистической ревизионистской историографии, так же как для исламистской и социалистической, 1990-е и 2000-е гг. стали временем расцвета.

Либеральные интерпретации войны: от народного сопротивления к однопартийной диктатуре

Либерализм в официальной кемалистской историографии имеет уничижительный оттенок, поэтому иногда он используется как общее обозначение любого диссидента, которого трудно отнести к какой-либо из рассмотренных выше групп. Здесь я называю либералами тех, кто думает, что принципиальной ошибкой режима кемалистов было не то, что они игнорировали или даже «предали» свои исламские или социалистические начала и своих курдских союзников, но то, что они отвергли и уничтожили относительно плюралистическую, квазидемократическую, конкурентную политическую среду во имя построения диктатуры одной партии. В этом отношении либеральные критики напоминают Карабекира и Орбая, которые осуждали становление однопартийной диктатуры после 1925 г., но не в форме жесткой идеологической критики режи-

ма. Критические оценки Карабекира и Орбая — это взгляд людей, которые сыграли ведущую роль в войне за независимость, но их вклад в это масштабное политическое событие был проигнорирован, а сами они отодвинуты на политическую периферию и дискредитированы. Поэтому когда Айше Хур, историк-обозреватель откровенно прозападного леволиберального издания *Taraf*, критически описывает процессы Карабекира, Орбая и других крупных тогдашних деятелей в связи с заговором с целью убийства Ататюрка в Измире в 1926 г. (как показывают исследования, процессы имели целью избавиться от оппозиции новому однопартийному кемалистскому режиму), она отнюдь не утверждает, что Карабекир, или Орбай, или другое — исламское, социалистическое или курдское — политическое руководство в то время управляло бы Турцией лучше⁵¹. Либеральным критикам не нравится, когда официальные историки задним числом описывают всех соперников Ататюрка как реакционеров и контрреволюционеров, которые хотели сохранить Турцию в «мрачном средневековье» — с никому не подотчетной деспотической монархией в союзе с репрессивным, ретроградным духовенством. Это решительно не соответствует действительности: Карабекир, Орбай и большинство других видных деятелей периода войны искренне поддерживали решение о создании Республики и основные меры по секуляризации. Однако поскольку они видели и принимали Мустафу Кемалю лишь как *первого среди равных*, они были недовольны развитием событий, в ходе которого он превратился в единственного, бесспорного лидера, в стране сложился культ личности Мустафы Кемалю, и в конце концов он был официально провозглашен «Ататюрком» («отцом турок»). Чтобы понять, в какой мере эти ревизионистские взгляды имеют хождение за пределами научных и интеллектуальных кругов — в популярных средствах массовой информации, и в каких именно, мы предлагаем читателю краткий обзор структуры турецких СМИ.

Структура средств массовой информации в современной Турции: экономика, политика и идеология

По состоянию на конец 2010 г. в Турции сложилась очень активная и разнообразная среда СМИ — не менее тридцати пяти общенациональных газет с ежедневным тиражом до четырех с половиной миллионов экземпляров и сотни местных газет, десятки частных национальных телевизионных каналов и сотни местных теле— и радиостанций⁵². Однако за этим ярким фасадом стоит всего с десяток финансово-промышленных медиагрупп, владеющих самыми популярными газетами и телевизионными станциями, а также другими СМИ⁵³. Конечно, это не отменяет разнообразия: в конце концов, десяток ключевых частных финансово-промышленных медиагрупп — лучше, чем, например, пять групп, три, одна или вообще ни одной. При этом до 1990 г. в стране существовали только государственные телевизионные каналы, но после открытия *Star TV* в конце в того же года, число частных теле— и радиостанций начало стремительно расти по всей стране, как на национальном, так и на местном уровне. Это стало одним из многих результатов неолиберальных реформ, предпринятых Тургутум Озалом в 1980-х гг. и продолженных в 1990-х гг.

Однако вплоть до недавнего времени государство и, в частности, военные сохраняли значительное влияние на средства массовой информации, а потому даже в частных СМИ уверенно доминировала официальная точка зрения на историю. Чтобы держать СМИ под контролем и наказывать тех, кто, с точки зрения военных и государственных структур, выходил за рамки допустимой критики, использовались как юридические, так и неформальные методы. Например, некоторые исламистские и курдские националистические газеты (как и соответствующие политические партии) неоднократно оказывались под запретом. Популярный обозреватель-исламист был присужден к выплате крупных штрафов, так что в конце концов его дом

был в судебном порядке конфискован и продан с аукциона. 1990-е гг. ознаменовались многочисленными убийствами журналистов, в основном кемалистов светской ориентации, но также и нескольких курдских журналистов. Один из особенно возмутительных эпизодов получил название «Предупреждение»: по имеющимся сведениям, военные предупредили владельцев газеты о необходимости уволить нескольких известных обозревателей за то, что те позволяли себе недопустимую критику в их адрес; редакторы газеты выполнили то, что от них требовалось. Сегодня этот случай практически всеми осуждается, но политически мотивированные увольнения журналистов тем не менее возможны. Даже по состоянию на конец 2010 г. десятки журналистов находятся под судом за свои публикации, и некоторым из них — в случае признания их виновными — грозит 100 и более лет тюрьмы.

С учетом необычно длительного пребывания у власти правительства Партии справедливости и развития (ПСР) (с 2002 г. по настоящее время), нынешние медиагруппы чаще всего классифицируют в соответствии с их отношением к правительству, то есть поддерживают ли они ПСР или главную оппозиционную партию РНП. Приход к власти ПСР открыл перед историками-ревизионистами огромные возможности для выражения своих мнений в крупных национальных СМИ, которыми они широко пользуются, потому что сама ПСР возникла как форма исламистского политического движения, весьма критически настроенного в отношении кемализма и его концепции турецкой истории. Партия националистического движения (ПНД) и партия курдских националистов — Партия демократического общества (ПДО) не имеют серьезных СМИ, которые можно было бы ассоциировать с ними, хотя последняя имеет крупные СМИ среди курдской диаспоры в Европе. Таким образом, в современной Турции критические взгляды на официальную историографию в наибольшей мере представлены в газетах консервативного, исламистского толка, а также в либеральных изданиях, симпатизирующих правительству ПСР, а то и прямо его поддерживающих⁵⁴.

Преподавание и учебники истории: демократия и бюрократия в *ТТКВ*

Хотя приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР) привел к массовому распространению ревизионистских и иных критических взглядов на официальную историю Турции через газеты и телевизионные каналы, симпатизирующие ПСР или поддерживающие ее, это вовсе не означало, что изменилась официальная концепция истории в школьных программах и учебниках. Отбор учебных программ и учебников строго регулируется и отслеживается руководством Совета по образованию и воспитанию (*Talim ve Terbiye Kurulu Başkanlığı, ТТКВ*) при Министерстве образования⁵⁵. Ни один учебник не может использоваться в школах Турции, если он не был одобрен *ТТКВ*, что делает чиновников этого ведомства высшей инстанцией, управляющей рынком учебников, объем которого достигает миллиарда долларов. При правительстве ПСР в *ТТКВ* непрерывно происходили скандалы, становившиеся достоянием общественности; президенты *ТТКВ* один за другим уходили в отставку, заявляя, что в Совете имеют место масштабные нарушения, процветает коррупция и не соблюдаются должным образом принципы Ататюрка⁵⁶. Поскольку исторически чиновничество, а также судебная и военная власть комплектовались по большей части из числа светских, кемалистских кадров, скандалы, сотрясавшие *ТТКВ*, могли иметь идеологическую подоплеку или возникнуть в результате конфликтов по поводу дележа рынка учебников или того и другого вместе. Например, в адрес правительства звучали обвинения, что оно заставляет *ТТКВ* одобрять учебники, опубликованные издателем, который якобы связан с религиозным орденом, — в таком случае конкуренция на рынке учебников имеет и идеологический, и экономический аспекты.

Во всех учебниках для начальной и средней школы по общественным наукам — истории, географии и национальной безопасности — в самом начале помещаются фотографии и высказывания Ататюрка, а часто имеются и тематические

фрагменты, посвященные взглядам Ататюрка на те или иные проблемы. Поэтому, хотя сотни тысяч и даже миллионы взрослых читателей газет и телезрителей регулярно видят и слышат весьма резкую критику кемализма, учебные программы по истории вряд ли будут включать в себя серьезную критику государственной политики Турции в прошедшие периоды. Например, год назад правительство ПСР в самых жестких выражениях осудило кровопролитие, которым сопровождалось подавление восстания в Центральной и Восточной Анатолии в 1937—1938 гг. Некоторые даже сравнили эту внутреннюю военную операцию, проведенную в период однопартийной диктатуры, с геноцидом. Эти обвинения, прозвучавшие на самом высоком, правительственном уровне, сами подверглись осуждению со стороны основной оппозиционной партии — РНП, которая защищала эту военную операцию. Интересно, что хотя правительство ПСР осудило действия турецкого государства в 1937—1938 гг. как жестокие и ничем не оправданные и хотя большая часть интеллектуального истеблишмента и СМИ разделяют эту точку зрения, очень маловероятно, чтобы учебник по истории Турции, критически отзывающийся о действиях турецкого государства как таковых, был одобрен и использован в системе массового образования. Этот пример наглядно демонстрирует как масштабы, так и пределы ревизионистской историографии в сегодняшней исторической политике Турции.

Историческая политика
в посткемалистской Турции?
Распространение ревизионистской
историографии на фоне гегемонии
официальной точки зрения

Ревизионистские взгляды на историю Турции, которые строго ограничивались или прямо подавлялись на протяжении большей части XX в., с приходом к власти в ноябре 2002 г.

Партии справедливости и развития (ПСР) вступили в период расцвета и приобрели значительную популярность. В большой степени это связано с исламистским происхождением ПСР — оно определяет доброжелательное отношение партии к критике кемализма, причем не только со стороны собственно исламистов и тех, кто вдохновляется исламскими идеями, но также и со стороны либералов, курдов и даже социалистов. Таким образом ПСР собрала под одной «крышей» всех, кто критикует официальную историографию, так что можно даже говорить о том, что с 2002 г. в истории Турции наступила «посткемалистская эпоха». Вместе с тем все уголовно-правовые и институциональные структуры, подробно описанные выше, формально по-прежнему сохраняются, а некоторые судьи по собственному почину иницируют судебное преследование критиков официальной историографии и, в частности, тех, кто выступает с критическими суждениями по поводу личности Ататюрка⁵⁷. Не следует забывать, что даже *YouTube*, интернет-ресурс, пользующийся колоссальной популярностью во всем мире, был запрещен в Турции на 2,5 года из-за наличия в нем некоторых видеоматериалов, порочащих Ататюрка. 31 октября 2010 г. этот запрет был наконец снят — но лишь после удаления всех этих видеоматериалов. С одной стороны, ревизионистская историография, на протяжении долгих лет становившаяся объектом гонений и карательных мер, не исчезла, а с переходом к многопартийной демократии в 1950 г. даже нашла себе политических покровителей и благодетелей, которые иногда защищали ее от официальных преследований. С другой стороны, хотя сейчас ревизионистская историография, безусловно, переживает беспрецедентный подъем, особенно среди интеллектуальной элиты и развивающейся происламской анатолийской буржуазии, поддерживающей нынешнее правительство ПСР, официальная историография тем не менее до сих пор прочно встроена в правовые, институциональные и образовательные структуры современной Турции.

Примечания

¹ Поэтому мы видим, что государство иногда принимало и поощряло ученых — бывших ревизионистов, если они изменяли свои взгляды, по крайней мере, частично и начинали защищать аспекты официальной историографии от ее хулителей. В этом проявляется желание власти управлять не только «своими», но также и оппозицией. Гегемония официальной точки зрения поддерживается не только репрессиями, но и путем поощрения бывших ревизионистов, которые принимают и защищают те или иные аспекты официальной трактовки. По утверждению Ицхака Брудного, руководителя Советского Союза тоже использовали стратегии включения применительно к русскому националистическому движению, которое развивалось во время и после хрущевской оттепели. См.: *Brudny Y. Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953—1991*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2000.

² По-турецки: *Şerîye ve Evkaf Vekaleti'ne Tevbid-i Tedrisat Kanunu*. Вмесе с упразднением халифата все эти исторические реформы были осуществлены 3 марта 1924 г., что делает эту дату, возможно, самой значительной вехой в истории секуляризации в Турции.

³ Соответственно Казым Карабекир, Рауф Орбай и Рыза Нур.

⁴ Это был Шемсеттин Поналтай. Официальный сайт ТТК: <http://www.ttk.org.tr/index.php?Page=Sayfa&No=182> (последнее посещение сайта 8 октября 2010 г.).

⁵ Там же. Это был Шевкет Азиз Кансу, с 28 апреля 1962 г. до 21 апреля 1973 г.

⁶ Это был Энвер Зия Карал. См.: *Demirer M. A. İki Referandum: 9 Temmuz 1961—12 Eylül 2010 // Anayurt*. 2010. Jul. 12 (<http://www.anayurtgazetesi.com/default.asp?page=yazar&id=9490>).

⁷ Этот закон был принят 25 июля 1951 г. и опубликован в «Правительственной газете» 31 июля 1951 г. См. также на сайте: <http://www.mevzuat.adalet.gov.tr/html/956.html>

⁸ *Hür A. CHP, Ticaniler ve Atatürk'ü Koruma Kanunu // Taraf*. 2008. Feb. 10.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ В том числе Неджип Фазыл Кысакюрек (1960—1961 гг.), Мустафа Исламоглу (1995—1996 гг.), Хакан Албайрак (в 2003 г.), Джума Бозгейик (в 2008 г.) и Атилла Яйла (в 2008 г.)

¹² Турецкий уголовный кодекс. Ст. 301/1. С ним можно ознакомиться на официальном сайте Великого национального собрания (парламента) Турции: <http://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5237.html>

¹³ Там же. Ст. 301/3.

¹⁴ Это, в частности, очень известные артисты и интеллектуалы Орхан Памук, Хасан Джемаль и Мурат Бельге. Но никто из них не был осужден.

¹⁵ Это, в частности, очень известный исламист Абдуррахман Дилипак, Исмаил Бешикчи и Ферхат Тунч.

¹⁶ www.kitapyurdu.com. Поиск по слову *Ermeni*. Последнее посещение сайта 27 ноября 2010 г.

¹⁷ *Perinçek D. Atatürk: Din ve Laiklik Üzerine*. İstanbul: Kaynak, 1997.

¹⁸ *Kasapoğlu A. Atatürk'ün Kur'an Kültürü*. İstanbul: İlgı, 2009.

¹⁹ *Albayrak H. Bir Cenaze Namazi // Milli Gazete*. 2000. Jun. 20.

²⁰ Остальные четверо подписавших — это Казым Карабекир, Рауф Орбай, Рефет Беле и Али Фуат Джебесой.

²¹ Эти четверо — опять же Карабекир, Орбай, Джебесой и Беле.

²² *Karabekir K. Paşaların Hesaplaşması: İstiklal Harbine Neden Girdik, Nasil Girdik, Nasil İdare Ettik? / İ. Bozdağ (ed.)*. İstanbul: Emre, 1993. P. 29.

²³ Ibid. P. 31.

²⁴ Ibid. P. 31.

²⁵ Ibid. P. 49, 52.

²⁶ Ibid. P. 12.

²⁷ Он известен также как «герой с «Хамидие»» («Хамидие» — название его корабля).

²⁸ Исмет Боздаг в своем предисловии к: *Orbay R. Cehennem Degirmeni—Siyasi Hatıralarım*. İstanbul: Emre, 1993. P. 9.

²⁹ *Orbay R. Op. cit.* P.183.

³⁰ Ibid. P.188.

³¹ Курдский национализм и череда восстаний курдов хорошо известны. Про черкесский национализм и сепаратизм известно гораздо меньше; см.: *Gingeras R. Sorrowful Shores: Violence, Ethnicity, and the End of the Ottoman Empire*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2009.

³² *Orbay R. Op. cit.* P.193. По-турецки эти законы называются *Takrir-i Sukun*.

³³ *Nur R., Ellison G. İlk Meclisin Perde Arkası 1920—1923*. İstanbul: Örgün Yayınevi, 2007. P. 49.

³⁴ Ibid. P. 50.

³⁵ Ibid. P. 51.

³⁶ Ibid. P. 55.

³⁷ Ibid. P. 81.

³⁸ Ibid. P. 81—82.

³⁹ Ibid. P. 111—114.

Джеффри Кингстон

Политические оценки прошлого в современной Японии

⁴⁰ См. также: *Aktürk Ö.* Persistence of the Islamic *Millet* as an Ottoman Legacy: Mono-Religious and Anti-Ethnic Definition of Turkish Nationhood // Middle Eastern Studies. Vol. 45. No 6. Nov. 2009. P. 893—909.

⁴¹ *Misiroğlu K.* Kurtuluş Savaşında Sarıklı Mücahitler. İstanbul: Sebil, 1967. P. 191—194. Это описание, которое подтверждают и специально подчеркивают в своих работах Дилипак и Акёл (см. ниже), полностью соответствует действительности.

⁴² *Misiroğlu K.* Lozan: Zafer mi Hezimet mi? İstanbul: Sebil, 1964.

⁴³ *Dilipak A.* Bir Vaðka Açidan Kemalizm. İstanbul: Beyan, 1988. P. 77—90.

⁴⁴ Это была пятничная проповедь, которую Ататюрк произнес в мечети Заганос-Паша (*Zaganos Pasha*) в Балыкесире 7 февраля 1923 г.

⁴⁵ *Akyol T.* Ama Hangi Atatürk? İstanbul: Dogan, 2008. P. 214; цит. по: *Perinçek M.* Atatürk'ün Sovyetlerle Görüşmeleri. İstanbul: Kaynak, 2005. P. 272—273.

⁴⁶ *İlhan A.* Hangi Atatürk? İstanbul: Bilgi, 2003.

⁴⁷ *Akyol T.* Op. cit. P. 216.

⁴⁸ *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution, 1917—1923. Vol. 3. N. Y.: W. W. Norton, 1985. P. 301.

⁴⁹ *Kutlay N.* 21. Yüzyıla Girerken Kürtler. İstanbul: Peri, 2002. P. 81—87.

⁵⁰ *Aktürk Ö.* Regimes of Ethnicity: A Comparative Analysis of Germany, Soviet Union, Russian Federation, and Turkey // World Politics. Vol. 63. No 1. Jan. 2011. P. 115—164.

⁵¹ *Hür A.* İzmir Suikasti ve muhalefetin tasfiyesi // Taraf. 2008. Jun. 22.

⁵² Сведения о тиражах газет можно найти на сайте: <http://www.medyatava.com/tiraj.asp> (последнее посещение сайта 3 декабря 2010 г.).

⁵³ Наиболее известные медиагруппы: *Doğan, çalık/Turkuwaz, Ciner, çukurova, Koza, Doğu, è Feza.*

⁵⁴ Это, в частности, *Sabah, Star, Taraf, Vakit, Yeni öafak è Zaman.*

⁵⁵ Официальный сайт: <http://ttkb.meb.gov.tr/>

⁵⁶ *Öztürk S.* Talim Terbiye'de Gidenler Gelenler // Hürriyet. 2008. March 6.

⁵⁷ *Belge C.* Friends of the Court: The Republican Alliance and Selective Activism of the Constitutional Court of Turkey // Law à Society Review. Vol. 40. No 3. 2006. P. 653—692.

История взаимоотношений Японии с ее азиатскими соседями — это постоянный источник напряженности, взаимных обвинений и опровержений. Япония не справляется ни с признанием своей имперской агрессии в этом регионе, ни с искуплением своей вины. Как и во многих других странах, позорное прошлое в Японии часто минимизируется, смягчается, даже возвеличивается и иным образом искажается во имя обслуживания современных политических нужд. Следует, однако, принять во внимание, что опросы общественного мнения за последние двадцать лет показывают, что большинство японцев признает военную ответственность Японии, признает прошлые преступления и одобряет их дальнейшее и более полное искупление¹. Таким образом, в Японии нет консенсуса относительно ее истории, общей для нее и прилегающей Азии. Существует линия разлома, отделяющая консервативных националистов от большинства населения. Страны, пострадавшие от японского империализма, получают противоречивые сигналы, и это уничтожает в них любые зачатки доброжелательности, которые могли бы развиваться благодаря многочисленным извинениям, которые руководители Японии принесли за прежние грехи². По существу, эта линия разлома отделяет тех, кто одобряет представление событий в оправдывающем, реабилитирующем ключе, от тех, кто считает недостойным уклонение от признания трудных моментов истории. «Доктора Филгуды» от японской истории представляют сравнительно небольшую

долю японцев, но в коридорах власти они представлены непропорционально широко, что обеспечивает их взглядам преобладающее положение в международных СМИ и укрепляет ошибочные представления о массовой коллективной амнезии японцев³.

В этой главе я анализирую разногласия по поводу памяти о войне, извинений, храма Ясукуни, военной ответственности императора Сёва и столетия (в 2010 г.) установления японского колониального режима в Корее, чтобы проследить, как политические программы «формируют» историю и как история влияет на политику.

Память о войне и извинения

В 2010 г. премьер-министром Японии стал Наото Кан, который — впервые за двадцать пять лет — рекомендовал членам своего кабинета воздержаться от посещения храма Ясукуни 15 августа, в годовщину капитуляции Японии в 1945 г. В этот день здесь проводится публичная торжественная церемония поклонения душам воинов, павших за Японию. Вскоре после прихода к власти по результатам выборов в нижнюю палату в 2009 г., Демократическая партия Японии (ДПЯ), которую возглавляет Кан, пообещала объявить мораторий на посещения этого храма высокопоставленными политическими деятелями. (Не следует с подозрением относиться к выбору момента для такого обещания: известно, что ДПЯ всегда отрицательно относилась к посещениям этого храма.)

Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая доминировала в японской политике с момента своего создания в 1955 г., напротив, издавна одобряла эти визиты, и ее руководство посетило храм 15 августа 2010 г. Дзюньитиро Коидзуми, будучи премьер-министром от ЛДП в 2001—2006 гг., побывал в этом храме шесть раз, что вызвало волну негодования в Китае и на Корейском полуострове, потому что эти визиты были

истолкованы как демонстрация поддержки традиций Ясукуни, с упором на понесенные Японией жертвы и на благородство ее имперских устремлений. Многие японцы тоже были возмущены и разочарованы этими посещениями храма, потому что они противоречат принципу отделения религии от государства, провозглашенному в статье 20 конституции. Они также не соглашались с политической программой Коидзуми, цель которой состояла в том, чтобы перевернуть страницу истории и представить такие паломничества как обычные ритуалы, освобожденные от тяжелого наследия прошлого. Их оппозиционное отношение к этому демонстрируют результаты опросов общественного мнения (большинство японцев осуждало посещения храма Ясукуни) и инициированные судебные процессы⁴.

Для критиков храм Ясукуни и прилегающий к нему военный музей Юсюкан символизируют нераскаявшийся японский милитаризм и оправдание и реабилитацию японского насилия в Азии в 1931—1945 гг. Для сторонников храм и музей — символы их правоты, подтверждение того, что Священная война Японии в Азии во имя императора Сёва (Хирохито) мотивировалась лишь благородным стремлением освободить азиатов от гнета западного империализма⁵. Такое противоречивое отношение к храму Ясукуни уходит корнями в более масштабные исторические споры о военной памяти, ответственности и примирении⁶.

Прошлое все еще отбрасывает длинную тень на современную Японию; и время еще не похоронило воспоминания о кровавом прошлом, которое по-прежнему отражает Японию от ее азиатских соседей: среди них широко распространено мнение (отчасти справедливое), что Япония уклоняется от ответственности за то, что она творила в военные годы. Но хотя утверждения, что Министерство просвещения Японии поощряет коллективную амнезию в отношении Японии как имперской владычицы и захватчицы в Азии, не лишены основания, верно также и то, что японские ученые, педагоги, поли-

тические деятели и журналисты бросают недвусмысленный вызов сторонникам ретуширования прошлого⁷. Хотя многие японцы, возможно, до сих пор остро ощущают себя жертвами войны на Тихом океане, что вызывает недоумение у ее жертв в других странах Азии, горячие публичные дискуссии о прошлом вынуждают нацию взглянуть в лицо фактам — неудобным свидетельствам и воспоминаниям, которые разрушают оправдательные описания этого тяжелейшего периода. Внутринациональный разлом по поводу храма Ясукуни — лишь часть этого широкого контекста. 1990-е гг. стали временем, когда Японии были выставлены исторические счета, подлежащие оплате. Прошлое внезапно догнало японцев, которых обучали так, что в массе они оказались не готовы воспринять оскорбляющие их истины относительно того, чем занимались воины императора в те моменты, когда они не «освобождали жителей Азии от гнета западного империализма». Хотя важные разоблачения, касающиеся этого темного прошлого, звучали и до кончины императора Сёва в 1989 г., теперь тонкая струйка превратилась в водопад. Пока император был жив (и пользовался повсеместным уважением со стороны военного поколения, почитавшего его как бога), о его ответственности за войну и многие страшные преступления, совершенные от его имени, обычно не упоминали. Но после его смерти эти ограничения быстро исчезли. Не менее важную роль сыграло постоянное, не ослабевавшее с конца 1980-х гг., давление групп азиатских активистов, которые добиваются компенсаций и более откровенного описания темного прошлого Японии. Прежде всего речь идет о насилии и злодеяниях, таких как принуждение женщин к проституции (система «женщин для утех»), резня в Нанкине, использование рабского труда и эксперименты по созданию химического и биологического оружия в печально известном отряде 731⁸. В результате этих подпитывающих друг друга внутренних и региональных процессов в 1990-х гг. японцы узнали о своей истории больше, чем были готовы узнать. Этот неожиданный и мощный поток, выр-

вавшийся из выгребной ямы прошлого, вызвал шок и тревогу в стране, где люди не привыкли к столь мучительным историческим описаниям. Если пользоваться терминами исторической политики, консервативный консенсус, отрицавший преступления, минимизировавший их и перекладывавший ответственность на других, который преобладал со времени окончания американской оккупации в 1952 г., в 1990-х гг. был разрушен под натиском прискорбных и горьких фактов, подтверждавших критику войны прогрессистами. Маятник быстро качнулся в сторону Сабуро Иэнаги и других прогрессивных интеллигентов, которые боролись за то, чтобы вынудить правительство и нацию принять более нелюбезную точку зрения.

В этом аспекте я считаю ошибочной трактовку исторической политики Японии, предложенной Дженнифер Линд. Линд утверждает, что извинения и раскаяние Японии вызывают в стране обратную, националистическую реакцию, провоцируя японских консерваторов на комментарии, имеющие целью опровержение этих извинений. По ее мнению, эти замечания подпитывают и раздувают негодование в Корее и в Китае, так что извинения фактически оказываются контрпродуктивными⁹. Тем самым Линд путает симптомы с причиной. Отсутствие в Японии национального согласия относительно прошлого и оценки действий Японии в тот период имеет место и по сей день, и эти конфликты первичны, они глубже споров относительно дипломатии извинений. В Германии вообще не было сомнений в том, были ли военные преступления нацистов преступлениями, и даже если Германия первоначально демонстрировала не слишком глубокое раскаяние и, как и Япония, делала акцент на собственных страданиях, это не отрицало и не оправдывало того, что Германия творила во время войны. А в Японии консерваторы и прогрессисты на протяжении шести десятилетий яростно спорят относительно прошлого, и консерваторы по-прежнему утверждают, что Япония исполняла благородную паназиатскую миссию освобождения азиатов от

гнета западного колониализма. Они оспаривали и оспаривают весь характер военной истории, борясь против честных оценок. Их реакция на жесты раскаяния и принесение извинений — признаки более глубокой проблемы памяти о войне. Именно политика в отношении памяти о войне в Японии, издавна конфликтная, направляет и определяет конфликты в отношении извинений и актов раскаяния. Однако при этом создается ошибочное впечатление, будто извинения вызывают новые приступы злобы и подозрений. Японские консерваторы недовольны тем, что их концепция прошлого пользуется все меньшим доверием и что честная концепция прогрессистов, распространение которой консерваторам удавалось сдерживать в течение почти всей послевоенной эпохи, теперь активно проникает в умы японцев. Извинения беспокоят их потому, что они отражают изменения в признании событий прошлого и свидетельствуют о том, что оценка действий Японии во время войны подвергается пересмотру. Опровержение извинений просто следует общей модели отрицания, которая является важнейшим элементом обычного подхода консерваторов к проблемам военной памяти. Важно также отметить, что китайцы и корейцы на протяжении долгого времени возмущаются тем, как японцы избегают памяти о войне и уклоняются от ответственности за военные преступления. Поэтому они изначально настроены не придавать значения этим извинениям, а опровержения извинений рассматривают как элемент принятой в Японии более широкой и давней практики сохранения «белых пятен» в истории. В таком контексте опровержения извинений лишь подтверждают то, что соседи Японии уже и так знают об избирательной амнезии Японии (и она им очень не нравится).

Понятно, что возникло сопротивление этим разоблачениям и стремление все отрицать, оправдаться и снять с Японии ответственность за эти ужасные трагедии¹⁰. Однако в очистительные 1990-е гг. концепция самооправдания с упором на благородную жертвенность и на преследования самих японцев

подверглась большим сомнениям и в некоторых важных аспектах была необратимо дискредитирована. Конечно, многие по-прежнему предпочитают более утешительную версию истории, но экзгумированное прошлое уже никуда не денешь.

В условиях возрождения национализма в современной Японии политики рискуют попасть в ловушку, втянувшись в эскалацию войны слов и жестов, исключая примирение. Бывший премьер-министр Японии Накасонэ предупреждает: «Проблема состоит в том, что новая вспышка националистических настроений в Японии обязательно столкнется с национализмом в соседних азиатских странах. Политики проповедают национализм, а люди склонны следовать за нездоровым национализмом. В результате политики откликаются на эти популярные чувства. Это создает атмосферу конфронтации между руководителями соответствующих стран, и иллюстрацией тому могут служить нынешние отношения Японии с Китаем и Южной Кореей»¹¹. Это правда, но национализм в Японии остается приглушенным, и Накасонэ, считающийся весьма консервативным, убежденным националистом, демонстрирует заметный интернационалистский уклон, характерный для многих политиков правого крыла, которые рекомендуют использовать более ответственную дипломатию. Действительно, многие консерваторы признают правильность заботы левого крыла о тщательной проработке исторических проблем в отношениях с соседними странами, и агрессивный национализм сейчас не имеет большой притягательной силы в рамках большой политики.

Проблема храма Ясукуни отражает трудности примирения Японии со своей военной историей и тщетность попыток утвердить одностороннюю, оправдательную трактовку событий, в то время как торжественные церемонии в память о погибших на войне соответствуют политической цели¹². Храм олицетворяет такую концепцию военного прошлого, согласно которой длительная война Японии в Азии была оправданной и имела целью освобождение азиатов от власти колонизаторов. В та-

ком оправдательном и облагораживающем представлении истории в экспозиции в музее Юсюкан, прилегающем к храму Ясукуни, нет места упоминаниям о злодеяниях японцев и об их жертвах. Ни храм, ни музей не обладают официальным статусом национального военного мемориала или музея, но они остаются духовным центром военных воспоминаний и памятных ритуалов. В 1978 г. в храме Ясукуни состоялась церемония установления памятных табличек с именами четырнадцати военных преступников класса «А», архитекторов войны, властью которых совершались все злодеяния. Эта церемония стала красноречивым политическим жестом, воплощением исторического зла, почти столь же отталкивающим, как и экспозиция «стерилизованных» воспоминаний в музее Юсюкан. Война здесь представлена как законный акт самообороны, а приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока (*IMTFE*), признанный согласно статье 11 Сан-Францисского мирного договора, подписанного Японией в 1951 г., отвергается. Реконструкция музея в 2002 г. обновила образ Ясукуни как символа отказа Японии от стремления к примирению и утверждения узконационалистического подхода к памяти о войне, вызывающего глубокие противоречия в обществе.

Бывший премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми оправдывал шесть своих визитов в храм Ясукуни в период пребывания в должности премьера тем, что недостойно проводить различия между мертвыми и что он просто чтит одинаково всех мертвых, включая военных преступников. Возможно, это соответствует широко распространенному среди японцев мнению, что Международный военный трибунал для Дальнего Востока (1946—1948 гг.), также известный как Токийский трибунал, был судебным фарсом, предвзятым «правосудием победителей», хотя большинство японцев признает, что вооруженные силы Японии совершили множество злодеяний. (Констатация недостатков Токийского трибунала не противоречит признанию Японией ответственности за военные преступления.) Консерваторы издавна принимали в штыки историю

войны в изложении победителей, которые чернили паназиатские устремления Японии, представляя их как пустую риторику, оправдывающую ее собственные имперские амбиции в этом регионе. Для многих японцев военные преступники класса «А», подвергнутые судебному преследованию, имели весьма отдаленное отношение к событиям, которые ставились им в вину: они не были признаны виновными в том, что сами совершали злодеяния. Скорее, они считались ответственными за преступления против мира и втягивание Японии в войну. Поэтому некоторые японцы считают, что их осудили несправедливо и что трибунал оказался не способен признать законными причины вступления Японии в войну (в частности, множество провокаций со стороны Запада и его колониальное господство в Азии).

Одновременно отношение к храму Ясукуни является лакмусовой бумажкой и в плане внутренних противоречий, потому что это храм религии синто, а значит, посещения его официальными лицами нарушают принцип отделения религии от государства, установленный статьей 20 японской конституции. Это щекотливая тема, потому что во время войны синтоизм, поддерживаемый государством, был связан с верой в императора и использовался как механизм внушения лояльности к правительству и обеспечения поддержки войны со стороны общества. Таким образом, в глазах некоторых японцев синтоизм опорочен сомнительными связями с империализмом; и Ясукуни как средоточие синтоизма военного времени считается храмом ультраконсервативного национализма, где по-прежнему чтут самые прискорбные аспекты военного прошлого Японии. Храм Ясукуни наполнен символикой, которая вызывает острую реакцию и определяет линии раскола как внутри самой Японии, так и между Японией и ее соседями. Мощные группы правых лоббистов, такие как Ассоциация семей, пострадавших от войны (*Nihon Izokukai*), и Ассоциация синтоистских храмов (*Jinia Honcho*), оказывают давление на политиков, требуя от них демонстрации уважения к памяти о

погибших на войне, олицетворяемой Ясукуни, в обмен на щедрое финансирование и хорошо организованную поддержку избирателей. У обеих этих организаций давние связи с ЛДП, и лидеры ЛДП регулярно становятся президентами *Nihon Izokukai*¹³. Присутствие на церемонии поклонения в храме Ясукуни является для таких ассоциаций важнейшим политическим тестом, но их влияние сокращается по мере старения и ухода их членов.

Важно иметь в виду, что существует значительная внутренняя оппозиция посещениям храма Ясукуни. Партия «Комэйто», партнер ЛДП по коалиции в нескольких кабинетах, публично выступает против таких визитов, так же как Коммунистическая партия Японии и Социал-демократическая партия Японии. Опорой партии «Комэйто» является организация «Сока Гаккай» (*Soka Gakkai*), буддистская секта, которая тоже призывает прекратить визиты в храм Ясукуни. Поддерживаемый государством синтоизм ассоциируется с систематической дискриминацией буддизма в эпоху Мэйдзи, и подавляющее большинство членов «Сока Гаккай» настороженно относится к связям государственной власти с синтоизмом. Основные СМИ также публикуют критические комментарии в отношении Ясукуни, в первую очередь консервативная газета «Йомиури», либеральные «Асахи» и «Майнити», но также и связанная с правительством вещательная корпорация *NHK* и ряд еженедельных журналов. Таким образом, здесь существует множество разных точек зрения, что в целом противоречит упрощенным представлениям о монолитности японской нации, которая якобы защищает посещение храма Ясукуни и охвачена опасным национализмом. Вместе с тем, в отличие от Европы, где знаменосцами и выразителями спорных националистических устремлений выступают мелкие политические партии, посещения храма Ясукуни одобряются ЛДП — партией, которая правила в Японии с 1955 г. до 2009 г.

Император Сёва, верховный жрец синто и человек, ради которого множество солдат отдали свои жизни, перестал по-

сещать храм Ясукуни после того, как в 1978 г. стало известно о церемонии символического захоронения в нем военных преступников класса «А». Его сын, император Акихито, поддерживает эту традицию бойкота и неявного отказа. Это плохо для консерваторов, поскольку подрывает их усилия по пропаганде отказа от покаяния и, наоборот, прославления японской военной истории и ясно показывает, что они действуют вопреки желаниям Его Величества. В июне 2006 г., накануне шестого визита в храм Ясукуни премьер-министра Коидзуми, была опубликована информация о том, что в 1988 г. император Сёва поделился своими сомнениями по поводу чествования в храме Ясукуни памяти военных преступников класса «А» с руководителем Управления императорского двора Томохико Томита. Император объяснил, что именно поэтому он и прекратил свои ежегодные паломничества в этот храм¹⁴. Эта сенсационная новость привела к тому, что общественная поддержка посещений премьер-министрами храма Ясукуни, и без того не очень решительная, резко снизилась до 20 %¹⁵.

После визита Коидзуми в храм Ясукуни в 2001 г. более 900 японских граждан в разных частях страны возбудили иски против премьер-министра, обвинив его в нарушении конституционного принципа разделения государства и религии. Правительство оказалось в неудобном положении и оправдывалось тем, что эти визиты не были официальными и, таким образом, принцип отделения религии от государства нарушен не был. На обвинения, что, расписываясь в книге посетителей, премьер-министр указал свой официальный титул, что он приехал в храм на своем служебном автомобиле и возложил венок опять же с указанием своего официального титула, правительство дало лукавый ответ, что все это были поступки личные и частные. В данном случае термин «личный», конечно, употреблялся весьма условно, поскольку в храм Коидзуми сопровождали десятки других представителей власти и все мероприятие заранее было довольно хорошо разрекламировано, что обеспечило ему толпу зрителей и ши-

рокое освещение в печати. Судебные иски, возбужденные против Коидзуми, привели к возбуждению аналогичного процесса против премьер-министра Накасонэ, последнего японского лидера, посетившего эту святыню в качестве официального лица. В 1992 г. три Верховных суда — в Токио, Сендае и Осаке — пришли к выводу, что официальное посещение Накасонэ храма Ясукуни в 1985 г. было неконституционным актом, так что для следующих премьер-министров продолжение этой традиции стало проблематичным. Судебные решения в отношении визитов Коидзуми в храм Ясукуни оказались разными. Например, 29 сентября 2005 г. Верховный суд Токио постановил, что эти визиты были поступками частного лица, а уже на следующий день Верховный суд Осаки постановил, что он совершил эти визиты, официально пребывая в своей должности и, следовательно, нарушил конституцию. Решения 2007 г. вообще обошли проблему соответствия конституции и, вместо этого, без долгих обсуждений отклонили претензии истцов о возмещении ущерба. Однако, несмотря на эти судебные неудачи, статья 20 по-прежнему серьезно омрачает визиты премьер-министров в храм Ясукуни, и именно поэтому в альтернативных предложениях о дани уважения погибшим акцент делается на светских церемониях.

Политика Ясукуни гарантирует, что он останется важным символом милитаристского прошлого Японии. Националисты отвергают предложения об альтернативных местах, где можно было бы отдать дань уважения погибшим на войне, именно потому, что дело тут совсем не в душах павших воинов: проблема храма Ясукуни — это проблема национальной гордости и поддержки восхваления военного прошлого Японии, не нуждающегося в оправданиях.

Напротив, известный историк Сабуро Иэнага, который возглавлял борьбу против реакционных искажений национальной истории более четырех десятилетий, до самой своей смерти в 2002 г., утверждал, что хотя почитать души павших солдат необходимо, не следует делать это путем их обожествления. По

его мнению, Япония должна гарантировать, что ошибки прошлого не повторятся, публично признав преступления своих лидеров, для которых солдаты были не более чем пушечное мясо. Только тогда можно говорить о надлежащем воздаянии почестей погибшим на войне¹⁶. Иэнага утверждает, что, объединяя проблемы национализма, патриотизма и сыновнего благочестия, те, кто поддерживает сохранение Ясукуни фактически как национального военного кладбища, стремятся защитить устаревшую и реакционную национальную идеологию.

Взывая к атавистическим символам национализма с целью пробуждения национальной гордости, политики реагируют на увядание славы, которое порождает общую неуверенность и утрату веры в правительство. Они также стремятся сплотить общество и дать ему ощущение общей цели. Однако эти песни сирен из прошлого больше напоминают последний вздох, нежели призыв взяться за оружие.

Примечательно, что по проблеме Ясукуни Коидзуми практически оказался в изоляции. В 2005 г. пять бывших премьер-министров публично советовали ему воздержаться от посещения этого храма. Руководитель «Кейданрен» (*Keidanren*), главной федерации бизнеса в Японии, убеждал его не ходить туда, и даже консервативная газета «Йомиури симбун» выступила против дальнейших посещений Ясукуни. Возможно, еще более удивительным было сделанное в 2005 г. заявление Мако-то Кога, консервативного парламентария от ЛДП, в то время возглавлявшего Ассоциацию семей, пострадавших от войны, в котором он призвал премьер-министра пересмотреть решение о посещении храма Ясукуни. Ассоциация корпоративных руководителей Японии (*Keizai Dooyukai*) также убеждала Коидзуми прекратить визиты в храм Ясукуни, называя их главным препятствием на пути к улучшению двусторонних отношений с Китаем. Таким образом, против посещений Коидзуми храма Ясукуни выступил даже широкий спектр консервативных сил.

Но так или иначе, Коидзуми посетил храм, сказав, что он хотел почтить память всех погибших на войне, полагая, что это

правильный и вполне естественный поступок национального лидера. Его замысел состоял в том, чтобы сделать этот ритуал обычным и, таким образом, перевернуть страницу истории и показать, что Япония больше не является заложником своего прошлого. В этом отношении он, конечно, потерпел неудачу, потому что такие визиты по-прежнему расцениваются как недопустимые не только корейцами и китайцами, но и большинством японцев.

Интерпретация причин войны и того, что фактически творилось во время войны и после нее, по-прежнему разделяет современную Японию. И то, что некоторые группы в обществе желают затушевать неудобные и непривлекательные аспекты военного прошлого Японии, не означает, что это повсеместно утвердившаяся точка зрения. «Оправдательный» учебник для неполной средней школы, написанный Обществом по созданию новых учебников истории (*Atarashi Rekishi Kyokasho o Tsukurukai*) и одобренный Министерством просвещения, был принят менее чем в 1% неполных средних школ и в 2001 г., и — снова — в 2005 г., что свидетельствует о преобладании здравого смысла¹⁷.

Считается, что Япония уклоняется от ответственности за свое прошлое настолько, что продолжает держаться за самооправдательную концепцию истории, которая представляет японский народ как жертву и низводит конкурирующие версии до уровня маргинальных. Почему так много японцев так настойчиво цепляется за отретушированную версию прошлого и лишь с запозданием признает — и то нерешительно — роль Японии как страны, совершавшей злодеяния? Конечно, Япония сильно выиграла бы в глазах мирового сообщества и облегчила бы собственную региональную интеграцию, если бы она честно признала свое страшное военное прошлое и перестала придирается к деталям, поскольку со стороны это выглядит как стремление уклониться от ответственности. При этом причины того, почему продолжается поиск опровержений, могут быть различны. Многие японцы расценивают дис-

кредитацию Японии и непрерывные требования от нее извинений как проявления двойного стандарта: в самом деле, многие страны совершали ужасные преступления в гигантских масштабах, но они сводят их признание к минимуму или просто игнорируют эту проблему. Младшим поколениям японцев такое наследие прошлого кажется несправедливым и неуместным; дедушка совершал определенные деяния, и это его проблемы. Прагматически настроенные чиновники в правительстве беспокоятся, что счета по возмещению ущерба могут оказаться очень большими. Существуют также опасения (основанные на нескольких реальных инцидентах), что негодование ультранационалистов по поводу признания прошлого может привести к силовым акциям возмездия. Кроме того, для многих японцев старшего поколения реабилитация императора Сёва затуманила проблему военной ответственности; действительно, если человек, от имени которого велась священная война, никогда не считался виновным, почему надо считать виновным кого-то еще?

Проблема виновности

Международный женский трибунал по делам о военных преступлениях (*WWCT*), организованный в Токио в 2000 г., стал запоздалой попыткой активистов японского гражданского общества и международных юристов возложить на императора Сёва ответственность за его роль в эскалации и расширении Японией войны в Азии в 1931—1945 гг. Этот трибунал должен был исправить упущения Токийского трибунала (1946—1948 гг.) в отношении военной ответственности императора и подробно рассмотреть преступления в отношении женщин, захваченных этим водоворотом. Это вызвало протесты со стороны правых групп, пытавшихся сдержать распространение правды об этих страницах прошлого, и привлекло значительное внимание СМИ, включая филиал японской веща-

тельной корпорации *NHK*, который договорился о правах на съемку судебных слушаний.

30 января 2001 г. *NHK* показала 40-минутный документальный фильм, вторую часть из серии под названием «Как судить войны». В нем были представлены слушания Токийского женского трибунала, созданного в декабре 2000 г. для того, чтобы изучить проблемы насилия в отношении женщин в ходе войны, и прежде всего — систему сексуального рабства «женщин для утех». Заседания трибунала проходили под руководством международной группы судей и прокуроров, из которых некоторые принимали участие в расследовании военных преступлений в Боснии и Руанде.

Токийский женский трибунал был образован потому, что Токийский трибунал, созданный вскоре после окончания Второй мировой войны, пренебрег рассмотрением актов насилия над женщинами в ходе ее. Сторонники повторного расследования этого страшного периода хотели вновь обратиться к деятельности Токийского трибунала именно потому, что они не приемлют доминирующую, «правую» трактовку истории, освобождающую Японию от ответственности за военные преступления и отвергающую его приговоры как «правосудие победителей». Инициаторы создания Токийского женского трибунала полагают, что первый Токийский трибунал пошел недостаточно далеко в оценке ответственности Японии за военные преступления, позволив слишком многим японцам избежать наказания за совершенные ими отвратительные преступления, особенно в отношении женщин. Споры относительно этого трибунала и документального фильма *NHK* позволяют понять суть фундаментального разлома в оценке послевоенной японской истории, разделившего японцев: незаконное осуждение за отрицание международного порядка, который фактически поработил Японию и другие азиатские нации? или виновность в увековечивании мифов, имеющих целью оправдать многочисленные военные преступления, совершенные имперскими вооруженными силами Японии, дей-

ствовавшими по воле императора, не признанные и не искупленные в достаточной мере?

Согласно Римскому договору 1998 г. был создан Международный уголовный суд, наделенный полномочиями расследовать случаи геноцида, насилия и сексуального рабства как основные военные преступления. Токийский женский трибунал рассматривает сходные проблемы и представляет собой попытку некоторых гражданских групп добиться осуждения прошлых преступлений и определить ответственность государства за них. С начала 1990-х гг., когда жертвы, наконец, были услышаны, а исследователи нашли архивные свидетельства, подтверждающие участие государства и военных в принуждении женщин к проституции в рамках системы «женщин для утех» и организации «домов для утех», в Японии не утихают горячие споры по этому поводу. Ожесточенные споры велись насчет того, надо ли включать в школьные тексты упоминание о «женщинах для утех» и в какой мере государство должно нести за это ответственность и искупать грехи. В 1993 г. тогдашний генеральный секретарь кабинета министров Йохэй Коно признал ответственность государства, принес извинения и обещал возместить причиненный ущерб, сильно рассердив этим правые круги, настроенные против признания военных преступлений Японии и тем более — их искупления¹⁸.

В 2005 г. газета «Асахи» (на основании сообщения инсайдера) утверждала, что *NHK* подвергла цензуре документальный фильм 2001 г., освещавший заседания Токийского женского трибунала, из-за политического давления старших политических деятелей ЛДП. Четыре председателя суда объявили, что японская система военного сексуального рабства — система «женщин для утех» — является преступлением против человечества; кроме того, они признали императора Сёва виновным в этом преступлении и постановили, что правительство Японии должно нести за это государственную ответственность¹⁹.

Продюсер телевизионной программы заявил: «Нам приказали изменить программу перед тем, как она пошла в эфир.

Я вынужден сказать, что изменения были внесены в атмосфере политического давления»²⁰. В переданной в эфир версии этого документального фильма, подвергнутого цензуре, отсутствовали свидетельства солдат и ссылки на приговор, признающий императора Сёва виновным в том, что он разрешил функционирование системы «женщин для утех».

NHK транслировала документальный фильм об этом трибунале по своему образовательному каналу, тому, на который обычно приходится менее 1% всех телезрителей; таким образом, многие японцы на самом деле узнали о решениях трибунала и политизации *NHK* только из-за скандала с цензурой. Документальный фильм, первоначально подготовленный независимой компанией по контракту с *NHK*, подвергся «внутреннему» редактированию в последние минуты. В это время *NHK* осаждали протестующие правые на грузовиках с громкоговорителями, требовавшие вообще снять всю программу с эфира. На этой стадии редактирования *NHK* включила в программу критические комментарии видного консервативного историка Икухико Хата, известного сторонника минимизации японской ответственности за систему «женщин для утех». Затем, незадолго до того, как фильм показали, предположительно, состоялась встреча старших руководителей *NHK* с двумя видными деятелями ЛДП: Синдзо Абэ, тогдашним заместителем генерального секретаря кабинета министров, впоследствии премьер-министром, и Сеити Накагавай. После этой встречи и были внесены главные изменения, добавлен новый материал, всего за несколько часов до показа 44-минутный фильм был сокращен до 40 минут. В этом окончательном варианте уже не было никаких упоминаний о вине императора, несмотря на то, что ее признание было главным решением трибунала.

Абэ и Накагава (ныне покойные) были членами «Ассоциации по вопросам будущего Японии и исторического образования» (*Association to Consider the Future Path for Japan and History Education*). Эта ассоциация, основанная в 1997 г. 107-ю члена-

ми законодательного собрания, объединяет сторонников реабилитирующей концепции военного прошлого Японии, полностью отвергающих сам трибунал и его решения. Политические вмешательства в деятельность СМИ запрещены и статьей 21 японской конституции, и статьей 3 Закона о вещании, но для руководителей *NHK* встречи с членами законодательного собрания — это стандартная процедура, потому что политики утверждают ежегодный бюджет *NHK*.

Абэ оправдывал свою встречу с руководителями *NHK* тем, что он слышал, что на трибунал оказывали давление и, естественно, беспокоился относительно возможных искажений истории. Он объяснил: «Я решил заняться этим вопросом, поскольку мне сказали, что готовится передача об этом фальшивом процессе и в ней он будет представлен так, как хотелось бы организаторам. Я обнаружил, что в содержании фильма присутствует явная предвзятость, и сказал [*NHK*], что к материалу надо подходить — как должно — со справедливых и нейтральных позиций»²¹.

Скандал вокруг цензуры в *NHK* дошел до суда. В июне 2008 г. Верховный суд полностью отменил решение суда низшей инстанции и отклонил иск, поданный в 2001 г. одной из семи неправительственных организаций, организовавших этот трибунал а именно, японской сетевой организацией «Насилие над женщинами во время войны» (*VAWW-NET Japan*). Эта НПО потребовала, чтобы *NHK* и две связанные с ней производственные компании выплатили компенсацию за изменение содержания документального фильма и удаления из него обсуждения ответственности императора за систему «женщин для утех». НПО утверждала, что исключение этого решающего вывода есть злоупотребление доверием²².

Верховный суд постановил, что эти три медиаконпании не были обязаны создавать документальный фильм в соответствии с ожиданиями истцов, поскольку вещатели пользуются свободой при подготовке материала. Он также отклонил жалобу истца на то, что *NHK* не оправдала их доверия и ожиданий,

со следующей мотивировкой: всем известно, что телевизионные программы обычно редактируются.

Проблема, как определил ее суд, состояла в том, обязаны ли были *NHK* и две другие производственные компании давать *VAVW-NET Japan* объяснения относительно изменений, сделанных ими перед выпуском программы в эфир. Оглашая постановление суда, председательствующий судья Казуко Йокоо сказала, что правовая защита доверия и ожиданий тех лиц, которые так или иначе связаны с содержанием вещательных программ, может рассматриваться как посягательство на свободу печати.

В отношении политического давления лидеров ЛДП и демонстрантов правого толка Верховный суд признал, что руководители *NHK* встречались с Абэ за день до выхода программы и что реакционеры требовали, чтобы *NHK* вообще отменила этот показ, но не определил однозначно, было ли это неприемлемо. Верховный суд также заключил, что не было никаких доказательств того, что Накагава встречался с сотрудниками *NHK* перед выходом фильма в эфир.

Таким образом, *NHK* была оправдана, хотя в 2007 г. Верховный суд Токио признал, что *NHK* изменила содержание программы, приняв во внимание замечания политических деятелей. В своем решении, позже отмененном, суд признал, что *VAVW-Net* понесла ущерб в 2 млн иен, и наложил на *NHK* штраф за отказ должным образом объяснить изменения, внесенные в документальный фильм перед его показом.

Этот случай цензуры высветил проблему вмешательства политиков в формирование восприятия истории и недовольство этим со стороны гражданского общества. В судах *NHK* была оправдана, но скандал с цензурой и раболепование перед консервативными политиками в вопросе о военной ответственности императора еще сильнее ухудшили ее репутацию, уже и так пострадавшую от ряда скандалов, связанных с растратами. Что еще важнее, в 2009 г. Организация по этике вещания и совершенствованию программ подвергла критике

обработку *NHK* документального фильма, утверждая, что ради сохранения своей независимости и автономии *NHK* должна прекратить практику консультаций с политическими деятелями по поводу содержания программ. В частности, эта организация критиковала *NHK* за встречу с Синдзо Абэ перед выходом фильма в эфир, но воздержалась от заключения, что это политическое вмешательство повлияло на процесс редактирования. Удивительная рекомендация относительно прекращения *NHK* консультаций с политическими деятелями по поводу конкретных программ не является юридически обязывающей, но оказывает на *NHK* моральное давление в рамках отрасли и в обществе в целом. И хотя *NHK* полагала, что спор разрешился в ее пользу, она снова оказалась в фокусе общественного внимания, а ее журналистские стандарты, этика и независимость редакции по-прежнему вызывают сомнения. Конечно, миллионы японцев, которые отказываются платить *NHK* обязательные взносы, делают это не потому, что она скрыла вину императора, но это оказывается для них удобной причиной объяснить это «отказом по этическим соображениям».

Наследие колониального правления Японии в Корее

Сотая годовщина подписания Договора о присоединении Кореи к Японии (1910 г.) — повод для глубокого анализа состояния двусторонних отношений и исторической политики²³. Хотя с момента окончания колониального господства прошло шестьдесят пять лет, шрамы не зажили и отношения Японии с Сеулом и Пхеньяном по-прежнему омрачены тенями горького прошлого. Многочисленные извинения японских политиков и самого императора Акихито дезавуируются голосами тех, кто выступает за отрицание вины и оправдание без раскаивания. Эти противоречивые сигналы отражают отсутствие в самой Японии согласия относительно ее колониальной эпохи

и во многом объясняют, почему корейцы по-прежнему исполнены гнева и возмущения, не верят в искренность Японии и не склонны протягивать руку преступнику.

10 августа 2010 г. премьер-министр Японии Наото Кан принес Южной Корее извинения за годы колониального правления японцев, выразил глубокое сожаление в связи с причиненными корейцам страданиями. «Жители Южной Кореи, — сказал он, — в это время были лишены своего государства и культуры, их этническая гордость глубоко страдала от колониального правления, осуществлявшегося против их воли». Он также добавил: «...те, кто причиняет боль, склонны забывать об этом, в то время как тем, кто пострадал, не так легко об этом забыть». Хотя речь шла о японских преступлениях в Корее в целом, в том числе и об уязвленной национальной гордости, извинения относились к одной только Южной Корее, о Северной Корее речь не шла. Это заявление Кана во многом перекликается с заявлением Мураямы (1995 г.). Последнее стало своего рода мантрой, неоднократно повторенной впоследствии, когда японцы выражали раскаяние в преступлениях, совершенных ими в Азии²⁴. В своем заявлении Мураяма извинялся за Японию так: «...колониальное правление и агрессия, [которые] причинили огромный ущерб и страдания людям многих стран, особенно азиатским народам». Это также похоже на заявление Коидзуми, сделанное в 2005 г., в шестидесятую годовщину окончания Второй мировой войны.

Если вспомнить, что Мураяма был главой коалиционного правительства, в которое входила и ЛДП, а Коидзуми на момент принесения им извинений был председателем партии, то злобная критика в адрес Кана со стороны ЛДП выглядит лицемерной и политиканской. Признание преступлений Японии при игнорировании ее собственных жертв утверждало версию памяти о войне, неприемлемую для консерваторов. Бывший премьер-министр Синдзо Абэ (2006—2007 гг.), отбросив церемонии, высмеял утверждение Кана как глупое и дилетантское — резкая критика со стороны того, кто столь самонадеянно высказывается по обоим пунктам.

В течение короткого срока пребывания в должности премьер-министра Абэ стал объектом насмешек в связи с дискуссией о вовлечении корейских девочек-подростков в систему «женщин для утех»: премьер-министр придирался к частностям по вопросу о том, в какой мере эти девочки были объектом принуждения. Он стал объектом остракизма, когда попытался переписать и облагородить историю битвы за Окинаву и роль японских военных в подстрекательстве жителей Окинавы к групповым самоубийствам²⁵. Наблюдая, как группа ярых националистов подвергается резкой критике, Кан, вероятно, испытывал удовлетворение.

Подобных консервативных идеологов называют «ревизионистами», поскольку они стремятся исправить, как они считают, мазохистскую трактовку истории, навязанную Японии после Второй мировой войны. Они стремятся пробудить национальную гордость, пропагандируя позитивный взгляд на колониальные и военные действия Японии. Кроме того, они противодействуют повторным извинениям, которые, по их мнению, пятнают честь нации. Реагируя на извинения Кана, консервативная пресса призвала к более сбалансированной и менее самоуничижительной трактовке истории, указывая, что у колониального господства Японии были и положительные стороны, в частности, оно способствовало модернизации полуострова²⁶.

Вот наблюдение Тобиаса Харриса: «Как отметил сам Кан, нет никакого малодушия в том, чтобы откровенно признать свои грехи, не уваливая и не прибегая к двусмысленностям. И хотя у Японии весьма длинный список извинений перед соседями, консерваторы подвергают сомнению законность этих извинений именно потому, что премьер-министры вынуждены приносить все новые и новые извинения. Правые ревизионисты полагают, что для национальной гордости важен “правильный” и “правдивый” взгляд на прошлое, который, как они считают, разрушают ученые левого толка, кое-кто из СМИ и малодушные политики. Хотя они утверждают, что заинтересо-

ваны только в установлении исторических фактов, выборочное прочтение истории демонстрирует их явно пристрастное отношение к имперскому прошлому Японии. Такой подход принижает претензии жертв Японии и представляет очевидно пристрастную трактовку, согласно которой Япония не была колонизатором, а даже если была, то действовала из добрых побуждений, ускоряя распад злых европейских империй»²⁷.

Харрис добавляет: «После падения Абэ в 2007 г. ревизионисты уходили все дальше и дальше на периферию японской политики, их влияние во времена правления ДПЯ практически свелось к нулю, несмотря на то, что в рядах этой партии у них были сторонники. В действительности их влияние, по видимому, обратно пропорционально тому шуму, который они создают с помощью различных СМИ».

Итак, заявление Кана имело целью оставить позади проблемы, связанные с общим прошлым этих двух стран, и сосредоточиться на будущем. Но вряд ли корейцы позволят Японии уклониться от исторической ответственности, даже если они поверят в декларируемые ею чувства. Никакие извинения никогда не будут достаточными, потому что корейцы цепляются за прошлые несправедливости как за часть своей национальной идентичности. По словам журналиста Кристиана Карила, «...отчасти проблема состоит в том, что корейский национализм базируется на укоренившемся представлении о Корее как жертве. Если корейцы собираются когда-либо наладить здоровые отношения со своими соседями, им придется подняться над этим»²⁸.

Японские консерваторы призывают к отказу от мазохистской истории и бесконечных извинений, предпочитая оправдательную и приукрашенную версию истории. Но лишь немногие японцы ищут утешения в такой прославляющей трактовке, понимая, что в таком отрицании мало величия. Бывший посол Японии в Нидерландах Казухико Того (внук министра иностранных дел Японии в годы войны Сигенори Того) говорит: «Я не думаю, что Япония устала приносить извинения

и что готовность японцев к изменениям иссякла. В заявлении Мураямы есть большое упущение. Он признал, что Япония совершила недопустимые действия, включая агрессию и колониальное господство, но не указал, кто несет ответственность за это, и пока этот вопрос остается без ответа, достигнуть примирения не удастся»²⁹.

Японский эксперт по Корее, просивший не разглашать его имя, заметил: «Япония должна превратиться в постоянно извиняющегося субъекта, и никакие решения и никакие жесты никогда не будут достаточными». Будучи жертвой, Корея [оба государства] имеет право решать, как вести себя по отношению к колониальному прошлому, но пока у корейцев немного стимулов к примирению. Если учесть, что извинения предлагаются, но в то же время их стараются избегать, и что жесты раскаяния всегда недостаточны, шансы на примирение невелики. Некоторые эксперты рекомендуют, чтобы Япония, вместо того, чтобы пытаться совершить радикальный прорыв, приняла конкретные меры по таким очевидным проблемам, как принудительный труд, «женщины для утех», учебники, храм Ясукуни и спорные острова Токто/Такесима. Реализация этой программы могла бы придать процессу нормализации некоторый импульс, который в конечном счете мог бы привести к прорыву. Если этого не сделать, нынешнее тупиковое положение будет сохраняться еще долго.

Нормализация отношений?

Существует немало проблем, разделяющих корейские государства и Японию, и привычный обмен обвинениями с Корейским полуостровом то и дело возобновляется, потому что, в сущности, Япония полностью так и не признала все зверства, которые она творила в колониальный период (1910—1945 гг.), и, с точки зрения корейцев, искупила их в недостаточной мере. Японское правительство часто ссылается на Договор 1965 г.,

нормализующий отношения между Южной Кореей и Японией, как на свидетельство того, что Япония не игнорирует их общее прошлое, а на предоставленные тогда 800 млн дол. — как на конкретный жест раскаяния. Японцы также цитируют Договор 1965 г., чтобы парировать отдельные требования о компенсациях. Они утверждают, что южнокорейское правительство должно было распределить между частными лицами часть денег, выплаченных в порядке урегулирования претензий, и заявляют, что Япония отклоняет все дальнейшие требования. Корейцы возражают: мол, тогда японское правительство скрыло информацию относительно принудительного труда, и проблема «женщин для утех» тоже была похоронена до 1990-х гг., так что его отказ от дальнейших претензий не может распространяться на эти требования. Поскольку до конца 1980-х гг. Южная Корея была военной диктатурой и гражданские права здесь, под руководством сменявших друг друга президентов-генералов, обычно не соблюдались, в юридическом смысле позиция Японии, возможно, и прочна, но в политическом отношении она выглядит неуклюже. В 2005 г. южнокорейское правительство опубликовало документы по переговорам о нормализации, вызвавшие в обществе ярость, и это показало, что чисто юридический подход к проблемам колониального порабощения, вызывающим чрезвычайно сильные эмоции, таит в себе большие трудности. Среди жителей Южной Кореи широко распространено подспудное ощущение несправедливости, так что японские утверждения, что Договор 1965 г. позволяет перевернуть страницу истории, — всего лишь попытка выдать желаемое за действительное.

Компенсации за принудительный труд

По утверждению Того, теперь, в том, что касается компенсаций за принудительный труд, японское правительство и японские компании получили возможность действовать, исходя из своей моральной ответственности. Он говорит: «В мае

2007 г. Верховный суд постановил, что ни японское правительство, ни японские компании не несут никакой юридической ответственности, в том числе и по уголовному законодательству, за принуждение к труду, но я думаю, что это открывает возможность рассмотреть моральный аспект проблемы. В Японии правительство совместно с частным сектором должны создать объединенный фонд, чтобы обеспечить жертвам индивидуальные компенсации... но проблема заключается в определении критериев и жертв, имеющих на это право».

Использовать этот шанс, возможно, не так-то просто, потому что тогда может встать вопрос и о китайских жертвах принудительного труда, военнопленных и о других категориях, желающих получить индивидуальные компенсации, но в этом году *Mitsubishi* согласилась выплатить компенсации примерно 300 корейцам, в свое время мобилизованным для работы на ее военном авиазаводе в Нагое. По мнению историка Уильяма Андервуда, автора выдающегося исследования проблемы принудительного труда, это решение «...может стать революционным... мощными факторами стали “идейные” демонстрации против *Mitsubishi* в Сеуле и Токио и хорошо скоординированные транснациональные акции на уровне сообществ. Затем была петиция, подписанная более чем 130 тыс. гражданами Южной Кореи и 100 членами Национальной ассамблеи, и разговоры о бойкоте, которые лишь подлили масла в огонь. Трудно понять, как *Mitsubishi* будет теперь проводить черту между женщинами-смертницами “тейсинтай” и другими гражданами Кореи, отбывавшими трудовую повинность в разных ее филиалах. Программа *Mitsubishi* по выплате компенсаций ее бывшим невольникам могла бы стать примером для других компаний»³⁰. Андервуд также считает позитивным тот факт, что в марте 2010 г. японское правительство, наконец, представило «...длинные списки имен гражданских лиц и платежные ведомости, которые правительство Южной Кореи должно перенести в свою программу обеспечения компенсаций бывшим жертвам принуждения к труду и их потомкам». В списке было 175 тыс. имен корейских невольников и подробности, касающиеся

ся принадлежавших им денежных средств, удерживаемых японским правительством, на общую сумму примерно 3 млн долларов. То, что для передачи этого списка потребовалось шестьдесят пять лет, наглядно демонстрирует: Япония не справляется с проблемой примирения; это, в свою очередь, объясняет, почему у корейцев не притупляется чувство обиды.

Стремление не допустить выплаты компенсаций делает невозможным признание фактов принудительного труда и насилия, более того, заставляет впрямую их отрицать. Удивительно, говорит Андервуд, что «премьер-министр Асо смог утверждать, при поддержке СМИ, что к 10 тыс. корейцев, работавших на *Aso Mining*, хорошо относились и они не подвергались чрезмерному принуждению. Японские СМИ редко освещают гражданские акции, привлекающие внимание к историческим проблемам, так что и заявления *Mitsubishi* почти не освещались. Не менее удивительно, что «Кейданрен» смогла практически оставить без внимания бесчисленные претензии к ряду отраслей японской промышленности, заняв позицию *mokusatsu*, то есть презрительного игнорирования. Это особенно удивительно в эпоху корпоративной социальной ответственности и притом что в хартии «Кейданрен» зафиксирована приверженность этическим ценностям прав человека». Андервуд указывает также, что полное урегулирование проблемы компенсаций за принудительный труд осложняется требованиями бывших невольников из Северной Кореи, с которой у Японии нет дипломатических отношений. В отличие от Южной Кореи, здесь нет никаких договоров и, соответственно, не может идти речь об отказе от прав, которые в них оговорены.

Обожествление павших

Корейцы также недовольны тем, что некоторые их соотечественники символически похоронены в храме Ясукуни без

разрешения. Поскольку корейцы были вынуждены служить в Императорских вооруженных силах, но впоследствии были лишены всех ветеранских льгот, их внесение в список чествуемых воинов в храме, который является центром воинствующего японского национализма, только усугубляет оскорбление. Незадолго до конца Второй мировой войны в Ясукуни были символически похоронены 415 мобилизованных корейцев, но начиная с 1958 г. было упокоено еще 21 тыс. душ погибших корейцев, без разрешений и без извещения пострадавших семей. Любопытно, что список погибших на войне, который использовался при их захоронении, в эту частную религиозную организацию представило Министерство здравоохранения и социального обеспечения. Несмотря на уклончивые оправдания правительства, его содействие обожествлению было нарушением статьи 20 конституции об отделении религии от государства, а также, во многих случаях, оскорблением семей погибших.

Служители храма Ясукуни объясняли, что на момент гибели эти корейцы фактически были японцами и, следовательно, остались таковыми и после смерти. Увы, такая церемония похорон — своего рода «утешительный приз», поскольку эта логика не помогла ни корейским ветеранам, ни членам их семей получить пенсии, когда после Второй мировой войны правительство Японии аннулировало их японское гражданство. Ясукуни утверждает, что корейцев чтут здесь также «...потому, что они сражались и умерли, думая, что если они умрут как японские солдаты, то будут похоронены как божества храма Ясукуни». Возможно, это и так, но лишь немногих корейцев этот аргумент убедил в моральности похищения душ. Восемидесятилетний ветеран войны Ким Хи Йон в 2007 г. с изумлением узнал, что он похоронен в храме Ясукуни. Он обратился к властям с сообщением, что все еще жив и хотел бы вернуть свою душу, но, пожалуй, это уже слишком отдает изгнанием нечистой силы. В 2001 г. родственники символически похороненных здесь корейцев обратились с иском против правительства,

требуя, чтобы имена их погибших родственников были вычеркнуты, а их души освобождены из Ясукуни. Родственники погибших утверждали, что «души жертв, которые были насильственно мобилизованы и убиты во времена японского колониального владычества, почитаются как божества агрессивной войны — наперекор религии самих жертв и вопреки желаниям их родственников, и эти нарушения длятся более половины столетия»³¹. Это дело было прекращено в 2006 г. — сославшись на Договор 1965 г., судья оправдал передачу имен погибших в храм как обычную административную процедуру. В 2007 г. родственники предъявили иск непосредственно храму в связи с неуместным обожествлением и потребовали извинений, а также по одной иене в качестве символической компенсации³².

Тайваньцы тоже не смогли добиться отмены церемонии символического захоронения своих родных по очень веской причине: служители храма не хотят создавать прецедент. Сопротивляясь требованиям удалить из храма военных преступников класса «А» — одну из главных «достопримечательностей», служители храма утверждают, что обожествление — процедура необратимая. Удаление из храма душ представителей колониальных народов могло бы дать шанс «освобождения» и для других беспокойных душ и привлечь внимание к идее создания национального военного кладбища, свободного от исторического багажа Ясукуни.

«Острова вечного спора»

Французское китобойное судно *Le Liancourt* в 1849 г. чуть не погибло около группы из девяти островков и рифов, расположенной между Корейским полуостровом и Японией, поэтому некоторые называют их скалами Лианкур. На эти скалы, включая парные, неровные зубчатые островки, окруженные скалистыми выходами пород и рифами, претендуют и Япония, и Корея, называя их, соответственно, Такесима и Токто. Здесь

постоянно проживает ловец осьминогов и присутствуют представители южнокорейской береговой охраны. Обе страны утверждают, что их требования более обоснованы и лучше документированы, но в Японии обсуждение проблемы Такесимы не афишируется, за исключением префектуры Симанэ. Здесь в 2005 г. 22 февраля было объявлено Днем Такесимы в память о возвращении данной префектуре этих островов в 1905 г. 22 февраля в Мацуэ проводятся ежегодные празднества, привлекающие националистов со всей Японии, которые пытаются возбудить хоть немного страсти у местного сообщества. Эти попытки не слишком успешны: в то время как из «автобусов ненависти»³³ звучат оглушительные патриотические песни и проповеди, местные жители продолжают невозмутимо заниматься своими делами.

В Южной Корее проблеме Токто придается огромное значение; здесь она воспринимается как нечто большее, чем территориальный спор. Для того чтобы создать соответствующее настроение, пассажирам парома, идущего к Токто, показывают мультфильм, в котором огромный робот отражает нападение японских захватчиков. Претензии Южной (а также Северной) Кореи на суверенитет над Токто считают здесь бесспорными и священными, в то время как притязания Японии объявляются кощунственными, необоснованными, наследием колониального прошлого и проявлением имперского высокомерия. Любые предложения о передаче требований обеих стран-соперниц в международный арбитраж отклоняются, потому что в представлении корейцев это было бы равносильно поощрению колониальной агрессии. Конечно, международные юристы могли бы разобраться в требованиях обеих сторон, но это противоречит глубоко эмоциональному общественному дискурсу, существующему по этому поводу в Южной Корее; на фоне таких эмоций юридическое крючкотворство выглядит просто неуместным. Захват островов Токто в 1905 г. стал первым актом японской колониальной агрессии и, следовательно, преступным вероломством, не заслуживающим равноправного двустороннего обсуждения.

Японское правительство в полной мере осознает, насколько болезненным является этот вопрос для корейцев. Чтобы избежать нового взрыва возмущения в связи со столетней годовщиной, и без того вызывающей слишком много эмоций, японские власти отложили выпуск «Белой книги обороны» за 2010 г., потому что в ней упоминается запретная тема Такесимы. Если все это кажется читателю сгущением красок, можно вспомнить, что в июле 2010 г. кореец бросил камень в японского посла в Сеуле, а некоторые корейцы отрубали себе пальцы, выражая таким образом негодование в связи с неприемлемой позицией Японии в отношении Токто. Тот факт, что японское правительство поддерживает эти претензии, оскорбляет корейцев.

Того, когда-то работавший генеральным директором Бюро по договорам в Министерстве иностранных дел, объясняет: «В позиции Кореи нет предмета для обсуждения». Но чтобы разрешить спор, разговаривать необходимо. В рамках неофициального «второго направления дипломатии» дискуссии могут открыть ученые, и, возможно, обмен мнениями будет полезным. Существуют сферы, где можно действовать другими методами, например, для начала предпринять шаги, имеющие целью укрепить доверие: заключать соглашения о рыболовстве, налаживать режим безвизовых поездок и оказывать гуманитарную помощь — подобные меры в свое время помогли изменить контекст переговоров между Японией и Россией по проблеме «северных территорий». Меры по укреплению доверия позволили бы взглянуть на ситуацию с новых позиций, с тем чтобы конфликтующие стороны несколько изменили угол зрения и нашли выход из тупика. Нельзя, чтобы эти острова оставались «островами вечного спора». Возможно, и так. Однако, по словам Кристиана Карила, «северные корейцы выпускают собственный набор почтовых марок, посвященных Токто. Север немедленно ухватится за малейшую уступку Сеула по территориальным проблемам — в своих собственных пропагандистских целях»³⁴.

Россия и Китай тоже спорят с Японией из-за островов, и эти споры не менее трудны. Для Японии «северные территории», то есть южные Курильские острова (Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи), расположенные непосредственно к северу от Хоккайдо, остаются символом советского вероломства. Япония подчеркивает, что Советы продолжали вести войну уже после ее капитуляции 15 августа 1945 г., вторгаясь и захватывая северные территории, в то время как разгромленная Япония лежала в руинах, а двусторонний договор о ненападении от 1941 г. еще оставался в силе. С японской точки зрения, эти «утраченные» территории были незаконно отторгнуты у нее при сомнительных обстоятельствах, и в японском обществе практически никто не признает за Россией какие бы то ни было законные основания на суверенитет над ними.

В середине 1950-х гг. появился намек на возможную договоренность с Советским Союзом относительно спорных северных территорий, но Токио сам погубил дело, внезапно расширив свои претензии и потребовав уже не два, а все четыре острова. Кроме того, правые группы организовывали протесты против соглашения, желая избежать прорыва в отношениях с Москвой, который мог бы сыграть на руку левым в Японии. Можно сказать, что в этом случае правые фанатики добились резкого поворота в японской внешней политике, вынудив правительство отказаться от компромисса и потребовать вернуть все острова. По сей день «автобусы ненависти» правых, оснащенные громкоговорителями, то и дело кружат по Токио, ругая российские власти и утверждая, что северные территории должны быть возвращены Японии. Перспективы разрешения спора кажутся призрачными, поскольку правые группы давления перекрывают любые пути к компромиссу, который мог бы облегчить дело. На момент написания данной статьи в Японии не видно признаков стремления к такому компромиссу. На пресс-конференции 30 сентября 2010 г. министр иностранных дел Сейдзи Маэхара, известный как провашингтонский ястреб в относительно либеральном правительстве ДПЯ, заявил: «Важ-

но иметь сильную политическую волю, чтобы заключить мирный договор, сохраняя твердость в обсуждении территориальной проблемы». Москва ответила на это заявлением, что выдвижение Японией территориальной проблемы — это путь в тупик. Япония, говорилось в заявлении, нанесла ущерб двусторонним отношениям, предупредив президента Медведева, что ему не следует посещать эти острова в ходе поездки по региону. Примечательным образом, российская точка зрения, что никакой территориальной проблемы не существует, зеркально отражает точку зрения Японии в отношении островов Сенкаку. Полярность позиций сильно затрудняет достижение компромисса.

Китай и Япония спорят по поводу принадлежности островов Сенкаку/Дяоюй. Арест капитана рыболовного траулера, таранившего два судна японской береговой охраны в сентябре 2010 г., вызвал серьезный кризис в двусторонних отношениях. Японскую общественность убедили, что требования Японии законны и что «жадный» Китай с опозданием пытается утвердить свой суверенитет над этими островами, только чтобы заявить о своих правах на природные ресурсы окружающего морского дна. Вопросы о легитимности требований Японии большинство СМИ игнорируют, в то время как из-за некорректной дипломатии и чрезмерной реакции Китая моральное превосходство в конфликте перешло к Японии, а многолетние дипломатические попытки Китая убедить соседей, что его усиление не представляет для них никакой угрозы, оказались в значительной степени подорваны. Перед лицом нарастающих угроз, а также санкций со стороны Китая японское правительство освободило капитана; это способствовало разрешению спора, но при этом премьер-министр Кан навлек на себя острую критику многих консерваторов за явную уступку Китаю.

Ставки в споре относительно северных территорий с Россией намного ниже, нежели в отношениях с Китаем, крупнейшим торговым партнером Японии и самым динамичным экспортным рынком. Япония может прожить без России, но из

прагматичных соображений вынуждена признать, что даже при высоком градусе гнева и низком уровне доверия к Китаю сохранение рабочих отношений с ним имеет важное значение для Японии. И наоборот, поскольку ставки в отношении северных территорий значительно ниже и Россия как партнер не столь важна, на этом направлении группы японских националистов имеют больше влияния, и в отношении этих «островов вечного спора» политики могут вести себя напористо, не подвергаясь большому риску.

Проблема аннулирования договора об аннексии

Трудности, связанные с колониальными спорами, возникают и вокруг Договора об аннексии 1910 г. Корейцы утверждают, что этот договор в принципе никогда не мог считаться действительным, потому что был заключен под угрозой применения силы. Кроме того, в Корее считают, что он содержит процедурные дефекты и несоответствия, включая подписи и государственную печать на договоре и на императорском указе, обнародовавшем этот договор. Договор 1965 г. относительно нормализации отношений констатирует, что все соглашения, подписанные до 22 августа 1910 г., больше не имеют силы, однако японское правительство настаивает, что этот договор был действительным на момент подписания и вплоть до освобождения Кореи в 1945 г.

Харуки Вада, почетный профессор Токийского университета, известный, среди прочего, своим активным участием в Женском фонде Азии, также сыграл ключевую роль в давлении на японское правительство, имевшем целью аннулировать договор 1910 г. относительно аннексии. Профессор Вада не добился успеха, хотя совместно с коллегами из Японии и Южной Кореи собрал более чем по 1 тыс. подписей представителей интеллигенции от каждой нации под совместным заявлением, призывающим официально признать незаконность японско-

го колониального правления в Корее. Подобная инициатива порождает надежду на открытие каналов для индивидуальных компенсаций, повышение уровня информированности японцев о конкретных преступлениях колониального периода в Корее и инициирование более масштабных обсуждений эпохи колониализма. В заявлении содержалась также просьба к правительству нормализовать отношения с Северной Кореей.

Алексис Дадден утверждает: «...дело не в том, была аннексия легитимной или нелегитимной, а скорее в том, чтобы понять, что было “легитимным” в 1910 г. Поэтому даже если удастся показать, что аннексия на тот момент была легитимной, это не означает, что она была “хорошей”. Аннексия Кореи Японией была легитимной, поскольку принудительное подписание соглашений, подделка документов, убийства, взятки и обман были обычной колониальной практикой. Летом 1907 г. мир поддержал Японию, все согласились с тем, что корейцы “не способны самостоятельно управлять своей страной”³⁵. Таким образом, Корея была оставлена без защиты перед японским насилием и амбициями.

Питер Дуус не возлагает больших надежд на движение за аннулирование. По его мнению, «недавно возникшее движение за то, чтобы японское правительство объявило договор об аннексии ничтожным с самого начала, выглядит в лучшем случае донкихотством и к тому же сомнительным с точки зрения международного права, если нет свидетельств того, что тогдашний премьер-министр Кореи Ли Ванён был подкуплен или подписал договор под угрозой оружия. Все крупные мировые державы, включая США, признали этот договор легитимным и в большинстве своем полагали, что под руководством Японии Корея будет чувствовать себя лучше»³⁶. Столь же скептически настроен и Эндрю Хорват, директор Стэндфордской программы в Киото³⁷. Хорват утверждает, что примирение зависит от достижения консенсуса относительно колониальной эпохи в самой Японии; он полагает, что такой консенсус должен повлечь за собой конкретные акты покаяния. Хорват считает, что

движение за аннулирование разделит японцев и исключит возможность любого консенсуса, то есть перечеркнет все инициативы по примирению.

Визиты императора?

В сентябре 2009 г. президент Южной Кореи Ли Мен Бак пригласил императора Акихито посетить Южную Корею по случаю столетней годовщины заключения вышеупомянутого договора. Южнокорейский президент надеялся, что это облегчит налаживание отношений, направленных на сотрудничество в будущем. Визиты императоров играют важную роль в продвижении к примирению, но правительство помнит, что визит в Китай в 1992 г. оказался преждевременным и мало что дал для успокоения общественного мнения и смягчения напряженности, накопившейся в ходе истории. Любые инциденты во время таких визитов также создают риск значительного ухудшения двусторонних отношений.

Дадден предлагает другой вариант: «...если Япония серьезно намеревается покончить с так называемыми “историческими проблемами” и готова пойти на существенные и действенные шаги, приличествующие самой успешной демократии в Восточной Азии, она должна не посылать императора Акихито в Сеул, но сначала побудить его обратиться к японскому народу по телевидению и — с поклоном — принести извинения тем жителям Азии и Японии (именно в таком порядке!), чьи жизни были отняты или разрушены в ходе войны и вообще в имперскую эпоху».

Кеннет Руофф признает, что Япония не спешила честно признавать свои военные преступления и компенсировать причиненный ущерб, но думает, что сейчас ситуация меняется, начиная с извинений, принесенных императором Акихито президенту Ро Дэ У во время визита в 1990 г. Впоследствии Акихито ссылался на свое корейское происхождение. «Это за-

явление, — подчеркивает Руофф, — имеет огромное символическое значение, поскольку оно отказывается от концепции, согласно которой японцы — это “чистая” раса. Такой визит, если он будет как следует организован обоими правительствами, мог бы улучшить отношения между странами. В конце концов, император — это национальный символ Японии, и свою колониальную политику Япония тоже проводила от имени императора»³⁸.

Перспективы примирения

До этого еще далеко. Если Японии и государствам Корейского полуострова и удастся облегчить тяжесть общего прошлого, то не раньше столетней годовщины освобождения Кореи в 2045 г. Марк Каприо отмечает, что колониальные чиновники были уверены в том, что потребуются целое столетие, чтобы ассимилировать людей, которых они считали низшими по самой их природе³⁹. Раны, нанесенные подавлением и искоренением корейской национально-культурной самобытности и унижением этнической гордости корейцев, окончательно не затянулись, и заживление может занять очень много времени.

Восстановление отношений очень сильно зависит от внутривнутриполитической ситуации, и в целом важность таких отношений недооценивается. Руофф замечает: «Хотя все большее число японцев понимает, что колониальное владычество их страны в Корее носило характер эксплуатации, им все еще недостает понимания того, насколько ужасным оно было для корейцев». То же самое можно сказать и про Китай, и про других жертв японской агрессии. Дуус отмечает недостаток «готовности с обеих сторон принять во внимание точку зрения другого, но, к сожалению, люди с экстремистскими взглядами, по-видимому, часто говорят громче всех — или, возможно, привлекают к себе максимум внимания СМИ». Как указывает Хорват,

выполнение японцами своего долга могло бы помочь делу: «...многое также зависит от того, в какой степени корейцы пожелают взглянуть в прошлое, в котором в период национального унижения имел место экономический прогресс».

Говард Френч, бывший руководитель бюро *The New York Times* в Токио и Шанхае, утверждает, что «действия Японии в направлении примирения недостаточны — ни по масштабам, ни по риторике, ни по значимости предпринимаемых шагов... По этому вопросу так и не был достигнут консенсус среди основных политических сил страны. Японские правительства приходили и уходили, и их стремление к примирению в разное время было различным... но в целом это оставляет впечатление неискренности»⁴⁰. Но, добавляет он, «обязанность руководителей соседних с Японией стран протянуть ей руку дружбы, смягчить ситуацию, по существу, сделать необходимые, недвусмысленные и великодушные жесты. Это значит, что надо отказаться от циничного использования военных проблем и размахивания флагом для завоевания политических очков. Это значит, что надо согласиться с идеей, что реальное примирение требует великодушия от всех сторон. Оно требует готовности потратить часть политического капитала, чтобы радикально изменить неприглядную ситуацию, которая в конечном счете наносит существенный урон стране».

Заключение

Историческая политика в Японии не позволяет японцам достичь консенсуса в отношении их общего с остальной Азией прошлого. Жертвы японской имперской агрессии получают противоречивые, сбивающие с толку сигналы, которые порождают у них обоснованные сомнения в искренности японских извинений и глубине раскаяния. Японское государство и общество пока так и не могут прийти к согласию относительно того, что случилось и почему, что признавать и за что надо взять на

себя ответственность. В результате восстановление отношений в Азии между преступницей Японией и ее жертвами уже длительное время заморожено, оно тормозится замедленными и неадекватными мерами искупления, и в целом этому процессу категорически не хватает великодушных жестов. Нездоровое возбуждение в связи с признанием военной ответственности, сопровождаемое нерешительными жестами раскаяния, осложняет путь к примирению, потому что порождает недобрые мысли и подозрения у жертв Японии. Многие китайцы и корейцы полагают, что Япония теперь пытается торопливо похоронить прошлое еще до того, как она признала его в полной мере, и поэтому отнюдь не склонны позволить Японии увильнуть от суда истории и принять протягиваемую оливковую ветвь. Очевидная неспособность достичь консенсуса относительно прошлого в самой Японии и прямо, без двусмысленностей, юридических ухищрений и увильваний признать свою ответственность позволяет с уверенностью предположить, что и в дальнейшем прошлое по-прежнему будет разделять Азию. Неудачные попытки Японии двигаться по пути примирения — это не только ее неудачи, но именно она в основном повинна в нынешнем положении дел. В результате тяжкое историческое бремя и застарелые обиды препятствуют преодолению разногласий по целому комплексу проблем, существующих сегодня в этом регионе.

Историческая политика в Японии постоянно становится предметом горячих дискуссий. Консерваторы и прогрессисты спорят о сути и следствиях этой истории, спорят о том, действительно ли японские военные совершали злодеяния, была ли Япония агрессором и были ли ее действия неправильными. Длинная череда убедительных разоблачений, касающихся действий Японии в Азии, которые появились после смерти императора Сёва в 1989 г., подтверждает критические оценки действий Японии прогрессистами и подрывает утверждения консерваторов, что Япония выполняла благородную миссию освобождения Азии от ига западного империализма. Освобождение

Азии в целом издавна служило идеологическим оправданием для консервативных «отказников» и «минимизаторов», которые представляют позорные дела как благородные и оправдывают имперскую экспансию Японии. Так что не извинения за эти прошлые преступления, как утверждает Линд, спровоцировали в Японии националистическую реакцию, которая вызвала сильное раздражение в Корее и в Японии, а скорее более откровенный анализ этого прошлого, которому долго сопротивлялись японские консерваторы.

Извинений недостаточно, чтобы залечить раны прошлого, но они — необходимая часть этого процесса. Отрицать важность извинений в процессе примирения в Северо-Восточной Азии и представлять их как препятствие в рамках этого процесса означает игнорировать и ожидания, и факты. Новые официальные извинения появляются вследствие более честного признания фактов и подтверждения преступлений, которые разрушают оправдательную концепцию националистов. Именно эта запоздалая, но искренняя оценка прошлого, а не извинения сами по себе, является главной причиной разногласий в самой Японии и между Токио и его жертвами.

Что касается политических партий, политика в отношении прошлого не является центральным пунктом избирательных кампаний, но в некоторых важных избирательных округах националистические жесты (например, намерен ли кандидат посетить храм Ясукуни) играют роль лакмусовой бумажки. Однако эти лоббистские группы стареют, их роль в электоральной политике уменьшается, и политическая революция 2009 г., в результате которой долгое время доминировавшая ЛДП была отстранена от власти, может сказаться и на изменениях в политике по отношению к прошлому. Кабинет ДПЯ воздержался от посещения храма Ясукуни 15 августа 2010 г. и подтвердил извинения в адрес Южной Кореи в столетнюю годовщину установления в Корее японского колониального режима. Видные члены ЛДП, такие как бывший премьер-министр Абэ, немедленно дезавуировали эти извинения, но средства

массовой информации освещали, главным образом, именно этот жест раскаяния. Рост напряженности в отношениях с Китаем из-за островов Сенкаку отравил восприятие Китая японцами, но откровенно националистическая реакция в виде демонстраций и акций, направленных против китайцев и китайских учреждений в Японии, была приглушенной. ЛДП попыталась политизировать этот спор и обрушиться с критикой на правительство Кана, но развитие спора приняло необычный характер, поскольку история отошла на второй план, несмотря на разногласия требований в отношении прошлого. Дискуссии в Японии касаются, главным образом, чрезмерной реакции и запугивания со стороны Китая и последствий его быстрого усиления, в то время как прошлое, разделяющее эти страны, остается на заднем плане.

В политизации современной истории Японии нет ничего нового; этим активно занимались олигархи династии Мэйдзи с того времени, как они вернули императора и взяли власть в 1868 г. Ссылки на историю долгое время служили политическим целям, потому что они оказывали огромное влияние на мысли и поступки людей. В эпоху имперской экспансии Японии история тоже была чрезвычайно политизирована, а сразу после Второй мировой войны политизация даже усилилась: японские чиновники выполняли приказы, сжигая документы, содержащие компрометирующую информацию о том, как набирали «женщин для утех», которые должны были удовлетворять сексуальные потребности солдат Империи, или о жестоким обращении с военнопленными, о принудительном труде и военных зверствах. Токийский трибунал (1946—1948 гг.) еще больше политизировал военную память Японии, поскольку некорректный судебный процесс, не соответствовавший международным судебным стандартам, компрометировал самую попытку оценить происшедшее с юридической точки зрения. Кое-как состряпанный трибунал привел к результату, прямо противоположному той задаче, которую он был призван выполнить: он позволил апологетам ревизионизма представить

японских милитаристов жертвами «правосудия победителей» и утверждать, что эти военные преступники на самом деле — благородные мученики. Кроме того, освободив императора Хирохито от судебного преследования, США усложнили всю проблему военной ответственности за «священную войну», которая велась от его имени⁴¹. Если его можно было реабилитировать или, по крайней мере, игнорировать его роль, то почему кто-то другой в Японии должен взять на себя ответственность? Еще больше США политизировали колониальную и военную историю Японии в эпоху холодной войны, активно поддерживая в Японии мнение, что Токийский трибунал в достаточной мере подвел итоги. Подобная позиция США создавала возможность не реагировать на требования более полного рассмотрения дел, особенно требования Китая — страны, более всех других пострадавшей от японского вторжения. С 1949 г., после победы Мао Цзэдуна в гражданской войне и его прихода к власти, и до знаменитого дипломатического гамбита Никсона в 1972 г. США и их протее, зависимая от Америки Япония, были отгорожены от Китая. Холодная война обозначила паузу, которая позволила негодованию по поводу прошлого накапливаться на материке, в то время как на архипелаге воспоминания остывали. При нормализации отношений с Японией в 1970-х гг. Пекин также преуменьшил свои обиды и ограничил круг виновных милитаристами военного времени, отказался от компенсаций, облегчив Японии путь к примирению с собственным прошлым. Нечувствительность Японии к памяти о военных преступлениях проявилась, в частности, в том, что в списки погибших воинов, чтимых в храме Ясукуни, в 1978 г. были внесены 14 военных преступников класса «А». Этот факт и последующие трения в начале 1980-х гг. из-за трактовки в школьном учебнике общего для обеих стран прошлого и в 1985 г. из-за официального визита премьер-министра Накасонэ в храм Ясукуни разделили Японию и разожгли ярость националистов в Корее и Китае⁴².

Однако решающим в плане политизации современной японской истории оказался 1989 г., что объясняется стечени-

ем ряда обстоятельств в Японии, Китае и Южной Корее. Император Хирохито умер, и с ним исчезло серьезное препятствие для более честного анализа прошлого. После его ухода начали открываться секреты, таившиеся в архивах, историки «находили» документы, а солдаты — «потерянные» дневники, и контекст для пересмотра военного и колониального прошлого стал более благоприятным. Стерилизованная версия прошлого, которая на тот момент преобладала в Японии, подверглась пересмотру в самой стране и была признана неполной, поскольку появились новые свидетельства и было уделено внимание совсем иным трактовкам прошлого. Этот пересмотр истории и череда описаний различных злодеяний, прежде всего системы «женщин для утех», захватили нацию врасплох. Это был коллективный шок, поскольку люди осознали масштабы содеянного. Многие японцы одобрили более честный анализ прошлого и принятие ответственности за ужасающие злодеяния Японии в Азии, в то время как другие стремились утвердить более щадящую версию, подчеркивая благородные побуждения и собственные страдания Японии. Интересно, что тех, кто одобряет реабилитирующую и прославляющую трактовку прошлого, называют «ревизионистами». Они выступают против «дипломатии извинений» и, по их мнению, «мазохистской» истории, утверждая, что в версии прошлого, сформированной «правосудием победителей» и озвученной Токийским трибуналом, Япония подверглась незаслуженно суровому осуждению. Они также были разгневаны «инструментализацией» истории в Китае и Корее с начала 1990-х гг. По мнению ревизионистов, беспрестанная критика Японии — это циничная уловка с целью вырвать у нее уступки, держать ее в коленах в покоренном положении, вымогать извинения и подрывать глобальную репутацию Японии, искажая ее образ.

В 1989 г., после событий на площади Тяньаньмэнь, Коммунистическая партия Китая тоже пересмотрела школьные учебники, чтобы укрепить свою легитимность. Она стремилась напомнить общественности о решающей роли, которую она

сыграла в спасении нации от японского вторжения. В этой новой патриотической версии варварство и произвол японцев обозначены более явно, и это означает, что младшие поколения китайцев знают об этом трагическом прошлом, что оно волнует их и возбуждает в них антияпонские чувства. Это усиливает обиду, связанную с явно недостаточно серьезным отношением Японии к прошлому, и создает у китайцев неверное представление о характере широкого обсуждения этой тематики в Японии. Заявления, выдержанные в духе опровержений, умаления вины и оправданий, с которыми периодически выступают видные консерваторы, расцениваются как выражение общего мнения японцев, в то время как опросы общественного мнения показывают, что в большинстве своем японцы не стремятся ни отрицать прошлое, ни уклоняться от своей ответственности и предпочитают жесты искупления. Словесные битвы между националистами Китая и Японии возбуждают гнев и взаимные обвинения в обеих нациях. Ревизионисты Японии заворачиваются в национальные флаги, утверждая, что они защищают честь и достоинство Японии от искажений истории, таким образом провоцируя (желательные для них) нападки другой стороны. Ревизионисты характеризовали критику со стороны китайцев повторных визитов премьер-министра Коидзуми в храм Ясукуни как навязчивое вмешательство во внутренние дела Японии как раз тогда, когда многие японцы согласились с такой критикой. Это омрачило двусторонние отношения; под влиянием споров о прошлом усугубились взаимные подозрения и враждебность. Однако когда в 2006 г. Коидзуми покинул свой пост, в Пекине и в Токио приняли сознательное решение сбавить тон в риторике, посвященной прошлому. Широко распространено мнение, что взаимные экономические интересы слишком важны, чтобы ставить их в зависимость от толкования истории, и что прагматические договоренности важнее патриотической истории. Однако такое «согласие на несогласие» делает дорогу к примирению очень длинной, и это означает, что основной исторический

дискурс остается уязвимым в политическом плане и чреватым конфликтами.

Установление демократии в Южной Корее в конце 1980-х гг. также обострило конфликты по поводу истории, поскольку более здоровое гражданское общество обратило особое внимание на систему «женщин для утех» и принудительный труд и потребовало компенсаций. Договор 1965 г. о нормализации отношений и отказ от дальнейших компенсаций не побудили корейцев простить и забыть. Отказ от репрессий привел к расцвету демократии в Южной Корее и привлек внимание к прошлым обидам и отсутствию индивидуальных компенсаций, не говоря уже об извинениях и признании ответственности. Император Акихито действительно принес Ро Дэ У извинения за грехи колониального периода во время визита последнего в Японию в 1990 г., но с точки зрения корейцев этого было далеко не достаточно. Подобно тому как Южная Корея выходила из мрака авторитарного правления, Япония отказалась от опровержений и полуправды, на основе которых у ее граждан формировались воспоминания о колониальном прошлом. Теперь скрывавшееся прошлое внезапно вышло на первый план и стало предметом энергичных словесных схваток как между странами, так и внутри самой Японии, особенно по проблеме «женщин для утех». Принуждение десятков тысяч корейнок-подростков по воле японских военных властей к сексуальному рабству — обслуживанию солдат империи — длительное время скрывалось, но обнаружение этой информации вызвало острую реакцию неприятия среди японских консерваторов, потому что это один из самых постыдных моментов, опровергающих их приглашенную версию прошлого. Группы гражданского общества в обеих странах вызвали эту историю из небытия и потребовали компенсаций. Опровержение ревизионистов было нацелено на заявление Коно от 1993 г. о признании ответственности Японии как государства за ужасы, которые пришлось вынести «женщинам для утех», и на Женский фонд Азии (1995—2007 гг.) именно потому, что эти жесты противоречили их политической программе «спасения» японской ис-

тории от очерняющей информации, накопившейся с начала 1990-х гг. Усилия и в самой Японии, и в Южной Корее, направленные на то, чтобы обнародовать больше информации о страданиях, которые пришлось пережить в период колониального прошлого, ревизионисты встречали в штыки, подчеркивая большой вклад Японии в модернизацию Кореи (и прикрываясь этим от нападок).

Пока что мало что указывает на то, что густая тень, которую политика отбрасывает на общую историю Японии и ее азиатских соседей, рассеивается; во многих отношениях политическое значение истории возрастает. В этом есть положительная сторона, так как за последние двадцать лет было обнародовано очень много ранее скрытой информации и прошлое стало предметом широкого и острого обсуждения. История была освобождена от наложенных на нее ограничений, противоречащие друг другу концепции прошлого привлекли внимание к историческим спорам. Табу были сняты, прежние неадекватные изложения истории ниспровергнуты, и стремление глубоко изучить общее прошлое Японии и соседних с ней стран Азии получило новый серьезный импульс. Ревизионисты несомненно умеют работать со СМИ и привлекают к себе внимание, отнюдь не пропорциональное их реальному влиянию. Это позволяет им активно распространять свои версии событий, однако их деятельность становится стимулом для более серьезных исследований, которые дезавуируют их версии и побуждают общественность более внимательно относиться к взаимному влиянию политики и истории. Если говорить кратко, стало труднее обмануть общественность, помещая специально отобранные истины под яркий свет политического прожектора, хотя одновременно с этим становится труднее достичь согласия по поводу прошлого. Возможно, самый большой плюс политизированной истории для самой Японии — это активное напоминание о прошлом, которое вызывает дискуссии, противостоит соблазну забвения, благодушия и попытки объявить бывшее не бывшим⁴³.

Примечания

¹ Относительно данных опросов общественного мнения см.: *Saaler S. Politics, Memory and Public Opinion: The History Textbook Controversy and Japanese Society*. Munich: Deutsches Institut für Japanstudien, 2005.

² См.: *Yamazaki J. Japanese Apologies for WWII*. L.: Routledge, 2005.

³ Относительно этой искаженной картины и непропорционального представления см.: *Seaton Ph. Japan's Contested War Memories*. L.: Routledge, 2007; *Saaler S. Op.cit.*

⁴ *Kingston J. Contemporary Japan: History, Politics and Social Change*. L.: Wiley, 2011.

⁵ Детальное опровержение этих паназиатских фантазий см.: *Goto K. Tensions of Empire*. Athens, OH: Ohio Univ. Press, 2003. См. Также: *Asian Labor in the Wartime Japanese Empire* / P. Kratoxsa (ed.). Singapore: Singapore Univ. Press, 2006.

⁶ *Seaton S. Op.cit.*

⁷ *Nozaki Y. War Memory, Nationalism and History in Japan: Ienaga Saburo and the History Textbook Controversy, 1945—2005*. L.: Routledge, 2006; *Takashi Y. The Making of the "Rape of Nanking": History and Memory in Japan, China and the United States*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2006; *Seraphim F. War Memory and Social Politics in Japan, 1945—2005*. Cambridge, MA: Harvard, 2006.

⁸ *Tanaka Y. Japan's Hidden Horrors*. Boulder, CO: Westview Press, 1997.

⁹ *Lind J. Sorry States*. Ithaca, NY: Cornell, 2008; *Eadem. Apologies in International Politics // Security Studies*. Vol. 18. No 3. P. 517—556.

¹⁰ После событий на площади Тяньаньмэнь Коммунистическая партия Китая стремилась укрепить свою легитимность путем патриотического воспитания, подчеркивая свою роль в разгроме японцев и во всех ужасных подробностях информируя китайских студентов о японских зверствах во время войны. Этот националистический исторический дискурс в Китае отозвался громким эхом в Японии, где консерваторы были возмущены разжиганием антияпонских настроений. Появление в Японии ревизионистского исторического движения под названием «Общество по созданию новых учебников истории» (*Atarashi Rekishi Kyokasho o Tsukurukai*) отражает, в частности, негативную реакцию японцев на программу патриотического воспитания в Китае. Конечно, это общество также реагирует на более откровенные публикации относительно зверств японцев в Азии, которые стали появляться после смерти императора Сёва в 1989 г.

¹¹ *Japan Times*. 2006. Sept. 21.

¹² См.: *Tetsuya T. The National Politics of the Yasukuni Shrine // Nationalisms in Japan* / Naoko Shimazu (ed.); transl. by Ph. Seaton. No 2272 (www.japanfocus.org). Кроме того, Джеральд Кертис из Колумбийского университета в своих показаниях в Сенате США в сентябре 2005 г. сказал: «Ясукуни — это не просто храм, в котором чтят память молодых людей, которые сражались и погибли за свою страну. В Ясукуни чтят идеологию и политику правительства, которое послало этих молодых людей на войну». Цит. по: *Japan Times*. 2006. Aug. 12.

¹³ В отношении анализа политики правых в Японии см.: *Yoshibumi W. The Postwar Conservative View of Asia*. Tokyo: LTCB International Library Foundation, 1999; *Ruoff K. The People's Emperor: Democracy and the Japanese Monarchy 1945—1995*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2001.

¹⁴ *Nihon Keizai Shimbun*. 2006. Jul. 20. Эта статья в *Nikkei* сообщала, что император «... считает, что храм Ясукуни допустил ошибку, когда решил включить военных преступников класса "А" Второй мировой войны в свой список чествуемых в нем людей». Император Сёва сказал: «Вот почему я не пошел в храм... [снова]. Это веление моего сердца». См.: *Nikkei Weekly*. 2006. Jul. 24. После Второй мировой войны император Сёва посетил храм Ясукуни восемь раз, но ни разу после того, как в 1978 г. там начали почитать души военных преступников класса «А». Его сын, император Акихито, после восхождения на «хризантемовый трон» ни разу не посещал этот храм. См.: *Asahi Shimbun*. 2006. Jul. 21.

¹⁵ В ходе экстренного опроса, проведенного *Asahi Shimbun* 22 и 23 июля 2006 г., сразу после публикации сомнений императора, только 20% японцев высказались за посещение храма Ясукуни следующим премьер-министром, в то время как против таких визитов высказалось 60% респондентов. Относительно опросов общественного мнения в Азии см.: <http://www.mansfieldfdn.org/>

¹⁶ *Ienaga S. Japan's Past, Japan's Future*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000.

¹⁷ Относительно анализа *Tsukurukai* см.: *McCormack G. The Japanese Movement to «Correct» History // Censoring History: Citizenship and Memory in Japan, Germany, and the United States* / L. Hein, M. Selden (eds.). Armonk, NY: East Gate, 2000. P. 53—73.

¹⁸ <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата последнего посещения сайта 31 августа 2010 г.).

¹⁹ Заявление протеста в адрес *NHK*: http://www1.jca.apc.org/vaww-net-japan/english/backlash/statement_by_vaww.html

²⁰ *McCormack G. How the History Wars in Japan Left a Black Mark on NHK TV (Their BBC)*. Feb. 2005 (<http://hnn.us/articles/printfriendly/9954.html>).

²¹ NHK censored TV show due to political pressure // Japan Times. 2005. Jan. 14.

²² Japan Times. 2008. Jun. 13.

²³ <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/ed20100829a1.html> (дата последнего посещения сайта 31 августа 2010 г.).

²⁴ Относительно заявления Мураямы см: <http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (дата последнего посещения сайта 31 августа 2010 г.).

²⁵ Битва за Окинаву была одной из самых кровавых в войне на Тихом океане. США потеряли 50 тыс., а Япония — около 100 тыс. солдат. Считается, что на Окинаве погибло примерно 125 тыс. гражданских лиц — около четверти всего населения острова. Эта битва оставила горький след в памяти жителей Окинавы, возмущенных тем, что Япония пожертвовала ими, как пешками, чтобы выиграть время для защиты внутренних островов. Устные сообщения очевидцев возлагают на японских солдат ответственность за случаи групповых самоубийств.

²⁶ Sankei Shimbun. 2010. Aug. 11.

²⁷ <http://www.eastasiaforum.org/2010/08/18/the-politics-of-japans-prime-ministers-apology/> (дата последнего посещения сайта 31 августа 2010 г.).

²⁸ Интервью с К. Карилом в августе 2010 г. Последующие цитаты Карила взяты из того же интервью.

²⁹ Интервью с К. Того в августе 2010 г. Последующие цитаты Того взяты из того же интервью.

³⁰ Интервью с У. Андервудом в августе 2010 г. Последующие высказывания Андервуда взяты того же интервью.

³¹ http://english.historyfoundation.or.kr/?sub_num=49 (дата последнего посещения сайта 4 сентября 2010 г.).

³² Japan Times. 2007. Feb. 27.

³³ Это образное выражение придумал Джулиан Дадден для обозначения автобусов, увешанных громкоговорителями, на которых ультра-националисты передвигаются по городским центрам Японии.

³⁴ Личная беседа в августе 2010 г.

³⁵ Интервью с А. Дадден в августе 2010 г. Последующие цитаты Дадден взяты из того же интервью. Дадден является автором работ *Japan's Colonization of Korea* (University of Hawaii, 2005) и *Troubled Apologies* (Columbia University, 2008).

³⁶ Интервью с П. Дуусом в августе 2010 г. Последующие цитаты Дууса взяты из того же интервью. Он автор работы *Abacus and the Sword* (University of California, 1998).

³⁷ Интервью с Э. Хорватом в августе 2010 г. Последующие цитаты взяты из того же интервью. Ранее Хорват занимал пост директора То-

кийского отделения Азиатского фонда и был организатором и участником многочисленных конференций по примирению между Японией и Кореей.

³⁸ Интервью с К. Руоффом в августе 2010 г. Последующие цитаты Руоффа взяты из того же интервью. Он автор работ *The People's Emperor* (Harvard, 2001) и *Imperial Japan at its Zenith* (Cornell, 2010). В 2001 г. в своей ежегодной тронной речи император признал свое корейское происхождение, что вызвало удивление у большинства из тех, кто прочел соответствующее сообщение. Только либеральная газета *Asahi* напечатала эту часть его длинной речи. Его откровенное признание имело целью улучшить отношения между Японией и Кореей в преддверии чемпионата мира по футболу в 2002 г., который должен был проходить одновременно в обеих странах. Учитывая, что отношение большинства японцев к корейцам достаточно негативное и что этнические корейцы, живущие в Японии (*zainichi*), подвергаются дискриминации, его высказывание, что «они» и «мы» — одно и то же, привлекли далеко не все, особенно среди консерваторов.

³⁹ *Caprio M. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea. University of Washington, 2009.*

⁴⁰ Интервью в августе 2010 г.

⁴¹ В годы оккупации США считали более важным убедить императора в необходимости поддержки демократических реформ, в частности, принятия новой конституции, чем делать из него мученика, вокруг которого могли бы сплотиться националисты.

⁴² После конфликта относительно учебника Министерство образования приняло директивы, в которых сказано, что при подготовке учебников необходимо принимать во внимание чувства жителей соседних стран.

⁴³ Фильм «Гусеница» (2010) Кодзи Вакамацу, получивший приз Берлинского международного кинофестиваля, является едкой сатирой на японский военный патриотизм; фильм посвящен разрушительному воздействию войны и потерь. Это яркое напоминание о прошлом, обвиняющее императора Сёва, но также и японское общество, которому внушали беспрекословную лояльность и уважение к государству. Как таковой он представляет собой ценную историческую хронику, которая заканчивается страшным итогом разрушений и смертей в Японии и Азии в целом в результате японской агрессии.

Ольга Борох, Александр Ломанов
 Возвращение Небесного повеления

Обсуждение проблем исторической памяти в современном Китае и вопроса о том, как воздействует образ прошлого на нынешнюю политику трудно не начать с напоминания о непрерывности многотысячелетней китайской истории и о традиционном стремлении к моральной оценке исторических событий и персонажей. В своих рассуждениях о делах сегодняшних китайские авторы часто вспоминают о древних правителях, мыслителях и героях. Этот необъятный материал очень важен — но все же он не играет определяющей роли в современных спорах об истории.

В наши дни в центре китайских дискуссий находятся события, которые разворачивались начиная с середины XIX в.: они связаны с вторжением в Китай иностранных держав, с поиском путей преодоления экономической бедности и военного бессилия, с революционным движением и переходом к социализму. Сохраняется официальный исторический дискурс, в котором переплетаются история государства и правящей партии¹. Вместе с тем за три десятилетия реформ в Китае появилось пространство для выражения различных точек зрения. Помимо стремления части интеллектуалов создать обновленную версию истории, выходящую за рамки «революционной парадигмы», по мере укрепления могущества страны набирает силу тенденция к националистическому прочтению исторических событий.

Китайские власти поощряют развитие общественных и гуманитарных наук, включая исторические исследования; при этом ученые могут использовать современные научные методы и подходы, не ограничивая себя рамками марксизма. Конфликты возникают в тех случаях, когда обсуждаемая проблема ставит под вопрос легитимность правления Коммунистической партии Китая (КПК), правильность пути социализма или подвергает сомнению руководящие позиции официальной идеологии. Власти стараются не вмешиваться в научные споры и принимают ограничительные меры, лишь когда обсуждение острых вопросов выходит за рамки академического сообщества и попадает в общенациональные СМИ.

В китайском Интернете присутствует очень широкий спектр мнений по всем вопросам, включая проблемы истории. Основное течение, доминирующее в СМИ и научной периодике, можно назвать «реформаторским консенсусом», который нацелен на то, чтобы менять жизнь к лучшему в рамках существующей системы, совершенствовать институты и законы, развивать науку и образование. Это течение формирует центристское историческое сознание, сочетающее патриотизм с открытостью внешнему миру, память о былых унижениях со стороны Запада с приверженностью глобализации, почитание революционных традиций и наследия Мао Цзэдуна с идеями политической стабильности и рыночного хозяйства. К этому течению принадлежит основное ядро китайской интеллектуальной элиты.

За пределами «реформаторского консенсуса» находится несколько групп, к которым можно отнести немолодых марксистов ортодоксального толка и прозападных либералов (большинство из них также принадлежит к старшему поколению). В 1980-е спор между ними определял направление дискуссий о развитии Китая. Сегодня исторические концепции, которые формируются этими группами, по-прежнему остаются непримиримыми (верность идеалам социализма и классовой борьбы либо заимствование на Западе «универсальных

ценностей» для обновления «устаревшей» культуры), но они уже не занимают столь важного места, как это было четверть века назад. Среди интеллектуалов среднего поколения вне основного дискурса находятся националисты и представители течения «новых левых», взгляды которых опираются на современную западную левую идеологию.

Все эти течения переплетаются друг с другом, зачастую их можно представить как ответвления широкого, всеохватного «реформаторского консенсуса». Споры возникают тогда, когда одно из течений выступает с критикой другого («новые левые» против реформаторов, либералы против националистов, ортодоксальные марксисты против либералов и т.д.). Власть пытается направлять эти процессы, регулируя доступ к СМИ, распределяя исследовательские фонды и гранты, корректируя список приоритетных тем государственных научных исследований.

Заслуги — главное

Рамки для трактовки современной истории были официально обозначены на рубеже 1970—1980-х, в самом начале реформ. Тогда китайское руководство столкнулось с необходимостью оценить события 1950—1970-х гг. с позиции новых ориентиров в развитии страны. Развернувшаяся критика «культурной революции» со стороны властей и представителей интеллигенции неизбежно затрагивала авторитет Мао Цзэдуна, а начавшиеся преобразования требовали отказа от крайностей прежнего политического курса. Вместе с тем власти стремились к тому, чтобы осуждение «культурной революции» и ошибка Мао не переросло в критику социализма и руководящей роли КПК; одновременно ставилась задача закрепить тезис об исторической преемственности старой и новой политики.

В августе 1980 г. Дэн Сяопин в беседе с итальянской журналисткой Орианой Фаллачи сообщил, что КПК готовится дать

позитивную оценку деятельности Мао Цзэдуна и признать второстепенный характер допущенных им в конце жизни ошибок. «Поэтому портрет председателя Мао Цзэдуна будет всегда висеть на воротах Тяньаньмэнь как символ нашей страны, к тому же мы должны чтить память его как основателя нашей партии и государства, а также отстаивать идеи Мао Цзэдуна в дальнейшем. Мы не будем относиться к председателю Мао Цзэдуну так, как Хрущев отнесся к Сталину»².

Спор 1950-х гг., когда проблема оценки Сталина стала одной из причин, вызвавших разногласия между двумя странами, был упомянут неслучайно. В январе 1957 г. Мао Цзэдун назвал безнравственной позицию людей, с одинаковым энтузиазмом сперва восхвалявших, а потом осуждавших Сталина: «Совершив без всякой мотивировки внезапный поворот на 180 градусов, ты делаешь вид, будто “твое благородие” никогда не поддерживал Сталина, а между тем ты его поддерживал, да еще как! Вопрос о Сталине касается всего международного коммунистического движения в целом, всех компартий мира»³. Хотя в то время Мао уже приступил к критическому переосмыслению сталинской модели, внутри Китая он установил определенные рамки для исторической оценки советского лидера: «Заслуги у Сталина составляют 70 процентов, а ошибки — 30. Такая оценка, вероятно, не совсем точна, ошибки, возможно, составляют лишь 20 процентов, 10 процентов, а может быть, немногим больше. Словом, главное у Сталина — заслуги, а недостатки и ошибки являются второстепенными. В этом мы расходимся с Хрущевым»⁴.

Схема «заслуги — главное, ошибки — второстепенное», с помощью которой в 1957 г. Мао Цзэдун оценивал Сталина, через два десятилетия стала в КНР основой для оценки деятельности самого Мао. Через иностранную журналистку Дэн Сяопин дал понять, что намерен бережно обращаться с историческим наследием предшественника. Был затронут вопрос о Доме памяти Мао Цзэдуна — огромном мавзолее в центре Пекина на площади Тяньаньмэнь, где в хрустальном саркофаге

покоится бальзамированное тело вождя. Мао ушел из жизни в сентябре 1976 г., пантеон начали строить в ноябре того же года и открыли в сентябре 1977 г. Дэн Сяопин отметил, что мавзолей был построен в нарушение воли Мао Цзэдуна: ведь старые революционеры договаривались, что после смерти их тела будут кремированы; под этим обращением поставил свою подпись и сам Мао. Дэн пояснил, что Дом памяти Мао был возведен после ареста «банды четырех»⁵ «из соображений стабилизации обстановки». «Я не считаю нужным сносить его. Раз уж построили, то сносить нецелесообразно. Ни к чему было строить, но если снести, то пойдут всякие толки. Во всем мире сейчас строят догадки на этот счет. Но мы не собираемся сносить»⁶. Портрет Мао Цзэдуна на воротах Тяньаньмэнь и мавзолей в центре площади остаются на прежнем месте и в наши дни.

Три десятилетия назад руководству КПК нужно было выработать и официально зафиксировать компромиссную трактовку наиболее чувствительных проблем современной истории. Работа над соответствующим документом длилась более года, к ней были привлечены многочисленные эксперты, активное участие принимал сам Дэн Сяопин. На одном из обсуждений в октябре 1980 г. он заметил: «Товарищ Мао Цзэдун не изолированная личность, он был вождем нашей партии вплоть до самой смерти. Нельзя преувеличивать его ошибки. Преувеличивать его ошибки — значит чернить его, чернить нашу партию и наше государство. Это идет вразрез с историческими фактами»⁷.

«Решение по некоторым вопросам истории партии после образования КНР» было принято в июне 1981 г. на шестом пленуме ЦК КПК 11-го созыва. Документ признал преувеличенный размах «борьбы против правых» в 1957 г. и ошибочность «большого скачка» 1958 г. В постановлении утверждалось, что тогдашние «левые» ошибки были исправлены, но потом повторились вновь в еще большем масштабе, поскольку Мао Цзэдун абсолютизировал классовую борьбу и считал главным проти-

воречием в обществе конфликт между пролетариатом и буржуазией. Основное внимание в принятом документе было уделено ошибочным взглядам Мао Цзэдуна, которые привели к «культурной революции». Стремление развернуть борьбу с буржуазией внутри партии и «продолжить революцию в условиях диктатуры пролетариата» обернулось поиском «врагов» среди кадровых работников и интеллигенции. Главным ответственным за «культурную революцию» и серьезные левацкие промахи был признан Мао Цзэдун, но все же это были «ошибки великого пролетарского революционера» и его «заслуги стоят на первом месте, а ошибки — на втором». Чтобы обосновать преемственность политики КПК, в «Решении» была дана позитивная оценка политики Дэн Сяопина, который провозгласил курс на социалистическую модернизацию и отказался от приоритета классовой борьбы.

Принятая в 1980—1981 гг. схема трактовки исторических событий остается в силе и по сей день. Реформаторы получили достаточное пространство для критики прежней модели развития, но при этом сохранилась историческая легитимность власти КПК. Примечательно, что на XVII съезде КПК в 2007 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньгао напомнил, что нынешняя политика реформ и открытости основана на заслугах первого поколения партийного руководства во главе с Мао Цзэдуном, благодаря которому возникла КНР и были достигнуты «великие успехи в деле социалистической революции и строительства». Ху Цзиньгао подчеркнул, что победа революции 1949 г. и последующее создание основных институтов социализма «послужили коренной политической предпосылкой и институциональным фундаментом для развития и прогресса современного Китая в целом»⁸.

Недавнее упоминание о связи заслуг Мао Цзэдуна с современным развитием Китая вовсе не означает, что за годы реформ в стране ничего не изменилось. Напротив, быстрое развитие рыночных отношений привело к глубоким сдвигам в структуре экономики и общества. Возникшие на этом фоне

проблемы дали китайским «новым левым» повод заявить о том, что недопустимо отрицать успехи, достигнутые в дореформенный период. Как и три десятилетия назад, напоминание об исторических заслугах Мао в наши дни помогает властям поддерживать в обществе консенсус в интересах дальнейших преобразований.

Исторические аргументы, которые используются в сегодняшнем официальном дискурсе с целью обосновать специфику политической системы страны и недопустимость копирования западных институтов, восходят к выступлениям Мао Цзэдуна еще до образования КНР. В июне 1949 г. он отмечал, что «буржуазная цивилизация Запада, буржуазная демократия, проекты создания буржуазной республики — все это потерпело банкротство в глазах китайского народа». Мао полагал, что «буржуазная республика, существовавшая в зарубежных странах, не могла быть создана в Китае, ибо Китай являлся страной, угнетаемой империализмом»⁹.

Ныне сходные доводы призваны продемонстрировать несостоятельность западных политических механизмов в условиях Китая и доказать жизнеспособность и эффективность сложившихся форм устройства власти. В 2004 г. в своем выступлении в честь 50-летия создания Всекитайского собрания народных представителей Ху Цзиньгао напомнил основополагающую схему трактовки исторических событий: после «опиумной войны» 1840 г. Китай превратился в полуколониальную, полуфеодальную страну, разразился национальный кризис; попыткой выйти из него стала демократическая революция Сунь Ятсена в 1911 г. Однако появившаяся на свет буржуазная республика не смогла защитить права народа и в итоге рухнула под ударами внешних сил: «История показала, что в Китае копирование модели западной политической системы — это неосуществимый путь»¹⁰.

Современные исследователи подчеркивают, что в Китае отказ от западных форм политического устройства представляет собой «неизбежное историческое развитие» и «плод муд-

рости китайского народа». Они напоминают, что первая попытка ввести в стране многопартийную систему и разделить ветви власти была предпринята после революции 1911 г., но весной 1913 г. президент Юань Шикай организовал убийство кандидата в премьеры от партии Гоминьдан, распустил парламент и восстановил монархию. После этого в Китае начался период внутреннего раскола: борьба за власть развернулась между местными милитаристскими группировками, соперничающими друг с другом. Вторая попытка демократизации была предпринята Гоминьданом после завершения войны с Японией в 1945 г., однако китайские исследователи считают эти усилия попыткой замаскировать диктаторские устремления Чан Кайши. Вскоре началась гражданская война, которая в 1949 г. привела к созданию КНР.

В этом историческом опыте китайские авторы видят подтверждение того, что демократическая политика в Китае обязательно должна исходить из национальной специфики: «Слепое копирование моделей политической системы и системы политических партий других стран не может быть успешным»¹¹. «В процессе распада феодального абсолютистского строя конституционная монархия в Китае была неосуществима; после распада феодального абсолютистского строя буржуазная республиканская система “разделения трех властей” в Китае также обанкротилась, попытки создания западного капиталистического политического строя неоднократно проваливались»¹². Вывод заключается в том, что сформировавшиеся в КНР специфические формы политического устройства, такие как система собраний народных представителей, институт политических консультаций и многопартийное сотрудничество под руководством КПК¹³, — это «необходимый выбор истории».

Дважды за годы реформ в Китае руководство демонстрировало повышенное внимание к истории правящей партии. Оба раза это было связано с юбилеем КПК (Китайская компартия была основана летом 1921 г.). Первая волна пришлась на

1981 г. — после принятия «Решения по некоторым вопросам...». В 1991 г. вслед за событиями на Тяньаньмэнь, резкими переменами в Восточной Европе и распадом СССР у властей возникла потребность «развеесть различные сомнения, укрепить убежденность и веру людей в КПК и путь социализма с китайской спецификой»¹⁴. В 2001 г. празднование 80-летия КПК было более формальным и менее заметным.

Однако внимание властей к этой теме не иссякло; в преддверии 90-летия создания КПК была развернута активная работа по пропаганде партийной истории. В середине июня 2010 г. были выпущены «Мнения ЦК КПК об укреплении и продвижении в новых условиях работы по истории партии». В этом документе были намечены ориентиры для пропаганды, исторических исследований и политической учебы среди членов партии. В «Мнениях...» отмечалось, что на фоне перемен в мире и внутри страны «правильное понимание партийной истории и отношение к ней» связаны с имиджем и жизнеспособностью КПК, с политической стабильностью в государстве. Были поставлены задачи расширения в СМИ «научной, строгой, авторитетной и эффективной» пропаганды истории партии, «не допускающей односторонности и вульгаризации». Говорилось также о важности проведения юбилейных мероприятий, архивной и мемориальной работы, включая использование памятных мест для пропаганды истории КПК и патриотизма, в том числе путем развития «красного туризма»¹⁵.

После этого в июле 2010 г. в Пекине состоялось созванное от имени ЦК КПК всекитайское совещание по историко-партийной работе. В нем приняли участие представители высшего руководства, включая Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, которому в 2012 г. предстоит занять кресло партийного лидера. Преемник выступил с установочной речью, подчеркнув, что история — «это зеркало для современности», она должна «помогать правлению и просвещать людей». Он призвал активнее «демонстрировать и пропагандировать историческую необходимость руководящего положения и сердцевинной роли КПК

в Китае», «движения китайского народа по пути социализма» и нынешних реформ. Следует побольше рассказывать о «великих победах и славных успехах», достигнутых народом под руководством КПК, а также решительно выступать «против любых ошибочных уклонов, искажающих и очерняющих партийную историю». Помимо расширения преподавания партийной истории для членов КПК и кадровых работников, было дано указание «активно продвигать преподавание истории партии в учебные заведения, в аудитории, в головы учащихся, с детства воспитывать у молодежи чувство горячей любви к партии, горячей любви к социализму»¹⁶.

Предъюбилейная историческая пропаганда направлена на укрепление внутренней сплоченности и авторитета КПК в обществе и в значительной мере связана с подготовкой к ротации высшего руководства на предстоящем XVIII съезде партии. Поскольку круглая дата (юбилей создания КПК) выпадает на год, предшествующий смене лидеров, которая происходит раз в десятилетие, историко-партийная проблематика естественным образом соединяется с идеологическим обеспечением политического процесса. Если эти тенденции сохранятся, то в 2021 г., за год до прихода к власти очередного преемника, можно ожидать проведения широкомасштабных торжеств в честь столетия КПК.

«Исторический нигилизм»

Современные дискуссии о политическом значении образа истории сопровождаются критикой в адрес «исторического нигилизма». В Китае считают, что это течение появилось в годы реформ среди ученых-историков и затронуло представителей гуманитарной интеллигенции. В марте 2005 г. влиятельные историки старшего поколения Ша Цзяньсунь, Ли Вэньхай, Гун Шудо, Лян Чжу выступили на страницах общенациональной газеты «Гуанмин жибао» с публикацией «Быть бдительными-

ми в отношении идейного течения исторического нигилизма»¹⁷. Они заявили, что появившееся в Китае течение «исторического нигилизма» целенаправленно принижает значение революционного движения и социалистического строительства под руководством КПК. «Исторические нигилисты», по мнению этих критиков, сосредотачиваются на прославлении предателей, изменников и реакционеров, которым давно вынесен приговор истории. «Исторический нигилизм» искажает и отрицает настоящую историю Китая, утверждают его оппоненты; это — идеалистическое течение, которое выдает второстепенные события истории за главные. Критики недовольны тем, что сторонники «исторического нигилизма» осуждают революцию за ее разрушительные последствия, пытаются охарактеризовать выбор Китая в пользу социалистического пути развития как отклонение от «основного направления современной цивилизации», а также утверждают, будто экономически отсталый Китай после 1949 г. шел по пути мелкобуржуазного утопического социализма. В подобных заявлениях ученые увидели преднамеренное искажение истории, попытку поставить под сомнение власть КПК и социалистический строй.

В 2005 г. Центр исследований развития общественных наук в высших учебных заведениях при Министерстве образования КНР и Китайское общество изучения истории провели совместное обсуждение темы «Исследование истории Китая нового и новейшего времени и идейное течение исторического нигилизма». Тональность обсуждения была критической, итогом научной конференции стала публикация сборника¹⁸. Некоторые из прозвучавших оценок вызвали возражения в научном сообществе. В частности, профессиональные исследователи не согласились с позицией участников конференции, которые осудили переход от революционного взгляда на историю Китая к модернизационному как проявление «нигилизма». Однако встречные аргументы появились в первую очередь в Интернете, а не в печатных СМИ.

Подобный феномен можно наблюдать и в других сферах общественных наук в Китае, когда выступления немногочисленных критиков из числа авторитетных ученых старшего поколения, обличающих коллег в приверженности «буржуазной идеологии» и «отказе от социализма», хотя и вызывают несогласие, но остаются без ответа в научной периодике и СМИ. Профессиональные ученые избегают политизированных дискуссий, понимая, что их возражения будут истолкованы оппонентами как очередное «заблуждение». Не исключено, что в стремлении уклониться от спора сказывается и укорененное в китайской культурной традиции уважение к старшим коллегам, сохранившим верность идеалам своей революционной молодости.

Один из ведущих критиков «исторического нигилизма», бывший проректор Пекинского университета Лян Чжу полагает, что это течение под флагом «переосмысления истории» отрицает народную революцию и успехи социалистического строительства. Признаками «исторического нигилизма» он считает полный отказ от Мао Цзэдуна и его идей, отрицание исторической необходимости китайской революции, а также тезис о том, что Китаю вместо строительства социализма было бы лучше создать условия для развития капитализма. «От очернения и демонизации истории революции и ведущегося под руководством КПК строительства переходят к принижению и отрицанию любых прогрессивных и революционных движений в Китае нового времени. От усердного подчеркивания нецивилизованных поступков малого числа китайцев переходят к отрицанию пяти тысяч лет китайской цивилизации»¹⁹.

Ученый предупредил, что «исторический нигилизм» может принимать облик научных концепций. Например, некоторые современные исследователи поставили под сомнение «полукOLONиальную, полуфеодальную» природу китайского общества конца XIX — первой половины XX в. и предложили формулировку «полуфеодальное, полукapиталистическое общество». Внешне — это научный вопрос, но на деле — «теоретическая

ловушка». Тезис о «полуколониальном» характере китайского общества был предпосылкой китайских революций 1911 и 1949 гг. Если же эта предпосылка отрицается и борьба против империалистических держав не была исторической необходимостью, то под сомнение ставится и тезис о неизбежности и прогрессивности революции. В этом случае можно сделать ошибочный вывод, что в Китае нового времени надо было всеми силами развивать капитализм, который должен был прийти на смену «полуфеодализму», и вовсе не обязательно было выбирать социалистический путь развития.

По мнению Лян Чжу, квинтэссенцией «исторического нигилизма» стала концепция «прощания с революцией». Часть китайских интеллектуалов, разделяющих эти взгляды, указывает он, подчеркивают издержки революции и выступают против радикализма, ценят историческую роль реформаторов конца XIX — первой половины XX в. выше, чем революционеров. С их точки зрения, революция несет в себе лишь разрушение и не обладает созидательным смыслом. Критик считает неприемлемыми попытки дать высокую оценку реформаторским усилиям на закате правления Цинской династии и охарактеризовать Синьхайскую революцию 1911 г.²⁰ как проявление «радикализма». Подобная трактовка разрушает единую историческую концепцию развития страны, становление которой происходило в ходе революционного движения от «опиумной войны» 1840 г. до образования КНР, что косвенно ставит под сомнение и социалистический период.

Лозунг «прощания с революцией» выдвинул на фоне консервативной волны в китайской идеологии 1990-х гг. известный мыслитель, в прошлом научный сотрудник Института философии Академии общественных наук Китая Ли Цзэху, который в начале 1990-х обосновался в США²¹. Он заявил, что революция замедлила процесс модернизации Китая и в XX в. принесла немало бед. Революция радикальна и эмоциональна, ей недостает рациональности, это разрушительная сила, и по-

тому в XXI в. Китаю нужно «попрощаться с революцией», избрав путь постепенного улучшения и реформирования.

По мнению критиков, убежденность Ли Цзэху в способности реформ к саморегуляции и самосовершенствованию, а также в том, что реформа в любом случае лучше революции, не соотносится с многообразием исторического опыта, в котором были примеры как успешных революций, так и неудачных реформ. По сути, речь идет всего лишь о гипотезе, поскольку невозможно убедительно доказать, что без восстаний середины XIX в. или демократической революции 1911 г. нынешний Китай был бы сильнее и богаче. Это не более чем предположение, в основе которых лежат негативные эмоциональные оценки потрясений, через которые Китай прошел в XX в.

На первый взгляд может показаться, что точка зрения Ли Цзэху соответствует основному течению китайского «реформаторского консенсуса». КПК заявила, что ставит общественную гармонию выше классово-борьбы; после XVI съезда КПК (2002 г.) в китайский политический дискурс вошел тезис о «превращении революционной партии в правящую партию»²². Однако открытая пропаганда лозунга «прощание с революцией» считается неприемлемой, так как это подорвало бы историческую легитимность власти. Критики указывают на серьезную опасность этой идеи, полагая, что отрицание революции и социализма привело к распаду СССР. «Прощание с революцией» не устраивает и националистов, поскольку таким образом можно было бы косвенно оправдать иностранное вмешательство в дела Китая до 1949 г.

Частью этого спора стала дискуссия о смене парадигмы в изучении новой истории Китая. Должна ли в современных условиях «модернизационная парадигма» заменить прежнюю «революционную парадигму» трактовки исторических событий? Известный китайский историк, ныне почетный член научного отделения Академии общественных наук Китая Чжан Хайпэн отметил, что осуществить подобную замену не так просто. В Китае нового времени общественные устремления были

направлены на революцию, однако целью революции были независимость, усиление государства и его обогащение, то есть модернизация. «Использовать модернизационный взгляд на новую историю Китая в целом возможно, но “теория замещения” здесь совсем не подходит, исследования и изложение истории ни в коем случае нельзя упрощать»²³.

Иными словами, изучение истории Китая с позиции модернизации признается допустимым до тех пор, пока исследователи не пытаются вытеснить из науки «революционный взгляд на историю». Нормативная трактовка исходит из того, что революция не противоречит модернизации и выступает в качестве ее движущей силы. В реальности спор о парадигмах указывает на сосуществование среди современных китайских историков разных поколений ученых. Старшее поколение опирается на «революционную парадигму» и трактует события прошлого с позиции классовой борьбы. Новое поколение, сформировавшееся после начала реформ, оценивает события с позиции модернизации и стремится выявить процесс движения от традиционного общества к современному.

В 2006 г. предметом спора стал изданный в Шанхае новый учебник истории для старших классов под редакцией профессора Шанхайского педагогического университета Су Чжиляна, отразивший взгляды сторонников «модернизационной парадигмы». Решение об использовании этого учебника было принято на уровне шанхайского городского комитета по образованию. Книга подчеркивала, насколько важны инновации в развитии человечества, и пропагандировала цивилизационный взгляд на историю, а на первый план вышли темы экономики и глобализации. Внимание к китайской революции и ее вождям оказалось столь незначительным, что учебник привлек интерес западных СМИ, обративших внимание на «исчезновение Мао»²⁴. Профессор исторического факультета Шанхайского университета Чжу Сюэцин, известный своими выступлениями в поддержку либерализма, отозвался о новом учебнике положительно: он указал на попытку акцентировать внимание

на истории цивилизации, а не на истории войн и классовой борьбы, на истории изменения жизни общества, а не на смене династий. По его мнению, поставив цивилизацию выше насилия, авторы учебника приблизились к гуманистическому взгляду на историю. Однако разгоревшаяся вокруг книги дискуссия привела к тому, что комитет по образованию Шанхая принял решение с сентября 2007 г. прекратить использование учебника.

Чжан Хайпэн полагает, что угроза «нигилизма» исходит от тех ученых, которые пытаются поставить под сомнение материалистический взгляд на историю, стремятся опереться на пришедшую с Запада постмодернистскую методологию и использовать ее для того, чтобы подвергнуть «деконструкции» традиции марксистской исторической науки. Критика исторического опыта китайской культуры также может стать частью «нигилизма», если она нацелена на «ослабление патриотической традиции китайского народа». Политическую опасность представляют и попытки принизить революционное прошлое или даже отказаться от него, поскольку они касаются в том числе революции, осуществленной под руководством КПК.

Лян Чжу предупреждает, что «исторический нигилизм» ведет к национальному и культурному нигилизму, который проявляется в рассуждениях о «невежестве» и «отвратительности» китайской нации, о ее «рабском характере», стремлении довольствоваться ситуацией и бежать от проблем. По его мнению, распространение «исторического нигилизма» отвечает стратегическим замыслам враждебных сил по «озападнению» и расколу Китая. Западный план «мирной эволюции» делает ставку на третье-четвертое поколение членов компартии, которые уже равнодушны к революции, забыли ее традиции и идеалы. Путем «очернения истории и реальности социалистического государства, в особенности путем очернения руководителей пролетарской революции», «бесконечно раздувая ошибки и существующие недостатки социалистического государства», враждебные силы «демонизируют социалистический

строй», вносят сумятицу в умы, особенно среди молодежи, «ставят целью развал социалистического строя». «Исторический нигилизм» стремится расшатать устои социалистического Китая и воспрепятствовать укреплению государства: «История — это зеркало. Процесс распада СССР дает нам возможность ясно увидеть путь искажения истории и гибели государства, а также серьезный вред, который приносит идейное течение исторического нигилизма»²⁵.

Новым вызовом официальной трактовке истории стало появление ярких и упрощенных изложений событий прошлого, ориентированных на завоевание широкой аудитории и получение коммерческих выгод. Поводом для обсуждения этой темы стал скандал вокруг Юань Тэнфэя, снискавшего в китайском Интернете прозвище «самого крутого преподавателя истории». Он работал в Институте повышения педагогической квалификации, расположенном в престижном пекинском районе Хайдянь, в конце 2000-х гг. выступал с лекциями по телевидению и публиковал книги, которые пользовались неплохим спросом. Юань отбросил в сторону набившие оскомину идеологические клише из учебников для старшеклассников и попытался пересказать историю в обыденном ключе, при каждой возможности добавляя запоминающиеся сравнения и факты.

Первоначальная реакция на деятельность молодого историка (Юань Тэнфэй родился в 1972 г.) была позитивной. Когда тот читал телевизионные лекции, на сайте китайского телевидения появилась публикация, одобряющая живость его стиля. К примеру, в рассказе о войне за независимость США он привлек внимание аудитории словами о том, что путь армии Джорджа Вашингтона зимой было легко отследить по кровавым отпечаткам, которые оставляли на снегу босоногие солдаты. Юань сравнил нападение японцев на Пёрл-Харбор с «попыткой пятилетнего ребенка избить взрослого мужчину», главным вкладом итальянских войск во Вторую мировую войну назвал «привнесение элемента комедии», а всеобщую ки-

тайскую энциклопедию императора Канси (начало XVIII в.) сопоставил с поисковиком *Google*²⁶.

Эпатаж в лекциях Юань Тэнфэя вызвал беспокойство после того, как едкие замечания посыпались в адрес КНР и КПК. Он затронул эти темы в выступлениях на частных подготовительных курсах. Современную историю Китая лектор назвал «гнусной» и сравнил Мао Цзэдуна с Гитлером, заметив, что по отношению к диктаторам у образованных людей не может быть добрых чувств. «Если хотите посмотреть на Мао, можете сходить в его мавзолей на площади Тяньаньмэнь, но не забывайте, что это китайский вариант святилища Ясукуни, там прославляют человека, убившего множество людей», — заявил Юань Тэнфэй²⁷. Необходимо пояснить, что расположенное в Токио святилище, где почитают павших в боях за императора, в Китае называют символом японского милитаризма, а визиты в Ясукуни политических деятелей Японии всякий раз вызывают межгосударственный скандал. Юань полагает, что единственным хорошим делом Мао после образования КНР стал уход из жизни. По его словам, Мао более всего интересовался историей интриг при императорском дворе, он не владел научными знаниями и иностранными языками, а высокие оценки поэзии и каллиграфии китайского лидера распространили подхалимы. Преподаватель порекомендовал слушателям после сдачи экзаменов сжечь учебники истории, в которых «только пять процентов правды».

Видеозапись лекции попала в Интернет, и ее посмотрели миллионы пользователей. Несогласные с представленной трактовкой истории обвинили модного лектора в клевете на создателя государства и стремлении сбить с правильного пути подрастающее поколение. В мае 2010 г. руководство института потребовало от Юань Тэнфэя объяснений. Тот признал ошибку, пояснив, что не предназначавшаяся для широкой аудитории запись была сделана несколько лет назад, а обнаружение материала в Интернете не было его инициативой.

Полемика вокруг выступлений Юань Тэнфэя переросла в обсуждение угрозы «несерьезного» подхода к истории». Автор одной из критических публикаций заметил, что люди, которые «весело излагают», «искажают» и «заново конструируют» историю, особенно когда дело касается исторических деятелей КПК, доходят до кощунства и «демонстрируют отсутствие благоговейного трепета перед историей партии»²⁸. Перспектива распространения коммерческого развлекательного подхода к прошлому на изложение современной истории была воспринята с тревогой. Критики заявили, что источником этого поветрия стали развлекательные телевизионные сериалы на исторические темы (в основном о правителях последней императорской династии Цин), в которых для привлечения внимания зрителей сценаристы произвольно придумывали несуществующих персонажей и меняли акценты в трактовке событий. Однако в науке и образовании это недопустимо, и потому популярность искажающих историю «веселых рассказов» должна «вызвать ощущение опасности»²⁹. Стремление унижить «самоотверженных людей и первых революционеров за сто лет истории Китая» и таким образом посмеяться над ними ведет к тому, что «историческая реальность становится неясной и фривольной»³⁰. И хотя по уровню теоретической глубины лекции Юань Тэнфэя заметно уступают рассуждениям «нигилистически» настроенных интеллектуалов о революции и модернизации, они намного привлекательнее и понятнее для неподготовленной аудитории, в особенности для молодежи.

«Волчье молоко»

Важным событием в области исторических дискуссий в современном Китае стала публикация 11 января 2006 г. в приложении «Биндянь» («Точка замерзания») к газете «Чжунго циньяньбао» («Китайская молодежная газета») статьи профессора

Юань Вэйши «Модернизация и учебники истории». Ученый-историк из Университета Сунь Ятсена подверг критике школьные пособия за то, что они возлагают вину за пережитые Китаем в XIX в. беды на иностранцев и умалчивают о «нецивилизованном» поведении самих китайцев.

Юань Вэйши заметил, что добиться процветания можно, лишь следуя волне глобализации; движение против этого течения способно привести страну к упадку. Хотя важнейшую роль в современном развитии Китая играют институты, интеллектуально-психологический настрой китайцев также существенен. По словам ученого, в конце 1970-х, когда ушли в прошлое бедствия, связанные с кампанией «борьбы против правых», «большим скачком» и «культурной революцией», китайцы с горечью осознали: один из глубинных источников этих потрясений заключался в том, что людей «вскармливали “волчьим молоком”». «Прошло более двадцати лет. Я случайно увидел учебники по истории для средней школы и был поражен: наша молодежь продолжает поглощать “волчье молоко”!» — заявил Юань Вэйши³¹.

Ученый призвал преподносить молодым людям правдивую историю, чтобы помочь им стать «современными гражданами», иначе они могут «сохранить предрассудки на всю жизнь и по этой причине пойти по неверному пути». Он выбрал для критического переосмысления два известных события нового времени, касающиеся взаимоотношений между китайцами и иностранцами. Можно ли было избежать в 1860 г. сожжения англичанами и французами императорского парка Юаньминъюань в Пекине? И как следует оценивать восстание ихэтуаней (иногда его называют «боксерским восстанием»), пик которого пришелся на 1900 г.: было ли это проявлением антиимпериалистического патриотизма, как утверждают учебники, или бесчеловечной борьбой с цивилизацией?

По мнению Юань Вэйши, главной причиной англо-франко-китайской войны 1856—1860 гг. (известна также как вторая «опиумная война») стало несоблюдение Китаем взятых на себя

обязательств. Он напомнил, что первоначальным поводом для конфликта стала казнь французского католического священника Огюста Шапделена, совершенная в 1856 г. местными чиновниками. Хотя француз нарушил соглашение и находился в той части Китая, куда въезд иностранцам был запрещен, чиновники не имели права лишать его жизни и должны были выдать его французскому консульству. После военных неудач Китаю пришлось подписать в 1858 г. невыгодные Тяньцзиньские соглашения³². Наступило затишье, но после того как в 1859 г. китайцы обстреляли иностранные военные корабли, на которых находились направлявшиеся в Пекин послы Великобритании и Франции, вспыхнула новая война. Иностранцы захватили Пекин, сожгли Юаньминъюань и навязали еще более кабальные требования. Логика рассуждений Юань Вэйши состоит в том, что ослабленная империя должна была тщательно выполнять свои договорные обязательства, чтобы избежать столкновений с иностранцами. Надо было любой ценой выиграть время для реформ и развития. Поэтому приказ властей, отданный солдатам, под видом вооруженных крестьян напасть на иностранцев был не патриотическим поступком, а преступлением.

О том, насколько болезненна для китайской исторической памяти поднятая ученым тема, напомнили события февраля 2009 г. Похищенные в 1860 г. в Юаньминъюане бронзовые головы крысы и кролика — два из двенадцати знаков китайского зодиака, украшавших парковый ансамбль, — были выставлены в Париже на аукцион. Новость вызвала в Китае волну возмущения. Пресс-секретарь МИД КНР Цзян Юй заявила: «Всем известно, что эти ценности были украдены объединенными англо-французскими войсками во время второй “опиумной войны” и потому длительное время находились за рубежом. Китай обладает неоспоримым правом собственности на них, и они должны быть нам возвращены»³³. Китайские юристы пытались не допустить проведения аукциона. При этом власти четко заявили, что не намерены на китайские деньги при-

обретать китайские ценности, незаконно присвоенные иностранцами. Хотя на практике предметы старины нередко выкупают и привозят в Китай частные коллекционеры и представители бизнеса, правительство выразило решимость правовым путем добиваться возвращения утраченного.

По поводу освещения в учебниках истории восстания ихэтуаней Юань Вэйши заметил, что там ничего не говорится о враждебном отношении повстанцев к современной цивилизации, о невежестве и ненависти ко всему иностранному. Они уничтожали телеграфные линии, разрушали школы и железнодорожные пути, сжигали иностранные товары, убивали иностранцев и китайцев, которые были связаны с иностранной культурой. По мнению Юань Вэйши, это были поступки, направленные «против цивилизации, против человечества», которые принесли Китаю несчастье. Но в учебниках об этом не упоминают и повстанцев не осуждают за варварские преступления. Если называть ихэтуаней «революционерами», это окажет негативное влияние на будущее Китая. Ученый полагает, что похожая ситуация сложилась во время «культурной революции», когда молодежь нападала на иностранцев.

На самом деле, полагает китайский историк, убийства не были связаны с необходимостью противодействовать иностранным агрессорам, — подлинной причиной была ксенофобия. Историческая правда состоит в том, что сначала ихэтуани жгли и убивали, в нарушение международного права нападали на иностранные дипломатические представительства, а лишь потом началось вторжение объединенной армии восьми держав. Ученый еще раз подчеркнул, что единственный путь для неразвитых стран (колоний и полуколоний) — следовать за западными державами, добиваться полной модернизации общества и проводить реформы. Мирная обстановка требуется для того, чтобы выиграть необходимое время, но ихэтуани действовали в противоположном направлении. Примечательно, что стремление оправдать действия иностранцев в 1900 г. ради того, чтобы воспитать у современной молодежи

позитивное отношение к глобализации, касалось исключительно западных держав: по словам Юань Вэйши, единственной правдой в китайском учебнике стал рассказ о злодеяниях русских³⁴.

Выступление Юань Вэйши затронуло острую для современного Китая тему соотношения исторической памяти и национализма. Ученый бросил вызов не только официальной трактовке событий позапрошлого века, но и современным китайским националистам, которые видят в истории иностранных вторжений в Китай аргумент в пользу наращивания мощи и необходимости давать жесткий ответ на попытки ущемить интересы Китая. Юань Вэйши отметил, что вспыхнувшие в 2000—2001 гг. в Японии и за ее пределами споры вокруг школьного учебника истории, оправдывавшего действия Японии в годы Второй мировой войны, показали, что эта проблема общая для обеих стран. Конечно, Япония была агрессором, а Китай — жертвой, однако стало очевидным, что в обеих странах избегают глубокого размышления об исторических событиях. Эта черта присуща не только японским правым, но и китайским националистам, которые слепо доказывают правоту своей страны в любом конфликте с иностранцами и не способны с рациональных позиций анализировать собственные ошибки. «Настало время исправить эти заблуждения, чтобы воспитать современных граждан, способных принести пользу делу модернизации, с рациональными взглядами, опирающимися на верховенство закона», — заключил Юань Вэйши.

Хотя статья Юань Вэйши уже публиковалась в 2002 г. в журнале «Дунфан вэньхуа» («Культура Востока») ³⁵, ее появление в молодежной газете вызвало огромный резонанс. Сторонники господствующего взгляда на историю увидели в газетной публикации отрицание столетней борьбы китайского народа с империалистическими агрессорами, направленное против КПК и социалистического строя. 25 января 2006 г. вышестоящие инстанции, сославшись на «ошибочную публикацию»,

распорядились временно приостановить издание приложения «Биндянь», чтобы провести реорганизацию. Главный редактор и его заместитель были уволены.

Кара для изменников

Неожиданное продолжение спора последовало в марте 2007 г., когда член Народного политического консультативного совета Китая (НПККСК) Юй Цюаньюй выступил с инициативой принять «Закон о наказании за изменнические высказывания» для противодействия искажению истории³⁶. «Сегодня некоторые ученые под флагом научных исследований искажают историю, оправдывают вторжение в Китай объединенных войск восьми держав и в особенности японскую агрессию. В этой ситуации государство должно принять специальный закон, по которому рассуждающие об оправдании вторжения держав в Китай после “опиумной войны” 1840 г. и в особенности — об оправдании японской военной агрессии, должны быть наказаны по закону, включая ответственных работников СМИ»³⁷.

Юй Цюаньюй родился в 1935 г., в 1952 г. начал работать журналистом, в 1957 г. возглавил отделение агентства Синьхуа в провинции Сычуань. Позже его причислили к «правым элементам», исключили из партии и наполовину урезали зарплату. С началом реформ Юй вернулся к журналистской работе. Его доклад о необходимости преодоления левых ошибок в развитии сельского хозяйства был отмечен руководством. Началось быстрое продвижение по карьерной лестнице: он занимал ответственные посты в Синьхуа, был главным редактором общественно-политического журнала «Баньюэтань» («Разговор за полмесяца») и газеты «Цзинцзи цанькаобао» («Экономическая справочная газета»). В 1990-е гг. Юй Цюаньюй был директором Института журналистики АОН Китая и секретарем канцелярии отдела внешней пропаганды ЦК КПК. В должности

заместителя председателя Китайского общества исследования прав человека он участвовал в полемике с американцами.

В 2000-е взгляды Юй Цюаньюя разошлись с магистральной линией развития рыночной экономики. Он высказывал тревогу по поводу усиления позиций китайской буржуазии. В 2003 г. во время подготовки поправок к конституции КНР он активно выступал против усиления правовой защиты частной собственности. В беседе с иностранным журналистом он сетовал, что в Китае ему негде опубликовать свои взгляды. Судя по всему, выпад против «изменнических высказываний» был личной инициативой ветерана, опиравшегося на собственные представления об исторической политике и свободе слова. Вместе с ним бумагу подписали шесть ученых из АОН Китая, в том числе бывший вице-президент Академии Ван Лолинь.

Напомним, что после 1840 г. Китай более ста лет сражался против внешней агрессии и заплатил десятками миллионов жизней, Юй Цюаньюй отметил: «Однако в последние годы в некоторых газетах время от времени появляются изменнические высказывания, которые искажают историческую реальность, оправдывают преступления великих держав, вторгшихся в Китай после 1840 г., и даже оправдывают преступления японских войск, которые оккупировали территорию Китая и массово убивали китайский народ. Эти статьи, поддерживающие агрессора, предающие государственные и национальные интересы, естественно, вызвали осуждение у китайских ученых и широких народных масс»³⁸. Явно намекая на споры 2006 г. вокруг публикации статьи Юань Вэйши, автор обращения заметил, что ответственные работники СМИ и журналисты подверглись критике и взысканиям. Однако нашлись люди, которые не поддержали эти меры и заговорили о «нарушении свободы слова и печати», а известные общественные деятели даже выступили в поддержку наказанных СМИ. По мнению Юй Цюаньюя, подобное попустительское изменническим высказываниям «отравляет китайскую молодежь, оскорбляет исто-

рию патриотов и героев войны сопротивления, создает серьезную угрозу китайскому обществу и государству».

Юй Цюаньюй не только призвал действовать в соответствии с конституцией и законами КНР, но и обратился к европейскому опыту. Он подчеркнул, что его инициатива опирается «на опыт Австрии и других европейских государств, законодательно запрещающих оправдывать преступления нацистской партии»³⁹. Юй Цюаньюй предложил воспроизвести этот опыт и ввести в КНР не менее суровые наказания для тех, кто выступает в общественных местах или публикует в СМИ статьи с искажением исторических фактов. «За оправдание преступлений иностранных агрессоров в Китае после 1840 г. — тюремное заключение от одного года до десяти лет. За оправдание японской оккупации и массовых убийств китайского народа японской армией в период с 18 сентября 1931 г.⁴⁰ до капитуляции [Японии] в 1945 г. — от двух до двадцати лет.. Юридическим представителям СМИ или ответственным лицам за публикацию изменнических высказываний — от трех месяцев до трех лет. Если средство массовой информации, допустившее нарушение, в течение определенного времени (газета, радио, телевидение — семь дней, журнал — один месяц, книжное издательство — два месяца) открыто обсудит и признает свои ошибки и, чтобы очиститься от яда, выступит с опровержениями, его юридический представитель может быть освобожден от наказания по закону»⁴¹.

Инициатива вызвала бурную дискуссию в Интернете, но ведущие китайские СМИ встретили ее молчанием. Первым о ней сообщил со ссылкой на гонконгскую газету веб-сайт «Чжунго синьвэнь ван» («Сеть китайских новостей»). Лишь в газете «Чжунго цинняньбао» появилась статья о том, что принятие подобного закона может нанести вред научной свободе. Признавая эмоционально болезненный характер национальной памяти об агрессии сильных держав и изначально благие побуждения Юй Цюаньюя, автор статьи подчеркнул, что такой

закон сжал бы «юридическими когтями и клыками» свободу исторических исследований. Без четкого правового определения понятие «изменническое высказывание» может стать мощным оружием для подавления иного мнения в науке, где допустимо говорить лишь об исправлении «ошибочных высказываний» в процессе дискуссии⁴².

Юань Вэйши, которому в первую очередь был адресован проект закона, призвал не давать волю националистическим эмоциям. «Дальновидные политики и интеллигенты должны прилагать усилия, чтобы шаг за шагом направлять эти настроения и ослаблять их. Мир великого единения однажды станет реальностью, сейчас мир идет к интеграции, поэтому обязательно нужно ослаблять [националистические] настроения»⁴³. По мнению ученого, распространившаяся среди китайцев с XIX в. неприязнь к иностранцам мешает развитию страны. Он пояснил, что не призывает к забвению прошлого, но считает необходимым подходить к истории объективно, всесторонне, холодно и без эмоций. По поводу формулировок предложенного законопроекта Юань Вэйши заметил, что «изменники Китая» были в XIX столетии и в первой половине XX в. В 1930—1940-е в период войны с Японией появились коллаборационисты, в 1950-е некоторых из них судили за военные преступления, и тогда это обвинение еще имело смысл. Однако употребление его в наши дни, полагает историк, свидетельствует лишь о «невежестве».

Китай и Япония: миру не нужны слезы

К началу нынешнего десятилетия в Китае сформировалось устойчивое восприятие Японии как страны-соперницы, которая отвергает призывы к покаянию за преступления в годы Второй мировой войны и стремится к возрождению своего военного потенциала. Попыткой изменить эту тенденцию стала статья известного публициста Ма Личэна «Новое мышление

в отношениях с Японией», опубликованная в конце 2002 г.⁴⁴. Он осудил нападки китайских националистов на Японию и предложил не бояться желания соседней страны стать крупной и влиятельной державой. По мнению Ма Личэна, Китаю надо проявить великодушные страны-победительницы и не предъявлять к Японии чрезмерных требований. Вопрос японских извинений уже решен, и нет необходимости поднимать его вновь. Кроме того, после 1979 г. Япония предоставила Китаю долгосрочные кредиты под низкие проценты, которые были использованы при реализации 150 инфраструктурных проектов, что «свидетельствует об искренности помыслов Японии». Он посетовал, что долгое время об этом факте говорили недостаточно, «сейчас пришла пора дать этому правильную оценку».

Между тем «новое мышление» не стало реальностью. Напротив, в 2005 г. во многих китайских городах прошли анти-японские демонстрации националистически настроенной молодежи. Китайские сторонники жесткой линии попытались обосновать тезис о том, что сложные отношения между двумя странами вызваны исключительно японской политикой, при этом Китай не должен отступать перед напором соседней страны. Линь Чжибо (работал в том же отделе комментариев «Жэньминь жибао», что и Ма Личэн) заявил, что главное препятствие заключается в том, что Япония не желает смириться с подъемом Китая. По мнению публициста, китайские лидеры, начиная с Сунь Ятсена, были сторонниками дружественных отношений между Китаем и Японией, но японцы всякий раз выступали против Китая. Нельзя забывать исторические потери: сопротивление Японии 1930—1940-х гг. обошлось Китаю в 30 млн человеческих жизней и в 500 млрд дол., однако Япония этого не признает. Время уступок завершилось, и теперь Китай должен разговаривать с Японией по международным правилам: если Япония нанесла Китаю ущерб в годы войны, то она должна его компенсировать, а китайское правительство должно поддержать требование китайского народа выплатить

компенсации. По мнению Линь Чжибо, нежелание Японии заплатить за агрессию против Китая будет служить оправданием для Китая, если он использует свое право вето, чтобы не допустить принятия Японией в число постоянных членов Совета ООН⁴⁵.

Китайские исследователи пытаются сопоставить опыт осмысления уроков Второй мировой войны в Японии и в Германии — и результаты оказываются не в пользу Токио. Эксперты полагают, что здесь сыграли роль культурные различия: в Германии христианская традиция с ее понятиями греха и покаяния способствовала отмежеванию нации от преступлений, совершенных в годы войны. Японскую культуру характеризуют внутренняя сплоченность и отторжение чужого. Стремление поддерживать согласие в обществе и ограниченная информация о военном прошлом привели к тому, что японцы воспринимают военных ветеранов позитивно и не связывают их былые поступки с убийствами и преступлениями⁴⁶. Китайские эксперты подчеркивают, что послевоенное поколение японцев «не выучило» исторический урок и это обстоятельство накладывает отпечаток на сегодняшнее взаимодействие между двумя странами.

Полемику на исторические темы подогревает территориальный спор, о чем напомнил инцидент у островов Дяоюй (Сенкаку) в Восточно-Китайском море в сентябре 2010 г. Столкновение китайского рыболовного судна с японскими патрульными кораблями и арест капитана траулера спровоцировали волну протестов китайской молодежи; в нескольких городах прошли антияпонские демонстрации. Ныне эти острова находятся под контролем Японии, но Китай считает их своей территорией. Происшествие дало повод напомнить, что эти острова были отторгнуты Японией вместе с Тайванем после поражения Китая в японо-китайской войне 1894—1895 гг., когда Китай был не в силах сопротивляться натиску империалистических держав. Спор о территориях повысил интерес к истории. В конце 2010 г. большой интерес вызвала выставлен-

ная на аукцион в Пекине рукопись, повествующая о путешествии китайской экспедиции на Дяоюй в первом десятилетии XIX в., что могло бы служить дополнительным подтверждением китайских прав на эту территорию. Жесткую позицию Японии в территориальном вопросе китайские публицисты объяснили влиянием на японскую политику «узкого национализма», который привел страну к катастрофе в годы Второй мировой войны. «Поднимающийся национализм подобен лопате, и мы не знаем, выроет ли мы в итоге могилу или погреб для овощей. Поэтому яму лучше не углублять. Японцы весьма страстно и энергично размахивают этой лопатой, что принесло в регион ощущение кризиса. Настало время сделать паузу»⁴⁷.

Автор книги «Подъем Китая» Чжан Цзяньцзин полагает, что причиной напряженности в отношениях двух стран стал кризис идентичности в Японии, где по мере утраты экономического лидерства растут опасения «китайской угрозы». Пока Япония была богата, она оказывала «экономическую помощь», чтобы компенсировать свои исторические преступления, но, когда в 1990-х начался экономический спад, стала требовать от стран, получивших помощь, благодарности и забвения исторических проблем. По мнению Чжан Цзяньцзина, Японии следует отказаться от болезненного отношения к истории и в решении проблем, связанных с последствиями войны, брать пример с Германии. Вместе с тем проявившаяся в спорах с Японией новая идентичность Китая основана пока лишь на экономическом подъеме и отстаивании собственного взгляда на историю. Этого недостаточно: Китай должен, «опираясь на историю, смотреть в будущее» и помогать Японии стать конструктивным игроком в Юго-Восточной Азии⁴⁸.

Современные китайские кинематографисты попытались внести свой вклад в переосмысление истории взаимоотношений Китая и Японии в годы войны. Об этом свидетельствуют два кинофильма, появившиеся в нынешнем десятилетии. Фильм «Дьяволы пришли» (английское название *Devils on the Doorstep* — «Дьяволы на пороге») Цзян Вэня в 2000 г. получил

премию на Каннском фестивале, но так и не дождался официального разрешения на показ внутри своей страны. Режиссер затронул болезненную тему бытового коллаборационизма. Фильм рассказывает о том, как в конце войны неизвестный ворвался в дом китайского крестьянина и оставил там два мешка: в одном был японский военный, в другом — помогавший японцам китаец-переводчик. Эти двое становятся проблемой для всей деревни, но крестьяне так и не решаются убить их. Японец подружился с китайцами и убедил их вернуть его в расположение находившейся неподалеку военной части, обещав им за это щедрое вознаграждение. Японский командир доставил крестьянам еду и вино, но позже приказал убить всех жителей деревни и сжечь ее. Потрясенный герой фильма, чудом уцелевший житель деревни, хочет отомстить, однако война уже закончилась. Он обманом пробирается в лагерь для военнопленных и убивает нескольких японцев, но за это преступление китайские власти казнят его.

Тема гуманистического взгляда на войну была продолжена в фильме «Нанкин! Нанкин!» (английское название *City of Life and Death* — «Город жизни и смерти»), премьера которого состоялась в апреле 2009 г. Подобно фильму «Дьяволы пришли», «Нанкин! Нанкин!» — черно-белая кинолента. Режиссер стремился сделать фильм похожим на историческую хронику и не концентрировать внимание зрителей на кровавых сценах насилия и гибели людей. Однако масштабы описываемых трагедий несопоставимы: новый фильм посвящен нанкинской резне — в китайской исторической памяти самому страшному эпизоду войны. В декабре 1937 г. в захваченном Нанкине японцы совершили беспрецедентные по жестокости и размаху убийства и изнасилования. Китайские историки говорят об уничтожении более 300 тыс. человек, среди которых были мирные жители и военнопленные.

Режиссер Лу Чуань попытался показать волю китайцев к сопротивлению и душевные страдания простого японского военного, который кончает жизнь самоубийством. В фильме

немало жестоких и натуралистических сцен, необычных для китайского кинематографа. Режиссер стремился передать ощущение реальности событий, воссоздавая для этого городскую обстановку военных лет, детали быта. Более того, на роли оккупантов он пригласил японских актеров.

Через месяц после премьеры «Нанкин! Нанкин!» был включен в официальный список из десяти фильмов, посвященных празднованию в октябре 2009 г. 60-летней годовщины образования КНР. В отредактированном виде — без сцен насилия — фильм рекомендован для показа школьникам, изучающим историю войны. По словам режиссера, поднявшаяся в Интернете волна возмущения националистов по поводу вызывающего сочувствие образа японского военного едва не вынудила власти отказаться от выпуска фильма в прокат. Решающую роль сыграла поддержка со стороны члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Чанчуня, отвечающего за пропаганду⁴⁹.

Режиссер отказался от первоначальных версий сценария, подчеркивавших важную роль иностранцев в спасении жителей Нанкина от японских зверств⁵⁰. Лу Чуань заметил, что в прежних изложениях нанкинской резни китайцы представлены пассивными, они «не существуют» ни по отдельности, ни в целом. «С помощью этого фильма я хочу вернуть китайцам существование. Я решил снять фильм о сопротивлении, поскольку в действительности китайцы сопротивлялись, но люди об этом мало знают»⁵¹. По его словам, история японца рассказывает также о сопротивлении человека духу милитаризма.

Критики заметили, что новый фильм «с точки зрения искусства — первый сорт, с точки зрения истории — третий»⁵². По их мнению, попытка китайского режиссера показать совестливого японца стала отражением новой тенденции в мировом кино последних лет, когда прежние «злодеи» выступают на стороне добра. К числу таких фильмов относятся «Список Шиндлера» или «Чтец», которые демонстрируют растерянность и терзания простых немцев при нацистах. Однако германский контекст отличается от японского: послевоенные правитель-

ства Германии и вся немецкая нация глубоко переосмыслили историю войны и многие исторические факты перестали быть предметом спора. Лишь тогда деятели искусства почувствовали себя вправе предложить другой взгляд на этот этап истории. К нанкинской резне это не относится. С тех пор прошло более семидесяти лет, но японцы так и не признали своего злодеяния, а молодое поколение китайцев мало что об этом знает.

Китайский критик приводит две причины, которые, по его мнению, объясняют, откуда берется такой взгляд на трагическую историю сопротивления японской агрессии. Во-первых, из-за ограничений, связанных с разногласиями между КПК и Гоминьданом, в последние годы было обнародовано лишь крайне незначительное число документов о тех событиях. Во-вторых, хотя Китай вышел из войны победителем, страна долго отставала в экономическом развитии и потому стремилась как можно меньше поднимать болезненные исторические темы. Теперь же в отношениях между двумя партиями трудный этап уже позади, а мощь Китая стала реальной. В таких условиях кинематограф мог бы расширить представления людей о том периоде истории, однако «Нанкин! Нанкин!» преподносит молодежи исторические факты, искаженные художественным подходом. Талантливый фильм попал в ловушку «исторического нигилизма»: он преувеличивает побочные ответвления истории и пренебрегает главным. По мнению критика, взгляд на резню глазами осознавшего ужас войны японца отражает именно эту тенденцию.

Сам Лу Чуань подчеркивал, что сделал фильм не только для Китая, но и для всего мира, чтобы передать ему отношение китайцев к японцам, в котором присутствуют великодушие, снисходительность, вера в себя и в свою силу. Он вовсе не стремился проецировать эмоции ненависти⁵³. Режиссер пояснил, что прежний слезный стиль китайских повествований о пережитых страданиях за пределами Китая никому не интересен. «На протяжении семидесяти лет мы причитали, это наше право, но эффект был не слишком хорошим. Спустя семьдесят лет

наша страна стала богатой, мощной и уверенной в себе, разве мы не можем взять признанную во всем мире систему ценностей или сменить язык диалога для того, чтобы заново рассказать об этом событии? Фильм пытается сделать это. Я ощутил, что прошедшие семьдесят лет приводят нас к выводу: наши слезы, похоже, в действительности не могут смягчить западный мир. Этому миру нужен новый язык изложения: чтобы вести с ним диалог на равных, нам потребуются более твердые взгляды, аргументы и уверенность в себе»⁵⁴.

Чем недоволен Китай

Усиление Китая на фоне экономического кризиса стало стимулом для националистического переосмысления места страны в мире. К истории обращаются авторы бестселлера «Китай недоволен», вышедшего весной 2009 г.⁵⁵. На страницах книги выразили свои взгляды военный обозреватель нескольких китайских телеканалов Сун Сяоцзюнь, известный идеолог китайского национализма Ван Сяодун, социолог и драматург Хуан Цзису (его пьеса «Че Гевара» стала художественным манифестом китайских «новых левых»), националистически настроенный публицист Сун Цян и журналист Лю Ян. Они выступили с критикой китайской интеллектуальной элиты, осудив ее за самоуспокоенность и стремление к демонстрации поверхностных культурных познаний в то время, когда Китаю необходимо сосредоточиться на укреплении военно-промышленного потенциала. Избегая открытых упреков в адрес власти, авторы книги возложили ответственность на интеллектуалов, которые не предлагают руководству рецепты для решения наиболее острых проблем.

В центре внимания оказалась проблема влияния глобально-экономического кризиса на развитие Китая, которое, по мнению авторов, должно стать более «героическим» и менее зависимым от Запада. Прежняя модель экономического со-

трудничества, когда Китай играл роль «мировой фабрики», сконцентрировавшись на производстве экспортного ширпотреба, вместо того чтобы развивать высокотехнологичные и оборонные отрасли, потеряла былую привлекательность. Сложившаяся ситуация пока еще устраивает основную часть китайской элиты, однако молодежь готова по-новому оценить перспективы страны.

Авторы книги считают, что в наши дни растущее недовольство патриотически настроенной молодежи вызвано экспансионистской политикой Запада и его стремлением держать китайскую экономику в подчиненном состоянии. Один из разделов книги был озаглавлен «Наше богатство: исторические страдания с 1840 г.». Сун Сяоцзюнь, один из авторов сборника, утверждает, что антизападные выступления молодежи, имевшие место в 2008 г., произрастают из культурной памяти, накопленной поколениями китайцев после «опиумной войны». Когда будущее неясно, людям приходится оглядываться назад и оценивать историю. Но тысячелетия замкнутой китайской истории, предшествовавшей 1840 г., не дают ответа на вопросы сегодняшнего дня. Параллели с современностью можно искать лишь после 1840 г., когда история Китая вошла в мировую историю, а сам Китай стал частью мировой капиталистической системы и начал испытывать давление со стороны индустриальной цивилизации Запада.

Другой автор Ван Сяодун призывает соотечественников отказаться от пораженчества и от распространившихся внутри страны идей «обратного расизма», принижающих достоинство китайцев и величие китайской цивилизации. «Сто семьдесят лет мы находились на самом дне, но не были окончательно уничтожены и даже не развалились подобно европейской цивилизации Средних веков. Это всего лишь сто семьдесят лет, сейчас мы все же в определенной степени вновь поднялись. Китай последних нескольких десятилетий — это действительно мировое чудо, поэтому я говорю о “возвращении Небесного повеления”»⁵⁶. Мудрецы Древнего Китая полагали, что Небо

дарует «повеление» на царствование добродетельному правителю. Однако порочная и жестокая власть теряет «повеление», что ведет к смене правителя, а то и к гибели всего государства. В контексте современного китайского националистического дискурса этот тезис указывает на необходимость сконцентрировать усилия на развитии страны и на расширении ее присутствия на мировой арене.

На страницах книги «Китай недоволен» националисты осуждают прозападную интеллигенцию за то, что она считает «позорным» патриотизм и заботу об интересах страны, потворствует формированию самоуничижительных взглядов на историю Китая. Они обвиняют элиту в неспособности сформулировать для нации «великие цели» и преодолеть психологическую зависимость от Запада. Примечательно, что среди многих упреков в адрес позабывшей уроки истории интеллектуальной элиты появилась российская тема. Сун Цян с возмущением отозвался о тщеславии прозападных интеллектуальных «звезд», ядовито комментирующих восстановление в России прежнего гимна и некоторых государственных церемоний, с помощью которых российские власти хотят вновь укрепить чувство национального достоинства: «Ты не пережил тяжелых бедствий России, ты не испытал вчерашнего уничтожения международным капиталом твоего гнезда, ты не впал в отчаяние из-за того, что твоя страна потеряла достоинство, конечно, ты можешь спокойно в неплохой атмосфере Китая ругать русских за “глупость”»⁵⁷. Сделав оговорку, что вовсе не считает своим долгом выступать с апологией советской истории, Сун Цян заметил, что на примере распада СССР можно проследить, как на рубеже 1980 — 1990-х гг. на смену одному господствующему дискурсу приходил другой. «Уничтожение истории, исправление памяти, ревизия повседневных представлений — именно таково искусное применение господствующего дискурса»⁵⁸.

Националисты стремятся опереться на историю, чтобы помочь китайской элите избавиться от иллюзий в отношении

Запада. Они призывают быть готовыми к возможному разрыву связей с Западом, к росту внешней изоляции и враждебности. Сун Сяоцзюнь отмечал: «Посмотрите на историю. Если бы в 1840 г. чужие корабли не находились у берегов Китая, разве смогли бы Сунь Ятсен и подобные ему наметить план будущей модернизации Китая? Поэтому при обсуждении формирования “великих целей” Китая нельзя не задаться вопросом: не приведет ли нынешний финансовый кризис к втягиванию Китая в войну?»⁵⁹. Хотя мировой статус окрепшего Китая в наши дни едва ли сопоставим с ослабленной империей середины XIX в., националисты проводят эту историческую параллель. Мировой финансовый кризис потряс западную экономику, у Китая появился шанс снизить зависимость от иностранных инвестиций и технологий, перестать смотреть на Запад как на образец для подражания, сформулировать собственные «великие цели» и заняться их реализацией. Однако решительность Китая, предостерегают националисты, вряд ли придется по вкусу Западу, который будет всеми силами преодолевать внешние помехи на пути реализации своих «великих целей». Иностранное давление будет нарастать, и это должно побудить Китай ускорить модернизацию, поскольку в перспективе между крупными державами возможны вооруженные конфликты за обладание дефицитными сырьевыми ресурсами.

Воинственные рассуждения националистов, призывающих Китай по примеру Запада «вести торговлю с мечом в руках», не отражают взглядов основного течения, поддерживающего официальную установку на «мирное развитие». Авторы книги «Китай недоволен» акцентировали внимание на конкуренции между странами, которая может перерасти в силовое соперничество. Они сочли, что официальные рассуждения о «мирном возвышении» и «возрождении китайской нации» слишком расплывчаты и не могут служить эффективным планом действий. В частности, они поставили под сомнение предложенную властями политику накопления «мягкой силы» и создания инструментов культурного влияния на другие страны⁶⁰.

Вместе с тем авторы книги заметили, что руководство страны понимает необходимость «превратить чувства, порожденные революционной памятью молодежи, в движущую силу модернизации и строительства»⁶¹. Именно так они восприняли упоминание о событиях XIX в. в речи Ху Цзиньгао, посвященной 30-летию китайских реформ. Отметив, что древняя китайская нация за пять тысяч лет истории создала блестящую культуру и внесла огромный вклад в прогресс человеческой цивилизации, китайский лидер продолжил: «После “опиумной войны” из-за агрессии западных держав и разложения феодальной власти Китай постепенно превратился в полукOLONиальное полуфеодальное общество, государство было очень бедным и очень слабым, конфликты и смуты в обществе не прекращались, народ бедствовал. Чтобы осуществить великое возрождение китайской нации, многие самоотверженные борцы с воодушевлением искали путь спасения государства и народа, путь возрождения Китая»⁶². Ху Цзиньгао соединил вместе три китайские революции минувшего столетия. Сначала революция под руководством Сунь Ятсена свергла монархию, потом новодемократическая и социалистическая революция под руководством КПК свергла власть империализма, феодализма и бюрократического капитализма, а третьей «новой великой революцией» стала политика реформ и открытости. Националисты увидели в этих словах стремление властей использовать уроки прошлого при решении современных проблем страны.

Китайские эксперты основного течения, разделяющие взгляды «реформаторского консенсуса», призывают к осторожности в поведении на международной арене и к трезвости в оценке перспектив страны в посткризисном мире. В частности, они рекомендуют проводить различие между ростом масштабов экономики Китая и его реальным весом в мире, ссылаясь на уроки истории. «О мощи государства и международном статусе нельзя судить лишь по масштабам экономики. По статистике, в 1820 г. ВВП Китая составлял 28,7% мирового,

ВВП Англии, США и Японии — 5,2%, 1,8% и 3,1% соответственно. В 1830 г. мировая доля китайской обрабатывающей промышленности составляла 29,8%, намного превышая долю Англии, Японии, Америки (соответственно 9,5%, 2,8%, 2,4 %). Однако в 1876 г. на всемирной выставке в Филадельфии в США, в которой участвовали 37 стран, Англия представила новейшую паровую машину, Америка — высокопроизводительные электромоторы и двигатели, Германия — высокоточный станок по обработке пушек, а Китай — 27 сделанных из чистого серебра ложечек для ковьярия в ушах и расшитые туфли на маленькую ногу. Из-за серьезного спада [в сферах] науки и техники, военной мощи и мягкой силы Китай неоднократно сталкивался с агрессией сильных западных держав, разграблением и разрушением. К середине XIX в. он превратился в полукOLONиальное, полуфеодальное общество. Горький урок истории состоит в том, что Китаю необходимо наращивать комплексную мощь»⁶³.

Однако история упадка Китайской империи может служить не только для обоснования призывов к большей решительности во внешней политике, но и для выражения недовольства внутривластной ситуацией в стране. Осенью 2010 г. издающаяся в провинции Хунань газета «Сяосянь чэньбао» выпустила тематическое приложение по истории Синьхайской революции. Исполнительный редактор издания Гун Сяююэ написал вводный текст «О великой тенденции в Поднебесной», в котором заявил, что с середины XIX в. главное чаяние Китая и китайцев — это конституционное правление, способное сделать устойчивой государственную власть крепкими и защитить права людей. «Народу нужна коммерция, чтобы достичь богатства и силы, ему нужно учиться, чтобы обрести знания, ему нужны железные дороги для удобства сообщения, нужен телеграф, чтобы использовать информацию, нужно создавать газеты, чтобы сделать мысль наглядной»⁶⁴. Чем активнее правители последней династии Цин возводили стены, тем настойчивее народ их разрушал — вся недавняя история Китая является «ис-

торией противостояния между низвергающими стены и возводящими стены». По мнению журналиста, хотя «китайская нация упустила многие возможности, у нее еще очень много возможностей». Примечательно, что он сослался на чешского диссидента Вацлава Гавела, заявившего в 1975 г. в письме к лидеру страны Густаву Гусаку, что «историей более нельзя пренебрегать».

Заголовок одного из опубликованных в приложении текстов гласил, что на закате династии Цин правящая «группа интересов потеряла лицо». Автор пояснял, что маньчжурские властители Китая пошли по пути тайной политики и концентрации власти в руках меньшинства. В этих условиях судьба страны полностью зависела от способности императора решать все дела единолично. Честных чиновников не осталось, повсюду одержала верх посредственность, сверху донизу бюрократия использовала полномочия для личного обогащения. Все ресурсы — земля, богатство, знания, авторитет — были сконцентрированы в руках императора. Обладание властью определяло размеры богатства, «агентами» в использовании этого «властного ресурса» становились влиятельные придворные мздоимцы.

Тезис о приоритете конституционного правления, упоминание о «распаде общественного порядка и подъеме антиправительственных сил» во времена Цин, использование современной политической лексики («группа интересов», «подчинение ресурсов власти», слова о «возведении стен», содержащие намек на цензуру в Интернете) превратили рассказ о загнивании императорской власти в XIX столетии в скрытую критику нынешнего положения дел. Редакция газеты анонсировала серию еженедельных исторических приложений, публикация которых должна была продолжаться целый год до октября 2011 г., когда Синьхайской революции исполняется сто лет. Однако выпуск от 30 октября 2010 г. стал последним. Главный редактор Лю Цзянь и исполнительный редактор Гун Сяююэ были отстранены от работы. Гонконгский политиче-

ский журнал «Чжэнмин» заметил, что критика последней императорской династии плохо укладывается в популярный ныне образ истории, прославляющий процветание Китая при просвещенных императорах Канси и Юнчжэне в XVII — XVIII вв., но умалчивающий о жестокости власти и ее постепенном разложении. Такая трактовка прошлого удовлетворяет потребность людей в развлечениях, но не призывает их к переменам и приучает надеяться на просвещенного правителя⁶⁵.

* * *

Китайские власти по-прежнему задают определяющую трактовку исторических событий после 1840 г. Вместе с тем многообразие мнений и дискуссий, в которых проявляются различные подходы к прошлому, стали реальностью. Критика «исторического нигилизма» и активизация пропаганды официальной истории КПК высветили политические аспекты внутрикитайских споров об изучении истории. Либерально настроенные представители интеллигенции стремятся подвергнуть господствующую трактовку истории критическому переосмыслению, чтобы исключить из нее националистические идеи и сделать сознание китайцев более открытым для влияния извне. Их националистические оппоненты выступают с жесткой критикой Запада и обращаются к истории борьбы с империалистическими державами, чтобы призвать китайцев к сплочению вокруг «великих целей». КПК возвышается над схваткой как носитель центристского дискурса, сочетающего патриотизм и открытость внешнему миру; память о «столетии национального позора» и лозунг о всемирной гармонии; позитивные воспоминания о революции и твердую приверженность реформам.

Еще в первой половине 2000-х китайские интеллектуалы обсуждали тему исторической вины Японии вместе с проблемой компенсации за ущерб, нанесенный Китаю в годы войны. Усиление Китая порождает желание освободить самосознание китайцев от образа жертвы, который сложился в прошлом.

Фильм «Нанкин! Нанкин!» и книга «Китай недоволен» выражают стремление осознать «героическую» сторону китайской нации, заставить китайцев поверить в свои силы и отказаться от «пораженчества». Попытки националистов найти исторические обоснования для ужесточения внешней политики и милитаризации экономики вызывают в обществе большой резонанс, но эти рассуждения лежат за пределами господствующего дискурса. Осознание собственной силы растет одновременно с накоплением материальной мощи Китая, который в 2010 г. смог раньше других выйти из кризиса и стать второй после США экономикой мира, обогнав Японию по размеру ВВП. Ныне Китай стремится более четко сформулировать свои национальные интересы и заявить о них внешнему миру; существенное влияние на ход этих поисков оказывает историческая память.

Примечания

¹ По мнению знатока китайской исторической мысли Б.Г. Дорони-на, в наши дни власти КНР используют традиционную историографию для решения современных общественно-политических проблем: «По давно сложившейся и хорошо апробированной традиции материалы официальных трудов прежде всего используются для консолидации общества, обеспечения его единства и стабильности в рамках проводимых в настоящее время кампаний по воспитанию “национального духа” (*цзин шэнь*), патриотизма, утверждения концепции “большой китайской нации” (*чжунхуа миньцзу*)». См.: *Духовная культура Китая: Энциклопедия*: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. С. 40.

² *Дэн Сяопин*. Избранное. Т. II (1975—1982). 2-е изд. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. С. 432.

³ *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 5. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. С. 425.

⁴ Там же. С. 601.

⁵ Так в Китае именуют членов Политбюро ЦК КПК, игравших активную роль в организации «культурной революции» 1966—1976 гг.: это

заместитель председателя ЦК КПК Ван Хунвэнь, заместитель премьера Госсовета КНР, начальник главного Политуправления НОАК Чжан Чуньяо, жена Мао Цзэдуна Цзян Цин, второй секретарь Шанхайского горкома партии, публицист и литературный критик Яо Вэньюань. Их арестовали в октябре 1976 г. вскоре после смерти Мао Цзэдуна и обвинили на судебном процессе 1980—1981 гг. в попытке «фашистского переворота» и в массовых репрессиях.

⁶ *Дэн Сяопин*. Указ. соч. Т. 2. С. 435.

⁷ Там же. С. 379.

⁸ *Ху Цзиньтао*. Гао цзюй Чжунго тэсэ шэхуйчжуй вэйда цичжи, вэй доцюй цюаньянь цзяньшэ сяокан шэхуй синь шэнли эр фэньдоу. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао (2007 нянь 10 юэ 15 жи) (Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества: Доклад на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 15 октября 2007 г.). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007. С. 7.

⁹ *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 4. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1969. С. 505.

¹⁰ Ху Цзиньтао цзай цзиньянь цюаньго жэньда чэнли 50 чжоуньянь дахуй шан дэ цзянхуа (Речь Ху Цзиньтао на собрании, посвященном 50-летию создания ВСНП). Синьхуа. Пекин. 2004. 15 сент. (<http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1024/2786960.html>).

¹¹ *Цю Ши*. Вэй шэммо бисюй цзяньчи Чжунго гунчаньдан линдао дэ додан хэцзо хэ чжэнчжи сешан чжиду, эр бу нэн гао сифан дэ доданчжи (Почему необходимо придерживаться системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК и нельзя выстраивать западную многопартийную систему) // Цюши. 2009. № 8. С. 4. Имя автора — псевдоним, в конце текста перечислены участники исследовательской группы.

¹² *Цю Ши*. Вэй шэммо бисюй цзяньчи жэньминь дайбяо дахуй чжиду эр бу нэн гао «саньцюань фэньли» (Почему нужно придерживаться системы народных представителей и нельзя вводить «разделение трех властей») // Цюши. 2009. № 7. С. 7. Имя автора — псевдоним, в конце текста перечислены участники исследовательской группы.

¹³ Система взаимоотношений КПК с восемью некоммунистическими партиями (Революционный комитет Гоминьдана Китая, Демократическая лига Китая, Ассоциация демократического национального строительства Китая, Ассоциация содействия развитию демократии, Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая, Партия стремления к справедливости, Общество «3 сентября», Лига демократическо-

го самоуправления Тайваня) сложилась в 1940-е гг., когда китайские коммунисты выдвинули лозунг, призывающий к созданию коалиционного демократического правительства. После образования КНР в 1949 г. эти партии признали руководящую роль КПК и социалистический путь развития.

¹⁴ Это мнение высказал в июле 2010 г. заместитель руководителя кабинета ЦК КПК по изучению истории партии Цюй Циншань. См.: <http://dangshi.people.com.cn/GB/144956/12121190.html>

¹⁵ Чжунгун чжуньян данши яньцзюши фуцзэжэнь цзю «Чжунгун чжуньян гуаньюй цзяцян хэ гайцзинь синь синши ся данши гунцзо ицзянь» да Синьхуа цзичжэ вэнь (Ответственный работник кабинета ЦК КПК по изучению истории партии ответил на вопросы журналиста Синьхуа о «Мнениях ЦК КПК об укреплении и продвижении в новых условиях работы по истории партии»). Синьхуа. 2010. 26 сент. (<http://dangshi.people.com.cn/GB/138900/12814063.html>).

¹⁶ Жэньминьван. 2010. 22 июля (<http://www.people.com.cn/GB/192235/197034/12221965.html>).

¹⁷ *Цзинти* лиши сюйчжуй сычао (Быть бдительными в отношении идейного течения исторического нигилизма) // Гуанмин жибао. 2005. 15 марта. Ша Цзяньсунь (р. 1934) — в прошлом зам. руководителя отдела изучения истории партии Партшколы ЦК КПК, проректор Пекинского университета, кандидат в члены ЦК КПК 13-го и 14-го созывов. Ныне профессор Пекинского университета, член Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), руководитель государственной научной экспертной группы по истории партии и партийному строительству, заместитель председателя комиссии министерства образования по руководству преподаванием марксистских теоретических дисциплин в вузах, заместитель председателя Общества изучения государственной истории КНР. Автор ряда работ по истории КПК и китайской революции. Ли Вэньхай (р. 1932) — в прошлом декан исторического факультета Народного университета Китая, в 1987—1994 гг. — руководитель парткома университета, в 1994—2000 гг. — проректор Народного университета, ныне директор Института истории династии Цин. Специалист по новой истории Китая. Депутат ВСНП, глава группы по историческим наукам при правительственном комитете по присуждению ученых степеней, руководитель Китайского исторического общества и Общества изучения государственной истории КНР. Гун Шудо (р. 1929) — в прошлом декан исторического факультета Пекинского педагогического университета, директор Института историографии, глава группы по историческим наукам при правительственном комитете по присуждению ученых степеней, за-

меститель председателя Китайского исторического общества, председатель Пекинского исторического общества, специалист по проблемам истории общества и культуры нового времени. Лян Чжу (р. 1935) — в прошлом проректор Пекинского университета, ныне профессор, заместитель директора Центра изучения теории Дэн Сяопина при Министерстве образования КНР, заместитель руководителя Общества изучения государственной истории КНР. Автор работ по истории КПК и китайской революции, по идейному наследию Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

¹⁸ *Лян Чжу, Гун Шудо*. Цзинти лишн сйючжуй сычао (Быть бдительными в отношении идейного течения исторического нигилизма). Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2006.

¹⁹ *Лян Чжу*. Лиши сйючжуй сычао пинси (Анализ идейного течения исторического нигилизма) // Хунци вэньгао. 2009. № 9. (<http://www.qsjournal.com.cn/hongqi/200909/hq153-03.htm>).

²⁰ Синьхайская революция началась в год «синьхай» по старому китайскому календарю, привела к свержению маньчжурской династии Цин и провозглашению Китайской Республики.

²¹ *Ли Цзэху, Лю Цзайфу*. Гаобе гэмин (Попрощаться с революцией). Гонконг: Тяньди тушу. 1995.

²² В докладе на съезде генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявил, что КПК «из партии, ведущей народ на завоевание политической власти во всей стране, превратилась в партию, которая руководит народом, держащим в руках политическую власть, и осуществляет правление в течение длительного времени». См.: *Цзян Цзэминь*. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй, кайчуан Чжунго тэсэ шэхуйчжуй шиэ синь цзюймянь. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шилю цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао (2002 нянь 11 юэ 8 жи) (Всесторонне строить общество средней зажиточности, создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой: Доклад на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2002 г.). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 11.

²³ *Чжан Хайтэн*. Синь шици лишн яньцзю чжун дэ цзигэ вэньти (Несколько вопросов по исследованию истории нового периода) // Цюши. 2009. № 7. С. 45.

²⁴ *Kahn J.* Where's Mao? Chinese Revise History Books // New York Times. 2006. Sept. 1.

²⁵ *Лян Чжу*. Указ соч.

²⁶ School teacher Yuan Tengfei brings history vividly to life. 2009. 7 Sept. (<http://www.cctv.com/english/special/excl/20090907/109561.shtml>).

²⁷ Maoists move on bookstore // Global Times. 2010. May 26 (<http://www.globaltimes.cn/www/english/metro-beijing/update/society/2010-05/535510.html>).

²⁸ *Сан Линьфэн*. Лиши цзю ши вомэнь дэ ице (История — это наше все) // Жэньминь жибао. 2011. 19 янв. (<http://theory.people.com.cn/GB/13761579.html>).

²⁹ *Ли Цин*. Дуйдай лишн ин ю яньсу тайду (К истории нужно подходить серьезно) // Бэйцзин жибао. 2010. 7 мая (<http://theory.people.com.cn/GB/11540132.html>).

³⁰ *Мэй Нунхуа*. Дуй Чжунго цзиньсяньдай байнянь лишн цзиньчэн дэ сыкао — цзянь лунь вэйху лишн дэ чжэньшисин хэ яньсусин (Размышления о столетнем пути новой и новейшей истории Китая — а также о сохранении правдивости и строгости истории) // Бэйцзин жибао. 2010. 24 мая (http://www.bjd.com.cn/10llzk/201005/t20100524_615920.html).

³¹ Образ поколения, выращенного на «волчьем молоке», появился и распространился в Китае на рубеже 1970—1980-х гг. Такими словами один китайский кадровый работник охарактеризовал молодежь времен «культурной революции». В ответ на выступление Юань Вэйши идеолог современного китайского национализма Ван Сяодун заметил, что нынешние школьные учебники предлагают не «волчье молоко», а нейтральный «жиденький супчик». По его мнению, эти книги неинтересны молодежи, патриотические взгляды которой формируют Интернет и СМИ. См.: *Е тань* сяньдайхуа юй лишн цзяокэшу (Тоже поговорим о модернизации и учебниках истории). Опубликовано в блоге на сайте: sina.com.cn 9 февраля 2006 г.

³² Серия договоров, подписанных цинскими властями в Тяньцзине в июне 1858 г. с Великобританией, Францией, США и Россией. Англичане добились открытия для торговли новых китайских портов, свободы передвижения по всей территории Китая, снятия ограничений для миссионерской деятельности, а также солидной контрибуции. Франция и США получили те же привилегии, только американцы не стали требовать денег. Тяньцзиньский трактат между Россией и Китаем был нацелен на решение проблемы территориального разграничения между двумя странами, договор защищал российские торговые и дипломатические интересы в Китае.

³³ Beijing Review. 2009. Mar. 5. P. 19.

³⁴ На этот аспект рассуждений китайского автора обратил внимание авторитетный специалист по истории Китая С.Л. Тихвинский: «Юань Вэйши признает правильной только содержащуюся в этом учебнике критику действий русских войск в составе армии интервен-

тов восьми государств, подавивших восстания, и подробно цитирует соответствующие антироссийские места из учебника. Все остальное изложение школьного учебника, по его словам, “полно ошибок”. См.: *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. С. 208—209.

³⁵ *Ма Гочуань*. Чжэнфэн (Спор). Пекин: Чжунго шуйли шуйдянь чубаньшэ, 2008. С. 181.

³⁶ Использованное слово «ханьцзянь» означает «изменник-китаец», относящийся к этносу хань.

³⁷ Цит по: *Ма Гочуань*. Указ. соч. С. 168.

³⁸ Там же. С. 173.

³⁹ Юй Цюаньюй указал, что в Австрии подобные действия караются тюремным заключением от одного года до десяти лет, а в случае особой опасности — до двадцати лет. В тексте обращения приводится пример правового преследования британского автора Дэвида Ирвинга, который публично отрицал массовое истребление евреев нацистами. В 2006 г. в Австрии его приговорили к трем годам тюрьмы. «Этот приговор приветствовали и поддержали народы и правительства стран Европы и Америки, и даже британское правительство не высказало другого мнения». Там же. С. 173.

⁴⁰ В этот день японские войска обстреляли Шэньян и начали наступление в провинциях Цзилинь и Хэйлуцзян, к концу года они оккупировали Северо-Восточный Китай. Полномасштабная агрессия Японии, нацеленная на захват всего Китая, началась в июле 1937 г.

⁴¹ Цит по: *Ма Гочуань*. Указ. соч. С. 174.

⁴² Чжунго цинняньбао. 2007. 6 марта.

⁴³ Цит по: *Ма Гочуань*. Указ. соч. С. 184. Упомянутый ученым «мир великого единения» (*датун шицзе*) — это отсылка к древнекитайской утопии равенства и благополучия всех людей. На рубеже XIX—XX вв. она обрела новую жизнь как идеальный путь преодоления противоречий между Китаем и Западом, интеграции человечества с помощью социалистических принципов и мировой революции.

⁴⁴ *Ма Личэн*. Дуй Жи гуаньси дэ синь сывэй — Чжун Жи миныйцзянь чжи ю (Новое мышление в отношениях с Японией: Беспокойство среди народов Китая и Японии) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2002. № 6. С. 41—47.

⁴⁵ *Линь Чжибо*. Дандай Чжунго сюйяо миныйцзучжуи — Цзянь лунь Чжун Жи гуаньси (Современному Китаю нужен национализм. Поговорим также о китайско-японских отношениях) // Чжунго юй шицзе гуаньча. 2005. № 1. С. 10—17.

⁴⁶ Синьхуаван. 2007. 4 апр. Цит. по www.news.xinhuanet.com

⁴⁷ Japan's nationalism leads Asia astray // *Global Times*. 2010. Nov. 2 (<http://opinion.globaltimes.cn/editorial/2010-11/588555.html>).

⁴⁸ *Чжан Цзяньцзин*. Чжунго цзюэци. Тунсян да го чжи лу дэ Чжунго цэ (Подъем Китая. Политика Китая на пути к великой державе). Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 2005. С. 261—268.

⁴⁹ *Wong E.* Showing the Glimmer of Humanity Amid the Atrocities of War // *New York Times*. 2009. May 23.

⁵⁰ Почти одновременно с «Нанкин! Нанкин!» весной 2009 г. в Китае вышел в прокат фильм немецкого режиссера Флориана Галленберга «Йон Рабе». Он рассказывает о немецком предпринимателе и члене нацистской партии, который вместе с несколькими другими иностранцами устроил в Нанкине «зону безопасности», где смогли укрыться от японцев десятки тысяч мирных жителей. Рабе присутствует и в фильме Лу Чуаня, но не как главный персонаж.

⁵¹ *Лю Вэй, Ван Наньнань, Ван Сюйгуан*. «Наньцзин! Наньцзин!» — синь шэндай дэ да чжицзо («Нанкин! Нанкин!» — большое творение нового поколения) // *Ляован*. 2009. 20 апр. № 16. С. 57—59.

⁵² *Ян Юй*. «Наньцзин! Наньцзин!»; Ишугуань и лю, лишигуань — сань лю («Нанкин! Нанкин!»: с точки зрения искусства — первый сорт, с точки зрения истории — третий) // Чжунго цинняньбао. 2009. 28 апр. (<http://culture.people.com.cn/GB/27296/9205676.html>).

⁵³ *Ван Цзиньсы*. «Наньцзин! Наньцзин!» бу ши дуй жибэнь пинминь дэ шэнтао («Нанкин! Нанкин!» — это не осуждение простого японского народа) // Чжунго цинняньбао. 2009. 24 апр. (<http://world.people.com.cn/GB/9186562.html>).

⁵⁴ «Наньцзин! Наньцзин!» чуаншэн цзи. Ваньцзюй вайго цзюйбэнь (Как создавался «Нанкин! Нанкин!»). Вежливый отказ от иностранного сценария // Синь цзин бао. 2009. 17 апр. (<http://ent.people.com.cn/GB/86644/9151992.html>).

⁵⁵ *Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзису, Сун Цян, Лю Ян*. Чжунго бу гаосин. Да шидай, да мубяо цзи вомэнь нэйю вайхуань (Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели, наши внутренние тревоги и внешние беды). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009. Книга поступила в продажу в марте 2009 г., за два месяца было продано около 600 тыс. экземпляров, китайские эксперты оценивают этот результат как несомненный коммерческий успех (см.: <http://culture.people.com.cn/GB/22219/9326091.html>). Помимо этого, сокращенный вариант текста был размещен в открытом доступе в Интернете.

⁵⁶ Там же. С. 144.

⁵⁷ Там же. С. 225.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 93.

⁶⁰ См.: *О. Борох, А. Ломанов. Скрамное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. №6. С. 41—60.*

⁶¹ *Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзису, Сун Цян, Лю Ян. Указ. соч. С. 58.*

⁶² *Ху Цзиньтао. Цзай цзинянь дан дэ ши и цзе сань чжун цюаньхуй чжаокай 30 чжоунянь дахуй шан дэ цзянхуа (Речь на собрании, посвященном празднованию 30-летней годовщины открытия 3-го пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва) (18 декабря 2008 г.). Синьхуа. Пекин, 2008. 18 дек.*

⁶³ *Ли Чанцзю. Гоци гэцзюй дуаньци нэй бу хуй фацэн гэнбэньсин бяньхуа (Международная структура не претерпит коренных изменений за короткий период) // Сяньдай гоци гуаньси. 2009. № 4. С. 12.*

⁶⁴ На веб-сайте газеты текст приложения отсутствует. Цит. по: <http://www.chinaelections.org/newsinfo.asp?newsid=190433>

⁶⁵ *Мо Ли. «Сяосянь чэньбао» шицзянь бэйхоу дэ лишигуань (Взгляд на историю за инцидентом с «Сяосянь чэньбао») // Чжэнмин. 2011. № 1 (399) (<http://www.chengmingmag.com/cm399/399spfeature/spfeature08.html>).*

Содержание

СМЫСЛ И ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

<i>Алексей Миллер (ИНИОН РАН, профессор ЦЕУ)</i> Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в.	7
<i>Штефан Бергер (профессор, Манчестерский Университет)</i> Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949—1982 гг.	33

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Посткоммунистические страны— члены ЕС

<i>Роберт Траба (профессор, Варшава/Потсдам)</i> Польские споры об истории в XXI в.	65
<i>Дариуш Столя (профессор, Варшавский университет)</i> Польский ИНП становится «Министерством памяти»?	103
<i>Мачей Яновский (профессор, Варшавский университет / ЦЕУ, Будапешт)</i> Едвабне, 10 июля 1941 г.: дискуссия о событиях одного дня	124
<i>Габор Дьяни (профессор, ЦЕУ)</i> Образ Трианона как политический инструмент в со вре- менной Венгрии	160
<i>Александр Астров (доцент, ЦЕУ)</i> Историческая политика и «онтологическая озабочен- ность» малых центрально-европейских государств (на при- мере Эстонии)	184

Посткоммунистические страны вне ЕС

<i>Георгий Касьянов (профессор, Киево-Могилянская Академия)</i> «Национализация» истории в Украине	217
<i>Андрей Кушко (доцент, Кишиневский университет)</i> «Политика памяти» и «историческая политика» в постсоветской Молдавии	256
<i>Евгений Финкель (Университета Висконсина — Мэдисона)</i> В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г.	292
<i>Алексей Миллер (ИНИОН РАН, ЦЕУ)</i> Историческая политика в России: новый поворот?	328
<i>Ольга Малинова (ИНИОН РАН, профессор МГИМО)</i> Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий)	368
<i>Никита Петров (зам. пред. Мемориала)</i> Был ли Сталин преступником?	396

Историк в контексте исторической политики

<i>Джон-Пол Химка (профессор, Университет Альберта, Эдмонтон)</i> Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в.	421
<i>Диана Думитру (доцент, Кишиневский университет)</i> Между историей и политикой: опыт молдавского историка, изучающего Холокост	455

МИРОВОЙ КОНТЕКСТ

<i>Ютта Шеррер (профессор, Дом Наук о человеке, Париж)</i> Германия и Франция: проработка прошлого	473
<i>Шенер Актюрк (доцент, университет Коч, Стамбул)</i> Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость	506

<i>Джефф Кингстон (директор программы исследований Азии, Университет Темпл, Япония)</i> Политические оценки прошлого в современной Японии .	543
<i>Ольга Борох, Александр Ломанов (Институт Дальнего Востока РАН)</i> Возвращение Небесного повеления	594

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В 21 ВЕКЕ

Научные редакторы

А. Миллер, М. Литман

Дизайнер

Д. Черногаев

Редактор

Е. Шкловский

Корректор

Э. Корчагина

Компьютерная верстка

С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:

129626, Москва,

абонентский ящик 55

тел./факс: (495) 229-91-03

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 40,5. Тираж 1000. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс

“Ульяновский Дом печати”»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14